ИСТОРІЯ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

Ѳ. И. УСПЕНСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Часть II

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕРІОДЪ II.

ОТЪ ЮСТИНІАНА I ДО ИРАКЛІЯ (518–610).



ГЛАВА I.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРІОДА. ЮСТИНІАНЪ И ѲЕОДОРА. ИСТОРИКЪ ПРОКОПІЙ.

Со смертью Анастасія въ 518 г. начинаетъ подготовляться радикальная перемѣна во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ имперіи. Появляются новые люди на исторической сценѣ, выдвигаются новыя задачи, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ выводъ изъ предыдущаго періода. Потребовались обширныя матеріальныя средства и талантливые люди для осуществленія вновь выдвинутыхъ событіями задачъ—и имперія доставила средства и людей, способныхъ привести въ исполненіе такія сложныя и трудныя предпріятія, которыя напоминали лучшія эпохи угасшей Римской имперіи. Въ смыслѣ политической и этнографической обстановки на границахъ въ VI вѣкѣ все остается по-старому, но взаимныя отношенія находившихся въ борьбѣ силъ значительно измѣнились. Ранѣе имперія принуждена была мириться съ отторженіемъ ея областей и съ появленіемъ германскихъ племенъ на ея земляхъ; въ VI в. процессъ расчлененія имперіи закончился, и имперія начинаетъ наступательное движеніе на германцевъ съ цѣлью возвращенія завоеванныхъ ими областей. Продолжительный періодъ горькаго опыта, вынесеннаго изъ борьбы съ новыми народами, былъ полезенъ для византійскихъ государственныхъ людей въ томъ отношеніи, что пріучилъ ихъ къ искусству пользоваться силами варваровъ для защиты границъ противъ набѣговъ новыхъ враговъ. Такъ, переселившіеся въ провинціи имперіи славяне были постепенно или подчинены, или даже поглощены въ особенности въ тѣхъ областяхъ, гдѣ оказались въ меньшинствѣ. Характернымъ выразителемъ эпохи, часто обозначаемой его именемъ, служитъ императоръ Юстиніанъ Великій.

Преемникъ Анастасія, Юстинъ I (518—527), ни по своему происхожденію, ни по служебному положенію не могъ имѣть правъ на престолъ; своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ случаю и неопредѣленности престолонаслѣдія, всегда при вакантности престола открывавшей путь для интригъ и насильственныхъ дѣйствій съ помощью войска.

Происхожденіе новой династіи служило предметомъ многихъ разысканій, особенно со стороны изслѣдователей славянской древности. Вмѣстѣ съ двумя товарищами Юстинъ явился въ столицу попытать счастья на военной службѣ во время Льва I. Отечественный городъ Юстина и Юстиніана до сихъ поръ составляетъ предметъ спора между изслѣдователями, полагаютъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ родиною ихъ или сѣверную Македонію близь теперешняго Битоли, или окрестности Ускюба. Славянское происхожденіе ихъ утверждать или отрицать нѣтъ достаточныхъ основаній, — такъ какъ страна эта въ V—VI вв. была уже занята славянскимъ элементомъ, и славянское происхожденіе выходцевъ изъ сѣверной Македоніи вполнѣ возможно; но, съ другой стороны, въ дѣятельности Юстина и Юстиніана не замѣтно ничего, что обличало бы ихъ славянское происхожденіе, и не проглядываетъ никакихъ славянскихъ тенденцій. Нужно, однако, помнить, что тогдашнее славянство представляло одинъ этнографическій матеріалъ, не развившій еще никакихъ особенныхъ національныхъ чертъ, кромѣ языка. Въ ту эпоху у славянъ не замѣтно ни государственной, ни племенной идеи, которая начинаетъ обнаруживаться гораздо позже. Такъ какъ Юстиніанъ всецѣло принадлежитъ по культурѣ и по идеаламъ проводимымъ въ государственной дѣятельности къ римскому міру, то находимъ во всѣхъ отношеніяхъ празднымъ вопросъ о томъ, текла ли въ его жилахъ славянская кровь.

Хотя Юстинъ рисуется современнымъ ему историкомъ какъ человѣкъ, совершенно чуждый греческой образованности и даже безграмотный, но эти слова нужно принимать съ ограниченіями. Въ царствованіе Анастасія встрѣчаются указанія на политическую роль и на отвѣтственныя порученія, возлагаемыя на Юстина; такъ, онъ принималъ участіе въ усмиреніи исаврскаго движенія; въ персидской же войнѣ онъ вмѣстѣ со своимъ племянникомъ командовалъ отдѣльной частью. Эти данныя вполнѣ отвѣчаютъ занимаемому имъ въ придворной службѣ положенію въ послѣдніе годы Анастасія, именно

онъ служилъ въ гвардейскомъ полку экскувиторовъ и занималъ въ немъ офицерскую должность. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что въ 518 г. Юстинъ достигаетъ императорской власти не безъ борьбы, онъ имѣлъ могущественнаго соперника въ лицѣ евнуха Аманція, опиравшагося на преданную ему партію, и могъ одержать надъ нимъ верхъ благодаря своему вліянію въ гвардейскихъ полкахъ и своей извѣстности.

Такимъ образомъ, въ Юстинѣ слѣдуетъ видѣть человѣка вполнѣ подготовленнаго для политической дѣятельности, который вносилъ въ управленіе опредѣленный опытъ и хорошо обдуманный планъ. Трудно, конечно, выдѣлить здѣсь то, что принадлежало непосредственно Юстину и то другое, въ чемъ можно было бы усматривать вліяніе племянника его, который былъ его дѣятельнымъ помощникомъ въ управленіи, но слѣдуетъ отмѣтить, что съ началомъ времени Юстина открывается совершенно новое направленіе, имѣвшее цѣлью осуществить глубоко обдуманныя и широкія задачи. Предыдущее царствованіе возбуждало много недовольства со стороны церковной политики, которая держала въ постоянномъ напряженіи имперію и вызвала оппозиціонное движеніе и на Балканскомъ полуостровѣ, и на Востокѣ. Виталіанъ находилъ себѣ сильную опору въ церковныхъ партіяхъ и явно выдавалъ себя защитникомъ православія противъ монофизитствовавшаго Анастасія. Нельзя не видѣть, что Юстинъ также принялъ на себя роль представителя православной партіи; лучшимъ доказательствомъ того было назначеніе Виталіана консуломъ и начальникомъ имперскихъ войскъ. Этимъ достигалось успокоеніе Балканскаго полуострова.

Главный фактъ дѣятельности Юстина — это окончаніе продолжительнаго церковнаго спора съ Западомъ, длившагося около 35 лѣтъ со времени Энотика (*Ἑνωτικόν*) и являющагося однимъ изъ первыхъ моментовъ въ раздѣленіи церквей восточной и западной, когда Римъ и Константинополь находились въ открытой церковной ссорѣ, и римскіе папы были „изъяты изъ диптиховъ". Юстинъ уладилъ этотъ долгій споръ, но цѣною его соглашенія съ папой оказались ужасныя жертвы на алтарь церковнаго единства: до пятидесяти сирійскихъ епископовъ-монофизитовъ было свергнуто и отправлено въ заточеніе, и церкви Сиріи понесли ужасныя потери.

Для Юстиніана, уже тогда управлявшаго фактически, было важно

прекратить церковную распрю, потому что уже тогда его уму представлялось универсальное единство, идея возстановленія Римской имперіи въ ея прежней полнотѣ, возсоединеніе отторгнутыхъ варварами западныхъ провинцій. Юстиніанъ имѣлъ въ виду объединеніе всего міра, и въ своихъ политическихъ тенденціяхъ разсчитывалъ на содѣйствіе со стороны римскаго папы.

Съ 527 года Юстиніанъ (рис. 51) стоитъ во главѣ Византійской Имперіи до 565 года: почти 40 лѣтъ единоличнаго правленія, къ которымъ нужно еще прибавить нѣсколько лѣтъ фактическаго правленія при жизни Юстина. Получается около полустолѣтія, а если считать непосредственныя послѣдствія его политики, то онъ наложилъ свою печать на цѣлое столѣтіе Византійской исторіи.

Его главной цѣлью было возстановленіе Римской имперіи. Это слишкомъ фиктивная задача, запоздалая и не увѣнчавшаяся прочнымъ успѣхомъ. Постараемся свести ее къ основнымъ элементамъ и выяснить ея значеніе. Идея возстановленной имперіи не есть одно слово, но цѣлая система, политическая и научная. Идея Римской имперіи есть наслѣдство, доставшееся отъ древности. Трудно теперь понять, только по нѣкоторымъ частнымъ признакамъ возможно догадываться, какъ вліяла на умы эта идея. Хотя Римъ палъ послѣ нѣсколькихъ тяжкихъ ударовъ со стороны варваровъ, хотя и Византія временами стояла на краю погибели, тѣмъ не менѣе, для всѣхъ мыслящихъ современниковъ трудно было себѣ представить, какъ могъ міръ обойтись безъ Римской имперіи. Самъ блаженный Августинъ опирался на идею Римскаго государства и высказывалъ, что имперія осуществляетъ собою идею порядка и культуры; за предѣлами ея нѣтъ ничего, на чемъ можно было бы остановиться.

Сверженіе послѣдняго римскаго императора въ 476 г. не оставило глубокаго впечатлѣнія, имперію и послѣ этого событія не разсматривали какъ павшую. Идея имперіи не умирала и на Западѣ, продолжая находить свое осуществленіе на Востокѣ, и восточный императоръ Зинонъ послѣ 476 г. явился выразителемъ единства имперіи,—ему были отосланы изъ Рима знаки императорскаго достоинства, отъ которыхъ воздержался Одоакръ. Идея перенесенія власти въ Константинополь слишкомъ глубоко укоренилась въ сознаніи людей, и варварскій вождь не осмѣлился посягнуть на эту идею.

Ни для кого не странно, что хотя въ Италіи нѣтъ императора,



Рис. 51. Портретъ Юстиніана I. Равенна, церковь св. Аполлинарія Новаго.

хотя часть имперіи находится подъ рукою варварскихъ вождей, идея естественнаго и необходимаго порядка вещей все-таки связывается съ имперіей. Насколько это отожествленіе законнаго порядка вещей съ имперіей укоренилось въ умахъ политически мыслящихъ людей на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ, указываютъ крупнѣйшіе факты средневѣковой западной исторіи,—усиленіе франкскаго государства при Пипинѣ и Карлѣ Мартеллѣ сопровождается постоянной, неуклонной тенденціей пріобрѣсти титулъ римскаго императора, и эта великая и глубокая идея франкскихъ королей нашла себѣ осуществленіе при Карлѣ Великомъ въ 800 г. Политическое устройство средней Европы было основано на идеѣ Священной римской имперіи германской націи. Въ московскомъ государствѣ та же идея получила признаніе и литературное выраженіе въ теоріи о Москвѣ—третьемъ Римѣ. Эта отвлеченная идея объ императорской державѣ доходитъ до новаго времени. Такимъ образомъ, воспринятая Юстиніаномъ теорія возстановленія Римской имперіи соотвѣтствовала настроеніямъ эпохи и была поддержана всѣми средствами византійскаго государства. Для выполненія этой идеи онъ велъ продолжительныя войны, преслѣдовалъ исключительную церковную политику и издавалъ свои законы. Эти три существенныя задачи его исторической дѣятельности: войны, церковная политика и законодательство, исходили и направлялись къ достиженію одной главной мысли—возстановленію Римской имперіи въ ея прежнемъ единствѣ и величіи. Осуществленіе его внѣшней политики поставило Юстиніана въ конфликтъ съ германскими народностями, которыя къ тому времени основались въ древнихъ римскихъ областяхъ. Для достиженія своихъ цѣлей Юстиніанъ проявилъ удивительную страшную настойчивость и энергію и, дѣйствительно, смелъ съ лица земли два наиболѣе даровитыхъ и передовыхъ германскихъ народа—остготовъ въ Италіи и вандаловъ въ Африкѣ. Почти беспримѣрный случай въ исторіи, когда отъ истребленныхъ народовъ не сохранилось на ихъ земляхъ даже ихъ именъ! — съ такою безпощадностью велись эти кровавыя войны (рис. 52).

По широтѣ своихъ политическихъ замысловъ, ясно сознанныхъ и строго приведенныхъ въ исполненіе, по умѣнью пользоваться обстоятельствами, а главное по искусству опредѣлять дарованія окружающихъ и каждому давать соотвѣтствующее его способностямъ

дѣло, Юстиніанъ былъ рѣдкимъ и замѣчательнымъ государемъ. Съ нимъ можно сопоставить развѣ Людовика XIV, съ которымъ онъ дѣй-



Рис. 52. Юстиніанъ съ приношеніемъ для церкви. Равенна. Церковь св. Виталія.

ствительно не разъ былъ сравниваемъ. Окружающіе и близкіе видѣли въ Юстиніанѣ сверхъестественное существо, какого-то демона во плоти,

по словамъ его историка. Въ своихъ привычкахъ онъ былъ простъ, воздерженъ и умѣренъ, мало спалъ и много думалъ надъ своими предпріятіями, самъ входилъ во всѣ дѣла, прочитывалъ всѣ бумаги и давалъ имъ направленіе. Въ высшей степени энергичный и честолюбивый, Юстиніанъ не зналъ преградъ при достиженіи своихъ цѣлей, съ рѣдкой настойчивостью издавалъ указы за указами, не взирая ни на какія представленія своихъ министровъ, объявлялъ войны безъ всякихъ средствъ на ихъ веденіе и подыскивалъ ихъ по пути. Много изъ его начинаній не было доведено имъ до конца, много послужило на вредъ государству,—но самъ Юстиніанъ никогда не сомнѣвался въ ихъ успѣшности.

Въ оцѣнкѣ его политической и административно-законодательной дѣятельности нужно опираться и на тотъ фактъ, что Юстиніанъ вступилъ на престолъ уже пожилымъ человѣкомъ, около 45 лѣтъ, и окончилъ свое царствованіе болѣе чѣмъ 80-лѣтнимъ дряхлымъ старикомъ, а при оцѣнкѣ противорѣчивыхъ воззрѣній относительно личности и дѣятельности Юстиніана нужно разбирать, имѣемъ ли мы дѣло съ началомъ, или съ концомъ его правленія, когда рядомъ съ нимъ уже не стояла его совѣтница и помощница, императрица Ѳеодора.

Императрица Ѳеодора, независимо отъ своей обстановки и исторической роли, приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе какъ характеръ и еще болѣе—какъ литературный типъ. Свѣдѣнія о ея личности, въ настоящее время наиболѣе распространенныя и пропитанныя пристрастіемъ, почерпаются, главнымъ образомъ, изъ обнародованнаго около 200 лѣтъ тому назадъ сочиненія Прокопія, извѣстнаго подъ именемъ *Ἀνέκδοτα* или „Тайной Исторіи“. Между тѣмъ по другимъ источникамъ Ѳеодора рисуется личностью выдающейся, гордой, честолюбивой и властной, требовавшей, чтобы чужестранные послы являлись къ ней первой на аудіенцію, игравшей въ государствѣ весьма самостоятельную роль и издававшей даже указы отъ своего имени. Въ современной литературѣ житій святыхъ „боголюбезнѣйшая“ царица Ѳеодора выставляется образцомъ благочестія и приверженности къ церковнымъ людямъ (рис. 53). О ея прошломъ узнаемъ изъ „Тайной Исторіи“, что она была низкаго происхожденія, чуть-ли не родилась въ циркѣ, гдѣ ея отецъ былъ служителемъ, что ея дѣтство и юность были проведены среди развращающей закулисной обстановки, что она

рано сдѣлалась извѣстной своими излишествами. Когда она уже достаточно пожила и достигла 25 лѣтъ, она попалась на глаза Юстиніану,



Рис. 53. Царица Ѳеодора съ приношеніемъ для церкви. Равенна. Церковь св. Виталія.

который такъ привязался къ ней, что, не смотря на всѣ препятствія, добился разрѣшенія на бракъ съ нею. По этому поводу даже былъ изданъ

законъ, разрѣшавшій лицамъ сенаторскаго сословія вступать въ бракъ съ актрисами. Вотъ какія свѣдѣнія сообщаются о Ѳеодорѣ въ „Тайной Исторіи"! Объ обоихъ супругахъ собраны въ этомъ источникѣ извѣстія, изумляющія своею злостной, безпощадной окраской почти всѣхъ сторонъ ихъ домашней жизни, характера и внѣшней дѣятельности. Юстиніанъ представляется въ конечномъ выводѣ демономъ, посланнымъ для погибели рода человѣческаго.

Страстная раздражительность, съ которой въ этомъ сочиненіи подвергаются осмѣянію слабыя стороны историческихъ лицъ, безпощадное обнаженіе безчестныхъ мотивовъ, обыкновенно прикрываемыхъ въ жизни, безнадежный пессимизмъ, старающійся подглядѣть во всемъ дурную сторону, злая критика политики Юстиніана, выбирающая съ холоднымъ ригоризмомъ всѣ дурныя стороны его политической системы,—все это заставляло сомнѣваться, дѣйствительно ли принадлежитъ „Тайная Исторія" тому же писателю, который сохранилъ намъ объ Юстиніанѣ почти все, что о немъ извѣстно, былъ историкомъ его времени и его славныхъ дѣлъ. Въ настоящее время, послѣ продолжительныхъ колебаній и обстоятельнаго изученія вопроса, ученые пришли къ убѣжденію, что принадлежность „Тайной Исторіи" Прокопію долѣе оспариваема быть не можетъ. Но хотя двухсотлѣтній споръ, тяготѣвшій надъ всей исторіей Юстиніана, получилъ разрѣшеніе, теперь возникъ дальнѣйшій вопросъ: какъ примирить „Тайную Исторію" съ другими сочиненіями Прокопія? Какъ согласовать противоположныя точки зрѣнія на одни и тѣ же факты? Что можно, наконецъ, думать объ ихъ авторѣ, о его достовѣрности, какъ психологически разъяснить его двойственное отношеніе къ своему предмету, его самопротиворѣчіе? Критика достовѣрности показаній „Тайной Исторіи" [1]) установила, что во многомъ Юстиніанъ и Ѳеодора оклеветаны жестоко и несправедливо.

Относительно Ѳеодоры указываютъ, что врядъ ли представитель новой, еще не укоренившейся династіи, притомъ человѣкъ уже не молодой, рѣшился бы наперекоръ общественному мнѣнію возвести на престолъ порочную женщину съ театральныхъ подмостокъ; едва ли Юстиніанъ рискнулъ бы своею популярностью ради нея. Конечно, возвышеніе незнатной Ѳеодоры способствовало

[1]) Dahn, „Procopius v. Caesarea", Berlin, 1865; Diehl, „Justinien et la civilisation Byzantine au VI siècle". Paris, 1901; Б. А. Панченко, „О Тайной исторіи Прокопія", СПБ., 1897; Holmes, „The age of Justinian and Theodora", II, p. 605.

зарожденію легендъ, къ которымъ слѣдуетъ, однако, относиться скептически. Царица Ѳеодора представляется намъ личностью вполнѣ подготовленною къ высокой роли, которая ей досталась, характеризуется какъ умная женщина съ большимъ тактомъ и самостоятельными взглядами въ государственныхъ дѣлахъ. Она вела, между прочимъ, свою церковную политику, независимо отъ Юстиніана: когда въ Сиріи начались ужасающія преслѣдованія монофизитовъ, Ѳеодора въ столицѣ открываетъ для нихъ страннопріимницу и приглашаетъ Юстиніана посѣщать ее; въ „Житіяхъ святыхъ“ монофизитской церкви не разъ упоминается, что гонимые монахи находили въ Ѳеодорѣ свою заступницу противъ немилости царя. Если бы Ѳеодора не скончалась такъ рано (за 17 лѣтъ до смерти Юстиніана), то имперія не испытала бы многихъ несчастій, и, можетъ-быть, было бы менѣе поводовъ чернить Юстиніана. Когда въ 532 г. разразился бунтъ „Ника“, направленный противъ правительства Юстиніана, императоръ былъ спасенъ, по свидѣтельству источниковъ, присутствіемъ духа Ѳеодоры, возбудившей Юстиніана къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. „Если вы желаете спасти свою жизнь, бѣгите,—говорила она;—но помоему царскія одежды хорошій покровъ для гроба“. И нужно замѣтить, что та самая толпа, которая осыпала Юстиніана и его приближенныхъ всевозможными оскорбленіями, не рѣшалась оскорбить, или не нашла ни одного дурного слова противъ Ѳеодоры. Между тѣмъ, какой богатый матеріалъ представляло бы для возмущенной черни прошлое Ѳеодоры, будь извѣстія „Тайной Исторіи“ согласны съ дѣйствительностью. Слѣдуетъ также взвѣсить слѣдующее обстоятельство: въ законодательствѣ Юстиніана есть много новаго, необъяснимаго съ точки зрѣнія римскаго права. Новыя идеи относятся преимущественно къ области семейныхъ отношеній и правъ женщины въ семьѣ и внѣ ея. Покровительство павшимъ женщинамъ, заботы объ имущественныхъ и личныхъ правахъ замужней женщины съ большою вѣроятностью объясняются личнымъ вліяніемъ императрицы Ѳеодоры на законодательство. Властная личность Ѳеодоры имѣла часто высокое значеніе въ государственныхъ дѣлахъ, которое не должны поколебать свѣдѣнія, даваемыя „Тайной Исторіей.“

Приступая къ характеристикѣ историка той эпохи Прокопія кесарійскаго, находимъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Часто высказываемая мысль, что личность есть результатъ совокупныхъ

теченій своего времени, и что поэтому путемъ анализа отдѣльныхъ характеровъ можно приходить къ пониманію общества, имѣетъ въ себѣ много справедливаго и доказательнаго, и едва ли въ такой же степени слѣдуетъ придавать значеніе противоположному взгляду, выдвигающему общіе законы исторической эволюціи въ ущербъ отдѣльныхъ личностей въ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, трудно помириться съ мнѣніемъ, что отдѣльная личность есть не болѣе какъ равнодѣйствующая изъ сложнаго комплекса общественныхъ теченій, которыя неизбѣжно и всецѣло подчиняютъ себѣ отдѣльнаго человѣка. На самомъ дѣлѣ исторія не имѣетъ прямолинейности въ своемъ движеніи, не представляетъ закономѣрнаго теченія впередъ, а напротивъ, часто дѣлаетъ скачки и останавливается въ своемъ движеніи. Нѣтъ личности, которая была бы вполнѣ равна другой; есть личности, трудно объяснимыя изъ окружающей ихъ обстановки. Если устранить изъ исторіи вліяніе личности, то останутся неразгаданными самыя крупныя въ ней событія.

Прокопій почти единственный свидѣтель, описавшій эпоху Юстиніана и веденныя имъ войны. Но его извѣстія сдѣлались предметомъ большихъ недоразумѣній въ наукѣ. Возникла цѣлая литература изъ разнообразныхъ сочиненій, пытавшихся объяснить двойственный характеръ извѣстій Прокопія и примирить его совершенно противорѣчивыя сужденія объ одномъ и томъ же предметѣ. Онъ родился въ Кесаріи Палестинской въ самомъ концѣ V или началѣ VI в. Въ послѣдніе годы царя Юстина Прокопій назначенъ былъ секретаремъ къ Велисарію, отправлявшемуся въ персидскій походъ. Съ тѣхъ поръ тѣсная дружба соединяла его съ великимъ полководцемъ, который давалъ ему разнообразныя важныя и отвѣтственныя порученія и оказывалъ ему большое довѣріе. Во время войны съ остготами въ Италіи Прокопій поддерживалъ сношенія Рима съ южной Италіей, посылалъ Велисарію съ юга подкрѣпленія и запасы и давалъ иногда ему полезные совѣты въ теченіе этой войны. Послѣднее извѣстіе о Прокопіи относится къ 562 г. Литературныя произведенія Прокопія представляютъ громадную важность для исторіи VI вѣка. Ему принадлежитъ, во-первыхъ, „Исторія войнъ“ въ 8 книгахъ: двѣ о персидской войнѣ, двѣ о войнѣ съ вандалами и три о готской войнѣ. Восьмая книга „Исторіи войнъ“ обнимаетъ общія событія и доведена до 554 г. Исторія о войнахъ обнародована еще

при жизни писателя и скоро сдѣлалась извѣстной по всей имперіи, она пользовалась во всѣ времена вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ. Въ предисловіи къ персидской войнѣ писатель смѣло заявляетъ, что онъ болѣе всѣхъ въ состояніи исполнить это предпріятіе и единственно потому, что, бывъ избранъ въ совѣтники полководца Велисарія, находился при всѣхъ тогдашнихъ предпріятіяхъ. Кромѣ упомянутаго сочиненія, Прокопію принадлежитъ неоконченная „Тайная исторія“ (Ἀνέκδοτα или Historia arcana). Цѣль этого сочиненія указана въ предисловіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я разсказалъ, гдѣ, когда и какія войны вели ромэи; въ предлагаемомъ же теперь сочиненіи руковожусь другимъ планомъ, именно думаю (снова) коснуться всего, что происходило въ разныхъ областяхъ ромэйской имперіи. Мнѣ нельзя было писать правдивую исторію, пока живы были тѣ, дѣла которыхъ я описывалъ. Тогда невозможно было укрыться отъ множества доносчиковъ, а если бы они накрыли, не избѣжать бы самой мучительной смерти; нельзя было полагаться даже на самыхъ близкихъ родственниковъ. Вслѣдствіе этого я былъ принужденъ скрыть дѣйствительныя причины многихъ описанныхъ въ предыдущихъ книгахъ событій. Приступая къ выполненію этой задачи, я сознаю, что описать жизнь Юстиніана и Ѳеодоры есть дѣло въ высшей степени трудное. Потомкамъ, пожалуй, покажется эта исторія невѣрной и несправедливой, и боюсь, чтобы съ теченіемъ времени не сочли меня сказочникомъ. Поддерживаетъ же меня мысль, что настоящее повѣствованіе могутъ завѣрить еще живые очевидцы событій, которые своимъ свидѣтельствомъ придадутъ ему авторитетъ правдивости“. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, этотъ трудъ написанъ послѣ другихъ и относится къ послѣднимъ годамъ жизни писателя.

Середину между названными сочиненіями составляетъ произведеніе о „постройкахъ“. Есть мнѣніе, будто бы Юстиніанъ остался недоволенъ исторіей о войнахъ, въ которой Прокопій восхваляетъ подвиги полководцевъ и ничего не говоритъ для возвеличенія самого царя, и будто бы сочиненіемъ о постройкахъ Прокопій спѣшилъ засвидѣтельствовать свои вѣрноподданническія чувства и благонадежность. Поэтому нерѣдко этому сочиненію усвояютъ имя панигирика, какъ „Тайной исторіи“—имя памфлета. Для характеристики содержанія и направленія этого сочиненія приводимъ слѣдующее мѣсто. „Какъ я разсказалъ въ сочиненіи о войнахъ, Юстиніанъ возвеличилъ и

прославилъ колебавшуюся имперію; онъ отовсюду прогналъ варваровъ, которые издавна творили насилія въ ромэйскихъ областяхъ. Нѣкогда обожали Ѳемистокла за то, что онъ расширилъ городъ, а Юстиніанъ пріобрѣталъ цѣлыя государства. Расширивъ имперію новыми владѣніями, онъ построилъ безчисленное множество новыхъ городовъ. Нашедши въ имперіи разныя вѣроученія и мнѣнія, онъ уничтожилъ всѣ пути, ведущіе къ блужданію, и утвердилъ вѣру на твердомъ основаніи. Давъ новые законы, онъ былъ снисходителенъ къ преступникамъ, благотворилъ бѣднымъ, благодѣтельствовалъ несчастнымъ и всѣмъ этимъ создалъ въ государствѣ счастіе и блаженство. Имперію, открытую со всѣхъ сторонъ набѣгамъ варваровъ, обезопасилъ постройкой крѣпостей и сильными гарнизонами на окраинахъ. Мы слышали, будто Киръ обладалъ высокими преимуществами и былъ основателемъ царства: если бы кто тщательно изучилъ царствованіе Юстиніана, исторія Кира показалась бы игрушкой". Сочиненіе о постройкахъ, въ которомъ, между прочимъ, упоминается о возстановленіи „Длинной стѣны" Анастасія, послѣдовавшемъ въ 558 г., должно относиться ко времени послѣ упомянутаго срока.

Значеніе Прокопія въ исторіографіи VI в. обусловливается, съ одной стороны, шириной захватываемой его трудомъ области, съ другой—въ высокой степени умными, подробными и основательными его сообщеніями. Большая часть тогдашнихъ германскихъ племенъ имѣетъ въ немъ лучшаго знатока ихъ исторіи. Славянская исторія и древность черпаютъ у Прокопія единственныя по своей важности извѣстія о бытѣ и вѣрованіяхъ славянъ. За Прокопіемъ остается громадное, непоколебимое и несравненное преимущество: онъ относился къ современному ему варварскому міру если не съ любовью, то безъ обычнаго свойственнаго византійцамъ пренебреженія. Иногда у Прокопія нѣтъ предшественниковъ и руководителей въ изученіи предметовъ, о которыхъ онъ пишетъ; тутъ ему помогали личныя сношенія, разспросы и наблюденія,—таковы многія прекрасныя главы о внутреннемъ бытѣ варваровъ.

Авторитетъ Прокопія не только въ смыслѣ правдивости, но и по отношенію къ искусству изложенія, критикѣ и выбору матеріала всецѣло признанъ ученой литературой въ приложеніи къ „Исторіи войнъ". Но что сказать о явномъ пристрастіи, прозрачной лжи и вытекающей отсюда нравственной несостоятельности, въ которой не

можетъ не заподозрить Прокопія и самый усердный его почитатель, когда онъ сравнитъ отзывъ объ Юстиніанѣ и Ѳеодорѣ по сочиненію о „Войнахъ“, „Постройкахъ“ и по „Тайной исторіи“? Если не можетъ подлежать сомнѣнію противорѣчіе во взглядахъ и въ сужденіяхъ объ историческихъ лицахъ, то не подрывается ли этимъ авторитетность Прокопія и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ явныхъ противорѣчій; долженъ ли Прокопій заслуживать довѣрія какъ историкъ?

Ключъ къ уразумѣнію характера Прокопія нужно искать въ духовномъ и нравственномъ состояніи тогдашняго византинизма. Только извѣстная эпоха могла дать подобный продуктъ. Тонъ его произведеній полный трагизма, рѣзкій, основанный на глубокомъ убѣжденіи, что современный ему порядокъ вещей не есть нормальный, что слава римская безвозвратно миновала, и современники не походятъ на героевъ прошлаго. Печаль о погибели римскаго могущества и славы—основной тонъ произведеній Прокопія. Чтобы бороться противъ этого настроенія, нужны были устои нравственные и религіозные. Нравственныхъ принциповъ съ трудомъ возможно искать въ писателѣ, который слишкомъ на-двое высказывается по поводу принципіальныхъ вопросовъ; чаще онъ колеблется, не находя въ себѣ достаточно твердыхъ критеріевъ. Другого рода устои—это тѣ, которые указаны блаженнымъ Августиномъ,—въ религіи. Хотя Прокопій писатель VI в. и лицо близкое къ правительственнымъ кругамъ, но онъ остался чистѣйшимъ язычникомъ, христіанство его не коснулось. Онъ говоритъ о религіозномъ спорѣ въ такомъ тонѣ: „признаться, я не берусь судить объ этомъ, ибо считаю сумасброднымъ изслѣдовать природу Божію, какова бы она ни была. Человѣку трудно съ точностью понять и человѣческое, какъ же ему разсуждать о божественномъ? Поэтому мнѣ представляется лучше молчать о предметахъ благоговѣйнаго почитанія“. Холодное отношеніе къ вопросамъ, волновавшимъ ему современное человѣчество, для Прокопія характерно. Религіи у него не было—онъ скептикъ. Во многихъ случаяхъ, когда онъ говорилъ о превратностяхъ судьбы, о несчастіяхъ людей высоко стоящихъ, онъ смахиваетъ на фаталиста, онъ раздѣляетъ мысль древнихъ о зависти боговъ къ людямъ, къ человѣческому счастью. Онъ какъ бы говоритъ любимцамъ судьбы: „остановись, скоро конецъ! боги завидуютъ счастью людей!“ Тяжело отозвалось на немъ отсутствіе нравственныхъ устоевъ, двойственность воззрѣній—въ одномъ мѣстѣ онъ со-

общаетъ о великихъ дѣлахъ Юстиніана и Ѳеодоры, въ другомъ смѣшиваетъ ихъ же съ грязью.

„Существуетъ неумолимый законъ взаимодѣйствія между государствомъ и его отдѣльными членами. При недостаткѣ свободы внутренней трудно ожидать умственной свободы, честныхъ и непоколебимыхъ убѣжденій. Трусы и ничтожности образуютъ рабское безотвѣтное общество. Только въ самообольщеніи можно думать, что въ дурномъ обществѣ индивидуумъ можетъ спокойно услаждаться своею духовно-нравственною жизнью. Общество, стѣсненное внутри, униженное, производитъ робкихъ и слабыхъ членовъ; сильныя дарованія задыхаются, увѣчатся и портятся, какъ бы неся на себѣ проклятіе рабства, безчестія и угнетенія своего отечества". Эти слова принадлежатъ извѣстному историку Дану [1]). Было бы весьма тяжело согласиться съ этой сильной критикою эпохи. Вѣдь время Юстиніана далеко не бѣдно личностями, выдающимися по энергіи и способностямъ. Вспомнимъ Велисарія и Нарсеса, Ѳеодору и Антонину и многихъ другихъ — это большіе характеры! И такимъ образомъ эпоха Юстиніана не оправдываетъ общаго положенія, будто въ рабскомъ обществѣ вырастаютъ однѣ ничтожности.



[1]) Dahn, „Procopius v. Caesarea". Einleitung. S. 10.

ГЛАВА II.

ВОЙНЫ СЪ ГЕРМАНЦАМИ: ВАНДАЛЫ И ОСТГОТЫ. ПОХОДЪ ВЪ ИСПАНІЮ.



Война въ Африкѣ и Италіи, окончившаяся полнымъ покореніемъ двухъ германскихъ народовъ и подчиненіемъ провинціи Африки и итальянскаго полуострова, наиболѣе поразила современниковъ и полнѣе всего характеризуетъ внѣшнюю политику Юстиніана. Внѣшнихъ поводовъ къ войнѣ не подавали ни вандалы, ни остготы; напротивъ, и Хильдерикъ, и королева Амаласунта признавали въ императорѣ друга и союзника и старались сохранять съ Византіей добрыя отношенія. Но Византинизмъ въ VI в. стремится къ универсальной имперіи и задается цѣлью возстановить римскую имперію въ ея прежнихъ границахъ. Готы и вандалы стояли на дорогѣ, препятствуя осуществленію этой честолюбивой мысли, воспринятой Юстиніаномъ, душа котораго не могла выносить, „чтобы православные христіане подъ игомъ аріанскихъ властителей продолжали терпѣть притѣсненія за вѣру“ [1]). Участь того и другого аріанскаго королевства рѣшена была въ умѣ Юстиніана уже давно, и онъ лишь выжидалъ удобнаго случая, чтобы начать противъ нихъ наступательныя дѣйствія.

Хотя далеко не одинаковы были отношенія вандаловъ и остготовъ къ имперіи, такъ какъ первые были часто страшными и всегда опасными сосѣдями, постоянно высылавшими въ море корсаровъ, между тѣмъ какъ послѣдніе всѣ мѣры употребляли къ тому, чтобы не возбуждать противъ себя итальянскаго населенія и жить въ добромъ согласіи съ Византіей, тѣмъ не менѣе, въ первые годы Юстиніана какъ въ Италіи, такъ и въ Африкѣ наступилъ кризисъ,

---

1) Cod. Just. 1, 27, I. I.

подававшій поводъ къ броженію и недовольству и къ образованію партій. Намъ слѣдуетъ прежде всего ознакомиться съ положеніемъ остготовъ, которые по смерти короля Θеодориха въ 526 г. переживали весьма критическую эпоху своей исторіи.

Выше мы видѣли (стр. 382), что въ послѣдніе годы жизни Θеодорихъ долженъ былъ убѣдиться, какъ мало успѣха онъ достигъ въ своей политикѣ братскаго единенія между готами и итальянцами. И тѣмъ болѣе должны были получить значенія внутреннія недоразумѣнія, происходившія изъ-за религіозныхъ и національныхъ разногласій, что Θеодорихъ сошелъ со сцены, не успѣвъ возстановить довѣрчивыхъ отношеній съ царемъ.

Между тѣмъ и самый вопросъ о престолонаслѣдіи не былъ обезпеченъ въ той степени, какъ того хотѣлъ Θеодорихъ. Съ преждевременной смертью зятя его Евтариха вопросъ о престолонаслѣдіи оставался открытымъ. Призвавъ въ Равенну лучшихъ людей готскаго племени, король рекомендовалъ имъ избрать въ короли своего десятилѣтняго внука Аталариха, сына Евтариха и Амаласунθы, и принести ему присягу на вѣрность. До совершеннолѣтія сына Амаласунθа назначена была регентшей — и это вопреки германскимъ обычаямъ. Съ точки зрѣнія германскаго права, на престолъ имѣлъ вступить племянникъ Θеодориха Θеодатъ, который потомъ дѣйствительно и достигъ престола, какъ видно будетъ далѣе.

Новое правительство отправило въ Константинополь въ 526 г. посольство съ извѣщеніемъ о послѣдовавшей перемѣнѣ и съ просьбой утвердить Аталариха. Такъ какъ вступившій на престолъ въ слѣдующемъ году Юстиніанъ въ характерѣ обращенія въ Константинополь Аталариха усматривалъ мотивы для своего вмѣшательства въ итальянскія дѣла, то любопытно разсмотрѣть здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ письма къ императору Юстину, отправленнаго вслѣдъ за смертію Θеодориха [1]).

Письмо принадлежитъ перу Кассіодора, и тѣмъ важнѣй остановить вниманіе на тѣхъ мѣстахъ, которыя можно находить неосторожными. „Всемилостивѣйшій государь! По справедливости я заслуживалъ бы порицанія, если бы менѣе горячо желалъ вашего мира, чѣмъ мои родители. Не столько насъ возвышаетъ рядъ пред-

[1]) Cassiodori Variae VIII, I (Auctorum antiquissimorum. XII, 231).

ковъ, носившихъ пурпуръ и сидѣвшихъ на королевскомъ престолѣ, сколько возвеличиваетъ ваше расположеніе, изливающееся на насъ давно и въ широкихъ размѣрахъ... Моего дѣда вы въ вашей столицѣ почтили высокими курульными должностями, а моего родителя въ Италіи наградили консульскими пальмами. Въ цѣляхъ соблюсти его въ согласіи вы пожаловали его военнымъ усыновленіемъ, хотя по возрасту онъ былъ почти вамъ сверстникъ. Было бы согласнѣй съ обстоятельствами это имя, какимъ вы почтили моего родителя, пожаловать юношѣ; вмѣстѣ съ родствомъ тогда перешло бы на него и ваше чувство, ибо рожденный вашимъ сыномъ, по законамъ природы, я не могу быть вамъ чуждымъ. Я прошу у васъ самаго искренняго мира на томъ основаніи, что пользуюсь счастіемъ быть вашимъ внукомъ съ того времени, какъ моему родителю вы предоставили радость усыновленія. Позволяя себѣ обратить ваше вниманіе на переходъ къ намъ королевскаго достоинства, я считалъ бы выше этой власти увѣренность имѣть въ васъ высокаго и благорасположеннаго руководителя. Вступая въ управленіе, мы нуждаемся въ поддержкѣ умудреннаго лѣтами государя: отрочеству свойственна опека, и, опираясь на такую защиту, мы не вполнѣ лишаемся родительской помощи. Пусть будетъ наше царство соединено съ вами узами расположенія; любовно распоряжаясь, вы будете здѣсь властнымъ господиномъ. Почему отправляемъ къ вамъ нашихъ пословъ на тотъ конецъ, чтобы вы дали намъ вашу дружбу на тѣхъ условіяхъ, на какихъ ваши предшественники имѣли договоръ съ блаженной памяти дѣдомъ нашимъ".

Мы будемъ имѣть случай снова вспомнить объ этомъ письмѣ, а теперь лишь обратимъ вниманіе на заключительныя слова, которыя ясно показываютъ, что Аталарихъ не желалъ давать императору никакихъ особенныхъ основаній къ вмѣшательству въ дѣла Италіи, а ссылался на старыя договорныя отношенія Зинона и Анастасія и просилъ примѣнить ихъ къ его престолонаслѣдію. Но какъ мало фактически приписывалось цѣны этому формальному акту, видно изъ того, что новое правительство истребовало присягу отъ сената и отъ всѣхъ итальянцевъ на вѣрность Аталариху еще до полученія отвѣта изъ Константинополя, и что перемѣна царствованія прошла въ Италіи безъ всякаго потрясенія. Кассіодоръ продолжалъ заправлять всѣми дѣлами именемъ Аталариха и обѣщалъ римлянамъ со-

блюденіе ихъ правъ и вольностей. Чтобы загладить память о тяжелыхъ казняхъ послѣднихъ лѣтъ Ѳеодориха, возвращены были права и имущества дѣтямъ казненныхъ сенаторовъ Боэція и Симмаха. Вообще господству готовъ въ Италіи, повидимому, не угрожали опасности: напротивъ, весьма умная и образованная Амаласунта, оказывая почетъ и вниманіе сенату, старалась дѣлать все возможное для соблюденія мира и согласія. Съ этой цѣлью римлянину Либерію данъ былъ военный титулъ, а готу Тулуину пожаловано патриціанское достоинство.

Теперь слѣдуетъ обратиться къ событіямъ въ столицѣ Византійской имперіи, послѣдовавшимъ за вступленіемъ на престолъ Юстиніана (527 г.). Мы уже видѣли, что онъ былъ полновластнымъ распорядителемъ судебъ имперіи въ царствованіе Юстина; не можетъ быть сомнѣнія, что онъ вступилъ на престолъ уже съ опредѣленнымъ планомъ по отношенію къ германскимъ государствамъ вандальскому и остготскому. Объ этомъ планѣ читаемъ въ законѣ, изданномъ въ 533 г. [1]). „Объ одномъ мы умоляемъ святую и славную Дѣву Марію, чтобы по ходатайству ея удостоилъ Господь меня, Своего послѣдняго раба, возсоединить съ римской имперіей то, что отъ нея отторгнуто, и довести до конца высочайшій долгъ нашъ“. — Этотъ долгъ понималъ Юстиніанъ гораздо шире, чѣмъ дано было ему осуществить, онъ мечталъ объ единствѣ политическомъ и религіозномъ, въ его планы входила римская имперія во всемъ ея величіи и безпредѣльности.

Первый шагъ къ осуществленію широкихъ плановъ міровластительства сдѣланъ былъ въ Африкѣ. Отношенія завоевателей къ побѣжденнымъ здѣсь сложились болѣе неблагопріятно, чѣмъ въ другихъ земляхъ, завоеванныхъ германцами: вестготы въ Испаніи заняли $^2/_3$ земель, остготы $^1/_3$, а вандалы объявили себя господами всей земельной собственности. Легко отсюда понять, что мѣстное населеніе не могло примириться съ завоевателями; религіозная вражда между мѣстными христіанами-католиками и вандалами аріанскаго исповѣданія никогда не утихала. Такимъ образомъ поводы къ вмѣшательству въ африканскія дѣла могли быть всегда на лицо — во внутреннихъ отношеніяхъ побѣдителей и побѣжденныхъ и въ рели-

[1]) Cod. Justin. I, tit. 27.

гіозномъ вопросѣ. Съ формальной стороны отношенія къ Африкѣ были весьма благопріятны въ первые годы царствованія Юстиніана. Во главѣ вандальскаго королевства стоялъ Хильдерикъ, по вѣрѣ католикъ и по симпатіямъ и образованію полуримлянинъ, въ жилахъ его текла царская кровь. Онъ происходилъ отъ сына Гензерика, основателя вандальскаго королевства, Гунерика и дочери Валентиніана III и вступилъ на престолъ по смерти Тразимунда (523 г.), женатаго на дочери готскаго короля Амалафридѣ. Трудно представить правителя, такъ мало понимавшаго политическія отношенія: вандаловъ онъ оскорблялъ своей изнѣженностью, холодностью къ военнымъ дѣламъ и слабостью по отношенію къ католикамъ, послѣдніе не могли имъ быть довольны изъ-за старыхъ обидъ и притѣсненій со стороны аріанъ. Въ 531 году въ Карѳагенѣ произошелъ переворотъ въ пользу Гелимера, захватившаго власть и заключившаго въ темницу Хильдерика. Это было большимъ ударомъ для византійской политики, которая подготовляла себѣ сторонниковъ въ Африкѣ и имѣла уже сильную партію во всѣхъ классахъ. Сторонники сверженнаго короля и его родственники, представители католической церкви и мѣстные нобили употребили всѣ старанія, чтобы вызвать вмѣшательство Юстиніана въ африканскія дѣла. Императоръ обратился съ требованіемъ къ Гелимеру возстановить Хильдерика или, по крайней мѣрѣ, отпустить его на свободу, но Гелимеръ отвѣтилъ суровыми преслѣдованіями приверженцевъ императора. Въ виду такихъ обстоятельствъ въ Константинополѣ рѣшено было идти войной противъ Гелимера.

Хотя имперія была тогда въ войнѣ съ Персіей, и войско съ лучшими вождями было на Востокѣ, но императоръ поспѣшилъ заключить съ персами миръ и вызвалъ изъ Сиріи Велисарія, командовавшаго восточными войсками. Несмотря на твердое намѣреніе Юстиніана начать морской походъ, онъ не находилъ въ окружавшихъ лицахъ защитниковъ этого рискованнаго предпріятія. Еще была жива память о большой экспедиціи 468 года при Зинонѣ, которая окончилась страшной катастрофой и подорвала на долгіе годы средства имперіи. Тогдашній префектъ преторіи Іоаннъ каппадокіецъ энергично возставалъ противъ этого предпріятія, указывая почти вѣрный неуспѣхъ и соединенныя съ нимъ тяжелыя послѣдствія и, съ другой стороны, весьма сомнительную пользу въ случаѣ маловѣроятнаго успѣха. Но для Юстиніана вопросъ представлялся болѣе въ его рели-

гіозномъ, чѣмъ въ политическомъ и экономическомъ освѣщеніи; для него на первомъ планѣ было воспользоваться благопріятнымъ моментомъ смуты въ Карѳаганѣ и однажды на всегда покончить съ аріанскимъ вопросомъ въ Африкѣ.

И нужно признать, что обстоятельства складывались въ пользу предпріятія Юстиніана въ высшей степени благопріятно. Собственно вандаловъ въ Африкѣ было весьма немного, едва ли больше 30—40 тысячъ способныхъ носить оружіе на 200 тысячъ всего германскаго населенія. Притомъ же вандалы теперь были далеко не тѣ, что въ эпоху завоеванія: климатъ Африки, роскошная жизнь и удобства изнѣжили ихъ и пріучили къ праздности [1]). Къ невыгодѣ вандаловъ измѣнились и отношенія къ нимъ туземнаго населенія, которое сначала участвовало въ войнахъ и набѣгахъ вмѣстѣ съ вандалами и вообще служило опорой германскому элементу, а въ послѣднее время старалось отъ него отдѣлиться и стремилось къ независимости. Горныя дикія племена не разъ дѣлали уже опустошительные набѣги на мирныхъ жителей долинъ; кромѣ того, въ открытомъ возстаніи были провинціи Триполь и Бизацій. Такимъ образомъ серьезнаго сопротивленія въ вандальской Африкѣ едва ли можно было ожидать. Что касается флота, которымъ прежде такъ страшны были вандалы, то въ настоящей войнѣ онъ не игралъ никакой роли ни на морѣ, ни въ защитѣ береговъ.

Избранный начальникомъ экспедиціи, Велисарій уже заявилъ свои военныя способности въ персидской войнѣ. Его быстрота, рѣшительность и умѣнье пользоваться обстоятельствами нашли себѣ блестящее примѣненіе въ войнѣ африканской. Съ небольшими силами, едва ли превышающими 10 тысячъ пѣхоты и 5 тысячъ конницы, онъ въ іюнѣ 533 г. вышелъ изъ Константинополя, имѣя цѣлью сдѣлать остановку въ Сициліи. Здѣсь въ области, принадлежащей итальянской регентшѣ Амаласунѳѣ, Велисарій могъ запастись провіантомъ и лошадьми и собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Африкѣ. Нужно изумляться легкомыслію и бездѣятельности Гелимера, который позволилъ безъ всякихъ затрудненій высадиться Велисарію на африканскомъ берегу въ половинѣ сентября того же года и не приготовилъ никакихъ средствъ къ оборонѣ. Противъ

[1]) Diehl, „L'Afrique Byzantine", 10—11.

всякаго ожиданія война окончилась весьма скоро: двумя сраженіями, въ которыхъ вандалы не обнаружили ни искусства, ни военной дисциплины, рѣшена была судьба королевства. Карѳагенъ, окруженный съ суши и съ моря, не могъ оказать сопротивленія, тѣмъ болѣе, что горожане видѣли въ Велисаріи освободителя отъ чуждаго ига. Прокопій замѣчаетъ по поводу вступленія въ Карѳагенъ: „Велисарій держалъ своихъ воиновъ въ такомъ строгомъ послушаніи, что не было ни одного случая насилія, и что въ завоеванномъ городѣ жизнь шла обычнымъ теченіемъ, торговыя заведенія не закрывались, и солдаты спокойно покупали на базарѣ необходимые предметы“. Занявъ столицу, Велисарій могъ не приписывать большого значенія тому обстоятельству, что Гелимеръ съ остатками войска приготовился дать ему еще сраженіе подъ Карѳагеномъ. Въ этомъ тѣмъ болѣе не было опасности, что большинство горныхъ мавританскихъ племенъ, узнавъ о побѣдахъ Велисарія, послало къ нему пословъ и просило принять ихъ въ дружбу и расположеніе императора. Обезпечивъ себя переговорами, Велисарій рѣшился нанести послѣдній ударъ Гелимеру, который занималъ защищенную позицію въ 30 верстахъ отъ Карѳагена. Въ декабрѣ были разсѣяны остатки вандальскаго войска, и самъ король, лишенный послѣднихъ средствъ защиты, долженъ былъ сдаться на милость Велисарія (мартъ 534 г.).

Велисарій возвратился въ Константинополь съ огромной добычей и множествомъ плѣнныхъ. Устроенное для него тріумфальное шествіе произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ. Императоръ, въ упоеніи побѣдой, выразился: „Господь наградилъ меня своей милостью, дозволивъ мнѣ возвратить одну изъ римскихъ провинцій и уничтожить народъ вандаловъ. Теперь тамъ будетъ господствовать единство вѣры“. Результаты войны были ужасны. Цѣлый народъ былъ уничтоженъ безъ остатка, ибо часть вандаловъ, пережившая эпоху византійскаго завоеванія, скоро смѣшалась съ мѣстнымъ населеніемъ. Но и вся провинція подверглась страшному опустошенію и обнищанію; „сколько народа погибло въ Африкѣ,—говоритъ Прокопій,—я не умѣю сказать, но думаю, что погибли миріады миріадъ“.

Походомъ въ Африку открывалась завоевательная политика Юстиніана. Удача въ исполненіи смѣлаго предпріятія, потребовавшаго въ сущности мало средствъ и людей и обогатившаго казну большой добычей, могла лишь заохотить его къ новымъ завоевательнымъ

планамъ. На очереди стояла итальянская война, которая хотя была уже рѣшена ранѣе, но началась по окончаніи похода въ Африку. Въ новеллѣ, изданной послѣ покоренія Африки, Юстиніанъ выражаетъ пожеланіе, чтобы Богъ далъ ему силы освободить и другую страну отъ господства аріанъ. Здѣсь мы должны возвратиться къ Амаласунѳѣ, правившей въ Италіи за малолѣтствомъ Аталариха.

Хотя изложенныя событія не могли не затронуть интересовъ остготскаго королевства, но правительница Италіи оказала Велисарію все содѣйствіе къ успѣху его похода, съ одной стороны, изъ вражды къ Гелимеру [1]), съ другой—въ виду затруднительнаго положенія, въ которомъ находилась она сама. Ни въ чемъ не отступая отъ политики Ѳеодориха и продолжая пользоваться совѣтами Кассіодора, молодая и прекрасно образованная регентша не могла примирить противоположныхъ интересовъ готовъ и римлянъ; въ особенности готская народность, казалось, забывшая пережитую эпоху первоначальнаго поселенія въ Италіи, начала заявлять широкія притязанія на главенствующую роль въ странѣ. Ближайшимъ образомъ притязанія готскихъ вождей касались воспитанія молодого короля и устраненія женскаго вліянія опекунши. „Зачѣмъ—говорили они [2]) —приставлять къ мальчику учителей и мучить его занятіемъ науками? Несправедливо, да и не нужно учиться королю, ибо науки никого не научили мужеству; напротивъ, по большей части дѣлали людей робкими и ничтожными. И король Ѳеодорихъ никогда не совѣтовалъ учиться дѣтямъ готовъ“. Боясь общаго недовольства, Амаласунѳа уступила по отношенію къ воспитанію сына, но къ ней предъявлены были дальнѣйшія требованія. Тогда она рѣшилась сослать въ отдаленныя области вождей оппозиціи, но они продолжали и изъ ссылки сноситься со своими приверженцами и угрожать правительницѣ. Что положеніе ея было опасное, видно, между прочимъ, изъ того, что она спрашивала Юстиніана черезъ тайное посольство: можетъ ли дочь Ѳеодориха разсчитывать на покровительство его, и оказанъ ли ей будетъ пріемъ въ Константинополѣ? Юстиніанъ обѣщалъ ей исполнить всѣ ея желанія и предоставилъ въ ея распоря-

---

[1]) Амалафрида, дочь Ѳеодориха и сестра Амаласунѳы, была замужемъ за вандальскимъ королемъ Тразимундомъ, котораго низвергъ Хильдерикъ. Амалафрида была убита во время переворота.

[2]) „De bello Goth.“, 2, p. 13.

женіе дворецъ въ Драчѣ (Dyrrhachium), куда она могла бы прибыть во всякое время. До этого, однако, не дошло, такъ какъ Амаласунѳа убійствомъ освободилась отъ наиболѣе опасныхъ вождей оппозиціи. Развязка, однако, не заставила себя долго ждать. Въ 534 г. умеръ Аталарихъ, и вмѣстѣ съ этимъ прекращались права Амаласунѳы на регентство. Нѣсколько раньше прибылъ изъ Константинополя посолъ, который имѣлъ порученіе окончательно опредѣлить условія, на которыхъ Амаласунѳа соглашалась передать Юстиніану Италію. Это былъ отчаянный шагъ регентши, на который она могла рѣшиться лишь изъ крайней опасности.

Оставался еще въ живыхъ представитель королевскаго рода амаловъ въ лицѣ Ѳеодата, сына сестры Ѳеодориха Амалафриды, королевы вандаловъ, приходившагося такимъ образомъ двоюроднымъ братомъ правительницы. Чтобы сохранить власть, она приняла въ соправители этого принца и продолжала царствовать его именемъ. Но Ѳеодатъ, вѣроятно по внушеніямъ враждебной ей партіи, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (весной 535 г.) заключилъ ее подъ стражу. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Юстиніанъ рѣшился открыто заявить свои намѣренія относительно Италіи. Формальный поводъ къ войнѣ заключался въ томъ, что императоръ уже нѣсколько разъ обѣщалъ защиту и покровительство дочери Ѳеодориха, а теперь какъ-разъ она нуждалась въ такой защитѣ.

Происходитъ живой обмѣнъ посольствами; Юстиніанъ внимательно слѣдитъ за событіями и настроеніями общественнаго мнѣнія въ Италіи. Ему дѣлали подробныя донесенія его послы о всемъ происходившемъ въ Равеннѣ и въ Римѣ и, между прочимъ, о неудовольствіяхъ между Ѳеодатомъ и правительницей, съ одной стороны, и о непопулярности соправителя съ другой. Эти извѣстія, по словамъ Прокопія, были весьма пріятны для царя, и онъ спѣшитъ отправить въ Италію спеціальнаго посла въ лицѣ ритора Петра. Во время пребыванія его въ Италіи произошла новая катастрофа—смерть правительницы. Ходили тогда слухи, что посолъ Юстиніана, имѣвшій секретныя порученія, своими внушеніями и совѣтами ускорилъ печальную развязку. Еще Петръ не возвратился изъ Италіи, какъ объявленъ былъ походъ. Юстиніанъ на этотъ разъ лучше обдумалъ все предпріятіе, чѣмъ тогда, когда подготовлялся походъ въ Африку.

Главнокомандующій въ Иллирикѣ стратигъ Мундъ долженъ былъ

начать военныя дѣйствія въ Далмаціи, гдѣ были слабые готскіе гарнизоны, не представившие упорнаго сопротивленія. Точно также легко сдалась Сицилія, гдѣ византійскимъ отрядомъ предводительствовалъ Велисарій, нашедшій почти вездѣ приверженцевъ императора. Небольшое сопротивленіе встрѣчено лишь въ Палермо, но и оно сломлено въ томъ же 535 г. Сицилія обращена въ византійскую провинцію и преобразована въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ. Легкій переходъ Сициліи подъ власть императора былъ тяжкимъ ударомъ для готскаго правительства, потому что съ потерей этого острова Римъ сталъ чувствовать стѣсненіе въ доставкѣ продовольствія, а императоръ получилъ надежный опорный пунктъ для своихъ дальнѣйшихъ противъ Италіи предпріятій. Черезъ годъ Сицилія обращена въ провинцію имперіи, и во главѣ ея поставленъ praetor съ подчиненными duces.

Успѣхъ Велисарія въ Сициліи, который въ скорости завоевалъ весь островъ и готовъ уже былъ высадиться въ Италію, заставилъ Ѳеодата согласиться на самыя тяжкія жертвы. Онъ обѣщалъ послу Юстиніана, ритору Петру, отказаться отъ притязаній на Сицилію, платить подать, доставлять имперіи вспомогательный отрядъ въ 3000 готовъ, словомъ, онъ готовъ былъ поставить себя въ положеніе самаго обыкновеннаго предводителя федератовъ, отказавшись отъ королевской власти; тайно отъ готовъ онъ согласился даже жить частнымъ человѣкомъ, уступивъ Юстиніану всю Италію, если ему дана будетъ пожизненная пенсія въ 1200 ф. золота. Римское населеніе и сенатъ далеко не были расположены къ Ѳеодату; желая сохранить въ городѣ вліяніе, Ѳеодатъ поставилъ въ немъ гарнизонъ и посылалъ въ Римъ укорительныя письма. Какъ велъ себя Римъ въ это время, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго. Римскій епископъ Агапитъ, вѣроятно побуждаемый Ѳеодатомъ, потому что источники называютъ его посломъ короля, также отправился въ Византію. Не видно, однако, чтобы онъ велъ переговоры въ пользу сохраненія остготскаго владычества. Его дѣло было повтореніемъ миссіи епископа Іоанна въ 524 г., т.-е. увѣрить византійскаго императора въ благорасположеніи къ нему римскаго населенія, и выговорить нѣкоторыя привилегіи въ пользу духовенства. Можно ли иначе думать о посольствѣ этого епископа, когда Юстиніанъ, весьма ласковый къ нему, по словамъ библіотекаря Анастасія, нисколько не измѣнилъ

своихъ намѣреній относительно Италіи и соглашался лишь на самое унизительное предложеніе Ѳеодата — отказаться отъ власти и жить частнымъ человѣкомъ? Во всемъ дѣлѣ завоеванія Италіи Византія нашла самое сильное сочувствіе въ духовенствѣ. Римскій епископъ именно въ это время пріобрѣтаетъ еще болѣе значительное вліяніе, благодаря своему содѣйствію планамъ Юстиніана.

Петръ возвратился въ Италію съ порученіемъ оформить соглашеніе съ королемъ и указать ему удѣлъ, гдѣ онъ могъ бы проводить жизнь, но нашелъ его весьма несговорчивымъ и совершенно перемѣнившимъ свой взглядъ на дѣло. Это объяснялось тѣмъ, что имперія потерпѣла тогда двѣ неожиданныя непріятности: въ Далмаціи со смертью императорскаго полководца Мунда почти растаяли войска; въ Африкѣ обнаружилось возстаніе, которое побудило Велисарія оставить Сицилію и поспѣшить въ африканскія владѣнія. Это внушило Ѳеодату несбыточныя надежды, и онъ позволилъ себѣ не только свысока обращаться съ посольствомъ, но и заключить его подъ стражу. Такимъ неосторожнымъ поступкомъ онъ совершенно испортилъ свое положеніе. Еще въ зиму 536 г. возстановлена была власть имперіи въ Далмаціи; тогда же Велисарій съ небольшимъ войскомъ въ 7500 воиновъ и со значительной личной дружиной, можетъ-быть, такого же состава, высадился въ Сициліи. Военныя средства, бывшія въ распоряженіи Велисарія, весьма не соотвѣтствовали предстоявшей предъ нимъ задачѣ. Но въ лицѣ Велисарія императоръ Юстиніанъ имѣлъ лучшаго полководца своего времени, котораго притомъ снабдилъ самыми обширными полномочіями. Съ тѣми силами, какія у него были, Велисарій долженъ былъ завоевать для имперіи страну съ громаднымъ населеніемъ, которая могла выставить сотню тысячъ войска. Но была громадная разница въ военной техникѣ, въ дисциплинѣ и въ искусствѣ между имперскими войсками и народными ополченіями, выставляемыми варварами. Что касается сопротивленія, оказаннаго Велисарію готскими войсками, оно было крайне слабо подготовлено и согласовано въ частяхъ и не имѣло обдуманнаго и правильно исполненнаго плана. При появленіи византійскаго главнокомандующаго въ южной Италіи лѣтомъ 536 г. оказалось тамъ мало готскихъ гарнизоновъ [1]), такъ что населеніе встрѣчало съ распро-

1) „De bello Gothico", 1, c. 8, p. 39.

стертыми объятіями начавшій здѣсь свои дѣйствія византійскій корпусъ. Первымъ перешелъ на сторону Велисарія Евримуѳъ, родственникъ Ѳеодата, стоявшій во главѣ войска готовъ.

Центромъ господства готовъ въ Кампаніи былъ Неаполь; здѣсь были прекрасная морская гавань и обширный торговый центръ съ громаднымъ и богатымъ населеніемъ. Въ Неаполѣ заперся готскій гарнизонъ, который 20 дней выдерживалъ тѣсную осаду съ суши и съ моря. Уже Велисарій, отчаявшись въ успѣхѣ затянувшейся осады, думалъ отступить отъ города, но тутъ ему помогъ случай. Ему было донесено, что есть возможность проникнуть въ городъ чрезъ заброшенный водопроводъ, который никѣмъ не охраняется. Дѣйствительно, сотнѣ храбрецовъ удалось ночью пробраться въ городъ и овладѣть двумя башнями, съ которыхъ они дали знать своимъ. Осаждающіе бросились на стѣны, ворвались въ городъ и предали его грабежу и опустошенію, не щадя ни возраста, ни пола. Оставивъ въ Неаполѣ небольшой гарнизонъ и принявъ подъ власть кампанскій городъ Кумы, Велисарій двинулся на Римъ. Между тѣмъ Ѳеодатъ въ бездѣйствіи оставался въ Римѣ, теряя болѣе и болѣе свой авторитетъ и довѣріе итальянскаго населенія. Правда, онъ завязалъ переговоры съ франками, чтобы побудить ихъ за уступку нѣкоторыхъ областей помочь ему противъ Велисарія. Но когда готскій вождь южной арміи Евримуѳъ перешелъ на сторону враговъ, и когда Неаполь, предоставленный собственной участи, не получилъ никакой помощи отъ короля, тогда готы стали приходить къ сознанію національной опасности и прибѣгли къ революціоннымъ мѣрамъ. Часть войска, расположенная близь Террачины, подняла на щитъ своего вождя Витигеса, который „умѣлъ владѣть мечомъ и не пачкалъ рукъ стилемъ“, провозгласивъ его королемъ. Ѳеодатъ, презираемый итальянцами и готами, думалъ найти спасеніе въ Равеннѣ, но на пути былъ убитъ подосланнымъ отъ Витигеса воиномъ. Хотя Витигесу предстояла весьма трудная задача въ виду полной дезорганизаціи военныхъ средствъ, тѣмъ не менѣе, теперь только началась настоящая народная война готскаго народа съ имперскими войсками. Витигесъ представляетъ собой героическій типъ національнаго готскаго короля, который сознавалъ всю опасность тогдашняго положенія и, тѣмъ не менѣе, старался сдѣлать все, что внушали ему долгъ и сознаніе своихъ обязанностей къ соотечественникамъ. Оставивъ въ Римѣ гарнизонъ въ 4000 человѣкъ,

самъ онъ отступилъ къ Равеннѣ въ намѣреніи подготовить военныя операціи на будущій годъ и укрѣпить собственное положеніе среди итальянцевъ и готовъ. Нужно признать весьма важнымъ въ политическомъ смыслѣ шагомъ его бракъ на дочери королевы Амаласунѳы, т.-е. на внучкѣ Ѳеодорика, Матасунѳѣ, ибо этимъ бракомъ онъ сближалъ себя съ королевскимъ родомъ Амаловъ и получалъ законное право на королевскую власть. Но первымъ и крупнымъ несчастьемъ для Витигеса было то, что онъ не удержалъ въ своей власти Рима, иначе говоря, обманулся въ расположеніяхъ римскаго населенія. Епископъ Рима Сильверій послалъ на встрѣчу приближавшемуся Велисарію пословъ, обѣщая сдать городъ. Гарнизонъ былъ не въ состояніи защитить Римъ противъ внутренняго и внѣшняго врага, такъ что съ 9 на 10 декабря 536 г. въ одни ворота входили въ Римъ войска Велисарія, а въ другія выходилъ готскій гарнизонъ. Это случилось 60 лѣтъ спустя послѣ паденія Западной римской имперіи.

По ближайшимъ распоряженіямъ Велисарія въ зиму 536—537 г. можно было заключать, что онъ разсматриваетъ Римъ и Италію какъ составную часть имперіи. Считая себя обезпеченнымъ со стороны юга, Велисарій началъ приготовлять въ Римѣ центральный пунктъ для будущихъ военныхъ предпріятій въ Италіи и съ этой цѣлью озаботился укрѣпленіемъ городскихъ стѣнъ и подвозомъ съѣстныхъ припасовъ изъ Сициліи и изъ окрестностей. Но и Витигесъ, съ своей стороны, занятъ былъ дѣятельными приготовленіями къ походу. Прежде всего онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы поставить на военное положеніе готскій народъ и снабдить способныхъ носить оружіе военнымъ снаряженіемъ и конями. Передъ Витигесомъ была сложная задача: съ одной стороны, предстояло выставить наблюдательный отрядъ на сѣверѣ, чтобы не допускать враждебнаго вторженія имперскаго отряда изъ Далмаціи; съ другой стороны, необходимо было озаботиться мѣрами, чтобы франки не воспользовались затруднительнымъ положеніемъ готскаго королевства и не ворвались въ Италію съ сѣверо-запада. Это тѣмъ болѣе необходимо было имѣть въ виду, что императоръ Юстиніанъ уже вступилъ въ сношенія съ франками и желалъ привлечь ихъ къ союзу противъ готовъ. Витигесъ могъ считать себя весьма счастливымъ, что ему удалось достигнуть соглашенія съ франками, которые отступили изъ Прованса и дали слово не принимать враждебныхъ дѣйствій въ сѣверной Италіи.

Къ началу весны Витигесъ могъ располагать громаднымъ ополченіемъ въ 150 тысячъ, въ которомъ значительная часть составляла кавалерію.

Велисарію съ весьма небольшими силами нельзя было выступить противъ непріятеля въ открытое поле; его надежда заключалась въ городскихъ укрѣпленіяхъ и въ той мысли, что Витигесъ едва ли въ состояніи предпринять правильную осаду хорошо защищеннаго города. Кромѣ того, Велисарій, оцѣнивая то громадное впечатлѣніе, которое произвело въ Италіи занятіе имъ Рима, понималъ, что онъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ очистить занятаго имъ города, и поэтому распространялъ мысль, что онъ не выйдетъ изъ Рима живымъ и будетъ его защищать до послѣдней крайности. Въ ожиданіи вспомогательныхъ отрядовъ, которые должны были придти изъ Константинополя, онъ требовалъ отъ городскихъ жителей участія въ защитѣ городскихъ стѣнъ и самъ былъ вездѣ на первомъ мѣстѣ. Желая нѣсколько задержать Витигеса, прежде чѣмъ онъ окружитъ Римъ своимъ громаднымъ войскомъ, Велисарій выставилъ противъ него небольшой кавалерійскій отрядъ на pons Salarius, гдѣ и произошла первая военная стычка, въ которой греки и готы показывали изумительную отвагу, и Велисарій не разъ подвергался крайней опасности. Готы ударили съ тылу и съ боковъ на византійскій отрядъ, неосторожно погнавшійся за непріятелемъ, и прижали его къ стѣнамъ города у Саларіевыхъ воротъ. Уже разнесся слухъ, что Велисарій убитъ, и римляне не хотѣли открыть воротъ, имѣя опасеніе, чтобы вмѣстѣ со своими не ворвались въ городъ и непріятели. Съ большимъ трудомъ удалось Велисарію возстановить порядокъ въ своемъ отрядѣ и найти защиту за стѣнами города, куда, наконецъ, при наступленіи ночи впущены были греческіе воины. Съ конца февраля городъ былъ окруженъ готами, которые раскинули шесть военныхъ лагерей и считали судьбу Рима совершенно предрѣшенной, такъ какъ имъ были извѣстны слабыя средства, какими располагалъ Велисарій. Витигесъ предложилъ Велисарію вступить въ переговоры и обѣщалъ дать свободу гарнизону, если ему будетъ сданъ городъ, но Велисарій отклонилъ предлагаемыя условія. Мы не будемъ слѣдить за подробностями осады Рима, въ которой преимущества техники, дисциплины и военнаго искусства вообще были на сторонѣ осажденныхъ. Пользуясь оплошностью врага, Велисарій

въ началѣ апрѣля ввелъ въ Римъ вспомогательный отрядъ изъ 1600 воиновъ славянскаго и гуннскаго происхожденія, послѣ чего онъ началъ дѣлать неожиданныя вылазки тамъ, гдѣ непріятель былъ наименѣе подготовленъ, и наносилъ ему значительный уронъ. По словамъ Прокопія, всего было 69 сраженій между осаждающими и осажденными. Въ началѣ лѣта прислано было изъ Константинополя жалованье войску, но вспомогательныхъ отрядовъ, которыхъ такъ ждали и Велисарій и населеніе Рима, все-таки не было. А между тѣмъ въ городѣ чувствовался недостатокъ въ припасахъ и въ водѣ, и населеніе высказывало горячія жалобы на императора, который безъ нужды заставляетъ страдать жителей Рима. Чтобы поддержать духъ населенія, Велисарій распустилъ слухъ, что войска высадились въ Кампаніи, и что помощь приближается. Не лучше, однако, было и положеніе осаждающихъ. Сосредоточеніе громаднаго войска подъ Римомъ вызывало необходимость вполнѣ обдуманной и правильно выполняемой системы подвоза припасовъ. Но Кампанія была опустошена, а изъ Тосканы уже взяты были запасы. Велисарій вывелъ часть гарнизона изъ Рима и занялъ Террачину и Тибуръ; этимъ онъ уменьшилъ количество населенія въ Римѣ, нуждавшееся въ прокормленіи, и, кромѣ того, получилъ возможность ограничивать непріятелямъ свободу движенія и стѣснять ихъ въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ. Между тѣмъ секретарь Велисарія, историкъ Прокопій, которому мы обязаны главнѣйшими свѣдѣніями о времени Юстиніана, организовалъ вмѣстѣ съ супругой Велисарія Антониной закупку хлѣба въ Кампаніи и собралъ до 500 человѣкъ изъ мѣстныхъ гарнизоновъ, чтобы доставить въ Римъ заготовленные запасы. Въ то же время, къ величайшему удовольствію Велисарія, въ Неаполь доставленъ значительный военный отрядъ въ 4800 человѣкъ, который нашелъ возможность добраться до Остіи и соединиться съ римскимъ ослабѣвшимъ гарнизономъ. Тогда Витигесъ понялъ, что продолжать осаду было бы безразсудствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, во время осады погибло болѣе 30 тысячъ готскаго войска и столько же выбыло изъ строя по случаю ранъ и болѣзней. Витигесъ послалъ къ Велисарію уполномоченныхъ договариваться о мирѣ. Онъ обѣщалъ уступку Сициліи и даже Кампаніи и уплату дани. Велисарій подалъ мысль довести до свѣдѣнія императора о предложеніяхъ готскаго короля, и на это время было заключено перемиріе. Описывая происходившие между

готами и византійцами переговоры, Прокопій [1]) въ такихъ выраженіяхъ передаетъ взглядъ на историческое право готскаго народа по отношенію къ Италіи. „Вы тяжко оскорбили насъ, Ромэи, несправедливо поднявъ оружіе на союзниковъ и друзей. Готы не силою отняли у ромэевъ Италію. Когда Одоакръ, свергнувъ императора, овладѣлъ этимъ государствомъ, восточный императоръ Зинонъ, желая наказать его и освободить эту страну, но находя себя безсильнымъ, убѣдилъ Ѳеодориха, нашего короля, который хотѣлъ уже осаждать Византію, примириться съ нимъ и отомстить Одоакру за всѣ его неправды, за что обѣщалъ готамъ спокойное владѣніе Италіей. Согласно этому условію, овладѣвъ Италіей, мы сохранили законы и форму правленія, какъ это было при древнихъ императорахъ, и ни Ѳеодорихъ, ни его преемники не издавали никакихъ новыхъ законовъ. Что же касается богослуженія и вѣры, то мы такъ тщательно обезпечили римлянъ, что до сего дня ни одинъ итальянецъ, ни добровольно, ни принужденно не измѣнилъ своей вѣры, равно и готы, переходившіе въ другую вѣру, не подвергались преслѣдованію. Римскіе храмы пользовались отъ насъ высокимъ почетомъ, ибо никто изъ тѣхъ, которые искали въ нихъ убѣжища, не подвергался насилію. Всѣ государственныя должности находились въ рукахъ римлянъ, готы же не принимали участія въ управленіи. Можетъ ли кто сказать, что мы говоримъ неправду? Прибавимъ еще, готы позволили римлянамъ каждогодно имѣть консула по назначенію восточнаго императора. И что же? Вы враждуете теперь со своими защитниками! Оставьте же насъ въ покоѣ и уносите съ собою что захватили вы во время войны“. Велисарій отвѣтилъ, что императоръ Зинонъ никогда не уступалъ готамъ Италіи, что она должна быть возвращена прежнему господину. Послы просили, по крайней мѣрѣ, позволить имъ поселиться въ Сициліи, но Велисарій сдѣлалъ на это весьма любопытное замѣчаніе: „Мы, пожалуй, согласны уступить готамъ Британнію—страна большая, гораздо обширнѣе Сициліи: прежде она тоже была подчинена римлянамъ“ [2]). Велисарій не хотѣлъ даже слушать о каждогодной дани, требовалъ только одно—безусловнаго очищенія Италіи.

1) „De bello Goth.“, 11, 6, p. 168.

2) „De bello Coth.“, 11, 6, p. 171: Ἡμεῖς δὲ Γότθοις Βρεταννίαν ὅλην συγχωροῦμεν ἔχειν, μείζω τὸ παρὰ πολὺ Σικελίας οὖσαν καὶ Ῥωμαίων κατήκοον τὸ ἀνέκαθεν γεγενημένην.

Сошлись, наконецъ, на томъ, чтобы заключить перемиріе, пока можно будетъ войти въ переговоры съ самимъ императоромъ.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, пока шли сношенія съ Константинополемъ, Велисарій успѣлъ во многихъ отношеніяхъ измѣнить положеніе осажденнаго города. Прежде всего онъ нашелъ возможнымъ снабдить Римъ съѣстными припасами, затѣмъ моремъ доставлены были въ Остію вспомогательные отряды изъ Африки; словомъ, онъ воспользовался перемиріемъ для исправленія тѣхъ бѣдствій, какія нанесены были осадой. Между тѣмъ осаждавшее войско оставалось въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ въ смыслѣ доставки продовольствія, такъ какъ Велисарій командовалъ моремъ и постепенно отрѣзалъ готовъ отъ сношеній съ южной и сѣверной Италіей. Витигесъ заявлялъ неудовольствіе на предпріятія Велисарія, но послѣдній не обращалъ на это вниманія и искалъ лишь случая заставить готовъ нарушить весьма для нихъ невыгодное перемиріе. Наконецъ, весной 588 г. дѣйствительно произошло столкновеніе между готами и императорскимъ отрядомъ на пути отъ Рима къ Равеннѣ, гдѣ Іоаннъ, племянникъ знаменитаго Виталіана, нанесъ готамъ пораженіе и занялъ важные города Осимо и Римини. Это ставило короля Витигеса въ весьма опасное положеніе; черезъ нѣсколько времени до него дошли слухи, что королева Матасунѳа, находившаяся тогда въ Равеннѣ, вступила въ сношенія съ предводителемъ греческаго отряда. Тогда Витигесъ, послѣ стоянки подъ Римомъ одинъ годъ и девять мѣсяцевъ, принужденъ былъ въ мартѣ 538 г. снять осаду и идти на сѣверъ, чтобы попытаться отстоять, по крайней мѣрѣ, сѣверную Италію, гдѣ господство готовъ оставалось еще довольно прочнымъ.

Освободившись отъ осады, Велисарій получилъ возможность продолжать составленный имъ планъ освобожденія Италіи отъ готскаго господства. Какъ-разъ къ тому времени получено было извѣстіе изъ Милана, что достаточно будетъ отправить небольшой отрядъ, чтобы присоединить Лигурію къ имперскимъ владѣніямъ. Это открывало для Велисарія перспективу двинуться съ сѣвера и юга на центральныя области, занятыя готами, и отнять у нихъ Равенну. Планъ казался тѣмъ болѣе легко осуществимымъ, что имперія владѣла морскими сношеніями, и что на помощь уже прибылъ съ вспомогательнымъ отрядомъ евнухъ Нарсесъ и главнокомандующій Иллирикомъ (magister militum) Юстинъ. Правда, прибытіе Нарсеса, который

по занимаемому имъ положенію былъ не ниже Велисарія, измѣняло роль этого послѣдняго и было поводомъ къ недоразумѣніямъ между вождями. Между прочимъ разногласія между Велисаріемъ и Нарсесомъ касались самого плана военныхъ дѣйствій. Въ то время какъ, по мнѣнію Велисарія, слѣдовало предпринять движеніе съ сѣвера, и для этого необходимо было очистить Лигурію, Нарсесъ и часть вождей стояли за немедленную осаду Равенны. Въ теченіе 538 года Велисарій дѣйствительно началъ военныя дѣйствія на сѣверѣ, перешелъ черезъ По и овладѣлъ Миланомъ. Но это и было причиной снятія осады съ Рима и движенія готскаго отряда въ Лигурію, куда въ помощь готамъ прибыли бургунды, присланные франкскимъ королемъ Ѳеодебертомъ. Небольшой византійскій гарнизонъ, осажденный въ Миланѣ, не могъ долго держаться и сдался на условіи свободнаго выхода изъ города. Но зато городъ испыталъ страшное разореніе. Раздраженные греки перебили въ немъ мужское населеніе, женщинъ отдали бургундскимъ союзникамъ и разрушили городскія укрѣпленія. Это обстоятельство заставило Юстиніана сознать свою ошибку въ назначеніи Нарсеса и возвратить главное командованіе Велисарію. Въ теченіе 539 г., когда Велисарію были развязаны руки вслѣдствіе отозванія Нарсеса, онъ занятъ былъ приготовленіями къ осадѣ Равенны, для чего предпринялъ походъ по адріатическому побережью съ цѣлью очистить отъ готовъ расположенные здѣсь города. Семь мѣсяцевъ осаждалъ онъ укрѣпленный городъ Осимо (Auximum), составлявшій ключъ къ Равеннѣ, и послѣ взятія этого города зачислилъ готскій гарнизонъ въ имперское войско. Въ концѣ этого года онъ могъ соединить свои силы подъ Равенной, гдѣ находился въ полномъ и непонятномъ бездѣйствіи король Витигесъ. Между тѣмъ король Ѳеодебертъ не ограничился посылкой бургундскаго отряда, а предпринялъ лично походъ въ Италію съ стотысячнымъ войскомъ. Никто не зналъ намѣреній франкскаго короля: идетъ ли онъ въ качествѣ завоевателя, или союзника. Франки прежде всего напали по переправѣ черезъ По на готскій лагерь и заставили готовъ въ страхѣ бѣжать къ Равеннѣ. Византійскіе мелкіе отряды не могли оказать сопротивленія этимъ полудикимъ полчищамъ, отличавшимся необычнымъ вооруженіемъ и отчаянной храбростью. Но франкское войско не имѣло дисциплины и не въ состояніи было исполнить до конца предпринятаго королемъ дѣла. Насытившись военной добычей и сдѣлавшись

жертвой повальной болѣзни, которая истребила громадное число войска, франки скоро возвратились на родину, не измѣнивъ хода военныхъ дѣйствій и не оказавъ вліянія на судьбу готскаго народа.

Постепенно окружаемый имперскими войсками и потерявъ надежду на прибытіе новыхъ готскихъ отрядовъ на выручку Равенны, король Витигесъ разсчитывалъ еще на иноземное вмѣшательство. Такъ, онъ завязалъ сношенія съ лангобардами, занимавшими нынѣшнюю Венгрію, и просилъ у нихъ союза противъ имперіи, но на этотъ разъ безуспѣшно; настоящіе планы франкскаго короля пока еще не были извѣстны Витигесу, и онъ могъ ожидать отъ него вмѣшательства въ дѣла Италіи въ качествѣ друга и союзника готскаго народа. Но послы франкскаго короля, прибывшіе въ Равенну, предлагали союзъ подъ условіемъ уступки имъ половины Италіи; это была слишкомъ дорогая цѣна, притомъ за эту цѣну можно было получить миръ непосредственно отъ самого императора. Была и еще у готскаго короля одна, правда, довольно туманная, но широкая и обольстительная перспектива. Готы имѣли понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ имперій на Востокѣ: византійской и персидской, и хорошо понимали, что Византія могла развивать военную дѣятельность на сѣверной и западной границѣ подъ условіемъ мира и спокойствія на персидской границѣ. Такимъ образомъ начавшіеся между Витигесомъ и царемъ Хозроемъ переговоры сильно безпокоили Юстиніана, который не могъ не отдавать себѣ отчета въ крайнихъ затрудненіяхъ, угрожавшихъ имперіи въ томъ случаѣ, если бы Хозрой нарушилъ миръ въ соглашеніи съ готами [1]). Поэтому императоръ Юстиніанъ снизошелъ къ тому, чтобы милостиво выслушать готскихъ пословъ, уже два года томившихся ожиданіями въ Константинополѣ, и обѣщалъ начать въ Италіи мирные переговоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уполномоченные императора сенаторы Домникъ и Максиминъ прибыли къ Равеннѣ съ порученіемъ заключить миръ. Витигесу предлагалось со стороны императора: 1) выдать половину королевскихъ сокровищъ въ вознагражденіе за военныя издержки, 2) уступить имперіи всю страну на югъ отъ рѣки По. Такимъ образомъ Витигесъ изъ самостоятельнаго государя обширной и богатой страны обращался въ скром-

---

1) Главный источникъ Procopius, „De bello Goth.“, 11, 28. Hartmann, „Gesch. Italiens im Mittelalter“. Gotha. 1897. I. S. 286, въ примѣчаніяхъ къ тексту подробныя указанія литературы.

наго владѣтеля небольшой области между франкской державой и имперіей и утрачивалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, право имѣть собственную внѣшнюю политику. Хотя эти условія были отяготительны, но Витигесъ долженъ былъ принять во вниманіе отчаянныя условія, въ какихъ онъ находился, и взвѣсить то обстоятельство, что по заключеніи мира онъ можетъ дать готамъ покой и свободу въ сѣверной Италіи и обдумать дальнѣйшія рѣшенія, — въ виду этихъ соображеній онъ долженъ былъ принять эти условія. Но дальнѣйшій ходъ событій зависѣлъ отъ неожиданно сложившихся совершенно непредвидѣнныхъ условій. Оказалось прежде всего необходимымъ, чтобы главнокомандующій подтвердилъ своей подписью мирныя условія; между тѣмъ Велисарій, питая увѣренность, что Италію можно обратить въ византійскую провинцію и принудить готовъ къ безусловной покорности, не захотѣлъ дать своего на это согласія [1]). Въ свою очередь, изъ этого обстоятельства, когда оно огласилось между готами, возникли новыя осложненія. Между вождями готскими, бывшими въ Равеннѣ, уже было недовольство противъ короля Витигеса, который не оправдалъ надеждъ народа и велъ столь неудачно войну съ греками. Принятая на себя Велисаріемъ роль, въ которой онъ обнаружилъ несогласіе съ волей и желаніями императора, казалась готскимъ вождямъ и народу достаточной порукой за то, что онъ сумѣетъ гораздо лучше, чѣмъ ихъ король, повести ихъ къ побѣдамъ и къ славѣ. Словомъ, между готами созрѣла мысль предложить Велисарію корону и избрать его въ свои короли; эта мысль не встрѣчала возраженій и со стороны Витигеса, который готовъ былъ сложить съ себя власть. Нужно помнить, что Велисарій тогда осаждалъ Равенну, которая была доведена до крайней степени истощенія. По всей вѣроятности, Велисарій обѣщалъ свое согласіе на предложеніе готовъ [2]), которые предлагали ему титулъ „короля западнаго“. На такихъ условіяхъ была сдана Равенна въ 540 г. Но Велизарій не воспользовался сдѣланными ему предложеніями, а началъ приводить въ исполненіе статьи договора между имперіей и готами. При этомъ на первыхъ же порахъ оказались недоразумѣнія, которыя ставили подъ сомнѣніемъ приведеніе въ исполненіе мирныхъ условій. Велизарій былъ вызванъ

---

[1]) „De bello Goth.“, 11, 29 (p. 266): ἐπειδή τε οἱ πρέσβεις ἐκ Ῥαβέννης πρὸς αὐτὸν ἵκοντο, γράμμασιν οἰκείοις ἐπιρρῶσαι τὰς ξυνθήκας ἥκιστα ἤθελεν.

[2]) „De bello Goth.“, 11, 29 (p. 268): βασιλέα τῆς ἑσπερίας Βελισάριον ἀνειπεῖν ἔγνωσαν.

въ Константинополь, и готы считали себя обманутыми въ возлагаемыхъ на него надеждахъ. Между ними въ послѣднее время наибольшимъ значеніемъ пользовался Урайя, занимавшій Павію; къ нему обратились готскіе вожди съ предложеніемъ короны, но онъ отказался въ пользу Ильдивада, племянника Өейда, короля вестготовъ. Между тѣмъ Велизарій съ королемъ Витигесомъ и королевой и съ плѣнными знатными готами, имѣя съ собой королевскія сокровища, собирался сѣсть на суда, чтобы поднести императору вновь пріобрѣтенную страну, плѣннаго короля и громадныя богатства. Со времени взятія Равенны Византія считала уже поконченнымъ вопросъ о готскомъ королевствѣ, но готскій народъ продолжалъ еще отчаянную борьбу за свою свободу и существованіе.

Прежде чѣмъ продолжать исторію войны съ готами, которая послѣ взятія Равенны получила совершенно новое направленіе и затянулась еще на 15 лѣтъ, бросимъ взглядъ на условія, въ какихъ эта война продолжалась цѣлое двадцатилѣтіе. Императоръ Юстиніанъ несомнѣнно не ожидалъ того упорнаго сопротивленія, которое встрѣтили въ Италіи его полководцы. Были періоды, когда онъ готовъ былъ совсѣмъ оставить дорого стоившее предпріятіе. Колебаніе военнаго счастья и упорная продолжительность готской войны объясняются двумя обстоятельствами: во-первыхъ, слабыми военными силами, которыя дѣйствовали противъ готовъ; во-вторыхъ, дурной администраціей тѣхъ городовъ, которые подпадали власти Византіи, почему римляне скоро начали раскаиваться въ сочувствіи къ византійцамъ. Въ какомъ положеніи былъ Велизарій, главнокомандующій всѣми войсками, видно изъ переписки его съ императоромъ. Когда, напримѣръ, Витигесъ осадилъ его въ Римѣ, у Велизарія было не болѣе 5000 войска; уже тогда римляне жаловались, что на такое громадное предпріятіе византійскій императоръ жалѣетъ войска. Извѣщая Юстиніана объ успѣхахъ готовъ, Велизарій писалъ [1]): „я долженъ былъ оставить гарнизонъ въ Сициліи и Италіи, и со мной теперь всего осталось 5000. Непріятелей же стоитъ противъ насъ 150000. Они обложили городъ, придвинули стѣнобитныя машины, и едва не взяли города штурмомъ, только счастье спасло насъ, и я не могу скрыть, что многое предстоитъ еще сдѣлать: мы

[1]) „De bello Goth.“, 1, 24, p. 114.

нуждаемся въ оружіи и въ войскѣ, безъ чего не можемъ вести дѣла съ такимъ непріятелемъ. Нельзя же всего довѣрять счастью, которое иногда и измѣняетъ. Мы потеряемъ и довѣріе римлянъ, которые могутъ усумниться въ надеждѣ на ваше величество. И того нельзя оставлять безъ вниманія, что Римъ не удержишь на долгое время однѣми военными силами, его еще нужно снабжать запасами. Я не ручаюсь за благорасположеніе римлянъ, если мы не предотвратимъ голода". Велизарію пришлось еще много разъ писать такія письма, но императоръ какъ-будто совсѣмъ забылъ о немъ. Толпы сборщиковъ податей являлись изъ Византіи въ тѣ провинціи, которыя подпадали власти императора, и истощали населеніе непомѣрными поборами; шайки варваровъ, которыми не могъ пренебрегать Велизарій, немилосердно грабили друзей и враговъ императора. Между тѣмъ готы, подъ предводительствомъ народныхъ героевъ, выказывали болѣе снисходительности къ самимъ врагамъ; затянувшаяся надолго война поколебала, наконецъ, увѣренность римлянъ — останутся ли побѣдителями императорскіе полководцы, или готы. Римъ пять разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ 536—взятъ Велизаріемъ; въ 546—Тотилой; въ 547—Велизаріемъ; въ 549—Тотилой; въ 552—Нарсесомъ. Черезъ 10 лѣтъ Велизарій [1]) писалъ: „У насъ нѣтъ людей, лошадей, оружія и денегъ, безъ чего, конечно, нельзя продолжать войны. Итальянскія войска состоятъ изъ неспособныхъ и трусовъ, которые боятся непріятеля, потому что много разъ были имъ разбиты. При видѣ врага они оставляютъ лошадей и бросаютъ на землю оружіе. Въ Италіи мнѣ не откуда доставать денегъ, она вся находится во власти враговъ. Задолжавъ войскамъ, я не могу поддерживать военнаго порядка: отсутствіе средствъ отнимаетъ у меня энергію и рѣшительность. Да будетъ извѣстно и то, что многіе изъ нашихъ перешли на сторону непріятеля. Если, государь, ты желалъ только отдѣлаться отъ Велизарія, то вотъ я дѣйствительно нахожусь теперь въ Италіи; если же ты желаешь покончить съ этой войной, то нужно бы позаботиться и еще кое о чемъ. Какой же я стратигъ, когда у меня нѣтъ военныхъ средствъ"!

Мы сказали, что во второй періодъ войны роли перемѣнились.

---

[1]) Procopii, „De bello Goth.", III, 12, p. 325.

Теперь готы стали наступающей стороной, а греки должны были защищаться въ занятыхъ ими областяхъ къ югу отъ рѣки По. За отозваніемъ Велизарія, котораго предположено было отправить на востокъ противъ персовъ, въ Италіи военная и гражданская власть раздѣлена была между разными вождями: Бессой, Іоанномъ и Константіаномъ, при чемъ послѣдній получилъ въ свою власть Равенну и ея гарнизонъ. Отдѣльные вожди расположились съ подчиненными имъ дружинами по разнымъ областямъ и въ мирное время наводили страхъ на сельское населеніе грубыми насиліями, вымогательствами и грабежами. Частію на югъ отъ рѣки По, а главнымъ образомъ на сѣверъ, сосредоточивались небольшіе отряды готовъ; между прочимъ, около короля Ильдивада составился значительный корпусъ въ городѣ Тичино, къ нему стали скоро присоединяться и перебѣжчики изъ имперскихъ войскъ. Ильдивадъ сдѣлался народнымъ героемъ послѣ одержанной имъ побѣды надъ Виталіемъ, носившимъ званіе главнокомандующаго Иллирикомъ. Но его политическая роль была весьма кратковременна: онъ былъ убитъ во время пира своимъ оруженосцемъ. Положеніе вещей измѣнилось въ пользу готовъ тогда, когда въ короли былъ избранъ Тотила, родственникъ Ильдивада, который далъ обѣщаніе продолжать военный планъ погибшаго короля и чрезвычайно искусно воспользовался отсутствіемъ организаціи и единства команды въ имперскихъ отрядахъ. Юстиніанъ, далеко не одобрявшій бездѣйствія своихъ генераловъ, послалъ имъ въ подкрѣпленіе отрядъ персидскихъ военноплѣнныхъ, присланныхъ Велизаріемъ, и требовалъ открытія военныхъ дѣйствій. Послѣ того какъ не удалась попытка овладѣть Вероной и императорское войско постыдно должно было снова возвратиться къ Равеннѣ, Тотила со всѣми силами, какія только онъ могъ собрать (5 тысячъ), сдѣлалъ нападеніе на главную часть греческаго войска и нанесъ ей такое пораженіе, что разбитый отрядъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ и за стѣнами укрѣпленныхъ городовъ. Скоро затѣмъ Тотила одержалъ еще новую побѣду близь Флоренціи, и тогда съ очевидностью обнаружилось, что готскій король владѣетъ военнымъ искусствомъ, котораго недоставало императорскимъ полководцамъ. Военный планъ Тотилы, совершенно непонятый греками и смутившій ихъ, состоялъ въ томъ, чтобы, не предпринимая осады крѣпостей, овладѣть всѣми открытыми областями, изолировать греческіе гарнизоны, сидѣвшіе въ го-

родахъ, и лишить ихъ внѣшнихъ сношеній. Если случай или военная хитрость давала ему во владѣніе крѣпость, то онъ разрушалъ ея стѣны и сравнивалъ ее съ землей, дабы впослѣдствіи непріятель не нашелъ въ ней укрытія. Такъ, онъ перешелъ Апеннины, оставилъ въ сторонѣ Римъ и смѣло двинулся въ Кампанію. Взявъ Беневентъ и разрушивъ его, онъ подошелъ къ Неаполю и овладѣлъ имъ, несмотря на посланную изъ Константинополя помощь осажденному городу. Вся южная Италія перешла вновь подъ власть готскаго короля, который сталъ распоряжаться экономическими средствами страны въ пользу готскаго народа и возстановилъ его духъ, давъ ему надежды на лучшую судьбу въ ближайшемъ будущемъ. Въ высшей степени любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что на сторону Тотилы стало большинство сельскаго населенія, и что его военныя средства постоянно увеличивались приливомъ добровольныхъ перебѣжчиковъ изъ имперскихъ отрядовъ. Отмѣчено изслѣдователями, кромѣ того, что Тотила весьма искусно использовалъ соціальное положеніе Италіи, подавъ руку рабамъ, крѣпостнымъ крестьянамъ и поддержавъ ихъ движеніе противъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые и въ политическомъ отношеніи болѣе склонялись къ императорской партіи, чѣмъ къ поддержанію готской власти. Такимъ образомъ, привлеченіемъ на свою сторону сельскаго крестьянскаго населенія и усиленіемъ военныхъ силъ бѣжавшими отъ господъ рабами Тотила могъ создать въ Италіи такой соціальный и политическій переворотъ, съ какимъ трудно было бы справиться спрятавшимся въ защищенные города имперскимъ отрядамъ [1]).

Весной 543 г. сдался Тотилѣ Неаполь, хотя Юстиніанъ, вполнѣ оцѣнивая громадное значеніе этого морского города, послалъ на помощь ему вспомогательный отрядъ и съѣстные припасы, которые, однако, достались побѣдителю. Съ этихъ поръ Тотила могъ считать себя господиномъ въ южной Италіи. Его планы и настроеніе того времени хорошо поясняютъ письма къ сенату и прокламаціи къ римскому населенію. Онъ обѣщаетъ сенату забвеніе его антиготской политики, если онъ соединитъ на будущее время національные интересы Италіи съ готско-королевскими. Прокламаціи его въ Римѣ разбрасывались неизвѣстными людьми и производили большое впе-

---

[1]) Procop. III, 6, 9—13 (p. 301, 312, 327).

чатлѣніе. Когда императоръ получилъ донесеніе о ходѣ дѣлъ въ Италіи, онъ рѣшился послать сюда снова того полководца, который уже ранѣе прославилъ себя военными успѣхами въ Италіи и который въ настоящее время, будучи вызванъ съ Востока, находился не у дѣлъ. Хотя Юстиніанъ не вполнѣ довѣрялъ Велисарію, но такъ какъ положеніе въ Италіи было въ высшей степени серьезное, то онъ назначилъ его снова главнокомандующимъ для войны съ готами. Выше мы привели часть письма, отправленнаго Велисаріемъ къ императору, въ которомъ рисуется чрезвычайно яркими чертами странная небрежность императора по отношенію къ знаменитому полководцу. Къ 545 г. опасность угрожала Риму, куда Тотила стягивалъ свои силы, и гдѣ находилось для защиты огромнаго города не больше 3000 воиновъ подъ предводительствомъ Бесса. Велисарію предстояло, во что бы то ни стало, выручить осажденный городъ, въ которомъ скоро обнаружился недостатокъ продовольствія. Съ крайними затрудненіями ему удалось собрать небольшую дружину въ Далмаціи и доставить ее на корабляхъ въ Остію, но его смѣлый планъ пробраться въ Римъ по Тибру и доставить въ городъ съѣстные припасы не удался вслѣдствіе ошибокъ подчиненныхъ ему вождей. Велисарій долженъ былъ предоставить Римъ его собственной судьбѣ, а 17 декабря 546 г. Тотила вошелъ въ Римъ почти безъ сопротивленія. Хотя Тотила предложилъ императору приступить къ переговорамъ о мирѣ, но въ Византіи были далеки отъ этой мысли, относясь къ Тотилѣ какъ къ бунтовщику и требуя безусловнаго подчиненія. Тотила не могъ долго оставаться въ Римѣ, такъ какъ греки начали въ это время брать перевѣсъ въ южной Италіи; онъ принялъ-было рѣшеніе срыть стѣны города Рима и опустошить его, чтобы лишить Велисарія возможности найти въ немъ защиту, но его остановила мысль о почтенной древности города и національномъ его значеніи. Взявъ съ собой въ заложники нѣкоторыхъ сенаторовъ и городскихъ нобилей, Тотила оставилъ Римъ почти опустѣлымъ и отправился въ южную Италію. Велисарій воспользовался этимъ и, занявъ Римъ, поспѣшилъ частью исправить, частью возстановить его укрѣпленія; чтобы упрочить свое положеніе и побудить Юстиніана дать больше средствъ на итальянскую войну, онъ послалъ ему ключи отъ города и привѣтствовалъ съ достигнутымъ безъ большихъ жертвъ важнымъ успѣхомъ. Несомнѣнно, что владѣніе Римомъ обезпечивало за Велисаріемъ и даль-

нѣйшіе успѣхи, но подозрительный Юстиніанъ не давалъ ему денегъ и не посылалъ ему его собственной, преданной ему храброй дружины, которая оставалась въ Константинополѣ. При такихъ обстоятельствахъ Велисарій заявилъ желаніе возвратиться въ столицу, и ему дано было разрѣшеніе вновь покинуть Италію. Несмотря на значительные успѣхи, какіе были достигнуты Тотилой по удаленіи Велисарія на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, все же слѣдуетъ сказать, что исходъ войны явно склонялся не въ пользу готовъ. Въ 549—550 г. Тотила, овладѣвъ снова Римомъ, пытался возстановить въ немъ обычную городскую жизнь: снабдилъ его хлѣбомъ, сталъ давать представленія въ циркѣ, призвалъ въ городъ разбѣжавшихся сенаторовъ и торговыхъ людей. Въ то же время, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно судовъ, онъ направилъ въ южную Италію военные отряды и вытѣснилъ грековъ изъ Тарента и Регіума. Не ограничиваясь этимъ, онъ простиралъ морскія экспедиціи на острова Сицилію, Сардинію и Корсику.

Наконецъ, Юстиніану наскучила безнадежно затянувшаяся итальянская война. Онъ рѣшился послать въ Италію и новыхъ военачальниковъ и новыя войска. Выборъ его остановился на патрикіи Германѣ. Это былъ чрезвычайно популярный въ имперіи человѣкъ, не говоря уже о томъ, что, какъ племянникъ царицы Ѳеодоры, онъ могъ пользоваться большимъ вліяніемъ при дворѣ. Поручить ему окончаніе готской войны, можетъ-быть, побуждало Юстиніана и то соображеніе, что за Германомъ была въ замужествѣ Матасунѳа, внучка короля Ѳеодориха, и что съ этимъ именемъ для готовъ соединялись дорогія національныя воспоминанія. Но Германа постигла неожиданная смерть, прежде чѣмъ онъ принялъ новое назначеніе. Въ 551 г. назначенъ былъ въ Италію евнухъ Нарсесъ, который выговорилъ отъ императора обѣщаніе, что ему не будетъ отказано въ необходимыхъ на веденіе войны средствахъ. Хотя король Тотила и, по его смерти (552 г.), полководецъ его Тейя оказывали геройское сопротивленіе и пользовались всѣми средствами, чтобы отстоять свободу оставшейся отъ продолжительной войны горсти готскаго народа, но Юстиніанъ не хотѣлъ вступить съ ними ни въ какія соглашенія. По словамъ Прокопія, разъ послы Тотилы говорили Юстиніану: „Италія опустошена войной и лишена мирнаго населенія и частью завоевана франками. Только двѣ провинціи—Сицилія и Далмація—еще могутъ



Рис. 54. Христосъ съ апостолами и мученицами. Церковь св. Пуденціаны въ Римѣ.

быть предметомъ спора, возьмите ихъ себѣ и оставьте намъ опустошенную страну. Мы обѣщаемъ платить дань и доставлять вспомогательный отрядъ на всякую войну императора".—Но императоръ не хотѣлъ и слушать пословъ, ему было ненавистно самое имя готскаго народа. Снабженный достаточными военными средствами, Нарсесъ окончилъ подчиненіе Италіи въ 555 году.

По окончаніи войны Италія представляла весьма жалкій видъ опустошенія и одичалости. Частная собственность погибла во время осадъ городовъ, отъ военныхъ набѣговъ и поборовъ, вымогательства и грабежей военной вольницы. Страна была покрыта трупами и развалинами. Голодъ и моровая язва цѣлыя области обратили въ пустыню. Современный лѣтописецъ выражается: „отъ времени консула Василія до Нарсеса римскіе провинціалы совсѣмъ уничтожены", а папа Пелагій писалъ: „итальянскія помѣстья такъ опустошены, что нѣтъ возможности возстановить ихъ" [1]).

Прокопій пытался-было опредѣлить число жертвъ войны, но нашелъ, что легче перечислить песокъ морской, чѣмъ число смертей отъ „этого демона, принявшаго человѣковидный образъ" [2]). Знатные роды въ провинціальныхъ городахъ, въ особенности въ Римѣ, были, за немногими исключеніями, уничтожены. Временный побѣдитель, былъ ли это готъ, или византіецъ, бралъ въ заложники младшихъ членовъ лучшихъ родовъ и, когда военное счастье переходило на сторону врага, немилосердно убивалъ заложниковъ. Оттого послѣ готской войны на мѣсто прежней разоренной и погубленной аристократіи, во главѣ городского населенія организуется новая, не имѣвшая тѣхъ родовыхъ историческихъ преданій, какія еще были сильны, напр., у Боэція и Симмаха. Среди новообразующейся аристократіи римскій епископъ занялъ по праву почетнѣйшее мѣсто какъ хранитель преданій и блюститель народныхъ интересовъ (рис. 54).

На первыхъ же порахъ послѣ подчиненія итальянцы почувствовали всѣ невыгоды политической перемѣны. Уже евнухъ Нарсесъ, первый намѣстникъ Италіи, подалъ поводъ къ жалобамъ [3]): „римлянамъ гораздо лучше было при готахъ, чѣмъ подъ господствомъ грековъ; евнухъ Нарсесъ держитъ насъ въ самомъ гнетущемъ

---

[1]) Hartmann, I. S. 405. Anm. 4; ср. Прокопій „De bello Gothico", II, c. 20.

[2]) Hist. Arc., 18 (p. 106).

[3]) Pauli Diaconi, II, c. 5; жалоба обращена къ имп. Юстину II и его супругѣ Софіи.

рабствѣ; освободи насъ отъ его руки, либо въ противномъ случаѣ мы передадимся чужеземному народу". Въ 554 г. Юстиніанъ издалъ для Италіи законъ [1]), подъ именемъ Pragmatica sanctio, которымъ формулировалъ политическія и гражданскія отношенія новыхъ подданныхъ. Изъ этого законодательства видно, что Юстиніанъ смотрѣлъ на Италію какъ на провинцію, которая ничѣмъ не должна отличаться въ своемъ устройствѣ отъ другихъ византійскихъ провинцій; поэтому общее законодательство имперіи и впредь имѣвшія выходить новеллы признавались обязательными также и въ Италіи [2]). Существенныя черты Прагматической санкціи заключаются въ слѣдующемъ: въ ней проведено полное отдѣленіе гражданской и военной власти. Византійское войско имѣло гарнизоны по городамъ и подчинено особымъ tribuni и duces, римское городовое и сельское населеніе осталось подъ управленіемъ гражданскихъ чиновниковъ, praesides или iudices. Любопытное отступленіе отъ порядковъ, существовавшихъ въ имперіи, состояло въ томъ, что итальянцы сами выбирали себѣ чиновниковъ и непремѣнно изъ той же провинціи и изъ жителей того же города. Далѣе, прагматическая санкція возстановила нарушенныя войной личныя и имущественныя права, при чемъ съ особенной выразительностью приняты Юстиніаномъ всѣ акты Аталариха, Амаласунѳы и Ѳеодата, и лишены силы распоряженія тирана Тотилы. Готскія sortes, вѣроятно, снова отошли къ прежнимъ владѣльцамъ и потомкамъ ихъ, а можетъ-быть, сдѣлались фискальнымъ имуществомъ. Важнѣйшая же для насъ сторона этого закона—о городовомъ устройствѣ и о правахъ римскаго епископа и духовенства. Муниципальное устройство признано господствующимъ и въ Италіи. Юстиніанъ пытался даже возстановить жалкій видъ куріи; но его новеллы, какъ и законоположенія императоровъ V вѣка, не достигали цѣли и могутъ лишь служить матеріаломъ для ознакомленія съ безпомощнымъ состояніемъ куріи, потому что муниципальные чины и члены куріи были подавлены ограниченіями и отвѣтственностью [3]). Изъ новеллъ Юсти-

---

[1]) Zachariae a Lingenthal, „Iustiniani novellae Constitutiones" („Bibl. Teubneriana"), CLXIV, p. 354 (a. 554).

[2]) Pragmat. c. XI: „Iura vel leges Codicibus nostris insertas, quas in Italiam dudum misimus, obtinere sancimus.. ut una deo volente facta republica legum etiam nostrarum ubique prolatetur auctoritas".

[3]) Hartmann, „Untersuchungen zur Gesch. der byzantin. Verwaltung", Leipzig, 1889, S. 46, 150.

ніана видимъ, что курія сдѣлалась предметомъ ненависти, куріалы охотно спускаютъ за безцѣнокъ имущества, чтобы не оставлять куріи законной четверти изъ своего состоянія, избѣгаютъ законныхъ браковъ, чтобы не оставить потомства въ куріи. Правительство видѣло одно средство поддержать это учрежденіе — въ принудительныхъ мѣрахъ. Только лица, занимавшія высшія государственныя должности, освобождаемы были отъ службы въ куріи; прежде владѣлецъ могъ самовольно распоряжаться тремя четвертями своего имущества, Юстиніанъ ограничилъ это право одной четвертью, все же остальное переходило въ куріальную собственность. Нѣкоторые роды проступковъ карались зачисленіемъ виновнаго въ курію. Муниципальный магистратъ, конечно, долженъ былъ отступить на задній планъ, его замѣняютъ въ судебныхъ дѣлахъ defensores, въ дѣлахъ городского хозяйства Pater civitatis (можетъ-быть, то же, что Curator), тотъ и другой утверждались въ своихъ званіяхъ императоромъ.

Но важнѣйшимъ лицомъ въ городѣ, вліяніе котораго простиралось на управленіе, судъ и полицію, былъ городской епископъ. Святѣйшій епископъ города, говоритъ одна новелла [1]), избираетъ городскихъ правителей (patrem civitatis... administratores); по истеченіи каждаго года св. епископъ съ пятью почетнѣйшими гражданами требуетъ отчета отъ этихъ администраторовъ, т.-е. подъ ближайшій надзоръ мѣстнаго епископа постановлены были администрація и доходы городовъ; ему же подлежитъ надзоръ и за нравственностью населенія. Излишне было бы говорить, что Юстиніанъ далъ епископамъ небывалыя полномочія, что его законъ пролагалъ епископамъ широкую дорогу къ свѣтской власти. Вліяя на выборы мѣстныхъ чиновниковъ, располагая правомъ во всякое время обвинить ихъ въ преступленіи, епископъ, конечно, скоро долженъ былъ сдѣлаться полнымъ хозяиномъ въ городѣ, въ особенности въ удаленной отъ центральной власти Италіи, въ особенности, когда нѣкоторые города въ теченіе долгихъ лѣтъ лишены были возможности сноситься съ центральнымъ правительствомъ.

Хотя война въ Италіи была закончена и готы не представляли уже даже на сѣверъ отъ рѣки По такой матеріальной силы, съ которой византійское правительство считало бы нужнымъ про-

[1]) Nov. 128, c. 16.

должать борьбу, тѣмъ не менѣе, предстояла еще серьезная организаціонная работа по устройству новой провинціи. Въ особенности въ сѣверной Италіи нужно было считаться съ притязаніями франкскихъ королей, которые во время военнаго періода не разъ дѣлали походы въ Италію и постепенно распространяли свою власть на принадлежавшія готамъ области. Установить на сѣверѣ государственную границу имперіи представлялось затруднительнымъ и въ томъ отношеніи, что по замиреніи Италіи здѣсь продолжались нѣкоторое время военныя дѣйствія близь Вероны и Брешіи, послѣ занятія которыхъ императорскими войсками граница доходила здѣсь до Альповъ. Назначенный съ обширными полномочіями для покоренія готовъ Нарсесъ оставался въ Италіи приблизительно до 568 г., и ему принадлежатъ всѣ мѣропріятія по устроенію новой провинціи. Хотя у нѣкоторыхъ писателей ему усвояется наименованіе эксарха, но фактически при немъ Италія не получила еще окончательнаго устройства и не подведена подъ рангъ провинцій съ именемъ эксархіи.

Въ первый разъ титулъ эксарха упоминается въ письмѣ папы Пелагія II отъ 584 г. и прилагается къ патрицію Децію, имѣвшему свое пребываніе въ Равеннѣ. Нарсесъ въ системѣ устроенія Италіи руководился обычными пріемами римской политики. Первая и важнѣйшая задача сосредоточивалась на охранѣ границъ, для чего предстояло организовать пограничные отряды—limitanei, съ необходимымъ числомъ военныхъ укрѣпленій, подчиненныхъ дукамъ и трибунамъ. Эти пограничные отряды составлялись изъ мѣстнаго населенія или изъ военныхъ людей, принимавшихъ участіе въ завоеваніи данной области, и были надѣлены земельными участками, съ которыхъ они и несли военную службу. Эта система перешла отъ Рима къ Византіи и держалась въ имперіи почти до турецкаго завоеванія. Хотя границы провинціи Италіи по окончаніи готской войны недолго оставались въ тѣхъ предѣлахъ, которые установлены были Нарсесомъ, будучи нарушены лангобардскимъ вторженіемъ, тѣмъ не менѣе, намъ необходимо теперь же остановиться на нѣкоторыхъ географическихъ подробностяхъ съ цѣлью выясненія границъ эксархата. Византійская провинція на сѣверо-западѣ обнимала часть древней Лигуріи, ея граница направлялась отъ Генуэзскаго залива къ франкскому королевству. Во владѣніи имперіи здѣсь были города: Вентимилья, Албенга (въ Провансѣ), Генуя. На сѣверѣ границы им-

періи шли по Альпамъ, Миланъ былъ здѣсь главнымъ городомъ имперіи. На сѣверо-востокѣ пограничная линія была организована устройствомъ Фріульской марки, гдѣ укрѣпленіе castrum Julium или Фріуль составляло центръ военнаго господства надъ областями, населенными неспокойными и частью варварскими племенами. Защита этой области была ввѣрена предводителю геруловъ Сандалу, его власть простиралась на сѣверо-востокѣ до Дравы. Военная власть въ пограничныхъ областяхъ была значительно усилена еще Нарсесомъ и вручена не дукамъ, а генераламъ съ титуломъ magister militum. По Адріатикѣ отдѣльныя управленія сосредоточивались въ дукатѣ Венеція и въ Истріи. Здѣсь при началѣ лангобардскаго завоеванія былъ построенъ городъ Юстинополь или Капо д'Истрія. Большая или меньшая устойчивость византійскаго господства въ Венеціи и Истріи зависѣла отъ того, на сколько твердо было положеніе имперіи въ Далмаціи, гдѣ была стоянка флота, и откуда можно было во всякое время послать вспоможеніе въ угрожаемыя непріятелемъ мѣста Венеціи и Истріи [1]). Такъ какъ лангобардское движеніе въ Италію снова приведетъ насъ на сѣверо-восточныя границы провинціи Италіи, то, не останавливаясь далѣе на затронутыхъ вопросахъ, ограничимся въ заключеніе этой главы выясненіемъ новой роли, которая выпала вмѣстѣ съ завершеніемъ разсмотрѣннаго политическаго переворота на долю Равенны. Этому городу суждено было на долгое время перенести на себя центръ политическаго и административнаго строя Италіи и стать соперникомъ старой столицы римской имперіи, гордаго своими старыми традиціями Рима. И прежде всего скромный епископъ Равенны послѣ того, какъ въ этомъ городѣ назначено было пребываніе императорскаго намѣстника, патрикія и эксарха, со всѣми подчиненными ему военными и гражданскими чинами и управленіями, постепенно выросъ въ своемъ значеніи и авторитетѣ совершенно по тѣмъ же мотивамъ, которые обусловили возвышеніе епископа Константинополя послѣ перенесенія сюда столицы имперіи. Епископъ Равенны по необходимости сдѣлался духовнымъ совѣтникомъ императорскаго намѣстника и воспользовался своимъ вліяніемъ въ интересахъ своей церкви. Въ то же время онъ сталъ вѣрнымъ слугой императора и являлся проводникомъ византійскихъ церков-

---

[1]) Diehl, „Études sur l'administr. byzantine dans l'Exarchat de Ravenne", p 43—46.



Рис 55. Каѳедра епископа Максиміана въ церкви св. Виталія.

ныхъ взглядовъ въ Италіи. За свои заслуги епископъ Равенны пользовался милостями царя и увеличилъ доходы своей церкви до громадныхъ размѣровъ. Ему принадлежали обширныя земельныя пожалованія въ разныхъ частяхъ Италіи и въ Сициліи. Сохранившіеся фрагменты имущественныхъ актовъ равеннской архіепископіи [1]) могутъ свидѣтельствовать, до какихъ большихъ суммъ доходили земельная подать и арендная плата въ пользу этой церкви особенно со времени окончанія войны съ готами. Равеннскіе архіепископы начинаютъ съ этихъ поръ украшать свой каѳедральный городъ великолѣпными и съ большими издержками соединенными церковными постройками (рис. 55). Лучшіе мастера были приглашаемы изъ Константинополя и другихъ восточныхъ городовъ, чтобы придать этимъ постройкамъ блескъ тогдашняго искусства. Великолѣпныя мозаичныя работы, съ точки зрѣнія исторіи искусства составляющія драгоцѣнный памятникъ, относятся именно къ этому времени политическаго и матеріальнаго возвышенія города Равенны. Таковы обѣ всемірной извѣстности базилики: Санъ Витале и Санъ Аполлинаре in Classe, начало постройки которыхъ относится еще къ готскому періоду. Богатые банкиры города состязались съ епископами въ благородной ревности къ художественнымъ произведеніямъ и къ поощренію мастеровъ. Изображенія Юстиніана и Ѳеодоры въ царскихъ облаченіяхъ въ сопровожденіи придворныхъ чиновъ обоего пола въ базиликѣ Санъ Витале и другія художественныя произведенія Равенны, сохранившіяся по настоящее время, составляютъ лучшее изъ того, что древность сберегла отъ переходной эпохи изъ классическаго искусства къ византійскому. Рядомъ съ равеннскими мозаиками могутъ стоять лишь тѣ, которыя недавно открыты въ Солуни, въ древней базиликѣ св. Димитрія, нынѣ мечети Кассиміэ.

Итальянская война приходила уже къ концу, всколыхнувъ своими роковыми для остготскаго народа послѣдствіями весь тогдашній европейскій міръ. Хотя прямыхъ сношеній съ вестготами, занимавшими тогда береговую полосу между Роной и Пиренеями (Септиманія), Испанію и нѣкоторыя мѣстности за Гибралтарскимъ проливомъ, у имперіи не могло быть, но безграничныя притязанія Юстиніана простирались на всѣ области, бывшія когда-либо подъ властью рим-

[1]) Hartmann, „Untersuchungen zur Gesch. der byzantin. Verwaltung in Italien". S. 86, 87, 169.

скихъ императоровъ. Съ точки зрѣнія императора всѣ владѣтели народовъ въ предѣлахъ прежней имперіи должны признавать въ немъ своего верховнаго господина. Какъ защитникъ христіанской церкви и единственный блюститель истины, онъ признавалъ за собой обязанности по отношенію къ невѣрнымъ и иновѣрнымъ. Онъ обладаетъ миссіей вездѣ распространять знаніе истинной вѣры, а какъ весь міръ долженъ принадлежать царству Божію, то по божественному праву вся земля подчинена императору. У Евсевія находимъ слѣдующую формулу для идеи универсальной имперіи [1]). „Было время, когда міръ былъ раздѣленъ по народамъ и областямъ на огромное множество владѣній, тиранній и княженій: отсюда постоянныя войны съ грабежами и хищеніями. Это раздѣленіе основывалось и на различіи божествъ, почитаемыхъ въ разныхъ странахъ. Нынѣ же, когда крестъ, орудіе спасенія и трофей побѣды, явился на землѣ, дѣло демоновъ, т.-е. ложные боги, распалось прахомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончилась пора тиранній, княженій и республикъ. Одинъ Богъ владычествуетъ всѣми, одна имперія для обладанія всѣми народами. Въ одно и то же время по небесному изволенію появились два ростка, которые поднялись надъ землей и покрыли своей тѣнью весь міръ— это римская имперія и христіанская вѣра, предназначенныя соединить въ своихъ нѣдрахъ весь родъ человѣческій въ вѣчномъ единеніи. Уже греки, варвары и народы, обитающіе въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, услышали голосъ истины, но этимъ не оканчивается область завоеваній. Область распространенія ея господства идетъ до предѣловъ земли. Весь міръ составитъ одну націю, всѣ люди соединятся въ одну семью подъ общимъ скипетромъ“. Соединить цѣлый міръ въ императорскомъ и христіанскомъ единствѣ— такова безграничная перспектива, открывавшаяся передъ императорскимъ честолюбіемъ и находившаяся въ согласіи съ вѣрованіями и настроеніями современниковъ Юстиніана [2]).

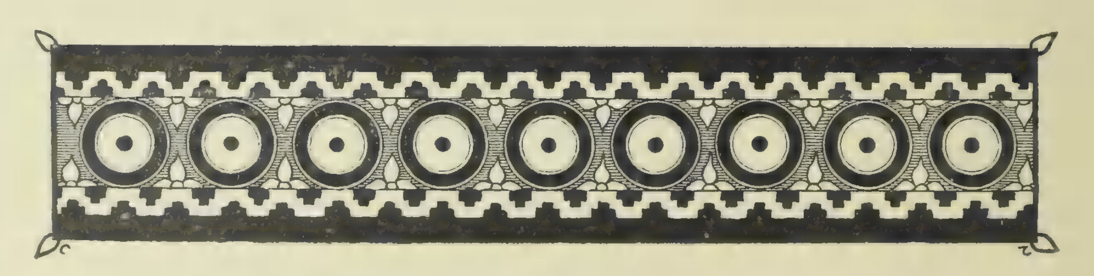
Еще въ 534 г. Велисарій вытѣснилъ вестготовъ изъ Африки, отнявъ у нихъ крѣпость Септъ или Сеитъ. Во время итальянской войны вестготы пытались подать помощь своимъ сородичамъ въ Италіи, чѣмъ, конечно, должны были вызвать къ себѣ нерасположе-

---

1) „Vita Constant.“ 1. 8, II. 19; „De laud. Const.“, c. 16.

2) Diehl, „Iustinien et la civilisation Byzantine“, p. 131.

ніе императора. Ко времени окончательнаго подчиненія Италіи у вестготовъ возникли раздоры, обострившіеся, между прочимъ, на религіозной почвѣ. Мѣстное католическое духовенство и туземное населеніе романскаго происхожденія не могли мириться съ аріанами-вестготами, вслѣдствіе чего между тѣми и другими происходила упорная борьба, не допускавшая, напримѣръ, общенія браками. Со времени короля Ѳейда столица была перенесена въ Испанію, и Толедо сдѣлался главнымъ городомъ королевства. При немъ же предпринята была военная экспедиція въ Африку съ цѣлью облегчить готамъ борьбу съ имперіей въ Италіи, но подъ Септомъ вестготы потерпѣли пораженіе. Въ періодъ завершенія итальянской войны въ Испаніи происходила смѣна лицъ, носившихъ королевскій титулъ, и внутренніе раздоры. Противъ короля Агилы возсталъ вождь Аѳанагильдъ, послѣдній выставилъ мотивомъ борьбы религіозную политику, привлекъ на свою сторону мѣстныхъ католиковъ и просилъ помощи у Юстиніана. Такъ какъ вмѣшательство въ испанскія дѣло соотвѣтствовало притязаніямъ императора на міробладаніе, то онъ приказалъ патрикію Либерію, командовавшему морскими судами, идти въ Испанію и оказать содѣйствіе Аѳанагильду. Агилѣ было нанесено пораженіе, и онъ былъ убитъ. Либерій успѣлъ захватить нѣсколько городовъ въ южной Испаніи и утвердить здѣсь византійское господство. Хотя Аѳанагильдъ, избранный королемъ (554—567), скоро понялъ угрожавшую опасность отъ вмѣшательства имперіи въ испанскія дѣла и оказалъ греческому отряду сопротивленіе, тѣмъ не менѣе Малага, Кордова и др. города остались подъ властью Византіи. Такимъ образомъ, вслѣдствіе этихъ походовъ на отдаленный юго-западъ, имперія расширилась новыми завоеваніями. Кромѣ острововъ Сардиніи, Корсики и Балеарскихъ, къ имперіи была присоединена часть Испаніи и западной Африки. Но это были послѣднія завоевательныя предпріятія Юстиніана.



ГЛАВА III.

СѢВЕРО-ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА ИМПЕРІИ. ПОЯВЛЕНІЕ СЛАВЯНЪ НА ДУНАѢ. УТВЕРЖДЕНІЕ АВАРЪ ВЪ ПАННОНІИ И ВЕНГРІИ.

Ко времени вступленія на престолъ Юстиніана еще не закончился процессъ великаго передвиженія народовъ, сѣверная и сѣверо-западная границы Византійской имперіи продолжали еще внушать серіозныя опасенія въ виду появленія новыхъ варварскихъ народовъ различнаго происхожденія, которые, не поддаваясь никакимъ мѣрамъ византійской политики, неудержимо напирали на границу и дѣлали постоянныя вторженія въ предѣлы имперіи. Въ самомъ началѣ VI в. Анастасій принужденъ былъ защитить ближайшія окрестности Константинополя, проведя громадное сооруженіе между Чернымъ и Мраморнымъ морями на разстояніи приблизительно 40 верстъ отъ Константинополя (линія Деркоңъ-Силиврія). Но это сооруженіе, извѣстное подъ названіемъ Длинныхъ стѣнъ и изумительное по примѣненію къ нему громадныхъ силъ и средствъ, не достигало цѣли и не всегда останавливало смѣлаго и отважнаго врага, который прорывался черезъ стѣны и нерѣдко опустошалъ предмѣстья столицы. Имперія нуждалась для своей защиты и благополучія въ живомъ и разумномъ инвентарѣ, котораго недоставало при громадныхъ по протяженію границахъ и при неимовѣрныхъ притязаніяхъ императора. Съ теченіемъ времени найдено было возможнымъ привлекать на военную службу или цѣлые народы, уступая имъ земли для поселенія, или отдѣльныя дружины военныхъ людей, платя жалованье предводителямъ ихъ. Эта система, при всѣхъ ея хорошо сознаваемыхъ правительствомъ невыгодахъ и часто опасностяхъ, господствовала въ имперіи въ занимающій насъ періодъ какъ наименьшее изъ золъ и создавала на границахъ цѣлую сѣть

чуждыхъ народностей, которыя стояли съ ней въ разнообразныхъ отношеніяхъ и имѣли уже въ границахъ Византійскаго государства своихъ сородичей или въ качествѣ федератовъ, или колонистовъ, вступившихъ въ подданство императора. Давно уже дознано, что Византійская имперія безсознательно исполняла роль культурнаго посредника между новыми народами и противъ своего желанія втягивала ихъ не только въ сферу культурныхъ условій жизни, но и въ культурныя провинціи имперіи.

Однимъ изъ болѣе рѣзкихъ наблюденій, выведенныхъ изъ фактовъ предыдущей главы, несомнѣнно нужно признать поразительную слабость военныхъ силъ, какими располагали полководцы Юстиніана на западныхъ окраинахъ имперіи. И при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что африканская война ведена была при участіи наемныхъ дружинъ, а въ итальянской туземныя византійскія войска были въ меньшинствѣ, главные же контингенты получались съ сѣверозападной границы отъ франковъ, лангобардовъ, геруловъ и славянъ. Эта граница при Юстиніанѣ представляла весьма серіозную опасность, которая и была имъ вполнѣ оцѣнена, если принимать въ соображеніе громадныя денежныя средства, употребленныя имъ на возобновленіе старыхъ и постройку новыхъ крѣпостей на сѣверной границѣ и въ частности на Дунаѣ. Но, имѣя въ виду громадной важности событія, которыя подготовлялись въ царствованіе Юстиніана, и которыя къ концу VI вѣка, несмотря на построенныя имъ укрѣпленія, стали безповоротно совершившимся фактомъ, мы должны заключить, что его политика въ этомъ отношеніи не соотвѣтствовала реальнымъ потребностямъ того времени.

Нижнее и среднее теченіе Дуная приблизительно до устьевъ Тиссы или нынѣшняго Бѣлграда продолжало служить номинальной сѣверной границей имперіи, хотя фактически власть императора на Дунаѣ была уже значительно поколеблена, и небольшіе византійскіе гарнизоны держались лишь въ немногихъ городахъ. Фактически на Дунаѣ власть принадлежала тогда народамъ германскаго и славянскаго происхожденія, можно даже сказать, что защита сѣверной границы болѣе зависѣла отъ варваровъ, чѣмъ отъ имперскаго войска. Принимая положеніе Бѣлграда какъ конечный предѣлъ владѣній Византіи на сѣверо-западѣ, мы легко отмѣтимъ западную границу, проведя линію до Котора или по раздѣльной линіи нынѣшней Сербіи

и Черногоріи и Босніи. Вся Далмація потеряна была въ концѣ V вѣка и принадлежала тогда къ остъ-готскому королевству, а сѣверныя земли выше Бѣлграда принадлежали варварамъ. Въ концѣ V в. Ѳеодорихъ на своемъ пути въ Италію столкнулся здѣсь съ герулами, которые послѣ отступленія готовъ остались въ странѣ между Зальцбургомъ и Бѣлградомъ, вполнѣ подчинившись византійской политикѣ и принявъ участіе въ итальянской войнѣ въ качествѣ союзниковъ Юстиніана. Но самымъ сильнымъ племенемъ на сѣверѣ отъ Дуная, занимавшимъ области по Тиссѣ и Марошу въ нынѣшней Венгріи [1]), были гепиды, которымъ могла бы предстоять большая политическая роль на Дунаѣ, но которые почти безъ слѣда растворились между другими народами, когда сила ихъ была сломлена въ борьбѣ съ лангобардами, привлеченными Юстиніаномъ къ союзу денежными выдачами и обѣщаніями лучшихъ мѣстъ для поселенія. Къ востоку отъ гепидовъ, въ областяхъ нижняго теченія Днѣстра и Днѣпра съ конца V вѣка и въ началѣ VI в. сидѣли славянскія племена, раздѣлявшіяся на двѣ вѣтви: на западѣ славяне, на востокѣ анты. Мы уже ранѣе высказывались въ томъ смыслѣ, что было бы ошибочно начинать исторію славянъ съ конца V или начала VI вѣка, и что отдѣльныя славянскія дружины могли заходить въ Византію гораздо раньше. Какъ опредѣленный этнографическій терминъ, начинающій обнаруживать вліяніе въ исторіи Византіи, славяне, однако, должны идти въ счетъ именно съ этой эпохи. Гдѣ была граница между гепидами и славянами, т.-е. далеко ли на западъ по Дунаю распространялись славянскія поселенія, объ этомъ съ увѣренностью трудно высказаться, равно какъ и о Lacus Mursianus, который писатель Іорнандъ полагаетъ границей между германцами и славянами [2]).

Нападенія славянъ и антовъ на римско-византійскія провинціи на югъ отъ Дуная, а слѣдовательно, и непосредственное знакомство съ ними писателей начинается съ первой половины VI вѣка. Почти

---

[1]) О нѣмецкихъ народностяхъ на Дунаѣ Zeuss, „Die Deutschen und die Nachbarstämme"; Müllenhof, „Deutsche Altertumskunde", 2-er Band, S. 101—103 (Berlin, 1887). Сочиненіе снабжено древними картами.

[2]) Iordanis, „Getica," ed. Mommsen, „Monum. Germaniae" V, p. 63: „Sclaveni a civitate Novictunense et laco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur;— Antes vero — a Danastro extenduntur usque ad Danaprum". Zeuss, „Die Deutschen", S. 594; Müllenhof, 11, 94.

каждый годъ въ послѣдовательномъ порядкѣ отмѣчается переходъ славянъ за Дунай то небольшими легкими отрядами, то значительными массами съ цѣлью добычи и захвата плѣнниковъ. Какъ русская лѣтопись соединяетъ съ началомъ царствованія Михаила III (842) [1]) основаніе русскаго государства, такъ съ царствованіемъ Юстина (518—527) южные славяне имѣютъ основаніе начинать свою національную исторію. Какъ ни мало даютъ для характеристики славянъ краткія извѣстія о нападеніяхъ ихъ на Византію, но мы попытаемся разобраться въ нихъ съ той внимательностью, какой заслуживаютъ первые и подлинные факты славянской исторіи въ связи съ византійской. Ради исторической точности здѣсь нужно замѣтить, что большинствомъ изслѣдователей считается возможнымъ усматривать подлинные факты славянской исторіи и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ и случайныхъ упоминаніяхъ о славянахъ, переходившихъ за Дунай въ дружинахъ готовъ и гетовъ съ конца V вѣка. Таковъ, напримѣръ, приверженецъ Аспара Острый (въ 471 г.). Кромѣ того, принято считать вполнѣ доказаннымъ, что въ имени гетовъ у Марцеллина нужно видѣть совокупность этнографическихъ элементовъ — славянскаго и болгарскаго. Такимъ образомъ, и такія выраженія, какъ „гетскій ножъ" (culter geticus), упоминаемый Марцеллиномъ, могли бы приниматься за указаніе на славянскій элементъ [2]).

Первое упоминаніе о славянахъ подъ ихъ собственнымъ именемъ стоитъ въ связи съ описаніемъ дѣятельности Германа. „Когда Юстинъ, дядя Германа, получилъ царство, то анты, жившіе очень близко къ славянамъ, перешедши рѣку Истръ, большимъ войскомъ вторглись въ ромэйскую землю. Незадолго передъ тѣмъ царь назначилъ Германа стратигомъ всей Ѳракіи. Схватившись съ войскомъ непріятелей и разбивъ его на голову, Германъ почти всѣхъ ихъ перебилъ, и этимъ дѣломъ онъ стяжалъ себѣ великую славу между всѣми людьми и въ особенности между упомянутыми варварами" [3]). Упоминаемый здѣсь Германъ — весьма извѣстное лицо въ исторіи времени Юстиніана, и, дѣйствительно, слава его не ограничивается побѣдой надъ славянами. Принадлежа къ императорской семьѣ по

---

[1]) Niederle, „Slovanské Starožitnosti", I, 192—3 (Praha, 1903).

[2]) Müllenhof, „Deutsche Altertumskunde", II, S. 379—384;. Radonič, „Гласъ", стр. 204 (1901 г.).

[3]) „De B. G.", III, 40 (p. 450).

своему рожденію, и какъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ племянниковъ Юстиніана, по браку съ Ѳеодорой, Германъ пользовался громадной популярностью въ войскѣ и среди столичнаго населенія и считался прямымъ наслѣдникомъ бездѣтнаго императора. Его нравственныя качества и гражданскія доблести нашли себѣ краснорѣчивую оцѣнку у Прокопія, какъ извѣстно, далеко не расточительнаго на похвалы [1]). Къ сожалѣнію, приведенное выше мѣсто о побѣдѣ Германа надъ славянами само по себѣ не даетъ основаній для точныхъ выводовъ къ хронологіи перваго организованнаго нападенія славянъ. Прежде всего это извѣстіе имѣетъ у Прокопія характеръ вводнаго и изложено, между прочимъ, по поводу описанія событій 551 г. и именно съ цѣлью объяснить, почему славяне такъ сильно боялись Германа. Кромѣ того, можетъ возбуждать сомнѣнія самое имя Юстиніана, употребленное Прокопіемъ. Весьма вѣроятно, что дѣло происходило не въ царствованіе Юстиніана, а при дядѣ его Юстинѣ, т.-е. около 519 г. [2]). Стратигомъ Ѳракіи Германъ могъ быть назначенъ именно Юстиномъ, при вступленіи его на престолъ, съ цѣлью установленія порядка въ этой области, находившейся въ состояніи анархіи при Анастасіи. Сравнительное спокойствіе на дунайской границѣ при Юстинѣ можетъ быть объясняемо тѣмъ пораженіемъ, которое было нанесено славянамъ Германомъ; что же касается царствованія Юстиніана, то оно не имѣло такого періода роздыха, который можно было бы противопоставить опредѣленнымъ указаніямъ Прокопія: гунны, славяне и анты своими почти ежегодными набѣгами со времени вступленія на ромэйскій престолъ Юстиніана причинили невыразимыя бѣдствія населенію [3]).

При Юстиніанѣ, въ первые годы его царствованія, ѳракійскими войсками командовалъ Хильвудъ или Хвилибудъ, съ именемъ котораго связаны дунайскія событія. Хвилибуду поручена была защита дунайской границы; въ теченіе трехъ лѣтъ онъ успѣшно слѣдилъ за переправами черезъ Дунай и не позволялъ новымъ славянскимъ отрядамъ переходить въ византійскія области. Нѣсколько разъ онъ самъ переходилъ за Дунай и тревожилъ славянъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, но въ 534 г., когда онъ неосторожно предпринялъ

---

1) „De B. G.", III, 40 (p. 451).

2) Niederle, III, 192—193.

3) „Hist. arc.", c. 18.

движеніе противъ славянъ, на лѣвой сторонѣ Дуная былъ окруженъ врагами и палъ въ битвѣ, окончившейся сильнымъ пораженіемъ византійскаго войска. Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ Прокопій, эта рѣка стала вполнѣ доступна варварамъ, и ромэйскія области обратились въ легкую ихъ добычу. Успѣхамъ славянскихъ вторженій содѣйствовало и то, что въ это время имперія начала свою безпощадную войну въ Италіи, въ которой варварамъ разнаго происхожденія пришлось играть важную роль. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что по всѣмъ даннымъ, приводимымъ у Прокопія, Хильвудъ былъ славянинъ по происхожденію. Въ пятидесятые годы VI вѣка извѣстія о славянахъ становятся болѣе опредѣленными, и самыя ихъ движенія въ предѣлахъ имперіи получаютъ ясно обозначенную цѣль и направленіе. Начиная съ 547—548 г., отмѣчаются первые набѣги ихъ въ Иллирію и Далмацію до Драча, при чемъ ихъ не останавливали уже и укрѣпленія, и они внушали такой страхъ византійскому отряду въ 15 т. человѣкъ, что онъ не осмѣливался вступить съ ними въ дѣло. При описаніи событій этого времени отмѣченъ исключительный по своему значенію фактъ о движеніи 6000 славянъ въ сѣверную Италію на помощь готамъ, которые вели отчаянную борьбу съ воеводами Юстиніана [1]). Въ смыслѣ оцѣнки этихъ движеній высокимъ интересомъ отличаются извѣстія отъ 550—551 г., которыя находимъ умѣстнымъ привести вполнѣ [2]). Славяне въ числѣ не больше 3000 человѣкъ перешли Истръ, не встрѣчая никакого сопротивленія, и безъ малѣйшаго труда переправились за Марицу и тамъ раздѣлились на-двое. Тотъ отрядъ, который двинулся на востокъ, встрѣтился съ Асвадомъ. Это былъ оруженосецъ Юстиніана, носившій чинъ кандидата и командовавшій гарнизономъ въ Чорлу, что̀ на дорогѣ между Адріанополемъ и Константинополемъ. Одержавъ верхъ надъ Асвадомъ, славяне совершили надъ нимъ жестокую казнь, бросивъ его живымъ въ огонь, а затѣмъ подвергли опустошенію Ѳракію и Иллирію. По этому поводу нашъ историкъ дѣлаетъ замѣчаніе, что тогда славяне въ первый разъ стали осаждать крѣпости, и что, имѣя свое пребываніе на той сторонѣ Дуная, начали переходить эту рѣку съ недавняго времени.— Въ этотъ же походъ славяне впервые приблизились къ морю и овла-

---

1) Procopii „De B. Gothico“, III, c. 35 (p. 430, 15).
2) Ibid., III, 38 (p. 441).

дѣли городомъ Топеръ [1]), лежавшимъ на р. Местѣ въ южной Македоніи. Напоръ славянъ чувствовался не только на востокѣ, но и въ западныхъ провинціяхъ имперіи. Въ первый разъ славянскіе отряды заявляютъ опредѣленный планъ — движеніе на Солунь и захватъ приморскихъ мѣстностей. Это обнаружилось изъ разспросовъ плѣнныхъ славянъ, захваченныхъ близъ Ниша, и поставило императора въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ отмѣнить предполагавшееся движеніе войска въ Италію и приказать полководцу Герману озаботиться защитой южной Македоніи и города Солуни. Одинъ отрядъ, стоявшій уже подъ Адріанополемъ, нанесъ пораженіе дѣйствовавшему противъ него евнуху Схоластику и безъ всякой помѣхи опустошилъ ѳракійскую равнину до Длинныхъ стѣнъ, построенныхъ Анастасіемъ и возобновленныхъ Юстиніаномъ. Подводя итогъ сказанному, мы можемъ отмѣтить для характеристики славянъ къ половинѣ VI вѣка слѣдующія наблюденія. Отдѣльныя лица изъ племенныхъ старшинъ и изъ предводителей дружинъ знакомятся съ византійскими нравами и усвояютъ греческій языкъ. Становясь полуобразованными греками, они вступаютъ на византійскую службу и достигаютъ извѣстности, какъ военные люди (Хильвудъ). Частые переходы славянъ за Дунай, сначала имѣвшіе цѣлью грабежъ и добычу, становятся съ половины VI вѣка болѣе цѣлесообразными и концентрированными, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что это не были движенія народа, а лишь отдѣльныхъ дружинъ небольшихъ племенъ. Какъ ни низокъ культурный уровень славянскихъ колѣнъ, находившихся на границѣ съ Византіей, но неоднократные походы во Ѳракію и Македонію, вліяніе мѣстнаго населенія и особенно плѣнныхъ грековъ и т. п., несомнѣнно должно было способствовать образованію среди славянъ политическаго развитія. Уже къ этому времени славяне могли оцѣнить сравнительныя выгоды обладанія приморскими мѣстами и понять морское и военное значеніе Солуни. Съ своей стороны, правительство Юстиніана пользуется обыкновенными средствами византійской дипломатіи, привлекая на свою сторону денежными выдачами и пожалованіями почетныхъ званій племенныхъ и колѣнныхъ старшинъ славянъ. Никакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что славяне тогда были еще далеки отъ образованія княжеской

[1]) „De Bello Goth.“, III, 38 (p. 442): ἡ πρώτη μὲν Θρακῶν τῶν παραλίων ἐστί, τοῦ δὲ Βυζαντίου διέχει ὁδὸν ἡμερῶν δυοκαίδεκα.

власти. Въ значительной степени политической и военной организацiей они обязаны были народу тюркскаго племени, съ которымъ во второй половинѣ VI в. пришлось имъ вступить въ близкія сношенія—разумѣемъ аваровъ.

Первыя извѣстія объ аварахъ имѣются отъ 558 г. [1]). Родственные гуннамъ, болгарамъ и позднѣйшимъ тюркамъ авары въ половинѣ VI в. двинулись изъ прикаспійскихъ странъ въ восточную Европу, гдѣ покорили утъ-ургуровъ и кутъ-ургуровъ на Азовскомъ морѣ и вошли во враждебныя столкновенія со славянами на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ. Когда въ 568 г. лангобарды покинули придунайскія области и начали движеніе въ сѣверную Италію, аварамъ открылась легкая возможность завладѣть Паннонiей и основать между Дунаемъ и Тиссой центръ обширнаго государства, въ которомъ славяне были главнымъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ элементомъ.

Авары пришли въ Европу и устроились въ ней, какъ завоевательное чуждое племя, укрѣпленнымъ военнымъ станомъ. Мѣста своего расположенія они окружали на большомъ протяженіи рвами, окопами и изгородями, и укрѣпляемая такимъ способомъ мѣстность носила наименованіе хринга. Центръ хринга, гдѣ было жилище кагана, и гдѣ находились правительственныя учрежденія, окруженъ былъ особой стѣной изъ дубовыхъ и буковыхъ деревьевъ. Система аварскаго и болгарскаго укрѣпленнаго лагеря можетъ быть наблюдаема нынѣ въ Болгаріи, близь Преславы, гдѣ обнаружены раскопками Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ древнія болгарскія военныя поселенія [2]). Аварскіе хринги располагались одинъ отъ другаго на небольшомъ разстояніи, чтобы въ случаѣ опасности легко было подать вѣсть отъ одного къ другому. Въ главномъ хрингѣ между Дунаемъ и Тиссой хранились военная добыча и казна. Хотя авары не имѣли культуры и не вышли изъ первичныхъ стадій родового быта, но имъ нельзя отказать въ значительномъ развитіи военнаго сословія и военнаго дѣла; благодаря этимъ преимуществамъ они безъ труда получили преобладаніе надъ славянами, которые сдѣлались ихъ данниками и военными союзниками. Военная власть принадлежала кагану, который успѣлъ соединить аваровъ и направить ихъ силы на славянъ и византійцевъ. Въ сознаніи своего военнаго

[1]) Между прочимъ моя книга „Первыя славянскія монархіи“, стр. 8—9.

[2]) „Извѣстія“, т. X, стр. 558.

могущества онъ съ пренебреженіемъ относился къ сосѣднимъ народамъ. Иноземные послы по нѣскольку дней стаивали предъ его палаткой въ ожиданіи, когда ему заблагоразсудится принять ихъ. Если предметъ посольства ему не нравился, онъ осыпалъ посла и его повелителя презрительной бранью и приказывалъ разграбить его имущество. Но иногда онъ бывалъ великодушенъ: такъ, нѣсколько тысячъ византійцевъ, освобожденныхъ имъ изъ славянскаго плѣна, онъ выпускаетъ безъ всякаго выкупа на свободу, но въ другомъ случаѣ торгуется въ цѣнѣ за каждаго плѣннаго и, не получая требуемаго выкупа, хладнокровно убиваетъ тысячи плѣнныхъ. Разъ въ припадкѣ добродушія предлагаетъ жителямъ осажденнаго византійскаго города съѣстные припасы по случаю христіанскаго праздника пасхи и щадитъ городъ Анхіалъ, цѣлебныя воды котораго помогли его женѣ. Въ другое время былъ безъ мѣры требователенъ и капризенъ. Узнавъ, что при императорскомъ дворѣ содержатся рѣдкіе звѣри, заявляетъ желаніе получить слона. Когда просьбу его удовлетворили, пославъ ему самаго красиваго изъ царскихъ слоновъ, каганъ капризно отказывается отъ этого подарка и требуетъ золотого престола. Въ 582 году, находясь въ мирѣ съ имперіей, соединяетъ мостомъ изъ судовъ города Срѣмъ и Бѣлградъ. Когда у него спросили, ради какой причины предпринимается это, онъ произноситъ слѣдующую торжественную клятву: „пусть я съ народомъ моимъ погибну отъ меча, пусть небо обрушится на насъ, поразитъ громъ, покроютъ горы и лѣса, пусть воды Савы потопятъ насъ, если мы сдѣлаемъ какое зло императору“. Но какъ скоро мостъ былъ готовъ, онъ приказалъ объявить: „нечего императору заботиться о городѣ, пусть онъ отзоветъ войско и выведетъ жителей, городъ для него уже потерянъ“.

Вмѣстѣ съ появленіемъ аваровъ на томъ театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ прежде показывались отдѣльными и мало организованными отрядами славяне, совершенно измѣняется и цѣль военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, и самая тактика. Нельзя не видѣть, что авары принесли съ собой въ военное дѣло особую, доселѣ неизвѣстную, систему, и что они придали славянамъ военную организацію, какой имъ недоставало. Юстиніану пришлось познакомиться съ аварами уже въ преклонныхъ годахъ, незадолго до смерти. Къ нему явились въ Константинополь въ 558 г. аварскіе послы и просили

мѣстъ для поселенія. Императоръ принялъ пословъ съ большой честью, обѣщалъ платить кагану ежегодную условленную сумму и одарилъ ихъ подарками. До самой смерти Юстиніана въ 565 г. каганъ не нарушалъ съ имперіей дружественныхъ сосѣдскихъ отношеній и не переходилъ границы.

Совершенно измѣняются дѣла на дунайской границѣ съ вступленіемъ на престолъ Юстиніана II (565—578) и при его ближайшихъ преемникахъ. Аварскій каганъ заявилъ притязанія на городъ Срѣмъ (Sirmium) на Савѣ, считавшійся ключемъ на сѣверо-западной границѣ и довольно сильно укрѣпленный. Хотя въ VI в. Срѣмъ не былъ уже главнымъ городомъ Иллирика и центромъ военной и административной власти, но все же имперія не отказывалась отъ своихъ исконныхъ правъ на эту область, оспариваемую сначала остготами, а затѣмъ гепидами и лангобардами. Ко времени Юстиніана II на этой границѣ произошли важныя перемѣны, вслѣдствіе которыхъ политическое вліяніе перешло къ аварамъ и славянамъ. Та область, которую заняли и на которой твердо осѣли авары, принадлежала гепидамъ, владѣвшимъ частью нынѣшней Венгріи и нижними теченіями Дравы и Савы. Ближайшими сосѣдями гепидовъ на сѣверо-западѣ были лангобарды, занимавшіе провинцію Паннонію. Въ 567 г. гепиды потерпѣли сильное пораженіе отъ лангобардовъ, лишившее ихъ на будущее время всякаго политическаго значенія; съ другой же стороны, побѣдители ихъ, не воспользовавшись одержанной побѣдой, начали свое извѣстное передвиженіе въ Италію. Все это было весьма благопріятнымъ для аварскаго кагана сочетаніемъ ряда обстоятельствъ, которыя выдвинули аваровъ на передовую роль и побудили ихъ передвинуться отъ нижняго теченія Дуная на оставшіяся свободными мѣста послѣ гепидовъ и лангобардовъ. Притязанія на Срѣмъ обозначали опредѣленную цѣль кагана утвердиться на южной сторонѣ Дуная и господствовать въ области, освободившейся послѣ гепидовъ и лангобардовъ. Съ 568 г. они овладѣли Панноніей и болѣе полустолѣтія тревожили имперію почти непрерывными набѣгами и грабежами.

Прежде чѣмъ продолжать довольно однообразную исторію набѣговъ на имперію со стороны новаго завоевательнаго народа, который притомъ же дѣлаетъ походы на Балканскій полуостровъ вмѣстѣ со славянами, находимъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько

замѣчаній по вопросу о томъ, въ какихъ отношеніяхъ стояли къ аварамъ славяне.

По болѣе распространенному мнѣнію, державшемуся почти до позднѣйшаго времени, авары одно время были полновластными господами въ юго-восточной Европѣ, владѣя обширными землями отъ Савы до Балтійскаго моря. Такъ какъ часть этого пространства, въ особенности земли прикарпатскія, несомнѣнно были тогда заняты славянами, то въ связи съ указаннымъ мнѣніемъ предполагалось не подлежащимъ сомнѣнію подчиненіе славянъ аварамъ. Довольно мало и до сихъ поръ разъясненная исторія государства Само, центръ коего предполагается въ Чехіи, точно также способствовала упроченію теоріи о широкомъ распространеніи аварской власти. Въ настоящее время, взвѣсивъ всѣ сохранившіяся данныя по исторіи аваровъ, мы должны значительно ограничить непосредственные предѣлы ихъ вліянія и признать, что въ зависимости отъ нихъ были только тѣ славяне, которыхъ они нашли въ областяхъ между Дунаемъ и Тиссой и въ Панноніи, а равно тѣ славянскія племена, которыя съ конца VI вѣка оказываются уже осѣдлыми поселянами въ Македоніи и Ѳракіи. Кромѣ того, судя по характеру устройства аварскихъ хринговъ, нужно заключать, что авары не смѣшивались съ зависимыми отъ нихъ народами, и что, слѣдовательно, самая зависимость славянъ была такого рода, что оставляла за ними свободу внутренняго управленія и предоставляла имъ жить подъ своими родовыми старшинами. Это мы должны утверждать, несмотря на извѣстное мѣсто въ первоначальной лѣтописи о жестокости и насиліяхъ обровъ надъ славянами не только южными, но и сѣверо-западными. Если извѣстія византійской лѣтописи удостовѣряютъ, что по приказанію кагана славяне съ 579 г. совершаютъ ежегодныя и систематическія вторженія въ Македонію и Ѳракію, строятъ для аваровъ суда на Дунаѣ и осѣдаютъ на Балканскомъ полуостровѣ на постоянное жительство, то, съ другой стороны, нельзя не считаться съ тѣмъ, что въ то же самое время нѣкоторыя племена удерживали за собой полную свободу дѣйствій и преслѣдовали на Балканскомъ полуостровѣ самостоятельныя задачи, какъ это будетъ видно далѣе. Извѣстный гордый отвѣтъ Лавриты, князя небольшого племени славянъ, жившихъ на лѣвой сторонѣ Дуная, на требованіе покорности и дани въ пользу аварскаго кагана, долженъ быть объясняемъ въ томъ смыслѣ, что

власть аваровъ не простиралась такъ далеко на сѣверъ и востокъ, какъ это было принято думать.

Переходя къ исторіи славянъ въ концѣ VI в., мы встрѣчаемся съ двумя фактами, свидѣтельствующими о томъ, что въ послѣдніе годы Юстиніана и при его преемникахъ отношенія славянъ къ имперіи существенно измѣнились въ двоякомъ отношеніи: а) точкой отправленія для славянскихъ нападеній на имперскія области не служитъ болѣе правый берегъ Дуная, а самый Балканскій полуостровъ, въ значительной части уже занятый славянами; б) цѣль славянскихъ домогательствъ къ имперіи становится ясно и опредѣленно совершенно новая, именно завоеваніе Солуни, захватъ островов и Греціи и угрозы овладѣть Константинополемъ, къ которому они приближались и съ суши, и съ моря.

Эта сторона дѣла выясняется, главнымъ образомъ, на основаніи актовъ великомученика Димитрія и патрона города Солуни, которые только въ послѣднее время стали предметомъ вниманія историковъ, хотя въ общемъ далеко еще не исчерпаны для исторіи славянскаго движенія въ VI и VII вв. [1]). Въ VI и VII вв., къ которымъ относятся славянскіе набѣги, Солунь занимала на Балканскомъ полуостровѣ исключительное положеніе. Она считалась по своему политическому, военному и торговому состоянію важнѣйшимъ изъ провинціальныхъ городовъ имперіи и несомнѣнно оправдывала свою славу перваго города послѣ Константинополя. Занимая прекрасное положеніе на морѣ и владѣя лучшею гаванью Эгейскаго моря, Солунь въ то же время имѣла всѣ выгоды хорошо расположеннаго сухопутнаго мѣста, такъ какъ стояла на большой римской дорогѣ Via Egnatia, соединявшей Константинополь съ Драчемъ. Независимо отъ того географическое образованіе западной части Балканскаго полуострова способствовало тому, чтобы соединить Солунь съ остальной Европой посредствомъ Вардара, Дрина и Моравы. Всѣ эти условія обезпечивали Солуни первостепенное положеніе на Балканскомъ полуостровѣ уже въ древнее время. Изъ римской эпохи Солунь перешла въ византійскую, не утративъ своихъ преимуществъ: въ Солуни былъ центръ гражданскаго и церковнаго управленія Иллирикомъ, здѣсь сосредоточивались общеимперскія таможенныя учрежденія. Будучи административнымъ центромъ для об-

[1]) Обзоръ источниковъ и литературы въ моей статьѣ: „О вновь открытыхъ мозаикахъ въ церкви св. Димитрія въ Солуни“ („Извѣстія“, XIV).

ширной области, Солунь владѣла весьма оживленными торговыми сношеніями почти со всѣмъ тогда извѣстнымъ міромъ. Здѣсь происходилъ обмѣнъ товаровъ, шедшихъ съ сѣвера, изъ Италіи и Франціи, изъ Александріи и Египта; сюда свозились европейскіе сырые товары и южные и восточные: золото, драгоцѣнные камни, шелковыя ткани и восточныя пряности. Хорошо воздѣланныя земли въ окрестности доставляли городу необходимые для жизни продукты, а на корабляхъ подвозились предметы роскоши. Населеніе города было весьма значительное и весьма вѣроятно, что въ лучшее время достигало 200.000.

Безъ сомнѣнія, былъ въ городѣ большой торговый и промышленный классъ, который доставлялъ средства на устройство многочисленныхъ храмовъ и монастырей и на украшеніе ихъ произведеніями искусства. Нужно замѣтить, что и по настоящее время въ Солуни болѣе сохранилось блестящихъ памятниковъ искусства, чѣмъ въ самомъ Константинополѣ, а что эти памятники возникали и поддерживались на благотворительныя средства, объ этомъ опредѣленно говорятъ Акты св. Димитрія. Умственная жизнь въ городѣ отличалась подъемомъ, не уступая столицѣ: много просвѣщенныхъ дѣятелей и писателей вышло изъ Солуни.



Рис. 56. Схематическій планъ г. Солуни.
1—Біазъ-Куле. 2—Еди-Куле. 3—арка Константина. 4—ворота въ Еди-Куле. 5—базилика св. Димитрія. 6—церковь св. Софіи. 7—церковь св, Георгія. 8—церковь св. Иліи. 9—церковь св. Апостоловъ. 10—древняя гавань.

Составляя собой важный административный и военный пунктъ, Солунь своими военными сооруженіями доставляла безопасное убѣжище и охрану многочисленному населенію окрестныхъ мѣстъ, когда опасность угрожала имъ отъ сѣверныхъ враговъ. Городскія стѣны, сохранившіяся до настоящаго времени, во многихъ частяхъ представляютъ постройку XIV в., но по своимъ основамъ и по системѣ построенія относятся къ древнѣйшимъ временамъ. Въ эпоху движенія славянъ городъ уже былъ окруженъ съ суши и съ моря. Въ на-

стоящее время стѣны уничтожены со стороны моря и въ ближайшемъ отъ него разстояніи. На небольшихъ разстояніяхъ стѣна укрѣплена башнями. Большія башни, составлявшія, очевидно, ключъ позиціи, сохранились только у моря; такова же угловая башня у кремля. Всѣ стѣны увѣнчаны зубцами, кладка въ большинствѣ мелкій дикій камень на хурусанѣ съ прокладкой рядами кирпича — характерная особенность построекъ съ XIV в. Близь главныхъ воротъ кремля лежитъ большой блокъ старой стѣны, вѣроятно упавшей отъ землетрясенія. Кремль окруженъ отдѣльной стѣной, и такъ какъ въ настоящее время въ немъ находится государственная тюрьма, то осмотръ его не представляется возможнымъ. При поворотѣ стѣны на югъ къ морю на башнѣ сохранилась надпись изъ кирпичной прокладки, свидѣтельствующая о постройкѣ ея деспотомъ Мануиломъ (рис. 56).

Имѣя исключительно благопріятное положеніе на полуостровѣ и господствуя въ административномъ и экономическомъ отношеніи надъ обширнымъ пространствомъ, Солунь, съ наступленіемъ смутной эпохи передвиженія народовъ, которая слишкомъ сильно и не разъ затрагивала и Балканскій полуостровъ, стала предметомъ особенныхъ домогательствъ разныхъ варварскихъ народовъ, стремившихся овладѣть этимъ богатымъ городомъ. Но что всего любопытнѣй, и что особенно нужно здѣсь отмѣтить, славянскіе набѣги на Солунь имѣли цѣлью не только хищеніе и грабежъ, но конечное завоеваніе города съ опредѣленно выражаемымъ планомъ поселиться въ немъ навсегда. Ясное дѣло, что подобнымъ образомъ формулированный планъ предполагаетъ уже хорошо созрѣвшее дѣло колонизаціи полуострова и извѣстнаго рода подготовленность среди славянскихъ вождей къ завоеванію у имперіи важнаго морского города, принадлежавшаго ей. Въ этомъ отношеніи, для выясненія взаимнаго положенія Византійской имперіи и славянъ въ половинѣ VI вѣка, необходимо войти въ детальное разсмотрѣніе всего доселѣ ставшаго извѣстнымъ матеріала.

На первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ объ Актахъ св. Димитрія, — разумѣемъ весь тотъ матеріалъ, который сообщенъ въ Acta SS. подъ 8 октября [1]), и которому предпосланъ прекрасный критическій аппаратъ. Хотя этотъ матеріалъ достаточно уже былъ исчерпанъ Тафе-

[1]) Acta SS., t. LII, octobris IV, p. 50—209.

лемъ въ его работахъ о Солуни [1]), но, какъ оказалось потомъ, находящееся у болландистовъ изданіе сказаній о чудесахъ св. Димитрія не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Уже дополненія, сдѣланныя въ этомъ отношеніи аббатомъ Тугаромъ [2]), показали, какъ сказанія о св. Димитріи, изданныя болландистами, недостаточны въ смыслѣ неполноты въ передачѣ рукописнаго текста. На основаніи дополнительныхъ текстовъ ученому Гельцеру [3]) удалось бросить совершенно новый свѣтъ на чудеса св. Димитрія, какъ историческій матеріалъ для исторіи славянъ, а въ самое послѣднее время вопросъ о славянскомъ движеніи на Балканскомъ полуостровѣ вновь тщательно разсмотрѣнъ и оцѣненъ въ двухъ прекрасныхъ трудахъ на сербскомъ и чешскомъ языкахъ [4]).

Первая часть чудесъ св. Димитрія, принадлежащая архіепископу Іоанну, жившему въ началѣ VII вѣка, раздѣлена на 15 главъ и содержитъ повѣствованіе о чудесной помощи, оказанной св. Димитріемъ или отдѣльнымъ лицамъ, или вообще городу Солуни. Никакъ нельзя думать, что порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ одно за другимъ чудеса, соотвѣтствуетъ хронологической ихъ постепенности; въ особенности это можно съ значительнымъ вѣроятіемъ утверждать о чудесахъ, относящихся къ городу. Именно, въ легендѣ повѣствуется, между прочимъ, о трехъ набѣгахъ на Солунь со стороны страшныхъ варваровъ, которые въ гл. VIII точно не обозначены, а въ гл. XII прямо названы славянами, и число ихъ даже опредѣлено въ 5000 человѣкъ. Не останавливаясь пока на установленіи хронологіи для первыхъ набѣговъ на Солунь, сосредоточимъ вниманіе на томъ дѣлѣ, которое описывается въ XIII главѣ и которое имѣло наиболѣе важное значеніе. Въ этомъ дѣлѣ, повидимому, организованномъ аварскимъ каганомъ, рельефно выступаютъ пріобрѣтенное къ тому времени славянами значеніе и ихъ политическія притязанія.

„Говорятъ, что по какому-то случаю тогдашній аварскій ханъ послалъ пословъ къ блаженной памяти царю Маврикію. Не достигнувъ желаемаго, онъ возгорѣлъ неудержимымъ гнѣвомъ, и какъ не могъ ничего сдѣлать тому, кто его не послушалъ, придумалъ

[1]) Tafel, „De Thessalonica eiusque agro". Berolini, 1839.

[2]) Tougard, „De l'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes". Paris, 1874.

[3]) Gelzer, „Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung", Leipzig, 1899.

[4]) Станојевић, „Византија и Срби". Кн. прва 1903. Кн. друга 1906; Niederle „Slovanské starožitnosti". II, svaz 1, Praha 1906.

способъ, какимъ, по его предположенію, онъ всего болѣе могъ досадить ему, чтó и оказалось вполнѣ вѣрно. Разсудивъ, что богохранимая митрополія Өессалоника между всѣми городами Өракіи и Иллирика по преимуществу отличается разнообразными богатствами и людьми почтенными и разумными и истинными христіанами, однимъ словомъ, имѣя полную увѣренность, что названная митрополія лежитъ на сердцѣ царя, такъ какъ она во всѣхъ отношеніяхъ блистаетъ преимуществами, и что, если бы съ ней случилось неожиданное несчастіе, то ромэйскій вѣнценосецъ испыталъ бы не меньше горя, какъ отъ убійства собственныхъ дѣтей, призываетъ къ себѣ все славянское языческое и грубое племя, ибо весь этотъ народъ былъ ему подчиненъ, и, присоединивъ къ нимъ нѣкоторыхъ варваровъ другого происхожденія, онъ отдалъ приказъ всѣмъ имъ идти на богоспасаемую Өессалонику.

„И эта громадная толпа съ такой быстротой исполнила походъ, что мы не узнали объ ихъ приближеніи какъ только за одинъ день: мы получили объ этомъ извѣстіе въ воскресенье 22 сентября. Городскіе жители не думали, чтобы они могли достигнуть сюда раньше четырехъ или пяти дней, и потому совсѣмъ не озаботились мѣрами защиты; между тѣмъ какъ они въ самую ночь на понедѣльникъ раннимъ утромъ безъ шума подошли къ стѣнамъ города. Первая защита всеславнаго мученика Димитрія состояла въ томъ, что онъ помрачилъ ихъ зрѣніе въ эту ночь, и что они простояли нѣсколько часовъ у башни святой мученицы Матроны, принявъ ее за городъ. Когда же явилась утренняя заря, и они поняли, что городъ близко, то единодушно устремились на него, какъ левъ хищный и рыкающій. Затѣмъ, приставивъ къ стѣнѣ лѣстницы, которыя заранѣе приготовили и несли съ собой, они пытались подняться по нимъ; но вотъ тогда-то и случилось невѣроятное и великое чудо святого подвижника“. (Именно повѣствуется, что святой въ видѣ пѣхотинца сбрасывалъ со стѣны всякаго, кто хотѣлъ подняться).

Эта семидневная осада, окончившаяся постыднымъ бѣгствомъ варваровъ, составляла для Солуни явное доказательство чудеснаго заступничества св. Димитрія. Варварамъ казалось, что городъ защищаютъ громадныя силы (а ихъ совсѣмъ не было), которыми предводительствуетъ мужъ съ огненнымъ цвѣтомъ лица, сидящій на бѣломъ конѣ и одѣтый въ бѣлую хламиду (см. прилож. таблицу).

Давно уже поднятый и окончательно не рѣшенный вопросъ о значеніи славянской иммиграціи на югъ Балканскаго полуострова, въ Ѳессалію, Грецію и на острова, несомнѣнно, долженъ получить окончательное свое разрѣшеніе по связи со сказаніями о чудесахъ св. Димитрія. Ограничиваясь пока первой легендой, которая не выходитъ, по сообщаемымъ въ ней даннымъ, за конецъ VI вѣка, мы должны признать насущность опредѣленнаго плана у славянъ—захватить морской берегъ и завладѣть, съ цѣлью окончательнаго въ немъ поселенія, важнымъ приморскимъ городомъ, которымъ имперія не могла не дорожить.

Могли ли славяне въ VI вѣкѣ осуществить подобныя притязанія?

Въ періодъ съ 580 г. и до конца столѣтія происходили наиболѣе важныя попытки со стороны славянъ занять господствующее положеніе на территоріяхъ, подчиненныхъ Византійской имперіи. Отъ этой эпохи сохранилось нѣсколько важныхъ извѣстій, которыя частью были уже извѣстны, но нѣсколько заподозрѣны въ періодъ жаркихъ споровъ по поводу высказанной Фальмерайеромъ теоріи объ окончательномъ уничтоженіи славянами эллинскаго населенія въ Греціи и Ѳессаліи.

На первомъ мѣстѣ стоитъ извѣстіе Іоанна Ефесскаго [1]). „На третій годъ по смерти царя Іустина и въ царствованіе побѣдоноснаго Тиверія [2]) выступилъ проклятый народъ славяне, которые прошли всю Елладу, ѳессалійскія и ѳракійскія провинціи, взяли многіе города и крѣпости, опустошили, сожгли, разграбили и завладѣли страной и поселились въ ней совершенно свободно и безъ страха, какъ бы въ своей собственной. Это продолжалось четыре года, пока царь занятъ былъ войной съ персами и всѣ войска послалъ на Востокъ. Въ это время славяне по Божьему попущенію распоряжались въ странѣ совершенно свободно, опустошали, жгли и грабили даже до Внѣшней стѣны, такъ что захватили всѣ царскія стада—многія тысячи—и стада частныхъ лицъ. И вотъ до нынѣшняго дня—а теперь идетъ 895 годъ (т.-е. 584)—они спокойно живутъ въ ромэйскихъ провинціяхъ, безъ заботы и страха, занимаясь грабежомъ, убійствами и поджогами, отчего разбогатѣли, нажили золота и серебра и владѣютъ стадами

1) Schönfelder, „Die Kirchengeschichte des Johannes von Ephesus“. München, 1862.

2) Іустинъ II царствовалъ отъ 565 до 578 г.; Тиверій II—отъ 578 до 582 г.

коней и оружіемъ, научившись военному дѣлу лучше самихъ ромэевъ. А между тѣмъ это были простые люди, которые не смѣли выходить изъ своихъ лѣсовъ и не умѣли пользоваться оружіемъ" [1]).

Это извѣстіе, равно какъ и нѣкоторыя другія, напрасно старались ослабить противники Фальмерайера. Съ появленіемъ новыхъ источниковъ, идущихъ съ разныхъ сторонъ, становится неопровержимымъ фактъ, что большія вторженія славянъ усиливаются въ послѣдней четверти VI вѣка, направляясь то до Константинополя, то до Эгейскаго моря. Подразумѣваемыя извѣстія хронологически совпадаютъ съ тѣми датами, которыя даны въ приведенномъ текстѣ Іоанна Ефесскаго. Въ четвертый годъ, читается у Менандра, царствованія Тиверія Константина кесаря (578—582) во Ѳракію сдѣлалъ вторженіе славянскій народъ до ста тысячъ числомъ и опустошилъ Ѳракію и многія другія области [2]).

Новый свѣтъ на занимающія насъ отношенія брошенъ какъ новыми западными, такъ двумя восточными хрониками, недавно сдѣлавшимися доступными въ прекрасныхъ французскихъ переводахъ. Это, во-первыхъ, лѣтопись Іоанна епископа Никіу, жившаго во второй половинѣ VII вѣка и игравшаго важную роль въ исторіи церкви верхняго Египта [3]); во-вторыхъ, хроника Михаила Сирійца, патріарха антіохійскаго, жившаго въ XII в., но пользовавшагося хорошими источниками, которые частью нынѣ утрачены [4]).

Обѣ эти хроники сообщаютъ драгоцѣнныя данныя для освѣщенія событій, слабо намѣченныхъ греческими писателями, въ особенности по отношенію къ славянской исторіи. Ограничиваясь здѣсь ближайше лишь движеніемъ славянъ на Солунь, мы отмѣтимъ для послѣднихъ годовъ VI вѣка слѣдующее мѣсто изъ хроники Іоанна изъ Никіу [5]). „По отношенію къ Римской имперіи есть извѣстія, что

---

1) Есть нѣмецкій переводъ Іоанна Ефесскаго, принадлежащій Schönfelder, и англійскій: Smith, „The third Parth of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus". Oxford, 1860.

2) Dindorfius, „Historici græci minores", II: Menandri fragm. 47 (p. 98): κατὰ δὲ τὸ τέταρτον ἔτος Τιβερίου Κωνσταντίνου Καίσαρος βασιλείας ἐν τῇ Θράκῃ ξυνενέχθη τὸ Σκλαβηνὸν ἔθνος μέχρι που χιλιάδων ἑκατὸν Θράκην καὶ ἄλλα πολλὰ ληΐσασθαι.

3) „Chronique de Jean évêque de Nikiou", texte éthiopien trad. par Zotenberg, Faris, 1883 (первоначально въ „Notices et Extraits", vol. XXIV).

4) „Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166—1199)", par Chabot, t. I, Paris 1899; сравн. мѣста у Нидерле, II, 1, стр. 204—205.

5) „Chronique de Jean", p. 430: „on rapporte, au sujet de l'empire romain, que les

короли того времени съ варварами, чуждыми народами и жителями Иллирика, опустошали христіанскіе города и уводили въ плѣнъ жителей. Была пощажена только Солунь, благодаря крѣпости своихъ стѣнъ и Божіему покровительству; варварскимъ народамъ не удалось овладѣть этимъ городомъ, хотя вся (окрестная) область была опустошена. — По отношенію къ тѣмъ же годамъ въ хроникѣ Михаила Сирійца можно найти чрезвычайно важныя извѣстія, характеризующія положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. „Жестокая вражда—говорится здѣсь [1])—между римлянами и персами продолжалась 20 лѣтъ. Римляне снова были стѣснены проклятыми варварами съ нечесанными волосами, которыхъ называютъ аварами, и которые двинулись съ отдаленнаго востока, а также славянскимъ народомъ, жившимъ на западѣ, и другими народами, называемыми лангобарды. Они осаждали римскіе города и крѣпости и говорили жителямъ: выходите, сѣйте и собирайте жатву, мы возьмемъ у васъ въ дань только половину. Если бы императоръ не сдѣлалъ защиты по близости Адріанополя, они уже стали бы домогаться самой столицы. Императоръ и его войска дрожали отъ страха предъ этими варварами. Цѣлая армія была послана къ Внѣшней стѣнѣ, отстоящей отъ столицы на 60 миль. Въ войско принуждены были записывать даже лицъ, принадлежащихъ къ клиру. Переписчики были разосланы по разнымъ мѣстамъ набирать людей въ военную службу. Они сдѣлали много зла и причинили большія бѣдствія: отнимали у родителей дѣтей и разоряли страну, отбирая лошадей, быковъ и даже куръ“.

Рядомъ съ приведенными извѣстіями восточныхъ писателей, которые въ живыхъ краскахъ описываютъ отчаянное положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и не оставляютъ никакихъ сомнѣній о томъ, что въ концѣ VI вѣка славяне уже осѣли на полуостровѣ и дѣйствительно распоряжались на немъ какъ хозяева, мы не мо-

---

rois de ce temps, avec des barbares, des peuples étrangers et des Illyriens, ravageaient les villes des chrétiens et emmenaient les habitants captifs. Seule la ville de Thessalonique fut épargnée, car ses murs étaient solides et, grâce à la protection de Dieu, les peuples étrangers ne réussirent pas à s'en emparer; mais toute la province fut dépeuplée".

[1]) Chabot, „Chronique de Michel le Syrien", I, 361 (l. X, ch. XXI): „La cruelle inimitié entre les Romains et les Perses s'était prolongée pendant vingt ans. Les Romains furent attaqués de nouveau par les peuples des maudits barbares à chevelure inculte, qu'on appelle Avares, qui s'ébranlèrent et s'avancèrent des extrémités de l'Orient et aussi par le peuple occidental des Esclavons" . . .

жемъ болѣе считать преувеличенными или мало достовѣрными тѣ свѣдѣнія византійскихъ писателей относительно характера славянской иммиграціи, которыя касаются Греціи, Ѳессаліи и острововъ. И прежде всего слѣдуетъ здѣсь напомнить превосходное мѣсто схоластика Евагрія, который въ своей церковной исторіи говоритъ о событіяхъ занимающей насъ эпохи (588—589 годовъ). „Авары, дважды прошедши до такъ называемой Длинной стѣны, завладѣли Сингидономъ (нынѣ Бѣлградъ) и Анхіаломъ, захватили и поработили всю Елладу и другіе города и крѣпости, все предавая убійству и огню, такъ какъ войска были отведены на востокъ“ [1]).

Сказаніе о чудесахъ св. Димитрія (вторая легенда) раздѣлено на VI главъ. Кромѣ новыхъ данныхъ о нападеніяхъ на Солунь, вторая легенда въ особенности отличается любопытными фактами бытового и культурнаго характера, сообщая интересный матеріалъ о культурныхъ отношеніяхъ, создавшихся послѣ иммиграціи славянъ. Относительно хронологіи каждаго отдѣльнаго событія возможны еще споры, но въ общемъ не подлежитъ сомнѣнію, что во второй легендѣ идетъ рѣчь о фактахъ славянской оккупаціи, относящейся къ первой половинѣ VII в.—изъ эпохи Ираклія.

Здѣсь мы остановимся въ изложеніи фактовъ славянской исторіи. До первой четверти VII в. она представляетъ нѣкоторую послѣдовательность и до извѣстной степени систематичность и закономѣрное поступаніе впередъ. Какъ самостоятельные походы славянъ, такъ и послѣдующія ихъ вторженія въ союзѣ съ аварами направлены къ двумъ ясно выраженнымъ цѣлямъ—къ завладѣнію Балканскимъ полуостровомъ и къ господству на Эгейскомъ морѣ и островахъ. Въ самомъ концѣ VI вѣка обѣ эти цѣли были осуществлены, славяне владѣли уже флотомъ, дѣлали набѣги на приморскіе города и на острова и затрудняли сношенія столицы на Мраморномъ морѣ и Эллиспонтѣ, имѣли прочную осѣдлость въ Ѳессаліи и Греціи, нѣсколько разъ пытались овладѣть Солунью. Все это реальные факты, засвидѣтельствованные независимыми одинъ отъ другого писателями, жившими и писавшими въ разныхъ мѣстахъ. Естественно возбу-

[1]) Erben, „Regesta“ N. 1; сравн. мѣсто изъ письма папы Григорія I. Migne, „Patrol. Lat.“, LXXVII, col. 1092: „de Sclavorum gente, quæ vobis valde imminet, affligor vehementer et conturbor; affligor in his, quae iam in vobis patior, conturbor quia per Istriae aditum iam Italiam intrare coeperunt“.

ждается вопросъ, почему же славяне не удержали такъ успѣшно занятаго чрезвычайно выгоднаго положенія; почему первая четверть VII вѣка полагаетъ рѣзкую границу между предыдущими и послѣдующими фактами въ славянской исторіи? Къ разъясненію этого рокового вопроса мы возвратимся при изложеніи событій царствованія Ираклія.



ГЛАВА IV.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ЮЖНАЯ ГРАНИЦА ИМПЕРІИ. ПЕРСИДСКІЯ ВОЙНЫ. СФЕРЫ ВЛІЯНІЯ ВЪ АРАВІИ. ЕГИПЕТЪ И ХРИСТІАНСКАЯ МИССІЯ НА ГРАНИЦАХЪ АБИССИНІИ.

Двѣ обширнѣйшія монархіи въ тогдашнемъ мірѣ—Персія и Византія—имѣли всегдашніе поводы къ сношеніямъ между собой, не только вслѣдствіе сосѣдства на громадномъ протяженіи отъ кавказскихъ горъ до Евфрата, но и по многимъ другимъ причинамъ, коренящимся въ этнографическихъ и экономическихъ условіяхъ того и другого государства. Уже то обстоятельство, что на восточной границѣ такъ же, какъ и на сѣверо-западной, не было твердыхъ и неизмѣнныхъ границъ, и что разные незначительные и мало культурные народы, подвергаясь то византійскому, то персидскому вліянію, мѣняли, смотря по обстоятельствамъ, свою политику и переходили то на сторону православнаго царя, то персидскаго,—уже это не могло не возбуждать постоянныхъ недоразумѣній между двумя имперіями. Кромѣ того, отдаленность восточной границы и сопряженныя съ этимъ трудности въ содержаніи на Евфратѣ и у подошвы Кавказа значительнаго войска и провіанта побуждали имперію искать союзниковъ или наемниковъ между мелкими князьями и начальниками кочевыхъ племенъ и довѣрять имъ защиту своихъ отдаленныхъ границъ. Главной опорой византійской власти на востокѣ была Арменія, раздѣленная впрочемъ на персидскую и византійскую половины и имѣвшая въ Малой Арменіи укрѣпленный городъ Ѳеодосіополь близь нынѣшняго Эрзерума. На югѣ въ Месопотаміи болѣе значительный гарнизонъ содержался въ крѣпости Дара, или Анастасіополь, построенной на самой границѣ

съ Персіей, близь Нисиби. Далѣе на югъ спокойствіе Сиріи зависѣло отъ положенія, въ какомъ находились къ имперіи полудикія племена, бродившія въ пустынѣ между Пальмирой и Дамаскомъ. Кавказскія горы составляли естественную защиту имперіи противъ неожиданныхъ вторженій. Наблюденіе за кавказскими проходами лежало на Персіи, которая за это пользовалась отъ имперіи ежегодными денежными взносами.

Современникомъ Юстиніана на персидскомъ престолѣ былъ не менѣе перваго извѣстный въ исторіи сынъ Кабада, Хосрой Нуширванъ, царствовавшій 48 лѣтъ [1]). Хотя заключенный между Персіей и Византіей 30-тилѣтній миръ былъ неоднократно нарушаемъ, но до конца царствованія Юстина формальнаго разрыва не наступало. Юстиніанъ въ началѣ 528 года отдалъ приказаніе тогдашнему начальнику гарнизона въ Дарѣ Велисарію приступить къ построенію на персидской границѣ другой крѣпости поблизости отъ Нисиби, въ мѣстности Миндонъ. Такъ какъ военное значеніе Дары подвергается сомнѣнію съ точки зрѣнія военнаго искусства (см. выше, стр. 357), то легко понять безпокойство со стороны персовъ, которые увидѣли въ этомъ явно враждебныя намѣренія. Престарѣлый Кобадъ послалъ въ Месопотамію большой отрядъ съ порученіемъ воспрепятствовать строенію крѣпости. Въ происшедшей битвѣ персы нанесли Велисарію сильное пораженіе и почти уничтожили бывшій подъ его командой отрядъ, постройка крѣпости была оставлена, и выбранное для крѣпости мѣсто перешло въ руки персовъ. Юстиніанъ, очевидно составившій уже опредѣленный планъ для веденія войны на Востокѣ, поручилъ командованіе восточными войсками Велисарію и далъ ему значительныя военныя силы, собранныя въ европейскихъ провинціяхъ и состоявшія большею частью изъ иноземныхъ дружинъ. Въ 530 г. подъ Дарой снова встрѣтились персидскія и византійскія войска. Мы имѣемъ прекрасное описаніе происшедшаго здѣсь сраженія, принадлежащее очевидцу, историку Прокопію, который при этомъ упоминается въ первый разъ въ качествѣ секретаря и довѣреннаго лица Велисарія [2]). „Персы состояли подъ начальствомъ Пероза, достоинствомъ миррана.

[1]) Bury, „History of the later Roman Empire“, I, p. 372, 418; Nöldeke, „Geschichte der Perser und Araber“, S. 455; Diehl, „Justinien et la civilisation Byzantine“, p. 209—218; Holmes, „The age of Justinian and Theodora“, II, p. 367, 585.

[2]) Дестунисъ, „Прокопія Исторія войны съ персами“, I. XIII (стр. 161).

Онъ послалъ сказать Велисарію, чтобъ была готова баня, потому что на другой день онъ намѣренъ въ ней мыться. Съ восходомъ солнца римляне увидѣли идущаго на нихъ непріятеля и построились слѣдующимъ образомъ: Вузъ съ многочисленною конницей и Фара, родомъ герулъ, съ 300 своихъ единоплеменниковъ заняли край лѣваго прямого рва, состоящаго подъ валомъ и простиравшагося до холма, который тутъ возвышается. Влѣво отъ нихъ внѣ рва... стояли Суника и Эгакъ, родомъ массагеты, съ 600 конными. Края прямого рва заняты многочисленною конницей, состоявшею подъ начальствомъ Іоанна, сына Никиты, также Кирилла и Маркелла, съ ними были Германъ и Дороѳей... По всему рву стояли конница и пѣхота; за ними, въ самой серединѣ, стали Велисарій и Гермогенъ. Такъ ромэи построили свое войско, состоявшее изъ 25 тысячъ человѣкъ. У персовъ было 40 тысячъ конницы и пѣхоты, они стояли въ строю, сдѣлавъ фронтъ фаланги самый глубокій".—Оба войска долго стояли въ боевомъ порядкѣ, не рѣшаясь начать сраженіе. Одинъ персъ сталъ вызывать на единоборство съ нимъ; противъ него выступилъ грекъ Андрей, обладавшій большимъ искусствомъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и одержалъ надъ персомъ побѣду. На слѣдующій день произошло большое сраженіе, въ которомъ не такъ легко, однако, разобрать подробности. Нужно полагать, что успѣхъ сраженія зависѣлъ отъ конницы, которая была прикрыта горами, и которая въ нужное время была введена въ дѣло. Персы были разбиты на правомъ и лѣвомъ крылѣ и обратились въ бѣгство, но Велисарій удержалъ своихъ отъ продолжительнаго преслѣдованія побѣжденнаго непріятеля, опасаясь засады.

Хотя непосредственная опасность въ Месопотаміи устранена была этой побѣдой, и хотя со стороны персовъ сдѣланы были предложенія о мирѣ, но неожиданно обстоятельства снова приняли неблагопріятный оборотъ вслѣдствіе перехода на службу персовъ одного начальника бедуиновъ по имени Аламундара и сдѣланной имъ диверсіи въ Сиріи. Прокопій такъ рисуетъ планъ этого союзника персовъ, внушая ему слѣдующую рѣчь къ Кабаду[1]). „Въ областяхъ Месопотаміи есть весьма хорошо укрѣпленные города, а въ нихъ нынѣ военныхъ людей такое множество, какого прежде никогда не бывало. Напротивъ, за

[1]) „De B. P.", I. XVII (русскій пер. стр. 225).

Ефратомъ и въ Сиріи нѣтъ ни укрѣпленнаго города, ни значительной силы непріятельской. Я это слыхалъ отъ сарациновъ, которые туда были посылаемы лазутчиками. Въ той странѣ, говорятъ, и Антіохія, городъ превосходящій богатствомъ, обширностью и многолюдствомъ всѣ города восточнаго ромэйскаго края; этотъ городъ безъ охраны и безъ войска. Жители его ни о чемъ не думаютъ, кромѣ праздниковъ и увеселеній, и только спорятъ между собой о театральныхъ представленіяхъ. Итакъ, если подойдемъ къ этому городу неожиданно, то вѣроятно возьмемъ его при первомъ нападеніи и, не встрѣчая никакого непріятельскаго войска, возвратимся въ Персію прежде, нежели месопотамское войско узнаетъ о нашемъ движеніи. О недостаткѣ въ водѣ и припасахъ не безпокойся, я самъ поведу войско самымъ лучшимъ путемъ".

На восточной границѣ, гдѣ въ пустынѣ кочевали свободныя племена бедуиновъ, и куда не достигало ни византійское, ни персидское непосредственное вліяніе, по временамъ чрезвычайно важное значеніе играли шейхи и эмиры, состоявшіе на жалованьѣ у той или другой имперіи. Прекрасно зная страну и пути сообщенія по безводнымъ пустынямъ и располагая вѣрными людьми, которые держали ихъ въ извѣстности на счетъ движенія отрядовъ и состоянія гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, начальники бедуинскихъ конныхъ отрядовъ могли служить страшнымъ орудіемъ въ борьбѣ между персами и византійцами, почему и та и другая сторона не жалѣла средствъ на подкупъ подобныхъ друзей и союзниковъ. Таковъ, конечно, былъ и Аламундаръ [1]); это былъ человѣкъ прозорливый, опытный въ военныхъ дѣлахъ, котораго Прокопій характеризуетъ такъ: „сильно преданный персамъ и чрезвычайно дѣятельный, онъ въ продолженіе 50 лѣтъ обезсиливалъ ромэевъ. Отъ самыхъ предѣловъ Египта до Месопотаміи грабилъ и опустошалъ ромэйскія области: жегъ зданія, бралъ людей въ неволю тысячами, однихъ убивалъ, другихъ продавалъ за большія деньги. Никто не могъ ему противиться, онъ никогда не нападалъ безъ соблюденія осторожности, но такъ неожиданно и такъ примѣняясь къ положенію дѣлъ, что былъ уже далеко съ захваченной добычей, когда военачальники, узнавъ объ его набѣгѣ, начинали собирать противъ него силы. Если когда и случалось на-

---

[1]) „Персидская война" въ русск. переводѣ, стр. 226.

гнать его, то онъ же нападалъ на нихъ, еще не готовыхъ и не устроенныхъ къ бою, разбивалъ и истреблялъ ихъ безъ малѣйшаго труда". Царь Юстиніанъ, очень хорошо понимая значеніе конныхъ бедуинскихъ отрядовъ, съ своей стороны, не пренебрегалъ ихъ службой и привлекъ на свою сторону начальника другого племени по имени Ареѳу, наградивъ его византійскими титулами и достоинствами; но Ареѳа былъ менѣе полезный союзникъ, чѣмъ Аламундаръ.

Персидскій царь одобрилъ вышеизложенный планъ движенія въ Сирію, и въ 531 г. персидское войско начало враждебныя дѣйствія на югъ отъ Месопотаміи и по теченію Евфрата двинулось въ Сирію. Сюда же поспѣшилъ съ небольшимъ отрядомъ Велисарій и встрѣтилъ персидское войско близъ города Каллиника. На этотъ разъ персидскіе планы на счетъ перенесенія войны въ Сирію не были осуществлены, хотя, съ другой стороны, необезпеченность Византіи на этомъ театрѣ хорошо доказана была уже и тѣмъ, что Велисарій принужденъ былъ спѣшить изъ Месопотаміи на защиту Сиріи съ небольшимъ отрядомъ. Въ дѣлѣ подъ Каллиникомъ, происходившемъ въ апрѣлѣ 531 года, перевѣсъ оказался на сторонѣ персовъ. Такъ какъ послѣ этого Велисарій былъ отозванъ съ Востока и замѣненъ стратигомъ Мундомъ, то можно думать, что пораженіе, понесенное византійцами, приписывалось правительствомъ винѣ Велисарія; но изъ описенія сраженія у Прокопія и Малалы трудно вывести заключеніе о подробностяхъ. По всей вѣроятности, исходъ сраженія зависѣлъ отъ нанятой варварской конницы, которая не была достаточна противъ превосходныхъ по числу персидскихъ силъ. Въ сентябрѣ того же года умеръ персидскій царь Кобадъ, и его преемникъ Хосрой предложилъ вступить въ переговоры о мирѣ. Такъ заключенъ былъ такъ называемый „вѣчный" миръ, по которому граница между имперіями была признана прежняя, но съ опредѣленно выставленнымъ условіемъ, чтобы главное пребываніе начальника месопотамскихъ войскъ было не въ Дарѣ, а въ Константинѣ, т.-е. нѣсколько далѣе отъ персидской границы. Кромѣ того, особой статьей обусловлены были отношенія на Кавказѣ и охрана кавказскихъ проходовъ. Юстиніанъ обязался выплатить персамъ 110 кентинаріевъ золота, а персы приняли на себя защиту проходовъ.

Но этомъ миръ далеко не принесъ успокоенія на восточной границѣ. Для Юстиніана весьма важно было освободиться отъ необхо-

димости держать большія арміи на Востокѣ, такъ какъ его предпріятія на Западѣ, въ Африкѣ и Италіи, требовали напряженія всѣхъ силъ имперіи. Поэтому онъ готовъ былъ сдѣлать важныя уступки персамъ, чтобы обезпечить себѣ спокойствіе на восточной границѣ. Выше мы видѣли, какъ Юстиніанъ воспользовался миромъ съ персами для осуществленія своихъ міровластительныхъ плановъ на Западѣ, какъ успѣшно выполнилъ заморскія предпріятія въ Африкѣ и Италіи. Весьма любопытно отмѣтить, что блистательные подвиги полководцевъ Юстиніана въ Африкѣ и Италіи имѣли громкій откликъ на отдаленномъ Востокѣ, вслѣдствіе чего „вѣчный“ миръ съ персами оказался далеко не прочнымъ, а захватъ сферъ политическаго вліянія Византіи, не имѣя, повидимому, предѣловъ, сталъ непосредственно затрагивать интересы персидскаго царя. Именно въ періодъ отъ 532 до 539 г. уполномоченные Юстиніана успѣли утвердить его вліяніе на Кавказѣ и въ Крыму и, кромѣ того, привлечь на его сторону полунезависимыхъ шейховъ въ южной Аравіи и тѣмъ приготовить для Персіи весьма чувствительный ударъ. Прокопій передаетъ эту мысль по случаю сношеній готскаго героя Витигеса съ Хозроемъ, которому готскіе послы говорятъ между прочимъ: „если кто скажетъ, что ты, царь, предаешь свое царство и весь родъ человѣческій Юстиніану, тотъ скажетъ совершенную правду. Юстиніанъ, какъ человѣкъ отъ природы безпокойный и жаждующій того, что никоимъ образомъ ему не принадлежитъ, употребитъ всѣ средства, чтобы покорить себѣ всѣ царства и захватить всю вселенную. Не бывъ въ состояніи напасть на персовъ съ однѣми своими силами, ни обратиться на другихъ въ такое время, когда персы ему противятся, онъ принялъ намѣреніе обманывать тебя подъ завѣсой мира. Нѣтъ сомнѣнія, что если ему удастся совершенно сокрушить силу готовъ, то онъ вмѣстѣ съ ними и другими порабощенными народами обратитъ оружіе на персовъ. Итакъ, пока у тебя есть надежда на спасеніе, не дѣлай намъ болѣе зла своимъ бездѣйствіемъ, дабы ты самъ не претерпѣлъ того же. Въ нашихъ бѣдствіяхъ предусматривай тѣ, которыя вскорѣ постигнутъ Персію. Помни, что римляне никогда не будутъ доброжелательны твоей державѣ“ [1]).

Еще опредѣленнѣй и систематичнѣй Прокопій характеризуетъ,

---

[1]) „Procopii de B. P.“, II, 2 (русскій перев. II, стр. 14—15).

съ точки зрѣнія сосѣднихъ съ Византіей народовъ, иностранную политику Юстиніана въ слѣдующихъ словахъ армянъ, обращающихся съ жалобой къ Хосрою [1]). Указавъ царю на завоевательную политику Юстиніана, армянскіе послы предупреждаютъ его объ угрожающей ему опасности непосредственно для самой Персіи, если будутъ продолжаться вредныя послѣдствія заключеннаго съ Византіей договора. „Юстиніанъ наложилъ на насъ подати, какихъ мы прежде не знали; покорилъ сосѣднихъ съ нами цановъ, доселѣ независимыхъ; поставилъ византійскаго начальника надъ царемъ несчастныхъ лазовъ... послалъ въ Воспорское царство своихъ военачальниковъ и покорилъ его своей власти, заключилъ союзъ съ царствами эѳіопскими, охватываетъ уже землю омиритовъ и Черное море, присоединяетъ и страну финиковъ къ ромэйскимъ владѣніямъ,—о бѣдствіяхъ ливійцевъ и италійцевъ не будемъ упоминать. Цѣлая земля уже не вмѣщаетъ этого человѣка.—Не онъ ли посреди мира употребилъ всѣ средства къ обольщенію раба твоего Аламундара и къ отторженію его отъ твоего царства; не онъ ли ко вреду твоему старался недавно привязать къ себѣ гунновъ, съ которыми прежде не имѣлъ никакихъ сношеній“?

Все это едва ли можетъ быть принято за реальные и дѣйствительно уже достигнутые во внѣшней политикѣ результаты; многое тутъ преувеличено и сообщается въ ложномъ освѣщеніи, но по существу здѣсь вѣрно характеризованъ Юстиніанъ съ его завоевательными планами. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по состоянію источниковъ удалось провѣрить извѣстія Прокопія, получается не подлежащій сомнѣніямъ выводъ о широкой сѣти тайныхъ сношеній византійскаго правительства съ сосѣдними мелкими властителями въ особенности въ Крыму, на Кавказѣ, въ Арменіи, а равно съ полунезависимыми шейхами на границѣ Византіи и Персіи и въ Аравіи. Первый поводъ къ открытой враждѣ подали именно мелкія распри между двумя сарацинскими или лучше бедуинскими шейхами близъ Пальмиры. Одинъ изъ нихъ былъ на службѣ Византіи, т.-е. пользовался званіемъ патрикія и денежными выдачами и обязывался защищать Сирію и Палестину со стороны пустыни. Это былъ перешедшій въ христіанство шейхъ изъ племени гассанидовъ, извѣстный подъ именемъ

---

[1]) „De B. P.“, II, 3 (русскій перев. II, стр. 22—23).

Ареѳы. Соперникомъ его, бывшимъ на жалованьѣ у персовъ, былъ уже нѣсколько разъ упоминавшійся Аламундаръ. Чтобы разрѣшить между ними споръ изъ-за владѣній, Юстиніанъ послалъ двухъ уполномоченныхъ, а персидскій царь принялъ это за вмѣшательство въ дѣла его вассала и выставилъ обвиненіе противъ Юстиніана, что онъ пытался подкупить Аламундара и побудить его къ измѣнѣ. Это послужило основаніемъ для Хосроя нарушить заключенный въ 532 г. миръ и начать вновь войну весной 540 года.

Походъ открылся движеніемъ персидскаго войска въ провинцію Сирію, которая была недостаточно защищена, и въ которой Хосрой имѣлъ основанія надѣяться на успѣхъ. Первое серьезное дѣло было подъ городомъ Сура на Евфратѣ. Такъ какъ жители этого города оказали ему сопротивленіе, то Хосрой рѣшился поступить съ нимъ со всей строгостью. Коварной хитростью завладѣвъ городскими воротами, Хосрой поспѣшно ввелъ въ Суру отрядъ персовъ и, вопреки даннымъ ранѣе обѣщаніямъ, подвергъ городъ опустошенію и истребленію огнемъ. Множество жителей взято было въ плѣнъ и отправлено въ Персію. Отсюда побѣдоносное шествіе Хосроя направлялось къ главному городу Сиріи, царицѣ восточныхъ городовъ Антіохіи, которая хотя много потеряла съ переходомъ въ средніе вѣка, но все же продолжала пользоваться славой богатаго, просвѣщеннаго и многонаселеннаго города. Весьма важно отмѣтить, что со стороны Византіи принято было мало средствъ къ защитѣ Сиріи; какъ-будто походъ Хосроя былъ совершенной неожиданностью. Главнокомандовавшій восточными войсками Вуза находился въ то время въ Іераполѣ, въ сѣверной Сиріи, и не только не выступилъ противъ персовъ, но даже не въ состояніи былъ оказать помощи самому городу Іераполю. Правда, Юстиніанъ отправилъ въ Антіохію своего племянника, патрикія Германа, съ небольшимъ отрядомъ, но и онъ не былъ въ состояніи приготовить городъ къ серьезному сопротивленію. Оказалось, что стѣны Антіохіи были далеко не надежны, и что даже съ той стороны, съ которой городъ считался недоступнымъ, именно со стороны окружающихъ Антіохію горъ, находившіеся близъ стѣнъ утесы могли дать непріятелю важныя преимущества. Техническій недостатокъ въ укрѣпленіи былъ замѣченъ слишкомъ поздно и исправлять его не было времени. Такъ какъ Хосрой, повидимому, всему предпочиталъ въ этомъ походѣ добычу и обогащеніе драгоцѣнными предметами,

хранившимися въ большихъ городахъ, то Германъ сдѣлалъ попытку задержать приближеніе персидскаго войска, открывъ переговоры о денежномъ выкупѣ. Уже богатые города Сиріи, лежавшіе на пути къ Антіохіи, должны были поплатиться громадными суммами въ пользу персовъ и, кромѣ того, испытали невообразимыя страданія отъ непріятельскаго плѣненія и убійства. Когда Хосрой находился уже подъ Алеппо (древняя Верріэ), Герману было объявлено чрезъ епископа Верріи, что Антіохіи можетъ быть данъ миръ, если она уплатитъ царю 10 кентинаріевъ золота или около 250000 рублей. Хотя эта сумма не можетъ представляться чрезмѣрной для большого города, но для антіохійцевъ она казалась обременительной, и потому городъ рѣшился ввѣриться своимъ естественнымъ твердынямъ, которыя, однако, не были вполнѣ надежны. Многіе заблаговременно оставили городъ, захвативъ съ собой имущество, но прибытіе 6000 воиновъ изъ Ливана на подкрѣпленіе гарнизона поселило увѣренность, что можно бороться противъ персовъ съ надеждой на успѣхъ. Въ этой увѣренности подкрѣплялъ антіохійцевъ и Юліанъ, довѣренное лицо Юстиніана, присланное въ Антіохію съ цѣлью поддержанія въ гражданахъ энергіи. Отказавшись отъ выдачи требуемой Хосроемъ суммы, антіохійцы ухудшили положеніе уже совершенно излишней жестокостью, убивъ посланца персидскаго царя, договаривавшагося о суммѣ денежнаго выкупа. Между тѣмъ для защиты стѣнъ не оказалось достаточно военныхъ людей. Хотя и призваны были къ сторожевой службѣ торговые люди и ремесленники, но они, издѣваясь надъ Хосроемъ съ городскихъ стѣнъ и посылая ему брань и проклятія, еще больше раздражали его, возбуждая въ немъ желаніе взять городъ и жестоко наказать его жителей. Антіохія взята была персами именно съ той стороны, гдѣ городскія стѣны были мало защищены, и гдѣ онѣ приближаются къ господствующимъ надъ кремлемъ вершинамъ. Какъ скоро незначительный гарнизонъ Антіохіи испыталъ неудачу при отраженіи приступа персовъ, въ городѣ начались паника и безпорядочное бѣгство. Персы овладѣли Антіохіей, разграбили церкви и общественныя зданія и взяли множество плѣнныхъ. Впечатлѣніе, произведенное сдачей Антіохіи, было громадное. Подъ его вліяніемъ начавшіеся вновь переговоры о мирѣ пошли болѣе успѣшно, чѣмъ прежде. Хосрой воспользовался пріобрѣтенными выгодами и возвысилъ требуемую отъ Византіи сумму, объясняя притомъ, „что

не надлежало почитать миръ утвержденнымъ на вѣки потому только, что теперь уплачивается ему требуемая сумма, ибо дружба, заключенная между народами за деньги, которыя издерживаются, обыкновенно вмѣстѣ съ деньгами уменьшается и истощается". Этимъ ораторскимъ пріемомъ мотивировалось требованіе ежегодной дани. Послѣ долгихъ переговоровъ миръ былъ заключенъ на томъ условіи, что Византія уплатитъ единовременно 50 кентинаріевъ, т.-е. около милліона рублей, и обяжется къ ежегодной платѣ по 5 кентинаріевъ за охрану каспійскихъ проходовъ. Прежде чѣмъ указанныя условія были приняты Юстиніаномъ, персы причинили не мало бѣдъ и другимъ городамъ при обратномъ движеніи черезъ Месопотамію. Особенной для себя честью Хосрой полагалъ взятіе Эдессы, такъ какъ у христіанъ было вѣрованіе, что этотъ городъ не можетъ быть взятъ ни однимъ врагомъ. Подступивъ, однако, къ городу и получивъ согласіе жителей уплатить два кентинарія золота, Хосрой удовлетворился этимъ откупомъ и направился къ крѣпости Дара, лежащей на границѣ Персіи и Византіи, которая была выстроена Анастасіемъ и составляла предметъ постоянныхъ недоразумѣній между двумя имперіями. Начавъ осаду и этой крѣпости, Хосрой не считалъ, однако, полезнымъ доводить дѣло до разрыва и скоро отошелъ въ свои владѣнія. Вблизи Ктесифона, въ сознаніи блестящаго успѣха оконченнаго предпріятія, персидскій царь приказалъ построить новый городъ, который онъ украсилъ памятниками искусства, привезенными изъ Антіохіи, и который населилъ взятыми изъ византійскихъ городовъ плѣнниками. Этотъ городъ получилъ имя Хосроевой Антіохіи.

Въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ между Персіей и Византіей важную роль играли древняя Колхида и вопросъ о кавказскихъ и каспійскихъ воротахъ. Въ современныхъ описываемымъ событіямъ памятникахъ страна эта называется Лазикой, а жители ея—лазами. Она граничила съ персидской Арменіей и съ полунезависимыми племенами и подвергалась поперемѣнно то персидскому, то византійскому вліянію. Не представляя сама по себѣ значенія, какъ страна бѣдная и не производящая необходимыхъ для жизни продуктовъ, Лазика, тѣмъ не менѣе, была предметомъ особенныхъ попеченій со стороны Персіи и особенно Византіи и нѣсколько лѣтъ служила театромъ ожесточенныхъ войнъ. Можно догадываться, что обладаніе этой страной разсматривалось какъ средство политическаго и эконо-

мическаго вліянія на Кавказѣ и по Черноморскому побережью. Кромѣ того, какъ лазы, такъ и сосѣдніе съ ними ивиры были естественными стражами проходовъ чрезъ Кавказскій хребетъ и съ этой точки зрѣнія цѣнными союзниками для той имперіи, политическое вліяніе которой въ данное время имѣло перевѣсъ. Случилось такъ, что сейчасъ же по окончаніи побѣдоноснаго похода въ Месопотамію и заключеніи мира персидскій царь вновь началъ войну съ Византіей изъ-за Лазики. Наслѣдственный князь въ этой странѣ Губазъ состоялъ въ зависимости отъ Византіи, носилъ имперскія почетныя званія и обязывался оберегать интересы Юстиніана. Хотя свобода лазовъ ничѣмъ не была ограничена, но вліяніе Византіи сказывалось во многихъ фактахъ. Между прочимъ, было признано необходимымъ держать въ Лазикѣ военный византійскій отрядъ—съ цѣлью противодѣйствовать персидскому вліянію, имѣвшему преобладаніе въ сосѣдней Ивиріи. Къ сожалѣнію, назначаемые изъ Константинополя начальники не были на высотѣ своего положенія и возбуждали населеніе всевозможными притѣсненіями. Таковъ былъ Іоаннъ Цивъ, который довелъ до крайнихъ предѣловъ недовольство въ Лазикѣ византійскимъ патронатомъ. Можно, конечно, думать, что въ характерѣ дѣятельности Цива выражалась цѣлая система. Въ самомъ дѣлѣ, выстроенная при немъ въ Лазикѣ крѣпость по имени Петра, на морскомъ берегу неподалеку отъ Ріона (древній Фазисъ), выражаетъ государственную тенденцію. Здѣсь былъ устроенъ не только оплотъ византійскаго вліянія съ военными запасами и провіантомъ, но также и таможенное вѣдомство, доводившее лазовъ до крайней степени нужды и возмущавшее ихъ чувства. По словамъ Прокопія, византійскій начальникъ гарнизона Петры грабилъ лазовъ; уже не было болѣе позволено купцамъ привозить въ Колхиду соль и другіе товары, необходимые для лазовъ, или у нихъ что покупать. Іоаннъ завелъ въ Петрѣ монополію, сдѣлался торгашемъ, завѣдующимъ всѣмъ торгомъ, самъ все покупалъ и продавалъ колхамъ и не по обыкновеннымъ цѣнамъ, а по тѣмъ, какія самъ назначалъ. Если взвѣсить всѣ эти данныя, то нужно будетъ признать, что постройкой Петры византійское правительство не только достигало порабощенія Лазики, но и заводило здѣсь морскую стоянку и устанавливало прямыя морскія сношенія съ этой частью своихъ черноморскихъ владѣній. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ лазы рѣшились искать покровительства

персовъ, въ которомъ Хосрой не отказалъ имъ. Пустивъ слухъ, что ивирамъ угрожаетъ опасность со стороны сѣверныхъ враговъ, Хосрой въ 541 г. пошелъ якобы на защиту ихъ; на самомъ же дѣлѣ лазы провели его имъ извѣстными и заранѣе приготовленными дорогами въ свою страну, гдѣ Гобазъ встрѣтилъ персидскаго царя и выразилъ ему свою преданность. Предстояло отнять у византійцевъ крѣпость Петру и освободить Лазику отъ власти Юстиніана. Это предпріятіе представляло значительныя трудности въ виду почти неприступнаго положенія Петры, защищенной моремъ и скалами. Тѣмъ не менѣе, крѣпость подверглась осадѣ и взята была посредствомъ подкопа подъ одну башню, съ паденіемъ которой гарнизонъ долженъ былъ сдаться. Хосрой захватилъ здѣсь большія богатства, собранныя посредствомъ вымогательствъ Цива, поставилъ въ Петрѣ персидскій гарнизонъ и могъ считать свою задачу оконченной, тѣмъ болѣе, что до него стали доходить слухи объ угрожающемъ движеніи Велисарія. Успѣшное взятіе Петры имѣло еще и тотъ результатъ, что два другія укрѣпленія, находившіяся на сѣверъ отъ Петры, Севастополь (Діоскоріада) и Пицунда, были покинуты византійскимъ гарнизономъ и перешли подъ власть персовъ. Принимая въ соображеніе то обстоятельство, что Хосрой замышлялъ строить корабли на Черномъ морѣ и для этой цѣли заготовилъ строительный матеріалъ, который, однако, былъ истребленъ пожаромъ, можно думать, что Петра не лишена была и морского значенія и могла быть пристанищемъ для судовъ [1]).

Южнѣй сирійской пустыни, по направленію къ Черному морю и Аравіи, Византія пыталась удержать свое вліяніе посредствомъ дипломатическихъ сношеній. Выяснить хотя бы въ немногихъ чертахъ роль Византіи въ этихъ областяхъ тѣмъ болѣе важно, что здѣсь уже не было имперскихъ гарнизоновъ, и что Юстиніану не было прямыхъ интересовъ къ захвату этихъ отдаленныхъ провинцій.—Вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ съ Персіей для Византіи стала недоступна обычная дорога, по которой прежде доставлялись въ Сирію и Египетъ индійскіе товары, являлась поэтому необходимость искать новыхъ торговыхъ путей. Начинаетъ поэтому пріобрѣтать значеніе Красное море или Аравійскій заливъ, по которому стали направляться тор-

[1]) Diehl, „Justinien", p. 380, 390.

говыя суда на востокъ въ обходъ Персіи. Это имѣло громадное значеніе какъ для исторіи Аравіи, которая пробудилась къ новой жизни вслѣдъ за обширнымъ торговымъ движеніемъ, внесшимъ новыя идеи и понятія въ жизнь арабовъ, такъ и для направленія политики Юстиніана въ эту сторону. Заливъ, оканчивающій Красное море на сѣверо-востокѣ, получилъ тогда обширную извѣстность благодаря острову Іотаба и торговому порту Аилъ, въ которыхъ сосредоточивалось торговое сухопутное и морское движеніе. Имперія давно уже имѣла здѣсь своихъ приверженцевъ, и торговые люди заводили разнообразныя сношенія на томъ и другомъ берегу Краснаго моря, покупая драгоцѣнныя произведенія Аравіи и Эѳіопіи и перевозя ихъ на сѣверъ. Въ особенности важны по своимъ послѣдствіямъ были торговыя связи съ западнымъ берегомъ черезъ торговый портъ Адулисъ, открывавшій путь въ царство аксумское или нынѣшнюю Абиссинію, откуда получались рабы, слоновая кость и разныя благовонія и пряности. Здѣсь же, чрезъ посредство абиссинцевъ и арабовъ Іемена намѣчался караванный путь въ Индію въ обходъ персидскаго царства, что разрѣшало до извѣстной степени весьма важную проблему, вызванную политическими осложненіями на персидской границѣ. Юстиніанъ принялъ рядъ экстренныхъ мѣръ, чтобы завязать здѣсь прочныя отношенія. Онъ обратилъ вниманіе на арабскія племена, кочевавшія на югѣ отъ византійскихъ владѣній, именно племена финиковъ, кинда и маадъ. За разнообразныя денежныя выдачи и привилегіи одинъ изъ начальниковъ этихъ племенъ согласился поступить на службу имперіи и держать въ извѣстномъ подчиненіи сосѣднихъ шейховъ въ качествѣ византійскаго филарха. Императоръ вступилъ съ нимъ въ дружественныя сношенія, заставилъ дать въ заложники сына его и воспиталъ его въ Константинополѣ. Такимъ образомъ постепенно распространялись въ Аравіи византійская образованность и христіанство, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пресѣкались для Персіи средства распространять здѣсь свое политическое вліяніе. Не менѣе успѣшна была политика Юстиніана въ Іеменѣ и Абиссиніи [1]). Здѣсь прежде всего, обращало на себя вниманіе царство омиритовъ или Гимайръ, гдѣ христіанство пустило корни еще раньше Юстиніана, и гдѣ церковная организація подвергалась опасности со стороны языч-

[1]) Duchesne, „Les missions chrétiennes au sud de l'empire" („Mélanges d'Archéologie et d'histoire", 1896); Diehl, „Justinien", p. 393 squ.

никовъ, находившихъ поддержку въ Персіи. Византія оказала покровительство христіанской партіи въ землѣ омиритовъ и поощрила притязанія абиссинскаго царя на эту область. Абиссинскій царь Эла-Ацбега, или Елесваанъ византійскихъ писателей, вступилъ въ Аравію, низвергъ династію мѣстныхъ царей и посадилъ на престолъ омиритовъ своего намѣстника и, какъ убѣжденнный христіанинъ, послалъ въ Аравію проповѣдниковъ. Такимъ образомъ Аравія была открыта христіанскому вліянію монофизитской церкви при посредствѣ Абиссиніи и политическому преобладанію имперіи. Открывая Красное море для торговли шелкомъ и другими восточными товарами, Юстиніанъ въ то же самое время сдѣлалъ попытку вовлечь Абиссинію въ свою борьбу съ персами. Посредствомъ абиссинскаго намѣстника въ Аравіи Юстиніанъ имѣлъ возможность поддерживать своихъ партизановъ въ сѣверной Аравіи и дать значительный авторитетъ Филарху, распространявшему византійское вліяніе между шейхами мелкихъ колѣнъ. Съ этой цѣлью Византія поддерживала посольствами свои отношенія съ Абиссиніей, и у писателя І. Малалы сохранилось весьма живое описаніе пріема греческаго посла въ Аксумѣ.

Продолжая знакомиться съ южной границей имперіи, мы доходимъ до Египта. Южная граница имперіи здѣсь доходила почти до первыхъ пороговъ Нила, за которыми начинались области независимыхъ и хищныхъ племенъ—блеммиды и нобады. Хотя экономическое положеніе Египта сильно упало со времени Августа, такъ что съ Египта при Юстиніанѣ собиралась только половина того количества хлѣбной подати, какая доставлялась въ первомъ столѣтіи (до 6 милл. модіевъ вмѣсто прежнихъ 12 милл. [1]), тѣмъ не менѣе, отъ египетскихъ хлѣбныхъ урожаевъ зависѣло продовольствіе столицы, почему императоръ озабоченъ былъ состояніемъ этой провинціи и принималъ энергичныя мѣры къ тому, чтобы она не была тревожима южными независимыми племенами. Главными мѣрами воздѣйствія здѣсь также была христіанская миссія. Въ 540 г. одинъ монофизитскій священникъ, по имени Юліанъ, поощряемый и поддержанный царицей Ѳеодорой, отправился съ богатыми дарами въ Нубію и представился царю Сіако, который крестился со всѣмъ народомъ и предоставилъ себя на службу имперіи. Тогда послѣ побѣды надъ блеммидами былъ

[1]) Justiniani Novellae (ed. Zachariae a Lingenthal, const. XCVI a. 538).

разрушенъ языческій храмъ въ Филе (541—542 г.), и поставленный здѣсь епископъ Ѳеодоръ былъ первымъ христіанскимъ миссіонеромъ въ Верхнемъ Египтѣ.

Намѣченныя здѣсь событія, касающіяся Абиссиніи и Египта, весьма важны съ точки зрѣнія исторіи христіанской культуры и заслуживаютъ того, чтобы поставить ихъ въ надлежащемъ освѣщеніи. Въ особенности христіанская миссія въ Египтѣ при императорѣ Юстиніанѣ оставила слѣды на сохранившихся еще на мѣстѣ памятникахъ и можетъ быть изучаема и по настоящее время. У писателя Прокопія имѣемъ объ этомъ слѣдующее извѣстіе [1]. „Отъ города Аксумы до предѣловъ ромэйской державы въ Египтѣ, гдѣ городъ Элефантина, 30 дней пути. Здѣсь живутъ многія племена, сильнѣйшія между ними блеммиды и нобады... Послѣдніе жили по берегамъ Нила, начиная отъ города Элефантины, съ согласія Діоклитіана, который опредѣлилъ выдавать имъ и блеммидамъ опредѣленное количество золота... Они и въ мое время получаютъ эти деньги, но тѣмъ не менѣе дѣлаютъ набѣги на тамошнія селенія. Тотъ же государь... построилъ на островѣ рѣки Нила близь Элефантины сильную крѣпость, соорудилъ общіе для ромэевъ и варваровъ храмы и жертвенники и опредѣлилъ въ этой крѣпости жрецовъ“. Здѣсь Прокопій говоритъ о знаменитомъ храмѣ, посвященномъ культу Изиды и Озириса въ Филахъ, близъ нынѣшняго Ассуана, у первыхъ пороговъ Нила. Этотъ храмъ до времени Прокопія принадлежалъ мѣстному населенію, и къ нему стекалось множество поклонниковъ Изиды со всѣхъ окрестныхъ странъ. По приказанію Юстиніана, командовавшій мѣстнымъ гарнизономъ Нарсъ положилъ конецъ языческому культу въ Филахъ, а при епископѣ Ѳеодорѣ языческіе храмы стали приспособляться къ христіанскому богослуженію (рис. 57).

Въ настоящее время, по требованіямъ экономическихъ соображеній, англичане устроили загражденія для водъ рѣки Нила, вслѣдствіе чего уровень воды поднялся до такой степени, что громадныя сооруженія Филе на половину затоплены, и къ нимъ возможенъ доступъ только на лодкѣ. Тѣмъ могущественнѣй вліяютъ на посѣтителя полуразрушенныя и едва ли долго могущія противостоять разрушительному дѣйствію воды развалины храма Изиды и Озириса. Внутри

[1] „De B. P.“, I, 19 (русскій перев. стр. 254, 260 и сл.).



Рис. 57. Храмъ Изиды и Озириса въ Филе.

построекъ нѣсколько греческихъ надписей. Наверху обширная терраса, съ которой открывается видъ на всѣ постройки и окрестности.

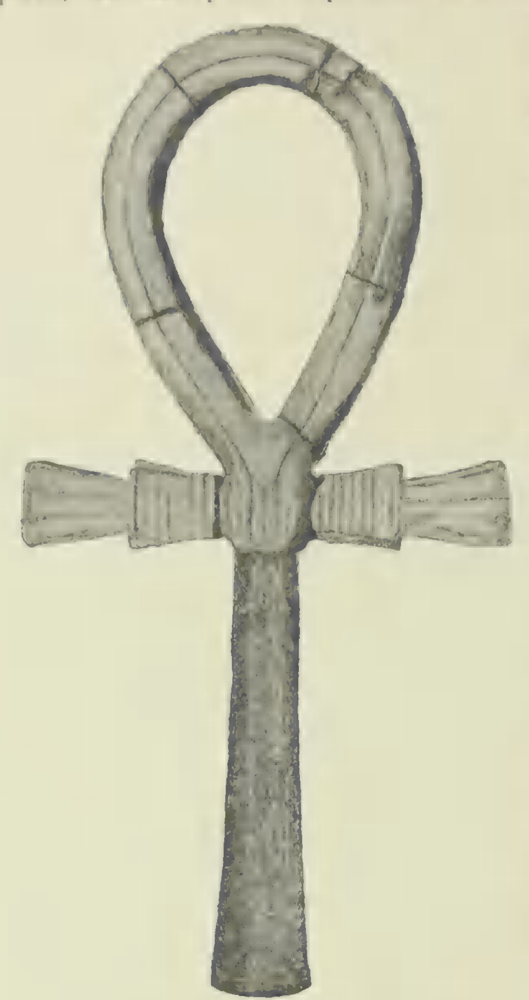


Рис. 58. Египетскій анхъ.

Отдѣльныя части храма были въ VI в. приспособлены для христіанскаго богослуженія. Между изображеніями нильскаго лотоса и богини Которъ съ рогами надъ головой, читаются надписи на греческомъ языкѣ съ крестомъ. На одной изъ колоннъ болѣе подробная надпись, свидѣтельствующая о строительной дѣятельности епископа Өеодора, которому, какъ объяснено выше, принадлежитъ главная заслуга въ утвержденіи въ странѣ христіанскаго исповѣданія [1]). Какъ въ этомъ храмѣ, такъ и въ большинствѣ другихъ египетскихъ памятниковъ и, въ особенности, въ музеяхъ нужно отмѣтить знакъ креста (анхъ; рис. 58) въ разнообразныхъ формахъ и сочетаніяхъ, изображеніе крылатаго змѣя съ тремя головами и съ надписями, какъ на картинахъ Страшнаго суда. Съ точки зрѣнія вліянія Египта на христіанскую культуру и въ разсужденіи источниковъ заимствованія аскетическихъ идей и сказаній въ древней христіанской литературѣ памятники Египта представляютъ громадной важности матеріалъ.



[1]) Надписи, между прочимъ, изданы въ „Corpus Inscr. Graecarum", 8647—49.

ГЛАВА V.

ВНУТРЕННЯЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЮСТИНІАНА. БУНТЪ „НИКА." РЕЛИГІОЗНАЯ ПОЛИТИКА ВЪ СИРІИ. СИМЕОНЪ СТОЛПНИКЪ И ЕГО МОНАСТЫРЬ.



ри обозрѣніи фактовъ, относящихся къ внутренней дѣятельности Юстиніана, мы должны прежде всего выдѣлить и подвергнуть оцѣнкѣ цѣлый рядъ государственныхъ актовъ, законодательныхъ и административныхъ распоряженій, коими Юстиніанъ сводилъ счеты съ старымъ строемъ, съ тѣми воззрѣніями и настроеніями, которыя имѣли свои корни въ античной культурѣ, въ свободной философской и риторской школѣ и, наконецъ, въ муниципальныхъ городскихъ вольностяхъ. Этою, такъ сказать, отрицательной стороной внутренней дѣятельности лучше характеризуются воззрѣнія Юстиніана на задачи управленія подчиненной ему имперіей, чѣмъ тѣми положительными актами государственной дѣятельности, которые представляли лишь попытку къ признанію новыхъ формъ государственной жизни, уже заявившихъ себя реальными фактами, но въ общемъ не совсѣмъ ясно опредѣлившуюся систему. Въ самомъ дѣлѣ, намъ легче понять настроеніе Юстиніана и руководившій его распоряженіями планъ, когда онъ издавалъ законъ о закрытіи философской языческой школы въ Аѳинахъ. Точно также можно усматривать извѣстную систему въ его суровыхъ мѣрахъ противъ еретиковъ. Но не такъ ясна идея его громадныхъ и дорого обошедшихся построекъ, равно какъ основная мысль его реформъ по гражданской и военной администраціи. Кромѣ того, теперь уже не можетъ подлежать сомнѣнію, что отрицательныя и, если употребить нынѣшнее выраженіе, реакціонныя мѣры Юстиніана достигали цѣли, сопровождаясь опредѣлен-

ными реальными, хотя и весьма тяжкими послѣдствіями, между тѣмъ какъ положительныя его распоряженія рѣдко достигали тѣхъ результатовъ, на которые были разсчитаны, часто нуждались въ перемѣнахъ и поправкахъ, а иногда оказывались прямо безполезными или недостигавшими цѣли, какъ многія постройки съ военной цѣлью, или административныя преобразованія. Система мѣропріятій противъ древнихъ либеральныхъ учрежденій съ особенной выразительностью отмѣчена въ исторіи городскихъ димовъ (*δῆμοι*), въ ограниченіи политическихъ правъ цирковыхъ партій, въ усиленіи власти городского епарха, въ извѣстномъ движеніи городского населенія противъ Юстиніана, выразившемся въ дѣлѣ „Ника", и, наконецъ, въ церковной политикѣ. Указанными фактами займемся въ настоящей главѣ.

Много путаницы въ исторію Византіи привнесло недоразумѣніе по поводу термина *ὁ δῆμος*. Въ классическомъ языкѣ и въ древней исторіи подъ этимъ терминомъ разумѣются административный округъ, община и, наконецъ, народъ. Въ средневѣковомъ языкѣ димы стали быть понимаемы въ значеніи партій цирка, factiones. Это повліяло на все построеніе идеи о городскомъ населеніи и совершенно въ превратномъ видѣ представило процессъ средневѣковой городской жизни. Хотя у писателей терминъ димъ и димы употребляется въ смыслѣ городского населенія, а не въ тѣсномъ значеніи партій цирка, какъ это встрѣчаемъ у Константина Порфиророднаго, тѣмъ не менѣе, общая исторія димовъ получила въ литературѣ одностороннюю постановку и неправильное освѣщеніе.

Происхожденіе партій цирка скрывается въ глубокой древности, какъ и происхожденіе самаго цирка или ипподрома. Господствовавшая въ византійской литературѣ традиція относила ко времени Ромула и устройство цирка, и начало цирковыхъ партій. Названія партій цирка, игравшихъ весьма важную роль въ большихъ городахъ Византійской имперіи, гдѣ были устроены ипподромы, перенесены также изъ римскаго цирка, такъ какъ тѣ же самыя названія встрѣчаемъ тамъ со времени Цесаря и Августа. Хотя прасины, венеты, левки и русіи извѣстны были во всѣхъ городахъ, имѣвшихъ ипподромы, тѣмъ не менѣе, происхожденіе и значеніе этихъ названій забыто было весьма рано. Уже въ VI столѣтіи нужно было прибѣгать къ разнымъ и довольно замысловатымъ комбинаціямъ по объясненію приведенныхъ названій цирковыхъ партій. Согласно данному визан-

тійскими писателями объясненію, части цирка воспроизводятъ солнечную систему и соотвѣтствуютъ четыремъ стихіямъ: землѣ, водѣ, огню и воздуху, а наименованіе четырехъ партій цирка или соотвѣтствуетъ означеннымъ четыремъ стихіямъ, или метафорически выражаетъ ихъ.

Гдѣ циркъ — тамъ и партіи въ томъ же числѣ и съ тѣми же именами. Гдѣ партіи — тамъ борьба димовъ, политическая интрига, бунтъ и опасныя для правительства притязанія. Партіи возникаютъ сами собой въ старыхъ и новыхъ городахъ, гдѣ правительство находитъ нужнымъ пожаловать населенію право имѣть свой ипподромъ. Весьма вѣроятно, что это право имѣетъ связь съ надѣленіемъ нѣкоторыхъ городовъ опредѣленнымъ городовымъ правомъ, подразумѣвающимся въ византійскихъ памятникахъ подъ выраженіемъ *τὸ δίκαιον τῆς πόλεως*.

Исторія этихъ партій обращала на себя вниманіе многихъ изслѣдователей. По поводу цирковыхъ партій въ Римѣ и Константинополѣ противъ Рима и Византіи предъявлены рѣзкія и суровыя обвиненія. У Гиббона, Фридлендера и Рамбо въ одинаковой степени выдержанъ порицательный тонъ по отношенію къ партіямъ цирка. И дѣйствительно, трудно было бы защищать эти партіи, если бы не оставалось никакихъ сомнѣній въ томъ, изъ какихъ элементовъ онѣ слагались, и какое отношеніе имѣли къ политическому и административному строю городовъ. Но эти послѣдніе вопросы остались не вполнѣ выясненными, хотя можно думать, что въ организаціи цирковыхъ партій принимали участіе городскія сословія, такъ какъ выраженіе *τὰ μέρη* равносильно выраженію *οἱ δῆμοι* и обозначаетъ вообще населеніе города, организованное по димамъ. По многимъ сторонамъ изученія Византіи до сихъ поръ остаются руководящими воззрѣнія, высказанныя еще Гиббономъ. По занимающему насъ вопросу онъ говоритъ слѣдующее [1]). Константинополь усвоилъ не добродѣтели древняго Рима, а его безразсудства, и тѣ же самыя партіи, которыя волновали циркъ, стали съ удвоенной яростью свирѣпствовать на ипподромѣ. Въ царствованіе Анастасія это народное неистовство усилилось отъ религіознаго рвенія... Изъ столицы эта зараза распространилась по провинціямъ и городамъ Востока и изъ созданнаго для забавы раз-

[1]) Гиббонъ, „Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи“ (русскій переводъ), IV, стр. 321 и сл.

личія двухъ цвѣтовъ возникли двѣ сильныя и непримиримыя партіи, потрясавшія слабую правительственную власть въ самомъ основаніи. Народныя распри, возникающія изъ-за самыхъ серіозныхъ интересовъ или изъ-за религіозныхъ убѣжденій, едва ли бываютъ болѣе упорны, чѣмъ эти пустые раздоры, нарушавшіе семейное согласіе, ссорившіе братьевъ и друзей... Всѣ законы божескіе и человѣческіе попирались ногами... Въ Антіохіи и Константинополѣ снова выступила на сцену демократія съ свойственной ей разнузданностью, но безъ свойственной ей свободы, и поддержка которой-либо партіи сдѣлалась необходимой для всякаго кандидата, искавшаго гражданской или церковной должности. Зеленымъ приписывали тайную привязанность къ семейству или къ сектѣ Анастасія; голубые были преданы интересамъ православія [1]). Все это разсужденіе, по меньшей мѣрѣ, неосновательно. Если партіи имѣли такое значеніе, что потрясали правительственную власть, если цирковыя партіи были носителями демократическихъ принциповъ и были въ состояніи давать преобладаніе той религіозной системѣ, за которую онѣ высказывались, то ясно, что здѣсь историку предстоитъ имѣть дѣло не просто съ безразсудствами и съ народнымъ неистовствомъ, а съ какимъ-то болѣе важнымъ факторомъ, который не случайно усвоенъ Константинополемъ изъ Рима и распространился затѣмъ по провинціямъ и городамъ Востока.

Внѣшняя исторія константинопольскихъ цирковыхъ партій или— что будетъ ближе къ терминологіи источниковъ — константинопольскихъ димовъ очень не сложна. Димы наполняютъ своими бурными дѣяніями исторію V и VI вв. Съ VII в. извѣстія становятся рѣже, это служитъ указателемъ того, что димамъ нанесенъ былъ правительствомъ сильный ударъ, послѣ котораго они не могли никогда оправиться. Для выясненія значенія димовъ въ исторіи Константинополя, равно какъ для рѣшенія вопроса объ отношеніи партій цирка къ городскому населенію вообще—наибольшій интересъ представляютъ тѣ извѣстія, которыя рисуютъ димы во время ихъ упадка, и которыя знакомятъ съ мѣрами, принятыми къ обузданію ихъ правительствомъ.

Лучшій и обильнѣйшій матеріалъ заключается въ сочиненіи, при-

---

[1]) Ср. Friedländer, II, p. 64.

писываемомъ императору Константину Порфирородному, De „cerimoniis aulae Byzantinae“ [1]). Здѣсь димы являются уже въ весьма обветшаломъ видѣ, утратившими политическое значеніе. Но прежняя ихъ роль, какъ пережитокъ, обнаруживается въ символическихъ дѣйствіяхъ на парадныхъ выходахъ и торжественныхъ пріемахъ византійскихъ царей. Безъ участія димовъ не происходитъ ни одной важной церемоніи при византійскомъ дворѣ, почему составитель Придворнаго устава, опредѣляя занимаемое димами мѣсто между придворными, военными и духовными чинами и описывая тѣ дѣйствія, какія по уставу принадлежали димамъ, сообщаетъ о нихъ множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній.

Всматриваясь въ роль димовъ по придворному уставу, нельзя не замѣтить, что хотя они и лишены политической силы, тѣмъ не менѣе, являются дѣйствительными представителями и выразителями общественнаго мнѣнія. По уставу положено говорить имъ славословія царю, и въ X вѣкѣ, кромѣ славословій, дѣйствительно, ни въ чемъ не выражается ихъ роль, но ранѣе того димы могли гласно выражать и оппозиціонное правительству настроеніе. Кромѣ того, въ уставѣ сохранились весьма любопытныя черты по отношенію къ организаціи димовъ и болѣе или менѣе ясные намеки на такіе факты и отношенія, которые касаются прежней ихъ исторіи и которые для самого составителя устава были уже забытою стариной [2]).

Уже изъ извѣстій Прокопія о возмущеніи „Ника“ можно видѣть, что онъ имѣетъ въ виду, говоря о димѣ, вообще населеніе столицы, находящееся въ извѣстной организаціи и подчиненное епарху города [3]). И почти обычное явленіе, что „партіи“ затѣваютъ движенія и смуты не по поводу частныхъ дѣлъ, касающихся цирка, а по вопросамъ общественнаго или политическаго характера. Почти каждый разъ въ движеніяхъ дима кроется недовольство противъ правительства или въ частности противъ епарха города.

Такимъ образомъ ясно, что въ димахъ мы имѣемъ явленіе бытовое, коренящееся въ условіяхъ организаціи восточныхъ городовъ,

---

[1]) Прекрасный комментарій къ этому сочиненію даетъ Д. Ѳ. Бѣляевъ, „Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по визант. древностямъ“. Книги I и II.

[2]) Источники, литература и подробности въ моей статьѣ: „Партіи цирка и димы въ Константинополѣ“ („Визант. Временникъ“, т. I).

[3]) „De B. Pers.“, I, 119—120.

а потому вопросъ о прасинахъ и венетахъ не можетъ быть разсматриваемъ съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ Гиббонъ: „Константинополь усвоилъ не добродѣтели древняго Рима, а его безразсудства, и тѣ же самыя партіи, которыя волновали циркъ, стали съ удвоенной яростью свирѣпствовать въ ипподромѣ“. Византійскіе писатели указываютъ демократическія тенденціи въ большихъ городахъ на Востокѣ, называютъ Антіохію очагомъ этихъ тенденцій и прямо даютъ понять, что нападки дима направлены противъ органовъ правительственной власти въ городахъ [1]). Съ другой стороны, правительство ведетъ борьбу съ городскими димами какъ законодательнымъ, такъ и административнымъ путемъ, ограничивая права населенія и расширяя полномочія епарха. Для Константинополя составляетъ эпоху въ этомъ отношеніи періодъ епарха Ѳеодота при царѣ Іустинѣ, „который обуздалъ константинопольскую димократію“. Для Антіохіи такое же значеніе имѣетъ періодъ Константина Тарсея при царѣ Анастасіи, который далъ Тарсею право казнить всякаго, ибо димократическая партія прасиновъ въ Антіохіи возмутилась противъ власти [2]).

Для выясненія роли димовъ послѣ Юстиніана весьма важны извѣстія, по которымъ димоты, какъ гражданскій элементъ, назначаются въ исключительныхъ случаяхъ на военную службу, на подобіе ратниковъ. Такъ, Маврикій, находясь въ затрудненіи по случаю нападенія аваровъ, назначилъ димы на службу при Длинныхъ стѣнахъ; въ другой разъ тотъ же царь назначилъ бывшія у него въ распоряженіи войска для защиты Длинныхъ стѣнъ, между тѣмъ какъ димы охраняли городъ; наконецъ, по случаю возмущенія въ войскахъ, поручаетъ охрану города димамъ [3]).

Первый случай подобнаго зачисленія городскихъ обывателей въ военную службу отмѣченъ во время Юстиніана и записанъ у писателя Ѳеофана. Извѣстіе Ѳеофана имѣетъ особенный интересъ [4]). По случаю нападенія аваровъ и славянъ, которые прорвались чрезъ Анастасіеву стѣну и угрожали самой столицѣ, масса крестьянскаго на-

---

1) ἐπήρχοντο γὰρ καὶ τοῖς κατὰ πόλιν ἄρχουσι, ἀρξάμενοι ἀπὸ τοῦ Βυζαντίου (Malal., 416, 5; Theoph., 166, 28).

2) Malal., 416, 10; 393, 5.

3) Theoph., 254, 7; 279, 20; 287, 23.

4) Ibid. 233, 11: ὁ βασιλεὺς ἐδημότευσε πολλοὺς καὶ ἔπεμψεν εἰς τὸ Μακρὸν τεῖχος.

селенія ближайшихъ деревень, забравъ свое имущество, искала спасенія въ Константинополѣ. Юстиніанъ, по всей вѣроятности, зачислилъ этихъ пришлыхъ людей въ димы или приписалъ къ димамъ и назначилъ ихъ въ службу на Длинныя стѣны. Послѣ Юстиніана подобные случаи повторяются чаще, и Маврикій встрѣтилъ въ димахъ сильную оппозицію, которая обошлась ему весьма дорого.

Рядомъ съ возложеніемъ на димы воинской повинности правительство постепенно стремилось къ ограниченію димовъ, какъ гражданскаго элемента населенія столицы, посредствомъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ. Въ этомъ отношеніи димы подчиняются вѣдомству епарха города, власть котораго столько же расширяется, сколько уменьшается авторитетъ димарха.

На основаніи представленныхъ здѣсь наблюденій по исторіи константинопольскихъ димовъ, мы приходимъ къ заключенію, что отождествленіемъ дима съ партіей цирка допускается нѣкоторая неправильность въ толкованіи текстовъ. Эта неправильность, не бросающаяся въ глаза при разборѣ одного или небольшого числа мѣстъ, становится слишкомъ замѣтной, если подвергнуть анализу извѣстія о димахъ писателей, раздѣленныхъ одинъ отъ другого значительнымъ пространствомъ времени. Дѣло не ограничивается здѣсь неточностями филологическаго характера, но вліяетъ на постановку вопроса объ исторіи городскаго сословія, объ отношеніи правительственной власти къ городскимъ учрежденіямъ, о военномъ устройствѣ и т. п. Если мы сведемъ исторію димовъ къ исторіи цирковыхъ партій, то, по меньшей мѣрѣ, должны будемъ оставить безъ объясненія гражданскіе димы и съ недоумѣніемъ читать о димократахъ и димархахъ, обязательно участвующихъ въ придворныхъ церемоніяхъ. Мы думаемъ, что постановка вопроса о цирковыхъ партіяхъ заслонила исторію городскихъ населеній.

Борьба правительства съ городскими вольностями выразилась въ Константинополѣ въ извѣстномъ дѣлѣ „Ника“, которое разыгралось на городскомъ ипподромѣ. Константинопольскій ипподромъ, начатый постройкой при Септиміи Северѣ, оконченъ при Константинѣ Великомъ, которому принадлежитъ вообще украшеніе новой столицы художественными памятниками и дорогими постройками. Ипподромъ, мѣсто котораго и донынѣ можетъ быть наблюдаемо по близости св. Софіи на площади Атъ-мейданъ, составлялъ четыреуголь-

никъ въ 75 метровъ ширины и 300 метровъ длины, украшенный скульптурными произведеніями лучшихъ греческихъ мастеровъ, собранными со всей Греціи. Но главная притягательная сила ипподрома была, впрочемъ, не въ художественныхъ его памятникахъ, а въ зрѣлищахъ, которыми правительство увеселяло гражданъ столичнаго города, и въ свободѣ, какая установилась въ ипподромѣ для выраженія мыслей по поводу политическихъ событій и столичныхъ новостей. Ипподромъ представлялъ единственную арену, за отсутствіемъ печатнаго станка, для громкаго выраженія общественнаго мнѣнія, которое иногда имѣло обязательную силу для правительства. Здѣсь обсуждались общественныя дѣла, здѣсь константинопольское населеніе выражало до извѣстной степени свое участіе въ политическихъ дѣлахъ.

Въ то время, какъ древнія политическія учрежденія, посредствомъ которыхъ народъ выражалъ свои державныя права, постепенно приходили въ упадокъ, не будучи въ состояніи уживаться съ монархическими принципами римскихъ императоровъ, городской ипподромъ продолжалъ еще оставаться ареной, гдѣ свободное мнѣніе могло высказываться безнаказанно. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно и то, что обычное словоупотребленіе удержало за партіями цирка (*τὰ μέρη*) старый терминъ, которымъ обозначался народъ, или община, или административный округъ (*οἱ δῆμοι*). Очень важны также указанія на представительство димовъ въ оффиціальной жизни государства и въ придворномъ этикетѣ. На первомъ мѣстѣ стояли димократы, коихъ было два: димократъ венетовъ и прасиновъ, оба они назначались царемъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ съ чиномъ протоспаѳарія. Рядомъ съ димократомъ въ представительствѣ димовъ участвуетъ димархъ. Димарховъ также было два: прасиновъ и венетовъ, тотъ и другой соединяли съ представительствомъ своего дима также димъ левковъ или русіевъ. Итакъ, въ циркѣ и цирковыхъ партіяхъ намѣчаются слѣды представительства общественныхъ классовъ, и въ движеніяхъ и смутахъ, обнаруживающихся на ипподромѣ, по большей части, таятся причины не частнаго характера партій цирка, а общаго политическаго свойства, объясняющіяся недовольствомъ народа и счетами его съ правительствомъ. Отъ времени Маврикія сохранилось указаніе, что цирковая партія прасиновъ считала въ своемъ составѣ 1500 членовъ, венеты же—только 900. Между тѣмъ въ движеніяхъ партій принимаютъ участіе десятки тысячъ человѣкъ.

Весьма любопытно, однако, замѣтить, что политическая борьба на ипподромѣ не развилась въ занимающее насъ время въ строгую и послѣдовательно проводимую политическую систему; византійское государство не представляетъ намъ политическихъ партій ни древняго, ни новаго времени. Народъ политиканствовалъ на ипподромѣ, высказывалъ порицаніе и царю и министрамъ, иногда издѣвался надъ неудачной политикой, но не организовался въ политическія партіи въ собственномъ смыслѣ и не содѣйствовалъ къ утвержденію опредѣленнаго направленія или программы въ смыслѣ національной политики, религіозныхъ мнѣній, отношеній къ иностранцамъ и т. п. Можно бы отсюда сдѣлать заключеніе, что въ VI в. политическій геній отлетѣлъ уже отъ эллинской націи, которая по намѣреніямъ правительства становилась болѣе и болѣе господствующимъ элементомъ въ имперіи.

Императоръ Юстиніанъ любилъ цирковыя представленія и много содѣйствовалъ къ роскошной обстановкѣ даваемыхъ народу зрѣлищъ. Кромѣ того, никто изъ его предшественниковъ не становился въ такой степени приверженцемъ одной партіи и не выражалъ такъ явно къ ней своего расположенія, какъ Юстиніанъ по отношенію къ партіи венетовъ. Это не могло не затронуть соперниковъ венетовъ, прасиновъ, и не возбудить между ними вражды, которая не ограничилась стѣнами цирка, но обнаружилась на городскихъ улицахъ въ ночныхъ побоищахъ и грабежахъ. Общественный интересъ борьба партій возбудила потому, что въ обществѣ были серьезныя причины къ недовольству правительствомъ. Новая династія, вступившая на престолъ весьма недавно, весьма рѣзко выступила въ церковномъ вопросѣ и вооружила противъ себя громадное число подданныхъ суровыми мѣрами противъ монофизитовъ. Независимо отъ того, въ высшемъ классѣ служилаго сословія было значительное число приверженцевъ старой династіи, которые возлагали свои надежды на племянниковъ Анастасія, Ипатія и Помпея. Юстиніанъ сознательно поддерживалъ партію венетовъ, надѣясь держать такимъ образомъ равновѣсіе между политическими организаціями въ городѣ. Пока венеты и прасины взаимно ослабляли себя борьбой, непопулярные министры Юстиніана и наиболѣе между ними жестокій Іоаннъ каппадокіецъ могли спокойно оставаться на своихъ мѣстахъ.

Знаменитый константинопольскій бунтъ „Ника“ происходилъ въ

началѣ 532 г., т.-е. черезъ три года по вступленіи Юстиніана на престолъ. Это народное возмущеніе служитъ весьма рѣзкимъ показателемъ характера Юстиніана и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ ключъ къ пониманію его административной и финансовой системы. Юстиніанъ, утверждая господство новой династіи, опирался, главнымъ образомъ, на національное духовенство и наемное войско. Цирковая партія венетовъ, думаютъ, была ему близка потому, что царица Ѳеодора въ юные годы принадлежала къ ней и не порывала съ ней сношеній на тронѣ; но такъ какъ въ возмущеніи „Ника" приняли участіе и венеты, и прасины, то слѣдуетъ полагать, что коренная причина возмущенія лежала собственно не въ партіяхъ. Хотя не легко намѣтить эти причины, такъ какъ событія слѣдовали съ удивительной быстротой, но о нихъ можно догадываться по слѣдующимъ фактамъ, отмѣченнымъ у Прокопія, современника событій.

13-го января прасины выражали въ ипподромѣ жалобу на притѣсненія, испытываемыя отъ правительства, и называли царскаго спаѳарія и кувикуларія Калоподія какъ наиболѣе жестокаго человѣка. Тогда между царскимъ вѣстникомъ и представителемъ партіи прасиновъ начался живой обмѣнъ упрековъ и рѣзкихъ обвиненій, въ которомъ приняли участіе венеты. Споръ продолжался и внѣ ипподрома выразился въ уличныхъ безпорядкахъ и враждебныхъ схваткахъ между приверженцами венетовъ и прасиновъ. Во главѣ правительства стояли тогда префектъ преторіи Іоаннъ каппадокіецъ, наиболѣе вліятельный министръ и правая рука Юстиніана, изобрѣтатель новыхъ налоговъ и безпощадный вымогатель податныхъ сборовъ, человѣкъ безъ образованія и чести. За нимъ стоялъ квесторъ священнаго дворца и министръ юстиціи, знаменитый Трибоніанъ, который поставленъ былъ во главѣ законодательныхъ работъ времени Юстиніана; это былъ по образованію самый крупный человѣкъ времени, но ради наживы онъ жертвовалъ всѣмъ, не затрудняясь толковать законъ вкривь и вкось и примѣнять статьи не въ пользу правой стороны, а въ пользу той, которая предложила взятку. Полицейская власть находилась въ рукахъ префекта города Евдемія, который своими строгими мѣрами противъ виновниковъ уличныхъ безпорядковъ еще сильнѣй возбудилъ народныя страсти. Именно, семеро изъ захваченныхъ полиціей были присуждены къ смертной казни, четверо—къ обезглавленію, трое—къ висѣлицѣ. По неискусству палача

веревка дважды обрывалась, и повѣшенные падали въ приготовленный ровъ еще живыми. На толпу это произвело большое впечатлѣніе, многіе увидѣли въ этомъ знаменіе въ пользу осужденныхъ. Монахи изъ монастыря св. Конона взяли подъ свою защиту двухъ осужденныхъ, чудеснымъ случаемъ спасшихся отъ висѣлицы, и отправили ихъ въ церковь св. Лаврентія, пользовавшуюся правомъ убѣжища. Тогда же венеты и прасины, соединенные общимъ чувствомъ вражды къ префекту города, дали клятву идти открыто противъ правительства и силой добывать нарушенныя ихъ права; при этомъ произнесено было слово „ника“ (побѣждай), сдѣлавшееся паролемъ для всего послѣдующаго движенія. Отъ 14 до 18 января Константинополь былъ театромъ страшныхъ сценъ насилія и грабежа. Правительство совершенно растерялось и, повидимому, не имѣло средствъ къ усмиренію мятежа. Бунтовщики сдѣлались хозяевами положенія, провозгласили другого императора и, выпустивъ изъ темницъ содержавшихся тамъ преступниковъ, начали возбуждать мирное населеніе насильственными дѣйствіями. Въ городѣ начались пожары, истребившіе лучшія зданія. Такъ, тогда сгорѣли: храмъ св. Софіи, бани Зевксиппа и царскіе дворцы, находившіеся поблизости, равно портики и роскошные дома богатыхъ гражданъ отъ ипподрома до площади Константина (см. планъ города). Юстиніанъ находился въ отчаянномъ положеніи и не зналъ, гдѣ искать спасенія. На пятый день мятежа былъ избранъ новый царь въ лицѣ Ипатія, племянника Анастасія; среди мятежниковъ сталъ обсуждаться вопросъ о томъ, какъ удобнѣй захватить Юстиніана.

Но скоро наступилъ поворотъ въ положеніи дѣлъ. У Прокопія, сохранившаго весьма живыя черты изъ этого критическаго для Юстиніана и Ѳеодоры времени, приводится, между прочимъ, слѣдующая сцена [1]). У царя происходило совѣщаніе: что лучше дѣлать, оставаться ли тутъ, или бѣжать на судахъ. Много говорено было въ пользу того и другого мнѣнія. Наконецъ, царица Ѳеодора сказала: „Лишнимъ было бы теперь, кажется, разсуждать о томъ, что женщинѣ неприлично быть отважною между мужчинами, когда другіе находятся въ нерѣшимости, что имъ дѣлать, или чего не дѣлать. По моему мнѣнію, бѣгство теперь больше чѣмъ когда-нибудь для насъ не выгодно,

---

[1]) Procopii „De B. Persico“, 1, 24, p. 125; русскій переводъ Дестуниса, 1. 324.

хотя бы оно и вело къ спасенію. Тому, кто пришелъ на свѣтъ, нельзя не умереть; но тому, кто однажды царствовалъ, скитаться изгнанникомъ невыносимо. Не дай Богъ мнѣ лишиться этой багряницы и дожить до того дня, въ который встрѣчающіеся со мной не будутъ привѣтствовать меня царицею. Итакъ, государь, если хочешь спасти себя бѣгствомъ, это не трудно. У насъ много денегъ, вотъ море, вотъ суда. Но смотри, чтобы послѣ, когда ты будешь спасенъ, не пришлось тебѣ когда-нибудь предпочитать смерть такому спасенію. Нравится мнѣ старинное слово, что царская власть прекрасный саванъ".

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства и принявъ въ соображеніе матеріальныя средства, какими можно было въ данное время располагать, царь пришелъ къ заключенію, что если нельзя положиться на константинопольскій гарнизонъ и на царскую гвардію, которая въ настоящее время находилась въ выжидательномъ положеніи и могла перейти на ту сторону, гдѣ окажется побѣда, то, съ другой стороны, можно было воспользоваться значительной военной дружиной Велисарія, который недавно возвратился изъ Персіи и имѣлъ при себѣ испытанный и вѣрный отрядъ, не причастный къ борьбѣ константинопольскихъ партій, и, кромѣ того, какъ-разъ въ это время находился въ столицѣ Мундъ, вождь варварскаго происхожденія, командовавшій германскимъ наемнымъ отрядомъ и преданный императору. По словамъ историка Малалы [1]), это былъ гроза варваровъ, уничтожившій ихъ въ громадномъ числѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Этимъ двумъ лицамъ было поручено, не стѣсняясь средствами, усмирить возстаніе и положить конецъ ненормальному положенію дѣлъ.

Между тѣмъ въ городѣ событія шли своимъ чередомъ. Ипатій былъ приведенъ въ циркъ, занялъ царское мѣсто и принималъ привѣтствія и восхваленія отъ громадной толпы, собравшейся на это зрѣлище. Никому не приходило въ голову принять мѣры предосторожности; напротивъ, распространяемы были слухи о томъ, что дѣло приверженцевъ новаго царя выиграно, и что Юстиніанъ бѣжалъ въ Азію. Въ это время къ бунтовщикамъ былъ подосланъ евнухъ Нарсесъ съ цѣлью завязать переговоры съ венетами, а Велисарій и Мундъ съ небольшими, но преданными и хорошо вооруженными и дисциплинированными отрядами подошли къ ипподрому и захва-

[1]) Malal., LXVIII, p. 451.

тили врасплохъ толпу безоружныхъ и не ожидавшихъ нападенія бунтовщиковъ. У Прокопія картина передана въ слѣдующемъ освѣщеніи. „Съ великими усиліями и не безъ большихъ опасностей, пробираясь по развалинамъ и полусгорѣвшимъ мѣстамъ, Велисарій вступилъ въ ристалище и, ставъ у портика венетскаго, что̀ на правой сторонѣ отъ царскаго сѣдалища, сперва хотѣлъ устремиться на самого Ипатія; но какъ тутъ есть малыя ворота, которыя тогда были заперты и охраняемы снутри воинами Ипатія... то онъ разсудилъ лучше напасть на народъ, на это безчисленное множество стоявшихъ въ ипподромѣ людей, въ большомъ безпорядкѣ толкавшихся. Онъ обнажилъ мечъ, велѣлъ воинамъ своимъ слѣдовать его примѣру и съ крикомъ ринулся въ середину смѣшаннаго скопища. Народъ, не составлявшій строя, видя, что покрытые латами воины, заслужившіе великую славу храбростью и опытностью, поражали всѣхъ безъ пощады, предался бѣгству. Поднялся громкій крикъ. Находившійся недалеко оттуда Мундъ, человѣкъ смѣлый и предпріимчивый, хотѣлъ принять участіе въ дѣлѣ, но въ настоящемъ положеніи не зналъ, что ему дѣлать. Догадавшись, наконецъ, что Велисарій уже дѣйствуетъ, онъ вторгся въ ипподромъ тѣмъ входомъ, который называется „мертвымъ". Тогда Ипатіевы мятежники, поражаемые съ двухъ сторонъ, были истребляемы. Побѣда была полная, убито великое множество народа. Полагаютъ, что тогда погибло болѣе 30 тысячъ человѣкъ. Ипатій и Помпей были схвачены и убиты, имущество ихъ, а равно и другихъ сенаторовъ, къ нимъ приставшихъ, отписано въ казну".—Результаты такъ рѣшительно потушеннаго возстанія были разнообразны и отразились какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Не говоря уже о томъ, что 19 января 532 г. въ циркѣ погибли многіе члены служилой аристократіи, которые, принадлежа къ сенаторскому сословію, могли представлять оппозицію правительству Юстиніана, нужно принять, что побѣдой надъ бунтовщиками Юстиніанъ положилъ предѣлъ притязаніямъ городскихъ сословій и рѣзко обозначилъ начало новой эры въ исторіи средневѣковой имперіи, начало императорскаго абсолютизма. Съ этой точки зрѣнія возстаніе „Ника" съ безпримѣрнымъ числомъ погибшихъ въ ипподромѣ составляетъ безспорно знаменательное историческое событіе [1]).

---

[1]) Procopii „De Bello Persico", I, 24, 25.

Въ связи съ изложенными фактами слѣдуетъ разсматривать распоряженіе Юстиніана противъ философскихъ школъ, относящееся ко второму году его царствованія (529). Въ консульство Декія, говорится въ исторіи Малалы [1]), царь отправилъ въ Аѳины эдиктъ, „которымъ запрещалось преподаваніе философіи и толкованіе римскаго права“. Это весьма краткое сообщеніе должно быть сопоставлено съ извѣстіемъ Ѳеофана, относящимся къ тому же году, по которому „Юстиніанъ началъ большое преслѣдованіе еллиновъ и всяческой ереси“ [2]). Такъ какъ политика этого царя съ первыхъ же лѣтъ по вступленіи на престолъ пропитана была религіозной нетерпимостью и борьбой съ остатками язычества, которое начинало въ обычномъ представленіи сливаться съ еллинствомъ, то мы имѣемъ полное основаніе разсматривать эдиктъ 529 года именно съ точки зрѣнія культурной исторіи времени. Аѳинская катастрофа была отголоскомъ общей внутренней политики, начавшей преслѣдованія противъ религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій и подвергавшей описи въ казну имуществъ обвиненныхъ въ неправовѣріи лицъ. „И было сильное смущеніе,—говоритъ Ѳеофанъ;—и изданъ былъ эдиктъ, которымъ лишались политическихъ правъ тѣ, кто придерживался еллинскихъ воззрѣній и еретическихъ вѣрованій. Снисхожденіе давалось лишь такимъ, которые въ трехмѣсячный срокъ заявляли о своемъ правовѣріи“. Эти суровые законы вызвали эмиграцію изъ имперіи знатныхъ лицъ,—бѣгство въ недоступныя мѣста тѣхъ, кто не могъ бѣжать за границу, казни и отнятіе имуществъ.

Такъ какъ строго-консервативная политика Юстиніана въ общемъ должна быть оцѣниваема съ точки зрѣнія религіозной, то здѣсь будетъ умѣстно разсмотрѣть вопросъ объ остаткахъ язычества. Дѣйствительно, несмотря на энергичныя мѣры, принятыя преемниками Константина противъ приверженцевъ стараго культа, онъ держался еще во многихъ мѣстахъ, хотя уже Ѳеодосій II высказывалъ мнѣніе, что язычниковъ въ имперіи больше нѣтъ. Въ особенности въ восточныхъ областяхъ имперіи языческія вѣрованія продолжали держаться и въ VI вѣкѣ. Даже въ Египтѣ, гдѣ было такое множе-

[1]) Malalae, Lib. XLIII, p. 451: κελεύσας μηδένα διδάσκειν φιλοσοφίαν μήτε νόμους ἐξηγεῖσθαι.

[2]) Theophanis, I, p. 276: ἐποίησεν ὁ βασιλεὺς διωγμὸν μέγαν κατὰ τῶν Ἑλλήνων καὶ πάσης αἱρέσεως.

ство монастырей, и гдѣ язычники испытывали слишкомъ много притѣсненій отъ ревностныхъ христіанъ, среди многолюдной и просвѣщенной Александріи, въ школахъ знаменитыхъ учителей философіи и риторики, держалось еще неоплатоновское ученіе, которымъ была подогрѣта языческая религія. Въ Верхнемъ Египтѣ, на островѣ Элефантинѣ, былъ знаменитый храмъ Изиды въ Филе, святилище которой пользовалось широкой извѣстностью среди обитателей пустыни. Уже въ 543 г. сюда была направлена военная экспедиція, подъ предводительствомъ Нарсеса, которая имѣла цѣлью разорить святилище Изиды и уничтожить храмъ Филе. Колоссальная постройка выдержала, однако, военный натискъ и до сихъ поръ продолжаетъ изумлять путешественниковъ своими художественными подробностями, рельефами и колоннами. Филе затопленъ въ настоящее время нильскими водами, и ему нанесенъ конечный ударъ не греками, а англичанами, нынѣшними хозяевами страны. Этотъ замѣчательный памятникъ, къ которому теперь подходятъ на лодкѣ, любопытенъ по весьма рѣзко выступающимъ въ немъ слѣдамъ христіанскаго культа. Такова ниша съ византійскимъ орнаментомъ и крестомъ VI вѣка съ расширяющимися на концѣ лопастями и съ лапками, такъ характерными для Сиріи того же времени. Очевидно, была здѣсь устроена послѣ экспедиціи Нарсеса церковь, и на колоннѣ сохранилась надпись, увѣковѣчившая имя христіанскаго ревнителя. Это былъ епископъ Ѳеодоръ, которому принадлежитъ значительная заслуга въ дѣлѣ распространенія христіанства у первыхъ пороговъ Нила (ср. выше, стр. 496).

Но нигдѣ древнія культурныя и вмѣстѣ антихристіанскія преданія не держались такъ настойчиво, какъ въ столицѣ эллинизма, въ Аѳинахъ. Хотя къ VI вѣку Аѳины лишились наиболѣе блестящихъ своихъ памятниковъ, частью уничтоженныхъ, частью перевезенныхъ въ Константинополь, но древній Акрополь со своими храмами продолжалъ еще будить старыя воспоминанія, и философскія школы привлекали еще въ Аѳины слушателей со всѣхъ концовъ имперіи. Само византійское правительство какъ-будто остерегалось принимать въ Аѳинахъ такія же рѣшительныя мѣры, какъ въ другихъ городахъ. Но время дѣлало свое, и въ VI в. даже на Акрополѣ появляются христіанскіе храмы, Богородица смѣняетъ Аѳину въ Парѳенонѣ и святилищѣ Ерехѳея. Что касается философскихъ школъ, то послѣ смерти

Прокла въ 485 г. не видимъ болѣе въ Аѳинахъ крупнаго представителя въ этой области. Преемники его въ преподаваніи философіи были большею частью иностранцы изъ Сиріи, Лидіи и Финикіи, и самое философское мышленіе ихъ ограничивалось формальной стороной и не шло далѣе толкованій на мѣста старыхъ философовъ. Изящная легенда сообщаетъ объ этомъ слѣдующее. Послѣднему извѣстному неоплатонику Проклу разъ явилась во снѣ Аѳина и объявила, что ей болѣе нѣтъ мѣста на Акрополѣ, и что она избираетъ для своего обитанія его жилище. Сказаніе любопытно и въ томъ отношеніи, что устанавливаетъ тѣсную связь между языческимъ культомъ и древней философіей; низверженная съ престола Аѳина продолжаетъ пользоваться уваженіемъ въ домѣ философа. Такимъ образомъ эдиктъ Юстиніана, запрещающій преподаваніе философіи въ Аѳинахъ въ 529 г., былъ естественнымъ примѣненіемъ его системы, направленной къ установленію религіознаго единства. Точно также и рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ конфискаціи имуществъ, приписанныхъ къ философской каѳедрѣ, и лишеніе философовъ права оставаться въ Аѳинахъ—долженъ быть разсматриваемъ какъ логическое послѣдствіе политики Юстиніана. Этотъ актъ отмѣчаетъ собой поворотный пунктъ въ занимающей насъ исторіи, здѣсь несомнѣнна смѣна идей и настроеній, здѣсь классическія и греко-римскія воззрѣнія уступаютъ мѣсто византійскому складу идей [1]. „Съ этого времени Аѳины переходятъ въ рангъ маленькаго провинціальнаго города, который въ теченіе многихъ вѣковъ будетъ прозябать въ неизвѣстности, и которымъ не будетъ болѣе интересоваться Юстиніанъ, развѣ только ограничитъ занимаемую имъ площадь и дастъ ему нѣсколько укрѣпленій. Въ Греціи, обѣднѣвшей вслѣдствіе землетрясеній и наводненій, истощенной поборами, разграбленной варварскими нападеніями, эллинизмъ погибъ быстро... слово эллинъ дѣлается синонимомъ язычника, слово грекъ становится выраженіемъ оскорбительнымъ или презрительнымъ. Христіанскій Константинополь становится центромъ христіанской культуры“ [2].

На Востокѣ самымъ многолюднымъ, богатымъ и просвѣщеннымъ городомъ была Антіохія. Выстроенный на берегу Оронта, онъ имѣлъ

[1]) Diehl, „Justinien“. p. 564.

[2]) Diehl, p. 564—65.

важное торговое и военное значеніе, вслѣдствіе близости отъ моря; этотъ городъ пользовался вниманіемъ римскихъ императоровъ и ши-

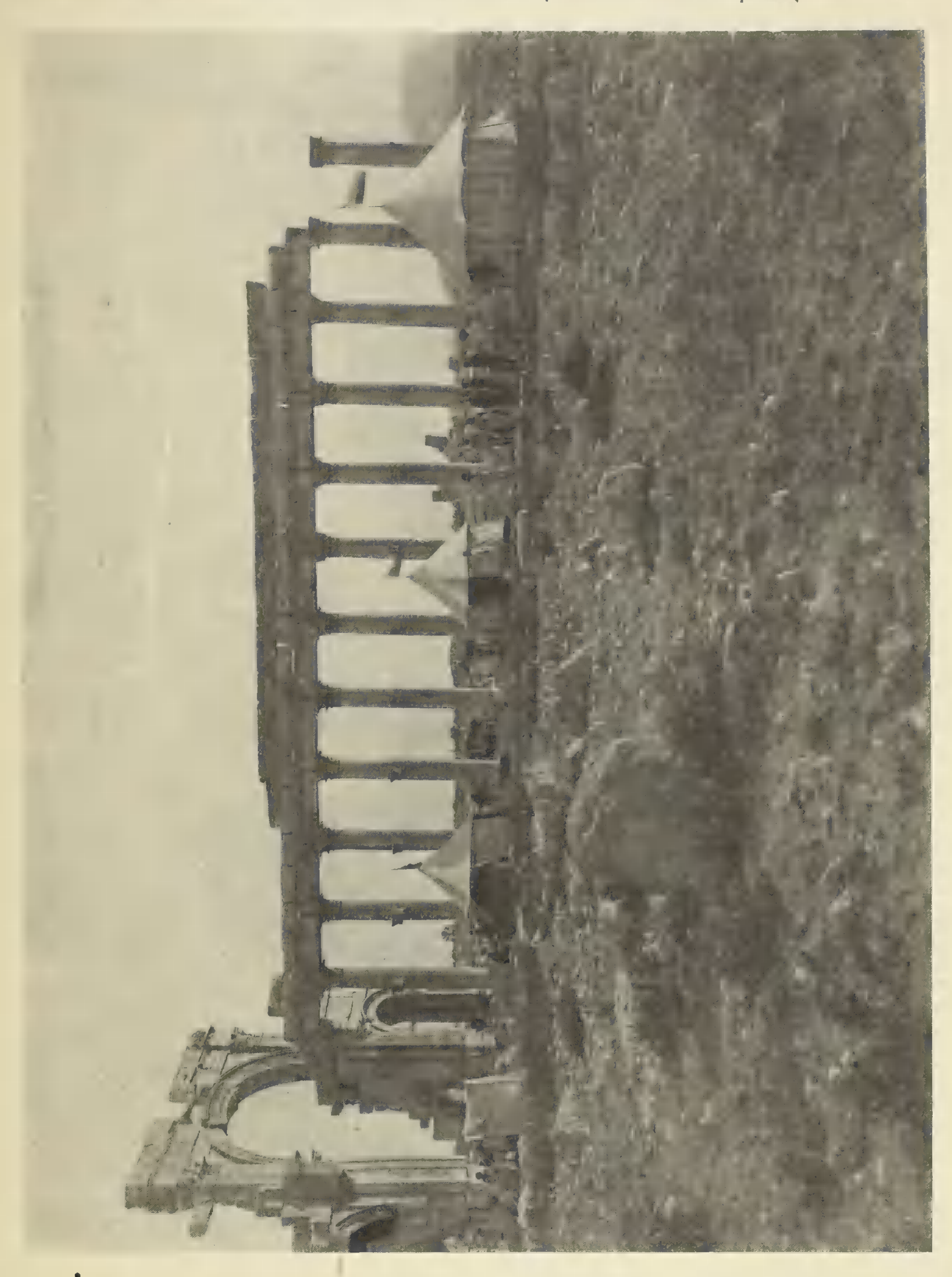


Рис. 59. Колоннада въ Пальмирѣ.

роко распространялъ свои улицы и предмѣстья по склонамъ горы и по долинѣ. По населенности онъ былъ вторымъ городомъ импе-

ріи, а по богатству, роскоши городскихъ обитателей и по красотѣ городскихъ зданій не уступалъ самой столицѣ. Сенатъ и городскіе димы отстояли свои привилегіи во время Юліана и вызвали его ѣдкую и насмѣшливую критику надъ нравами Антіохіи, въ составленномъ самимъ Юліаномъ произведеніи „Мисопогонъ" [1]); хотя языческіе нравы уступили мѣсто христіанству, но около древняго святилища Аполлона въ предмѣстьѣ Дафна долго еще собирались для тайныхъ жертвоприношеній приверженцы стараго культа. Въ V и VI в. Антіохія пользовалась еще прежней славой какъ административный центръ для губернатора Сиріи и какъ каѳедра антіохійскаго патріарха. Христіанскіе императоры оказывали ей исключительное вниманіе; о построенной Константиномъ великой церкви, сгорѣвшей въ царствованіе Юстина, разсказывается, что равной ей не было во всей имперіи [2]). Торговля Антіохіи была обширная, отъ нея шелъ караванный путь въ Персію и Индію, и она посредничала въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Азіей. Въ началѣ VI в. въ Антіохіи было до 300 тысячъ населенія. Какъ и въ Константинополѣ, здѣсь была бойкая общественная жизнь, народъ любилъ игры и состязанія въ циркѣ и зрѣлища. Цирковыя партіи въ Антіохіи такъ же, какъ въ Константинополѣ, привлекали къ себѣ вниманіе димовъ и регулировали общественную жизнь. Нерѣдко были смуты и волненія, которыя заставили правительство запретить цирковыя представленія. Хотя христіанство пустило въ Антіохіи наиболѣе глубокіе корни, и антіохійская патріархія считалась апостольскою по происхожденію, тѣмъ не менѣе, въ этомъ городѣ смѣшаннаго происхожденія общественные нравы измѣнялись весьма медленно, и жизнь носила черты, отличныя отъ константинопольскаго византинизма. Самымъ существеннымъ отличіемъ Антіохіи было то, что съ конца V и особенно въ началѣ VI вѣка она стала центромъ религіознаго разногласія, выразившагося въ монофизитствѣ. Духовные вожди антіохійскаго духовенства, будучи осуждены костантинопольскою церковью, сдѣлались представителями не только національной сирійской церкви, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и политическими вождями сирійскаго народа въ его стремленіи къ сепаратизму.

---

[1]) См. выше, стр. 126 и слѣд.

[2]) Ioannis ep. Ephesii „Commentarii de beatis orientalibus", p. 225 (ed. van Douwen et Land).

Въ борьбѣ съ Антіохіей Юстиніану помогли стихіи. Въ 526 г. страшное землетрясеніе нанесло Антіохіи непоправимыя бѣдствія, въ то же время пожаръ истребилъ оставшіяся неразрушенными

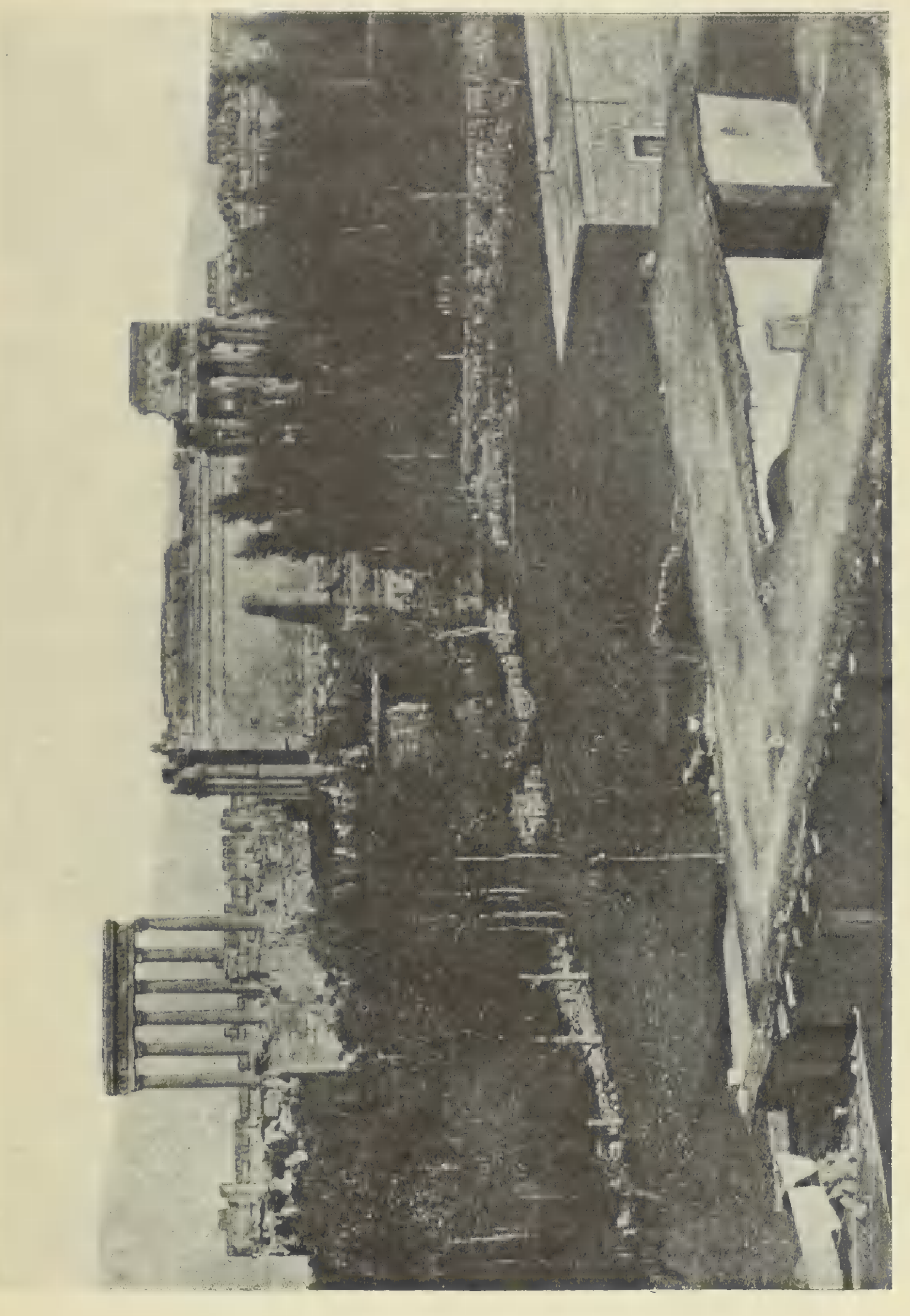


Рис. 60. Баальбекъ.

зданія. Черезъ два года новое землетрясеніе посѣтило Антіохію. Хотя правительство не щадило средствъ на возстановленіе общественныхъ зданій и на помощь пострадавшимъ, но эти бѣдствія были для Ан-

тіохіи роковыми. Новое несчастіе разразилось надъ городомъ въ 540 г., когда Хозрой взялъ ее приступомъ и предалъ опустошенію и грабежу. Послѣ персидскаго погрома самое имя города, казалось, предастся забвенію. Персидскій царь вывелъ въ Персію громадное множество плѣнныхъ, забралъ съ собой сокровища изъ публичныхъ и частныхъ зданій и задумалъ поселить плѣнныхъ въ особомъ, отдѣленномъ для этой цѣли, мѣстѣ близъ Ктесифона. Новому населенію даны были права города и имя Антіохіи. Правда, Юстиніанъ не щадилъ средствъ, чтобы возобновить сирійскую столицу. Онъ частью возобновилъ прежнія зданія, частью построилъ новыя; въ особенности, однако, щедрость императора имѣла цѣлью новыя церкви и благотворительныя учрежденія, въ устройствѣ коихъ ему помогала царица Ѳеодора. Но Юстиніановская Антіохія далеко уже не была либеральной и вольнолюбивой Антіохіей IV и V вѣковъ.

Ничто, однако, не можетъ выразительнѣй характеризовать внутреннюю политику Юстиніана, какъ провинція Сирія, подвергшаяся страшнымъ преслѣдованіямъ изъ-за религіозной идеи. Здѣсь и понынѣ еще можно наблюдать слѣды этой политики, слѣдствіемъ которой были ослабленіе Сиріи и довольно легкій переходъ ея подъ власть арабовъ. Поэтому находимъ умѣстнымъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Вотъ какъ современный событіямъ писатель передаетъ впечатлѣніе отъ переживаемыхъ имъ событій. „Въ началѣ царствованія Юстиніана на Востокѣ явилась звѣзда, подобная большому копью. Это видѣніе всѣхъ привело въ страшное смущеніе, потому что явленіе подобной звѣзды съ такимъ блескомъ и такимъ быстрымъ движеніемъ предвѣщало грозныя событія, которыя не замедлили исполниться, ибо скоро люди испытали многія бѣдствія и убійства и пролитіе крови. Въ 525—6 г. Антіохія неожиданно загорѣлась со всѣхъ сторонъ, пожаръ свирѣпствовалъ почти 6 мѣсяцевъ въ разныхъ частяхъ города, при чемъ погибло въ пламени много людей. Въ то же время послѣдовало сильное землетрясеніе. Небесный гнѣвъ съ такой силой и суровостью преслѣдовалъ людей, что того, кто спасался отъ землетрясенія, пожирало пламя, и летящія искры производили новый пожаръ тамъ, гдѣ падали. Съ неба падалъ огненный дождь, такъ что весь городъ, разными способами разрушенный, поверженный, уничтоженный и сдѣлавшійся добычей огня, горѣлъ, какъ пылающая

печь, за исключеніемъ нѣсколькихъ домовъ на вершинѣ ближайшей горы. Долго держалась великая церковь, построенная Константиномъ, но и она на седьмой день сгорѣла до основанія; то же произошло и съ другими церквами, и онѣ, выдержавъ землетрясеніе, уничтожены были пожаромъ".—Это было пятое землетрясеніе, испытанное Антіохіей; но въ 539—40 она подверглась новому бѣдствію землетрясенія, вслѣдствіе котораго выстроенныя вновь зданія снова были разрушены, пострадали также стѣны, ворота и многія церкви.

Отъ описанія бѣдствій, разразившихся надъ Антіохіей и другими



Рис. 61. Гробница въ Гассѣ.

городами, какъ Помпейополь въ Киликіи, Лаодикея, Кизикъ и др., переходимъ къ гоненіямъ, постигшимъ Сирію на почвѣ религіозныхъ разногласій. „Во многихъ частяхъ Антіохіи,—говоритъ Іоаннъ Ефесскій [1]),—во всей Аравіи и Палестинѣ, во многихъ южныхъ и сѣверныхъ городахъ и въ пустынѣ анахоретовъ и даже до границъ Персіи и въ прочихъ городахъ Востока населеніе изгнано съ мѣстъ жительства и разсѣяно; тѣхъ, кого удавалось захватить, сажали въ кан-

[1]) Ioannis episc. Ephesii „Commentarii". p. 217.

далы и запирали въ темницы и подвергали всяческимъ наказаніямъ и мученіямъ. Многіе послѣ отобранія у нихъ имущества умирали подъ нещадными ударами, на иныхъ насылаемы были военные отряды и разнаго рода притѣснители, которые гнали ихъ съ одного мѣста въ другое страшными притѣсненіями... и тѣхъ вѣрныхъ, которые принимали изгнанныхъ въ свои селенія и дома, подвергали грабежамъ, ударамъ и истязаніямъ. Одновременная и стремительная буря преслѣдованія жестоко и неудержимо разразилась надъ всѣми землями, всѣми городами и надъ всѣми деревнями. У всѣхъ церквей и монастырей, у городовъ и деревень, съ жадностью и жестокостью расхищены имущества не только церковныя, монашескія и монастырскія, но и тѣ, что принадлежали свѣтскимъ лицамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Всячески притѣсняемые, мучимые, оскорбляемые, изгоняемые въ различныя земли и въ мѣста поселенія, они терпѣли всякія мученія и всѣ бѣдствія и испытали всѣ несчастія ради истинной, правой и непорочной вѣры. То, что мы намѣрены здѣсь описать, превышаетъ всякое разумѣніе и не можетъ быть изложено даже во множествѣ сочиненій, въ особенности событія времени Павла, Евфрасія и Ефрема[1]), когда мужскіе и женскіе монастыри Сиріи, западные и восточные, какъ большіе, такъ и малые, вынесли съ величайшимъ терпѣніемъ всяческія преслѣдованія, всякую тягость, мученія, голодъ, жажду, холодъ и жестокую наготу. Изъ нихъ нѣкоторые, нашедши на нынѣшній день пристанище, если не къ вечеру, то завтра уже подвергаются изгнанію и не могутъ найти себѣ на ночь ночлега. Итакъ, на подобіе звѣрей они проводятъ ночи подъ открытымъ небомъ, бродя по полямъ и горамъ, а случись суровая зима, ночуютъ подъ дождемъ, на снѣгу и на морозѣ, сидя на скалахъ, подверженные стужѣ и холоду и сильнымъ вѣтрамъ, не имѣя ничего подложить подъ себя и немного прилечь и растянуться на землѣ. Случалось, что преслѣдователи выселяли вѣрныхъ изъ ихъ обителей, стаскивали со столбовъ и изгоняли изъ келій. Таковыя мученія и бѣдствія и тяжелыя испытанія постигли монашескій чинъ во время жизни Павла.

По отношенію ко времени патріарха Ефрема у нашего писателя сообщается[2]) слѣдующее. „Ефремъ, сынъ Аппіана изъ Амиды, про-

---

[1]) Разумѣются православные патріархи Антіохіи.

[2]) Ibid., p. 221.

извелъ сильное возмущеніе въ церкви Божіей на Востокѣ и во всей Сиріи. Ибо, обходя всѣ земли и города, онъ опустошилъ большіе и малые монастыри, повергъ на землю и самые столпы, съ которыхъ согналъ подвижниковъ, другихъ, выгнанныхъ варварской силой изъ ихъ затворовъ, мечомъ и бичами принуждалъ принять причащеніе. Военной силой разогналъ монаховъ изъ монастырей, какъ находящихся близъ Амиды, такъ и разсѣянныхъ по всей странѣ. Изгнанники въ громадномъ числѣ пошли въ древній монастырь, прежде



Рис. 62. Фрагменты каменныхъ дверей.

цвѣтущій и многонаселенный, по имени Телла. Когда они здѣсь немного отдохнули, посланы были многочисленныя ромэйскія войска и хорепископы и дозорщики, чтобы выгнать ихъ отсюда. Но когда войска вошли и увидали длинные и густые ряды, выстроенные для церковной службы, то испугались, принявъ ихъ за исполиновъ. Итакъ, оставивъ въ покоѣ монаховъ, они захватили ближайшія деревни и начали ихъ опустошать и захватывать скотъ. Крестьяне съ плачемъ просили монаховъ или пожалѣть ихъ и уйти, или помочь имъ сразиться съ войсками. Видя скорбь и плачъ всей страны, изгнанники отправились въ страну пустынниковъ, гдѣ въ монастырѣ Populorum жило до 1000 монаховъ. Поставивъ здѣсь палатки подъ открытымъ небомъ, они привлекли сюда жителей окрестныхъ селеній,

которые сходились толпами столько же для принятія благословенія, какъ изъ любопытства. Тогда патріархъ Ефремъ приказалъ своему брату Іоанну, командовавшему отрядомъ въ Едессѣ, отправиться къ монахамъ и предложить имъ выбрать уполномоченныхъ отъ каждаго монастыря, чтобы переговорить съ нимъ о спорныхъ предметахъ. Когда же монахи отказались принять это предложеніе, то Іоаннъ, распалившись гнѣвомъ какъ вавилонская печь, приказалъ явиться сюда военнымъ людямъ, находившимся въ Амидѣ. Тогда старцы монастырей, повинуясь писанію, которое не одобряетъ употребленія оружія, сдѣлали постановленіе, чтобы монахи каждаго монастыря, раздѣлившись на отдѣленія по числу священниковъ, направились туда, куда заблагоразсудитъ повести ихъ начальникъ каждаго отдѣленія. Что касается стариковъ, то они должны были, переправившись за Евфратъ, ожидать хода событій. Такъ оставленъ былъ монастырь, снабженный всѣми необходимыми для жизни предметами. Какъ сказано было раньше, никто не смѣлъ дать имъ пріюта въ своемъ домѣ, иначе домъ подлежалъ конфискаціи, и хозяинъ дома подвергался уголовной карѣ, вслѣдствіе чего многіе были принуждены какъ звѣри скрываться въ пещерахъ и недоступныхъ мѣстахъ, прилежащихъ къ Евфрату, между ними случилось быть и мнѣ смиренному, замѣчаетъ авторъ. Когда слухъ объ этомъ распространился въ сосѣдніе города, многіе по внушенію Божію доставляли имъ ночью хлѣбъ, вино, овощи и другіе необходимые предметы. Многіе, подчиняясь необходимости, заходили въ недоступныя горы, покрытыя снѣгомъ, и скрывались въ загонахъ козьихъ и овечьихъ. Такъ всѣ угнетаемы были стужей и холодомъ и тѣснотой и другими бѣдствіями!“

Едва ли еще гдѣ можно найти болѣе живой и трогательный разсказъ о ходѣ религіозной борьбы въ Сиріи въ VI вѣкѣ. Приведенныя страницы изъ исторіи Іоанна Ефесскаго служатъ лучшимъ комментаріемъ къ политикѣ Юстиніана. И нынѣ даже, посѣщая пустынные города и селенія Сиріи, осматривая сохранившіяся стѣны домовъ, водопроводы и полуразрушенныя церкви, необходимо держать въ памяти эти главы, говорящія о церковныхъ преслѣдованіяхъ VI вѣка (рис. 59).

Большинство сирійскихъ городовъ въ настоящее время или въ развалинахъ, или покрыто толстымъ слоемъ наносной земли. Для современнаго наблюдателя Сирія—это мертвая страна, лишенная на-



Рис. 63. Частный домъ.

селенія и всякой культуры, за исключеніемъ прибрежныхъ городовъ; между тѣмъ въ V—VI в. христіанской эры здѣсь кипѣла бойкая жизнь. Въ особенности сѣверная Сирія отъ древней Апамеи (нынѣ Калатъ-Мудикъ) къ Антіохіи представляетъ въ этомъ отношеніи исключительный интересъ (рис. 60). Приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ новѣйшаго описанія памятниковъ Сиріи [1]).

„Путей сообщенія нѣтъ, за исключеніемъ едва замѣтной тропинки, сдѣланной животными; вся страна представляетъ каменистую мѣстность, лишенную растительности. И между тѣмъ здѣсь путешественникъ вступаетъ въ поясъ покинутыхъ людьми городовъ и селеній, въ область обширныхъ развалинъ и подземныхъ кладбищъ, высѣченныхъ въ скалѣ,—что все вмѣстѣ свидѣтельствуетъ не только о большомъ населеніи этой страны въ давно прошедшее время, но и о высокой степени культуры, о роскоши и удобствахъ жизни, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Близь деревни Гассъ (Khirbet Hâss) въ небольшомъ разстояніи отъ Эль-Бары встрѣчаемъ въ необитаемой мѣстности остатки прекраснаго мавзолея, облицованнаго тесанымъ камнемъ и построеннаго въ формѣ квадрата. Особенность этого памятника состоитъ въ томъ, что въ немъ находится нѣсколько саркофаговъ; всѣ они разбиты, за исключеніемъ одного, который носитъ христіанскую эмблему и придаетъ особый характеръ самому мавзолею. Можно принять какъ общее правило, что поблизости отъ башень, большею частью полуразрушенныхъ, находятся огромные блоки, покрывающіе спускъ въ пещеры, изсѣченныя для цѣлей погребенія (рис. 61). Вообще по всему этому пустынному и каменистому плато путешественникъ встрѣчаетъ огромные города мертвыхъ.

„Близь Гасса сохранилось не мало монументальныхъ памятниковъ. По пропорціональности частей и по изяществу въ цѣломъ обращаетъ на себя вниманіе христіанское зданіе, состоящее изъ сочетанія четырехъ арокъ. Маленькая дверь вела въ этотъ пріютъ мертвыхъ, гдѣ оказался еще на мѣстѣ обширный саркофагъ. Въ сѣверномъ направленіи отъ Гасса находится обширная площадь этого мертваго города съ пещерами въ скалахъ. Въ одномъ мѣстѣ обнаруженъ прекрасно устроенный спускъ въ подземелье съ лѣстницей и остатками каменныхъ дверей, разбитыхъ на нѣсколько кусковъ. При разсмотрѣ-

[1]) Моя статья въ „Извѣстіяхъ Института“, VII, стр. 93—212.

ніи этихъ кусковъ можно видѣть, что дверь имѣла назначеніемъ христіанскій памятникъ (рис. 62).

„Наиболѣе интереса въ занимающей насъ мѣстности предста-

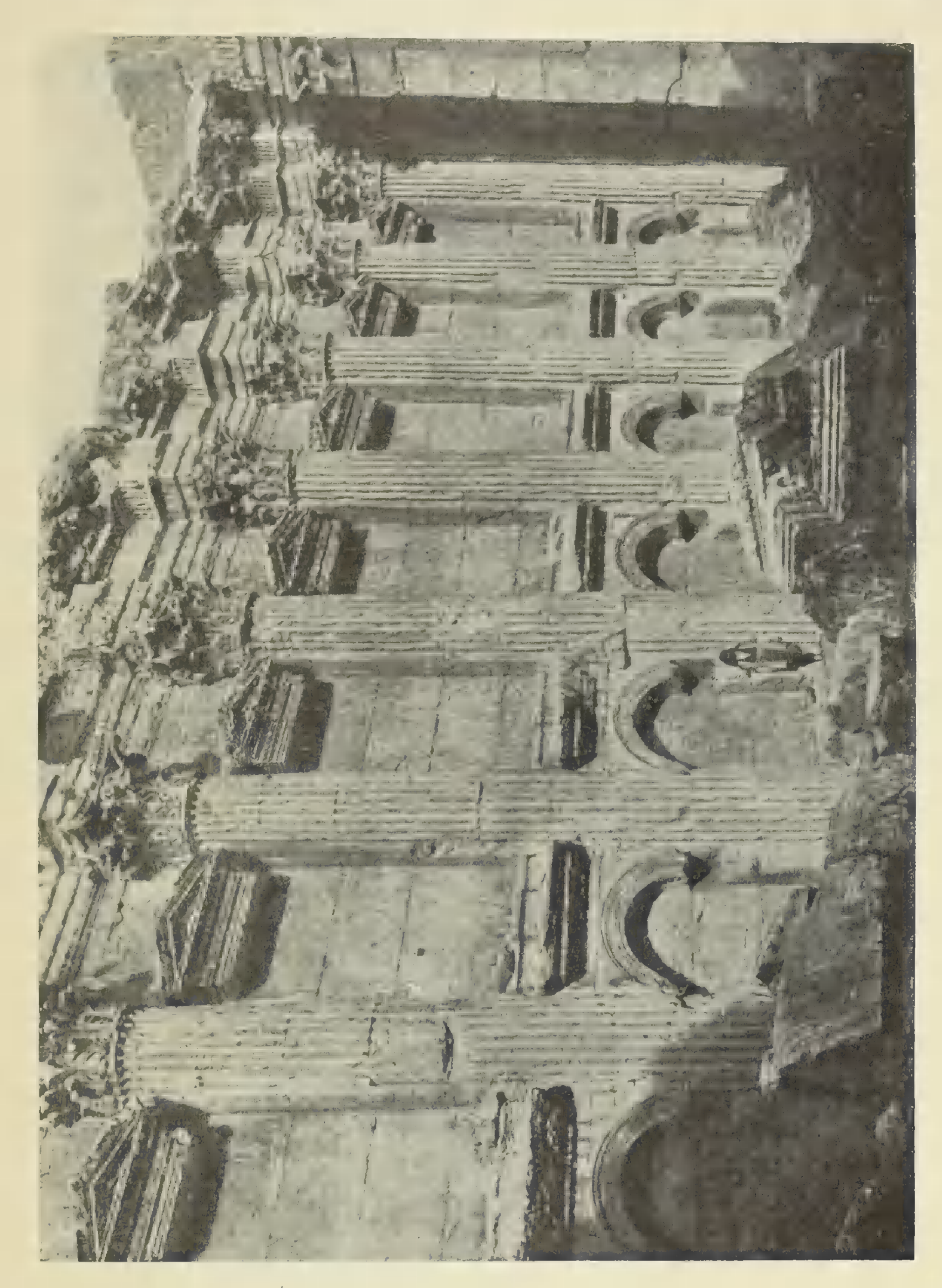


Рис. 64. Храмъ Зевса въ Баальбекѣ.

вляютъ именно частные дома со всѣми особенностями и оригинальностью ихъ внутренняго устройства. Часто въ нихъ недостаетъ только кровли и мебели, какъ-будто хозяева оставили ихъ лишь нѣсколько

лѣтъ назадъ. Всѣ почти дома отличаются выразительнымъ христіанскимъ характеромъ: или надписью надъ входомъ, заимствованной изъ священнаго писанія, или христіанскими эмблемами. Типъ частныхъ построекъ почти одинъ и тотъ же. Между христіанскими эмблемами всего чаще, конечно, встрѣчаемъ крестъ надъ входными дверьми, но, кромѣ того, и христіанскую монограмму (рис. 63).

„Наиболѣе типичнымъ представителемъ мертвыхъ городовъ въ Сиріи нужно признать Баальбекъ и Эль-Бару. Послѣдній былъ весьма значительный и укрѣпленный городъ, какъ показываютъ сохранившіяся части развалинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это весьма краснорѣчивый памятникъ неожиданно пріостановленной здѣсь общественной жизни вслѣдствіе какой-то катастрофы. Эль-Бара, съ другой стороны, весьма хорошо знакомитъ съ культурной жизнью общества. Попытаемся характеризовать эту жизнь по остаткамъ, и донынѣ наблюдаемымъ въ Эль-Барѣ. Улицы селеній или городовъ, по большей части, узки и вымощены булыжникомъ. Дома всѣ имѣютъ доступъ со стороны улицы черезъ небольшую дверь, ведущую во дворъ. Почти всѣ дома въ два этажа, иногда оба этажа украшены колоннами; часто вокругъ дома идетъ галлерея. Первый этажъ отдѣляется отъ второго полуаркой, на которую настилается полъ верхняго этажа. Стѣны и главнѣйшіе ворота и наличники украшены или орнаментомъ растительнаго характера (листья винограда и аканѳъ), или христіанскими эмблемами, а также надписями. Изъ христіанскихъ эмблемъ чаще всего встрѣчается монограмма въ кругѣ, буквы A Ω въ соединеніи съ крестомъ, изрѣдка рыба или агнецъ съ крестомъ на спинѣ. Общій и отличительный характеръ эмблемъ и надписей церковный и христіанскій. Всѣ постройки изъ камня, стѣны почти вездѣ сохранились, иногда стоятъ на мѣстахъ лѣстницы и галлереи (рис. 64). Надписи на воротахъ домовъ чрезвычайно разнообразны, хотя исключительно заимствованы изъ священнаго писанія. Вотъ два блока, служившіе архитравомъ надъ воротами; на одномъ изъ нихъ надпись: „Господи силъ съ нами буди“. Вотъ надпись на карнизѣ окна: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ“. Такова надпись надъ входными дверьми: „Господь сохранитъ входъ твой и исходъ твой отнынѣ и до вѣка; аминь“.

„Словомъ, церковность даетъ такую печать постройкамъ этой эпохи, что можно думать, что находишься не въ городѣ, не среди домовъ свѣтскихъ людей, а въ какомъ-либо монастырѣ! Укажемъ

еще надписи: „Если Богъ за насъ, кто противъ насъ. Слава Ему во вѣки“. — „Господи, помоги дому сему и живущимъ въ немъ“. Или просто: „Христе, помоги“. А вотъ надпись съ указаніемъ владѣльца дома: „Великая сила Святой Троицы. Комитъ Прискъ симъ побѣждай“. — Трудно, конечно, сказать, о какомъ Прискѣ здѣсь идетъ рѣчь, но не будетъ слишкомъ смѣлымъ думать здѣсь о Прискѣ, ко-



Рис. 65. Пальмирскій саркофагъ.

митѣ экскувиторовъ, жившемъ въ VI в. и кончившемъ жизнь свою монахомъ въ послѣдніе годы VI вѣка (рис. 65).

„Разсматривая древности Эль-Бары во всей совокупности, нельзя не вывести заключенія, что здѣсь представлена не столько показная и, такъ сказать, оффиціальная жизнь большого города, сколько интимная сторона жизни христіанскаго общества. Здѣсь мы не находимъ ни громадныхъ колоннадъ и обширныхъ дворцовъ, ни большихъ храмовъ, а наблюдаемъ частные дома средняго класса населенія. Объ этомъ говорятъ и надписи надъ входами въ домъ; это же подтверждаетъ и самая постройка домовъ, небольшіе размѣры ихъ и отсутствіе дорогихъ украшеній. Самымъ большимъ памятникомъ въ Эль-

Барѣ слѣдуетъ считать громадную базилику, въ которой сохранилась апсида и часть западной стѣны. Вся площадь бывшаго величественнаго зданія покрыта стволами колоннъ, карнизами, частями плафона, — всѣ эти лежащіе на землѣ обломки покрыты роскошнымъ орнаментомъ съ мотивами растительнаго и животнаго царства. Главная апсида громадныхъ размѣровъ образована двумя рядами колоннъ, идущихъ до самаго нарѳика, какъ можно видѣть по стволамъ колоннъ и по капителямъ, поваленнымъ, вѣроятно, вслѣдствіе землетрясенія. Описаніемъ развалинъ храма мы занимались въ другомъ мѣстѣ [1]).

„Между памятниками Сиріи особеннаго вниманія заслуживаетъ монастырь св. Симеона Столпника (см. выше, стр. 310). Это есть безспорно наиболѣе величественный памятникъ въ сѣверной Сиріи, который одинъ и самъ по себѣ можетъ служить прекраснымъ показателемъ религіознаго и культурнаго состоянія Сиріи въ V вѣкѣ.

„Сходя съ холма, на которомъ стоитъ монастырь, вступаемъ въ городъ Симеона (Деиръ Семанъ). По всѣмъ вѣроятіямъ этотъ городъ возникъ въ ту же эпоху, что и монастырь; но въ немъ не имѣетъ первоначальнаго значенія то, что стоитъ на первомъ планѣ въ монастырѣ. Городъ Симеона возникъ для потребностей богомольцевъ; здѣсь поэтому нашли себѣ выраженіе обыкновенныя и ежедневныя людскія потребности. Здѣсь мы знакомимся съ системой постройки большихъ домовъ для пріема путешественниковъ; здѣсь мы видимъ широкія террасы, могущія дать помѣщеніе для массъ народа; наконецъ, здѣсь мы находимъ обширныя постройки для обезпеченія водой громаднаго населенія. Само собой разумѣется, и религіозные интересы представлены въ Деиръ Семанѣ не менѣе значительно: здѣсь сохранились остатки трехъ церквей и множество усыпальницъ для погребенія мертвыхъ. Попытаемся разсмотрѣть по порядку памятники Деиръ Семана.

„Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе одно громадное зданіе или лучше цѣлый корпусъ зданій, окруженный колоннадой или галлереей въ три этажа. Оно совершенно ясно характеризуется тѣмъ, что не походитъ на обыкновенныя частныя зданія и должно было имѣть общественный характеръ. Въ серединѣ его имѣется весьма

[1]) „Извѣстія Института въ Константинополѣ", VII, стр. 178.

обширная зала, снаружи идутъ галлереи, съ которыхъ открывается прекрасный видъ на окрестности. Съ этимъ зданіемъ соединено было другое съ крытой галлереей въ два этажа. По всей вѣроятности весь этотъ комплексъ зданій и составлялъ гостиницу или странно-

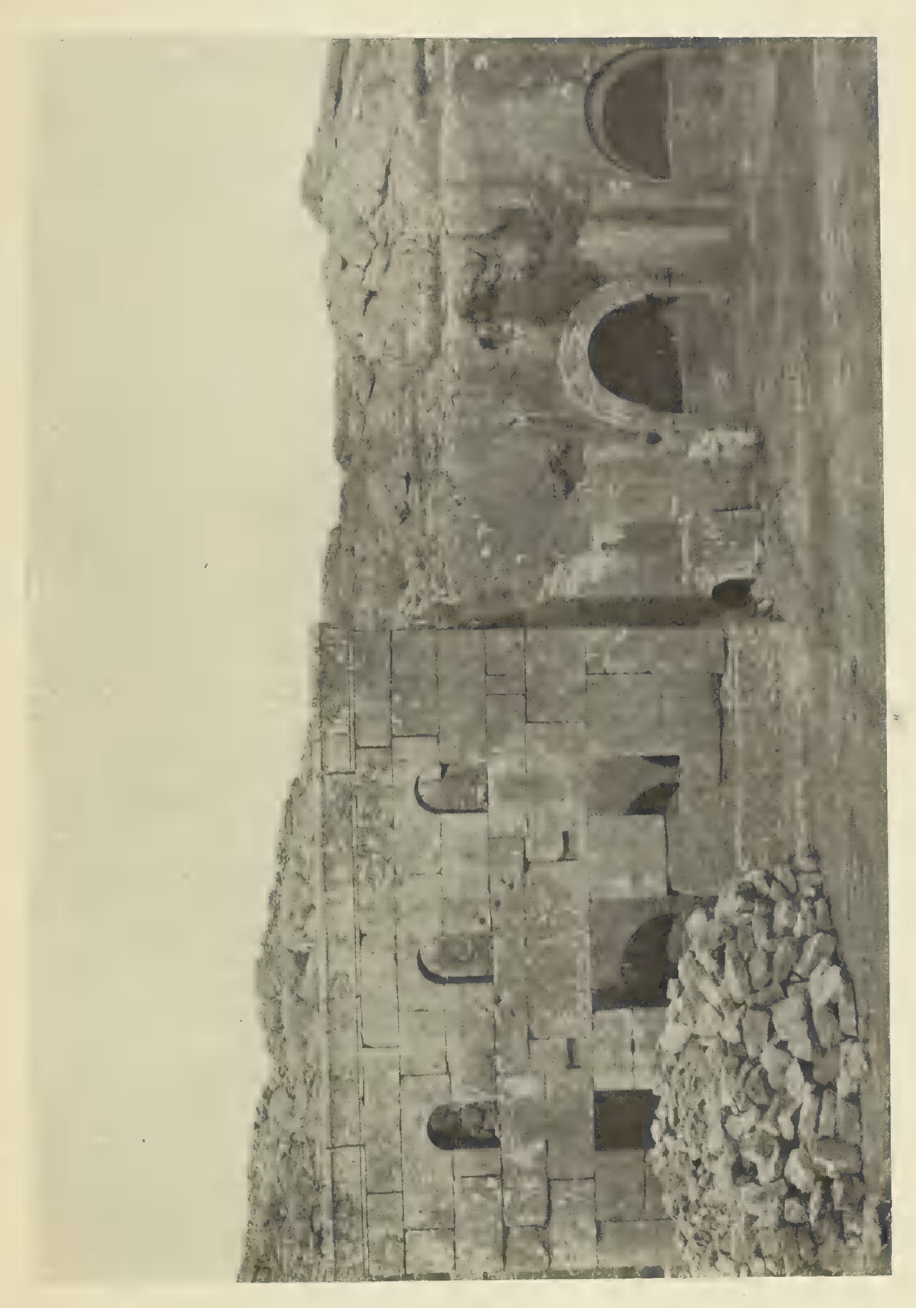


Рис. 66. Усыпальница въ скалѣ. Монастырь Симеона Столпника.

пріимницу, о которой свидѣтельствуетъ надпись, удостовѣряющая, что гостиница построена была въ іюлѣ 479 года. Передъ этимъ зданіемъ терраса, отъ которой сохранилась настилка изъ плитъ.

„Но между постройками Деиръ Семана важное значеніе имѣли

и церкви. Въ высшей степени интересно было бы рѣшить вопросъ о томъ, какія постройки относятся къ болѣе ранней эпохѣ—тѣ, которыя на горѣ, или тѣ, что подъ горой. По нашему мнѣнію, храмъ Симеона на горѣ возникъ позднѣе, чѣмъ монастырскія постройки, подъ горой; все заставляетъ, кромѣ того, принять, что св. Симеонъ, прежде чѣмъ избралъ столпъ для своихъ подвиговъ, жилъ нѣкоторое время въ монастырѣ при подошвѣ холма, т.-е. въ нынѣшнемъ Деиръ Семанѣ. Имѣя въ виду, что въ Деиръ Семанѣ оказывается весьма много погребальницъ, слѣдуетъ думать, что здѣсь погребались не только постоянные жители этого священнаго убѣжища, но, главнымъ образомъ, пришлые изъ разныхъ мѣстъ богомольцы. По обширности размѣровъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе мѣсто погребенія, устроенное въ скалѣ при спускѣ съ холма (рис. 66). Эта усыпальница въ два этажа высѣчена въ скалѣ, такъ что въ ней были погребенія надъ землей, въ верхнемъ этажѣ, и ниже земли, въ скалѣ. Въ нижнемъ этажѣ высѣчены ниши въ скалѣ, и въ каждой отдѣльныя мѣста погребеній.

„Наконецъ, слѣдуетъ остановиться вниманіемъ на огромныхъ постройкахъ и приспособленіяхъ для обезпеченія населенія водой. Сюда относится громадныхъ размѣровъ цистерна, сдѣланная по всѣмъ правиламъ римской техники. Она состоитъ изъ ряда колоннъ, на которыя опирается архитравъ. Разстояніе между колоннами около 2 метровъ, въ рядъ идетъ три колонны. Повидимому, вода отсюда сообщалась посредствомъ подъемнаго снаряда по всему городу. Для этого служила система каменныхъ столбовъ или пилястровъ, на которыхъ лежали, а частью и теперь еще лежатъ, каменныя плиты, снабженныя углубленіями, по которымъ текла вода въ разныя части города, имѣя отдѣльные проводы и въ частные дома. Систему водопровода подобнаго рода мы замѣтили только въ городѣ Симеона“.



ГЛАВА VI.

ПОСТРОЙКА СВ. СОФІИ И ДРУГИХЪ ЗДАНІЙ ВЪ СТОЛИЦѢ. ЛИНІЯ ПОГРАНИЧНЫХЪ УКРѢПЛЕНІЙ.



ожаромъ во время извѣстнаго возмущенія „Ника“ уничтожены были многія общественныя и частныя зданія въ самой богатой и населенной части города. Именно сгорѣли тогда богатыя сооруженія: храмъ св. Софіи, бани Зевксиппа близь ипподрома, часть дворца, наконецъ, торговыя помѣщенія и портики по Большой улицѣ до площади Константина [1]), гдѣ жило самое богатое и вліятельное населеніе города. Спустя 40 дней послѣ усмиренія мятежа, Юстиніанъ рѣшилъ на мѣстѣ сгорѣвшаго храма св. Софіи построить новую церковь того же имени, которая стала бы украшеніемъ его столицы и служила выраженіемъ идеи имперіи. Такъ какъ кругомъ мѣста были застроены, а императоръ желалъ строить обширное зданіе, то пришлось прежде всего съ громадными издержками выкупить у частныхъ владѣльцевъ ближайшіе участки земли и снести находившіяся на нихъ постройки. Разработка плана предполагаемаго храма была поручена двумъ извѣстнымъ тогда архитекторамъ: Исидору изъ Милета и Анѳемію изъ Траллъ, которые, какъ можно заключить изъ современныхъ о нихъ извѣстій, дѣйствительно отличались большими знаніями въ физикѣ и строительной техникѣ [2]). Юстиніановская св. Софія и до сихъ поръ остается безпримѣрнымъ и непревзойденнымъ памятникомъ христіанскаго зодчества, поражая наблюдателя своими размѣрами, висящимъ надъ зрителями куполомъ и обиліемъ падающаго сверху свѣта. Этотъ памятникъ прекрасно характеризуетъ эпоху Юстиніана и занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ

[1]) Procopii „De B. P.“, 1, 24 (p. 121).

[2]) Agathiae „Hist.“, V, 7 (p. 291).

исторіи христіанскаго искусства. Значительнѣйшіе города имперіи, въ которыхъ оставались еще памятники древняго искусства, участвовали добровольными и подневольными жертвами въ украшеніи св. Софіи константинопольской. Изъ Рима были доставлены восемь порфировыхъ колоннъ, взятыхъ изъ храма Солнца; Ефесъ пожертвовалъ восемь колоннъ изъ зеленаго мрамора. Изъ Кизика, Троады и Аѳинъ привезены были въ столицу другія украшенія. Строительный матеріалъ употреблялся самый лучшій, какой только можно было достать по всей имперіи: изъ Проконниса, изъ Нумидіи, Кариста и Іераполя. Но драгоцѣнные мраморы не удовлетворяли Юстиніана, онъ употреблялъ въ дѣло золото, серебро, слоновую кость, съ цѣлью придать возводимому зданію небывалый блескъ и царскую роскошь. Постройка вызывала громадные расходы, но Юстиніанъ не останавливался передъ жертвами на дѣло, которое считалъ вопросомъ своей чести и религіознаго долга. Подъ начальствомъ двухъ главныхъ архитекторовъ и подчиненныхъ имъ мастеровъ работало надъ постройкой св. Софіи 10.000 человѣкъ. Освященіе храма происходило въ концѣ 537 г., такъ что постройка продолжалась съ небольшимъ четыре года, и въ это время было израсходовано около 130 милліоновъ рублей.

Св. Софія была окружена множествомъ построекъ, назначенныхъ для потребностей культа и для духовенства. На мѣстѣ нынѣшней площади, открывающейся по направленію къ ипподрому, была знаменитая площадь Августеонъ, отдѣлявшая храмъ отъ Большого дворца. На эту площадь выходила часть дворца Халки съ часто упоминаемыми въ исторіи Мѣдными воротами Халки. Къ западу, тамъ, гдѣ на эту площадь выходила главная улица города—Меса, возвышалась знаменитая колонна Милій. Меса соединяла Августеонъ съ форумомъ Константина. Св. Софія открывала собой достопримѣчательности Константинополя, и всякій торжественный выходъ царей въ праздничные дни или начинался, или оканчивался св. Софіей. Передъ главнымъ входомъ былъ большой открытый дворъ, атріумъ, окруженный портиками и колоннадой, въ серединѣ мраморный фонтанъ.

Святая Софія представляетъ собой обширный четыреугольникъ съ двумя нарѳиками, длиной 77, шириной 71,70 метра безъ нарѳиковъ. Архитектурное чудо храма—это центральный куполъ въ 31 м. въ діаметрѣ, господствующій надъ среднимъ кораблемъ и опираю-

щійся на четыре арки, въ свою очередь утвержденныя на четырехъ большихъ колоннахъ (рис. 68). Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ



Рис. 67. Святая Софія. Наружный видъ.

архитектурныхъ особенностяхъ св. Софіи, воспользуемся небольшой выдержкой изъ книги Диля [1]). „Не входя здѣсь въ подробности тех-

[1]) Diehl, „Justinien", p. 478—479.

ническаго свойства, обратимъ вниманіе на то, что составляетъ въ собственномъ смыслѣ новинку и достопримѣчательность зданія, на колоссальный куполъ. Въ настоящее время принято думать, что юстиніановскіе архитектора заимствовали идею подобнаго расположенія изъ восточной и въ частности изъ персидской архитектуры, и можно думать, что эта система постройки, расположеніе частей и новые методы распространились въ Малой Азіи и перешли въ Константинополь. Но, пользуясь распространенными образцами и примѣняя ихъ съ необычной смѣлостью и удивительной плодовитостью, строители св. Софіи не были только подражателями. Построивъ этотъ памятникъ, чудо устойчивости, смѣлости, чистоты линій и блеска красокъ, они по справедливости могутъ быть названы изобрѣтателями. По словамъ Шуази [1]), „никогда геній Рима и Востока не давали въ ихъ соединеніи болѣе поразительнаго и гармоничнаго произведенія“. Слѣдуетъ признать большой заслугой Анѳемія и его сотрудниковъ, что они въ совершенствѣ выполнили предстоявшую имъ рѣдкую комбинацію. Константинополь, перемѣнивъ и соединивъ въ единственномъ зданіи плодотворные архитектурные пріемы, воспринятые имъ отъ Востока, вполнѣ усвоилъ ихъ византійскому искусству. Нельзя думать, что эти удивительные результаты были добыты безъ труда. Это была далеко не легкая строительная задача—осуществлять тѣ громадныя пропорціи, какія предположено было дать куполу. Ему даны были устои въ видѣ четырехъ массивныхъ столбовъ, которые были сложены изъ камней, подобранныхъ съ особенной тщательностью, залитыхъ цементомъ и скрѣпленныхъ желѣзными скобами. Чтобы предупредить разрывъ колоннъ, стволы ихъ скрѣпили металлическими обручами, а чтобы уравновѣсить давленіе тяжести, подъ каждый камень подкладывали листы прокатаннаго свинца. И, несмотря на всѣ эти предосторожности, не разъ точки опоры подавались подъ тяжестью арокъ, которыя онѣ поддерживали, и была опасность, что все повалится. Что касается самого купола, дѣло было еще серьезнѣй. Чтобы облегчить его тяжесть, на постройку его употреблены были особенные матеріалы: бѣлая пористая черепица, чрезвычайно легковѣсная, спеціально приготовленная на островѣ Родосѣ. Во все время, пока продолжалась постройка, ежедневно соверша-

[1]) Choisy, „Histoire de l'architecture“, Paris, 1899, II, p. 51.



Рис. 68. Святая Софія. Внутренній видъ.

лись богослуженіе и молитвы за успѣхъ предпріятія; въ самый корпусъ зданія вкладывали частицы мощей. Наконецъ, на высотѣ 55 метровъ слишкомъ, возвели куполъ — по словамъ Прокопія, произведеніе удивительное и вмѣстѣ устрашающее, которое какъ-будто виситъ на золотой цѣпи съ неба, а не утверждается на каменной постройкѣ".

Въ настоящее время, при взглядѣ на храмъ св. Софіи снаружи, нельзя составить себѣ надлежащаго понятія объ архитектурномъ типѣ его (рис. 67). Это, между прочимъ, потому, что съ теченіемъ времени это зданіе потребовалось укрѣпить четырьмя громадными сооруженіями съ юга и сѣвера, которыя значительно портятъ впечатлѣніе и лишаютъ самый куполъ его доминирующаго надъ зданіемъ значенія. Въ первый внѣшній нарѳикъ ведутъ три двери, изъ коихъ среднія выше боковыхъ и находятся противъ царскихъ дверей, коими входили въ храмъ византійскіе императоры. Попытаемся дать описаніе внутренняго вида св. Софіи примѣнительно къ тому времени, когда она блистала своими украшеніями и различными предметами христіанскаго культа въ ракахъ, ковчежцахъ и изображеніяхъ, и когда въ ней совершалось богослуженіе. Дабы слѣдовать опредѣленному порядку въ описаніи, войдемъ въ храмъ черезъ царскія двери. Главный корабль храма, надъ которымъ находится куполъ, и который ведетъ къ алтарю, представлялъ самую первую достопримѣчательность св. Софіи, поражавшую посѣтителя обиліемъ свѣта—днемъ являющагося сверху изъ купола и оконъ, вечеромъ изъ множества большихъ паникадилъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ и въ небольшихъ разстояніяхъ одно отъ другого. Въ центрѣ зданія надъ главнымъ куполомъ стоялъ амвонъ, на который вели двѣ лѣстницы съ восточной и западной стороны. Передъ алтаремъ была солея, на которой стояла рѣшетка, отдѣлявшая алтарь отъ церкви или мѣста для всѣхъ доступнаго. Въ алтарѣ главнымъ предметомъ былъ святой престолъ съ драгоцѣнной надъ нимъ сѣнью. Нашъ соотечественникъ, новгородскій архіепископъ Антоній, посѣтившій Константинополь въ самомъ концѣ XII вѣка, когда еще онъ не былъ сожженъ и разграбленъ крестоносцами IV крестоваго похода, вотъ что пишетъ объ алтарѣ св. Софіи [1]): „Во олтари же великомъ надъ святою трапезою великою, подъ

[1]) Савваитовъ, „Путешествіе новг. архіепископа Антонія въ Царьградъ", СПБ., 1872, стр. 73 и слѣд.



Рис. 69. Часть южнаго корабля въ св. Софіи.

катапетазмою [1]), повѣшенъ Коньстянтиновъ вѣнецъ, и у него же повѣшенъ крестъ, подъ крестомъ голубь златъ; и иныхъ царей вѣнцы висятъ окрестъ катапетазмы. Тажь катапетазма вся сотворена отъ злата и сребра, а столпія олтарьныя и амбонъ все сребряно... И се же чудо и страшно и святое явленіе: во святѣй Софѣи во олтари великомъ за святымъ престоломъ стоитъ крестъ златъ, выше двою человѣкъ отъ земля съ каменіемъ драгимъ и жемчугомъ учиненъ, а предъ нимъ виситъ крестъ златъ полутора локтій... передъ нимъ три золотыхъ лампады, въ которыхъ горитъ масло, эти лампады и крестъ соорудилъ царь Юстиніанъ, строитель церкви".—Описывая святыни и достопримѣчательности храма, архіепископъ Антоній упоминаетъ между прочимъ: „двѣ доски Гроба Господня, печати гробныя, икону Богородицы, держащей Христа, кровь и млеко св. Пантелеймона, и глава его и глава апостола Кондрата и иныхъ святыхъ мощи, и Германова рука, ею же ставятся патріарси, и трапеза, на ней же Христосъ вечерялъ со ученики своими, и пелены Христовы". Между этими религіозными драгоцѣнностями архіепископъ новгородскій упоминаетъ чуть ли не единственный реальный предметъ изъ многообразныхъ и продолжительныхъ сношеній Россіи съ Византіей. Именно, между хранящимися въ алтарѣ святынями онъ видѣлъ „и блюдо велико злато служебное Ольги Русской, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду" [2]).

Русскій паломникъ даетъ весьма подробное описаніе и другихъ частей св. Софіи, останавливая свое вниманіе, главнымъ образомъ, на святыняхъ. „Его описаніе, какъ говоритъ академикъ Н. П. Кондаковъ [3]), не только обильно фактами, которые чрезъ него могутъ быть провѣрены, но представляетъ извѣстную послѣдовательность, т.-е. приблизительно по порядку описываетъ то, что въ алтарѣ, потомъ по лѣвую сторону отъ алтаря, затѣмъ по правую, т.-е. по лѣвую отъ входа". Хотя намъ не удалось убѣдиться, что у Антонія можетъ быть найдено послѣдовательное и планомѣрное описаніе св. Софіи, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ, что онъ обратилъ вниманіе на самыя замѣчательныя для христіанскаго паломника святыни, почему его путешествіе представляетъ собой весьма цѣнный и неза-

---

1) Сѣнь надъ престоломъ или киворій.

2) Тамъ же, стр. 57—58.

3) „Византійскія церкви", стр. 113 („Труды VI археол. съѣзда" въ Одессѣ, III).

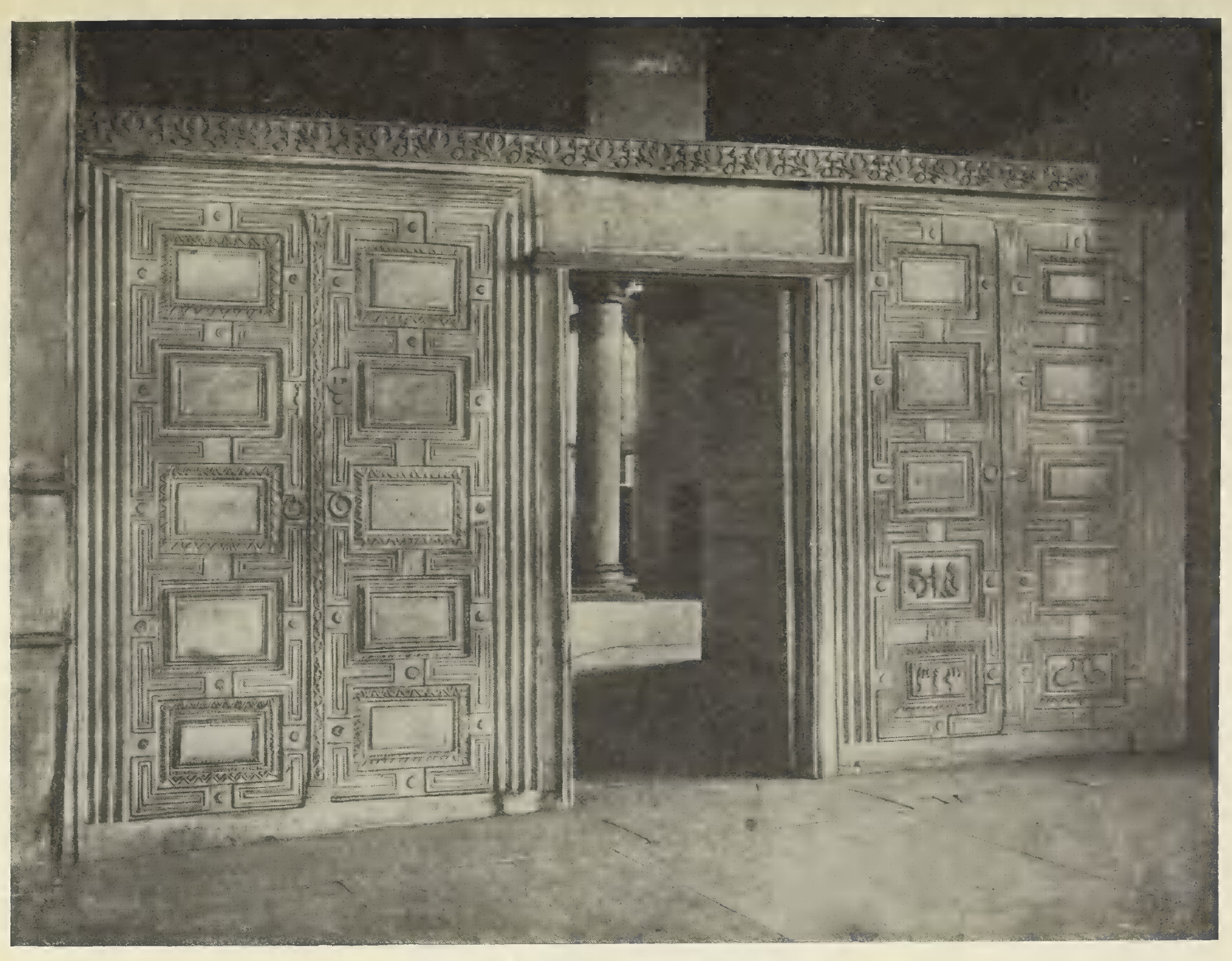


Рис. 70. Преграда на хорахъ св. Софіи.

мѣнимый литературный памятникъ. Описаніе Антонія оставляетъ нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ того, какъ широко представлена была въ св. Софіи мозаика. Такъ, онъ упоминаетъ мозаичный образъ надъ главной дверью: „Спасовъ образъ великъ мусіею". Это, конечно, извѣстное изображеніе Спаса съ колѣнопреклоненнымъ предъ нимъ императоромъ. Относительно другихъ мозаичныхъ изображеній возможны сомнѣнія [1]).

Декоративнымъ цѣлямъ храма служили громадныя колонны разноцвѣтнаго мрамора. Капители ихъ по тонкой работѣ рѣзца представляютъ изящное кружевное произведеніе (рис. 69). Церковный помостъ, равно какъ нижнія части стѣнъ покрыты мраморами разныхъ цвѣтовъ въ такой группировкѣ, которая обличаетъ большой вкусъ. Нѣкоторыя композиціи напоминаютъ орнаментацію въ апсидѣ гор. Паренцо [2]). Вверху по стѣнамъ и на сводахъ куполовъ и апсидъ развертывались обширныя мозаичныя композиціи на золотомъ или голубомъ фонѣ. Человѣческая фигура занимала, повидимому, мало мѣста въ этихъ декораціяхъ; въ сущности можно указать лишь на архангела въ южной части церкви и на изображеніе Богородицы между Юстиніаномъ и Константиномъ, замѣченное еще Фоссати на южномъ порталѣ. Но, по замѣчанію почти всѣхъ изслѣдователей, большія фигуры святыхъ и пророковъ, равно какъ прекрасная мозаика надъ царскими дверями принадлежатъ къ позднѣйшему времени [3]). И по настоящее время самый лучшій видъ на церковь представляется съ галлерей, или хоръ, идущихъ кругомъ всего зданія (рис. 70). Это такъ называемыя катихуменіи Великой церкви (*κατηχουμένια*). Къ нимъ вели особые ходы, которые также соединяли св. Софію съ дворцовыми зданіями. Въ этихъ галлереяхъ устроено было особенное помѣщеніе для царицы, гдѣ она могла слушать богослуженіе и откуда могла наблюдать торжественныя церемоніи. Катихуменіи сообщались и съ другими зданіями, примыкавшими къ церкви; такъ, извѣстно, что изъ патріаршихъ палатъ можно было прямо пройти въ св. Софію черезъ катихуменіи. На загражденіи сѣверной галлереи открыта была надпись съ именемъ Ѳеодоры [4]). Здѣсь было

---

1) Н. П. Кондаковъ, „Византійскія церкви", стр. 116—117.
2) Lethaby et Swainson, „Sancta Sophia", p. 244—245.
3) Болѣе подробныя данныя въ книгѣ Lethaby et Swainson, p. 273, 287.
4) Ebersolt, „Sainte-Sophie de Constantinople", Paris, 1910, p. 25.

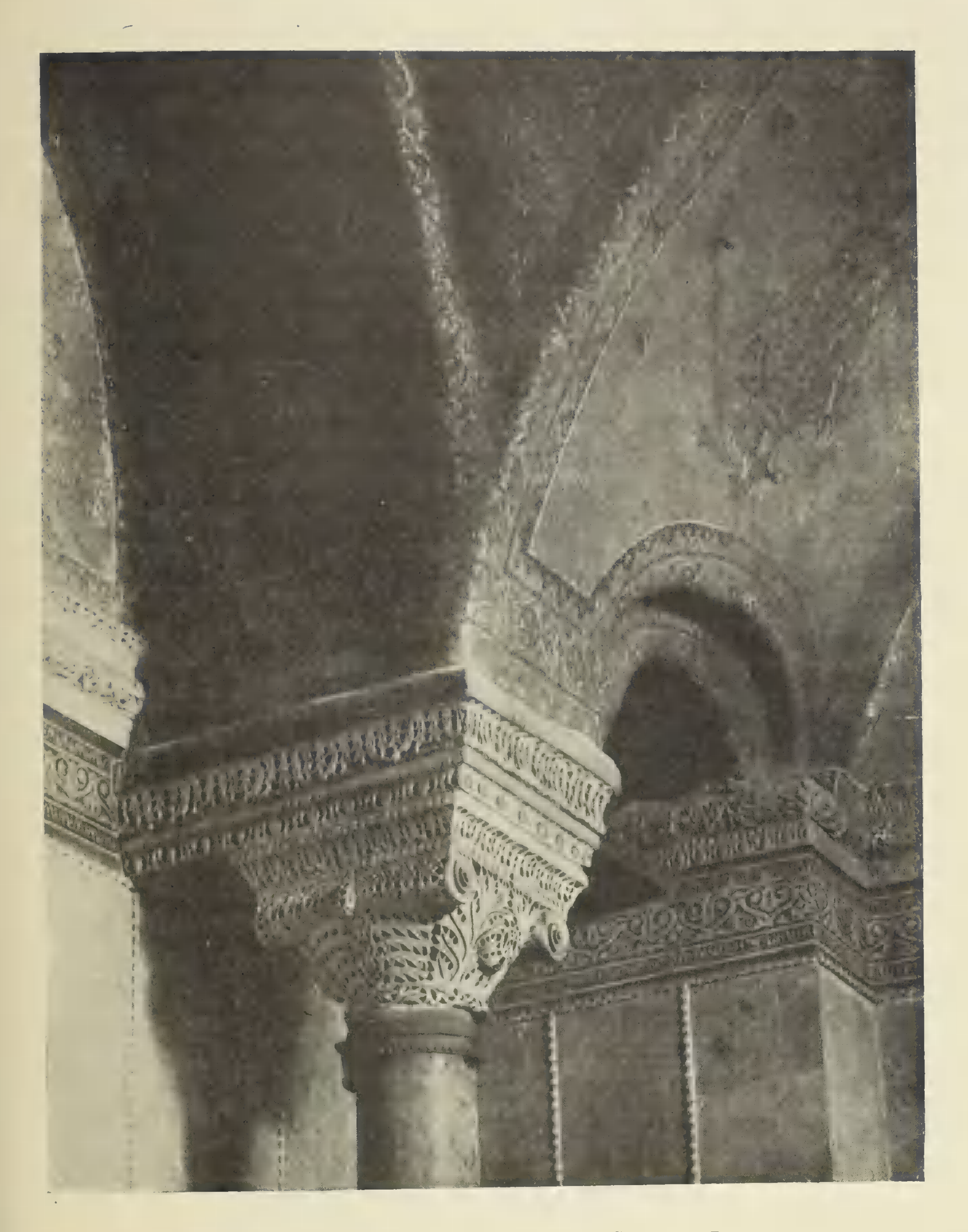


Рис. 71. Капитель колонны въ храмѣ Сергія и Вакха.

также особое помѣщеніе для царя, обыкновенно называемое мутаторій, который находился на южной галлереѣ на западномъ концѣ.

Совершавшееся въ храмѣ св. Софіи, освященной 27 дек. 537 года, богослуженіе обставлено было всей роскошью служебныхъ принадлежностей и громаднымъ числомъ священно- и церковно-служительскаго состава. При Юстиніанѣ штатъ служащихъ при храмѣ былъ разсчитанъ на 555 человѣкъ [1]); при Иракліи этотъ штатъ доходилъ до 600. На содержаніе церкви пожалованы были царемъ громадныя средства, на каждый день шли доходы съ отдѣльнаго имѣнья, и всего будто бы было записано за церковь 365 доходныхъ статей. Что касается достопримѣчательностей и святынь, стоитъ прочесть описаніе новгородскаго архіепископа Антонія, чтобы понять, съ какимъ стараніемъ Юстиніанъ сосредоточилъ здѣсь почти все наиболѣе драгоцѣнное для христіанина. И слѣдуетъ признать, что для распространенія идеи византинизма и для успѣха христіанской миссіи на Востокѣ и преимущественно среди славянъ, святая Софія константинопольская оказала громадное содѣйствіе широко образованнымъ и гуманно настроеннымъ царямъ и патріархамъ.

Юстиніановскія постройки: церкви, дворцы, общественныя и благотворительныя зданія въ Константинополѣ и другихъ городахъ имперіи—выражаютъ собой систему и должны быть разсматриваемы во всей ихъ совокупности. Въ одномъ Константинополѣ съ предмѣстьями онъ построилъ 24 церкви. Наиболѣе важными и значительными сооруженіями въ самой столицѣ были храмы св. Апостоловъ, Сергія и Вакха (рис. 71), св. Ирины; дворецъ близъ Халкидона и громадная по замыслу и замѣчательная по искусству выполненія цистерна бинъ-биръ дерекъ или „тысяча одна“ колонна. Еще не была окончена постройкой св. Софія, какъ царица Ѳеодора приступила къ возведенію храма св. Апостоловъ. Онъ былъ начатъ въ 536 и оконченъ въ 550 г. Хотя планъ былъ приготовленъ тѣми же архитекторами, Анѳеміемъ и Исидоромъ, которые строили св. Софію, но архитектурная особенность св. Апостоловъ состояла въ томъ, что она представила собой типъ крестовой церкви и пятикупольное прикрытіе. Это было также нововведеніе въ строительномъ искусствѣ, которому было суждено большое распространеніе и разнообразное

---

[1]) Const. a. 535, XIV, p. 71.



Рис. 72. Цистерна бинъ-биръ дерекъ въ Константинополѣ.

примѣненіе въ христіанскихъ странахъ. Святая Софія была трудна для подражанія, между тѣмъ архитектурный планъ крестовой церкви распространился съ большой легкостью въ Константинополѣ, Греціи и на Востокѣ. На западѣ церковь св. Марка въ Венеціи является воспроизведеніемъ того же стиля. Въ свое время этотъ храмъ принадлежалъ къ замѣчательнѣйшимъ въ Константинополѣ и служилъ усыпальницей для царей и патріарховъ. Въ X вѣкѣ храмъ св. Апостоловъ былъ описанъ въ поэмѣ Константина Родія, какъ чудесный памятникъ того времени [1]). При завоеваніи Константинополя турками этотъ храмъ былъ срытъ до основанія, и на его мѣстѣ построена была завоевателемъ мечеть, извѣстная подъ именемъ Мехмедіэ или джами султана Мехмеда.

Въ центрѣ города устроенная цистерна—бинъ-биръ дерекъ—относится по времени происхожденія къ 528 г. По мнѣнію новѣйшаго изслѣдователя [2]) планъ этой цистерны есть геніальное развитіе многоэтажныхъ цистернъ Александріи. Въ настоящее время эта цистерна не имѣетъ воды, 16 рядовъ мраморныхъ колоннъ, числомъ болѣе 200, на половину покрыты землей. Эта цистерна, какъ говоритъ профессоръ Стржиговскій, въ своемъ родѣ подобна св. Софіи, сходство между ними заключается въ смѣлости конструкціи, которая ни разу болѣе не повторялась. Техника постройки говоритъ за то, что архитекторъ былъ александріецъ (рис. 72).

Независимо отъ громадныхъ сооруженій, подобныхъ вышеуказаннымъ, Юстиніану принадлежитъ строеніе стѣнъ, крѣпостей и сторожевыхъ укрѣпленій противъ персовъ, армянъ, арабовъ и болгаръ, построенныхъ на окраинахъ имперіи въ защиту отъ неожиданныхъ нападеній непріятеля. Эти послѣднія постройки, составлявшія въ собственномъ смыслѣ выполненіе системы военной защиты имперіи непрерывной линіей пограничныхъ крѣпостей, выражая характерную особенность политики Юстиніана, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Этимъ громаднымъ предпріятіемъ, описанію котораго во всѣхъ подробностяхъ Прокопій посвятилъ шесть книгъ сочиненія „О постройкахъ“, Юстиніанъ имѣлъ въ виду возобновить пришедшую въ упадокъ систему римскихъ укрѣпленій. Такъ, по Дунаю отъ Чернаго

[1]) Вульфъ, „Семь чудесъ Византіи и храмъ свв. апостоловъ, „Извѣстія Института“, I, стр. 35.

[2]) Strzygowski, „Die byzantinische Wasserbehälter von K-pel“, S. 215.

моря до Бѣлграда воздвигнуто было до 80 крѣпостей, въ которыхъ поселены были гарнизоны или колонисты съ обязательствомъ несенія военной службы. Вообще же на Балканскомъ полуостровѣ возникло при Юстиніанѣ до 600 укрѣпленій. Со стороны Персіи, для защиты Месопотаміи усилено укрѣпленіе Дара, которая обведена двумя стѣнами и рвомъ, возобновлены стѣны Амиды и Эдессы. Сѣверная граница до Трапезунта была защищена башнями и небольшими укрѣпленіями, кавказскіе проходы ограждены длинными стѣнами и валами. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о военныхъ постройкахъ Юстиніана, приводимъ прекрасную страничку изъ сочиненія Диля [1]). „На пограничной полосѣ прежде всего видимъ рядъ укрѣпленныхъ виллъ, связанныхъ между собой послѣдовательнымъ рядомъ военныхъ постовъ (castella), находящихся въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, снабженныхъ водой и припасами и занятыхъ небольшими гарнизонами. Цѣль этихъ укрѣпленій двоякая: запереть границу и стеречь приближеніе врага; съ другой стороны, служить точкой опоры для отрядовъ, назначенныхъ идти въ непріятельскую страну. Но эта первая линія не казалась достаточной защитой. Поэтому въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея шла вторая линія защиты, состоявшая изъ болѣе важныхъ укрѣпленій, снабженныхъ значительными гарнизонами. Эта вторая линія поддерживаетъ пограничные посты, служитъ заслономъ противъ набѣговъ врага и вмѣстѣ защитой для мирнаго населенія окрестной страны. Въ этомъ заключалась главная забота военныхъ инженеровъ и генераловъ Византіи—обезпечить безопасность жителямъ провинціи и по возможности ослабить вредъ отъ непріятельскаго нашествія. Эта мысль хорошо выражена въ слѣдующихъ словахъ Прокопія [2]). „Желая прикрыть дунайскую границу, Юстиніанъ построилъ на рѣкѣ многочисленныя укрѣпленія и помѣстилъ вдоль рѣки гарнизоны, съ цѣлью воспрепятствовать варварамъ переправу. Но затѣмъ, зная всю тщетность человѣческихъ надеждъ, онъ подумалъ, что если бы непріятелямъ удалось преодолѣть это препятствіе, то они нашли бы сельское населеніе беззащитнымъ и легко могли бы брать людей въ плѣнъ и грабить ихъ имущества. Поэтому онъ не довольствовался тѣмъ, что посредствомъ рѣчныхъ

---

1) Diehl, „Justinien“, p. 234—5; его же, „L'Afrique Byzant.“, 139.

2) „De aedificiis“, p. 268.

укрѣпленій обезпечилъ общую безопасность, но умножилъ укрѣпленія во всей странѣ, такъ что каждое земельное владѣніе было обращено въ крѣпкій замокъ, или близь него расположенъ военный постъ". Изъ болѣе значительныхъ сооруженій этого рода можно указать стѣны вокругъ Антіохіи, крѣпость Дара на границѣ съ Персіей, Никею, Аназарбъ, Пальмиру и др. Какъ бы ни судить о реальномъ значеніи этой системы укрѣпленій, нельзя сомнѣваться въ томъ, что для своего времени она была наилучшей, и что преслѣдуемая императоромъ цѣль до извѣстной степени была достигаема.



ГЛАВА VII.

ТОРГОВЛЯ. ШЕЛКОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ. ТАМОЖЕННОЕ ВѢДОМСТВО. КОСЬМА ИНДИКОПЛОВЪ[1]).

Время Юстиніана составляетъ высшій періодъ процвѣтанія византійской торговли. Въ виду важности прямыхъ сношеній со странами, гдѣ было шелковое производство, Юстиніанъ оказывалъ всяческое вниманіе торговымъ людямъ и поощрялъ новыя въ этомъ смыслѣ предпріятія. Пока Византія не имѣла еще соперниковъ въ торговлѣ съ отдаленнымъ Востокомъ, откуда шли драгоцѣнные товары въ Европу, она прилагала большое стараніе, чтобы извлечь всѣ выгоды изъ этого исключительнаго положенія. Древнѣйшимъ памятникомъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ можетъ быть названъ Пальмирскій таможенный тарифъ отъ 137 г. христіанской эры. Этотъ актъ изданъ сенатомъ города Пальмиры въ предупрежденіе споровъ, возникавшихъ между купцами и таможеннымъ вѣдомствомъ по вопросу о пошлинѣ съ товаровъ, облагаемыхъ иногда не по закону, а по старому обычаю. Тарифъ изложенъ на двухъ языкахъ, греческомъ и арамейскомъ. Въ настоящее время онъ перевезенъ въ Россію и находится въ Императорскомъ эрмитажѣ[2]). Пальмира находилась на

[1]) Главныя пособія: Heyd, „Histoire du commerce du Levant au Moyen-Age", édition française par Turcy Raynaud. I, II. Leipzig, 1885—1886; Zachariae von Lingenthal, „Eine Verordnung Justinian's über den Seidenhandel aus den Jahren 540—547" („Mémoires de l'Académie Impériale de St.-Pétersbourg", VII série, t. IX, n. VI, 1865); Gelzer, „Byzantinische Kulturgeschichte", Tübingen, 1909.

[2]) Въ первый разъ Пальмирскій тарифъ открытъ и изданъ княземъ Абамелекъ-Лазаревымъ („Пальмира, археологическое изслѣдованіе". С.-Петербургъ, 1884). Въ Россію тарифъ перевезенъ съ разрѣшенія султана Абдулъ-Гамида, по ходатайству Императорскаго Россійскаго посла въ Константинополѣ и при участіи Института. См. въ моей статьѣ „Археологическіе памятники Сиріи", стр. 123 („Извѣстія", т. VII).

главной дорогѣ изъ Византіи въ Персію, именно въ Дамаскъ. Здѣсь верблюжьи караваны разгружались, и съ товаровъ, ввозимыхъ въ имперію, взималась пошлина. Между статьями ввоза упоминаются шелковыя ткани, окрашенныя въ пурпуровую краску, рабы, благовонныя масла въ сосудахъ и въ мѣхахъ, вино, хлѣбъ и др. Но и сама Персія по многимъ статьямъ торговли была собственно передаточнымъ мѣстомъ. Самая богатая страна по особенно дорогимъ товарамъ была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая отдаленная. Отъ Китая, съ отдаленныхъ временъ знаменитаго по секрету производства шелка, до Средиземнаго моря торговые караваны употребляли до 8 мѣсяцевъ въ пути. Это такъ поднимало цѣну восточнаго товара въ Европѣ, что онъ становился доступнымъ лишь владѣтельнымъ лицамъ и изъ частныхъ только большимъ богачамъ. Во время Діоклитіана за 1 фунтъ неокрашеннаго шелка платилось 10 000 динаріевъ или около 3 тысячъ рублей. Въ самомъ началѣ V в. (410 г.) императоръ Өеодосій II издалъ законъ, относящійся до торговли шелкомъ, указавъ три города на персидской границѣ, гдѣ должна взиматься пошлина съ шелка [1]). Обыкновенно пошлина была въ 10%; во главѣ вѣдомства стоялъ чинъ comes sacrarum largitionum и подчиненные ему коммеркіаріи. Счастливый случай разрѣшилъ вопросъ о шелковомъ товарѣ при Юстиніанѣ. Именно, одинъ монахъ несторіанскаго исповѣданія принесъ въ имперію въ бамбуковомъ посохѣ коконы шелковичнаго червя и сообщилъ грекамъ искусство разведенія шелковичныхъ куколокъ. Тогда въ Византіи образовались плантаціи шелковицы, и завелись фабрики для производства матерій, занимавшія громадное число людей. Дорогія шелковыя ткани, будучи казенной монополіей, составляли исключительно выгодную статью внѣшней торговли, доставлявшую имперіи громадныя денежныя средства. Византія снабжала этимъ товаромъ дворы европейскихъ государей и богатыхъ купцовъ торговыхъ городовъ Европы.

Часть драгоцѣнныхъ товаровъ добывалась изъ Индіи. Большинство индійскихъ товаровъ шло морскимъ путемъ и доставляемо было

---

[1]) Amm. Marcellini, XIV, 3; XXIII, 3; Cod. Justinianus IV. 63, de commerciis. „Mercatores tam imperio nostro quam persarum regi subjectos ultra ea loca, in quibus foederis tempore cum memorata natione nobis convenit, nundinas exercere minime oportet, ne alieni regni scrutentur arcana. Nullus igitur imperio nostro subiectus ultra Nisibin, Callinicum et Artaxata emendi sive vendendi species causa proficisci audeat“...

въ Персидскій заливъ или къ устьямъ Тигра и Евфрата. Такъ какъ и здѣсь Персія была посредницей, а между тѣмъ Юстиніанъ велъ съ персидскимъ царемъ продолжительныя войны, то понятно его горячее желаніе освободиться отъ зависимости Персіи. Съ этой цѣлью, между прочимъ, онъ вступалъ въ сношеніи съ Абиссиніей, хотя эта попытка осталась безъ успѣха. Но у имперіи было и другое средство получать товары морскимъ путемъ, именно на сѣверѣ Краснаго моря была гавань близь нынѣшняго Суэца (Clisma). Здѣсь было таможенное вѣдомство близъ острова Іотаба (нынѣ Тирань), и содержался византійскій сборщикъ податей. При Юстиніанѣ и при его преемникѣ Юстинѣ II имперія поддерживала сношенія съ турецкимъ ханствомъ, образовавшимся между Китаемъ и Персіей, между прочимъ, съ цѣлью освободиться отъ тяжелаго торговаго посредничества Персіи. Рѣдкія китайскія и индійскія произведенія и дорогія шелковыя издѣлія разсматривались какъ орудіе политическаго вліянія и какъ средство импонировать на варварскихъ вождей и европейскихъ князей, приходившихъ въ Константинополь. Подарки шелковыми одеждами, тканями, драгоцѣнными камнями и благовоніями были исключительной привилегіей византійскаго двора и весьма высоко цѣнились тѣми счастливцами, кому они были предлагаемы. Кромѣ столицы, шелковыя фабрики развились въ Бейрутѣ, Тирѣ и Антіохіи.

Для характеристики торговаго дѣла при Юстиніанѣ предлагаемъ отрывокъ изъ „Тайной исторіи“ Прокопія [1]).

„Есть два пролива съ той и другой стороны Византіи: одинъ на Еллиспонтѣ между Систомъ и Авидомъ, другой же при устьѣ Евксинскаго понта (Черное море), гдѣ находится извѣстное святилище (*ἱερόν*). Въ заливѣ Еллиспонта совсѣмъ нѣтъ казеннаго таможеннаго вѣдомства, но назначенный царемъ чинъ имѣетъ пребываніе въ Авидѣ, съ цѣлью наблюденія за тѣмъ, чтобы въ царствующій городъ не ввозилось на корабляхъ оружіе безъ вѣдома и разрѣшенія царя, и чтобы изъ столицы не прошло какое судно безъ пропуска и печати тѣхъ чиновъ, на коихъ лежитъ эта обязанность, ибо не позволялось выходить въ море изъ Константинополя кораблю безъ разрѣшенія чиновъ подчиненныхъ вѣдомству магистра; кромѣ того, онъ собиралъ съ проходящихъ судовъ небольшую дань. Отправляемый же царемъ

---

[1]) Procopii „Historia Arcana“, c. 25 (p. 138).

надсмотрщикъ въ другой заливъ всегда получалъ жалованье изъ царской казны и имѣлъ задачей смотрѣть за тѣмъ, какъ мною сказано выше, чтобы не ввозилъ кто запрещенныхъ товаровъ къ варварамъ, которые живутъ по берегамъ Евксинскаго Понта, и которыми не позволено снабжать ихъ какъ нашихъ враговъ. Ему не разрѣшалось брать съ судовъ никакой пошлины. Но съ тѣхъ поръ, какъ Юстиніанъ принялъ царство, учреждены были таможенныя вѣдомства въ томъ и другомъ заливѣ, и назначены два архонта съ цѣлью взиманія пошлинъ, которымъ опредѣлено было содержаніе, и которымъ поручено собирать пошлины со всей строгостью. Они же, желая всѣми мѣрами сдѣлать пріятное царю, брали съ проходящихъ кораблей за находившіеся на нихъ товары большія пошлины. Принявъ указанныя мѣры къ отношенію къ тому и другому проливу, для Константинополя онъ придумалъ слѣдующее. Поставивъ надъ здѣшнимъ портомъ одного изъ своихъ приближенныхъ, сирійца по происхожденію, именемъ Аддея, поручилъ ему собирать пошлину съ пристающихъ сюда судовъ. Онъ же всѣмъ судамъ, прибывавшимъ въ Константинополь, не допускалъ разгружаться въ гавани, но или принуждалъ корабельщиковъ платить пеню за свои корабли, или везти товары въ Африку или Италію. Изъ нихъ нѣкоторые, не желая ни идти съ обратнымъ грузомъ, ни заниматься морской торговлей, предпочитали предавать огню свои корабли. А тѣ, для которыхъ торговое дѣло было единственнымъ средствомъ къ жизни, принуждены были вносить тройную пошлину за свои товары, и имъ предстояла неизбѣжная необходимость возмѣщать понесенные убытки поднятіемъ цѣны товаровъ при ихъ продажѣ, такъ что всячески угрожало обнищаніе ромэйскому государству.

„Большинство предметовъ было обращено въ царскую монополію, и необходимыя въ ежедневномъ потребленіи вещи обложены были тяжелыми накладными расходами; оставались еще свободными отъ обложенія торговыя заведенія для одежды, но и по отношенію къ этимъ послѣднимъ было придумано слѣдующее. По исконному обычаю шелковыя одежды приготовлялись на фабрикахъ въ Бейрутѣ и Тирѣ, финикійскихъ городахъ. Въ этихъ же мѣстахъ жили какъ торговцы шелковыми издѣліями, такъ художники и ремесленники, и отсюда шелковыя одежды имѣли распространеніе по всему свѣту. Въ царствованіе же Юстиніана занимающіеся этой статьей промышлен-

ности въ Византіи и въ другихъ городахъ повысили цѣну на свое производство, ссылаясь на то, что въ то время и въ Персіи возросла цѣна на шелкъ, и что въ ромэйской имперіи увеличены таможенныя пошлины [1]). Царь же, будучи этимъ недоволенъ, издалъ законъ, которымъ установилъ, чтобы за фунтъ шелка не платилось больше 8 золотыхъ номисмъ, присоединивъ угрозу наказывать преступившихъ этотъ законъ лишеніемъ имущества. Это поставило торговыхъ людей въ крайнее смущеніе и недоразумѣніе. Ибо не могли они, уплативъ за товаръ дорогую сумму, продавать его по пониженной цѣнѣ, поэтому должны были отказаться отъ продолженія торговыхъ сдѣлокъ, предпочтя тайную распродажу остававшихся у нихъ товаровъ по преимуществу въ средѣ знакомыхъ. Царица, получивъ свѣдѣніе о ходившихъ объ этомъ тайныхъ слухахъ, не провѣривъ основательность ихъ, наложила запрещеніе на эти товары и оштрафовала торговцевъ на кентинарій золота. Во главѣ шелковаго производства и торговли шелковыми издѣліями въ имперіи стоитъ начальникъ царской казны Петръ Варсима, котораго допустили до безчестныхъ поступковъ. Настаивая на точномъ исполненіи закона о шелковыхъ издѣліяхъ по отношенію къ другимъ, онъ требовалъ, чтобы мастера готовили этотъ товаръ исключительно для него, и не тайно, но открыто, на базарѣ, унцію шелка обыкновенной окраски приказалъ оцѣнивать въ шесть номисмъ, а то же количество царской окраски шло по цѣнѣ двадцатичетырехъ и болѣе номисмъ. Этимъ путемъ онъ доставилъ въ царскую казну большія средства, а еще больше присвоилъ себѣ, и этотъ порядокъ, при немъ получившій начало, остался навсегда. Ибо въ это время онъ былъ единственнымъ установителемъ цѣнъ и продавцомъ шелковаго товара. Торговые люди, прежде занимавшіеся этой статьей производства въ столицѣ и другихъ городахъ, испытали, какъ и слѣдовало ожидать, бѣдствія этой системы на морѣ и на сушѣ. Городской димъ въ Бейрутѣ и Тирѣ неожиданно дошелъ до нищенскаго состоянія, мелкіе торговцы и ремесленники принуждены были бороться съ голодомъ, многіе же бѣгствомъ спасались въ персидскія области. Такимъ-то образомъ, будучи единственнымъ начальникомъ доходовъ съ казенной продажи шелковыхъ издѣлій и введя въ этой

---

[1]) Procopii, „Hist. arcana", c. 25, p. 141: αἰτιώμενοι μεῖζόν μὲν ἢ πρότερον ἐν χρόνῳ τῷ παρόντι ὑπὲρ αὐτῆς καταβάλλεσθαι τὸ τίμημα Πέρσαις, πλείω δὲ νῦν τὰ δεκατευτήρια εἶναι ἐν τῇ τῇ Ῥωμαίων (подчеркнутое слово означаетъ десятипроцентный сборъ).

статьѣ монополію, доставлялъ онъ часть доходовъ царю, а больше присвоивалъ себѣ и обогащался на счетъ общественныхъ бѣдствій. Такъ-то шли дѣла".

Ко времени Юстиніана относится исключительный по своему культурному значенію географическій трудъ, подобнаго которому не знаютъ средніе вѣка. Мы говоримъ о знаменитомъ плавателѣ въ Индію, Косьмѣ Индикопловѣ *(ὁ Ἰνδικοπλεύστης)* и составленномъ имъ литературномъ произведеніи, названномъ „Христіанская топографія". Объ этомъ замѣчательномъ для своего времени географѣ мы имѣемъ, однако, скудныя свѣдѣнія, даваемыя имъ самимъ въ его названномъ произведеніи. Онъ былъ грекъ по происхожденію и жилъ въ Александріи, „по слабости здоровья и по причинѣ плохого зрѣнія не могъ получить широкаго образованія, ораторскаго искусства не проходилъ и болѣе предавался житейскимъ дѣламъ". Можно, впрочемъ, думать, что эти выраженія характеризуютъ болѣе скромность автора, писавшаго свое произведеніе въ монастырѣ, и потому ихъ нужно принимать съ ограниченіемъ[1]). Главнымъ его занятіемъ была торговля; ради торговыхъ дѣлъ онъ предпринималъ отдаленныя путешествія. Былъ въ Абиссиніи и между прочимъ описываетъ дворецъ царя аксумскаго и пороги Нила. Плавалъ въ трехъ моряхъ: въ Средиземномъ, Красномъ и Персидскомъ заливѣ. Былъ ли Косьма въ Индіи, прямо не говорится въ его сочиненіи, но объ этомъ слѣдуетъ заключать изъ нагляднаго и подробнаго описанія острова Цейлона [2]), равно какъ на основаніи преданія, усвояющаго ему прозваніе индиклопова въ самыхъ древнихъ спискахъ [3]).

Послѣ полной разнообразныхъ приключеній жизни, Косьма постригся въ монахи и занялся составленіемъ своего литературнаго произведенія. Главная цѣль труда состояла въ томъ, чтобы доказать соотвѣтствіе физической географіи съ библейскимъ ученіемъ о сотвореніи міра, почему патріархъ Фотій называетъ „Топографію" Косьмы толкованіемъ на „Октатевхъ". Благочестивая цѣль автора сказывается въ самомъ началѣ произведенія, такъ какъ первая его глава обозначена такъ: „противъ тѣхъ, которые хотятъ казаться христіанами, но при-

---

[1]) Migne, „Patrologia Graeca", t. LXXXVIII, col. 72.

[2]) Migne, col. 445, 449 и др.

[3]) Cosimo Stornajolo, „Le miniature della topografia christiana di Cosma Indicopleuste". Milano, 1908, p. 6.

нимаютъ мнѣніе, чуждое христіанскому ученію, что небо имѣетъ сферовидную форму". Согласно основной своей цѣли, Косьма вооружается противъ системы Птолемея и доказываетъ, что земля имѣетъ не шаровидную форму, а уподобляется продолговатому четыреугольному ящику, по образцу Ноева ковчега. Обширное произведеніе Косьмы отняло у него много времени и не могло быть составлено одновременно. Изъ нѣсколькихъ указаній, имъ самимъ сдѣланныхъ, можно заключить, что главная часть составлена между 545—547 г., а конецъ въ позднѣйшее время. Значеніе географическаго сочиненія Косьмы заключается въ его описаніяхъ и сообщеніяхъ о томъ, что онъ видѣлъ, и что слышалъ отъ бывалыхъ людей; въ этомъ смыслѣ онъ сообщаетъ весьма важныя и любопытныя свѣдѣнія, которыхъ напрасно было бы искать у другихъ писателей. Таковы сообщаемыя имъ данныя объ отношеніяхъ имперіи къ Египту, Индіи и Китаю.

Косьма отличается необыкновенной правдивостью и добросовѣстностью въ своихъ описаніяхъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ говоритъ о предметахъ и фактахъ, заимствованныхъ отъ другихъ, онъ опирается на достовѣрные источники. Прежде всего онъ пользуется сообщеніями лично ему знакомыхъ купцовъ и путешественниковъ, изъ коихъ называетъ, между прочимъ, Сопатра и персидскаго посла [1]). Библейскій и церковно-историческій отдѣлъ „Топографіи" почерпнутъ изъ устныхъ бесѣдъ съ Патрикіемъ, т.-е. Маръ-Аба, который долго жилъ въ Александріи [2]) и принадлежалъ къ несторіанскому исповѣданію; слѣды несторіанскихъ воззрѣній, почерпнутыхъ изъ сочиненій Θеодора Мопсуестскаго, можно отмѣтить во многихъ мѣстахъ Косьмы Индикоплова [3]). Названный выше Патрикій долженъ быть признанъ не только авторомъ всей системы мірозданія, но и рисунковъ, внесенныхъ Косьмой въ „Топографію" [4]). Въ историческомъ отношеніи, въ жизнеописаніи патріарховъ, любопытно отмѣтить параллелизмъ пасхальной хроники и данныхъ Косьмы. Ватиканская рукопись Косьмы, снабженная миніатюрами, относится къ IX в.

Чтобы ознакомить съ богатымъ содержаніемъ сочиненія Косьмы,

1) Migne, col. 448.

2) Ibid., col. 73: διὰ τῆς ζώσης φωνῆς παραλαβὼν ὑπὸ τοῦ θειοτάτου ἀνδρὸς καὶ μεγάλου διδασκάλου Πατρικίου...

3) Stornajolo, „Le miniature della topografia cristiana", p. 10—11.

4) Migne, col. 397.

мы приведемъ изъ него нѣсколько мѣстъ [1]). Описывая караванную торговлю абиссинцевъ съ богатою золотомъ страной Сасу въ сосѣдствѣ съ Занзибаромъ, Косьма говоритъ: „Каждые два года царь Аксума отправляетъ караванъ своихъ торговыхъ людей за золотомъ. Къ нимъ присоединяются и другіе купцы, такъ что всего бываетъ до 500 человѣкъ. Они отправляютъ туда быковъ, соль и желѣзо. Приблизившись къ странѣ, они дѣлаютъ остановку. Собравъ множество терновника, дѣлаютъ загородку и располагаются подъ защитой ея, убиваютъ и разрѣзываютъ на части скотъ и куски его нанизываютъ на колья. Приходятъ туземцы и приносятъ слитки золота и кладутъ одинъ, два или болѣе слитковъ подлѣ куска мяса, соли или желѣза, что имъ нравится, и стоятъ въ ожиданіи. Тогда подходитъ хозяинъ мяса и беретъ золото, если доволенъ предложенной за товаръ суммой, а туземецъ, сдѣлавшій предложеніе, беретъ мясо, соль или желѣзо. Но если купецъ недоволенъ суммой, предложенной за его товаръ, то онъ не трогаетъ золота, а туземецъ, видя, что его золото не взято, либо присоединяетъ еще слитокъ, или уходитъ. Такъ происходитъ нѣмая мѣновая торговля, ибо они говорятъ на разныхъ языкахъ и безъ переводчиковъ не могутъ понимать другъ друга. Они остаются на мѣстѣ пять или болѣе дней, смотря по тому, медленно или оживленно идетъ мѣна товара на золото, пока не продадутъ весь товаръ. Возвращаются назадъ всѣ вмѣстѣ и вооруженные, ибо ихъ высматриваютъ враждебныя племена, желающія поживиться ихъ богатствомъ. Вся поѣздка требуетъ не менѣе шести мѣсяцевъ, такъ какъ первый путь они дѣлаютъ весьма медленно, щадя силы своихъ коней, обратный же путь совершаютъ быстро, дабы не быть захваченными въ дорогѣ зимой и дождями. Ибо здѣсь находятся источники Нила, воды котораго, поднявшись вслѣдствіе зимнихъ дождей, дѣлаютъ непроходимыми караванныя дороги. Ихъ зима падаетъ на наши лѣтніе мѣсяцы—отъ 25 іюня по 30 сентября; во время этихъ трехъ мѣсяцевъ падаютъ сильные дожди".

Описаніе Цейлона составляетъ лучшую часть произведенія Косьмы. Извѣстія заимствовалъ онъ отъ знакомаго купца Сопатра, одновременно съ которымъ прибыло на Цейлонъ персидское судно, съ персидскимъ посланникомъ [2]). „По обычаю, начальники города и тамо-

1) Gelzer, „Byzantinische Kulturgesch.", S. 109 (Tübingen, 1909).

2) Migne, t. 88, col. 448—449. Это описаніе знаменитаго острова Тапрована, который у Косьмы названъ ἡ Σιελεδίβα.

женные повели ихъ для представленія царю, который послѣ установленнаго привѣтствія приказываетъ имъ сѣсть и спрашиваетъ: „благополучно ли въ вашей странѣ, и какъ идутъ ваши дѣла“?—„Хорошо“, сказали они. Потомъ спросилъ царь: „который изъ вашихъ царей больше и сильнѣй“?—Персъ быстро отвѣтилъ: „нашъ царь и сильнѣй, и больше, и богаче другихъ, называется царь царей и можетъ дѣ-



Рис. 73. Монеты Юстина II.

лать все, что захочетъ“.—Сопатръ ничего не говорилъ, тогда царь говоритъ ему: что же ты, ромэй, ничего не скажешь?—Сопатръ отвѣтилъ: „что мнѣ сказать послѣ того, что мы слышали. Если, однако, желаешь узнать истину, ты имѣешь передъ собой того и другого царя,



Рис. 74. Тиверій.

разсуди самъ, который изъ нихъ величественнѣй и могущественнѣй“.—Эти слова привели царя въ изумленіе.—„Какъ,—сказалъ онъ;—здѣсь находятся оба царя?“ Сопатръ же отвѣтилъ: „здѣсь есть монеты того и другого: золотая номисма—византійская, и драхма или серебряный миліарисій—персидскій; всмотрись въ изображенія на той и дру-

гой и ты познаешь истину“ (рис. 73—74). Цейлонскій властитель, согласившись съ этимъ, приказалъ принести обѣ монеты. Византійская монета была изъ чистаго золота, свѣтлая и хорошаго чекана, ибо сюда привозятся лучшіе экземпляры; что же касается персидскаго миліарисія, то достаточно сказать, что онъ былъ изъ серебра и не могъ идти въ сравненіе съ номисмой. Царь повертѣлъ въ рукахъ ту и другую монету и, похваливъ золотую номисму, сказалъ: „конечно, ромэи и славнѣй, и сильнѣй, и умнѣй“. Тогда Сопатру оказаны были особенныя почести: его посадили на слона и съ барабаннымъ боемъ водили по городу. Это разсказалъ намъ, присоединяетъ авторъ, самъ Сопатръ и бывшіе съ нимъ на этомъ островѣ жители Адулы. Это, говорили они, очень пристыдило персидскаго посла“.

На основаніи сообщеній Косьмы можно судить, что Цейлонъ въ серединѣ VI в. былъ центромъ міровой торговли между восточной Африкой и Китаемъ. Тапрована—говоритъ онъ—есть величайшій островъ въ Океанѣ, тамъ добывается драгоцѣнный камень іакинѳъ, сюда стекаются отовсюду разные товары, и отсюда посылаются мѣстныя произведенія во всѣ торговыя пристани. На островѣ царствуютъ два государя, которые находятся между собой въ борьбѣ. Одинъ обладаетъ горной страной, гдѣ добывается іакинѳъ, другой—равнинной, гдѣ находится гавань, и производится торговля. Есть тамъ и христіанская община изъ персидскихъ колонистовъ. Превосходными качествами достовѣрности и наблюдательности отличается описаніе индійскихъ звѣрей. Таково описаніе риноцероса [1]). „Это животное получило свое имя оттого, что у него растутъ рога изъ носа. Когда онъ идетъ, его рога качаются, когда же онъ раздраженъ, даетъ имъ сильное напряженіе, такъ что они становятся такъ твердыми, что могутъ вырывать съ корнемъ деревья, въ особенности передній рогъ. Глаза у него лежатъ низко у челюстей, это весьма страшный звѣрь и естественный врагъ слона. Его ноги и кожа подобны слоновьимъ. Толщина высушенной его кожи равняется четыремъ пальцамъ, нѣкоторые употребляютъ ее вмѣсто желѣза въ плуги и пашутъ землю. Я видѣлъ издали живымъ этого звѣря въ Эѳіопіи, а мертваго въ царскомъ дворцѣ, гдѣ и описалъ его“.

За описаніемъ Цейлона слѣдуетъ описаніе Индіи. „Кромѣ упомя-

---

[1]) Migne, col. 441.

нутыхъ уже цвѣтущихъ торговыхъ пристаней, есть и другіе многіе торговые города, приморскіе и сухопутные, и обширная страна. Выше, т.-е. сѣвернѣй Индіи, живутъ бѣлые гунны, предводитель которыхъ Голла, выходя на войну, ведетъ съ собой, какъ говорятъ, не менѣе 2 тысячъ слоновъ и многочисленную конницу. Онъ господствуетъ надъ индійской страной и собираетъ подати. Говорятъ, что однажды онъ желалъ завоевать одинъ сухопутный городъ Индіи, но городъ оказался окруженъ водой. Простоявъ подъ городомъ нѣсколько дней и использовавъ всю воду на слоновъ, коней и военныхъ людей, наконецъ, онъ приблизился къ городу сухимъ путемъ и взялъ его. У нихъ особенно цѣнится драгоцѣнный камень смарагдъ, который употребляется для украшенія царской короны. Все это я разсказалъ и описалъ частью по личному опыту, частью узналъ черезъ другихъ, путешествуя по близости отъ этихъ мѣстъ. И мѣстные владѣтели Индіи [1]) имѣютъ слоновъ, одинъ 500, другой 600, то болѣе, то менѣе. А цейлонскій владѣтель покупаетъ на сторонѣ и слоновъ, и коней, первыхъ расцѣниваетъ по измѣренію: слона мѣряютъ отъ пятокъ до верхушки и, смотря по количеству локтей, платятъ отъ 50 до 100 и болѣе номизмъ. Кони привозятся изъ Персіи и продаются безпошлинно. Внутренніе владѣтели страны приручаютъ слоновъ и пользуются ими для военной службы. Для удовольствія царей часто устраиваютъ бой слоновъ. Съ этой цѣлью между двумя имѣющими состязаться слонами устраивается деревянная преграда изъ двухъ вертикальныхъ и одного горизонтальнаго бруса, которая достигаетъ слону до груди. По ту и другую сторону стоятъ люди, которые не допускаютъ слоновъ близко подходить одного къ другому, но возбуждаютъ ихъ, и они начинаютъ бить одинъ другого хоботами, пока одинъ изъ нихъ не будетъ побѣжденъ. Индійскіе слоны не имѣютъ клыковъ, а если и имѣютъ, то эти зубы срѣзываютъ, дабы они не составляли излишней тяжести во время похода. Абиссинцы не умѣютъ приручать слоновъ, но если царь захотѣлъ бы имѣть для звѣринца одного или двухъ слоновъ, то ихъ ловятъ молодыми и воспитываютъ въ неволѣ. Страна ихъ имѣетъ много слоновъ съ большими зубами. Слоновая кость вывозится изъ Абиссиніи въ Индію, въ Персію, въ Аравію и въ Византію“.

---

[1]) Migne, col. 449: οἱ δὲ κατὰ τόπον βασιλεῖς τῆς Ἰνδικῆς.

Весьма любопытны также сообщаемыя Косьмой свѣдѣнія о Синаѣ. Съ этой страной онъ ознакомился посредствомъ нѣсколькихъ путешествій; здѣсь же нашелъ убѣжище другъ его Мина, съ которымъ онъ совершалъ вмѣстѣ отдаленныя путешествія. Съ какимъ вниманіемъ онъ относился къ Синайскому полуострову, показываютъ его любопытныя извѣстія о синайскихъ надписяхъ. „Когда іудеи получили отъ Бога писаный законъ, они узнали и искусство письма, такъ что пустыня обратилась для нихъ въ училище, ибо въ теченіе 40 лѣтъ они изсѣкали на камнѣ письма. Поэтому въ пустыняхъ Синайскаго полуострова можно находить на всѣхъ тамошнихъ скалахъ надписи съ еврейскими письменами, какъ я самъ это видѣлъ, путешествуя по этимъ мѣстамъ. Нѣкоторые іудеи читали эти надписи и объясняли намъ, что тамъ написано было. Такія надписи сохранились и донынѣ, какъ я думаю, ради невѣрующихъ, ибо каждый можетъ самолично убѣдиться, видѣть собственными глазами, что мы говоримъ правду. Сначала евреи получили отъ Бога письмо на тѣхъ двухъ каменныхъ доскахъ, которыя они изучали въ пустынѣ 40 лѣтъ; это письмо они передали своимъ сосѣдямъ финикіянамъ, отъ послѣднихъ получили греки и другіе народы". Приведенныя слова относятся къ такъ называемымъ синайскимъ (собственно арабскимъ или набатейскимъ) надписямъ Вади Мокаттебъ и Джебель-ель-Мокаттебъ, которыя потомъ были списаны и изданы англиканскимъ епископомъ Робертомъ Клейтоломъ. Надписи эти позднѣйшаго происхожденія и не имѣютъ ничего общаго съ эпохой странствованія евреевъ по пустынѣ [1]).

„Христіанская топографія" Косьмы, раздѣленная на отдѣльныя книги, по основному содержанію и цѣли преслѣдуетъ спеціальныя задачи. Если отправляться изъ оглавленія его сочиненія, то трудно подозрѣвать въ немъ тотъ громадный культурный матеріалъ, какой разсѣянъ по разнымъ отдѣламъ, трактующимъ о схемѣ міра, о скиніи, о величинѣ солнца, о теченіи звѣздъ. Въ предисловіи [2]) онъ обращается къ своимъ читателямъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Прежде всего прошу тѣхъ, кому случится имѣть у себя эту книгу, читать ее со всѣмъ вниманіемъ и прилежаніемъ, а не пробѣгать поспѣшно, со всѣмъ тщаніемъ и трудолюбіемъ запечатлѣть въ своемъ умѣ упоминаемыя въ ней мѣста, присоединенныя къ ней изображенія и отдѣль-

---

[1]) Gelzer, „Bysant. Kulturgeschichte". S. 120.

[2]) Πρόλογος α΄, col. 53.

ные разсказы. И по прочтенiи книги пусть обратятъ вниманiе на составленную нами записку къ христолюбивому Константину, въ которой подробно описана вся земля, какъ лежащая за океаномъ, такъ по сю сторону океана... и всѣ города, и страны, и племена, съ цѣлью доказать истину того, что мы говоримъ, и лживость противоположныхъ мнѣнiй. На основанiи приложенной схемы и системы мiрозданiя и самой природы вещей доказывается истинность Священнаго Писанiя и христiанскаго вѣроученiя".

Но не главная цѣль, предположенная авторомъ, придаетъ цѣну его сочиненiю, а второстепенныя и какъ бы мимоходомъ и случайно сдѣланныя замѣчанiя и попутныя объясненiя, въ которыхъ наука и признаетъ высокое культурное значенiе „Христiанской топографiи". Кромѣ литературнаго и бытового значенiя, трудъ Косьмы представляетъ еще важный художественный матерiалъ во множествѣ рисунковъ или иллюстрацiй, которыми снабженъ его текстъ. Какiя миніатюры были въ первоначальномъ оригинальномъ текстѣ Косьмы, и какiя присоединены послѣ, равно какъ самъ ли авторъ дѣлалъ рисунки, или другой художникъ—объ этомъ высказываются различныя мнѣнiя [1]). Многiя выраженiя, употребленныя имъ относительно различныхъ фигуръ въ текстѣ, ясно показываютъ, что онъ самъ исполнялъ эти рисунки: фигуру носорога, котораго онъ видѣлъ въ Абиссинiи, статуи во дворцѣ царя аксумскаго [2]) и т. п. Относительно другихъ миніатюръ нужно думать, что онѣ заимствованы. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о рисункахъ, касающихся мiрозданiя, такъ какъ въ этомъ отдѣлѣ онъ имѣлъ руководителя въ лицѣ Патрикiя [3]), который сообщилъ ему и другiя изображенiя библейскихъ предметовъ, напр., скинiю. Что касается рисунковъ, несомнѣнно сдѣланныхъ самимъ Косьмой, о нихъ слѣдуетъ сказать, что въ обработкѣ ихъ нашъ художникъ слѣдовалъ хорошимъ современнымъ образцамъ и традицiи. Такъ, о Даніилѣ и трехъ отрокахъ замѣчено имъ, что по преданiю ихъ слѣдуетъ изображать безбородыми [4]). Ясно, что онъ пользовался мозаиками и фресками и статуями въ катакомбахъ и базиликахъ Александрiи. Это обстоятельство придаетъ миніатюрамъ

---

1) Cosimo Stornajolo, „Le miniature", p. 16—17.

2) ὅθεν ἀκριβῶς κατέγραψα (Migne, col. 441, 444).

3) Migne, col. 88: ταῦτα δὲ παραλαβὼν ἐκ τοῦ θείου ἀνδρὸς, ἤτοι καὶ αὐτῆς τῆς πείρας, ἐσήμανα.

4) Migne, col. 400.

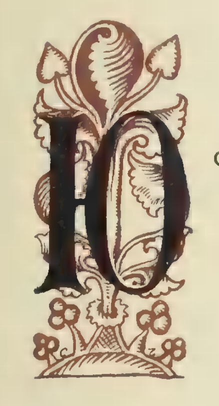
Индикоплова высокое значеніе въ исторіи христіанскаго искусства. Съ одной стороны, онъ стоитъ въ зависимости отъ современнаго ему искусства, съ другой—въ позднѣйшихъ памятникахъ, въ особенности въ иллюстрированныхъ октатевхахъ, ясно видно заимствованіе отъ Косьмы. Вслѣдствіе этого миніатюрамъ Косьмы приписывается въ исторіи искусства весьма высокое значеніе [1]).



[1]) Kondacoff, „Histoire de l'art byzantin", p. 139 - 40.

ГЛАВА VIII.

Законодательная и административная дѣятельность Юстиніана. Церковная политика.



Юстиніанъ можетъ считаться первымъ европейскимъ государемъ, проведшимъ до крайнихъ предѣловъ централизацію въ своей обширной имперіи. Теорія единой имперіи, какъ она преподносилась Юстиніану, требовала для своего осуществленія одинаковаго примѣненія законовъ и одинаковости судебной практики. Эта сторона дѣятельности Юстиніана имѣетъ большое культурное значеніе для всего европейскаго человѣчества. По сравненію съ блестящими по внѣшности, но по существу эфемерными внѣшними дѣлами, законодательная дѣятельность представляетъ собой памятникъ необыкновенной прочности и живучести и высоко ставитъ имя Юстиніана между всѣми законодателями. Заслуга Юстиніана состоитъ, впрочемъ, не въ творчествѣ, не въ составленіи новыхъ законовъ, а въ кодификаціи дошедшаго до него римскаго права. При немъ и при его содѣйствіи памятники римскаго права были собраны, провѣрены и сопоставлены между собой, и результаты юридической работы времени Юстиніана составили уже сами по себѣ драгоцѣнный и незамѣнимый источникъ, изъ котораго полной рукой черпали и средневѣковые ученые, и новѣйшіе юристы. Римское право въ кодексѣ Юстиніана стало универсальнымъ правомъ всѣхъ культурныхъ европейскихъ народовъ,—въ этомъ историческое и культурное значеніе вопроса о законодательной дѣятельности Юстиніана.

Хотя занятія древнимъ римскимъ правомъ были обычны, и уже со времени Адріана существовала спеціальная консисторія, задача коей заключалась, между прочимъ, въ истолкованіи законовъ, но при Юстиніанѣ дѣятельность этого учрежденія получила новое и

болѣе широкое направленіе. Съ первыхъ же лѣтъ своего правленія, вмѣстѣ съ громадными внѣшними предпріятіями, Юстиніанъ обратилъ свое вниманіе на законодательство. Въ 528 г. имъ организована была комиссія изъ десяти правовѣдовъ, выбранныхъ изъ лучшихъ и ученѣйшихъ людей того времени, во главѣ которой поставлены знаменитый Трибоніанъ и Θеофилъ. Комиссіи предстояло собрать и распредѣлить по содержанію и хронологіи императорскіе указы (leges, constitutiones) со времени эпохи Адріана, какъ въ свое время внесенные въ кодексы Григоріанскій, Гермогеніанскій и Θеодосіевскій [1]), такъ и тѣ, кои изданы были позднѣй. Предстояла большая и сложная работа, такъ какъ тогдашніе архивы или библіотеки не имѣли тѣхъ удобствъ, какіе имѣются въ нашихъ библіотекахъ въ видѣ каталоговъ и указателей, и такъ какъ, съ другой стороны, приходилось изучать неупорядоченный рукописный матеріалъ. Несмотря на громадныя трудности, комиссія блистательно и скоро исполнила возложенное на нее порученіе, и уже въ апрѣлѣ 529 г. собранные и провѣренные тексты императорскихъ указовъ были опубликованы въ XII книгахъ подъ именемъ кодекса. Это знаменитый Codex Justiniani, который въ 234 году подвергся новой переработкѣ и вышелъ, такъ сказать, новымъ изданіемъ, отмѣнившимъ старое. Эта послѣдняя редакція или сборникъ, заключающій въ себѣ отъ 4600 до 4700 постановленій, отъ Адріана до 534 года, и составляетъ тотъ Юстиніановскій кодексъ, которымъ наука пользуется и донынѣ [2]). Гораздо болѣе значенія имѣетъ другое предпріятіе того же рода. Пандекты представляютъ собой совершенно оригинальный и вполнѣ научный юридическій трудъ, исполненный особой комиссіей изъ 16 лицъ подъ руководствомъ того же Трибоніана. Здѣсь предстояло осуществить еще болѣе сложную задачу, именно собрать въ одно руководство всѣ прежнія объясненія или толкованія законовъ, данныя и записанныя въ свое время римскими юрисконсультами. Обширный матеріалъ нужно было разыскивать въ рукописныхъ кодексахъ и подвергать изслѣдованію, причемъ привлечено было къ изученію до 2000 кодексовъ. Въ этомъ предпріятіи особенно замѣтна научная подготовка Трибоніана и серьезная постановка всего предпринятаго дѣла. Добытый при изученіи рукописей матеріалъ былъ распредѣленъ по отдѣламъ и раздѣленъ на

[1]) Codex Gregorianus, Hermogenianus, Theodosianus.

[2]) Krueger, „Hist. des sources du droit romain", p. 448; Diehl, „Justinien", p. 248—267.

7 частей въ 50 книгахъ. Такимъ образомъ выведенъ былъ, по выраженію Юстиніана, какъ бы священный храмъ или цитадель въ защиту древняго права, которое оставалось неупорядоченнымъ въ теченіе 1400 лѣтъ.

Послѣ изданія Дигестъ, иначе Пандектъ, въ 533 году, Юстиніанъ озаботился составленіемъ руководства для начинающихъ юристовъ. Таково происхожденіе и значеніе Институцій въ 4 книгахъ, составленныхъ законовѣдами Θеофиломъ и Дороθеемъ. Пандекты вмѣстѣ съ Кодексомъ извѣстны подъ наименованіемъ Corpus iuris, на которомъ и основывалась юридическая практика VI и VII вв. Дальнѣйшее развитіе римскаго права выражалось въ Новеллахъ, т.-е. законахъ, изданныхъ послѣ опубликованія Corpus iuris, къ которымъ и нужно обращаться при изученіи примѣненія къ жизни юридическихъ нормъ.

Безспорно, что законодательная дѣятельность Юстиніана имѣетъ громадное значеніе въ исторіи европейской культуры. Но нельзя скрывать и того, что слишкомъ поспѣшная работа выразилась въ послѣдней редакціи этого замѣчательнаго памятника нѣкоторыми недостатками. Такъ, не устранены нѣкоторыя противорѣчія въ статьяхъ древнихъ юристовъ, встрѣчаются повторенія, нѣтъ единства и не рѣдки неточности въ обозначеніи содержанія приводимыхъ отрывковъ. Практическое значеніе его усматривается изъ того, что онъ въ качествѣ руководства для судебныхъ учрежденій былъ разосланъ во всѣ провинціи и города и до извѣстной степени обезпечивалъ единство судебной практики. Всѣ согласны, что онъ составленъ съ величайшимъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла: законы подведены подъ извѣстные отдѣлы и распредѣлены въ хронологическомъ и предметномъ порядкѣ, каждая статья носитъ имя императора и мѣсто и время изданія. Но это, впрочемъ, дѣло спеціальной критики. Для историка важнѣй отмѣтить въ законодательствѣ Юстиніана тѣ черты, которыми выражается характеръ и намѣренія законодателя, а равно черты времени. Очень любопытно, прежде всего, что законы изданы на латинскомъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи Юстиніанъ отдавалъ дань своей теоріи возстановленія Римской имперіи, которой границы совпадали съ границами извѣстнаго міра. Уже одинъ изъ его предшественниковъ, именно Юліанъ (361—3), издалъ на греческомъ языкѣ распоряженія свои по отношенію къ возстановленію въ имперіи язычества, осно-

вываясь, конечно, на распространенности и культурномъ значеніи греческаго языка; но, какъ извѣстно, эти распоряженія имѣли успѣхъ, далеко не соотвѣтствовавшій ожиданіямъ императора. Юстиніанъ, обращаясь со своими законами къ различнымъ народамъ, жившимъ въ его обширной имперіи, имѣлъ, конечно, больше основаній избрать латинскій языкъ, какъ языкъ права, имѣвшій притомъ широкое распространеніе въ административной практикѣ и въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Кстати здѣсь замѣтить, что греческій языкъ получаетъ постепенное утвержденіе въ имперіи вмѣстѣ съ политическимъ оживленіемъ и религіознымъ преобладаніемъ эллинскаго элемента, выразившимся въ особенности съ тѣхъ поръ, когда Востокъ отдѣлился отъ имперіи вслѣдствіе персидскихъ и арабскихъ завоеваній. Итакъ, употребляя латинскій языкъ, Юстиніанъ представляетъ собой идеалы древняго Рима; точно также онъ является представителемъ древности и въ своихъ воззрѣніяхъ на абсолютную власть императора и на организацію имперіи и сочетаніе различныхъ ея частей подъ водительствомъ божественнаго избранника. Но рядомъ съ этимъ проглядываютъ и черты новаго времени, объясняющіяся частью желаніемъ приспособить законы къ новымъ формамъ жизни и вновь назрѣвшимъ потребностямъ, частью же подъ вліяніемъ христіанства. Въ вопросахъ о личномъ правѣ привносится смягчающій принципъ гуманности (humanitas), а ригоризмъ въ древнемъ вещномъ правѣ уступаетъ требованіямъ общественной пользы и примѣненіемъ naturalis ratio. Приспособляясь къ требованіямъ общественной морали и соціальной справедливости, законодательство измѣнило понятіе о семьѣ. Женщина приравнивается въ правахъ къ мужчинѣ, прежняя безграничная власть мужа уступаетъ мѣсто христіанскому взгляду на взаимныя обязательства между супругами. Точно также измѣняется идея отеческой власти и по отношенію къ дѣтямъ, которыя эмансипирируются въ смыслѣ свободы брака и въ имущественномъ отношеніи. Гуманныя идеи простираются на положеніе рабства, смягчая суровые законы и облегчая способы освобожденія на волю. Въ законѣ о наслѣдствѣ, опредѣлившемъ права на наслѣдованіе имуществомъ для жены, а равно для дочерей и сестеръ, изслѣдователи усматриваютъ революціонный противъ древнихъ воззрѣній принципъ. И слѣдуетъ признать, что законодательная дѣятельность даетъ Юстиніану весьма почетное мѣсто во всеобщей исторіи, которое и оста-

нется за нимъ, несмотря на многія отрицательныя стороны его дѣятельности въ другихъ отношеніяхъ. Нѣсколько разъ и самъ онъ выражалъ мысль о важномъ государственномъ и культурномъ значеніи своихъ законодательныхъ предпріятій и приказалъ, чтобы его законы имѣли обязательную силу по всей имперіи, вытѣснивъ изъ уготребленія всѣ предшествовавшія правовыя нормы. Три высшія школы права: въ Константинополѣ, Римѣ и Бейрутѣ получили, между прочимъ, обязанность слѣдить за чистотой права и заниматься научной разработкой юридическихъ памятниковъ.

Законодательная дѣятельность не ограничилась упомянутыми выше сборниками. Всѣ текущіе вопросы—административные, судебные и финансовые—вызывали рядъ особенныхъ императорскихъ указовъ, которые подъ именемъ новеллъ частью измѣняли, частью дополняли постановленія, заключавшіяся въ Дигестахъ и въ Кодексѣ. Такихъ новеллъ въ періодъ времени отъ 534 до 565 года издано до 154. Онѣ касаются, главнымъ образомъ, администраціи гражданской и церковной, суда, финансовой системы и имѣютъ громадное значеніе для исторіи выработки Византинизма и эволюціи римскаго права и учрежденій. Очень любопытно, между прочимъ, отмѣтить, что новеллы издавались уже на греческомъ языкѣ, а Пандекты и Кодексъ изданы были на латинскомъ. Ясное дѣло, что римская имперія реформировалась уже въ ромэйско-византійскую.

При обзорѣ административной дѣятельности Юстиніана намъ весьма важно будетъ прослѣдить по его новелламъ новыя начала, которыя войдутъ въ основаніе того порядка вещей, что имѣетъ обнаружиться въ VII и въ особенности въ половинѣ VIII вѣка. Но прежде всего бросимъ общій взглядъ на административныя мѣропріятія Юстиніана. Въ короткое время, на разстояніи 12—15 мѣсяцевъ (535—536 гг.), онъ издалъ цѣлый рядъ новеллъ, которыми были затронуты разнообразныя и живыя стороны государственной и общественной жизни. Найдя разстройство въ управленіи, освѣдомившись о жестокихъ бѣдствіяхъ населенія, страдавшаго отъ вымогательства чиновниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, императоръ рѣшился примѣнить весь авторитетъ своей неограниченной власти противъ всѣми сознаваемаго зла. Въ заботахъ объ улучшеніи администраціи онъ идетъ къ расширенію учрежденій и круга служилыхъ лицъ созданіемъ новыхъ органовъ для контроля, надѣленіемъ епископовъ правомъ наблюденія

за гражданскими чинами въ епархіи и, наконецъ, устройствомъ новыхъ инстанцій, въ которыя можно было обращаться съ жалобами на низшихъ чиновниковъ. Разсуждая какъ кабинетный мыслитель и полагая, что всѣ его мѣропріятія будутъ исполнены въ точности, лишь только указы придутъ по назначенію, онъ плодитъ канцелярскія распоряженія, въ которыхъ до самыхъ мелкихъ подробностей разъясняетъ образъ дѣйствій провинціальныхъ судей, сборщиковъ податей и другихъ чиновниковъ. Выставляя главнѣйшее къ нимъ требованіе, чтобы они были „чисты на руку" и не высасывали соки изъ населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ, Юстиніанъ постоянно предъявлялъ къ нимъ требованіе, чтобы они заботились объ исправномъ поступленіи податей, и что ихъ служебное положеніе зависитъ отъ исполненія этого требованія. Чтобы понять весь трагизмъ этой проповѣди о неподкупности и честности, достаточно указать, что въ то время, какъ составлялись подобныя новеллы, въ самомъ дворцѣ продавались за деньги судебныя и административныя должности, и отдавался въ аренду сборъ податей въ провинціяхъ. Хотя въ теченіе своего продолжительнаго царствованія онъ много разъ долженъ былъ возвращаться къ своимъ предписаніямъ, повторять и подтверждать тѣ же самые указы, и хотя уже изъ этого можно бы вывести заключеніе, что рекомендуемые имъ уставы и правила не примѣняются къ жизни, тѣмъ не менѣе, онъ глубоко вѣрилъ въ практическое осуществленіе своей системы и не видѣлъ того, что, казалось бы, такъ легко понять. Многія его новеллы носятъ въ своихъ начальныхъ строкахъ самоувѣренныя выраженія: „намъ удалось при помощи Божіей достигнуть (такихъ-то) успѣховъ", но эти успѣхи были только въ его воображеніи, Юстиніанъ въ этомъ смыслѣ былъ жертвой созданной имъ фикціи. Его громадныя военныя и строительныя предпріятія требовали большихъ денежныхъ средствъ и такихъ тратъ, которыя не покрывались обыкновенными доходами. Чтобы пополнить казну и продолжать несоразмѣрные съ доходами расходы, онъ рѣшался прибѣгать ко всяческимъ средствамъ и вступать въ противорѣчіе съ принципами, имъ же самимъ одобряемыми и рекомендуемыми. Прежде чѣмъ переходить къ конкретнымъ фактамъ, находимъ умѣстнымъ дать здѣсь образецъ законодательныхъ актовъ Юстиніана въ той мысли, что инымъ способомъ нельзя дать понятіе о настроеніи и психикѣ законодателя.

Для образца беремъ новеллу, излагающую вредныя послѣдствія

системы продажи должностей [1]). „Случается, что цѣлыя ночи и дни мы проводимъ безъ сна и въ заботахъ о томъ, чтобы доставить полезное нашимъ подданнымъ и вмѣстѣ угодное Богу. И не напрасно это бодрствованіе, ибо оно ведетъ къ планамъ дать счастливую жизнь, свободную отъ всякихъ попеченій нашимъ подданнымъ и принять на себя заботу обо всѣхъ. Прилагая всяческое изысканіе и тщательное разслѣдованіе, мы придумываемъ способъ, какимъ бы можно было освободить ихъ отъ всякой тяготы и обремененія, исключая тѣ обязанности, какія налагаетъ казенная перепись и справедливое обложеніе. Ибо находимъ въ дѣлахъ большую несправедливость, которая съ недавнихъ поръ стала тѣснить людей и приводить ихъ въ бѣдственное положеніе, такъ что они подвергаются опасности впасть въ крайнюю нищету и не быть въ состояніи уплачивать обычныя и установленныя по казеннымъ описямъ подати. Ибо въ то время, какъ бывшіе прежде насъ цари, а въ подражаніе имъ и епархи, стали пользоваться производствомъ въ должности и чины какъ доходными статьями, какъ могли плательщики, вмѣстѣ съ возникшими отсюда поборами и излишнимъ обремененіемъ, находить средства къ уплатѣ законныхъ и справедливыхъ взносовъ? Итакъ, мы стали обдумывать, какъ бы намъ измѣнить къ лучшему то вредное, что замѣчается въ нашихъ провинціяхъ, и нашли рѣшеніе вопроса въ томъ, чтобы имѣть въ лицѣ администраторовъ, носящихъ гражданскія должности въ епархіяхъ, людей съ чистыми руками, уклоняющихся отъ всякихъ взятокъ и довольствующихся казеннымъ содержаніемъ. Этого не иначе можно достигнуть, какъ если сами они будутъ получать свои мѣста безплатно. Принявъ во вниманіе, что хотя царство наше лишается не малаго дохода, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтается большая польза для нашихъ подданныхъ, если они не будутъ подвергаться поборамъ со стороны своихъ ближайшихъ начальниковъ, мы нашли, что и царство, и казна выиграютъ отъ того, если будутъ состоятельными наши подданные, и что если будетъ принята одна и та же система, то произойдетъ великая и невыразимая польза. Развѣ не ясно для всякаго, что получившій должность за деньги даетъ не только то, что называется правомъ на должность [2]), но долженъ приложить и другое, что вхо-

[1]) „Iustiniani Novellae“ ed. Zachariae a Lingenthal („Bibl. Teubner.“), nov. XVI, p. 93.

[2]) οὐχ αὐτὸ δίδωσι μόνον ὅσον προφάσει τῶν καλουμένων ἐπενοήθη σουφφραγίων. Const., XVI, p. 95.

дить въ многообразное соприкосновеніе какъ съ дающимъ, такъ и съ получающимъ должность... Деньги даются не свои, а полученныя заимообразно, а то, что получается въ долгъ, соединено съ ростомъ; итакъ, слѣдуетъ расчесть, что получившій за деньги должность долженъ возвратить поборами съ провинціи все, что онъ издержалъ на заемъ, на капиталъ и на проценты, равно какъ на всѣ издержки, соединенныя съ этимъ займомъ, присчитать и ту сумму, какую онъ заплатилъ начальнику и его окружающимъ, и что онъ долженъ оставить про запасъ себѣ на будущее время, когда онъ уже не будетъ у власти. Такъ что ему необходимо будетъ собрать съ подчиненныхъ не втрое противъ того, что онъ самъ далъ, а въ десять разъ больше. Вслѣдствіе этого терпитъ ущербъ казна, ибо что должно было бы поступить въ казну, если бы чиновникъ имѣлъ чистыя руки, онъ употребляетъ это въ собственную пользу, дѣлая плательщика нищимъ и относя на нашу отвѣтственность его скудость, хотя самъ виноватъ въ ней. Сколько и другихъ нелѣпостей происходитъ отъ этихъ взятокъ?—Ибо занимающіе провинціальныя должности, если они берутъ взятки, освобождаютъ виновныхъ въ подобномъ же преступленіи, а невиновныхъ присуждаютъ къ наказанію, чтобы сдѣлать угодное виновнымъ. Отъ этого идетъ повальное обращеніе изъ провинціи въ столицу, бѣгутъ сюда съ плачемъ іереи, члены городскихъ курій, военные, ктиторы, димоты и землемѣры, жалуясь на взятки и притѣсненія властей, но этимъ зло не ограничивается, отъ этого происходятъ смуты въ городахъ и движеніе димовъ... (§ 1). Все это обсудивъ и посовѣтовавшись съ данной намъ Богомъ благочестивѣйшей супругой и сообщивъ свое мнѣніе тебѣ [1]), мы издаемъ настоящій законъ, которымъ опредѣляемъ: ни за проконсульство, ни викаріатство, ни за должность комита востока, ни за другую какую власть консульскую ли или игемонскую, которыя обыкновенно называются консулярными и корректорскими, не допускается никакого права голоса и не позволяется давать за должность какое-либо приношеніе, но даромъ возлагать должность и вносить умѣренную плату за знаки власти и письменные акты. Къ настоящему нашему закону присоединяется табель взносовъ, какіе нужно платить за каждую должность какъ въ наше божественное казначейство, такъ и въ приказъ твоего превосхо-

[1]) Новелла дана на имя Іоанна, епарха преторіи и патрикія.

дительства за грамоты, или знаки, или акты (§ 2). Опредѣляемъ, чтобы викарій Азіи и архонтъ Фригіи Пакатіаны не носилъ болѣе этого титула, а именовался просто комитомъ Фригіи Пакатіаны, и чтобы получалъ изъ казны въ счетъ (анноны и капитаціи) хлѣбной и поголовной подати то же, что шло ему съ той и другой должности, такъ что вмѣсто двухъ должностей учреждается одна комитива.—Подобное же узаконеніе дѣлается относительно викарія Понта и архонта первой Галатіи, вмѣсто двухъ учреждается комитъ первой Галатіи. Точно также соединеніе властей распространяется на провинцію Анатолику (§ 5). Провинціальнымъ административнымъ чинамъ (архонты) подчиняется въ провинціи безъ исключенія все населеніе: простой народъ во всѣхъ дѣлахъ денежныхъ и судебныхъ, служащій классъ, хотя бы онъ находился въ подчиненіи у непосредственныхъ начальниковъ, подлежитъ вѣдомству правителя провинціи по дѣламъ гражданскимъ и судебнымъ (§ 6). Административные чины обязываются подъ присягой не давать взятокъ и не обѣщать таковыхъ, въ противномъ случаѣ платятъ вчетверо и лишаются имущества и должности (§ 7). Изглагая въ слѣдующей статьѣ обязанности правителя по отношенію къ населенію, законодатель переходитъ въ роль учителя нравственности и проповѣдника и рисуетъ идеальную картину семьи, въ которой губернатору принадлежитъ роль отца, а подчиненнымъ—послушныхъ дѣтей [1]). По сложеніи съ себя должности, чиновникъ обязывается въ теченіе 50 дней не оставлять провинціи, чтобы дать возможность населенію предъявлять къ нему иски и требовать съ него, если бы онъ чѣмъ несправедливо отъ нихъ попользовался. Мѣстному епископу предоставлялось при этомъ производить словесное дознаніе" (§ 9).

Ставя каждому въ обязанность тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы подати вносились въ казну безъ недоимокъ, законодатель [2]) говоритъ: „Вы должны знать, что военные расходы и преслѣдованіе непріятелей требуютъ большой внимательности и не могутъ быть производимы безъ денежныхъ средствъ и не выносятъ ни малѣйшаго промедленія времени, притомъ же и я не изъ тѣхъ, который бы хладнокровно смотрѣлъ на сокращеніе предѣловъ ромэйской имперіи. Напротивъ,

[1]) Ibid., p. 102: καὶ οὕτως ἄρχοντες τῶν ὑπηκόων ὣς ἂν πατέρες τῶν υἱῶν, ἀγαπῶντες μὲν αὐτοὺς ἀνευθύνους ὄντας...

[2]) Ibid., p. 106.

завоевавъ всю Ливію и поработивъ вандаловъ и съ помощію Божіей надѣясь исполнить и многое другое больше этого, я требую, чтобы казенныя подати поступали безнедоимочно, справедливо и въ опредѣленные сроки" (§ 10). „Великому Богу и Спасу нашему Іисусу Христу всѣ пусть воздадутъ благодарственные гимны за этотъ законъ, который создаетъ для нихъ великія преимущества: жить спокойно въ своихъ отечественныхъ мѣстахъ, съ увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ пользоваться своими имуществами и имѣть справедливыхъ начальниковъ. Ибо и мы съ той цѣлью издали настоящее распоряженіе, чтобы, почерпая силу въ праведномъ законѣ, войти въ тѣсное общеніе съ Господомъ Богомъ и препоручить Ему наше царство, и чтобы намъ не казаться невнимательными къ людямъ, которыхъ Господь подчинилъ намъ на тотъ конецъ, дабы мы всемѣрно берегли ихъ, подражая Его благости. Да будетъ же исполненъ нашъ долгъ передъ Богомъ, ибо мы не преминули исполнить по отношенію къ нашимъ подданнымъ все доброе, что только приходило на умъ. Ибо желая уничтожить эти презрѣнныя и рабскія хищенія и предоставить нашимъ подданнымъ возможность жить въ благополучіи подъ мѣстными властями, мы озаботились тѣмъ, чтобы давать имъ должности безвозмездно, дабы и имъ не повадно было дѣлать преступленія и грабить народъ, ради счастія котораго мы подъяли всякій трудъ, не рѣшаясь брать за образецъ нашихъ предшественниковъ, которые за деньги давали должности, отнимая у самихъ себя возможность требовать справедливости отъ несправедливыхъ властей" (§ 11).

Мы привели почти цѣликомъ содержаніе новеллы. Можно бы задаться вопросомъ, почему законодатель такъ много говоритъ о нравственномъ значеніи своихъ мѣропріятій, и почему къ основной темѣ—запрещеніе давать должности за деньги—привлечено столь много не относящагося къ дѣлу? Если изъ свидѣтельствъ современниковъ намъ доподлинно извѣстно, что продажа должностей продолжалась при Юстиніанѣ со всей свободой и публичностью, то какъ грустно становится при чтеніи прекрасныхъ мыслей и нравственныхъ правилъ, бросаемыхъ на вѣтеръ и ничѣмъ не связывающихъ самого законодателя? Но въ новеллѣ, кромѣ сентенцій, есть реальные факты, которые вводятъ въ дѣйствительную жизнь, и съ которыми слѣдуетъ считаться.

Въ смыслѣ конкретныхъ фактовъ, въ новеллахъ довольно по-

слѣдовательно проведена система административныхъ преобразованій, вмѣстѣ съ которыми введены новыя начала въ управленіе провинціями. Эта сторона дѣятельности Юстиніана тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ ней можно видѣть подготовительную стадію къ позднѣйшимъ реформамъ, осуществленнымъ императорами иконоборческаго періода. Именно, отказавшись отъ старой системы дробленія административныхъ округовъ на незначительныя по протяженію территоріи, на которыхъ притомъ же гражданская и военная власть дѣлилась между двумя начальниками, независимыми одинъ отъ другого, Юстиніанъ расширилъ административные округа, сплотивъ ихъ въ сильныя территоріальныя единицы посредствомъ подчиненія двухъ провинцій власти одного генералъ-губернатора съ предоставленіемъ ему военной, гражданской и судебной власти. Этимъ преобразованіемъ, съ одной стороны, усиленъ былъ авторитетъ провинціальныхъ чиновъ посредствомъ поднятія служебнаго ранга и получаемаго губернаторомъ отъ казны содержанія, съ другой—самыя провинціи вслѣдствіе этой мѣры получили болѣе устойчивое положеніе и до извѣстной степени стали дѣятельнѣй въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними бѣдствіями, разъѣдавшими имперію. Подразумѣваемыя реформы касались по преимуществу восточныхъ провинцій: Писидіи, Ликаоніи, Исавріи, Еленопонта, Пафлагоніи, Арменіи, Азіи, Фригіи, Галатіи, Анатолики, Египта и нѣкоторыхъ европейскихъ, какъ Ѳракія. Относящіяся сюда новеллы, сообщая нѣкоторыя спеціальныя свѣдѣнія о провинціяхъ, позволяютъ вникнуть въ цѣли и намѣренія законодателя, руководившагося, между прочимъ, соображеніями о племенныхъ группахъ населенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даютъ живое представленіе о томъ типѣ власти, какой рисовался въ умѣ Юстиніана. Позволяемъ себѣ привести новеллу, касающуюся преобразованія Писидіи, съ которой начинаются преобразовательные опыты императора[1]).

„Никогда бы, думаю, и старые римляне не были въ состояніи составить свою обширную имперію при посредствѣ малыхъ и незначительныхъ административныхъ органовъ, и чрезъ нихъ всю, такъ сказать, вселенную захватить и привести въ порядокъ, если бы они, системой снаряженія въ провинціи высшихъ сановниковъ, не пріобрѣли авторитетнаго и почетнаго положенія и не предоставили

[1]) Novella XXIII (24), p. 152.

гражданской и военной власти такимъ людямъ, которые оказались способны пользоваться той и другою. Такіе начальники носили имя преторовъ, имъ предоставлялась и административная и законодательная власть [1]), почему и судебныя учрежденія стали называться преторіями. Размышляя объ этомъ, снова вводя въ управленіе древніе обычаи, воздавая почтеніе ромэйскому имени и усматривая, что въ необширныя провинціи назначаются нынѣ двѣ власти, и ни которая изъ нихъ не отвѣчаетъ своему назначенію, почему въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ есть гражданскій и военный начальникъ, всегда происходятъ между тѣмъ и другимъ раздоры и распри изъ-за широты власти, мы пришли къ рѣшенію соединить ту и другую власть, т.-е. военную и гражданскую, въ одну схему и дать получившему такое назначеніе снова наименованіе претора, такъ что онъ и предводительствуетъ военными отрядами, расположенными въ этой области, и пользуется вышеупомянутымъ званіемъ, и издаетъ законы, что было издавна привилегіей преторовъ, и пользуется содержаніемъ, присвоеннымъ той и другой должности, и полицейскимъ отрядомъ въ 100 человѣкъ [2]). Такъ онъ поддержитъ свой авторитетъ и будетъ внушать страхъ разбойникамъ и обидчикамъ. Что онъ долженъ имѣть чистыя руки, объ этомъ говорено въ недавно изданномъ законѣ. Почему мы прилагаемъ этотъ законъ прежде всего для Писидіи, это потому, что у прежнихъ хронографовъ мы нашли извѣстіе, что во всей странѣ господствовало писидское племя, и нынѣ, по нашему мнѣнію, эта страна нуждается въ большей и сильнѣйшей власти, поелику въ ней находятся большія и многонаселенныя деревни, которыя часто между собой находятся въ борьбѣ, и поставить твердую власть въ этихъ разбойническихъ мѣстахъ, гдѣ на одной вершинѣ Лика находится убѣжище ликокранитовъ. Въ эту область нужно являться не мирнымъ порядкомъ, а военнымъ.

Назначенный на такую должность чиновникъ (мѣсто жалуется всегда даромъ, дабы и онъ всегда былъ непричастенъ взятокъ и довольствовался казеннымъ содержаніемъ) долженъ относиться къ своимъ подвластнымъ справедливо, нелицепріятно и рѣшительность растворять человѣколюбіемъ. Онъ заботится объ изгнаніи изъ обла-

---

[1]) Nov. 24, p. 153: ἐπιτρέψαντές τε αὐτοῖς καὶ τὰ πολιτικὰ διοικεῖν καὶ τὰ περὶ τῶν νόμων γράφειν.

[2]) Ibid., p. 153: τάξει δὲ χρῆσθαι μιᾷ ταξεωτῶν ἑκατόν.

сти проступковъ человѣкоубійства, блуда, похищенія дѣвъ и объ уничтоженіи всяческой неправды, и долженъ наказывать по нашему закону тѣхъ, кто окажется виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ, и никому не дѣлать поблажки, но по отношенію ко всѣмъ соблюдать одинаковую справедливость, согласно нашимъ законамъ, и пріучать нашихъ подданныхъ жить и управляться по законамъ. Такъ что не позволяется жителямъ провинціи приходить сюда изъ-за неважныхъ дѣлъ и утруждать насъ, но прежде долженъ выслушать и разобрать дѣло самъ правитель (§ 2). Обязанности его не ограничиваются вышеизложеннымъ, на его попеченіе возлагается благосостояніе городовъ. Онъ долженъ наблюдать за дѣлами городовъ и не допускать, чтобы они терпѣли въ чемъ ущербъ: исправлять каналы для воды, наблюдать за исправностью мостовъ, стѣнъ и дорогъ; принимать мѣры, чтобы бывающіе въ области сборщики не обременяли въ чемъ нашихъ подданныхъ и не усвоивать себѣ недавно укоренившагося дурного обычая издавать распоряженія на счетъ стѣностроительства и исправленія путей и другихъ безчисленныхъ поводовъ... Съ цѣлью снова видѣть провинціи густо населенными и въ видахъ достиженія того, чтобы стекающаяся сюда масса народа не опасалась возвратиться въ мѣста своего обитанія изъ-за злобы мѣстныхъ властей, мы постановили закономъ, чтобы твое превосходительство пользовалось соединенной властью надъ Писидіей, военной и гражданской и одинаково имѣло заботу о гражданскомъ и военномъ управленіи (§ 3).

„Титулъ назначаемаго въ Писидію администратора будетъ преторъ Юстиніанъ Писидіи. Ему подчиняется преторіанская стража или полицейскій отрядъ въ сто человѣкъ. Отличія власти его [1]): серебряное кресло, сѣкира и связка прутьевъ и военная власть. Для того пожалована ему власть надъ военными людьми, чтобы онъ училъ ихъ и упражнялъ, и приготовлялъ къ дѣйствіямъ противъ разбойниковъ, и укрощалъ нравы нашихъ подданныхъ, и не позволялъ городамъ производить смуту и жителямъ деревень слишкомъ вольничать по отношенію къ казеннымъ интересамъ [2]). Власть претора Писидіи вносится въ рангъ сіятельныхъ архонтовъ, такъ что всѣ привилегіи, свойственныя прежнимъ викаріямъ, а нынѣшнимъ комитамъ юстиніановскимъ

1) Ibid., p. 157: καὶ παντα ἕξει τὰ τῆς ἀρχῆς παράσημα.

2) P. 158: καὶ μήτε τὰς πόλεις στασιάζεσθαι συγχωρεῖν, μήτε τοὺς κωμήτας ἀπαυθαδιάζεσθαι πρὸς τὸ δημόσιον.

Фригіи, Пакатіаны и первой Галатіи и комиту Востока, усвоятся и ему. Онъ носитъ титулъ сіятельнаго архонта, и возбуждаемыя имъ апелляціонныя дѣла разбираются здѣсь, будучи вносимы въ судъ епарха и заслушаны въ присутствіи квестора нашего божественнаго двора (§ 4). Содержаніе претору Писидіи съ поголовнаго и хлѣбнаго обложенія солидовъ 300".

Приведенное содержаніе новеллы о назначеніи и правахъ претора Писидіи можетъ быть разсматриваемо въ смыслѣ гораздо болѣе широкомъ, такъ какъ оно легко прилагается къ губернаторамъ всѣхъ провинцій, которыя подверглись преобразованію въ этотъ періодъ. Такимъ образомъ, съ тѣми же самыми цѣлями усилены были сосѣднія съ Писидіей провинціи: на востокѣ Ликаонія, на югѣ Памфилія (см. карту имперіи). Пріобрѣтаютъ интересъ лишь нѣкоторыя подробности, какія законодатель находилъ нужнымъ вставить въ издаваемые имъ акты. Такъ, въ новеллѣ, трактующей о правахъ и обязанностяхъ модератора Еленопонта [1]), Юстиніанъ даетъ свѣдѣнія о сдѣланныхъ имъ пріобрѣтеніяхъ у Кавказскихъ горъ. Двѣ провинціи, Понтъ Полемона и Еленопонтъ, расположены были по южному побережью Чернаго моря, отъ Синопа на востокъ. Признавая, что обѣ эти провинціи, заключавшія въ себѣ 13 городовъ, не были значительны, и что соединеніемъ ихъ въ одно управленіе можетъ быть достигнута польза для обѣихъ областей, Юстиніанъ присоединяетъ, что за границей византійской провинціи пріобрѣтены имъ Лазика съ городомъ Петрой, равно какъ у персовъ отнятые города [2]), находившіеся, по всей вѣроятности, въ такъ называемой персидской Арменіи. Затѣмъ слѣдовала земля Цановъ и независимыя племена: сванеты, скимны, апсилы и авазги. При организаціи провинціи Арменіи законодатель упоминаетъ о варварскомъ законѣ, въ Арменіи дѣйствующемъ, по которому женщины исключаются изъ права наслѣдованія. Вводя обязательно дѣйствовавшія въ имперіи по этому вопросу законоположенія, Юстиніанъ прибавляетъ: „для того и послали мы къ нимъ наши законы, чтобы согласно съ ними они устраивали свою жизнь" [3]). Но въ организаціи Арменіи былъ нарушенъ принципъ централизаціи, какъ это видно изъ устройства

---

1) Nov. XXXI (28), p. 191.
2) Ibid. 192.
3) Nov. XXXIII, p. 206.

четырехъ провинцій этого имени [1]). Лежащія ближе къ Константинополю черноморскія провинціи Гоноріада и Пафлагонія также подверглись преобразованію и подчинены одной гражданской и военной власти въ лицѣ претора Пафлагоніи. Эта провинція находилась въ сосѣдствѣ съ Виѳиніей, и уже при Юстиніанѣ границы ихъ не имѣли строгаго раздѣленія [2]).

Какъ въ самой редакціи новеллы нельзя не видѣть нѣкоторой неупорядоченности, выражающейся въ многословіи и въ частыхъ повтореніяхъ уже сказаннаго, такъ и въ практическомъ ихъ примѣненіи замѣчается неустойчивость. Императоръ не разъ прибѣгалъ къ отмѣнѣ ранѣе принятыхъ распоряженій, хотя бы, напримѣръ, въ организаціи Еленопонта и Арменіи, то соединяя, то снова раздробляя разъ установленныя провинціи. Между разсматриваемыми законодательными памятниками наиболѣе выражаетъ характеръ Юстиніана его эдиктъ объ управленіи Египта и Александріи [3]). Реформы управленія въ Африкѣ введены были съ 1 сентября 534 года.

Во главѣ гражданскаго управленія провинціи поставленъ префектъ преторіи, которому подчинены всѣ области гражданской жизни: администрація, законодательство, правосудіе и финансы. Огромный штатъ чиновниковъ и семь административныхъ округовъ служили внѣшнимъ выраженіемъ вновь созданнаго порядка вещей. Стоитъ остановиться здѣсь вниманіемъ на томъ, что въ Африкѣ проведено было Юстиніаномъ полное раздѣленіе гражданской и военной власти, между тѣмъ какъ въ то же самое время въ Азіи и частью въ Европѣ рядомъ новеллъ устанавливаются абсолютная пригодность и неизбѣжность для блага имперіи централизаціи провинціальныхъ административныхъ округовъ и соединеніе военной и гражданской власти въ однѣхъ рукахъ,—таковъ основной мотивъ разсмотрѣнныхъ выше законовъ, изданныхъ въ 535 и въ ближайшіе годы. И тѣмъ любопытнѣй это явленіе, что Африка была недавно завоевана и нуждалась въ сильной военной охранѣ. Фактически, однако, теоретическая постановка дѣла скоро была замѣнена входившимъ по всей имперіи въ обычай соединеніемъ гражданской и военной власти. И дѣйствительно, начиная уже съ 535 года, какъ префектъ Соломонъ былъ

[1]) Nov. XLV (31), p. 277.
[2]) Ibid., p. 200.
[3]) Nov. XCVI, a. 538, p. 529.

главнокомандующимъ всей африканской арміи, такъ и смѣнившій его въ 536 г. патрикій Германъ, племянникъ Юстиніана, совмѣщалъ въ себѣ всю полноту гражданской и военной власти.

Можно такимъ образомъ полагать, что, несмотря на внѣшнія формы, въ существѣ та же эволюція совершается и въ Африкѣ, что и въ другихъ частяхъ имперіи. Здѣсь ходъ вещей привелъ къ образованію особой степени централизаціи гражданской и военной власти въ лицѣ экзарха [1]).

Упомянутый выше эдиктъ касается одной части африканской діоцезы, именно Египта, и обращаетъ на себя вниманіе по спеціальному значенію Египта и Александріи для Константинополя. Имѣемъ въ виду то обстоятельство, что Египетъ игралъ важную роль въ хозяйствѣ имперіи, такъ какъ хлѣбное продовольствіе Константинополя зависѣло, главнымъ образомъ, отъ своевременнаго и правильнаго подвоза хлѣба изъ египетскихъ портовъ и преимущественно изъ Александріи. Понятна поэтому забота правительства хорошо поставить эту столь важную статью египетской администраціи. И дѣйствительно, въ приводимомъ ниже законѣ встрѣчаемъ весьма любопытныя подробности какъ вообще о генералъ-губернаторѣ двухъ провинцій подъ именемъ Египта I и II и вмѣстѣ города Александріи, такъ и объ организаціи поставки хлѣбныхъ грузовъ, которая вводитъ насъ въ существо этого первостепеннаго въ жизни столицы имперіи вопроса. „Если отъ нашего вниманія не ускользаютъ и самыя незначительныя дѣла, то тѣмъ больше вниманія мы должны удѣлять важнымъ вопросамъ, имѣющимъ государственное значеніе, и не оставлять ихъ безъ должнаго разсмотрѣнія и упорядоченія. Итакъ, принимая во вниманіе, что въ прежнее время казенные сборы пришли въ такое замѣшательство въ египетскомъ округѣ, что здѣсь положительно не имѣли представленія о состояніи этого дѣла въ странѣ, мы удивлялись безпорядочному веденію ея, пока Господь не благоволилъ предоставить его нашему попеченію. Доставка хлѣба изъ Египта совсѣмъ пріостановилась; плательщики утверждаютъ, что съ нихъ все стребовано, деревенскіе старосты [2]), обыватели, сборщики и, въ особенности, мѣстныя власти такъ запутывали это дѣло, что оно никому не могло быть извѣстнымъ, оставаясь выгоднымъ для всѣхъ непосредственно къ нему при-

[1]) Diehl, „L'Afrique byzantine“, p. 117, 453.

[2]) Nov. XCVI (p. 529): οἱ παγάρχοι.

косновенныхъ. Итакъ, въ убѣжденіи, что намъ никогда бы не удалось освѣтить и надлежащимъ образомъ поставить это дѣло, если бы оставили его не выдѣленнымъ изъ состава другихъ дѣлъ, мы рѣшились августалія, завѣдующаго управленіемъ Египта, ограничить въ области его вѣдѣнія и направить его вниманіе на скромныя заботы. Вслѣдствіе того повелѣваемъ, чтобы августалій властвовалъ какъ Александріей, такъ и обѣими провинціями Египта, за исключеніемъ городовъ Менелаита и Мареота. Такъ какъ Александрія есть большой и много населенный городъ, то августалію принадлежитъ въ немъ и военная власть, дабы не было раздѣленія на двѣ власти, и дабы одинъ мужъ владѣлъ этимъ постомъ, имѣя подъ своей командой и всѣхъ стратіотовъ, какъ расположенныхъ въ Александріи, такъ и въ обоихъ Египтахъ (§ 1). Онъ долженъ имѣть попеченіе о благосостояніи города и предупреждать могущіе быть въ немъ безпорядки. Въ его личномъ подчиненіи находится отрядъ военныхъ людей въ составѣ 600 человѣкъ (§ 2). Повелѣваемъ, чтобы главной заботой чиновника, имѣющаго титулъ августалія, была правильная организація дѣла перевозки хлѣбныхъ грузовъ, такъ что какъ самъ сіятельный августалій, такъ и подчиненный ему военный отрядъ, подъ личной отвѣтственностью и подъ гарантіей имущественной, всю заботу полагаетъ на то, чтобы собрать указанный хлѣбный грузъ и послать его въ установленное время. Онъ обязанъ какъ стребовать хлѣбные взносы съ Египта, такъ неукоснительно принять хлѣбъ и погрузить на суда и своевременно отправить его въ столицу въ томъ количествѣ, какое установлено хлѣбнымъ закономъ. Точно также и тотъ продовольственный запасъ, который мы жалуемъ городу Александріи, онъ долженъ собирать съ Египта и съ другихъ мѣстъ и употреблять его на содержаніе города (§ 4). Что касается хлѣба, доставляемаго изъ мѣстъ, ему не подчиненныхъ, онъ безъ промедленія долженъ принимать его и направлять въ столицу, принимая самыя строгія мѣры, чтобы не производилось вывоза изъ подчиненныхъ ему городовъ и епархій, ни изъ мѣстъ и пристаней и устьевъ рѣкъ, прежде чѣмъ хлѣбный караванъ не отойдетъ отъ города Александріи, развѣ только по особенному разрѣшенію нашего величества или по распоряженію твоего приказа (§ 5). Если же, однако, египетскій хлѣбъ не будетъ отправленъ изъ Александріи въ столицу до истеченія августа мѣсяца, и если Александрія не будетъ снабжена продовольствіемъ въ

сентябрѣ мѣсяцѣ, да будетъ извѣстно, что твое управленіе подвергается штрафу по разсчету въ одну номисму на каждыя недостающія три артавы—одинаково чиновникъ и простой обыватель и его наслѣдники и замѣстители, пока не взыскана будетъ вся недостающая сумма—на три артавы одна номисма (§ 6). Поелику же забота о поставкѣ хлѣбнаго каравана нераздѣльно связана съ статьей о корабельной подати, необходимо и объ этомъ поставить рѣшеніе, чтобы всему предпріятію удѣлить должное вниманіе. И прежде всего лицо, приставленное для сбора пошлины съ кораблей, не имѣетъ права вмѣшиваться во всѣ роды казенныхъ пошлинъ и нѣкоторымъ плательщикамъ дѣлать поблажки за уплату взятки, и вслѣдствіе этого наносить ущербъ казнѣ, а съ другихъ брать пошлину свыше мѣры и, такимъ образомъ, вносить въ это дѣло безпорядокъ (§ 7). Такъ какъ твоя неусыпная заботливость поставила насъ въ извѣстность, что всего въ александрійской гавани собирается съ кораблей восемь миріадъ номисмъ (80.000), и что хлѣбный караванъ составляетъ восемьсотъ миріадъ [1]) (т.-е. восемь милліоновъ), постановляемъ, чтобы сборщику корабельнаго выдавалась сумма въ 80.000 номисмъ съ подчиненныхъ провинцій, городовъ и мѣстъ. Такимъ образомъ, сіятельный августалій и подчиненный ему полицейскій отрядъ произведутъ сборы съ городовъ, мѣстъ и лицъ корабельной пошлины, назначенной съ Александріи и двухъ Египтовъ. Эта сумма собирается подъ личной отвѣтственностью августалія и сборщика корабельной пошлины, который распоряжается съ ней по установленному обычаю и выдаетъ плату корабельщикамъ за поставку хлѣбнаго каравана“ (§ 8).

Пропуская затѣмъ нѣсколько статей, касающихся общихъ мѣръ по отношенію къ сбору податей съ Египта, назначенныхъ въ государственное и частно царское казначейство, остановимся еще на нѣкоторыхъ спеціальныхъ постановленіяхъ, знакомящихъ съ хозяйствомъ города Александріи.

„Считаемъ необходимымъ внести въ настоящій законъ и нижеслѣдующее. Твоя свѣтлость, производя тщательное изслѣдованіе о городѣ Александріи, сдѣлала открытіе акта изъ времени царя Анастасія, когда Маріанъ, стоявшій во главѣ провинціи, составилъ окладной листъ города, въ которомъ обозначилъ въ отдѣлѣ расходовъ на

1) Нужно понимать хлѣбныхъ мѣръ.

различныя статьи расходъ въ тысячу четыреста шестьдесятъ девять золотыхъ [1]), то-есть, 492 золотыхъ на общественныя бани, 419 на такъ называемый антиканѳаръ, $558^1/_2$ сборщику корабельной пошлины, всего 1469 золотыхъ. По этой статьѣ есть сбереженіе въ пользу города 100 номисмъ, да за 36 жеребятъ, по обычаю жертвуемыхъ августаліемъ городскому ипподрому, 320 золотыхъ. Но съ теченіемъ времени, лѣтъ 15 назадъ, по нерадѣнію однихъ, по преступности другихъ и по мошенничеству большинства, денежные взносы начали падать, такъ что и общественныя бани лишились указанной выше суммы, и корабельная пошлина своей доли въ $558^1/_2$ номисмъ. Поводомъ для этого были разныя изъятія, сдѣланныя ими нашимъ дворомъ, или твоимъ приказомъ, вслѣдствіе чего начался безпошлинный вывозъ посуды и другихъ товаровъ, подлежащихъ вывозной пошлинѣ, ради чего стали уменьшаться доходы (§ 15).

„Повелѣваемъ не дѣлать никакихъ нововведеній противъ прежнихъ установленій и держаться порядка, бывшаго до времени Стратигія [2])... Но изъ всей суммы 1889 номисмъ сложить въ пользу города 369 золотыхъ и вносить по этой статьѣ лишь 1520 золотыхъ, изъ коихъ 320 золотыхъ отсчитывается въ пользу августалія за тѣхъ 36 жеребятъ, которыхъ онъ по старому обычаю долженъ выдавать управленію александрійскаго ипподрома, остающіяся же 1200 номисмъ засчитываются ему же въ содержаніе (§ 16)". — Далѣе законодатель переходитъ къ дукату Ливіи, центръ управленія коего находился въ городѣ Паратоній [3]). Такъ какъ дукатъ этотъ не могъ своими средствами покрывать всѣхъ расходовъ по управленію, то къ нему были присоединены два города изъ провинціи 1-й Египетъ: Мареотъ и Менелаитъ. Относящаяся сюда статья новеллы пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ виду данныхъ, изложенныхъ въ (§ 19). „Дабы не подать повода къ изворотамъ, и дабы не говорили, что издержки не соотвѣтствуютъ количеству доходовъ, мы обозначимъ дѣйствительный канонъ идущихъ въ твой приказъ взносовъ съ указанныхъ провинцій и мѣстъ, т.-е. съ Ливіи и городовъ Мареота и Менелаита, и какія пред-

---

1) Nov. XCVI, p. 545: ἐν ᾗ πυκτῇ ἀπεγράψατο τὸν τοῦ ἐξαγωγίου τίτλον ἐκφέροντα διαφόροις αἰτίαις χιλίους χρυσοὺς οὕτως. Точная цифра возстановляется на основаніи дальнѣйшаго текста.

2) Это былъ комитъ Sacrarum largitionum въ 535 г.

3) На Западъ отъ Александріи, на берегу моря.

стоитъ дѣлать издержки на содержаніе дуки и подчиненнаго ему полицейскаго отряда и на выдачи лицамъ и учрежденіямъ (*τὰ σολέμνια*) и на содержаніе военныхъ людей. Такъ какъ августалій не имѣетъ власти надъ упомянутымъ дукой и подчиненными послѣднему мѣстами, то дука и гражданскій правитель Ливіи имѣетъ всю власть въ этой области и по судебнымъ дѣламъ, и по сбору податей, такъ что Ливія подчинена власти дуки, и всѣ жители страны, и землевладѣльцы, и живущіе на ихъ участкахъ, хобя бы жили они въ другихъ провинціяхъ, и только владѣнія ихъ находились въ областяхъ, подвластныхъ дукѣ". Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ изложеніи статьи оказались пропуски.

По отношенію къ доставкѣ хлѣбнаго каравана дополнительныя данныя имѣются въ 22-й статьѣ, трактующей о ѳиваидскомъ дукатѣ, которому такъ же, какъ и Ливіи, усвоено наименованіе limes, пограничная область (по-гречески *λιμιτόν*), и который имѣетъ въ своей области всю широту власти, какъ августалій. Мѣсто о хлѣбномъ караванѣ читается такъ: „На немъ лежитъ забота и отвѣтственность всемѣрно и прежде всего собирать хлѣбъ для хлѣбнаго каравана и высылать его для передачи августалію Александріи и неукоснительно содѣйствовать тому, чтобы въ указанные сроки... весь хлѣбъ, идущій съ его провинцій, мѣстъ и городовъ и назначенный для хлѣбнаго каравана, посылаемаго въ столицу, безъ задержки былъ препровождаемъ къ мѣсту своего назначенія. Предназначенный для отсылки хлѣбъ долженъ быть мѣрою нагруженъ на рѣчныя суда въ срокъ по 9-е число августа и доставленъ въ Александрію не позже 10-го сентября и сданъ августалію или уполномоченнымъ на то отъ него лицамъ, а часть хлѣба, получаемая на продовольствіе Александріи, должна быть доставлена не позже 15 октября. Въ случаѣ же, если къ назначенному сроку не доставленъ будетъ хлѣбъ, то на каждыя три артавы недоставленнаго хлѣба будетъ стребована 1 номисма. Таковая отвѣтственность лежитъ на немъ не пожизненно только и не на время нахожденія у власти, но остается на немъ и тогда, когда онъ будетъ частнымъ лицомъ и по смерти переходитъ на его наслѣдниковъ" (§ 22).

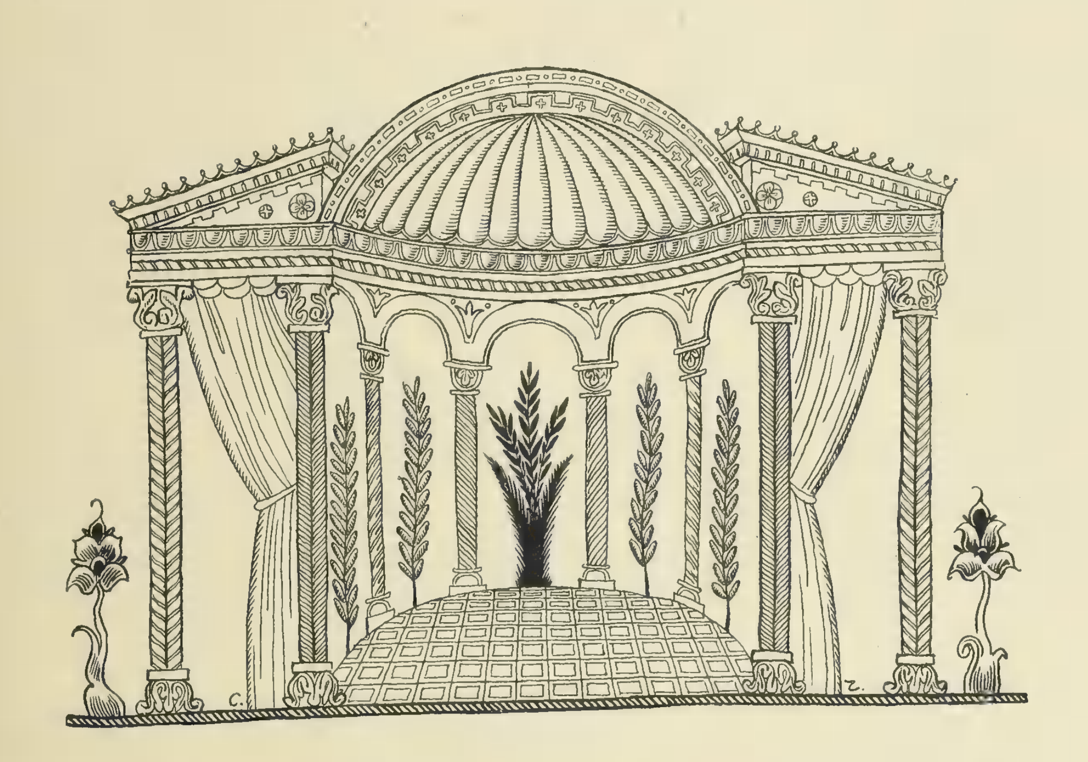
Новеллы составляютъ весьма благодарный и не вполнѣ еще использованный матеріалъ для администраціи и вообще внутренняго состоянія Византіи въ изучаемый періодъ. Разсмотрѣніе преобразова-

тельныхъ опытовъ Юстиніана по администраціи приводитъ насъ къ заключенію, что строго проведенной системы и плана въ этой области едва ли можно замѣтить; императоръ, правда, высказываетъ мысль, что власть должна быть импозантна, обладать авторитетомъ, что раздѣленіе провинцій на мелкіе административные округа вредитъ дѣлу, но не замѣтно у него послѣдовательности въ примѣненіи къ дѣлу этого принципа. Такъ, появляются четыре Арменіи и притомъ на восточной окраинѣ, въ сосѣдствѣ съ Персіей и кавказскими полузависимыми племенами; прибавимъ, что и въ администраціи Египта строго проведена лишь та мысль, чтобы была обезпечена правильность подвозки въ столицу хлѣбныхъ запасовъ и ни разу не указана необходимость перехода къ той формѣ управленія, которая выразилась въ созданіи экзархата въ концѣ VI вѣка. Что касается цифровыхъ данныхъ относительно корабельныхъ пошлинъ, собираемыхъ въ Александріи, и количества хлѣба, доставляемаго въ столицу, равно какъ другихъ расходныхъ статей, обозначенныхъ въ номисмахъ или золотыхъ, то слѣдуетъ принять въ соображеніе, что фунтъ золота имѣлъ 72 номисмы или золотыя монеты, и каждая номисма представляла цѣнность отъ 4 до 5 рублей. Чтобы дать себѣ, далѣе, приблизительную идею объ относительной, примѣнительно къ тогдашнему времени, цѣнности металла, нужно увеличить стоимость монетной единицы въ четыре раза.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о церковной политикѣ Юстиніана. Стоя на стражѣ церковнаго единства, онъ долженъ былъ вести борьбу съ двумя главными еретическими теченіями своего времени: монофизитствомъ и аріанствомъ. Аріанство было представлено двумя націями германскаго корня—и оба народа были стерты, сметены съ лица земли: въ Африкѣ и на нѣкоторое время въ Италіи церковь вернула себѣ прежнее единство. Нѣтъ ничего пріятнѣе Богу, высказывалъ Юстиніанъ, какъ соединеніе всѣхъ христіанъ въ одно стадо. Средоточіемъ монофизитскаго движенія является Сирія, Палестина и Египетъ. На эти цвѣтущія провинціи направлена была церковная политика Юстиніана. Въ отношеніи къ еретикамъ свѣтское законодательство дѣйствовало по правилу: справедливо лишать благъ земныхъ того, кто не почитаетъ истиннаго Бога. Правительство употребляло противъ еретиковъ мѣропріятія матеріальнаго воздѣйствія—ограниченіе въ имущественныхъ правахъ и конфискацію. Без-

пощадное примѣненіе такого рода системы разорило и обезлюдило Сирію. Въ началѣ царствованія Юстиніана пострадало въ одной Сиріи до 50 монофизитскихъ епископскихъ церквей. Епископы были лишены каѳедръ, ихъ церкви понесли страшный матеріальный уронъ. Послѣдовательное примѣненіе системы безпощаднаго преслѣдованія монофизитовъ въ теченіе долговременнаго правленія Юстиніана въ концѣ погубило цвѣтущую и важную провинцію. Лишь Ѳеодора давала гонимымъ монофизитамъ нѣкоторый отдыхъ. Для характеристики того, какъ понималъ Юстиніанъ вѣроисповѣдную свободу въ отношеніи еретиковъ, припомнимъ, что всѣ дѣла о религіи и о всемъ съ нею связанномъ подлежали церковному суду, монофизиты судились православными епископами и монахами. Особенно монашество заняло въ V и VI ст. руководящее положеніе въ области церковной политики, и его вліяніе было направлено въ сторону крайнихъ мѣръ противъ еретиковъ. Съ мнѣніемъ монаховъ считались государи. Симеонъ Стилитъ, подвизавшійся 40 лѣтъ на столпѣ, принималъ пословъ отъ Ѳеодосія и Пульхеріи, привозившихъ ему царскія грамоты, и давалъ правительству свои совѣты по церковнымъ дѣламъ. Между тѣмъ всѣ вопросы церковной политики имѣли для имперіи въ VI ст. крайне важное и деликатное значеніе. Съ ними были связаны жизненные интересы всего Востока, особенно Сиріи. Правительство само упоминало въ похвалу себѣ, что до 70—80000 еретиковъ было изгнано изъ Сиріи. Страна должна была запустѣть. Насильственное, вызванное религіозными гоненіями опустошеніе Сиріи, и до сихъ поръ можетъ быть засвидѣтельствовано состояніемъ опустѣвшихъ городовъ и селеній. Въ безлюдныхъ и безводныхъ пустыняхъ Сиріи попадаются селенія и помѣщичьи виллы, съ окнами и галлереями кругомъ домовъ, съ террасами и лѣстницами и съ различными службами, производящія на путешественника такое впечатлѣніе, что какъ-будто жившее въ нихъ населеніе лишь недавно покинуло эту мѣстность, оставивъ свои дома подъ угрозой какой-то опасности. Но Сирію обезлюдило не персидское или арабское нашествіе, но религіозное преслѣдованіе. Религіозная политика Юстиніана подготовила порабощеніе этой страны арабами. Въ то время, какъ гонимые православными, монофизиты массами покидали Сирію и искали пріюта въ Персіи и Египтѣ, до 500 монофизитствующихъ монаховъ пришли въ столицу, гдѣ императрица Ѳеодора дала имъ покровительство и

пріютъ. Она обратила въ монастырь дворецъ Ормизды, гдѣ гонимые монофизиты нашли себѣ пристанище. Источники повѣствуютъ (Іоаннъ Ефесскій), какъ императоръ иногда посѣщалъ эту новую обитель, основанную въ его же дворцѣ для гонимыхъ имъ еретиковъ. Такова неискренность политики императора, особенно рельефно проявившаяся въ церковныхъ дѣлахъ.



ГЛАВА IX.

ОБЛОЖЕНІЕ ЗЕМЛИ ПОДАТЯМИ. ЗЕМЕЛЬНЫЙ КАДАСТРЪ ПРИ ЮСТИНІАНѢ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ.

Выяснить тѣ условія, въ которыхъ находилось провинціальное населеніе имперіи, и оцѣнить экономическія средства управляемаго чиновниками Юстиніана государства, покрывавшія громадные расходы на его военныя и строительныя предпріятія, представляется хотя и весьма любопытной, но недостижимой по состоянію источниковъ задачей. Въ новеллахъ мы видѣли примѣненіе всяческихъ карательныхъ средствъ и угрозъ, которымъ подвергается не только самъ нечистый на руку правитель, но и его наслѣдники—съ цѣлью не допустить ни малѣйшаго ущерба казеннаго добра, но фактически эти суровыя мѣры не измѣняли нравовъ и входили въ обычный административный обиходъ того времени. Такъ какъ помимо таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ съ торговыхъ людей и корабельныхъ взносовъ, о значеніи коихъ можно судить по количеству суммъ, собираемыхъ съ хлѣбнаго каравана въ Александріи, главныя матеріальныя средства государство заимствовало изъ земельнаго налога, то понятно, что Юстиніанъ въ своихъ заботахъ о финансовыхъ средствахъ имперіи долженъ былъ серіозно считаться съ системой принятаго въ имперіи обложенія земель и способами практическаго осуществленія этой системы. Дѣйствительно, въ новеллахъ Юстиніана неоднократно находимъ требованіе, чтобы сборщики податей соображались съ мѣстной писцовой книгой и съ описями крестьянскихъ имуществъ и обязательно выдавали расписки или квитанціи въ полученіи земельнаго налога съ точнымъ обозначеніемъ участка и суммы, идущей съ него въ казну.

Это приводитъ насъ къ вопросу о провинціальномъ цензѣ и къ системѣ римскаго земельнаго обложенія. Въ общихъ чертахъ цѣль провинціальнаго ценза состояла, во-первыхъ, въ исчисленіи населенія и въ раздѣленіи его на классы по возрастамъ—въ цѣляхъ раскладки податей и рекрутской повинности; во-вторыхъ, въ приведеніи въ извѣстность количества земли и хозяйственныхъ статей, подлежащихъ обложенію. Оба эти понятія и заключаются въ выраженіи *ἀπογραφή* и descriptio. Но существенная и болѣе важная задача ценза заключалась въ установленіи нормы обложенія земли налогомъ. Для этого требовалось опредѣлить, такъ сказать, правовую качественность отдѣльныхъ участковъ, т.-е. отдѣлить государственныя земли отъ общинныхъ и частновладѣльческихъ и затѣмъ произвести измѣреніе и обмежеваніе каждаго участка. Наконецъ, предстояло выяснить общую квалификацію земли по ея качественности, производительности и доходности, дабы югеръ виноградной плантаціи [1]) и югеръ плохой пахотной земли не обложить одинаковымъ налогомъ. Это обширное предпріятіе осуществлено было Августомъ и его преемниками.

Болѣе раннія извѣстія о римской писцовой книгѣ почерпаются изъ сочиненій ученыхъ юристовъ II и III вѣка. Въ сочиненіи Домиція Ульпіана [2]) дана слѣдующая формула переписи. Отмѣтивъ наименованіе участка, округъ, селеніе и два сосѣднія имѣнія, перепись должна была заключать: 1) обозначеніе югеровъ пахотной земли и средней урожайности за 10 лѣтъ; 2) количество земли подъ виноградникомъ; 3) масличныя насажденія; 4) луга и сѣнокосы; 5) пастбища; 6) лѣсъ; наконецъ, 7) рыбныя ловли и соляныя варницы. На основаніи этихъ данныхъ производилась раскладка земельной подати.

При императорѣ Діоклетіанѣ (284—305 гг.) произошли важныя измѣненія въ податной системѣ, коснувшіяся и формы писцовыхъ книгъ. Къ этому времени уже не было правового различія между римскимъ народомъ и подчиненными ему провинціалами, которые при Каракаллѣ (211—217 гг.) получили право римскаго гражданства. Діоклетіанъ докончилъ уравненіе Италіи съ провинціями, распространивъ поземельную подать, собираемую прежде только съ про-

---

[1]) Югеръ почти съ точностью соотвѣтствуетъ нѣмецкому моргену. Та и другая мѣра почти равняются четверти нашей десятины.

[2]) Boecking, „Dom. Ulpiani Fragmenta". Lipsiae, 1855.

винцій, и на Италію. Извѣстная намъ изъ Ульпіана программа для составленія писцовыхъ книгъ получила тогда же нѣкоторыя измѣненія, отъ способа объясненія которыхъ зависитъ весьма многое въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Затрудненія возбуждаетъ здѣсь терминъ iugum и его отношеніе къ господствовавшей единицѣ измѣренія, югеру. Именно Діоклетіанъ принялъ за основаніе, при раскладкѣ поземельной подати, условную мѣру земли, которая при всѣхъ различіяхъ качественности, производительности, доходности и объема, должна была оставаться, однакоже, нормой въ обложеніи земли податью. Принятая за норму единица земли называлась iugum или caput, а идущая съ нея подать—iugatio или capitatio. Но смыслъ термина, который не имѣетъ ничего общаго съ принятыми тогда мѣрами поверхностей—iugerum, actus и centuria, нуждается въ особыхъ объясненіяхъ и служитъ предметомъ разныхъ толкованій.

Нужно ли видѣть въ терминѣ iugum фиктивную величину, подлежащій обложенію хозяйственный и земельный капиталъ въ 1000 солидовъ, какъ утверждаютъ одни, или же дѣйствительную и реальную величину, т.-е., опредѣленной мѣры земельный участокъ, какъ думаютъ другіе? Отвлеченное или реальное понятіе заключается въ iugum?

Самыми важными представителями первой теоріи служатъ весьма авторитетныя имена Савиньи и Моммсена [1]). Савиньи высказывается по этому поводу слѣдующимъ образомъ: податная гуфа (die Steuerhufe=iugum) можетъ быть представляема въ двоякомъ смыслѣ: или какъ реальная величина, или какъ идеальная. Въ первомъ случаѣ нужно предполагать участки съ опредѣленными границами и одинаковой цѣны (по римскому праву въ 1000 солидовъ), слѣдовательно, то большей, то меньшей мѣры, смотря по производительности. Эти реальныя податныя гуфы и будутъ непосредственнымъ объектомъ земельной подати, такъ что каждая облагалась бы одинаковою суммой; участки отдѣльныхъ собственниковъ или образовали бы часть такой гуфы (iugum), или заключали бы въ себѣ многія гуфы. Во второмъ случаѣ нѣтъ никакихъ видимыхъ гуфъ, а есть

[1]) Savigny, „Vermischte Schriften", II, 205 и слѣд.; Mommsen, „Syrisches Provinzialmass und Römischer Reichskadaster", въ журналѣ „Hermes", III, 429, Berlin, 1869.

только опредѣленныя податныя цѣнности земли (въ размѣрѣ 1000 солидовъ), и каждый отдѣльный участокъ облагался бы земельною податью пропорціонально цѣнѣ его по отношенію къ гуфѣ, т.-е., соотвѣтственно трети или четверти гуфы или 2, 3, 10 полнымъ гуфамъ. Таково вообще было бы единственное значеніе податной гуфы. Савиньи предпочтительно останавливается на теоріи идеальной податной гуфы, въ противоположность къ реальной, и видитъ подтвержденіе своего взгляда между прочимъ въ слѣдующихъ словахъ Аполлинарія Сидонія [1]): capita tu mihi tolle tria, т.-е., запиши за мною въ писцовыхъ книгахъ тремя гуфами меньше. Очевидно, еслибъ императоръ отнялъ у просителя три реальныхъ capita, послѣдній проигралъ бы. Точно также, произведенная въ XVIII вѣкѣ въ Мекленбургѣ-Шверинскомъ герцогствѣ податная реформа, при чемъ принята была за норму идеальная гуфа въ 300 шеффелей посѣва, которая и обложена податью въ 9 талеровъ, служитъ для Савиньи подтвержденіемъ и объясненіемъ римскаго учрежденія [2]).

Противъ Савиньи, однако, выставлены были возраженія, направлявшіяся къ утвержденію теоріи, противъ которой онъ ратовалъ. Эти возраженія основываются на новыхъ данныхъ о терминѣ iugum, заимствуемыхъ изъ такъ называемаго Сирійскаго законника, изданнаго въ первый разъ въ послѣдней четверти прошедшаго вѣка [3]). О времени и обстоятельствахъ происхожденія этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго памятника можно сказать слѣдующее. Первое изданіе сирійскаго законника, сдѣланное по единственной рукописи, найденной въ Британскомъ музеѣ, выяснило, что сирійскій переводъ первоначальнаго греческаго оригинала сдѣланъ былъ въ первой четверти VI вѣка въ сирійскомъ Іераполѣ; что же касается греческаго оригинала, то составленіе его нужно относить къ гораздо болѣе раннему времени. По отношенію къ составителю и преслѣ-

---

[1]) „Vermischte Schriften", 70. Обращеніе Сидонія къ Майоріану: „Geryones nos esse puta, monstruumque tributum. Hic capita, ut vivam, tu mihi tolle tria".

[2]) Ibid., 212—213. Моммсенъ, въ „Hermes", III, 431, со всею рѣшительностью стоитъ за идеальную гуфу: „Das iugum ist kein Flächenmass, sondern — die für die Grundsteuer verwendete Einheit einer zu 1000 Goldstücken abgeschätzten Bodenfläche, auf welche je nach den verschiedenen Bonitirungsclassen 5, 20, 40, 60 Jugera an Flächenraum entfielen".

[3]) Bruns und Sachau, „Syrisch-Römisches Rechtsbuch". Leipzig, 1880; Sachau, „Syrische Rechtsbücher", I, 11. Berlin, 1907—1908.

дуемымъ имъ цѣлямъ высказывается мнѣніе, что онъ служилъ практическимъ руководствомъ для потребностей церковнаго суда и администраціи и употреблялся какъ въ канцеляріяхъ патріарха и епископовъ, такъ и въ деревенскихъ церковныхъ общинахъ. Первоначальная его редакція, распространяясь по различнымъ общинамъ, испытывала постепенныя измѣненія и прибавки, имѣвшія мѣстное значеніе. То обстоятельство, что сирійскій законникъ имѣлъ одинаковый авторитетъ на западѣ и востокѣ, въ имперіи и персидскомъ царствѣ, у яковитовъ и несторіанъ—служитъ доказательствомъ, что онъ происходитъ изъ того времени, когда споры о природѣ Христа не раздѣлили еще на два лагеря христіанскій восточный міръ. Съ теченіемъ времени къ лондонской присоединились еще три ватиканскія рукописи, значительно расширившія интересъ, связанный съ изученіемъ этого памятника. Но независимо отъ всего прочаго сирійскій законникъ долженъ быть оцѣниваемъ съ точки зрѣнія его практическаго примѣненія и распространенія на всемъ Востокѣ подъ магометанскимъ господствомъ. Въ этомъ памятникѣ есть одно весьма важное мѣсто о римской податной системѣ, дающее новыя данныя къ опредѣленію смысла податной единицы (iugum). Оно такъ важно въ исторіи вопроса о земельномъ обложеніи, что каждый дальнѣйшій шагъ въ этомъ отношеніи будетъ зависѣть отъ пониманія данныхъ, заключающихся въ сирійскомъ законникѣ [1]).

Мы узнаемъ, что Діоклетіанъ предпринялъ новое измѣреніе земель и распредѣленіе ихъ на классы въ видахъ обложенія податями. Была ли эта мѣра проведена во всемъ государствѣ, или только въ восточныхъ провинціяхъ,—объ этомъ нельзя сказать положительно на основаніи неопредѣленнаго выраженія: измѣрилъ земли; точно также не ясно—было ли это первое подобное измѣреніе, или же ему предшествовали другія, сдѣланныя по распоряженію Августа или послѣдующихъ императоровъ.

Важнѣе всего—понятіе „iugum" въ смыслѣ податной гуфы: видѣть ли въ ней реальную или только идеальную величину согласно воззрѣнію Савиньи. Ясно, что iugum не есть мѣра плоскостей, какъ iugerum, но что iugum есть для поземельной подати образованная еди-

[1]) Первоначальный переводъ и толкованіе этого мѣста въ изданіи Brunns und Sachau § 121, S. 37, подверглись нѣкоторымъ дополнительнымъ объясненіямъ въ новомъ изданіи Sachau, „Syrische Rechtsbücher", S. 135.

ница, въ которую входило то большее, то меньшее количество югеровъ, смотря по качеству земли. Различаются участки виноградные, масличные, пахотные и пастбищные; притомъ масличныя насажденія распадаются по качеству на два, а пахотныя земли на три класса. Получаются слѣдующія категоріи: 1) относительно виноградниковъ принято считать 5 югеровъ или 1 плетръ за 1 iugum; 2) относительно пахотной земли: а) перваго качества—20 югеровъ или 40 плетровъ (за 1 iugum); б) второго качества—40 югеровъ; в) третьяго качества—60 югеровъ; 3) относительно масличныхъ плантацій: а) перваго качества—225 рутъ (за 1 iugum); б) второго качества 450 рутъ; 4) относительно пастбищъ не дано никакой системы измѣренія. Пастбищная земля вносится въ писцовыя книги и облагается опредѣленной податью (*συντέλεια*) въ 1, 2 или 3 денарія ежегодно. Слово *συντέλεια* можетъ указывать здѣсь на понятіе „compascua“ или общинный выгонъ.

Относительно значенія iugum, указавъ на различіе мнѣній Моммсена-Савиньи и Марквардта, Брунсъ высказывается такимъ образомъ: нѣтъ никакихъ основаній заключать, что iugum образуется посредствомъ реальнаго сложенія югеровъ. Если утверждается, что 5 югеровъ виноградника принимаются за 1 iugum, 20 югеровъ пахотной земли даютъ анноны съ 1 iugum, 225 рутъ масличныхъ деревьевъ даютъ анноны съ 1 iugum, 40 (или 60) югеровъ земли худшаго качества даютъ 1 iugum, изъ этого можно выводить лишь то, что подать всегда опредѣляется по iuga, что каждый iugum облагается одинаковою суммой; но какое количество югеровъ земли входило въ податную сумму, идущую съ iugum, это зависѣло отъ качествъ земли, отъ распредѣленія на классы: 5 югеровъ виноградной плантаціи, равно какъ $1^1/_8$ югера подъ маслиной, платятъ подать за одинъ iugum, подобно тому, какъ 20 югеровъ пахотной земли, слѣдовательно, первыя и послѣднія принимаются за 1 iugum. Изъ этого слѣдуетъ, что имѣющій, напримѣръ, 10 югеровъ пахотной земли платитъ только половину той суммы, которою обложенъ iugum. Но чтобъ его 10 югеровъ сопричислялись къ другимъ 10 для составленія реальнаго iugum, объ этомъ нѣтъ указаній въ приведенныхъ словахъ.

Не ясно, притомъ же, къ чему могло бы служить сочетаніе югеровъ одного или различныхъ собственниковъ въ одинъ реальный iugum. Каждый владѣлецъ платитъ съ своей земли такую долю, которая получалась изъ пропорціональнаго отношенія его собствен-

ности къ iugum; соотвѣтственно тому сборщики податей должны были организовать систему взиманія съ каждаго отдѣльнаго собственника. Но высшее управленіе, конечно, разсчитывало сумму обложенія и взиманія съ цѣлыхъ округовъ или провинцій только по совокупности принятыхъ для нихъ iuga, вся же сумма югеровъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ поземельнымъ собственникамъ округа, составлялась по системѣ классификаціи земель, подведенныхъ подъ соотвѣтствующее число iuga, которыя и опредѣляли податной итогъ. Такимъ образомъ, представляется ненужнымъ и вполнѣ безцѣльнымъ дѣломъ— назначать реальную межу для каждаго iugum и устанавливать въ каждомъ рядѣ опредѣленныхъ отдѣльныхъ и дѣйствительныхъ югеровъ. Представимъ себѣ такой случай, когда различные роды участковъ и земли различной качественности перемѣшаны—случай часто повторяющійся,—что они принадлежатъ разнымъ собственникамъ, и что число югеровъ одного лица не составляетъ цѣлаго iugum, или наоборотъ больше iugum; тогда пришлось бы или пополнять недостающее число югеровъ въ одномъ владѣніи позаимствованіями изъ другого, или относить его въ iugum сосѣдняго владѣнія. Это повело бы къ необходимости предпринимать множество новыхъ обмежеваній, и въ дѣйствительности часто являлись бы такія реальныя iuga, которыя не имѣли бы никакой реальной связи между собою, а представляли бы части и доли, въ безпорядкѣ перемѣшанныя среди другихъ iuga.

Итакъ, Брунсъ въ воззрѣніи на iugum склоняется къ теоріи Савиньи и Моммсена. Но было бы преждевременно утверждать, что этой теоріи суждено на будущее время получить господство, или что извѣстное мѣсто сирійскаго законника заключаетъ въ себѣ такія ясныя и безспорныя данныя, которыя вполнѣ обезпечиваютъ теорію идеальной податной гуфы противъ новыхъ нападеній. Уже то обстоятельство, что не далѣе какъ въ 1876 году Марквардтъ истолковалъ свидѣтельство сирійскаго законника какъ-разъ въ противоположномъ къ теоріи Савиньи смыслѣ и въ 1879 г. русскій византинистъ В. Г. Васильевскій, на основаніи того же самаго свидѣтельства, утверждалъ за iugum реальное значеніе единицы измѣренія полей и земель [1]; уже это показываетъ, что само по себѣ мѣсто изъ сирійскаго закон-

[1]) Marquardt, „Römische Staatsverwaltung", II. S. 237.

ника не содержитъ въ себѣ рѣшительныхъ данныхъ къ безповоротному рѣшенію вопроса объ iugum. Лишь на основаніи развитія писцовыхъ книгъ въ позднѣйшее время и на изученіи употребленія замѣняющихъ iugum терминовъ можно приходить къ убѣжденію, что теорія Савиньи и его сторонниковъ не менѣе вѣрна, сколько и остроумна.

Сирійскій законникъ даетъ возможность принять слѣдующія заключенія въ приложеніи къ писцовымъ книгамъ. При Діоклетіанѣ произведено было измѣреніе недвижимыхъ имуществъ въ имперіи, при чемъ iugum принятъ былъ за единицу при обложеніи земель податями, а югеръ за единицу измѣренія поверхностей. Подать назначалась не по количеству югеровъ въ участкѣ, а по качествамъ земли и по доходности, такъ что 5 югеровъ подъ виноградникомъ считались за податное тягло, которое уравнивалось 60-ю югерами пахотной земли третьяго класса, или 450-ю стволами оливковыхъ деревьевъ. Идея податного тягла дана въ терминѣ iugum.

Изъ измѣренія земель и описанія ихъ согласно съ находимою у Ульпіана forma censualis произошелъ кадастръ. Отъ римскаго кадастра ведетъ начало лѣтосчисленія по индиктіонамъ. Именно съ 312 года установился обычай черезъ каждыя 15 лѣтъ подвергать пересмотру писцовыя книги и дѣлать вызываемыя временемъ и обстоятельствами перемѣны въ нормахъ обложенія. Пятнадцатилѣтній индиктіонный періодъ, то-есть, періодъ отъ одной податной ревизіи до другой, становится общераспространеннымъ способомъ лѣтосчисленія. Начало податнаго года падаетъ на 1-е сентября. Перваго индикта первый годъ 312, перваго индикта пятый годъ 316, второго индикта первый годъ 327, пятаго индикта десятый годъ 381 и т. д.

Что касается типа писцовыхъ книгъ IV и V столѣтій, то онъ можетъ быть представляемъ въ слѣдующихъ видахъ: центральное податное управленіе могло удовлетвориться общимъ обозначеніемъ числа тяголъ въ цѣломъ округѣ, каковое число давало уже сумму податей, ожидаемыхъ къ поступленію въ казну. Для центральнаго управленія не было необходимости въ детальномъ исполненіи всѣхъ графъ формулы писцовыхъ книгъ. Нужно отличать поэтому общій и суммарный типъ, въ которомъ не отмѣчались отдѣльныя статьи каждаго хозяйства, а показывалась общая сумма подати, вносимая цѣлыми группами владѣльцевъ, напримѣръ, цѣлою областью или

городскимъ округомъ. Образецъ такого типа писцовыхъ книгъ мы находимъ въ окладномъ листѣ города Лампсака. Но такъ какъ распредѣленіе подати между отдѣльными плательщиками зависѣло отъ особенныхъ и весьма разнообразныхъ условій, и именно отъ того, отмѣчены ли были какими цифрами въ каждомъ участкѣ, или же оставались бѣлыми графы о числѣ югеровъ пахотной земли, о количествѣ виноградныхъ лозъ, о масличныхъ деревьяхъ, о лугахъ, рыбныхъ ловляхъ, соляныхъ варницахъ и др., то натурально, что каждый плательщикъ или каждый участокъ былъ представленъ въ мѣстной писцовой книгѣ, хранившейся въ городскомъ архивѣ, со всѣми статьями хозяйства, подлежащими обложенію. Въ этой мѣстной писцовой книгѣ каждый плательщикъ значился подъ отдѣльнымъ столбцомъ или въ отдѣльной статьѣ, копію съ которой онъ хранилъ у себя, какъ оправдательный документъ противъ произвольныхъ требованій сборщика. Этотъ второй типъ, который собственно и заслуживаетъ наименованія писцовой книги, представляетъ собой драгоцѣнный матеріалъ для выводовъ экономической науки [1]).

Въ новеллахъ Юстиніана часто имѣется упоминаніе о большихъ деревняхъ (комы), населенныхъ земледѣльцами, и о порядкахъ крестьянскаго землевладѣнія, но по этимъ случайнымъ упоминаніямъ нельзя составить идеи о положеніи сельскаго населенія. Но въ двухъ новеллахъ встрѣчаемъ драгоцѣнныя подробности, которыми и воспользуемся здѣсь. „Заботясь о пользѣ нашихъ подданныхъ, издаемъ настоящій законъ [2]), которымъ повелѣваемъ, чтобы въ іюлѣ или августѣ (въ концѣ) каждаго индикта составляемы были подробныя расписанія податныхъ взносовъ на предстоящій индиктъ въ судебномъ учрежденіи каждаго округа нашихъ префектовъ. Въ этихъ расписаніяхъ или окладныхъ листахъ должно быть обозначено количество предстоящей къ поступленію въ казну подати съ каждаго (iugum) ярма [3]), что приходится казеннаго налога въ видѣ ли натуральной или денежной повинности; кромѣ того, въ нихъ должна быть показана расцѣнка мѣстныхъ натуральныхъ произведеній по торговой

[1]) Подробности въ моей статьѣ „Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи“. Въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“, январь 1884 г.

[2]) Novella CLII (128), p. 276.

[3]) ὑπὲρ ἑκάστου ἰούγου, ἢ ἰουλίων ἢ κεντουρίων—чтеніе второго термина весьма сомнительно.

ихъ стоимости и по мѣстнымъ цѣнамъ и обозначено то, что вносить въ склады или оставлять на потребности каждой провинціи. Составленные, такимъ образомъ, окладные листы непосредственно передъ началомъ каждаго индикта пересылаются начальникамъ провинцій, дабы они распорядились выставить ихъ для общаго свѣдѣнія въ теченіе сентября и октября мѣсяца въ зависящихъ отъ нихъ городахъ. Если бы кто пожелалъ получить копію съ означенныхъ окладныхъ листовъ, то приказъ префекта выдаетъ таковую безъ замедленія, дабы плательщики знали, какъ они будутъ вносить подати. Въ случаѣ, если прежде объявленія этихъ листовъ плательщики внесутъ причитающееся казнѣ по другимъ статьямъ обложенія, кромѣ перечисленныхъ въ подробномъ расписаніи окладовъ того года, или если употребятъ ихъ на нужды провинціи, то слѣдуетъ зачесть эти взносы въ уплату податей за текущій индиктъ, дабы они не потерпѣли никакого ущерба. Если въ установленный нами срокъ означенныя подробныя росписи податей не будутъ разосланы по мѣстамъ, то стоящіе во главѣ префектуръ чины подвергаются пенѣ въ 30 золотыхъ литръ [1]), начальники провинцій въ 20 литръ. Если бы мѣстный начальникъ не позаботился о своевременномъ оглашеніи полученныхъ имъ окладныхъ росписей, то платитъ пеню въ 10 литръ золота и, кромѣ того, лишается власти".

Изъ приведенныхъ мѣстъ уже можно видѣть, какую важность правительство приписывало этимъ окладнымъ росписямъ, составляемымъ въ каждой префектурѣ на предстоящій индиктъ. Такъ какъ отъ строгаго примѣненія ихъ на мѣстахъ зависѣло финансовое положеніе имперіи, то Юстиніанъ принималъ самыя суровыя мѣры противъ нарушителей его распоряженій. Возвращаясь еще разъ въ той же новеллѣ къ вопросу о писцовыхъ книгахъ (§ 3), онъ дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе. „Повелѣваемъ, чтобы сборщики казенныхъ податей никоимъ образомъ не уклонялись отъ выдачи квитанцій или росписокъ, частичныхъ или полныхъ, въ полученіи казенныхъ взносовъ. Въ этихъ актахъ должно быть обозначено количество денежныхъ и натуральныхъ взносовъ, равно какъ количество надѣловъ (iugum) и имена владѣній, съ которыхъ вносятся подати. Если же таковыхъ росписокъ не будетъ выдано, то податные чины

---

[1]) Около 10 тысячъ рублей.

подвергаются штрафу въ 10 литръ золота и тѣлесному наказанію. Если бы кто изъ плательщиковъ выразилъ сомнѣніе или по отношенію къ земельному участку, за который вносится подать, или по отношенію къ количеству взноса, то начальникъ провинціи, или въ случаѣ небреженія его мѣстный епископъ всячески побуждаютъ лицъ, завѣдывающихъ писцовыми книгами, предъявлять таковыя и показывать сумму требуемыхъ платежей согласно даннымъ писцовой книги и по этимъ даннымъ производить сборъ".

Рядъ другихъ мѣръ, относящихся къ тому же вопросу, изложенъ въ новеллѣ XXI [1]), изъ которой заимствуемъ нѣсколько мѣстъ. „Относительно сборовъ казенныхъ податей слѣдуетъ принять мѣры, чтобы они производились и въ церковныхъ владѣніяхъ, ибо казенный доходъ одинаково полезенъ и необходимъ и воинамъ, и простымъ обывателямъ, и самымъ священнымъ учрежденіямъ, и всему государству, въ этомъ придутъ тебѣ [2]) на помощь экдики и экономы церквей, не дѣлая препятствія никому изъ мѣстныхъ сборщиковъ казенныхъ податей въ дѣлѣ сбора, но и не позволяя допускать насилія и производить смуту. Прими побудительныя мѣры, чтобы сборщики податей въ выдаваемыхъ ими росписках подробно объясняли всѣ статьи, по коимъ выдаются расписки: количество хозяйственныхъ надѣловъ, какъ бы они ни назывались на мѣстныхъ языкахъ, за какіе участки собирается подать, количество полученнаго взноса—въ натурѣ или въ монетѣ, предупреждая ихъ угрозой большого штрафа и отнятіемъ руки, если они всячески не исполнятъ того, къ чему постоянно обязываются и до нынѣ не могутъ исполнить. Если же бы они стали дѣлать отговорку, что не могутъ выставить требуемаго числа надѣловъ, то этому не слѣдуетъ придавать вѣры, и, кромѣ того, это не должно наносить ущерба ни казнѣ, ни плательщикамъ. Ибо казна должна получить свое безусловно, а обычныя расписки должны имѣть тѣ, кто сдѣлалъ взносъ, чтобы болѣе не подвергаться требованію взноса. Такимъ образомъ соплательщики должны внести въ казну причитающуюся съ нихъ долю, при чемъ завѣдывающіе цензовыми списками понуждаются представлять тщательно составленныя вѣдомости, дабы была возможность выясненія податныхъ недоразумѣній; сборщики же податей, провѣривъ основательность податныхъ

[1]) Nov. XXI (17), p. 137.

[2]) Новелла дана на имя квестора священнаго двора Трибоніана.

списковъ и выяснивъ по нимъ количество надѣловъ, согласно сдѣланнымъ нами узаконеніямъ, отмѣчаютъ эти свѣдѣнія въ выдаваемыхъ ими квитанціяхъ".—За этими данными, имѣющими большое значеніе для исторіи писцовой книги въ имперіи, слѣдуютъ распоряженія, касающіяся купли и продажи мелкихъ земельныхъ участковъ.

„Нельзя допускать, чтобы лица, принадлежащія къ городскимъ куріямъ, или завѣдывающіе цензомъ чиновники позволяли себѣ, когда происходитъ продажа участковъ или раздача или вообще переходъ владѣній отъ одного лица къ другому, пользоваться какими-либо ухищреніями, чтобы участки не переходили отъ продавца къ покупателю, но слѣдуетъ ихъ понуждать къ дѣйствительной передачѣ безъ всякаго лукавства. Если скажутъ, что участки не продаются потому, что покупатели несостоятельны, то слѣдуетъ произвести дознаніе; если же покупатели окажутся состоятельными, то нужно принять всѣ мѣры, чтобы передача состоялась безъ всякаго промедленія, а если они дѣйствительно окажутся не очень состоятельными, то слѣдуетъ побудить продавцовъ отмѣтить это въ актахъ, что подъ ихъ отвѣтственностью дѣлается переложеніе казенныхъ податей на проданные участки. Такимъ образомъ и казна не потерпитъ ущерба, и казенныя подати будутъ вноситься съ дѣйствительныхъ владѣльцевъ (§ 8). Тѣхъ, кто принимаетъ на свои земли чужихъ крестьянъ, слѣдуетъ понуждать, чтобы они возвращали незаконно принятыхъ. Если же они будутъ упорствовать, то имѣешь возложить на ихъ владѣнія всѣ недоимки по твоей провинціи[1]). Если же по слухамъ окажутся въ другихъ провинціяхъ крестьяне (изъ твоей области), то перепишись съ начальниками этихъ областей, чтобы они выдали ихъ владѣльцамъ твоей провинціи, упорствующимъ же слѣдуетъ пригрозить обязательствомъ платить за несостоятельныхъ. Ибо пусть допускающій таковое извѣдаетъ на себѣ самомъ весь вредъ, дабы, потерпѣвъ ущербъ, убѣдился, что̀ значитъ наносить вредъ другимъ".

Кромѣ общихъ распоряженій относительно писцовыхъ книгъ и возложенія строгой отвѣтственности на провинціальныхъ чиновниковъ за фактическое примѣненіе на мѣстахъ государственной земельной переписи, на основаніи законодательства Юстиніана является

[1]) Nov. XXI a. 535, p. 145: ἅπαν ὅσον ἄπορον τῆς ἐπαρχίας ἐστὶ, τοῦτο ταῖς ἐκείνων κτήσεσιν ἐπιθήσεις—это мѣсто допускаетъ разныя толкованія. Очевидно, рѣчь идетъ объ ἐπιβολή.

возможность ознакомиться съ нѣкоторыми специальными явленіями въ системѣ землевладѣнія. Прежде всего сюда относится родъ круговой поруки состоятельныхъ владѣльцевъ за неимущихъ, имѣющей техническое обозначеніе ἐπιβολή, или надбавка. Происхожденіе этого учрежденія чисто-фискальное. Въ томъ случаѣ, если крестьянинъ, состоящій уже въ опредѣленномъ соотношеніи къ обществу своихъ сосѣдей-крестьянъ по отбыванію повинностей за общественные выпасы и поля, умретъ или сдѣлается неспособнымъ исполнять лежавшія на немъ хозяйственныя и платежныя обязанности, то остальное общество должно взять на себя освободившійся крестьянскій участокъ съ лежащими на немъ казенными платежами. Это и есть ἐπιβολή, надбавка доли бѣднаго на болѣе состоятельныхъ, необработаннаго участка на подвергающійся хозяйственной культурѣ надѣлъ и т. п. [1]). Законодатель старался поставить этотъ законъ въ извѣстныя границы и посвятилъ ему нѣсколько отдѣльныхъ разъясненій.

„Если когда случится произвести „надбавку“ какого-либо участка на принадлежащихъ къ одному цензовому столбцу или подчиненныхъ одному владѣльцу [2]), то повелѣваемъ требовать казенную подать съ того, кто принялъ „надбавку“, начиная со времени передачи ему надбавляемаго владѣнія. Надбавка должна производиться не иначе, какъ по письменному акту начальника провинціи, въ которомъ поименно указывается лицо, на которое падаетъ надбавка. Если окажется, что владѣлецъ какого-либо участка не въ состояніи вносить причитающейся съ него подати, и потому настоитъ необходимость возложить на другихъ лежащія на участкѣ повинности, повелѣваемъ немедленно передать его имѣющимъ одноцензовыя или одновладѣльческія имѣнія со всѣми находящимися въ немъ земледѣльцами и имуществомъ ихъ, съ запасами и плодами, и скотомъ и со всѣмъ находящимся тамъ инструментомъ. Если же бы не оказалось на лицо того крестьянина, который долженъ по закону принять на себя надбавку, или вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ замедлилось бы дѣло о передачѣ, повелѣваемъ начальнику области составить опись этого имущества съ показаніемъ его качества, хозяйственнаго

---

[1]) Zachariae a Lingenthal, „Geschichte des griechisch-römischen Rechts“, III. Aufl. S. 229 squ.

[2]) Выраженія ὁμόκηνσα и ὁμόδουλα не могутъ считаться разъясненными. Nov. CLII, p. 279.

состоянія и съ обозначеніемъ всего въ немъ найденнаго и передать его сборщикамъ податей, или виндикамъ, или полицейскимъ чинамъ. Въ случаѣ, если бы послѣ того оказались лица, которыя по закону должны принять на себя это владѣніе, то имъ и отдается оно подъ условіемъ возмѣщенія всѣхъ убытковъ, причиненныхъ участку по винѣ означенныхъ сборщиковъ или городскихъ куріаловъ, виндиковъ или полицейскихъ чиновъ".

Законъ о надбавкѣ въ первый разъ изданъ въ началѣ VI в. префектомъ преторіи Зотикомъ (512 г.). Всею тяжестью онъ ложился на землевладѣніе, потому что отъ него были освобождены дома, и хлѣбныя произведенія, и ему не подлежали церковныя имущества и имѣнія императора. Примѣненіе закона встрѣчало разнообразныя толкованія: одни толковали въ смыслѣ привлеченія ближайшихъ сосѣдей того же имѣнія, другіе распространяли толкованіе на тѣ участки, которые составляли одно цѣлое съ поступавшимъ въ надбавку. Законъ Юстиніана, пытающійся установить опредѣленный порядокъ по отношенію къ *ἐπιβολή*, показываетъ, что защищаемый имъ порядокъ имѣлъ важное практическое значеніе. Остается далеко не рѣшеннымъ вопросъ о той землевладѣльческой средѣ, на которую, главнымъ образомъ, простирался этотъ законъ, равно какъ о значеніи терминовъ *ὁμόδουλα* и *ὁμόκηνσα*. Такъ какъ для осуществленія *ἐπιβολή* необходима наличность опредѣленнаго лица, на которое возлагается забота о запущенномъ участкѣ, то, казалось бы, не настояло надобности разсматривать *ὁμόκηνσα* въ смыслѣ членовъ общины свободныхъ земледѣльцевъ [1]). Для крестьянскаго землевладѣнія при Юстиніанѣ примѣненіе закона объ *ἐπιβολή*, несмотря на мѣры къ смягченію, было бѣдствіемъ, отнимавшимъ всякую надежду на жизнь, по словамъ автора Тайной исторіи. Кратко сказать, законъ примѣнялся при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) когда владѣлецъ участка становился неспособенъ отбывать лежавшія на немъ повинности; 2) участокъ передавался со всѣми бывшими въ то время на немъ рабочими и со всѣмъ инвентаремъ; 3) въ случаѣ не нахожденія лица, которое обязалось бы платить лежащія на участкѣ повинности, временно онъ передается сборщикамъ податей или полицейскимъ чинамъ; 4) актъ *ἐπιβολή* осуществляется посредствомъ письменнаго распоря-

---

1) Б. А. Панченко, „О тайной исторіи Прокопія", стр. 140—143.

женія провинціальнаго начальника; 5) лицо, которому присуждено принять на себя участокъ, можетъ въ теченіе года обжаловать это рѣшеніе въ приказъ префекта преторіи; 6) уплата податей за надбавленный участокъ начинается со времени его фактической передачи новому владѣльцу, и такимъ образомъ ἐπιβολή не сопровождается обязательствомъ платить недоимки за прежніе годы [1]). Законъ этотъ на столько имѣлъ значенія въ системѣ византійскаго земельнаго хозяйства, что мы будемъ съ нимъ встрѣчаться въ дальнѣйшей исторіи крестьянскаго землевладѣнія.

Еще больше значенія, повидимому, имѣла другая форма земельнаго хозяйства какъ въ эпоху Юстиніана, такъ и во все послѣдующее время имперіи—форма долгосрочной наслѣдственной аренды на три лица. Эта форма владѣнія, приближающаяся къ наслѣдственной собственности, имѣла на Востокѣ весьма широкое распространеніе. Она имѣетъ техническое наименованіе ἐμφίτευσις и выражается въ томъ, что эмфитевтъ—какъ называется въ актахъ лицо, снимающее участокъ земли въ аренду—получалъ на свой вѣкъ и съ правомъ передачи, послѣдовательно, двумъ прямымъ наслѣдникамъ, т.-е. сыну и внуку, пользованіе и распоряженіе земельнымъ владѣніемъ такое же полное и широкое, какъ бы оно было его собственностью. Ему принадлежала свобода хозяйственной эксплоатаціи участка, право дѣлать насажденія и всяческія улучшенія, право даренія, залога и передачи по завѣщанію съ нѣкоторыми лишь ограниченіями. Обязанность эмфитевта заключалась въ уплатѣ ежегоднаго взноса, обусловленнаго въ арендномъ контрактѣ и въ несеніи лежащихъ на землѣ повинностей. На сколько можно судить по законодательнымъ актамъ того времени, плата за этотъ родъ долгосрочной аренды вообще была ниже, чѣмъ за краткосрочный наемъ земли для обработки. Въ случаѣ, если эмфитевтъ оказывался нерадивымъ или неисправнымъ и не платилъ аренды въ теченіе трехъ лѣтъ, отъ него отнимался участокъ безъ всякаго вознагражденія за сдѣланныя на немъ улучшенія.

Система наслѣдственной аренды на три лица, какъ будемъ называть ἐμφίτευσις, въ послѣднее время сдѣлалась предметомъ особеннаго вниманія, благодаря новымъ матеріаламъ, привнесеннымъ въ

[1]) Zachariae. Ibid. S. 232.

этотъ вопросъ надписями и египетскими папирусами [1]). Но и съ точки зрѣнія средневѣковаго земельнаго хозяйства эта система имѣетъ, можетъ-быть, больше права на вниманіе, чѣмъ сколько ей удѣляется [2]). Приведемъ законы Юстиніана, касающіеся занимающаго насъ вопроса. „Допускаемъ [3]) долгосрочную наслѣдственную аренду (ἐμφύτευσιν) въ имѣніяхъ какъ святѣйшей церкви, такъ и всѣхъ прочихъ религіозныхъ учрежденій—на лицо, принимающее аренду и послѣдовательно на двухъ наслѣдователей того же лица: именно дѣтей мужескаго и женскаго пола или внуковъ съ той и другой стороны—мужа и жены—съ точнымъ обозначеніемъ того, отъ жены или отъ мужа происходитъ наслѣдователь. Долгосрочная аренда не переходитъ на другихъ наслѣдниковъ, но продолжается лишь въ теченіе жизни принимающаго, если у него не окажется ни дѣтей, ни внуковъ. Договора о долгосрочной арендѣ совершеннаго на другихъ основаніяхъ—въ церковномъ ли, или въ крестьянскомъ имуществѣ, въ зависимомъ, или свободномъ—ни подъ какимъ видомъ не разрѣшаемъ, а если онъ будетъ заключенъ, не признаемъ за нимъ никакой силы. Закономъ блаженной памяти царя Льва постановлено, чтобы церковное имущество сдавалось въ долгосрочную аренду безо всякаго уменьшенія канона; мы же въ одной изъ предшествующихъ новеллъ постановили при договорѣ на ἐμφύτευσις уменьшать на одну шестую норму установленной платы. Такимъ образомъ, устанавливая это правило, повелѣваемъ, чтобы прежде всего тщательно собирались свѣдѣнія о канонѣ, и чтобы долгосрочная аренда сдавалась показаннымъ выше лицамъ; при этихъ условіяхъ уменьшается плата на шестую долю. Если въ долгосрочную аренду сдается хорошо содержимое церковное имѣніе, то цѣна аренды устанавливается не согласно съ доходностью одного года, а по оцѣнкѣ производительности за двадцатилѣтній періодъ и по этой оцѣнкѣ сдавать аренду. Должно знать, что если эмфитевтъ въ теченіе двухъ лѣтъ подрядъ не внесетъ арендной суммы (для церковныхъ имуществъ узаконяемъ этотъ срокъ вмѣсто трехлѣ-

---

[1]) Общее значеніе вопроса оцѣнено, между прочимъ, въ статьѣ г. Бороздина, помѣщенной въ журналѣ „Гермесъ", №№ 4 и 5 за 1909 г.

[2]) Самое капитальное сочиненіе Mitteis, „Zur Geschichte der Erb-Pacht im Alterthum" („Abhandl. Sächs. Ges. der Wissensch.", XX. Leipzig 1901; Pauly, „Real-Ekcyclop.", V, 2. S. 2514; „Энциклопедич. Словарь" Брокгаузъ-Ефронъ, т. 80, ст. 785.

[3]) Novella XV (7) p. 75.

тія), то лишается права на аренду, и начальники религіозныхъ учрежденій вольны взять отъ нихъ имущества и дома безъ всякаго вознагражденія за улучшеніе. Но если бы снявшій имущество въ долгосрочную аренду причинилъ ему ущербъ, то онъ обязуется возстановить имѣніе въ прежній видъ, и этому обязательству подлежитъ и самъ онъ, и его наслѣдники, и преемники, и, кромѣ того, немедленно возмѣстить всѣ убытки". Въ дальнѣйшемъ законодатель опредѣляетъ условія, при которыхъ устанавливается норма платы за долгосрочную аренду. На мѣсто отправляется комиссія изъ архитектора и понятыхъ отъ духовенства, и тамъ предъ святымъ евангеліемъ комиссія опредѣляетъ норму платы за аренду даннаго участка, и на основаніи этого составляется письменный актъ на долгосрочную аренду или *ἐμφύτευσις* [1]). Эмфитевтъ имѣетъ право производить постройки и пользоваться строительнымъ матеріаломъ, если таковой есть, передавая арендное право послѣдовательно двумъ преемникамъ, такъ что имѣніе по смерти трехъ держателей снова переходитъ къ святѣйшей церкви или къ богоугодному заведенію, которымъ выдана аренда. Не допускаемъ того, что имѣло до нынѣ мѣсто въ подобныхъ договорахъ, именно того, чтобы по смерти двухъ наслѣдниковъ перваго эмфитевта получали долгосрочную аренду наслѣдники ихъ, и чтобы они предпочитались другимъ. Такъ какъ этотъ порядокъ измѣняетъ арендованіе въ наслѣдственное владѣніе и наноситъ ущербъ церкви, то нѣтъ надобности послѣ двухъ наслѣдниковъ передавать аренду преемникамъ ихъ".

Нѣсколько дополнительныхъ статей касательно того же учрежденія находимъ въ позднѣйшей новеллѣ, изданной въ 544 г. [2]). „Управители имуществами церкви или разныхъ благотворительныхъ учрежденій сего царственнаго города и епархіи не имѣютъ права продавать или дарить, или мѣнять, или инымъ образомъ отчуждать недвижимое имущество . . . . развѣ только мѣна совершается съ царскимъ имуществомъ. Но разрѣшаемъ заключать долгосрочныя аренды (*τὰς δὲ ἐμφυτεύσεις*) отъ великой церкви царственнаго города и благотворительныхъ домовъ на имя лица, принимающаго аренду и послѣдовательно двухъ другихъ наслѣдниковъ, при чемъ уступается снявшему имущество въ долгосрочную аренду не больше шестой доли законной платы (канонъ). По отношенію къ пригороднымъ имѣніямъ

1) Nov. XV (7), p. 85: ἐπὶ τούτοις ἐμφυτευτικὴν συγγραφὴν εἰς αὐτὸν γίνεσθαι κατὰ τὸ σχῆμα...
2) Nov. CXLVIII (120), p. 246.

великой церкви и благотворительныхъ заведеній повелѣваемъ брать при отдачѣ ихъ въ долгосрочную аренду всю законную плату безъ скидки, если имущество приноситъ доходъ, даже съ возвышеніемъ платы противъ нормы; въ противномъ же случаѣ разрѣшаемъ сдавать ихъ за такую цѣну, какая будетъ предложена [1]. Если случится, что имущество, сданное однимъ изъ церковныхъ учрежденій по праву долгосрочной аренды, перейдетъ или къ царскому дому, или въ священное императорское казначейство, или къ какому городу, или въ городскую курію, то управленіе благотворительныхъ учрежденій, выдавшее первоначальный актъ на аренду, имѣетъ права въ двухлѣтній срокъ заявить о своихъ намѣреніяхъ или оставить аренду за тѣми, у кого она въ то время окажется, съ условіемъ уплачивать ежегодную плату по договору объ арендѣ, или, если это окажется желательнымъ, нарушить контрактъ и имущество взять снова себѣ. Въ томъ случаѣ, если въ имѣніяхъ, сдаваемыхъ въ долгосрочную аренду, окажутся старыя полуразрушенныя зданія, не приносящія уже дохода, то управители этихъ имѣній имѣютъ право сдавать ихъ за треть наемной платы, получаемой съ дающихъ еще доходъ зданій въ то время, когда имѣніе стало сдаваться въ аренду. Въ случаѣ же, если принимающій аренду предпочитаетъ ее снять на томъ условіи, чтобы сначала сдѣлать постройки и платить богоугодному учрежденію, отъ котораго получаетъ аренду, половину той суммы, какая получалась отъ наемной платы за сдаваемое имѣніе, то разрѣшаемъ и подобную сдѣлку и, кромѣ того, позволяемъ эмфитевту пользоваться матеріаломъ отъ разрушенныхъ жилищъ (§ 1).

„Постановляемъ, чтобы долгосрочныя аренды и ипотеки и наемъ на срокъ свыше пяти лѣтъ заключаемы были съ вѣдома и согласія патріарха, подъ присягой присутствующихъ при составленіи акта экономовъ и хартуларіевъ великой церкви, которые свидѣтельствуютъ, что соглашеніе состоялось не съ нарушеніемъ права церкви. Экономамъ, сиропитателямъ и управителямъ богоугодныхъ домовъ, равно какъ хартуларіямъ съ ихъ родителями и дѣтьми и со всѣми ихъ родственниками и свойственниками запрещаемъ принимать долгосрочныя аренды, или ипотеки, или наймы отъ тѣхъ же благотворительныхъ домовъ какъ на свое имя, такъ и на подставное лицо“ (§ 5).

[1] P. 247: ἐπί τινι ποσότητι ταῦτα εἰς ἐμφύτευσιν διδόναι.

Наслѣдственная аренда на три лица, получившая въ Византіи весьма широкое распространеніе и разнообразное примѣненіе по мѣстнымъ потребностямъ, имѣла своимъ первоначальнымъ основаніемъ обиліе свободныхъ незанятыхъ земель и недостатокъ населенія. Это явленіе въ V и VI столѣтіяхъ, вслѣдствіе исключительныхъ условій времени, увеличивалось на Балканскомъ полуостровѣ и въ азіатскихъ провинціяхъ и вызывало предложеніе исключительно благопріятныхъ условій съемщикамъ земельныхъ участковъ для обработки и приведенія ихъ въ культурное состояніе. Законодательство Юстиніана, какъ видно изъ приведенныхъ выше мѣстъ, стремилось ввести въ право наслѣдственной аренды такую поправку, чтобы удержать земли за первоначальнымъ собственникомъ и не позволить наслѣдственной аренды переходить въ право собственности. Къ этому вели изданныя имъ законоположенія какъ объ условіяхъ составленія контракта въ присутствіи понятыхъ и подъ присягой на евангеліи, такъ и о поводахъ, которые могутъ повести къ изгнанію эмфитевта и къ соглашенію его права пользоваться арендуемымъ участкомъ.

Въ исторіи византійскаго землевладѣнія занимающая насъ форма эксплоатаціи земельныхъ участковъ переживала, какъ сказано, разнообразныя примѣненія. Одна изъ такихъ любопытныхъ формъ переживанія системы эмфитевса наблюдается и въ настоящее время на Аѳонѣ. Каждый изъ суверенныхъ аѳонскихъ монастырей владѣетъ земельной собственностью въ такихъ размѣрахъ, что собственными средствами не можетъ подвергать ее обработкѣ и извлекать изъ нея доходъ. Самая обыкновенная отдача земли въ аренду—и, главнымъ образомъ, нашимъ соотечественникамъ—выражается въ формѣ наслѣдственной аренды на три лица по акту о м о л о г і и. Это несомнѣнно есть старая система эмфитевса. Съемщикъ беретъ землю съ обязательствомъ дѣлать въ ней насажденіе и съ правомъ производить постройки подъ условіемъ уплаты монастырю опредѣленнаго канона. Въ актѣ омологіи онъ записываетъ двухъ лицъ, какъ своихъ наслѣдниковъ, къ которымъ послѣдовательно и переходитъ за смертію его право на арендуемый участокъ. Въ случаѣ смерти одного изъ обозначенныхъ въ омологіи лицъ старшій изъ оставшихся въ живыхъ имѣетъ право съ согласія монастыря вписать новое лицо, и такъ при всякомъ новомъ случаѣ смерти омологія можетъ возобновляться и становиться актомъ на трехъ лицъ. Въ современномъ

состояніи разсматриваемый видъ наслѣдственной аренды носитъ на себѣ слѣды политической и экономической борьбы греческаго элемента съ пришлымъ русскимъ. Сдающій въ аренду свои земельные участки монастырь старается обезпечить за собой право слѣдить за съемщикомъ, чтобы онъ не возводилъ на участкѣ обширныхъ хоромъ, чтобы не принималъ къ себѣ больше послушниковъ, чѣмъ указано въ омологіи, чтобы не звонилъ въ колокола, платилъ узаконенный канонъ и не обезцѣнивалъ участка. Несоблюденіе одного изъ этихъ условій можетъ лишить съемщика права на аренду земли. Но такъ какъ на основаніи подобныхъ актовъ выросла на церковныхъ аѳонскихъ земляхъ почти сотня монастырей—они называются просто кельями,—то понятно какое важное значеніе не только экономическое, но и въ широкомъ смыслѣ политическое, имѣетъ система эмфитевса на Аѳонѣ, и какъ было бы любопытно исчерпывающее изученіе намѣченнаго вопроса въ его историко-литературномъ и современномъ соціально-экономическомъ отношеніяхъ. Ожидающія на Аѳонѣ современную науку научныя предпріятія могли бы направиться и въ сторону изученія формъ землевладѣнія, обычаевъ при наймѣ рабочихъ, терминовъ сельскаго хозяйства; все это носитъ признаки глубокой древности, какъ застывшій пережитокъ византійской эпохи. И самыя организаціи отношеній сюзеренныхъ монастырей къ подчиненнымъ имъ вассальнымъ—скитамъ и кельямъ, способъ устройства взаимныхъ отношеній между сюзеренными монастырями въ ихъ палатѣ уполномоченныхъ—все это остатки сѣдой старины, которые ждутъ своего изслѣдователя.

Общая оцѣнка царствованія Юстиніана и характеристика этой замѣчательной личности представляетъ и доселѣ нѣкоторыя трудности. Имперія Юстиніана прежде всего основывается на греко-римскихъ началахъ: Юстиніанъ проникнутъ идеалами Рима и стремится возстановить римскую имперію не только въ территоріальныхъ границахъ, но и по единству вѣры и закона. Но, съ другой стороны, онъ, какъ представитель новаго христіанскаго государства, испытывалъ на себѣ вліяніе новыхъ условій жизни, зависѣвшихъ отъ появленія новыхъ народовъ, отъ естественной міровой эволюціи и отъ христіанской культуры. Съ одной стороны, предъ нимъ высоко стоялъ идеалъ, отвлекавшій его отъ реальной жизни и приводившій

его къ отвлеченнымъ построеніямъ; съ другой, какъ представитель переходной эпохи, какъ участникъ, скажемъ болѣе, какъ творецъ новой жизни на Востокѣ, онъ не могъ не отдавать себѣ отчета въ происходящемъ въ его время великомъ процессѣ смѣны идей и настроеній. Борьба противоположныхъ элементовъ окрашиваетъ и личный характеръ Юстиніана, какъ и его историка Прокопія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вліяетъ на его дѣятельность. Очень послѣдовательно проводились и достигали цѣли тѣ мѣропріятія, которыми поддерживалась основная идея Юстиніана: войны съ сосѣдями, церковная политика и законодательная дѣятельность. Но менѣе отчетливо были имъ сознаны реальные факты живой дѣйствительности, вслѣдствіе чего онъ не оцѣнилъ истинныхъ потребностей имперіи и матеріальныхъ средствъ подчиненныхъ ему народовъ.

И прежде всего слѣдуетъ очень пожалѣть, что Юстиніанъ не понялъ средневѣковой Византіи и не проникся жизненными интересами своихъ ближайшихъ подданныхъ. Если бы призракъ римской имперіи менѣе овладѣлъ его воображеніемъ, то онъ не употребилъ бы столько настойчивости и не потратилъ бы такъ много средствъ на далекія предпріятія, каковы итальянскія войны, но позаботился бы прежде всего о защитѣ сердцевины имперіи и о скрѣпленіи Сиріи и Палестины. Пожертвовавъ реальными интересами на Востокѣ для фиктивныхъ выгодъ на западѣ, Юстиніанъ не взвѣсилъ и тѣхъ этнографическихъ перемѣнъ, какія происходили на Балканскомъ полуостровѣ. Большимъ несчастіемъ, которое, впрочемъ, было слѣдствіемъ перемѣщенія политики Юстиніана на западъ, было и то, что онъ идеѣ религіознаго единства принесъ въ жертву благосостояніе Сиріи и тѣмъ подготовилъ успѣхи арабовъ въ Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ.

Не въ лучшемъ свѣтѣ представляется время Юстиніана и со стороны внутренняго состоянія имперіи. Послѣ него осталось ужасное наслѣдство: казна опустошена, податныя средства народа исчерпаны до конца, армія въ полной дезорганизаціи, непріятель угрожалъ съ сѣвера и востока, и—что самое важное—никого не вдохновляли болѣе высокіе идеалы.

Но когда ставится вопросъ въ томъ смыслѣ, какъ поставилъ его первоначально Прокопій въ своихъ *Ἀνέκδοτα* или въ „Тайной исторіи", т.-е. въ смыслѣ негодности и даже положительной вредности поли-

тики Юстиніана, то современный изслѣдователь едва ли можетъ стать на такую точку зрѣнія. Юстиніанъ умѣлъ пробудить силы государства и далъ неимовѣрное напряженіе всѣмъ умѣло сосредоточеннымъ въ его рукахъ матеріальнымъ и духовнымъ средствамъ имперіи. Юстиніанъ показалъ, что могъ сдѣлать въ VI вѣкѣ настойчивый и талантливый государь, руководясь идеалами греко-римскаго міра. Многіе послѣдующіе императоры пытались повторить Юстиніана, но никто не достигалъ намѣченныхъ имъ задачъ. Давъ могу-



Рис. 75. Конная статуя Юстиніана, бывшая на ипподромѣ.

чій подъемъ силамъ имперіи и направивъ ихъ къ достиженію гигантскихъ предпріятій, Юстиніанъ какъ-будто не принялъ въ соображеніе того, что обширныя земельныя пространства не создавали еще силы римской имперіи, что необходимо было поднять духъ населенія и сдѣлать такъ же внушительнымъ между подчиненными народами ромэйское имя, какъ грозно и почетно было римское имя. Но финансовая и религіозная система Юстиніана вносила вездѣ истощеніе,

преслѣдованіе и отвращеніе побѣжденныхъ къ побѣдителямъ. По смерти Юстиніана долго не видимъ талантливыхъ людей, аристократія почти вся вымерла или погибла, и византійская администрація стала пополняться людьми безъ образованія, безъ подготовки и, наконецъ, безъ понятій о долгѣ и чести. Даже на престолъ вступаютъ люди ничѣмъ до того неизвѣстные и не приносившіе съ собой никакихъ традицій. Умственная, литературная и художественная производительность замираетъ почти на полтораста лѣтъ. Нужно было пройти долгому періоду, пока народились новые люди, и пока образовалась новая историческая обстановка, въ которой можно было изучаемому нами византинизму снова вступить на путь правильнаго развитія.

Въ 1317 году отъ сильнаго сѣвернаго вѣтра упалъ крестъ съ руки конной статуи Юстиніана, стоявшей на ипподромѣ (рис. 75). Эта статуя, уцѣлѣвшая послѣ хищеній во время взятія Константинополя латинянами въ 1204 г., долго потомъ оставалась на своемъ мѣстѣ и уничтожена уже въ турецкую эпоху. Она подробно описана, между прочимъ, у Никифора Григоры и всегда поражала причудливымъ уборомъ. Воспроизведена здѣсь по рисунку въ сборникѣ XIV в. [1]).



[1]) Nicephori Gregorae, „Hist. Bysant.", VII, 12, p. 275—276; Mordtmann, „Esquisse topographique de Constantinople", p. 65.

Глава X.

Ближайшіе преемники Юстиніана. Славянская иммиграція въ предѣлы имперіи. Война съ Персіей.

Ближайшія за временемъ Юстиніана царствованія, при всей вялости, безцвѣтности ихъ и недостаточности сознанія потребностей времени у самихъ правителей, случайно достигавшихъ высшей власти, представляютъ, тѣмъ не менѣе, большой историческій интересъ и должны поэтому останавливать на себѣ наше вниманіе. Въ концѣ VI и въ началѣ VII вв. происходилъ въ имперіи кризисъ, вслѣдствіе котораго выступили на сцену новые этнографическіе элементы, сообщавшіе новое содержаніе занимающей насъ исторіи. Съ одной стороны, въ это время происходило громадное аваро-славянское движеніе на Балканскомъ полуостровѣ, сопровождавшееся безконечными войнами между имперіей и славянами и имѣвшее результатомъ этнографическій переворотъ на Балканскомъ полуостровѣ и разнообразныя административныя реформы. Независимо оттого, на восточной границѣ имперіи, Персія сдѣлала въ то же время послѣдній и рѣшительный ударъ на ромэйское государство. Такъ какъ между обоими государствами рѣчь шла о господствѣ не только въ Месопотаміи, но и въ Арменіи и значительной части Азіи, то борьба пріобрѣтала отчаянный, иногда героическій характеръ и требовала крайняго напряженія матеріальныхъ силъ обѣихъ имперій. Результаты этой войны также были чрезвычайно важны, такъ какъ соперничество имперій ослабило населеніе Малой Азіи, Сиріи и Месопотаміи, приготовивъ и въ этихъ областяхъ политическій переворотъ въ пользу новаго этнографическаго элемента, каковымъ были арабы.

Въ ноябрѣ 565 г., не сдѣлавъ никакихъ распоряженій о наслѣдствѣ, Юстиніанъ умеръ въ глубокой старости. Византійское государство, для расширенія и возвеличенія коего онъ употребилъ столько стараній, и цѣлость котораго онъ пытался закрѣпить громадными жертвами, духовными и матеріальными, находилось при смерти Юстиніана въ отчаянномъ положеніи, близкомъ къ разрушенію и банкротству. Самая слабая сторона системы Юстиніана были финансы. Огромные налоги, ужасное вымогательство ихъ сборщиками, расточительность двора и хроническій недостатокъ въ деньгахъ, для добыванія коихъ всяческія средства казались допустимыми; подкупъ варваровъ денежными выдачами и уступка имъ имперскихъ земель; жестокая эксплоатація народнаго имущества, конфискація частныхъ земель за проступки по дѣламъ вѣры и по доносамъ многочисленной арміи шпіоновъ—вся эта система держала въ оцѣпенѣніи населеніе имперіи и, казалось, готова была задушить всяческое проявленіе свободныхъ идей. Безотрадный взглядъ на финансовую политику Юстиніана, оставленный современнымъ ему историкомъ, раздѣляютъ и новые писатели. Если бы потребовалась—говоритъ Гфрёреръ [1])—болѣе краткая характеристика системы Юстиніана, я бы сказалъ, что онъ придерживался слѣдующей программы: „мнѣ принадлежитъ доходъ со всѣхъ земельныхъ владѣній, я господинъ земельной собственности. Мои города и дома, мнѣ принадлежитъ трудъ, исполняемый моими подданными, и мои деньги, которыя находятся въ ихъ карманахъ. Мнѣ одному принадлежитъ право, всѣ другіе люди имѣютъ по отношенію ко мнѣ обязанности и должны безпрекословно исполнять мои приказанія“.

У Юстиніана и Өеодоры, какъ извѣстно, не было дѣтей. Императорская семья состояла изъ многочисленныхъ племянниковъ царя, происходившихъ отъ брата его Германа и сестры Вигиланціи, между которыми наибольшимъ расположеніемъ царя пользовался Юстинъ, возведенный въ санъ куропалата и находившійся въ Константинополѣ въ послѣдніе годы жизни Юстиніана; на него и перешло наслѣдство власти. Юстинъ II былъ уже въ зрѣлыхъ годахъ при вступленіи на престолъ, но его личныя качества правителя отступаютъ на второй планъ передъ энергичной и честолюбивой супругой его

[1]) Gfrörer, „Byzantinische Geschichten“, II. S. 361—362.

Софіей, которая унаслѣдовала до извѣстной степени черты властнаго характера тетки своей, царицы Ѳеодоры. Прежде всего Юстину нужно было считаться съ опустошеннымъ казначействомъ и съ разстроенной до крайней степени арміей, которая была недостаточна для оберега-нія границъ, угрожаемыхъ варварскимъ вторженіемъ.

Внутреннее спокойствіе тревожимо было заговорами и интригами членовъ императорскаго дома, пытавшихся реагировать противъ новаго порядка вещей. Двоюродный братъ царя, сынъ племянника Юстиніана Германа, по имени также Юстинъ, казавшійся опаснымъ по своему вліянію въ войскѣ, былъ лишенъ военной команды и сосланъ въ Александрію, гдѣ умерщвленъ по приказанію царя. Управленіе Юстина отличается полнымъ разрывомъ съ прежней политикой Византійской имперіи. На сѣверѣ и востокѣ назрѣла серьезная опасность, которую необходимо было предупредить; славяне и авары въ Европѣ, персы въ Азіи сосредоточивали на себѣ вниманіе и требовали напряженія силъ имперіи. По вступленіи на престолъ онъ торжественно обѣщалъ сенату и народу правый и скорый судъ и личной бережливостью, равно какъ щедрыми выдачами на общественныя нужды изъ собственной казны сдѣлалъ популярнымъ свое имя. Но несчастіе Юстина было въ томъ, что онъ страдалъ умопомѣшательствомъ, которое съ теченіемъ времени становилось все замѣтнѣй и которое побудило царицу Софію поддержать идею о назначеніи преемника. Согласно обычаямъ римской имперіи Юстинъ усыновилъ въ 574 г. комита экскувитовъ Тиверія и назначилъ его кесаремъ; такимъ образомъ съ этого времени и до смерти царя въ 578 г. Тиверій управлялъ вмѣстѣ съ Софіей, а затѣмъ сдѣлался на короткое время (578—582) единовластнымъ распорядителемъ имперіи. Въ его царствованіе наиболѣе вниманія было посвящено событіямъ на персидской границѣ вслѣдствіе начавшейся еще въ предыдущее царствованіе войны съ персами. Въ заслугу Тиверія можно поставить то, что онъ избралъ для персидской войны способнаго генерала въ лицѣ комита экскувитовъ Маврикія, котораго незадолго до своей смерти женилъ на своей дочери Констанціи и объявилъ своимъ наслѣдникомъ.

Хотя двадцатилѣтнее правленіе Маврикія (582—602) мало отличается отъ безцвѣтнаго періода ближайшихъ преемниковъ Юстиніана, но несомнѣннымъ слѣдуетъ признать, что этимъ царствованіемъ на-

мѣчается полный разрывъ со старыми римскими вліяніями и преданіями, и обнаруживается приливъ новыхъ элементовъ въ жизнь Византійской имперіи. Несмотря на добрыя намѣренія и на военныя способности, которыя могли бы высоко поставить имя Маврикія во всякое другое болѣе спокойное время, онъ не достигъ положительныхъ результатовъ ни во внутреннемъ управленіи, ни въ войнахъ съ персами и славянами. Въ Константинополѣ были имъ недовольны за бережливость въ расходованіи государственныхъ средствъ, во внѣшнихъ войнахъ онъ не всегда былъ счастливъ и потому не пользовался широкой популярностью. Наступившая въ 602 г. катастрофа погубила Маврикія и сопровождалась жестокимъ истребленіемъ всей царской семьи и многочисленныхъ ея приверженцевъ въ служиломъ и состоятельномъ классѣ. Послѣ восьмилѣтняго правленія Фоки (602—610), съ которымъ по жестокости и грубости не можетъ сравниться никакое царствованіе, мы вступаемъ въ новый періодъ. У Амартола помѣщенъ анекдотъ, что, когда Фока появился въ св. Софіи, раздался голосъ одного монаха: „Господи!, какого ты намъ послалъ царя“!—На это послѣдовалъ невидимый голосъ: „Худшаго, который бы вполнѣ подошелъ вамъ по грѣхамъ вашимъ, я не могъ найти!“

Недавно, даже въ наши времена, повторялось сужденіе, впервые высказанное въ XVIII столѣтіи: „Славяне занимаютъ больше мѣста на землѣ, чѣмъ въ исторіи“. Этотъ афоризмъ имѣетъ цѣлью показать недостатокъ культурныхъ элементовъ въ исторіи славянъ; въ немъ есть также намекъ на политическое положеніе славянскаго міра, сложившееся далеко не такъ благопріятно, какъ этого можно было бы желать.

Въ теченіе всего VI столѣтія на берегахъ Дуная сосредоточиваются и передвигаются громадныя массы славянъ. Съ половины V вѣка славяне высылаютъ изъ-за Дуная значительные вооруженные отряды въ византійскія области и опустошаютъ южныя части Балканскаго полуострова. Въ VI в. мы встрѣчаемся уже съ совершившимся фактомъ, съ преобладаніемъ славянъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Не вдаваясь здѣсь въ археологическія изслѣдованія, переходимъ прямо къ изложенію отношеній между славянами и имперіей въ царствованіе Ираклія [1]).

---

[1]) „Acta Sanctorum“, octobris, t. IV. Miracula.

„Было во дни благочестивой памяти епископа Іоанна, поднялся народъ славянскій, безчисленное множество изъ дрогувитовъ, сагудатовъ, велегезитовъ, вэунитовъ, верзитовъ и прочихъ народовъ. Научившись дѣлать лодки изъ одного дерева и снарядивъ ихъ для плаванія по морю, они опустошили всю Өессалію и расположенные кругомъ нея и Еллады острова, еще же и Кикладскіе острова и всю Ахэю, Епиръ и большую часть Иллирика и часть Азіи и сдѣлали необитаемыми многіе города и области. Составивъ общее рѣшеніе идти на христолюбивый сей городъ, чтобы и его разорить, какъ и другіе города, они пригнали въ приморское мѣсто выдолбленныя изъ цѣльнаго дерева лодки, которыхъ было безчисленное количество, прочіе же въ неизмѣримомъ числѣ окружили богохранимый сей городъ съ востока, сѣвера и запада и со всѣхъ сторонъ, имѣя при себѣ свои семьи съ хозяйствомъ, въ томъ намѣреніи, чтобы по взятіи города поселиться въ немъ.—Тогда слезы лились рѣкой и были воздыханія по всему городу, до смерти напуганному однимъ только слухомъ о чрезвычайныхъ опустошеніяхъ городовъ, о безчисленныхъ убійствахъ и плѣненіяхъ и о томъ, что варвары уже вездѣ хвастаются погибелью города. Кромѣ всего прочаго, не оставалось, и своихъ судовъ, не было ихъ и въ ближайшихъ мѣстахъ для защиты входа въ городскую гавань [1]). Особенное уныніе возбуждали въ гражданахъ христіанскіе бѣглецы, сдѣлавшіеся плѣнниками отъ такого безпощаднаго осаднаго положенія. И была тогда одна душа и у робкихъ, и у мужественныхъ, каждый имѣлъ передъ глазами или горечь плѣна, или смерть, не имѣя возможности никуда спастись, ибо какъ смертоносный вѣнецъ варвары-славяне держали въ тискахъ городъ.

„Всему славянскому народу условлено было сразу и неожиданно напасть на стѣны. Находившіеся на судахъ славяне озаботились защитить ихъ сверху досками и покрыть такъ называемыми вирсами (кожами), дабы, когда лодки подойдутъ къ стѣнѣ, сдѣлать неуязвимыми гребцовъ со стороны тѣхъ, которые будутъ со стѣнъ бросать камни или пускать стрѣлы. И небесный промыслъ молитвами мученика внушилъ имъ эту первую трусость—не прямо подойти къ городу, а остановиться въ той части залива, которая называется Кел-

---

[1]) См. на планѣ № 10 (рис. 56, стр. 473).

ларій. Между тѣмъ, какъ варвары оставались тамъ, чтобы исполнить задуманную ими хитрость, городскіе жители немного запаслись мужествомъ и приготовили въ гавани нѣсколько деревянныхъ плотинъ, съ которыхъ протянули цѣпь... (далѣе описываются приготовленія для защиты стѣнъ со стороны моря). Черезъ три дня, когда славяне начали приступъ, городъ спасенъ былъ заступничествомъ св. Димитрія, при чемъ непріятельскій флотъ былъ разсѣянъ и увлеченъ теченіемъ, большая часть его погибла въ волнахъ. Предводитель славянъ по имени Хацонъ [1]) попался въ плѣнъ и былъ побитъ камнями.

„Вскорѣ послѣ разсказаннаго пораженія славяне имѣли серіозное обсужденіе случившагося и, собравъ большіе дары, послали апокрисіаріевъ къ аварскому кагану, давая ему обѣщаніе выдать большую сумму денегъ и обезпечивая огромную военную добычу при взятіи нашего города подъ тѣмъ условіемъ, если онъ вступитъ съ ними въ союзъ. Было признано, что городъ легко можетъ быть взятъ, потому что онъ находится въ занятой ими области, въ которой зависимые отъ него города и епархіи сдѣланы ими необитаемыми, и, оставаясь, какъ сказано, вполнѣ одинокимъ среди чуждаго населенія, онъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ бѣглецовъ изъ придунайскихъ странъ: Панноніи, Дакіи, Дарданіи и другихъ епархій и городовъ, которые въ немъ находятъ пріютъ [2]).

„Названный аварскій каганъ охотно согласился исполнить ихъ просьбу и, собравъ всѣ подчиненныя ему варварскія племена вмѣстѣ со всѣми славянами и болгарами и безчисленными народами, черезъ два года съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ къ нашему городу. И, вооруживъ избранныхъ всадниковъ, онъ послалъ ихъ впередъ самымъ краткимъ путемъ, приказавъ неожиданно напасть на городъ и, выведя или перебивъ его гарнизонъ, ждать хана съ собраннымъ имъ войскомъ и съ различными видами военныхъ орудій, назначенныхъ для погибели нашего отечества. Съ этимъ планомъ и въ такомъ порядкѣ устремились вооруженные варвары. Неожиданно въ пятомъ часу закованные въ желѣзо всадники набросились со всѣхъ сторонъ, а городскіе жители, не подозрѣвая опасности и занимаясь на посѣвахъ уборкой хлѣба, одни были убиты, другіе захвачены

---

[1]) § 166: ὁ τῶν αὐτῶν Σκλαβίνων ἔξαρχος, τοὔνομα Χάτζων.

[2]) „Acta SS.", § 169; Tougard, § 46.

въ плѣнъ вмѣстѣ со стадами скота и инструментами для обработки полей.

„Жители города оказались въ крайне затруднительномъ положеніи, такъ какъ не имѣли средствъ къ защитѣ. Бѣглецы изъ Ниша и Сардики, знавшіе по опыту объ искусствѣ враговъ брать стѣны, говорили со слезами, что они, убѣжавъ оттуда, пришли сюда на свою погибель: одинъ хорошо брошенный камень разрушитъ вашу стѣну. Однако, тогдашній епископъ Іоаннъ увѣщевалъ не падать духомъ, но принять нужныя мѣры къ защитѣ и возложить надежду на Бога и его мученика.—И, дѣйствительно, жители Солуни смѣло стали отражать нападенія варваровъ, а недостатокъ припасовъ пополнялся чудеснымъ образомъ. Во все время осады лодки съ хлѣбомъ и съ другими припасами ежедневно и безпрерывно входили въ гавань, такъ что и гавань, и все побережье наполнено было этими судами [1]). Послѣ безуспѣшной осады, продолжавшейся 33 дня, варвары должны были со стыдомъ оставить городъ, ограничившись сожженіемъ храмовъ, расположенныхъ внѣ города, и разрушеніемъ домовъ въ предмѣстьяхъ“ [2]).

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ о новомъ нападеніи и о новой осадѣ города славянскимъ княземъ Первундомъ, безыменный авторъ сообщаетъ интересныя подробности о занятомъ славянами положеніи:

„Ибо часто упомянутые славяне [3]), расположившіеся близь богоспасаемаго сего города, лишь по внѣшности соблюдали миръ, почему тогдашній правитель области довелъ до богомудраго слуха царя нашего, что князь племени ринхиновъ, именемъ Первундъ, замышляетъ коварныя и злыя намѣренія противъ нашего города“.—Далѣе слѣдуетъ полный живыхъ подробностей разсказъ, рисующій политическія отношенія славянъ къ имперіи и знакомящій съ самимъ княземъ, полуцивилизованнымъ грекомъ, носящимъ греческое платье и говорящимъ на греческомъ языкѣ. Кромѣ того, сообщаются интересныя данныя о двухлѣтней осадѣ города соединенными силами славянъ, при чемъ часть ихъ была въ состояніи выставить противъ Солуни флотъ [4]). Но всѣ ухищренія враговъ были безсильны противъ

---

1) „Acta SS.“, § 177; Tougard, § 52.
2) „Acta SS.“, § 180; Tougard, § 35.
3) „Acta SS.“, oct., IV, p. 173, § 185; Tougard, § 65, p. 148.
4) Tougard, § 76.

Солуни, которой, въ концѣ концовъ, дана была помощь со стороны императора.

Наконецъ, слѣдуетъ разсказъ о войнѣ противъ Солуни, веденной болгарами подъ предводительствомъ Кувера.

„Какъ знаете, христолюбцы, въ предыдущихъ сказаніяхъ мы изложили о славянахъ, какъ они, опустошивъ весь почти Иллирикъ или его области: обѣ Панноніи и обѣ Дакіи и всѣ епархіи съ присоединеніемъ Ѳракіи и до Длинныхъ стѣнъ Византіи и прочіе города и государства, все найденное тамъ населеніе увели въ ту часть Панноніи, которая находится у Дуная, и въ которой главнымъ городомъ былъ прежде Срѣмъ; названный каганъ въ этой области поселилъ всѣхъ плѣнныхъ, какъ подчиненный ему народъ. Это населеніе смѣшалось съ болгарами и аварами и другими народами, народило дѣтей и размножилось въ безчисленный народъ, и каждое новое поколѣніе воспринимало отъ предыдущаго идею родины и племенныя стремленія къ ромэйскимъ обычаямъ [1]). Какъ еврейскій народъ размножился въ Египтѣ, такъ и здѣсь подобнымъ же образомъ подъ дѣйствіемъ православной вѣры и святого и животворящаго крещенія размножалось христіанское племя, и черезъ передачу отъ одного другому о мѣстонахожденіи отечества разжигалось въ сердцахъ пламя тоски по родинѣ. Уже миновало около 60 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на ихъ предковъ сдѣлали нападеніе варвары, и появился уже новый народъ, и многіе изъ нихъ со временемъ стали свободными, и каганъ аварскій, смотря на нихъ какъ на любимый народъ, согласно господствовавшему у нихъ обычаю, поставилъ надъ ними князя, называвшагося Куверомъ. Этотъ же, узнавъ отъ нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ нему, что среди его народа распространено желаніе возвратиться въ отечественные города, замышляетъ планъ и поднимаетъ весь ромэйскій народъ вмѣстѣ съ другими племенами, т.-е. пришельцевъ вмѣстѣ съ ихъ запасами и оружіемъ, и начинаетъ возмущеніе противъ кагана. Послѣдній погнался за ними и, сразившись съ ними пять или шесть разъ и каждый разъ потерпѣвъ пораженіе, спасается бѣгствомъ съ оставшимся войскомъ и уходитъ на сѣверъ въ безопасныя мѣста. Куверъ послѣ одержанной побѣды перешелъ рѣку Дунай, вошелъ въ наши мѣста, расположился въ

[1]) Tougard, § 110.

Керамисіевомъ лагерѣ и, тамъ утвердившись, заявилъ притязаніе на отечественные города — одни стремились взять хранимый великомученикомъ городъ Өессалонику, другіе—царственный городъ, иные—остававшіеся за греками өракійскіе города".

Приведенный отрывокъ даетъ понять, что здѣсь въ нашемъ распоряженіи находится далеко не обычный житійный матеріалъ, а нѣчто совсѣмъ новое и оригинальное; это—сообщеніе о реальныхъ фактахъ, имѣвшихъ мѣсто въ началѣ VII вѣка. Авторъ отдѣляетъ первую серію событій отъ второй, которую онъ начинаетъ здѣсь описывать, періодомъ около 60 лѣтъ и сближаетъ ее съ началомъ ослабленія власти аваръ на Балканскомъ полуостровѣ. Мы приведемъ далѣе изъ этого сказанія еще нѣсколько мѣстъ, ближе относящихся къ Солуни. Прежде всего придумано было средство овладѣть городомъ хитростью, для чего избранъ былъ изъ приближенныхъ къ Куверу лицъ нѣкто Мавръ, человѣкъ также полугреческаго образованія, говорившій на ромэйскомъ, славянскомъ и болгарскомъ языкѣ, который подъ видомъ перебѣжчика долженъ былъ войти въ Солунь и ввести съ собой своихъ воиновъ и такимъ образомъ овладѣть городомъ. Послѣ чего Куверу оставалось со всѣми запасами и съ другими архонтами вступить во владѣніе Солунью и, укрѣпившись въ ней, начать порабощеніе окрестныхъ народовъ, овладѣть ими, завоевать острова и Азію и самую имперію. — Планъ былъ приведенъ въ исполненіе, и заговорщики предположили воспользоваться святой субботой, чтобы начать въ городѣ смуту, поджечь его и овладѣть имъ. Но императоръ приказалъ стратигу флота Сисиннію, стоявшему тогда въ Греціи, отправиться въ Солунь и предупредить несчастіе. Чудеснымъ образомъ Сисинній поспѣлъ въ Солунь въ нужное время и спасъ городъ отъ угрожавшей опасности.

Отмѣтимъ одно мѣсто въ этомъ разсказѣ, весьма важное для характеристики положенія дѣлъ на островахъ Архипелага. Стратигъ Сисинній, исполняя возложенное на него порученіе, вышелъ изъ Еллады и за день до вербнаго воскресенья остановился у острова Скіаөа (на югъ отъ Магнисіи, на пути къ Өессалоникѣ). Этотъ островъ оказался совсѣмъ необитаемымъ уже много лѣтъ; на немъ найденъ былъ заброшенный храмъ на мѣстѣ, поросшемъ кустарникомъ и запущенномъ. Адмиралъ приказалъ матросамъ очистить часть этого мѣста, и тамъ была совершена божественная литургія.

Приведенное сказаніе открывается сообщеніемъ уже совершившагося громадной важности факта, состоящаго въ распространеніи славянъ по Балканскому полуострову до Эгейскаго моря, въ изобрѣтеніи ими особаго рода судовъ, въ обладаніи моремъ, въ господствѣ надъ Ѳессаліей, Греціей и въ опустошительныхъ набѣгахъ на Эпиръ, Иллирикъ, Киклады и Азію.

Не можетъ быть сомнѣнія, что авторъ имѣетъ въ виду событія, наступившія послѣ Фоки, т.-е. начало VII вѣка, ибо конецъ VI вѣка характеризуется движеніями славянъ по Балканскому полуострову, не переходившими за материкъ. Можетъ-быть, наиболѣе выразительнымъ извѣстіемъ по отношенію къ дальнимъ походамъ, распространившимся до Адріатики, нужно признать знаменитыя слова въ письмѣ папы Григорія Великаго къ епископу Салонскому Максиму отъ 600 года.

„Славянскій народъ, такъ сильно угрожающій вамъ, смущаетъ меня и огорчаетъ: огорчаюсь, ибо соболѣзную вамъ; смущаюсь, ибо славяне изъ Истріи стали уже проникать въ Италію [1]). Но не совѣтую вамъ впадать въ отчаяніе, ибо тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ, суждено увидѣть еще худшее“. Это движеніе славянъ къ Адріатическому морю закончилось тѣмъ, что къ половинѣ VIII в. вся Далмація, за исключеніемъ приморскихъ городовъ Дубровника, Сплѣта, Трогира и Задра, была уже во власти славянъ.

Къ первымъ годамъ правленія Ираклія (610—641) относятся наиболѣе важные успѣхи славянской иммиграціи, засвидѣтельствованные одинаково греческими и чужими источниками. „Ираклій—говоритъ Ѳеофанъ [2])—нашелъ въ парализованномъ состояніи дѣла ромэйскаго государства, ибо Европу опустошили авары, а Азію персы“. Не менѣе рѣшительно говорятъ о томъ же латинскіе и восточные писатели. Такъ, въ хроникѣ Павла Діакона сообщается извѣстіе отъ 611 г. объ опустошеніи Истріи [3]). Въ хроникѣ Исидора, епископа се-

---

[1]) Erben, „Regesta“, N. 1; Migne, „Patrol. Lat.“, LXXVII, col. 1092: de Sclavorum gente, quae vobis valde imminet, affligor vehementer et conturbor; affligor in his, quae iam in vobis patior, conturbor quia per Istriae aditum iam Italiam intrare coeperunt.

[2]) Theophanes ed. de Boor, p. 300: Ἡράκλειος δὲ ὁ βασιλεὺς εὗρε παραλελυμένα τὰ τῆς πολιτείας Ῥωμαίων πράγματα· τὴν γὰρ Εὐρώπην οἱ Ἄβαρες ἠρήμωσαν καὶ τὴν Ἀσίαν οἱ Πέρσαι.—Общеизвѣстный фактъ, что авары воевали вмѣстѣ со славянами.

[3]) Pauli Diac., IV, 40: hoc anno Sclavi Histriam interfectis militibus lacrimabiliter depraedati sunt.

вильскаго не менѣе ясно извѣстіе о томъ, что въ началѣ царствованія Ираклія славяне отняли Грецію, а Персы—Сирію и Египетъ, т.-е. повторено вышеприведенное извѣстіе Ѳеофана, хотя оба писателя независимы одинъ отъ другого [1]). — Относительно систематическаго движенія славянъ по морямъ имѣется извѣстіе сирійскаго пресвитера Ѳомы, жившаго въ VII вѣкѣ, который говоритъ о нападеніи славянъ на Критъ около 623 г. и на другіе острова [2]), и историка Павла Діакона, который свидѣтельствуетъ о нападеніи славянъ на южную Италію въ 642 г. [3]). Славянскіе походы продолжаются въ 618—619, въ 622 и 626 гг.

Всѣ эти набѣги, продолжающіеся въ царствованіе Ираклія, происходили уже не изъ-за Дуная, а имѣли точкой отправленія Мизію, Ѳракію, Македонію, Ѳессалію и другія провинціи, находившіяся уже во власти славянъ. Слѣдовательно, мы можемъ принять за безспорный и вполнѣ подтвержденный разнообразными извѣстіями фактъ обладанія славянами моремъ въ началѣ VII в. и съ этой точки зрѣнія оцѣнивать извѣстія въ чудесахъ св. Димитрія, характеризующія новый порядокъ вещей. Такъ, выше мы видѣли, что на греческомъ островѣ Скіаѳѣ не оказалось населенія; это, конечно, нужно объяснять какъ результатъ полной слабости имперіи и господства на морѣ не-греческаго вліянія. Вполнѣ параллельное значеніе слѣдуетъ приписывать извѣстію, что славяне крейсировали по Архипелагу, Эллиспонту и Мраморному морю и захватывали суда, перевозившія въ столицу плоды и фрукты. Не довольствуясь этимъ, они дѣлали нападенія на населенныя мѣста: на Парій, Проконнисъ и на самыя таможенныя учрежденія и, захвативъ большую добычу, успѣвали возвращаться домой [4]). Это уже чрезвычайно неожиданные и смѣлые

---

[1]) Isidori Hispalensis episcopi Chronicon (Migne, „Patr. Lat.“, LXXXIII, col. 1056): Heraclius quintum agit imperii annum. Cuius initio Sclavi Graeciam Romanis tulerunt, Persae Syriam et Aegyptum.

[2]) Land, „Anecdota Syriaca, Thomas presbyter“, vol. I (Lugduni Bat. 1862), p. 115: Slavi Cretam ceterasque insulas invasere.

[3]) Pauli Diaconi, „Hist. Longobard.“, IV, p. 44 („Mon. Germ. Hist.“, „Scriptores rerum Langob. et Ital.“, ed. Bethmann et Waitz, Hannov. 1878, p. 135): venientes Sclavi cum multitudine navium non longe a civitate Seponto castra posuerunt.

[4]) Въ высшей степени пикантное мѣсто даютъ „Acta SS.“, § 190: τοὺς θαλαττίους πλωτῆρας τοὺς ἐπὶ παρακομιδῇ καρπῶν ἐν τῇ βασιλευούσῃ ἀνιόντας πόλει παμπόλλους ἐκπορθήσαντες, ἀπό τε τῶν νήσων καὶ τῆς στενῆς θαλάττης καὶ τῶν ἐπὶ τὸ Πάριον καὶ Προκόννησον τόπους καὶ αὐτοὺς τοὺς εἰς τὸ τελωνεῖον ἅμα τῶν πλοΐμων αἰχμαλωτίσαντες . . . . .

акты хозяйничанья почти у воротъ Константинополя. Проконнисъ находится на Мраморномъ морѣ, а Парій — морская гавань на азіатской сторонѣ Эллиспонта. Особенно интересно упоминаніе о таможнѣ. Само собой разумѣется, рѣчь идетъ объ императорской таможнѣ на Эллиспонтѣ; таможенныя вѣдомства были именно въ Абидосѣ и Кизикѣ, въ нашемъ памятникѣ идетъ рѣчь о нападеніи на одинъ изъ этихъ пунктовъ [1]).

Въ связи съ указанными фактами слѣдуетъ разсматривать тѣ извѣстія, которыя въ свое время были предметомъ горячихъ споровъ и недоразумѣній. Изучаемый нами памятникъ представляетъ нѣсколько мѣстъ, чрезвычайно опредѣленно и ясно говорящихъ не только о господствѣ славянъ на морѣ, но и объ утвержденіи ихъ на греческомъ материкѣ. Нельзя не признать, что рисуемая нашимъ безыменнымъ авторомъ картина полнаго господства славянъ на морѣ, въ Елладѣ и на островахъ [2]), заставляетъ принять за безспорный и тотъ фактъ, что имъ принадлежали морскія мѣста и гавани для снаряженія и стоянки флота. Эта мысль и выражена въ сказаніи во вступительномъ объясненіи къ морской осадѣ Солуни [3]).

Здѣсь же находимъ весьма любопытный фактъ, бросающій свѣтъ на неожиданную этнографическую новость [4]). Находясь въ тѣсной осадѣ и имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, совѣтъ гражданъ рѣшилъ отправить имѣвшіяся въ распоряженіи города суда въ Өессалію, чтобы тамъ въ Өивахъ и Димитріадѣ, на Пагасейскомъ заливѣ, закупить у велесичей сушеныхъ плодовъ на нѣкоторое утѣшеніе города. Согласно этому рѣшенію, оставивъ въ городѣ только слабыхъ и безсильныхъ, наиболѣе сильные и здоровые люди отправились на корабляхъ къ сказаннымъ велесичамъ, „потому что, повидимому, они стояли въ мирѣ съ городомъ".

Итакъ, въ Өессаліи живетъ уже осѣдлое населеніе славянское изъ племени велесичей; оно не сегодня и не вчера завладѣло этой областью, усѣлось въ ней прочно и занялось сельскимъ хозяйствомъ.

---

1) Schlumberger, „Sigillographie de l'empire byzantin", p. 197—198.

2) „Miracula", lib. II, § 158.

3) Ibid.: ὥσπερ κατεσκεύασαν ἐκ μονοδένδρων γλυπτὰς νῆας, ἀπείρους τὸν ἀριθμὸν ὑπαρχούσας, κατὰ τὸ πρὸς θάλατταν κατεστρατοπέδευσαν μέρος . . . Ясно, что упомянутымъ въ житіи славянскимъ племенамъ принадлежалъ морской берегъ въ Македоніи!

4) Tougard, § 86 (p. 166).

Приморскій византійскій городъ, жившій торговлей и имѣвшій обширныя сношенія, стоитъ съ этими новыми насельниками Өессаліи въ мирномъ договорѣ, при чемъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на центральную власть въ Константинополѣ, какъ-будто все предоставлено процессу разложенія и дезорганизаціи въ этихъ исконныхъ греческихъ областяхъ!

Всѣ вышеизложенныя данныя даютъ полное освѣщеніе факту, заявленному въ XI в. въ синодальномъ посланіи патріарха Николая II (1084—1111) къ императору Алексѣю Комнину. Въ этомъ актѣ говорится, что авары 218 лѣтъ владѣли Пелопоннисомъ, такъ что въ это время (отъ конца VI до 810 г.) ромэйская власть не имѣла тамъ своихъ представителей [1]).

Такимъ образомъ въ половинѣ VII вѣка Балканскій полуостровъ, по окончаніи ряда славянскихъ вторженій съ сѣвера, представляетъ населеніе почти однородное, съ преобладаніемъ почти повсюду славянскаго элемента. Извѣстная фраза у Константина Багрянороднаго: „ославянилась вся Греція и сдѣлалась варварскою“ — ко времени Константина является уже анахронизмомъ, но безспорно VI и VII столѣтія характеризуются тѣмъ, что Балканскій полуостровъ ославянился, всѣ поселенцы, бывшіе до славянъ, подверглись ихъ большему или меньшему вліянію, хотя, конечно, уцѣлѣли до сихъ поръ (напр., албанцы, румыны).

Для интересовъ изученія славянской исторіи чрезвычайно важно отдать себѣ отчетъ въ томъ положеніи, что славянская первоначальная исторія должна быть изучаема не у свободныхъ славянъ, но у живущихъ въ предѣлахъ имперіи. Первыя страницы славянской исторіи принадлежатъ славянству не самостоятельному.

Слѣдуетъ различать два типа славянскихъ поселеній въ областяхъ имперіи: или насильственное вторженіе, или добровольное поселеніе по договору, т.-е. родъ соглашенія въ видахъ колонизаціи запустѣвшихъ областей. Можно, однако, утверждать, что большинство славянскихъ поселеній возникло или помимо правительственной иниціативы, или вопреки желанію правительства, почему о нихъ не упоминается въ источникахъ. Извѣстій о договорныхъ поселеніяхъ славянъ имѣется достаточное количество, хотя они идутъ и не отъ

---

[1]) Ραλλη-Ποτλη, Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, V, p. 72.

древнѣйшихъ временъ. Добровольныя (и подневольныя) поселенія славянъ въ Малой Азіи начинаются, по всей вѣроятности, съ VI в. и могутъ быть засвидѣтельствованы лѣтописями VII столѣтія. Въ лѣтописи Ѳеофана подъ 664 г. сообщается извѣстіе о переселеніи изъ Македоніи въ Сирію 5 тысячъ славянъ. Правда, трудно отыскать дальнѣйшія свидѣтельства о положеніи этой колоніи, о ея ростѣ, развитии и дальнѣйшей судьбѣ, но можно выводить въ этомъ смыслѣ довольно благопріятныя заключенія изъ того, что въ томъ же столѣтіи съ Балканскаго полуострова въ Малую Азію были переселены и другія колоніи, которыя, конечно, не могли бы успѣшно селиться тамъ, если бы первыя попытки были неудачны, если бы первые колонисты устроились неблагопріятно. Подъ 687 г. у того же Ѳеофана мы находимъ болѣе подробное извѣстіе: говоря о походѣ Юстиніана II въ Македонію съ цѣлью нападенія на славянъ, жившихъ близь Солуни, онъ передаетъ, что императоръ нѣкоторыхъ изъ нихъ побѣдилъ и предписалъ имъ свои требованія, а другихъ договорами убѣдилъ переселиться изъ Македоніи въ Малую Азію, и такимъ образомъ въ это время было препровождено значительное число славянъ въ провинцію Опсикію. О судьбахъ этой колоніи мы имѣемъ и дальнѣйшія свѣдѣнія. Изъ колонистовъ, поселенныхъ въ Опсикіи, было устроено военное ополченіе въ числѣ 30 тысячъ человѣкъ, иначе говоря, колонія была поставлена на военное положеніе и обязывалась выставлять въ византійскую армію 30 тыс. человѣкъ ополченія. Какъ можно догадываться, эта военная организація напоминаетъ нѣсколько военное устройство нашихъ казаковъ (донскихъ, малорусскихъ). Нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ славяне привлекались въ военную службу, а 30 тыс. человѣкъ славянскаго ополченія должны указывать на довольно значительную численность славянскихъ колонистовъ, ибо, по всѣмъ предположеніямъ, не всѣ способные носить оружіе привлекались обязательно служить, а только извѣстный процентъ населенія. Не всѣ могли идти на службу — въ противномъ случаѣ все населеніе могло бы покинуть земли, оставивъ ихъ безъ обработки, и колонія не достигла бы цѣли, такъ какъ земля давалась колонистамъ, какъ средство имѣть возможность выставить готовыхъ воиновъ, да и самыя мѣста поселеній тогда были бы открыты для внѣшнихъ нападеній. Характеристика этого козацкаго положенія славянскаго элемента въ Малую Азіи рисуется изъ нѣсколькихъ намековъ, именно: царь вы-

дѣлилъ изъ 30 тыс. народъ опричный, избранный (*λαὸν περιούσιον*), вооружилъ ихъ и далъ въ начальники славянина же, старѣйшину ихъ (Невула). Это замѣчаніе важно въ томъ отношеніи, что византійскіе императоры, переселивъ славянъ въ Малую Азію, не бросали ихъ на произволъ судьбы, но старались достигать опредѣленныхъ политическихъ цѣлей, предоставляя колонистамъ и средства для осуществленія ихъ: навѣрное давали имъ самоуправленіе, право самосуда, не лишали даже туземной власти. Эта колонія не оставалась, да и не могла остаться безъ замѣтнаго участія въ судьбахъ византійской имперіи въ VIII и IX вв. Прослѣдить во всей широтѣ ея вліяніе невозможно, но есть на этотъ счетъ очень любопытные намеки. Арабы пользуются услугами славянъ, нанимаютъ охотниковъ-проводниковъ изъ нихъ для похода въ Романію (Македонію и Ѳракію) и пр. „И пошелъ Магометъ на Романію, взявъ съ собой славянъ, какъ знакомыхъ съ Романіей“ [1]). Но несомнѣнно, что политическая роль славянскихъ колоній продолжалась и позже, такъ какъ славяне составляли значительный элементъ въ населеніи Малой Азіи. Въ 754 г. въ Малую Азію была направлена еще болѣе обширная колонія въ 208.000 человѣкъ и была поселена у рѣки Артаны. Предполагая, что и эта колонія была поставлена на военное положеніе, мы допускаемъ, что она должна была выставлять въ византійскую армію отрядъ ополченія, по крайней мѣрѣ, въ 20 т. человѣкъ.

Такимъ образомъ, что касается сѣвера и до извѣстной степени Малой Азіи, то къ половинѣ VII в., въ теченіе ста лѣтъ, совершился переворотъ громадной исторической важности: весь почти Балканскій полуостровъ сдѣлался достояніемъ славянства.

Около того же времени часть мелкихъ славянскихъ племенъ, поселившихся на сѣверо-востокѣ Балканскаго полуострова, подпала подъ власть пришлой азіатской орды болгаръ. Эти завоеватели сдѣлали для этой части славянства то, въ чемъ нуждалось западное славянство: они создали политическую организацію, даровали крѣпкое государственное единство. Какъ ее ни разсматривать — эту азіатскую орду, — но болгары являются сплоченнымъ народомъ, выступаютъ на историческое поприще грозной для Византіи силою. Славяне же, оставшіеся въ сторонѣ отъ власти этого пришлаго элемента, именно

---

[1]) Theoph. „Chronogr.“, p. 561.

сербы, достигаютъ политической организаціи чуть ли не во времена Нѣманичей, къ началу XI столѣтія. Почти шесть вѣковъ они провели въ состояніи политической незрѣлости, и какъ эти сербскіе славяне, такъ и ихъ сѣверные соплеменники много потеряли въ теченіе своей исторіи въ силу неизбѣжнаго закона, что позиціи, значеніе которыхъ не понято одной стороной, и которыя остались беззащитными и свободными, не могутъ долго оставаться въ такомъ положеніи и занимаются другой стороной. Появленіе въ сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова болгарской орды было, однако, чрезвычайно благопріятнымъ для славянской исторіи обстоятельствомъ.

Теперь обратимся къ другому важнѣйшему вопросу византійской политики: отношеніямъ имперіи къ ея восточному сосѣду. Этотъ вопросъ по единовременности своего возникновенія съ разсмотрѣннымъ и по своей существенной важности для судебъ имперіи составляетъ характерный признакъ VI—VII в.

На сѣверѣ противниками Византійской имперіи являлись неорганизованныя славянскія племена, на югѣ и востокѣ приходилось вести борьбу съ могущественной державой, съ централизованной государственной властью, обладавшею обширными матеріальными средствами. Войны Византіи съ персами продолжались цѣлыя столѣтія; со времени Юстиніана, задававшагося міровластительными цѣлями, прочнаго міра между двумя имперіями не могло установиться, несмотря на многократные договоры о „вѣчномъ мірѣ". Можно думать, что и въ этомъ отношеніи религіозная исключительность и ревность о чистотѣ православія греческаго духовенства много способствовала взаимной враждѣ. Множество добрыхъ христіанъ переходило подъ власть персовъ, Византія постепенно теряла симпатіи среди населенія пограничныхъ областей, которое часто служило проводниками персамъ во время ихъ походовъ въ гористыхъ византійскихъ провинціяхъ. Исторія взаимныхъ отношеній между Персіей и Византіей въ концѣ VI и въ началѣ VII вв. и потому еще останавливаетъ на себѣ наше вниманіе, что въ это время на Востокѣ совершается не менѣе важный, чѣмъ на Балканскомъ полуостровѣ, процессъ выдѣленія новыхъ этнографическихъ элементовъ: происходитъ броженіе между арабами въ аравійской пустынѣ, начинаютъ доходить до культурныхъ странъ извѣстія о туркахъ. Это именно тѣ народы, которымъ принадлежитъ ближайшее будущее на востокѣ.

Хотя въ 562 г. между Юстиніаномъ и Хосроемъ былъ заключенъ 50-лѣтній миръ, но ни та, ни другая сторона не обманывалась на счетъ прочности этого мира. Прежде всего нужно помнить, что условіемъ мира была плата значительной дани со стороны византійской имперіи; Юстиніанъ согласился на эту унизительную жертву въ видахъ сохраненія мира, котораго онъ такъ желалъ въ преклонномъ возрастѣ, и который былъ такъ необходимъ при разстройствѣ арміи и истощеніи государственной казны. Но при Юстинѣ II, въ 572 году, когда предстояло выплатить долю взноса на второе десятилѣтіе, настроеніе правительства было другое, и оно отказало персамъ во взносѣ дани.

Разрывая миръ съ персами, Юстинъ II долженъ былъ понимать, что предстоитъ новая война. И, дѣйствительно, въ теченіе слѣдующихъ 20 лѣтъ идетъ рядъ военныхъ столкновеній частью на границѣ, вокругъ крѣпостей Нисиби и Дара, частью въ областяхъ имперіи. Такъ какъ почти во всѣхъ войнахъ двухъ сосѣднихъ государствъ военныя дѣйствія большей частью зависѣли отъ того или другого положенія пограничныхъ полунезависимыхъ арабскихъ племенъ и турецкихъ кочевыхъ ордъ, а также отъ того обстоятельства, на чьей сторонѣ станетъ пограничная горная Арменія, то нужно думать, что рѣшеніе императора Юстина II разорвать миръ съ Персіей основывалось на благопріятныхъ свѣдѣніяхъ, имѣвшихся въ Константинополѣ по отношенію къ упомянутымъ племенамъ и кочевымъ ордамъ. Болѣе любопытныя данныя представляютъ начавшіяся тогда сношенія Византіи съ народомъ, впервые выступившимъ въ то время въ исторіи подъ именемъ турокъ [1]).

Упоминаемые у китайскихъ писателей съ конца V вѣка, турки составляли въ это отдаленное время небольшое кочевое племя того же происхожденія, что гунны, авары, болгаре, половцы и печенѣги, венгры и монголы. Вслѣдствіе удачныхъ наѣздовъ на своихъ сосѣдей турки пріобрѣли извѣстность въ V в. и вступили въ сношенія съ Китаемъ. Въ VI в., овладѣвъ Бухарой, они сдѣлались сосѣдями Персіи и составили планъ принять на себя посредничество въ сношеніяхъ Византійской имперіи съ Китаемъ и открыть прямой путь для торговыхъ каравановъ изъ Индіи въ Европу. Такъ какъ сношенія съ

---

[1]) „Echos d'Orient", № 77, Juillet 1909; Vailhé, „Projet d'alliance turcobyzantine au VI s.".

Хосроемъ не привели къ желаемой цѣли, то турецкій ханъ задумалъ соединить свои интересы съ политическими видами Византійской имперіи. Съ этой цѣлью онъ отправилъ въ Константинополь торжественное посольство, которое явилось въ столицу греческой имперіи въ концѣ 568 года и заставило о себѣ говорить тогдашнихъ писателей[1]). Послы принесли Юстину II письмо отъ своего хана по имени Моканъ-хана или Дизабула и сообщили грекамъ новыя и любопытныя свѣдѣнія о турецкомъ народѣ. Между прочимъ они говорили, что авары, съ которыми византійскій царь находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ, суть не что иное, какъ взбунтовавшіеся противъ турокъ подданные и рабы. Цѣль посольства, во главѣ котораго стоялъ Маніакъ, состояла въ заключеніи съ греками торговаго договора для свободнаго провоза на западъ шелка, въ установленіи вѣчнаго мира и союза противъ всѣхъ враговъ Византіи. Юстинъ II, понимая все значеніе раскрываемыхъ этими предложеніями торговыхъ и политическихъ выгодъ, не рѣшился, однако, пуститься въ авантюру, прежде чѣмъ не собраны будутъ болѣе точныя свѣдѣнія о турецкомъ народѣ. Съ этой цѣлью въ 569 г. снаряжено было торжественное посольство съ Зимархомъ, комитомъ Востока во главѣ, которое отправилось въ турецкую землю въ сопровожденіи упомянутаго выше Маніака. Цѣлью была Согдіана или нынѣшняя Бухара. Византійское посольство прибыло въ станъ великаго хана, когда онъ готовился на войну съ персами. Здѣсь Зимарху удалось заручиться подтвержденіемъ статей договора, заключеннаго въ Константинополѣ и затѣмъ съ богатыми подарками хана предпринять обратное путешествіе въ Константинополь. Съ этого времени начинается рядъ ежегодныхъ сношеній турокъ съ Византіей. Менандръ насчитываетъ семь посольствъ до 576 года. Эти сношенія не имѣли, однако, существенныхъ выгодъ ни для той, ни другой стороны и ограничивались восточными любезностями и обѣщаніями, исполненіе которыхъ никто не считалъ обязательнымъ. Разъ, когда византійскій посолъ предсталъ передъ ханомъ Туркешемъ и, сообщивъ ему о возведеніи Тиверія въ санъ кесаря, просилъ сдѣлать диверсію противъ персовъ, ханъ сказалъ: „у васъ, у грековъ, десять языковъ и одно мошенничество. Вотъ мои десять пальцевъ я вложилъ въ свой ротъ, такъ и

[1]) Главнымъ образомъ, Менандръ.

вы своими разными языками обманываете то меня, то аваровъ, моихъ рабовъ! Мы, турки,—продолжалъ ханъ,—не лжемъ и никогда не обманываемъ, а императоръ посылаетъ ко мнѣ пословъ съ лестными обѣщаніями и въ то же время ведетъ дружбу съ аварами, а это рабы, взбунтовавшіеся противъ своихъ господъ. Авары возвратятся ко мнѣ, когда я захочу, мнѣ стоитъ только поднять бичъ, чтобы заставить ихъ провалиться подъ землю. Зачѣмъ вы всегда препровождаете моихъ пословъ, идущихъ къ вамъ, черезъ Кавказъ? Не думаете ли вы такимъ образомъ держать отъ меня втайнѣ ваши границы изъ опасенія, чтобы я не захватилъ ихъ? Я знаю очень хорошо, гдѣ текутъ ваши рѣки Днѣпръ, Дунай и Марица, я знаю пути, которыми шли авары, мои подданные, чтобы напасть на ваши владѣнія. Ужели вы думаете, что я не знаю прекрасно ваши силы"?

Приведенныя извлеченія изъ современнаго историка очень хорошо рисуютъ взглядъ на турецко-татарскіе народы, кольцомъ обхватившіе восточную имперію съ VI вѣка и поддерживавшіе между собой дѣятельныя сношенія. Давно уже была высказана мысль, что Византія часто сама знакомила европейскихъ и азіатскихъ турокъ между собой на собственную пагубу (особенно печенѣги и турки-сельджуки въ XI в.), теперь мы убѣждаемся, что и безъ посредства Византіи турецко-татарскіе народы Запада и Востока имѣли между собой сношенія, не забывали общность происхожденія и языка и не чужды были идеи общаго движенія противъ лживыхъ и клятвопреступныхъ грековъ.

Какъ бы то ни было, хотя на этотъ разъ продолжительные переговоры и сношенія не имѣли желательныхъ результатовъ, не слѣдуетъ терять изъ виду, что турецко-византійскіе переговоры направлены противъ естественной соперницы Византіи, персидской имперіи, и имѣли цѣлью ослабленіе аварскаго могущества. Весьма вѣроятно, что византійское правительство, принимая свое рѣшеніе относительно Персіи, ставило на одну чашку вѣсовъ возможный союзъ съ турками, но не имѣло смѣлости и настойчивости дать болѣе широкое мѣсто открываемымъ со стороны турокъ перспективамъ. Для византійской политики центръ тяжести въ концѣ VI в. переносится на западъ, славяно-аварскіе набѣги имѣли болѣе значенія для правительства, чѣмъ судьбы сирійскихъ и малоазійскихъ провинцій. Вялая политика на Востокѣ сопровождалась вялыми

переговорами съ разными полунезависимыми племенами и нерѣшительными дѣйствіями противъ персовъ.

Кромѣ турецкаго посольства къ войнѣ съ персами предрасполагали тогдашнія событія въ южной Аравіи, гдѣ владѣтель Іемена, желая освободиться отъ власти христіанскаго абиссинскаго царя, искалъ покровительства Персіи и навлекъ на свою страну вмѣстѣ съ персидскимъ вліяніемъ гнетъ и вымогательства персидскаго намѣстника, противъ чего императоръ считалъ необходимымъ реагировать. Точно въ тѣхъ же условіяхъ находилась персидская Арменія, гдѣ угнетаемые персами христіане искали покровительства христіанскаго царя. Когда Хосрой указывалъ, что онъ не допускаетъ вмѣшательства въ дѣла Арменіи, изъ Византіи было получено въ отвѣтъ, что не въ обычаѣ христіанскаго царя оставлять безъ помощи своихъ единовѣрцевъ.

Персидская война можетъ быть раздѣлена на два періода, границей между которыми служитъ смерть Хосроя въ 579 г. Со стороны Юстина главнокомандующимъ былъ назначенъ сенаторъ и патрикій Маркіанъ, имѣвшій впрочемъ въ своемъ распоряженіи весьма незначительный отрядъ и ограничившій свои дѣйствія демонстраціей противъ пограничной крѣпости Нисиби. Между тѣмъ какъ византійскій полководецъ осаждалъ этотъ городъ, персы вторглись въ Сирію и нанесли много вреда незащищенной странѣ, уведя толпы плѣнныхъ и разоривъ города и селенія, а самъ Хосрой осадилъ византійскую крѣпость Дару и взялъ ее послѣ шестимѣсячной осады.

Въ виду неудачнаго хода военныхъ дѣйствій на Востокѣ и опасности на Западѣ отъ аваръ, Юстинъ отозвалъ Маркіана и назначилъ на его мѣсто другого вождя. На нѣкоторое время затѣмъ военныя дѣйствія перенесены были въ Арменію, гдѣ персы разрушили два города Севастію и Мелитину, но потомъ, въ свою очередь, потерпѣли пораженіе отъ Юстиніана, племянника одноименнаго императора. Но до назначенія Маврикія, будущаго императора, на мѣсто главнокомандующаго на Востокѣ (577—578) персидская война тянулась съ перемѣннымъ успѣхомъ. Маврикій, прошедшій хорошую военную школу и любившій военное дѣло, теоріей котораго онъ занимался спеціально [1]), подготовилъ изъ своихъ земляковъ каппадокійцевъ

[1]) Съ его именемъ сохранились сочиненія о военномъ дѣлѣ въ Византіи.

надежный военный отрядъ и воспользовался имъ для войны съ персами. Не ограничиваясь защитой пограничныхъ областей, Маврикій перенесъ поле сраженія на персидскую территорію и сталъ опустошать несчастную персидскую Арменію. Успѣхи его были такъ значительны, что совершенно измѣнили взаимное положеніе враждующихъ сторонъ. Уведя изъ Арменіи множество плѣнныхъ, Маврикій поселилъ ихъ на островѣ Кипрѣ. На исторію дальнѣйшей войны огромное вліяніе имѣли военныя реформы Маврикія и смерть Хосроя въ 579 г.

Преемникъ Хосроя, Ормисда IV, прервалъ переговоры о мирѣ, начатые Тиверіемъ, и рѣшился продолжать войну. Но византійскія войска продолжали имѣть перевѣсъ, благодаря съ одной стороны купленному дорогой цѣной миру съ аварами, позволившему сосредоточить на Востокѣ больше военныхъ силъ, а также благоразумнымъ военнымъ мѣрамъ Маврикія. Въ 581 г. онъ одержалъ надъ персами большую побѣду при Констанціи въ Месопотаміи, имѣя на своей сторонѣ сарацинскаго князя Мондира, который оказалъ ему важную услугу. Когда въ слѣдующемъ 582 г. Маврикій вступилъ на престолъ, командованіе на Востокѣ перешло къ стратигу Іоанну Мистаку, который не имѣлъ ни искусства, ни счастія своего предшественника и потерпѣлъ отъ персовъ нѣсколько пораженій. На смѣну ему посланъ былъ Филиппикъ, женатый на сестрѣ царя Гордіи. Въ 586 г. персидское и византійское войско встрѣтилось въ восточной Месопотаміи въ долинѣ Солахъ, гдѣ произошло рѣшительное сраженіе, окончившееся пораженіемъ персовъ. Достойно замѣчанія, что здѣсь въ первый разъ упоминается знамя съ изображеніемъ Нерукотворнаго образа, съ которымъ Филиппикъ обходилъ византійскія войска. Въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе въ качествѣ подчиненнаго Филиппику лица Ираклій, отецъ будущаго императора. Послѣ успѣшнаго дѣла при Солахѣ высшее руководство военными дѣлами на персидской границѣ перешло къ Ираклію, который съ успѣхомъ дѣлалъ набѣги на города и селенія въ южной Арменіи, имѣя главный опорный пунктъ въ Амидѣ, такъ какъ съ утратой Дары граница на Востокѣ измѣнилась въ ущербъ Византіи. Когда весной 586 г. посланъ былъ на Востокъ новый военачальникъ въ лицѣ Приска, положеніе сторонъ еще болѣе измѣнилось не въ пользу имперіи. Въ византійскомъ войскѣ начался мятежъ, раздались жалобы на непра-

вильную выдачу продовольствія и уменьшеніе денежныхъ выдачъ. Хотя Маврикій поспѣшилъ замѣнить непопулярнаго военачальника любимымъ между восточными войсками Филиппикомъ, но и это мало содѣйствовало успокоенію войска. Въ 588 и 589 г. послѣдовали двѣ битвы при Мартирополѣ и Нисиби, окончившіяся пораженіемъ персидскаго войска. Но какъ, въ концѣ концовъ, успѣхъ войны мало зависѣлъ отъ случайной побѣды или пораженія одного отряда, и какъ персы умѣли хорошо пользоваться близостью къ своей территоріи и быстро пополняли запасы, видно изъ того, что вскорѣ послѣ пораженія, испытаннаго при Мартирополѣ, они осадили засѣвшій въ городѣ греческій гарнизонъ и снова овладѣли этимъ городомъ.

Затянувшаяся персидская война могла продолжаться и еще многіе годы. Ни персы, ни греки не употребляли въ дѣло большихъ военныхъ силъ, чтобы нанести рѣшительное пораженіе противнику. Собственно говоря, военныя дѣйствія сосредоточивались на пограничной полосѣ, и ни одна сторона не отваживалась проникать въ собственныя области противника. Рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣйствій оказали внѣшнія событія, частью вызванныя сношеніями Маврикія съ сосѣдними полунезависимыми арабскими и турецкими князьями. Какъ бы то ни было, Персія оказалась въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ: арабы напали на Месопотамію, турки угрожали сѣвернымъ границамъ, хазары вторглись въ Арменію. Хотя персидскій военачальникъ Варарамъ одержалъ побѣду надъ турками, но въ Колхидѣ потерпѣлъ пораженіе въ дѣлѣ съ византійскимъ отрядомъ. Когда царь Ормисда, разгнѣванный за неудачу, хотѣлъ лишить его командованія, Варарамъ поднялъ возстаніе и началъ войну противъ непопулярнаго властителя. Въ 590 г. Ормисда былъ убитъ, и на его мѣсто провозглашенъ царемъ взбунтовавшійся военачальникъ. Но у Ормисда остался въ живыхъ сынъ Хосрой II, который обратился къ Маврикію съ просьбой о помощи и съ большими обѣщаніями, если царь приметъ на себя задачу возстановить его на царствѣ. Въ Константинополѣ хорошо взвѣсили внутреннее и внѣшнее положеніе Персіи и приняли сторону низверженной династіи. Двумя побѣдами надъ узурпаторомъ возстановлена была власть Хосроя II надъ Персіей, и въ 591 г. заключенъ былъ миръ, по которому персы уступили Византіи персидскую Арменію и восточную Месопотамію. Утраченныя во время 20-лѣтней войны крѣпости Дара

и Мартирополь возвращались Византіи. Неожиданно сложившіяся благопріятно для Византіи политическія событія дали ей весьма выгодный миръ и позволили Маврикію перевести часть войскъ съ Востока въ Европу, гдѣ дунайская граница угрожаема была аварами. Въ теченіе 10 лѣтъ на восточной границѣ былъ прочный миръ.



ГЛАВА XI.

НИЗВЕРЖЕНІЕ МАВРИКІЯ И ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ ФОКИ. ВОЗСТАНІЕ ЭКЗАРХА ИРАКЛІЯ.



Восьмилѣтнее правленіе Фоки (602—610) представляетъ собой самый постыдный періодъ въ исторіи Византіи, которому было бы излишне посвящать особую главу, если бы не побуждали къ тому особыя соображенія. Мы уже неоднократно указывали, что въ концѣ VI и въ началѣ VII в. начинаютъ обнаруживаться новые элементы въ исторіи, которымъ свойственно особое наименованіе и которые въ своей совокупности дали восточно-римской имперіи характеръ византинизма.

Въ исторіи смѣны царствованій до вступленія на престолъ дома Ираклія остается загадочнымъ вопросъ объ участіи въ политическихъ переворотахъ городскихъ димовъ и о реформахъ, задуманныхъ и проведенныхъ въ жизнь царемъ Маврикіемъ.

„Нѣтъ періода, говоритъ Финлей [1]), въ который бы общество находилось въ такой универсальной деморализаціи, когда всѣ народы, извѣстные грекамъ и римлянамъ, оказались бы въ такой степени утратившими энергію и доблесть, какъ періодъ отъ смерти Юстиніана до появленія Магомета“. Но прослѣдить причины этой деморализаціи и сдѣлать анализъ явленій, въ которыхъ главнѣйше выразилось паденіе нравовъ и доблестей—составляетъ очень трудную задачу, которая не удавалась еще историкамъ. Можетъ-быть это чувствовали современники, но настроеніе ихъ осталось для насъ мало понятнымъ и извѣстнымъ. Между прочимъ въ чудесахъ св. Димитрія Солунскаго [2]) есть намекъ на тѣ реальные факты, которые много объясняютъ картину нравственной распущенности въ концѣ

[1]) Finlay, „History of Greece“, I, 298.

[2]) „Acta Sanct.“ Octobris, IV, p. 132.

VI и началѣ VII в. „Кто не знаетъ, говоритъ жизнеописатель, какую тучу пыли поднялъ діаволъ при Маврикіи, благочестивой памяти царѣ, убивъ любовь и поселивъ взаимную вражду на всемъ Востокѣ, и въ Киликіи, и въ Азіи, и въ Палестинѣ и до такой степени взволновавъ всѣ сосѣднія области даже до самаго царственнаго города, что димы не только не удовлетворялись тѣмъ, что упивались на площадяхъ кровью соплеменниковъ, но и нападали взаимно на жилища другъ друга и безжалостно убивали тѣхъ, кого въ нихъ находили живыми, сбрасывали на землю съ верхнихъ этажей женщинъ и дѣтей, стариковъ и юношей, которые по слабости силъ не могли спастись бѣгствомъ, и подобно грубымъ варварамъ грабили своихъ односельчанъ и знакомыхъ и родственниковъ и сожигали ихъ жилища“. Другой современникъ, Ѳеофилактъ Симокатта[1]), передаетъ общее настроеніе исключительно тревожнаго времени въ разсказѣ о видѣніи, бывшемъ царю Тиверію наканунѣ смерти (582 г.). Ему привидѣлось во снѣ, будто предсталъ предъ нимъ мужъ неизреченной божественной красоты и сказалъ: вотъ что говоритъ тебѣ, Тиверій, Трисвятое: „тиранническія и нечестивыя времена не постигнутъ твое царство“, т.-е. таковыя времена наступятъ при его преемникѣ.

Общее мнѣніе усвояетъ Маврикію положительныя качества честнаго и благонастроеннаго правителя, который не щадилъ силъ и средствъ для того, чтобы поддержать расшатанный строй имперіи, но остановить процессъ распаденія не было въ его силахъ. „Имперія содержала могущественную армію, имѣла хорошо поставленную администрацію, финансовое управленіе не было въ упадкѣ, и всѣ мѣры принимались къ строгому соблюденію правосудія. Но со всѣми этими элементами хорошаго правительства, правительство Маврикія было плохо, непопулярно, отяготительно. Чувства патріотизма не было ни въ одномъ сословіи, не существовало узъ единства между государемъ и подданными, не было общихъ интересовъ между правительствомъ и народомъ, которые дѣлали бы ихъ отвѣтственными въ ихъ гражданскихъ поступкахъ передъ однимъ и тѣмъ же закономъ“ [2]).

Сводя къ конкретнымъ фактамъ наиболѣе опредѣленно выраженныя неудовольствія противъ Маврикія, которыя дѣлали самыя полезныя его мѣропріятія непопулярными и возбуждали противъ него

[1]) Theophilacti Simocattae (ed. Bonnae), p. 36.
[2]) Finlay, I, 298.

вражду, мы можемъ остановиться на слѣдующемъ. Маврикій не былъ популяренъ въ войскѣ, потому что желалъ ввести строгую дисциплину въ арміи, уменьшилъ жалованье служилымъ людямъ и, наконецъ, ради экономіи потребовалъ, чтобы дунайская армія проводила зиму за Дунаемъ въ мѣстахъ, гдѣ необходимо было ея постоянное присутствіе. Въ народѣ Маврикій не пользовался любовью за его скупость. Въ особенный упрекъ ставили ему то, что онъ пожалѣлъ выкупа за 12 тысячъ плѣнныхъ, которыхъ каганъ аварскій въ раздраженіи приказалъ безъ милосердія умертвить. Не менѣе того нерасположеніе къ Маврикію можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ былъ весьма лицепріятенъ къ своимъ родственникамъ, которымъ раздавалъ должности и почетные титулы и дарилъ земли и дворцы въ столицѣ. Но признать эти обстоятельства удовлетворительными для объясненія послѣдовавшаго въ 602 г. разгрома, постигшаго Маврикія и его семью, мы не рѣшаемся, потому что не видимъ въ нихъ такихъ мотивовъ, которые имѣли бы общій характеръ. Въ объясненіе событій, имѣвшихъ послѣдствіемъ устраненіе Маврикія, необходимо принять въ соображеніе и оцѣнить, съ одной стороны, тѣ указанія, которыя сдѣланы въ житіи св. Димитрія, съ другой, тѣ подлинные факты, которые стоятъ въ связи съ военнымъ заговоромъ, выдвинувшимъ на первый планъ Фоку. Это тѣмъ болѣе можетъ имѣть значеніе, что, въ концѣ концовъ, приводитъ къ одному заключенію, что все несчастіе Маврикія было въ военномъ противъ него движеніи. Итакъ, попытаемся разсмотрѣть эту сторону дѣятельности Маврикія.

До какой степени разстроена была армія при смерти Юстиніана, объ этомъ трудно составить точное представленіе. И не въ томъ нужно видѣть паденіе арміи, что число военныхъ частей было уменьшено, и численность войска доведена была до 150 тысячъ. Самая существенная сторона вопроса заключалась въ системѣ набора военныхъ людей и въ рѣдкости населенія въ областяхъ имперіи. Тиверій и Маврикій были реформаторами военнаго дѣла, и спеціально первому приписывается новая и исключительная мѣра въ этомъ отношеніи. Чтобы усилить военныя средства имперіи, Тиверій, какъ извѣщаетъ объ этомъ Ѳеофанъ, „организовалъ собственный военный отрядъ изъ 15 тысячъ человѣкъ, составивъ его изъ язычниковъ, купленныхъ имъ и принятыхъ на военную службу. Этому отряду дано было казенное вооруженіе и военная одежда, и во главѣ его поставленъ

комитъ федератовъ Маврикій, а помощникомъ ему данъ былъ Нарсесъ" [1]). Это извѣстіе, отличающееся цифровыми показаніями и соединяющее новый военный отрядъ съ именемъ Маврикія, даетъ намъ любопытный матеріалъ къ освѣщенію нѣкоторыхъ сторонъ жизни въ эту эпоху. Такъ какъ съ именемъ Маврикія дошло до насъ военное сочиненіе, трактующее теорію расположенія лагеря и военнаго искусства, то можно съ полнымъ основаніемъ думать, что въ извѣстіи Ѳеофана сохранился слѣдъ принятой Маврикіемъ обширной реформы въ этомъ отношеніи. Уже въ VII вѣкѣ мы встрѣчаемся съ господствующей въ Византіи системой привлеченія на военную службу цѣлыхъ племенъ и отрядовъ изъ славянъ, которымъ отводились участки на пустопорожнихъ земляхъ и на которыхъ возлагалась военная повинность. Весьма можетъ быть, что у Ѳеофана отмѣчена самая первоначальная форма этой системы, которая потомъ развита была въ византійскомъ государствѣ до широкихъ размѣровъ и продолжалась до самаго паденія имперіи. Для изучаемой эпохи конца VI вѣка весьма важно отмѣтить, что этотъ отрядъ нѣкоторое время играетъ видную роль въ военной исторіи, изъ чего можно выводить косвенное заключеніе объ общей слабости византійской арміи. То же самое заключеніе выводится изъ разсмотрѣнія средствъ военной обороны столицы имперіи, какъ видно будетъ ниже.

Вновь организованный отрядъ былъ направленъ въ Персію и здѣсь заявилъ себя значительными успѣхами, которые доставили Маврикію тріумфъ въ Константинополѣ въ 582 г., тогда онъ приглашенъ былъ раздѣлить власть съ Тиверіемъ. Въ царствованіе Маврикія находящійся подъ командой Нарсеса отрядъ частью остается въ Арменіи, частью принимаетъ участіе въ персидской войнѣ, по окончаніи которой въ 591 году дѣйствовавшіе на Востокѣ отряды были переведены, вмѣстѣ съ Тиверіевскимъ корпусомъ въ Европу и направлены на Дунай на войну съ аварами и славянами [2]).

Впослѣдствіи мы встрѣтимся съ упомянутымъ отрядомъ на Западѣ, а теперь посмотримъ, въ какомъ положеніи рисуется въ источникахъ

[1]) Theophanis „Chronogr.", 251, 25: ἀγοράσας σώματα ἐθνικῶν κατέστησε στράτευμα εἰς ὄνομα ἴδιον, ἀμφιάσας καὶ καθοπλίσας αὐτούς χιλιάδας ιε'.

[2]) Theoph. p. 267, 32: εἰρήνης δὲ βαθείας τὴν ἀνατολὴν καταλαβούσης ἀβαρικός ἐπὶ τὴν Εὐρώπην ἐκύμαινε πόλεμος· διὰ τοῦτο ὁ Μαυρίκιος τὰς δυνάμεις ἀπὸ ἀνατολῆς ἐπὶ τὴν Θράκην μετήγαγεν.

оборона самой столицы. Константинополь находился въ постоянной опасности быть окруженнымъ съ суши. Хотя онъ защищенъ былъ стѣнами, и хотя ближайшія его окрестности находились подъ защитой Длинныхъ стѣнъ или Анастасіевыхъ укрѣпленій, которыми Константинополь отдѣлялся отъ адріанопольской долины, но эти послѣднія весьма трудно было защищать за дальностью ихъ и за обширностью протяженія стѣнъ, такъ что нерѣдко непріятель успѣвалъ прорваться черезъ эти стѣны и угрожать столицѣ. Таково именно было положеніе дѣлъ при Маврикіи.

Въ этомъ отношеніи имѣются превосходныя извѣстія въ лѣтописи Ѳеофана. Еще при жизни Юстиніана, за годъ до смерти его, случилось разъ нападеніе аваръ и славянъ на Ѳракію, сопровождавшееся свободнымъ движеніемъ ихъ далѣе Анастасіевой стѣны, которая во многихъ мѣстахъ разрушена была землетрясеніемъ [1]). Такъ какъ непріятели напали на незащищенныя селенія, то сельскіе жители, забравъ свое имущество, искали спасенія въ Константинополѣ. По этому случаю писатель сообщаетъ любопытное извѣстіе по отношенію къ этимъ бѣглецамъ. Когда царю донесли объ этомъ, онъ „приказалъ зачислить въ димы многихъ изъ пришлыхъ людей и назначилъ ихъ на службу къ Длиннымъ стѣнамъ“ [2]). Что касается защиты городскихъ стѣнъ, то и эта сторона не была достаточно обезпечена. По случаю упомянутаго выше аварскаго нападенія стѣны города предоставлены были охранѣ собственно гвардейскимъ отрядамъ, стоявшимъ въ Константинополѣ: схолы, протикторы и пѣхотные полки. Кромѣ того, въ числѣ защитниковъ упоминаются сенаторы. Послѣ Юстиніана нерѣдко повторялись подобные же случаи зачисленія гражданскаго элемента въ военную службу. Такъ, въ первые годы Маврикія, аварскій каганъ выслалъ противъ имперіи славянъ, которые дошли до Длинныхъ стѣнъ [3]). Очевидно, у правительства не было въ распоряженіи достаточныхъ военныхъ средствъ, и оно прибѣгло къ исключительной мѣрѣ. Гвардейскіе отряды, назначенные для охраны дворца и служившіе гарнизономъ въ Константинополѣ, были выведены къ Длиннымъ стѣнамъ, а охрана городскихъ стѣнъ ввѣрена

---

1) Theoph., 233: εὑρόντες δὲ τοῦ τείχους τοῦ Ἀναστασικοῦ τόπους τινὰς πεπτωκότας ἐκ τῶν σεισμῶν, εἰσελθόντες ᾐχμαλώτευσαν . . .

2) Ibid.: ὁ βασιλεὺς ἐδημότευσε πολλοὺς καὶ ἔπεμψεν εἰς τὸ μακρὸν τεῖχος.

3) Theoph., 254, 5.

была димотамъ [1]). На этотъ разъ поступлено было какъ-разъ наоборотъ, чѣмъ при Юстиніанѣ. Въ другой разъ, одержавъ полную побѣду надъ стратигомъ Коментіоломъ во Ѳракіи, авары навели такой страхъ на Константинополь, что жители собирались уже перебираться на азіатскую сторону [2]). Въ этомъ исключительномъ случаѣ императоръ сталъ во главѣ гвардейскаго отряда экскувитовъ и отправился на защиту Длинныхъ стѣнъ; городъ же предоставленъ былъ защитѣ димовъ [3]).

Военная повинность, возлагаемая Маврикіемъ на гражданское сословіе города, вызывала противъ него сильное недовольство, выразившееся въ неоднократныхъ заговорахъ и попыткахъ низложить его. Что касается собственно военныхъ отрядовъ, нелюбовь ихъ къ Маврикію проглядываетъ во многихъ случаяхъ. Между прочимъ въ войскѣ былъ слухъ, что царь желалъ выдать свое войско непріятелю головой, ради его неповиновенія [4]). Этотъ слухъ, повидимому, нашелъ себѣ оправданіе въ томъ обстоятельствѣ, что Маврикій не согласился выдать кагану назначенный имъ выкупъ за 12 тысячъ плѣнниковъ, вслѣдствіе чего аварскій властитель приказалъ убить всѣхъ находившихся у него въ плѣну [5]). По этому случаю, продолжаетъ писатель, противъ Маврикія царя началась сильная ненависть, и стали его осыпать ругательствами, и войско, находившееся во Ѳракіи, перешло на сторону его порицателей. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Ѳеофана нерасположеніе къ царю, постепенно разросшееся въ военный заговоръ, имѣло своимъ источникомъ смутный слухъ, что Маврикій желаетъ выдать войско головой врагамъ, или то обстоятельство, что онъ пожалѣлъ государственныхъ средствъ на выкупъ плѣнныхъ. То и другое объясненіе не можетъ быть достаточнымъ уже по тому, что интересы войска собственно затронуты были только слухами о томъ, что царь замышляетъ выдать войско врагамъ; что же касается плѣнныхъ, то большинство ихъ состояло, конечно, изъ сельскаго населенія, забраннаго въ плѣнъ при конныхъ наѣздахъ

[1]) Theoph. 254, 6: ὁ δὲ βασιλεὺς τὰ τοῦ παλατίου στρατεύματα ἐξαγαγὼν τῆς πόλεως καὶ τοὺς δήμους φυλάττειν τὰ μακρὰ τείχη ἐκέλευσεν.

[2]) Ibid., 279, 17.

[3]) Ibid., 279., 18—19.

[4]) Theoph., 278, 33: φασὶ δέ τινες τὸν Μαυρίκιον ὑποθέσθαι τῷ Κομεντιόλῳ ὅπως τὸ ῥωμαϊκὸν στράτευμα παραδώσῃ πολέμοις διὰ τὰς ἀταξίας αὐτῶν.

[5]) Theoph., 280, 7.

аварскихъ на беззащитную страну. Если правда, что Маврикій пожалѣлъ денегъ на выкупъ плѣнныхъ, то изъ этого скорѣй можно бы объяснить непопулярность царя въ Константинополѣ, среди населенія столицы, а не военный бунтъ, начавшійся среди дунайской арміи. О ближайшихъ поводахъ, вызвавшихъ бунтъ въ войскѣ, имѣются довольно обстоятельныя свѣдѣнія у Ѳеофана [1]); изъ нихъ военный бунтъ становится совершенно объяснимымъ.

Но почему у Маврикія не оказалось средствъ защиты въ городѣ, почему противъ него оказались народъ и стоявшіе въ Константинополѣ отряды? У писателя Ѳеофилакта Симокатты находимъ весьма любопытное статистическое показаніе о той части населенія столицы, которая числилась въ димахъ [2]). Когда уже въ городѣ получены были извѣстія о волненіи въ военныхъ отрядахъ, стоявшихъ на Дунаѣ, императоръ старался отвлечь вниманіе народа часто даваемыми цирковыми представленіями и успокаивалъ димы объявленіями, что не слѣдуетъ придавать значенія безтолковымъ притязаніямъ военныхъ людей. Между тѣмъ, призвавъ къ себѣ тогдашнихъ димарховъ Сергія и Косьму, стоявшихъ во главѣ двухъ димовъ венетовъ и прасиновъ, потребовалъ у нихъ точныхъ данныхъ о числѣ записанныхъ у нихъ членовъ дима [3]). И вотъ оказалось, что въ спискѣ Сергія показано было число дима Зеленыхъ 1500 членовъ, у Косьмы же димъ Голубыхъ выраженъ былъ числомъ 900. Итакъ, въ большомъ городѣ, населеніе котораго считалось сотнями тысячъ, насчитывалось собственно 2400 членовъ боевыхъ цирковыхъ партій при значительномъ гарнизонѣ изъ гвардейскихъ частей, которыя всегда могли держать въ подчиненіи эту горсть димотовъ. И тѣмъ любопытнѣй замѣчаніе писателя, приводящаго эти цифры: „Ибо ромэйскій народъ раздѣлялся на партіи двухъ красокъ, отъ нихъ вошли въ жизнь величайшія бѣдствія; съ умноженіемъ этой неистовой страсти едва не погибла ромэйская имперія“. Само собой разумѣется, показанныя димархами числа далеко не обозначали настоящаго положенія дѣла и не могли внушить Маврикію дѣйствительной опасности, каковая могла ему угрожать въ самомъ Константинополѣ, ни дать ему, съ

[1]) Theoph. ed. De Boor., p. 282—288.

[2]) Theophyl. „Hist.“, VIII, 7 (p. 327, 15).

[3]) Theophyl., VIII, 7 (p. 327, 12): καὶ τοὺς δημάρχους εἰσκαλεσάμενος πρὸς τὰ βασίλεια ἐπυνθάνετο τῶν δημοτευόντων ἐπὶ λεπτοῦ τὸν ἀριθμόν.

другой стороны, идеи о матеріальной силѣ, на каковую онъ могъ бы опереться въ случаѣ нужды. По всей вѣроятности данныя димархами показанія не соотвѣтствовали истинѣ.

Сохранились довольно подробныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ низверженія Маврикія и вступленія на престолъ Фоки.

На основаніи приведенныхъ, немногочисленныхъ, впрочемъ, данныхъ, далеко нельзя приписывать Маврикію тѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ, клонившихся къ возстановленію древняго авторитета римской императорской власти, о какихъ говорятъ англійскіе историки Финлей и Бэри [1]). Съ нѣкоторымъ основаніемъ можно утверждать лишь, что общее недовольство Маврикіемъ имѣло причины въ его военныхъ мѣропіятіяхъ. Не прекращавшаяся война на Балканскомъ полуостровѣ побудила Маврикія сдѣлать распоряженіе, чтобы военныя части, защищавшія дунайскую границу, расположились на зимнія квартиры за Дунаемъ и добывали себѣ средства жизни въ непріятельской странѣ. Съ этого началось движеніе въ войскѣ. Но по извѣстію Ѳеофана [2]) и самое возстаніе, и передовая роль въ движеніи кентарха Фоки обнаружились нѣсколько раньше, когда онъ въ качествѣ выборнаго отъ войска явился въ столицу съ жалобой на стратига Коментіола, будто бы замышлявшаго военную измѣну, и довольно рѣзко говорилъ съ императоромъ. Такъ какъ Маврикій оставилъ жалобу безъ разслѣдованія, то это будто бы и было причиной заговора противъ него. Но дальнѣйшія извѣстія рисуютъ положеніе дѣла въ томъ смыслѣ, что заговоръ противъ Маврикія обнаружился въ одно и то же время и въ войскѣ, и въ населеніи столицы. Такъ, царь былъ предметомъ оскорбленій толпы народа въ то время, какъ онъ съ сыномъ своимъ Ѳеодосіемъ совершалъ религіозную процессію. Народное движеніе выразилось въ такой формѣ, что царь долженъ былъ укрыться во Влахернской церкви. По этому поводу сложилась въ Константинополѣ народная пѣсенка, сохранившаяся у Ѳеофана, которую пѣли димы вокругъ шута, посаженнаго на осла и изображавшаго Маврикія, на котораго онъ похожъ лицомъ. Настойчивость Маврикія, не хотѣвшаго допустить никакихъ уступокъ, выразилась, между прочимъ, и въ томъ, что онъ оставилъ начальникомъ дунай-

---

[1]) Finlay, „History of Greece“ 1, 302; Bury, „A History of later roman empire“, 11, 86.

[2]) Ed. De Boor, p. 280.

ской арміи своего брата Петра, очевидно, не имѣвшаго большаго авторитета въ войскѣ. Онъ не только не принялъ энергичныхъ мѣръ противъ Фоки, когда въ лагерѣ его подняли на щитъ и провозгласили предводителемъ [1]), но самъ постыдно бѣжалъ въ Константинополь. Но и здѣсь, какъ мы уже видѣли, началось выражаться общее недовольство. Маврикій хотѣлъ задобрить народъ цирковыми представленіями, но и въ самомъ ипподромѣ раздались шумныя жалобы. Чтобы занять недовольную и праздную толпу, царь приказалъ димархамъ принять на себя защиту городскихъ стѣнъ.

Пока бунтующее войско шло изъ Ѳракіи къ Константинополю, Маврикій имѣлъ достаточно времени принять мѣры къ собственной защитѣ. Оказалось, что главная опасность для него была не въ военномъ лагерѣ, а дома, въ столицѣ. Фока въ сущности не былъ избранъ императоромъ, и такимъ не считали его столичные заговорщики. Здѣсь, въ столицѣ, замышляли лишь низверженіе Маврикія и возведеніе на его мѣсто или его сына Ѳеодосія или тестя этого послѣдняго, Германа. Но крайняя нерѣшительность Маврикія ухудшала положеніе дѣлъ со дня на день. Онъ посылаетъ на встрѣчу Фоки пословъ, желая вступить съ бунтовщикомъ въ переговоры; онъ далѣе начинаетъ преслѣдованіе своихъ ближайшихъ родственниковъ, сына и тестя его, съ которыми заговорщики начали вести переговоры на счетъ низверженія стараго и избранія новаго царя. Общее раздраженіе дошло до крайней степени, когда Маврикій приказалъ схватить Германа, искавшаго убѣжища въ храмѣ св. Софіи. Въ городѣ начался открытый бунтъ; городскіе димы, на которые Маврикій возложилъ военную повинность на Длинныхъ стѣнахъ, покинули свои стоянки и усилили броженіе недовольныхъ въ городѣ. Начались пожары. Тогда Маврикій, потерявъ надежду на сохраненіе власти, въ одеждѣ частнаго лица и въ сопровожденіи самыхъ близкихъ и преданныхъ людей, вышелъ изъ Константинополя и моремъ отправился на азіатскую сторону. Высадившись въ Никомидіи, отправилъ сына своего Ѳеодосія къ Хосрою просить о помощи или пристанищѣ. Между тѣмъ Фока съ вѣрными ему ѳракійскими воинами подошелъ къ столицѣ и остановился въ предмѣстьѣ Евдомъ. Здѣсь съ нимъ вступили въ сношенія остававшіяся въ столицѣ сословія и

---

[1]) Theoph., 287, 7: καὶ ἐπὶ ἀσπίδος τοῦτον (т.-е. Фоку) ὑψώσαντες εὐφήμησαν ἔξαρχον.

бунтовавшія противъ Маврикія партіи. Войско потребовало, чтобы патріархъ и сенатъ явились въ Евдомъ и признали Фоку въ царскомъ достоинствѣ. Ноября 23 произошла коронація, а чрезъ два дня Фока держалъ торжественный въѣздъ въ столицу. Хотя Маврикій былъ уже не опасенъ для Фоки, но онъ приказалъ доставить его въ Халкидонъ, и тамъ на глазахъ несчастнаго отца были умерщвлены его дѣти, а затѣмъ и самъ онъ погибъ отъ руки палача. Жестокость Фоки не ограничилась этимъ; черезъ нѣсколько времени та же участь постигла оставшагося въ живыхъ старшаго сына Маврикія, Ѳеодосія, получившаго порученіе къ персидскому царю Хосрою, и трехъ его сестеръ.

Прежде чѣмъ переходить къ царствованію Фоки, укажемъ одинъ литературный фактъ изъ исторіи Ѳеофилакта, записанный и отнесенный ко времени Маврикія. Это извѣстіе о славянахъ. Во время похода во Ѳракію, гдѣ-то по близости Иракліи на Мраморномъ морѣ, произошло слѣдующее. Царскіе тѣлохранители захватили близь лагеря трехъ мужей славянскаго происхожденія; на нихъ не было ни желѣзной кольчуги, ни вооруженія, а имѣли они при себѣ только киѳары. Царь разспрашивалъ ихъ, какого они племени и гдѣ имѣютъ мѣстожительство, и по какой причинѣ оказались они въ ромэйскихъ мѣстахъ. Они объяснили: „мы происходимъ изъ племени славянскаго, а живемъ у границъ западнаго океана. Каганъ (аварскій) послалъ пословъ въ тѣ страны съ цѣлью найма военныхъ отрядовъ и большими дарами благорасполагалъ къ этому нашихъ князей. Они же, принявъ дары, отказали вступить съ нимъ въ союзъ, ссылаясь, что ихъ затрудняетъ дальность пути; что они сами, попавшіеся теперь въ плѣнъ, посланы къ кагану, чтобы дать объясненіе по этому поводу, въ пути они пробыли 15 мѣсяцевъ. Каганъ же, вопреки обычаю, наблюдаемому въ посольскихъ дѣлахъ, издалъ постановленіе, которымъ воспрещалось имъ возвращеніе на родину. Такъ какъ ромэйскій народъ извѣстенъ имъ своимъ могуществомъ и гуманностью, то они, улучивъ благопріятныя обстоятельства, отправились во Ѳракію. Носятъ съ собой киѳары потому, что не привыкли обращаться съ оружіемъ, да и страна ихъ не знаетъ желѣза, такъ что они проводятъ жизнь въ мирѣ и безъ вражды. Пѣть въ сопровожденіи лиръ и трубить на трубахъ они не умѣютъ. Ибо для кого не извѣстно военное дѣло, для того—утверждали они—по справедливости пріят-

нымъ становится музыка. Царь же, по поводу сказаннаго, удивляясь этому народу, удостоилъ гостепріимства самихъ людей, къ нему приведенныхъ, и, выразивъ удивленіе къ ихъ высокому росту и могучему сложенію, послалъ ихъ въ Ираклію" [1]).

Эта красивая картинка, идеализирующая образъ жизни и нравы славянъ, мало подходитъ ко всей дошедшей до насъ по другимъ источникамъ обстановкѣ славянской политической жизни. Въ высшей степени важно было бы прослѣдить происхожденіе этого рода сказаній о славянахъ, которыя оказали свое вліяніе на характеристику древней славянской исторіи и первыхъ историковъ чешскихъ XVIII вѣка и несомнѣнно вліяли на постановку славянскихъ воззрѣній у нашихъ славянофиловъ. На самомъ дѣлѣ сообщаемый у Ѳеофилакта фактъ не можетъ имѣть реальнаго значенія. Какъ можно въ VI в. путешествовать по восточной Европѣ съ киѳарами или цитрами въ рукахъ? Мыслимы ли такія условія общественной жизни, какія нарисованы у Ѳеофилакта?—Но ясно, что существовали сказанія о блаженныхъ народахъ, живущихъ далеко на сѣверѣ, у миѳическаго западнаго океана, которыя прилагались къ разнымъ неизвѣстнымъ народамъ, и которыя здѣсь приложены къ славянамъ. Къ сожалѣнію, подобныя сказанія остаются еще до сихъ поръ не выясненными со стороны ихъ происхожденія и не поставленными въ кадръ тѣхъ народныхъ сказаній, которыя составляютъ продуктъ фантазіи, а не реальной исторіи. Въ византійской хроникѣ встрѣчается нѣсколько подобныхъ частью фантастическихъ, частью сентиментальныхъ мотивовъ, относящихся какъ къ славянской, такъ и къ русской исторіи! Въ дальнѣйшемъ намъ не разъ придется нападать на нихъ въ своемъ изложеніи.

По свидѣтельству всѣхъ почти историковъ, восьмилѣтнее правленіе Фоки (602—610) представляетъ собой самый худшій періодъ Византійской исторіи, когда жестокія казни и безчеловѣчное избіеніе всѣхъ подозрительныхъ для Фоки родовитыхъ людей, имѣвшихъ связи съ прежнимъ правительствомъ, составляли, повидимому, одну изъ главныхъ задачъ правительства. Если принять во вниманіе краткія погодныя записи въ главномъ источникѣ для этой эпохи, въ „Пасхальной хроникѣ" и въ „Исторіи" Ѳеофана, нельзя не вынести впе-

---

[1]) Theoph., VI, 2 (p. 243—244).

чатлѣнія, что дѣйствительно въ лицѣ Фоки самые грубые инстинкты человѣчества нашли себѣ выраженіе. Царствованіе его, начавшееся истребленіемъ всего мужского поколѣнія Маврикія, продолжалось кровавой расправой со всѣми подозрительными лицами. О настроеніяхъ Фоки можно судить по слѣдующему случаю. Въ пятое лѣто своего царствованія онъ выдалъ свою дочь Доменцію за Приска, комита экскувиторовъ и патрикія. Брачное торжество сопровождалось цирковыми зрѣлищами и народными празднествами, на площадяхъ рядомъ съ изображеніями царя повѣшены были изображенія новобрачныхъ. Фокѣ показалось подозрительнымъ это, и онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы димархи Ѳеофанъ и Памфилъ были публично казнены, хотя выставленіе царской семьи рядомъ съ изображеніемъ царя было въ обычаяхъ времени и не могло заключать въ себѣ ничего преступнаго.—Такъ какъ въ Константинополѣ скоро поняли, что при Фокѣ не можетъ быть ни внѣшней безопасности для имперіи, ни внутренняго спокойствія, ибо „извнѣ персы злодѣйствовали надъ ромэями, а внутри еще хуже дѣлалъ своими убійствами и темничными заключеніями Фока“, то не было недостатка въ выраженіяхъ недовольства правительствомъ. Такъ, сдѣланъ былъ доносъ на царицу Константину, остававшуюся еще въ живыхъ, жену Маврикія, будто она находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Германомъ, и будто между ними созрѣлъ заговоръ о возведеніи на царство сына Маврикія Ѳеодосія, который случайно избѣгъ смерти. Фока подвергъ пыткѣ бѣдную Константину, которая оговорила нѣсколькихъ слугъ, вслѣдствіе чего преданы были смерти и сама царица Константина съ тремя своими дочерями, и множество важныхъ и сановныхъ лицъ, имѣвшихъ связи съ прежнимъ правительствомъ. При такихъ условіяхъ вновь начавшаяся на востокѣ война съ персами получила такое неожиданное направленіе, что непріятели, завладѣвъ пограничной крѣпостью Дарой, безъ сопротивленія прошли Месопотаміей и Сиріей и сдѣлались господами всей Малой Азіи до Халкидона. Точно также и положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ было далеко не благопріятно. Въ 604 г. Фока купилъ миръ у кагана, увеличивъ ежегодно платимую ему дань, но вся почти Македонія была уже во власти славянъ, и аварское господство утверждалось постепенно во Ѳракіи и Македоніи на смѣну византійскаго. Помимо военныхъ неудачъ и неспособности Фоки руководить военными предпріятіями,

весьма характерны для той эпохи его странныя административныя распоряженія. Таково отданное имъ приказаніе обратить въ христіанство всѣхъ сирійскихъ іудеевъ, имѣвшее слѣдствіемъ возстаніе въ Антіохіи и распространеніе недовольства въ Сиріи и Египтѣ.

Зять Фоки, патрикій Прискъ, возбудившій противъ себя подозрѣніе тестя и находившійся въ удаленіи отъ дѣлъ, привелъ въ исполненіе хорошо задуманный имъ планъ освобожденія имперіи отъ этого злого и неспособнаго правителя. Надежды большинства остававшихся въ живыхъ греческихъ патріотовъ обратились на византійскаго правителя въ Египтѣ, Ираклія, носившаго титулъ экзарха. Египетскій экзархатъ, какъ и Равеннскій, представляетъ новую форму управленія, введенную въ имперіи въ концѣ VI вѣка. Не можетъ быть сомнѣнія, что экзархатъ приближается, до нѣкоторой степени, въ особенности по принципу соединенія гражданской и военной власти въ рукахъ одного лица, поставленнаго во главѣ большой области, къ характерному для средневѣковой Византіи ѳемному устройству. Подъ управленіемъ патрикія Геннадія и его преемника Ираклія, не разъ принимавшаго участіе въ персидскихъ войнахъ въ качествѣ начальника отдѣльныхъ отрядовъ, Африка достигла извѣстной степени мира и благоденствія. Экзархъ могъ располагать значительнымъ флотомъ и матеріальными средствами, которыя вслѣдствіе отдаленности Карѳагена отъ центра не подвергались безпощаднымъ вымогательствамъ. Сношенія Приска съ патрикіемъ Иракліемъ имѣли цѣлью приготовить высадку военнаго отряда, перевезеннаго на судахъ изъ Африки, и низверженіе Фоки съ помощью сторонниковъ этого переворота въ самомъ Константинополѣ. Вѣрность африканскаго экзарха важна была для императора, между прочимъ, и потому, что Константинополь зависѣлъ отъ египетскаго намѣстника въ смыслѣ своевременной доставки въ столицу хлѣба. Малѣйшая задержка или неточность въ доставкѣ хлѣба ставила столицу въ весьма затруднительное положеніе. Первые признаки невѣрности экзарха обнаружились въ 609 г., когда Ираклій не выслалъ кораблей съ хлѣбомъ въ Константинополь, но зато Фока заключилъ въ монастырь проживавшихъ тогда въ столицѣ жену Ираклія Епифанію и невѣсту сына его Евдокію. Это, повидимому, ускорило развязку дѣла, заставивъ экзарха рѣшиться на смѣлый шагъ. Онъ посадилъ отрядъ пѣхотинцевъ на суда и поручилъ начальство надъ ними сыну своему Ирак-



Рис. 76. Колонна Фоки въ Римѣ.

лію, которому вскорѣ предстояло въ качествѣ византійскаго царя начать новую эру въ исторіи Византіи, а кавалерійскій отрядъ направилъ сухимъ путемъ подъ предводительствомъ своего племян-

ника Никиты. Принятыя экзархомъ мѣры обезпечивали за его предпріятіемъ успѣхъ, потому что Фока продолжалъ оставаться въ бездѣйствіи и не заботился о защитѣ столицы. Въ тотъ день, когда африканскія суда съ отрядомъ, предводимымъ Иракліемъ, показались въ виду Константинополя (3 окт. 610 г.), самъ Фока совершалъ торжественную процессію въ Евдомъ и мало заботился о томъ, что происходило въ городѣ. Весьма любопытно, что современный событіямъ писатель отмѣчаетъ ту особенность прибывшаго подъ Константинополь флота, что суда были снабжены „круглыми башнями“ [1]), и что на мачтахъ вмѣсто знамени висѣли изображенія Богоматери. Дальнѣйшія событія произошли быстро и безъ особенныхъ замѣшательствъ. Фока не имѣлъ сторонниковъ, на которыхъ могъ бы положиться. Самое близкое къ нему лицо былъ его зять Прискъ, который находился въ сношеніяхъ съ Иракліемъ и подготовлялъ высадку африканскаго войска. Такимъ образомъ, черезъ день по прибытіи Ираклія, къ нему приведенъ былъ плѣнный Фока. „Такъ-то ты—сказалъ ему Ираклій—управлялъ имперіей!“—„Попробуй самъ править лучше“,—будто бы отвѣчалъ ему Фока.—Уступая народной ярости, Ираклій предоставилъ толпѣ распорядиться съ Фокой по ея желанію. Онъ подвергся самому жестокому поруганію и сожженъ на площади Быка. Октября 5 Ираклій провозглашенъ императоромъ и коронованъ на царство патріархомъ Сергіемъ.

Въ Римѣ сохранился памятникъ царствованія Фоки подъ именемъ колонны его имени (рис. 76).



[1]) „Chronicon paschale“, p. 699: ἀναφαίνονται πλοῖα ἱκανὰ κατὰ τὸ στρογγυλοῦν καστέλλιν.

Періодъ III (610–716).
Ираклій и его преемники.

ГЛАВА I.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА. ВОЕННЫЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ѲЕМНАГО УСТРОЙСТВА.



Съ началомъ VII в. въ исторіи Византіи можно намѣтить не только опредѣленные факты, служащіе показателемъ окончательнаго разрыва съ римскими традиціями и идеалами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ характерѣ и настроеніи государственныхъ дѣятелей и общества встрѣтить новыя черты, принесенныя новыми людьми и новыми взглядами. Царствованіе Ираклія открываетъ новую эпоху въ исторіи Византіи, полагающую границу между старымъ и вновь народившимся историческимъ движеніемъ.

Но представить въ надлежащемъ освѣщеніи характеръ дѣятельности Ираклія чрезвычайно затрудняетъ какъ скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ его внутренней дѣятельности, такъ и то обстоятельство, что новые элементы государственности, постепенно входящіе въ жизнь съ этого времени, не нашли себѣ ни надлежащей оцѣнки, ни опредѣленнаго мѣста въ историческихъ изложеніяхъ. Византія времени Ираклія не походитъ на имперію времени Юстиніана. Необычайное напряженіе силъ при Юстиніанѣ имѣло цѣлью воскресить идею римской имперіи и связать разнообразныя народности, входящія въ имперію, единствомъ вѣры и закона; эта мысль была практически осуществлена благодаря необычайной энергіи Юстиніана, равно какъ искусству его оцѣнивать людей и давать имъ соотвѣтствующія ихъ способностямъ порученія. Но въ самой идеѣ всемірной имперіи не было жизненности, и созданіе Юстиніана въ политическомъ отношеніи не было долговѣчнымъ. Напротивъ, задача Ираклія была опредѣленная и конкретная, рѣчь шла не о новыхъ завоеваніяхъ, а о средствахъ къ сохраненію того, что было можно спасти отъ разрушенія. Предыдущая

эпоха военныхъ возмущеній, вслѣдствіе которыхъ на престолѣ императоровъ часто были случайные люди, достигшіе высшей власти по капризу судьбы, сопровождалась крайнимъ разстройствомъ экономическихъ средствъ, паденіемъ благосостоянія, уменьшеніемъ арміи и истребленіемъ громаднаго числа людей, въ особенности изъ достаточныхъ и правящихъ классовъ. Есть извѣстіе, что Ираклій, дѣлая перепись составу своей арміи, нашелъ, что только двое изо всего наличнаго числа служили при Фокѣ, а весь составъ принадлежалъ къ новому набору. Это наблюденіе приложимо и къ другимъ состояніямъ. Первое время по своемъ воцареніи Ираклій находится въ колебаніи. Рѣшительныхъ мѣръ правительство не принимаетъ, вступить въ рѣшительную борьбу съ врагами имперіи не рѣшается и ведетъ переговоры о мирѣ и союзѣ, не имѣвшіе впрочемъ успѣха. Только въ 622 г., когда Малая Азія, Сирія, Палестина и Египетъ находились уже подъ властью персовъ, Ираклій выступаетъ съ опредѣленной внѣшней политикой и становится во главѣ вновь организованнаго и имъ самимъ подготовленнаго войска. Итакъ, для насъ остается мало понятымъ предварительный періодъ подготовки къ военной дѣятельности. О томъ, откуда Ираклій взялъ средства на войну и какимъ образомъ приготовилъ онъ войско, способное выносить неимовѣрныя тяжести службы въ войнѣ съ персами, лучшую страничку даетъ писатель Ѳеофанъ [1]). „Въ 622 г., апрѣля 4, отпраздновавъ Пасху, въ понедѣльникъ вечеромъ Ираклій выступилъ въ походъ противъ персовъ. Находясь въ крайней нуждѣ, онъ позаимствовалъ денежныя средства изъ церквей и монастырей, изъ Великой церкви приказалъ отобрать паникадила и другіе церковные сосуды и начеканилъ изъ нихъ золотой и мелкой размѣнной монеты. Для управленія дѣлами за своимъ отсутствіемъ назначилъ регентство, въ которое вошли, кромѣ его сына, патріархъ Сергій и патрикій Вонъ, мужъ тонкаго ума и умудренный разумомъ и опытностью. Отправивъ письмо къ кагану аварскому, просилъ его оказать вниманіе къ ромэйскому царству, съ которымъ заключилъ союзъ дружбы, и назначилъ его опекуномъ своего сына. Изъ столицы Ираклій держалъ путь моремъ на мѣстность, называемую Пилы [2]), откуда пришедши въ области,

[1]) Theoph. „Chron.", 302—3.

[2]) Виѳинскій городъ въ заливѣ Astakos близъ Никомидіи; см. Ramsay, „The Hist. Geography of the Asia Minor", 1, 187 и др.

получившія ѳемное устройство [1]), собралъ войско въ лагерь и сталъ учить его военной службѣ по новой системѣ, упражняя его въ гимнастикѣ и въ военномъ искусствѣ. Раздѣливъ отрядъ на двѣ части, приказалъ дѣлать имъ между собой примѣрныя безкровныя стычки и пріучалъ ихъ къ военнымъ крикамъ, и пэанамъ, и восклицаніямъ, и движеніямъ, имѣя цѣлью, чтобы они, когда наступитъ военное время, не казались новичками, но смѣло, какъ бы въ шутку, шли на непріятеля. Нашедши же войско доведеннымъ до состоянія большой распущенности и трусливости, упадка дисциплины и порядка и разсѣяннымъ по разнымъ мѣстамъ, онъ скоро соединилъ всѣхъ во едино". Писатель еще разъ возвращается къ описанію военныхъ упражненій на два строя съ примѣрными сраженіями при звукахъ трубъ и при ударахъ щитами, изъ чего можно заключить, что у него въ распоряженіи былъ значительный матеріалъ для этой стороны дѣятельности Ираклія. Но въ приведенной выдержкѣ самое интересное есть мѣсто о ѳемахъ,—терминъ, въ первый разъ встрѣчающійся въ исторіографіи и обозначающій крупную реформу, относящуюся къ гражданской и военной администраціи. Раздѣленіе имперіи на ѳемы является при Иракліи уже фактомъ вполнѣ опредѣлившимся и дѣйствующимъ на практикѣ. Очень любопытно и то обстоятельство, что реформы въ военной наукѣ, съ которыми знакомитъ насъ Ѳеофанъ, поставлены въ соотношеніе съ ѳемами. Это совершенно правильный взглядъ, такъ какъ устройствомъ ѳемъ достигались прежде всего военныя цѣли, и реорганизація арміи обусловливалась особеннымъ устройствомъ гражданскаго населенія въ тѣхъ административно-военныхъ округахъ, которые назывались ѳемами. Итакъ, мы намѣчаемъ здѣсь одинъ изъ важныхъ моментовъ подготовительной дѣятельности Ираклія, которой посвящены были первыя десять лѣтъ его царствованія; это военная и гражданская реформа, выразившаяся въ устройствѣ ѳемъ.

Независимо оттого у Ѳеофана есть намекъ на рядъ другихъ мѣропріятій, которыми Ираклій пытался обезпечить себѣ успѣхъ въ военныхъ предпріятіяхъ, составлявшихъ цѣль его жизни. Таковъ, между прочимъ, вопросъ о регентствѣ и въ особенности о престолонаслѣдіи. Не только естественное чувство привязанности къ родственникамъ

[1]) ἐντεῦθεν δὲ ἐπὶ τὰς τῶν θεμάτων χώρας ἀφικόμενος. До какой степени смутны представленія о томъ времени, доказываетъ латинскій переводъ этого мѣста. Illinc vero per ceteras regiones sibi subiectas profectus.

руководило Иракліемъ въ раздачѣ высшихъ титуловъ и должностей, но и недостатокъ въ людяхъ, такъ какъ большинство родовитыхъ и состоятельныхъ лицъ было или уничтожено, или ослаблено пытками, конфискаціями имуществъ, заточеніями и убійствами. Такъ, вокругъ трона мы видимъ родственниковъ Ираклія. Достоинство куропалата пожаловано брату его Ѳеодору, двоюродный братъ Никита былъ главной опорой царства. Только Прискъ, зять Фоки, остался въ милости при Иракліи изъ постороннихъ лицъ, да и то на короткое время. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ озаботился устройствомъ судьбы своей семьи. Дочь свою Епифанію, рожденную отъ первой жены, онъ назначилъ „августой“, точно также вѣнчалъ на царство въ первые годы по воцареніи малолѣтняго сына своего Константина. Можетъ-быть, тѣмъ же мотивомъ укрѣпленія собственной династіи объясняется надѣлавшій большого шума бракъ его съ собственной племянницей Мариной, дочерью сестры Маріи. Царица Марина оказалась, однако, не на высотѣ положенія. Въ трудную минуту жизни Ираклія она далеко не поддержала его, какъ прежде Ѳеодора Юстиніана, а, напротивъ, по ея внушеніямъ Ираклій принялъ малодушное рѣшеніе перенести свою столицу въ Карѳагенъ въ 618 г., когда обстоятельства сложились въ Константинополѣ въ высшей степени неблагопріятно, и только настойчивость патріарха Сергія помѣшала исполненію этого рѣшенія.

При вступленіи Ираклія на престолъ политическое положеніе имперіи было отчаянное. Сѣверныя провинціи имперіи были наводнены славянами и аварами. Ираклій сразу оцѣнилъ здѣсь положеніе и принялъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ капитальное значеніе для ближайшихъ столѣтій на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ прежде всего понялъ, что имперіи не слѣдуетъ безплодно тратить силъ на борьбу со славянской иммиграціей; отказавшись отъ областей, занятыхъ славянами, Ираклій нашелъ въ себѣ довольно государственной мудрости, чтобы оставить славянъ въ покоѣ до того времени, пока имперія не соберется съ силами и не сможетъ начать съ ними культурную и политическую борьбу.

Главное вниманіе обращено было на Востокъ, гдѣ подъ властью Хосроя II персидская имперія обнаружила громадное напряженіе и завоевательную силу, отнявъ у Византіи на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ Сирію, Палестину и Египетъ и нанеся христіанской имперіи

неимовѣрное нравственное пораженіе тѣмъ, что огнепоклонники овладѣли Животворящимъ Древомъ креста Христова. Въ періодъ отъ 622 по 628 годъ Ираклій въ нѣсколько походовъ на Востокъ достигъ такихъ успѣховъ, что персы отказались отъ своихъ завоеваній въ Египтѣ, Сиріи и Палестинѣ и получили такой ударъ, отъ котораго никогда не оправились. Среди преемниковъ Юстиніана Ираклій стоитъ выше всѣхъ.

Еще въ концѣ IV в., когда имперская армія была наводнена варварскими отрядами, и когда германо-готы угрожали заполонить самую столицу, начали подниматься голоса патріотовъ въ пользу національзаціи войска. „Война для защиты государства—говорилъ въ своей рѣчи къ Аркадію епископъ Птолемаиды Синесій [1])—не можетъ съ успѣхомъ вестись иностранными войсками. Берите защитниковъ отечества съ собственныхъ полей и изъ подвластныхъ городовъ, ибо въ нихъ вы найдете настоящую охрану того государственнаго порядка и тѣхъ законовъ, въ которыхъ сами они родились и воспитались. Развѣ не усматривается крайней опасности въ томъ, что тѣ чуждые намъ военные люди, которымъ ввѣрена защита нашей страны, могутъ захотѣть наложить свою власть на безоружное населеніе? Постарайтесь же умножить собственные полки, вмѣстѣ съ этимъ поднимется и народный духъ, который съ успѣхомъ выдержитъ борьбу съ варварскимъ вторженіемъ“.

Перейти отъ системы найма иностранныхъ отрядовъ къ національному войску, однако, не удалось византійскому правительству ни въ V, ни въ VI вѣкѣ. При Юстиніанѣ, когда имперія развила до самыхъ крайнихъ предѣловъ свою военную силу, блестящія военныя дѣла выполнены были подъ предводительствомъ Велисарія, Нарсеса и другихъ полководцевъ не національнымъ войскомъ, а наемниками изъ разныхъ народовъ, вступавшихъ въ особый договоръ съ имперіей и носившихъ имя федератовъ. Почти у каждаго предводителя юстиніановскаго времени была собственная дружина изъ нанятыхъ на службу иностранцевъ, которые, какъ личная свита, въ качествѣ оруженосцевъ, служила ядромъ войска. Послѣдній случай найма въ военную службу большого иноземнаго отряда относится къ царствованію Тиверія (578—582), составившаго особый корпусъ въ 15000 че-

---

[1]) Migne, „Patrologia graeca“, t. LXVI, col. 1050.

ловѣкъ, который былъ имъ порученъ Маврикію, комиту федератовъ, впослѣдствіи провозглашенному царемъ.

Сознаніе неудовлетворительности этой системы и громадная опасность для имперіи со стороны персовъ и славянъ побуждали правительство дѣлать попытки къ измѣненію военной системы. Разрѣшить этотъ вопросъ удалось, однако, не сразу. На томъ пути, по которому подготовлялась реформа военнаго дѣла, византійское правительство должно было считаться съ двумя обстоятельствами: съ недостаткомъ населенія въ особенности на границахъ, угрожаемыхъ непріятельскими вторженіями, и съ обиліемъ пустопорожнихъ незанятыхъ и необработанныхъ земель. Въ административномъ отношеніи центральному правительству предстояло отказаться отъ господствовавшей со времени реформъ Діоклетіана и Константина системы отдѣленія гражданской и военной власти и усилить свои органы въ провинціи соединеніемъ въ одномъ лицѣ военной команды надъ мѣстными военными людьми и гражданской власти надъ населеніемъ опредѣленной территоріи. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно прослѣдить подготовительныя мѣропріятія къ новой системѣ, отмѣченныя еще до времени Ираклія.

Признаки новыхъ взглядовъ обнаруживаются частью въ единичныхъ попыткахъ Юстиніана I реформировать военное дѣло. Къ подобному заключенію приводитъ разсмотрѣніе его мѣропріятій по организаціи провинціи Арменіи, о которыхъ [1]) сообщаютъ историки Малала, Ѳеофанъ и Кедринъ. Сравнивая между собой три версіи названныхъ писателей на счетъ распоряженій Юстиніана въ Арменіи, мы можемъ себѣ представлять дѣло въ слѣдующемъ видѣ.

Въ провинціи Арменіи, которая имѣла особенную важность ради сосѣдства съ Персіей, Юстиніанъ сосредоточилъ военную власть въ одномъ лицѣ съ титуломъ стратилата. Но какъ осѣдлаго населенія въ провинціи, которое участвовало бы въ несеніи военной службы, было мало, ибо армяне „отличались бродяжничествомъ и непостоянствомъ“ [2]), то составъ военныхъ частей усиленъ былъ четырьмя полками, вызванными изъ Анатолика. Самымъ существеннымъ, однако, нужно признать тѣ мѣры, которыми предусматривалось привлеченіе къ военной службѣ мѣстныхъ элементовъ, важность которыхъ опре-

[1]) Malalas, 429, 16; Theoph., 175, 7; Cedreni, 1, 643, 20.

[2]) τὸ Ἀρμενίων ἄστατον καὶ πολυπλανές, ap. Zachariae a Lingenthal, Ius III, 290.

дѣлялась знаніемъ путей сообщенія въ Арменіи. Въ военную службу или въ военные списки занесены были, кромѣ того, гражданскіе чиновники области. Какъ ни сухо извѣстіе о военной организаціи Арменіи, изъ него можно вывести слѣдующія заключенія: Юстиніаномъ, или, можетъ-быть, его преемниками сдѣлана попытка сосредоточенія военной власти въ однѣхъ рукахъ, туземное населеніе привлекалось къ отбыванію воинской повинности, гражданская власть частью становилась въ подчиненіе военной, частью отдѣльные гражданскіе чины переименовывались въ военные. Та же цѣль усиленія провинціальной власти на случай исключительныхъ обстоятельствъ диктовала византійскому правительству другое мѣропріятіе, которымъ необычно усиливалась гражданская власть возложеніемъ на нее военныхъ полномочій. Эта мѣра проведена была въ Египтѣ усиленіемъ власти губернатора Александріи съ титуломъ августалія, которому предоставлена была военная власть „ради многочисленности населенія Александріи" съ подчиненіемъ ему всѣхъ военныхъ силъ какъ въ городѣ Александріи, такъ и въ двухъ Египтахъ [1]).

Въ самомъ концѣ VI в., именно при Маврикіи (582—602), отмѣченная тенденція въ отступленіе отъ римской системы распространяется въ иномъ направленіи съ большей послѣдовательностью, чѣмъ въ юстиніановскую эпоху. Именно въ двухъ провинціяхъ, отдаленныхъ отъ центра и поставленныхъ въ исключительное положеніе вслѣдствіе того, что населеніе этихъ провинцій было совершенно чуждо византійской культурѣ, организованы были намѣстничества съ наименованіемъ экзархатовъ. Такая административная реформа была произведена въ Италіи и Африкѣ. По случаю вторженія въ Италію лангобардовъ отъ имперіи отошли почти двѣ трети итальянской территоріи, и оставшіеся по большимъ городамъ гарнизоны едва могли держаться подъ защитой стѣнъ. Чтобы усилить и централизовать военную власть въ Италіи, созданъ былъ экзархатъ со столицей въ Равеннѣ въ замѣну прежняго magister militum. По такимъ же побужденіямъ и почти въ то же время образованъ экзархатъ въ Африкѣ съ центральнымъ управленіемъ въ Карѳагенѣ.

Военныя средства, какими располагалъ Ираклій въ 610 г. при походѣ своемъ въ Константинополь, достаточно объясняютъ, въ ка-

---

[1]) Edict. XIII, c. I.

кой степени самостоятельна и независима была власть экзарха [1]). Нельзя не признать, что въ учрежденіи экзархата сказалась большая практичность и административная опытность правительства, которое сумѣло поставить въ надлежащія границы гражданскую и военную власть въ экзархатѣ, предоставивъ рѣшающую роль военной власти, но не лишивъ надлежащей компетенціи и гражданскіе чины. Въ организаціи экзархата важно отмѣтить прекрасный опытъ создать самостоятельную и самодовлѣющую административную единицу, въ которой всѣ части находятся въ соподчиненіи, и которая исполняетъ военныя и гражданскія функціи на счетъ матеріальныхъ средствъ, извлекаемыхъ въ данной провинціи.—Прежде чѣмъ переходить съ указанными наблюденіями ко времени Ираклія, напомнимъ, что первоначальная роль Фоки въ военномъ лагерѣ на Дунаѣ имѣла цѣлью, повидимому, также образованіе экзархата, если только у Ѳеофана [2]), говорящаго объ избраніи его войскомъ въ экзархи, не допущено ошибки.

Когда Ираклій въ 622 г. предпринялъ походъ въ Персію, онъ остановился на довольно продолжительное время въ областяхъ, получившихъ уже ѳемное устройство, и производилъ здѣсь обученіе новобранцевъ новой системѣ военнаго искусства. Здѣсь въ первый разъ мы встрѣчаемъ терминъ „ѳема“ съ совершенно особымъ техническимъ значеніемъ примѣнительно къ гражданской и военной администраціи византійскаго государства. Думаютъ, что ѳемное устройство начатками своими обязано реформамъ Юстиніана, и что въ организаціи экзархатовъ можно находить нѣкоторые элементы того же ѳемнаго строя, хотя едва ли можно отстоять это мнѣніе во всѣхъ подробностяхъ. Положительныхъ свидѣтельствъ писателей по отношенію къ ѳемному устройству, столь характерному для Византіи, къ сожалѣнію, не сохранилось. Когда императоръ Константинъ Порфирородный (911—947) сталъ собирать въ архивахъ имперіи свѣдѣнія по вопросу о ѳемномъ устройствѣ, онъ нашелъ весьма мало точнаго и достовѣрнаго и поэтому ограничился обозначеніемъ современнаго ему административнаго дѣленія имперіи на ѳемы. До какой степени недосточны были найденныя Константиномъ свѣдѣнія, видно изъ той неувѣренности и крайней осторожности, съ которой онъ предполо-

---

1) Лучшее объ экзархатѣ у Diehl, „Études sur l'administration byzant. dans l'exarchat de Ravenne“ (568—751).

2) Theoph., 287, 7.

жительно возводитъ это учрежденіе къ имени Ираклія. Такъ, о ѳемѣ Арменіакъ онъ выражается слѣдующимъ образомъ [1]: „кажется, можно думать, что она получила таковое наименованіе при царѣ Ираклии и въ ближайшее за нимъ время“. Точно также въ предисловіи къ сочиненію о ѳемахъ онъ съ большей увѣренностью сводитъ на время Ираклія и его преемниковъ новую систему ѳемнаго устройства [2]).

Хотя вопросъ о ѳемахъ съ точки зрѣнія ихъ происхожденія въ самое послѣднее время былъ тщательно изучаемъ профессорами Дилемъ и Гельцеромъ [3]), но въ немъ остается еще достаточно невыясненныхъ сторонъ. Изслѣдователи византійскаго ѳемнаго устройства исходили изъ той мысли, что подъ ѳемой разумѣется военный отрядъ—дивизія или корпусъ, расквартированный на извѣстной территоріи и состоящій въ опредѣленной военной организаціи и соподчиненіи частей подъ командой военачальника съ званіемъ стратига. Между тѣмъ, при болѣе внимательномъ изученіи источниковъ, нельзя не приходить къ заключенію, что хотя ѳема обозначаетъ въ тѣсномъ смыслѣ корпусъ или дивизію, но, съ другой стороны, этотъ терминъ никогда не утрачивалъ своего первоначальнаго болѣе широкаго смысла. Первоначальный смыслъ ѳемы обозначаетъ гражданскій административный округъ, въ который входятъ жители городовъ и деревень, управляемые гражданскими чиновниками и отбывающіе разнообразныя государственныя повинности, въ числѣ коихъ и военноподатную. Отношеніе ѳемы какъ военнаго термина къ ѳемѣ—административному округу съ его административной, судебной и финансовой системой—оставалось мало затронутымъ, почему и само изслѣдованіе ѳемнаго устройства теряло значительную долю своего общеисторическаго интереса. Въ смыслѣ учрежденія, возникшаго въ VII в. и развившагося при Исаврахъ, ѳемное устройство обозначаетъ особенную организацію гражданскаго населенія провинціи, приспособленную спеціально для отбыванія военной повинности. Такимъ образомъ, раскрыть исторію ѳемнаго устройства значитъ выяснить мѣры правительства по отношенію къ землевладѣнію и къ земельному устройству крестьянскаго населенія, такъ какъ военнопо-

---

1) „De Thematibus“, I, p. 18.

2) Ibid., p. 12.

3) Diehl, „L'origine du régime des Thémes“ („Extrait des Études d'hist. dédiées à Monod“); Gelzer, „Die Genesis der Byzantin. Themenverf.“, Leipzig, 1899.

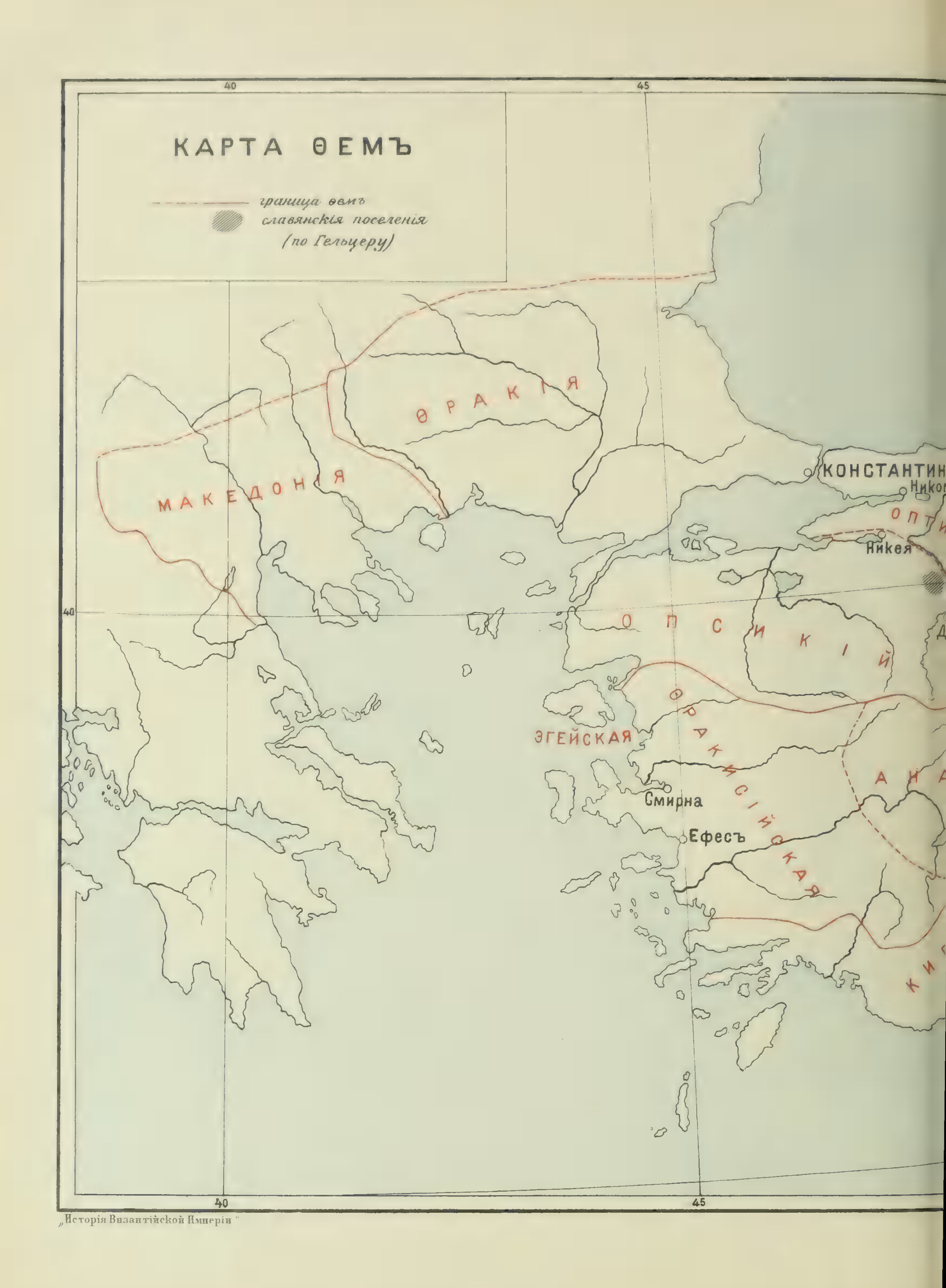
датная система, въ концѣ концовъ, основывалась на организаціи военноподатныхъ земельныхъ участковъ [1]).

Не входя здѣсь въ изложеніе подробностей, ограничимся анализомъ одного мѣста Константина Порфиророднаго [2]), которое вводитъ въ самое существо ѳемнаго устройства. „Протоспаѳарій Ѳеодоръ Панкрати беретъ подрядъ навербовать въ анатолійской ѳемѣ въ селеніи Платаніаты и въ ближайшихъ деревняхъ 500 ратниковъ, способныхъ къ стрѣльбѣ и годныхъ къ конной службѣ. Если ратники окажутся владѣющими полнымъ земельнымъ надѣломъ, то обязываются на собственный счетъ сдѣлать кавалерійское снаряженіе; если же надѣлъ ихъ недостаточенъ, то они имѣютъ право на полученіе коней съ казенныхъ конскихъ подставъ или взять ихъ съ одиночекъ—соплательщиковъ анатолійской ѳемы".—Это мѣсто, въ которомъ есть нѣсколько техническихъ выраженій, вскрываетъ явленіе, до сихъ поръ остававшееся незамѣченнымъ, что существо ѳемнаго устройства заключается не въ военныхъ отрядахъ, имѣвшихъ расположеніе по городамъ и селеніямъ, а въ самомъ характерѣ экономическаго и земельнаго устроенія сельскаго населенія. Итакъ, названному выше протоспаѳарію предстояло произвести имущественную перепись въ опредѣленной мѣстности и сдѣлать военный наборъ въ 500 ратниковъ. Если бы оказалось, что по своему имущественному положенію селеніе Платаніаты не въ состояніи выставить требуемое число новобранцевъ, то слѣдовало подвергнуть переписи другія селенія. Далѣе, такъ какъ предстояла задача нѣкоторыхъ ратниковъ зачислить въ пѣхотные, другихъ въ кавалерійскіе полки, то здѣсь возникали нѣкоторыя спеціальныя условія, съ которыми нужно было сообразоваться. Служба въ пѣхотѣ была дешевле; слѣдовательно, для пѣхотинца требовалось болѣе скромное имущественное положеніе; служба же въ кавалеріи была дороже, и потому въ кавалерію назначался тотъ, у кого земельный надѣлъ былъ больше.

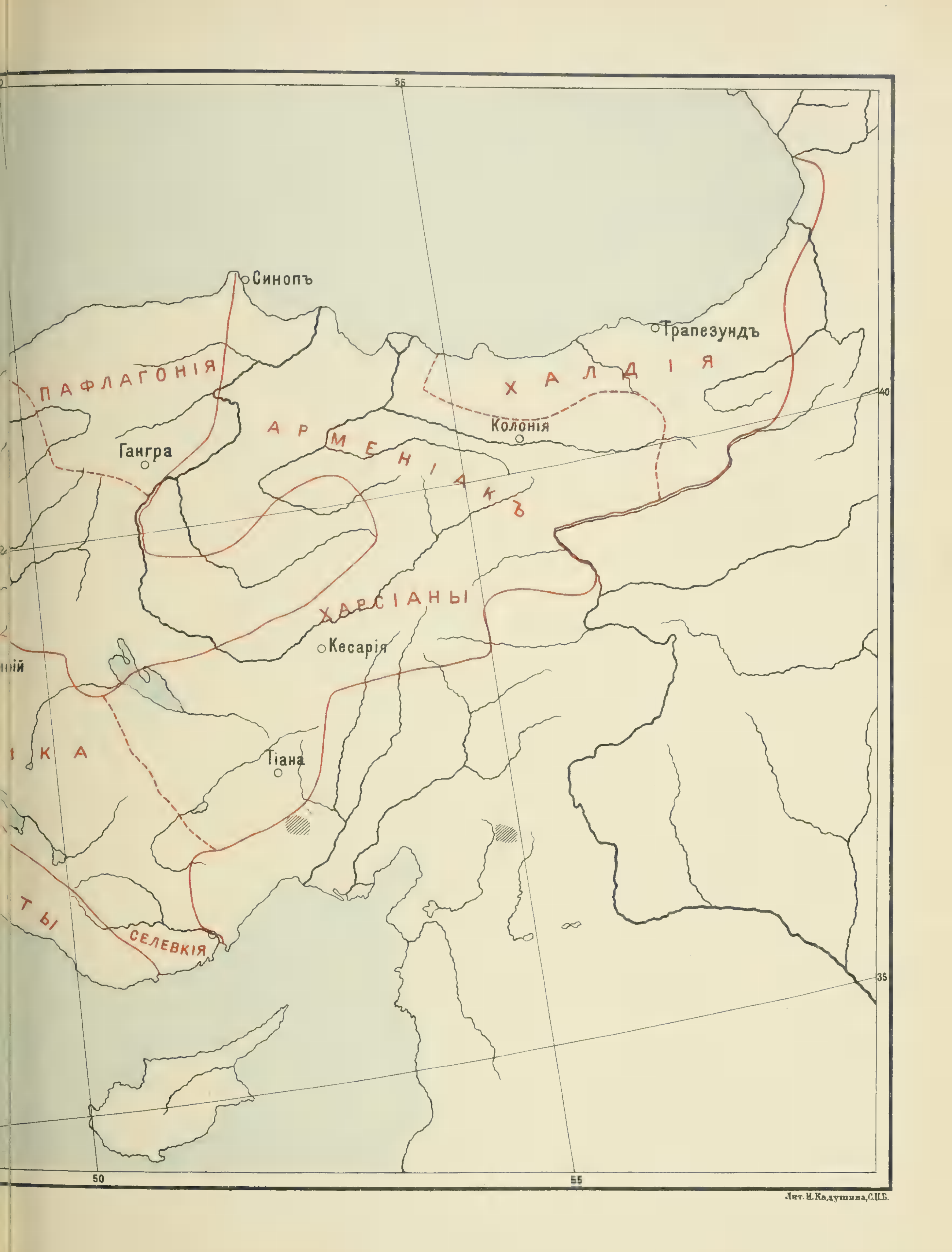
Такимъ образомъ, если новобранецъ имѣлъ полный надѣлъ, соотвѣтственный конной службѣ, то былъ обязанъ на собственный счетъ приготовить кавалерійское снаряженіе; въ противномъ случаѣ

[1]) Этому вопросу посвящено нами изслѣдованіе въ „Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института", т. VI: „Военное устройство Визант. имперіи". Ниже о ѳемахъ будетъ особая глава.

[2]) „De Cerim.", 657—8.



„Исторія Византійской Имперіи"



Синопъ
Трапезундъ
ПАФЛАГОНІЯ
ХАЛДІЯ
Колонія
Гангра
АРМЕНІАКЪ
ХАРСІАНЫ
Кесарія
Тіана
СЕЛЕВКІЯ
55
40
35
50
Лит. И. Кадушина, С.П.Б.

конь выдавался ему съ конской казенной подставы или съ одиночекъ-соплательщиковъ, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть одиночекъ по семейному положенію, отбывающихъ военную повинность по системѣ складчины—одинъ ратникъ съ нѣсколькихъ крестьянъ.

Главная заслуга византійскаго правительства заключалась въ томъ, что при введеніи ѳемной организаціи оно поставило военную службу въ зависимость отъ землевладѣнія, чѣмъ и обусловливались устойчивость и живучесть ѳемнаго устройства. Служба положена съ земли, и обыватель служилъ въ такомъ отдѣлѣ войска, какому соотвѣтствовалъ земельный участокъ, находившійся въ его пользованіи. Соотвѣтственно тому были участки для пѣхотной службы, для кавалерійской и морской. Таковы основныя черты ѳемнаго устройства, которое своими начатками относится ко времени Ираклія.

Судить о томъ, въ какой мѣстности прежде всего примѣнено было ѳемное устройство, мы лишены возможности. Несомнѣнно одно, что въ 622 г., при выступленіи въ первый персидскій походъ, Ираклій отъ Никомидіи направился въ области съ ѳемнымъ устройствомъ и здѣсь производилъ обученіе новобранцевъ. Впослѣдствіи здѣсь была ѳема Опсикій, служившая охраной столицы и прилегающихъ мѣстностей, и потому можно бы съ нѣкоторымъ основаніемъ первыя распоряженія по отношенію къ ѳемной организаціи приписывать ближайшей къ столицѣ области на азіатской сторонѣ. Но впослѣдствіи, при ближайшихъ преемникахъ Ираклія, особенное значеніе пріобрѣла ѳема Анатолика. Объ организаціи и происхожденіи этой ѳемы сохранились притомъ болѣе пространныя свѣдѣнія. Уже при Маврикіи здѣсь находимъ первыя мѣропріятія къ усиленію военной власти. Стратигу Анатолики, въ каковомъ званіи видимъ Филиппика, женатаго на сестрѣ Маврикія Гордіи, подчинены были провинціи Азія и Лидія и части Каріи, Фригіи, Ликаоніи, Писидіи, Каппадокіи и Исавріи. Это была самая главная ѳема, и ея стратигъ въ чинѣ патрикія занималъ одно изъ высшихъ мѣстъ по табели о рангахъ. Подчиненный ему военный корпусъ, по приблизительному разсчету въ 10 тысячъ человѣкъ, часто игралъ роль въ политическихъ судьбахъ Константинополя.—Другая ѳема, образовавшаяся также еще до Ираклія, это ѳема Арменіакъ. Военная организація этихъ ѳемъ постепенно выросла въ VII в. подъ давленіемъ обстоятельствъ, такъ какъ Анатолика и Арменіакъ находились на постоянномъ военномъ

положеніи вслѣдствіе возрастанія могущества арабовъ и набѣговъ ихъ на Византію. Что касается европейскихъ провинцій, здѣсь прежде всего организовалась въ ѳему Ѳракія, въ которую вошли діоклетіановскія провинціи: Европа, Родопъ, Ѳракія, Эмимонтъ, Скиѳія и Мизія. Хотя при Иракліи на Балканскомъ полуостровѣ произошли большія перемѣны вслѣдствіе ослабленія аваровъ и установленія мирныхъ отношеній со славянами, которымъ были уступлены на извѣстныхъ условіяхъ занятыя ими области, тѣмъ не менѣе, стратигъ ѳемы Ѳракіи съ подчиненными ему военными силами имѣлъ громадное значеніе, потому что на мѣсто аваровъ въ VII в. начинаетъ расти на Балканскомъ полуостровѣ сила и вліяніе болгарскаго хана. При полномъ развитіи ѳемнаго устройства въ имперіи насчитывалось 26 военныхъ округовъ съ одинаковымъ устройствомъ.



ГЛАВА II.

ЗАВЕРШЕНІЕ СЛАВЯНСКОЙ ИММИГРАЦІИ. ЛЕГЕНДА О ПОСЕЛЕНІЯХЪ ХОРВАТОВЪ-СЕРБОВЪ. САМО. ОБЩАЯ СХЕМА ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ СЛАВЯНЪ.

Какъ мы видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ, къ царствованію Ираклія слѣдуетъ относить завершеніе иммиграціи славянъ въ имперію, окончательное утвержденіе ихъ на Балканскомъ полуостровѣ и первоначальныя формы политической и гражданской организаціи ихъ какъ въ предѣлахъ Византійской имперіи, такъ и въ ближайшемъ съ ней сосѣдствѣ. Самымъ выразительнымъ свидѣтельствомъ къ характеристикѣ политическаго положенія дѣлъ въ первой половинѣ VII в. служитъ извѣстіе Исидора Севильскаго отъ 615 г.: „славяне отняли у римлянъ Грецію, а персы Сирію, Египетъ и многія другія области“. Въ частности, что касается Балканскаго полуострова, здѣсь совершился рядъ событій первостепенной важности, которыми на долгое время обусловленъ былъ ходъ славянской исторіи, и которыя имѣютъ на столько важное значеніе для исторіи Византіи, что необходимо требуютъ себѣ виднаго мѣста въ изложеніи событій описываемой эпохи.

Оцѣнивая главные источники для первоначальной исторіи славянъ, слѣдуетъ приходить къ выводу, что извѣстія Прокопія, Маврикія и автора сказаній о чудесахъ св. Димитрія не могутъ относиться къ одному и тому же племени, т.-е. что анты и славяне древнихъ источниковъ имѣли между собой существенное различіе не только по мѣсту жительства, но и по чертамъ быта. Весьма вѣроятно, что

черты славянъ въ описаніи Маврикія, указывающія на привычку жить въ лѣсахъ и болотахъ, относятся къ тѣмъ славянамъ, которые жили на сѣверо-востокѣ; къ нимъ же слѣдуетъ отнести и сентиментальное описаніе трехъ гусляровъ, приведенныхъ въ станъ Маврикія, и того народа, изъ котораго они происходили. Здѣсь, конечно, мы имѣемъ передъ собой отголоски легенды и слѣды преданій, принесенныхъ въ Константинополь служилыми людьми славянскаго происхожденія, поступившими на службу или къ византійскимъ военнымъ людямъ, или къ правительству въ качествѣ наемной дружины или федератовъ. Это разсказы объ отдаленныхъ славянахъ, съ которыми Византія едва ли приходила въ непосредственныя сношенія. Независимо отъ подобныхъ легендъ, которыя потомъ найдутъ себѣ мѣсто въ сочиненіи Константина Порфиророднаго, византійская исторіографія сохранила свѣдѣнія, хотя и не такъ подробныя и провѣренныя критикой, какъ бы то было желательно въ настоящее время, но достаточно реальныя и относящіяся именно къ тѣмъ славянскимъ племенамъ, съ которыми византійскому правительству чаще всего приходилось имѣть дѣло на Балканскомъ полуостровѣ. Наиболѣе удовлетворительными остаются наши свѣдѣнія о тѣхъ племенахъ, которыя образовали болгарскій народъ. Постановленный и географическими, и историческими условіями въ такое положеніе, которое влекло его къ югу и сѣверо-востоку, болгарскій народъ естественно подчинился культурному вліянію Византіи и съ помощью завоевательнаго тюркскаго элемента развилъ въ себѣ тѣ начала, какихъ недоставало славянамъ: военное сословіе, центральную власть хана и національную церковь.

Выше (стр. 614 и слѣд.) мы привели сказаніе о Куверѣ, которому слѣдуетъ приписывать большое значеніе. Но кто былъ Куверъ и въ какихъ событіяхъ принималъ онъ участіе? — Такъ какъ въ сказаніи подразумѣвается первый ударъ, нанесенный аварскому могуществу славянами, то безъ колебанія можно признать, что здѣсь идетъ рѣчь о времени Ираклія и ближайшимъ образомъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за осадой Константинополя въ 626 году. Затѣмъ, хотя авторъ имѣетъ смутное представленіе о послѣдовательности событій и о центрѣ, изъ котораго исходило анти-аварское движеніе, тѣмъ не менѣе, онъ стоитъ на почвѣ вполнѣ реальныхъ отношеній, которыя выясняются изъ другихъ источниковъ.

Въ исторіи патріарха Никифора (IX в.) находимъ слѣдующее извѣстіе о тѣхъ же событіяхъ: „въ то же время поднялъ возстаніе противъ аварскаго кагана Кувратъ, двоюродный братъ Орхана, властителя уногундуровъ, и, стѣснивъ его народъ, изгналъ изъ своей страны. Онъ послалъ посольство къ Ираклію и заключилъ съ нимъ миръ, который соблюдаемъ былъ съ той и другой стороны до конца ихъ жизни. Императоръ послалъ ему дары и почтилъ достоинствомъ патрикія“ [1]).

Отмѣтимъ здѣсь три факта: 1) Кувратъ поднялъ возстаніе противъ кагана; 2) былъ въ союзѣ съ Ираклiемъ; 3) получилъ отъ имперіи достоинство патрикія. Что касается страннаго термина уногундуры, то нѣсколько ниже у того же автора находимъ объясненіе, что здѣсь разумѣются болгаре [2]). Слѣдуетъ думать, что Куверъ сказаній о чудесахъ св. Димитрія и Кувратъ или Ковратъ патріарха Никифора есть одно и то же лицо, потому что роль, имъ приписываемая, вполнѣ совпадаетъ и по существу дѣла, и въ хронологическомъ отношеніи. Нѣкоторый свѣтъ на тѣ же отношенія и на то же лицо бросаетъ новый памятникъ, именно хроника Іоанна, епископа Никіу (въ нижнемъ Египтѣ), жившаго въ VII в. и пользовавшагося такъ же, какъ и авторъ занимающаго насъ сказанія, утраченными для насъ матеріалами [3]). Говоря о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью Ираклія, именно о внутреннихъ смутахъ, вызванныхъ вопросомъ о престолонаслѣдіи, епископъ Іоаннъ вводитъ въ изложеніе этихъ событій и Куврата, такъ какъ было мнѣніе, что этотъ послѣдній поддерживалъ партію вдовы Ираклія. „Кувратъ, князь гунновъ и племянникъ Орхана, въ юности былъ крещенъ и воспитанъ въ Константинополѣ въ нѣдрахъ христіанства и выросъ въ царскомъ дворцѣ. Онъ былъ соединенъ тѣсной дружбой съ Ираклiемъ I и послѣ его смерти, какъ осыпанный его милостями, оказывалъ признательную преданность его дѣтямъ и его супругѣ Мартинѣ. Въ силу святого и животворящаго крещенія, имъ полученнаго, онъ побѣждалъ всѣхъ варваровъ и язычниковъ. Говорили, что онъ поддерживалъ права дѣтей Ираклія

---

[1]) Nicephori arch. Const. Opuscula hist. ed. De Boor, p. 24, 10: ἐπανέστη Κούβρατος ὁ ἀνεψιὸς Ὀργανᾶ ὁ τῶν Οὐνογουνδούρων κύριος τῷ τῶν Ἀβάρων χαγάνῳ . . .

[2]) Ibid., p. 33, при чемъ названъ Κοβρᾶτος въ достоинствѣ хана.

[3]) „Chronique de Jean évêque de Nikiou, texte éthiopien“, trad. par Zotenberg. Paris, 1883.

и былъ противъ Константина. Вслѣдствіе этихъ слуховъ византійское войско и народъ подняли возстаніе“ [1]).

Не приписывая особеннаго значенія мѣсту у писателя Өеофана, гдѣ поминается это имя [2]), такъ какъ здѣсь источникомъ служилъ патріархъ Никифоръ, мы должны придти къ заключенію, что сообщаемыя анонимнымъ писателемъ о чудесахъ св. Димитрія свѣдѣнія отличаются большей подробностью и именно въ такихъ существенныхъ сторонахъ дѣятельности Кувера, которыя не затронуты ни у греческаго, ни у эөіопскаго историка, хотя, съ другой стороны, у этихъ послѣднихъ есть факты, оставшіеся неизвѣстными или почему-либо спутанными у перваго.

Въ смыслѣ характеристики дѣятельности Кувера въ нашемъ сказаніи есть достаточно яркій матеріалъ, но, какъ сказано выше, лишенный хронологической почвы и систематичности. Авторъ нѣсколько разъ указываетъ на то, что князья окружавшихъ Солунь славянскихъ племенъ приняли греческую культуру, усвоили себѣ греческую одежду и языкъ: таковъ былъ князь ринхиновъ Первундъ [3]), таковъ Мавръ, лицо, приближенное къ Куверу и обладавшее знаніемъ какъ греческаго, такъ славянскаго и болгарскаго языковъ [4]), но не сообщаетъ ничего подобнаго о Куверѣ, хотя этотъ послѣдній еще больше былъ проникнутъ греческимъ образованіемъ, чѣмъ первые. Есть лишь одна сторона, на которой сближается нашъ авторъ съ епископомъ Іоанномъ изъ Никіу, именно оба они одинаково объясняютъ успѣхи Кувера въ борьбѣ съ сосѣдями тѣмъ, что въ пользу ихъ были христіанская вѣра и святое крещеніе.

Переходимъ снова къ сказанію о чудесахъ. Наиболѣе оригинальнымъ и совсѣмъ незатронутымъ другими источниками извѣстіемъ слѣдуетъ признать то, что послѣ одержанныхъ надъ аварами побѣдъ Куверъ со своимъ народомъ перешелъ Дунай и завладѣлъ Керамисіевымъ станомъ въ греческой странѣ, откуда началъ угрожать разнымъ городамъ имперіи, между прочимъ Солуни и царственному городу Константинополю. Какъ объяснить этотъ любопытный фактъ?—

---

1) Ibid., p. 400: „Koubratos chef des Huns, neveu d'Organâ“.

2) Theophanes, ed. De Boor, p. 357 12: Κροβάτου τοῦ κυροῦ τῆς λεχθείσης Βουλγαρίας τὸν βίον μεταλλάξαντος.

3) „Acta SS.“, § 185; Tougard, § 70.

4) „Acta SS.“, § 198; Tougard, § 113.

И прежде всего что разумѣть подъ топографическимъ терминомъ: Керамисіевъ лагерь?

Прежде всего нельзя не отмѣтить то наблюденіе, что у писателя неодинаково пишется этотъ терминъ, что даетъ основаніе предполагать, что онъ и для самого писателя былъ не столь обычнымъ, т.-е. что это не греческій, а иностранный и, можетъ-быть, болгарскій терминъ. Что мѣсто военнаго расположенія, стоянка или лагерь древнихъ болгаръ, имѣло названіе *κάμπος* на оффиціальномъ языкѣ, это прекрасно засвидѣтельствовано надписью Омортага [1]), гдѣ такъ названо расположеніе болгарскаго стана въ Плискѣ со столицей хана и его дворомъ: *εἰς τῆς Πλσκᾶς τὸν κάμπον μένοντα.* Какъ до сихъ поръ не можетъ быть разъяснено, какому языку принадлежитъ слово *Πλσκα* или Плиска, такъ и по отношенію къ термину *Κεραμήσιος* намъ не слѣдуетъ крѣпко держаться за латинскій и греческій языкъ, для котораго терминъ вполнѣ чуждъ. Предположеніе, что выраженіе „Керамисіевъ станъ" должно быть объясняемо не изъ греческаго языка, можетъ находить себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ томъ, что керамисіанами нашъ авторъ называетъ спутниковъ Кувера, поселенныхъ въ захваченномъ имъ мѣстѣ по переходѣ черезъ Дунай, и что этотъ терминъ иногда употребляется въ связи со славянами. Нельзя также не привести здѣсь себѣ на память имя болгарскаго хана Кормесій, жившаго въ началѣ VIII в. [2]). Признаемся, мы даемъ лишь соображенія и дѣлаемъ догадки къ объясненію довольно необычнаго термина. Въ дальнѣйшихъ выводахъ мы склоняемся къ тому заключенію, что Куверъ поселился со своими спутниками по близости отъ Дуная и имѣлъ цѣлью своихъ замысловъ восточную Болгарію, какъ это весьма опредѣленно указано и въ легендѣ. Теперь, что касается того пункта, который первоначально захватили болгаре, то здѣсь, не рискуя дѣлать новыя топографическія разслѣдованія, мы можемъ идти по слѣдамъ изучившихъ древнюю исторію болгаръ по переселеніи ихъ за Дунай. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать на такъ называемый Аспаруховъ Уголъ, Переяславецъ на Дунаѣ и Николицельское укрѣпленіе.

---

[1]) „Извѣстія Русскаго Археологическаго Института", т. X, стр. 545.

[2]) Theophan., 433; 497, 19. Слѣдуетъ принять въ соображеніе и разночтенія: Κομέρσιος Cormesus. За указаніе развалинъ этого имени приносимъ благодарность г. К. Шкорпилу.

Вышеизложенными данными не ограничиваются свѣдѣнія о Куверѣ, находимыя у нашего автора. Такъ какъ онъ пользовался утраченными въ настоящее время источниками, то нельзя не придавать большаго значенія и дальнѣйшимъ его извѣстіямъ.

Основная мысль его состоитъ въ томъ, что поселенцы Керамисіева стана стали посягать на Солунь, Константинополь и города Ѳракіи, и что исполнителемъ этихъ замысловъ они избрали именно Кувера, назначивъ его своимъ княземъ и каганомъ.—Въ дальнѣйшемъ излагаются сношенія Кувера съ императоромъ, имѣвшія результатомъ два важныя для болгаръ условія: а) разрѣшеніе оставаться въ занятой землѣ и б) право собирать дань съ дреговичей.

Все это весьма правдоподобно и не встрѣчаетъ никакихъ опроверженій въ вышеуказанныхъ другихъ памятникахъ, согласно которымъ Куверъ находился въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ съ Иракліемъ и получилъ отъ него санъ патрикія. Нашъ авторъ дополняетъ лишь свѣдѣнія о Куверѣ указаніемъ на самый капитальный фактъ, изъ котораго выросло могущество болгаръ, именно на постепенное порабощеніе славянскихъ племенъ, раньше здѣсь поселившихся. Гдѣ собственно сидѣли дреговичи, этого нельзя опредѣлить изъ словъ нашего памятника, ибо выраженіе „не такъ далеко" еще не можетъ быть доказательнымъ. Но нельзя не придавать цѣны тому сообщенію, что болгаре, ходя за данью къ славянамъ, разспрашивали ихъ о Солуни и узнали, что она находится не такъ далеко, и многіе изъ лицъ ромэйскаго происхожденія начали переходить съ женами и дѣтьми въ Солунь, а отсюда епархомъ города препровождаемы были въ Константинополь. — Здѣсь снова авторъ обращается къ Куверу, которому не могли нравиться перелеты изъ его лагеря въ Солунь, и который принялъ вмѣстѣ со своими совѣтниками слѣдующее коварное рѣшеніе. „Оказалось важнымъ подыскать среди приближенныхъ къ Куверу архонтовъ такого, который, отличаясь и въ прочемъ превосходствомъ и искусствомъ, имѣлъ бы знаніе ромэйскаго, славянскаго и болгарскаго языка и изощренъ былъ во всякой демонической хитрости. Онъ долженъ притвориться повстанцемъ и подобно прочимъ искать прибѣжища въ богоспасаемомъ городѣ, притворно выдавъ себя за вѣрнаго слугу нашего царя, и ввести съ собой къ намъ много своихъ приверженцевъ и затѣмъ взять городъ, возбудивъ въ немъ внутреннюю войну. Все это пред-

полагалось сдѣлать съ той цѣлью, чтобы облегчить для названнаго Кувера способъ завладѣть городомъ вмѣстѣ со своими приближенными и прочими архонтами и, утвердившись въ немъ, вооружиться противъ окрестныхъ племенъ, подчинить ихъ своей власти, идти войной на острова и на Азію и на самого царя“.

Указанная писателемъ махинація, такъ хорошо придуманная, была возложена къ исполненію на нѣкоего Мавра, который въ точности исполнилъ все порученіе и обманулъ довѣріе какъ архонтовъ города, такъ и самого императора. Послѣдній пожаловалъ ему почетное званіе ипата и назначилъ стратигомъ всѣхъ тѣхъ пришлыхъ людей, которые убѣжали изъ стана Кувера [1]).

Такимъ образомъ, съ передачей части военной власти наиболѣе опасному для спокойствія города лицу, которое было притомъ орудіемъ Кувера, для осуществленія плана болгаръ открылась полная возможность. Вновь назначенный стратигъ избралъ изъ своихъ единомышленниковъ кентарховъ, пентиконтарховъ и декарховъ [2]), и его оплиты держали въ городѣ стражу днемъ и ночью, получая содержаніе отъ казны. Предполагалось воспользоваться великимъ днемъ страстной субботы, когда все населеніе будетъ въ церквахъ, чтобы поджечь городъ и, пользуясь наступившей смутой, захватить его.— Прибытіе греческаго флота къ городу разстроило замыслы предводителя болгаръ, и самъ Мавръ впалъ въ тяжкую болѣзнь.

Наконецъ, вслѣдствіе приказанія императора Сисинній посадилъ на корабли часть упоминаемыхъ керамисіанцевъ, а самъ Мавръ съ перебѣжчиками представился императору и былъ назначенъ имъ княземъ [3]).

Въ приведенномъ сказаніи о Куверѣ есть еще одна черта, вскрывающая обычный пріемъ Византіи по отношенію какъ къ славянамъ, такъ и къ другимъ варварамъ. Какая цѣль была прибытія Сисиннія съ флотомъ? По всему видно, что прибытіе морскихъ судовъ въ

---

1) Мѣсто имѣетъ значеніе съ точки зрѣнія византійскихъ древностей и представляетъ собой доказательства тому, что у автора были подъ руками оффиціальные акты: ὁ πάντων εὐεργέτης — λόγον ἔγγραφον στέλλει τούτοις πρὸς τιμὴν πέμψας ὡρατίονα ὑπάτου τῷ αὐτῷ Μαύρῳ καὶ βάντον φιλοτιμίας χάριν, κελεύσας πάντας τοὺς ἐκ τῶν τοῦ λεχθέντος Κούβερ Κερμησιάνους ἀποφύγους ὑπ' αὐτὸν τὸν Μαῦρον γενέσθαι... καὶ αὐτὸς τούτων ὁ στρατηγὸς ὑπῆρχεν.

2) Начальники надъ 100, 50 и 10.

3) Tougard, § 121: ὁ αὐτὸς Μαῦρος σὺν τῶν μετ' αὐτοῦ ἀποφύγων τὰ τοῦ θεοστέπτου βασιλέως κατέλαβεν ἴχνη, ἐκεῖσε δεχθεὶς καὶ ἄρχων χρηματίσας.

Солунь не стояло въ связи съ замыслами Кувера и Мавра, а имѣло другое значеніе. Флотъ имѣлъ цѣлью содѣйствовать переходу болгаръ и славянъ изъ Керамисіева стана въ Солунь, а отсюда въ Константинополь. И когда выяснилось число охотниковъ, желавшихъ перейти къ византійцамъ изъ Константинополя, то были отправлены транспортныя суда въ Солунь съ цѣлью посадить на нихъ славянъ. Изъ дальнѣйшаго видимъ, что правительство назначило имъ своего князя и предоставило имъ земли для поселенія. Такимъ образомъ, мы должны принять, что въ Солуни происходила систематическая вербовка охотниковъ колонизовать свободныя земли. Органами и посредниками въ сношеніяхъ между правительствомъ и варварами были принявшіе греческую культуру старшины, изъ которыхъ назначались и устроители колоній. Ниже мы будемъ имѣть случай видѣть, что преемники Ираклія въ обширныхъ размѣрахъ примѣняли намѣченный здѣсь способъ порабощать варваровъ и пользоваться ими какъ для заселенія свободныхъ земель, такъ и для усиленія военныхъ силъ государства. Рядомъ съ развитіемъ ѳемнаго устройства усиленно шла колонизація европейскихъ и азіатскихъ областей новыми народами.

Доселѣ мы обращали вниманіе исключительно на сѣверо-востокъ и югъ Балканскаго полуострова. До времени Ираклія въ область наблюденія тогдашней лѣтописи вступаютъ лишь тѣ славянскія племена, которыхъ поселенія и воинственные набѣги простираются на западъ по Дунаю до впаденія въ него Тиссы. Сингидунъ, нынѣ Бѣлградъ, есть крайній предѣлъ распространенія свѣдѣній о славянахъ въ доступныхъ намъ источникахъ. Ѳракія и Македонія, Ѳессалія и Греція и нѣкоторые острова стали доступны славянской иммиграціи. Подразумѣваемая часть славянъ въ культурномъ отношеніи стала въ тѣсную зависимость отъ Византіи и съ большей или меньшей готовностью въ лицѣ своихъ племенныхъ старшинъ начала служить политическимъ интересамъ византійскаго государства. Элементы образованія государственности и общественная организація исходили, однако, не отъ Византіи, но отъ тюркскаго племени, пришедшаго изъ-за Дуная и подчинившаго себѣ часть славянъ, занимавшихъ сѣверо-восточную половину Балканскаго полуострова.

Что касается западной части полуострова, то происходившее здѣсь передвиженіе народностей остается въ высшей степени малоизвѣст-

нымъ. Вообще о славянахъ за предѣлами сферы вліянія Византіи или почти нѣтъ извѣстій, или передаются легенды и сентиментальныя повѣствованія, не имѣющія историческаго значенія. Самымъ живымъ фактомъ по отношенію къ западной части полуострова нужно признать вырвавшійся у знаменитаго папы Григорія Великаго вопль въ письмѣ къ епископу Салоны. Максиму отъ 600 года. „Славянскій народъ смущаетъ меня и огорчаетъ: огорчаюсь, ибо соболѣзную вамъ, смущаюсь, ибо славяне изъ Иллиріи стали уже проникать въ Италію [1]), но не совѣтую вамъ впадать въ отчаяніе, ибо тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ, суждено увидѣть еще худшее". Движеніе славянъ на западъ Балканскаго полуострова къ Адріатическому морю закончилось тѣмъ, что къ началу VII в. вся Далмація, за исключеніемъ приморскихъ городовъ съ римскимъ населеніемъ, оказалась во власти славянъ. О началѣ этого движенія, шедшаго по всей вѣроятности вмѣстѣ съ аварскими вторженіями, очень сухія извѣстія сохранились у латинскихъ и восточныхъ писателей [2]), которыми, однако, утверждается тотъ фактъ, что разсказъ Константина Порфиророднаго о движеніи сербовъ и хорватовъ въ Далмацію въ послѣдніе годы Ираклія носитъ на себѣ легендарный характеръ. Ибо не подлежитъ сомнѣнію, что славяне уже въ III в. были на Дравѣ и Савѣ, и что въ VI в. начали тѣ же славяне проникать и въ Далмацію, а къ началу VII в. угрожали уже Италіи [3]).

Исторія разселенія славянъ по побережью Далмаціи, конечно, предполагаетъ уже господство ихъ на Савѣ и Тиссѣ и должна быть разсматриваема какъ послѣдняя волна движенія ихъ на западъ по материку. Съ этимъ вопросомъ стоитъ въ связи весьма крупный и доселѣ еще неразъясненный историко-литературный фактъ, котораго нельзя здѣсь не коснуться. Это извѣстіе Константина Порфиророднаго о переселеніи сербовъ и хорватовъ въ земли, нынѣ обитаемыя этими народами. Съ упомянутымъ извѣстіемъ въ тѣсной связи находится также вопросъ о происхожденіи юго-славянской вѣтви славянскаго племени.

Четыре главы сочиненія Константина [4]) объ управленіи имперіей

---

[1]) Erben, „Regesta", I; Migne, „Patr. lat.", LXXVII, col. 1092.
[2]) Niederle, „Slovanské Starožitn.", II, 1, p. 223—4.
[3]) Niederle, II, 1, 278.
[4]) „De admin. imperio", c. 29—30, ed. Bonnae.

(гл. 29, 30, 31, 32) составляютъ до сихъ поръ не разрѣшенную еще загадку въ исторіографіи. Содержаніе этихъ главъ, кратко говоря, въ слѣдующемъ. Въ первой, между прочимъ, идетъ рѣчь о взятіи Салоны, важнаго города Далмаціи, варварами, которыхъ авторъ называетъ славянами и аварами [1]). Захвативъ Салону, эти варвары утвердились затѣмъ въ Далмаціи, прогнавъ изъ нея старое римское или романизованное населеніе. Фактъ завоеванія Салоны Констинтинъ ставитъ въ хронологическую связь съ переселеніемъ сербовъ и хорватовъ на Балканскій полуостровъ въ царствованіе Ираклія. Такъ какъ авары съ половины VI в. дѣйствительно господствовали на Дунаѣ и Тиссѣ, владѣли Панноніей и имѣли въ подчиненіи нѣкоторыя славянскія племена, то въ общемъ извѣстіе Константина, какъ имѣющее внѣшнюю вѣроятность, считалось основнымъ источникомъ для ранней исторіи сербовъ и хорватовъ. Можно бы задуматься развѣ надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что такой основательный ученый, какъ императоръ Константинъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи государственный архивъ и многообразные способы освѣдомленія, позволилъ себѣ допустить смѣшеніе этнографическихъ терминовъ и безразлично употребить слова „аваре" и „славяне". Но, не останавливаясь на этомъ, выдѣлимъ изъ 29 главы самое существенное въ смыслѣ общаго историческаго факта: Далмація захвачена въ царствованіе Ираклія тѣми хорватами, которые переселились изъ ранѣе занимаемой имъ страны, называемой Бѣлохорватія.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ снова повторено повѣствованіе о захватѣ Салоны тѣми же варварами, затѣмъ помѣщенъ разсказъ о хорватахъ. Отъ хорватовъ, обитавшихъ за Баваріей, отдѣлился одинъ родъ и пришелъ съ народомъ своимъ въ Далмацію, которую освободилъ изъ-подъ власти аваровъ и подчинилъ себѣ. Въ довольно несвязномъ и спутанномъ повѣствованіи настойчиво проведена мысль, что хорваты заняли бывшую подъ властью аваровъ землю съ вѣдома и согласія императора Ираклія.

Въ 32 главѣ идетъ рѣчь о движеніи сербовъ изъ страны, называемой Бѣлосербія; точно такъ же, какъ и хорваты, эти послѣдніе, также съ согласія царя Ираклія, получили для обитанія свободныя

---

[1]) С. 29: εὗρον ἔθνη σκλαβενικὰ ἄοπλα ὄντα, ἅτινα καὶ ἄβαροι ἐκαλοῦντο. И далѣе σκλάβοι οἱ καὶ Ἄβαροι.

земли, занимаемыя ими до настоящаго времени: Сербію, Черногорію, Боснію и Герцеговину. Въ частности слѣдуетъ замѣтить, что по воззрѣнію Константина сербы и хорваты были два пограничныхъ племени, занимавшія большое пространство за Дунаемъ и Карпатами, нынѣшнюю Чехію, Моравію и Галицію. Бѣлохорваты составляли восточную вѣтвь, бѣлосербы—западную.

Сообщеніе Константина, опредѣляющее какъ географическіе предѣлы распространенія хорватовъ и сербовъ, такъ и хронологію заселенія ими той территоріи на Балканскомъ полуостровѣ, которая донынѣ носитъ ихъ имя, составляетъ единственный источникъ, изъ котораго можно отправляться въ этомъ основномъ вопросѣ сербохорватской археологіи. Въ оцѣнкѣ этого сообщенія образовались въ наукѣ два направленія, изъ коихъ одно поддерживаетъ Константина, другое смотритъ на его извѣстіе какъ на легенду, составленную для объясненія реальнаго факта, происхожденіе котораго въ X в. было забыто. Именно, въ X в. географически и этнографически образовалось отдѣльное политическое тѣло съ именемъ хорватовъ, которые на сѣверѣ распространялись до Истріи, на востокѣ до теченія рѣки Вербасъ, на югѣ до Антивари. Это вообще была приморская страна, которая въ X в. имѣла уже за собой блестящую эпоху, такъ какъ Константинъ говоритъ, что Хорватія выставляетъ 60 тысячъ конницы и 100 тысячъ пѣхоты и владѣетъ значительнымъ флотомъ.

Чтобы до нѣкоторой степени осмыслить первичныя стадіи исторіи славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, необходимо отрѣшиться отъ приведенныхъ въ извѣстіи Константина датъ и историческихъ сближеній и ограничиться скудными замѣтками, восходящими къ болѣе раннему времени. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ связи съ легендой о переселеніи хорватовъ и сербовъ при Иракліи получается невѣрное освѣщеніе и другихъ фактовъ славянской исторіи.

Выше мы видѣли, что занятіе славянами Далмаціи нужно относить къ половинѣ VI в. [1]), и что тотъ громадный этнографическій переворотъ, который происходилъ въ теченіе VI в. на Балканскомъ полуостровѣ, не могъ не сопровождаться постепеннымъ занятіемъ славянами Панноніи и нынѣшней Сербіи, Босніи и Далмаціи. Въ удостовѣреніе этого приводятся и филологическія данныя, выдвину-

---

[1]) Въ первый разъ эта мысль проведена у Rački, см. Niederle, II, 1, str. 256, 261.

тыя, главнымъ образомъ, профессоромъ Ягичемъ[1]). Въ VII в., по его мнѣнію, не было еще этнографическаго и филологическаго разграниченія въ сербо-хорватской вѣтви славянъ, и, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о томъ передвиженіи съ сѣвера, о которомъ говорится у Константина. Остается лишь невыясненнымъ, при отрицательномъ отношеніи къ извѣстію Константина, то обстоятельство, что мысль о первичномъ раздѣленіи славянъ на двѣ вѣтви, т.-е. на славянъ и антовъ, засвидѣтельствована какъ древними, независимыми отъ Константина, источниками (Прокопій и Іорнандъ), такъ и персидскими, происходящими также изъ болѣе ранняго времени[2]), чѣмъ извѣстія Константина.

Изъ предыдущаго можно сдѣлать только отрицательный выводъ. Вошедшія въ сочиненіе Константина извѣстія о передвиженіи славянъ съ сѣвера и занятіи ими Далмаціи въ VII в. съ согласія императора Ираклія не оправдываются ни ходомъ событій, ни другими источниками и—что всего важнѣй—не объясняютъ юго-славянской исторіи. Въ VII в. въ исторіи славянъ обнаруживается дѣйствительно жизненное явленіе: славянами сдѣланъ былъ первый шагъ на пути образованія государственнаго союза. И весьма любопытно то обстоятельство, что Константинъ не нашелъ въ доступныхъ ему матеріалахъ никакихъ слѣдовъ этого движенія. Имѣемъ въ виду образованіе княжеской власти у славянъ и стремленіе къ основанію независимыхъ княженій. Одинъ и тотъ же фактъ намѣченъ въ двухъ направленіяхъ, но въ томъ и другомъ случаѣ основнымъ мотивомъ къ возвышенію военной или княжеской власти является освободительная борьба противъ аварскаго господства. Прежде всего разумѣемъ житье Димитрія Солунскаго, гдѣ читается разсказъ о Куверѣ, котораго аварскій каганъ назначилъ княземъ надъ подчиненными ему славянами и болгарами[3]). Куверъ поднялъ свой народъ противъ аварскаго хана, нанесъ ему нѣсколько пораженій и утвердилъ свое княженіе на югъ отъ Дуная, угрожая исконнымъ греческимъ городамъ: Константинополю, Солуни и др. По связи съ исторіей Кувера

---

[1]) „Archiv für Slavische Philol.", XVII. S. 56, 85.

[2]) Бартольдъ, „Зап. Имп. Ак. Наукъ", I, п. 4 (1897); Туманскій, „Записки Восточн. отдѣл. Императ. Русскаго Археол. Общества", т. X (1897).

[3]) Этому вопросу посвящена моя статья въ „Извѣстіяхъ Русск. Археол. Института", т. XIV, 1, стр. 44—58.

въ томъ же источникѣ находимъ указаніе на способъ колонизаціи славянами византійскихъ областей, съ предоставленіемъ имъ права внутренней племенной организаціи подъ управленіемъ своего князя. Такимъ образомъ, къ VII в. обнаруживаются начатки той организаціи, изъ которой должны были возникнуть славянскіе племенные союзы или отдѣльныя государства. Почему эти попытки VII вѣка не увѣнчались успѣхомъ и не сопровождались естественнымъ процессомъ образованія государствъ, это остается еще далеко не выясненнымъ.

Между тѣмъ въ тотъ же періодъ и для той же цѣли освободительнаго движенія противъ аварскаго порабощенія образуется, повидимому, другое зерно. Это княженіе Само. О княжествѣ Само сохранились извѣстія только въ латинскихъ источникахъ [1]), между тѣмъ какъ византійская лѣтопись совсѣмъ не знаетъ объ этомъ имени. Притомъ же оба названные источника не могутъ считаться хорошо освѣдомленными о славянскихъ событіяхъ; по одному центръ господства Само былъ въ Чехіи и Моравіи, по другому—въ Хорватіи, вслѣдствіе чего доселѣ не ясно, гдѣ было зерно, и куда простирались границы этой первой славянской государственной организаціи. Не можетъ быть сомнѣнія лишь въ томъ, что Само объединилъ славянъ подъ своей властью и началъ борьбу съ аварами въ царствованіе Ираклія, т.-е. приблизительно около 623 г. Но дѣятельность Само въ границахъ Византійской имперіи осталась совершенно не отмѣченной византійской лѣтописью, а случайно захвачена Фредегаромъ потому, что король франкскій Дагобертъ долженъ былъ, расширяя свои владѣнія на Востокъ, столкнуться со славянами.

Но извѣстія Фредегара о княженіи Само не выше по своему достоинству сообщеній Константина. Касающіяся Само главы Фредегара слишкомъ ясно выдаютъ свой легендарный характеръ и не могутъ быть разсматриваемы какъ надежный матеріалъ ни по существу реальнаго ихъ содержанія, ни по хронологическимъ пріуроченіямъ. Такимъ образомъ, останавливаясь на предположеніи, что въ рукахъ составителя относящихся до исторіи славянъ главъ хроники Фредегара было сказаніе о славянскомъ князѣ, который велъ успѣшную борьбу съ аварами и германцами [2]), мы не находимъ возможнымъ

[1]) Хроника Фредегара изд. въ „Mon. Germ. Hist.“, vol. II, и „Conversio Carantanorum“, ibid., XIII.

[2]) Krusch, „Neues Archiv der Gesellsch. für ältere deutsche Geschichtskunde“, VII (1882); Погодинъ, „Изъ исторіи слав. передвиженій“, стр. 152—154.

вводить разсказъ Фредегара въ свое изложеніе, какъ не могли воспользоваться и разсказомъ Константина.

Нужно придти къ заключенію, что оба наши источника основываются въ изложеніи исторіи героическаго періода славянской исторіи VII вѣка на сказаніяхъ, до насъ не дошедшихъ. Слѣды этихъ сказаній мы видимъ и въ лѣтописи, и у Константина Порфиророднаго. Сюда относится и сентиментальный разсказъ о трехъ славянскихъ гусляpахъ, приведенныхъ въ станъ императора Маврикія и наивное повѣствованіе объ обитаемой этими славянами странѣ, въ которой нѣтъ желѣза, и гдѣ не употребляютъ оружія. Сюда же можно причислить отвѣтъ князя Лавриты на предъявленное къ нему аварами требованіе подчиненія и дани: „есть ли кто подъ солнцемъ, кто могъ бы сокрушить наше могущество, мы привыкли господствовать, а не повиноваться чужимъ властителямъ". Такимъ же характеромъ легенды или народнаго сказанія отличаются многія мѣста въ повѣствованіи Константина (гл. 29, 30) и Маврикія. Нѣтъ сомнѣнія, что и нѣкоторая часть сказанія о Куверѣ, нашедшая себѣ мѣсто въ чудесахъ св. Димитрія, также почерпнута изъ народныхъ сказаній. Такимъ образомъ, весь матеріалъ, который относится къ освободительному движенію славянъ отъ аварской власти, носитъ нѣсколько легендарный и сентиментальный характеръ, какимъ могли быть окрашены преданія княжескихъ дружинъ, которымъ не суждено было, однако, достаточно развиться вслѣдствіе роковыхъ для славянъ событій VII—VIII вв.

Не отрицая за княжествомъ Само важнаго значенія въ смыслѣ утвержденія славянскаго элемента на западныхъ окраинахъ и продолжительнаго успѣшнаго соперничества съ германскимъ преобладаніемъ, историкъ все же не можетъ уклониться отъ постановки самаго естественнаго въ данномъ положеніи вопроса о томъ, что̀ же въ сущности представляли собой отмѣченныя источниками VII в. попытки образованія у славянъ княжеской власти и начатки государственнаго ихъ объединенія? Здѣсь необходимо коснуться вопроса о культурномъ состояніи славянъ въ періодъ столкновенія ихъ съ греками византійскими на югѣ и съ итальянцами и германцами на юго-западѣ.

Много было говорено объ историческомъ возрастѣ славянъ сравнительно съ германцами, при чемъ, главнымъ образомъ, принималась въ соображеніе хронологическая разница образованія государствен-

ности у германцевъ и славянъ, т.-е. цѣлый періодъ въ 300 лѣтъ, если считаться съ германскими государствами V—VI вв. и славянскими IX в. Нельзя не признать нѣкоторой доли искусственности и произвольности въ этомъ сравненіи датъ образованія государствъ. Нужно бы доказывать, съ цѣлью оправдать разность возрастовъ, недопустимое положеніе, что славяне въ V и VI вв. являются въ исторіи на весьма низкой ступени культурнаго развитія. Но на этомъ нельзя настаивать, такъ какъ всѣ данныя говорятъ за то, что славяне были уже въ осѣдломъ быту и занимались земледѣліемъ. По отношенію къ внутреннему быту факты языка указываютъ на семейно-родовой бытъ какъ на исконную форму жизни славянъ. Тѣ изъ древнихъ писателей, которые имѣли случай лично ознакомиться со славянами, отмѣтили характерныя особенности ихъ жизни. „Всѣ эти народы, славяне и анты, не повинуются одному повелителю, но изъ древности живутъ въ димократіи, поэтому у нихъ общественныя дѣла всегда обсуждаются на сеймахъ (вѣчахъ)“ [1]). То же замѣчаніе нѣсколько позднѣе сдѣлано Маврикіемъ. „Не признавая надъ собой чужой власти, они не находятся въ согласіи и другъ съ другомъ; всякій можетъ высказывать противорѣчивое другимъ мнѣніе; что положатъ одни, на то не соглашаются другіе, никто не хочетъ уступить. Такъ какъ у нихъ много старшинъ, не ладящихъ другъ съ другомъ, не безполезно привлекать нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону увѣщаніями или подарками, дабы возбудить между ними распрю и препятствовать соединенію ихъ подъ однимъ вождемъ“.

Такой бытъ, конечно, долженъ составлять большое препятствіе для образованія значительныхъ племенныхъ союзовъ и государственной организаціи. Что славяне, дѣлавшіе нападенія на имперію и занявшіе Балканскій полуостровъ и частью Грецію, были именно въ такомъ семейномъ и общественномъ быту, какой отмѣченъ приведенными выше свидѣтельствами, это подтверждается всей ихъ бойкой, цвѣтистой, многообѣщавшей, но оказавшейся пустоцвѣтомъ, а потому и безплодной до IX в. исторіей. Въ методологическомъ отношеніи противъ бѣдности красокъ и скудости источниковъ наука располагаетъ теперь сравнительно-историческимъ методомъ, посредствомъ коего достигается возстановленіе общаго типа развитія народовъ. Можно

[1]) Прокопій, „De B. Goth.“, IV.

понять, что при такомъ направленіи изученія славянской исторіи открытія въ исторіи одного народа обогащаютъ фактами исторію родственныхъ народовъ, такъ какъ оказывается весьма естественнымъ, что черты жизни, утратившіяся или оставшіяся не записанными для одного племени, во всей живости хранятся иногда у другого. Такъ, при помощи тщательнаго анализа фактовъ средневѣковой западной и восточно-европейской исторіи получилось наблюденіе, что, при всѣхъ сходствахъ въ развитіи общихъ явленій, между Востокомъ и Западомъ замѣчаются и характерныя отличія. Въ этомъ отношеніи прежде всего нужно указать, что древній періодъ славянской исторіи на Балканскомъ полуостровѣ, изучаемый на основаніи извѣстій, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ западными окраинами Византійской имперіи, не можетъ быть отдѣляемъ отъ своего естественнаго географическаго театра и потому долженъ удерживать наименованіе Византійскаго періода. Здѣсь рѣчь идетъ не о пустомъ звукѣ, не объ имени, въ которомъ въ сущности мало привлекательности, а о самомъ содержаніи періода, которому усвояемъ данное наименованіе. Какъ въ основѣ первоначальной исторіи западно-европейскихъ народовъ, основавшихся въ разное время на жительство въ предѣлахъ римской имперіи, заложены разнообразныя вліянія, исходившія отъ Рима, которыя въ совокупности принято называть романизаціей, такъ и основныя черты древней славянской исторіи въ предѣлахъ Восточной имперіи должны были развиваться подъ воздѣйствіемъ вліяній, исходившихъ изъ Царяграда, которыя подразумѣваются подъ именемъ Византинизма. Правда, византійское вліяніе выразилось далеко иначе и въ другомъ порядкѣ, чѣмъ романское. Славянскія племена не стерли византійскаго государства, не уничтожили имперіи, какъ это сдѣлали западные народы съ Римомъ, и вмѣсто періода образованія государственности на развалинахъ имперіи ограничились въ теченіе 300-лѣтняго періода попытками слiянія съ имперіей, и этотъ процессъ сопровождался весьма вредными послѣдствіями въ особенности для тѣхъ племенъ, которыя наиболѣе проникли на югъ Балканскаго полуострова. Съ точки зрѣнія хронологіи фактамъ германо-романской исторіи, т.-е. образованію государства меровинговъ или лангобардовъ, на восточной половинѣ Европы слѣдовало бы противопоставить событія славянской исторіи, стоящія въ связи съ занятіемъ Балканскаго полуострова, съ осадой Солуни, съ освободительнымъ движеніемъ подъ

властью Кувера и Само. Но этимъ противоположеніемъ такъ умаляется реальное содержаніе славянской исторіи, что для спасенія его была необходима или теорія несоотвѣтствія историческихъ возрастовъ славянъ и германцевъ, или сентиментальная теорія о мирныхъ наклонностяхъ славянскаго племени. По отношенію къ германской исторіи періода образованія государственности, ограничиваясь наиболѣе жизненными и важными въ культурномъ отношеніи фактами, въ которыхъ выражаются органическое развитіе и смѣна идей и направленій, можно выдѣлить нѣкоторые основные элементы или первичныя стадіи, составляющія существенное содержаніе жизни историческихъ народовъ. Таковыми должны быть признаны: исконныя особенности германскаго быта, отмѣченныя, между прочимъ, Тацитомъ; измѣненія въ германскомъ быту подъ воздѣйствіемъ римскаго права (романизація); вліяніе христіанства и связанныхъ съ нимъ учрежденій. Подъ вліяніемъ указанныхъ взаимодѣйствующихъ силъ складываются обширныя политическія группы, и вырастаетъ королевская власть, при чемъ римское духовенство служитъ проводникомъ римскаго права и романскихъ учрежденій во вновь возникшихъ королевствахъ. Германская дружина—совѣтники и соратники короля—обусловливаетъ соціальный, административный и экономическій строй государствъ.

Перенося эти наблюденія на славянъ VI—VII вв., мы должны приходить къ слѣдующимъ выводамъ. Хотя славяне не церемонились съ Восточной имперіей, хотя ихъ дѣйствія на окраинахъ имперіи, нападенія на города и колонизація свободныхъ мѣстъ должны бы сопровождаться тѣмъ же результатомъ, сознательно подготовляемымъ и неоднократно выраженнымъ ихъ вождями, что и нападенія германцевъ на Западную имперію, но этотъ желанный результатъ оказался неосуществимымъ. Славяне оказались слабыми въ борьбѣ, не уничтожили Восточной имперіи и не замѣнили императора кѣмъ-либо изъ своихъ жупановъ, но значительной частью вошли въ составъ имперіи, придавъ новыя черты Византинизму и сами испытавъ разнообразныя его вліянія. Ясно, что при значительныхъ сходствахъ внѣшней обстановки, славянская исторія пошла не тѣмъ путемъ развитія, что западная, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенныхъ условій, которыя или укрылись отъ вниманія изслѣдователей, или находятся въ зависимости отъ расовыхъ особенностей славянскаго племени. Не нужно за-

бывать, что первые опыты объединенія нѣсколькихъ славянскихъ колѣнъ подъ одной властью осуществились, повидимому, далеко за чертой непосредственнаго вліянія Византіи, въ то время какъ ближайшія племена долго остаются въ первичной стадіи жупнаго устройства, наблюдаемаго одинаково и у тѣхъ колѣнъ, которыя поселились въ областяхъ имперіи и приняли подданство императора. Византіи не представлялось выгоднымъ способствовать образованію крупныхъ центровъ среди славянства; напротивъ, самыя элементарныя соображенія выгоды склоняли византійскихъ государственныхъ людей къ тому, чтобы поселить рознь и вражду между отдѣльными колѣнами—жупами, поддерживая одного славянскаго вождя противъ другого. Жупное устройство по колѣнамъ, отсутствіе сильной княжеской власти и постоянная борьба между отдѣльными колѣнами — вотъ тѣ черты, которыми характеризуется славянская жизнь въ періодъ заселенія Балканскаго полуострова. Старому государству съ организованной военной и административной системой не стоило большаго труда наложить свою руку и на такія племена, которыя съ оружіемъ въ рукахъ занимали области имперіи. То обстоятельство, что византійскія извѣстія отмѣчаютъ какъ наиболѣе отличительныя черты славянской жизни: отсутствіе сильной княжеской власти, демократическіе обычаи, выражающіеся въ перенесеніи политическихъ и общественныхъ вопросовъ на вѣче, рѣшенія котораго необязательны для меньшинства—служитъ указаніемъ, что эти формы быта наблюдались именно у тѣхъ славянъ, которые жили въ предѣлахъ имперіи и старались удержать ихъ „въ противность ромэйскимъ обычаямъ“. Показаніе Льва Мудраго, что славяне неохотно исполняютъ приказанія чужого лица, и что гораздо легче сносятъ несправедливости и обиды собственныхъ старшинъ, лишь бы не слѣдовать ромэйскимъ обычаямъ и законамъ, относится, конечно, къ тѣмъ славянамъ, которые жили въ предѣлахъ имперіи, составляя, однако, изъ себя привилегированное общество, на которое не простирались имперская администрація и судъ.

Такъ какъ имперія старалась не поступаться своими владѣніями въ пользу варваровъ, то съ теченіемъ времени всѣ захваты вооруженной рукой пріобрѣтали легальный характеръ, становясь фактомъ колонизаціи съ разрѣшенія правительства. Въ актахъ Димитрія Солунскаго отмѣчаются случаи вербовки славянскихъ отрядовъ для ко-

лонизаціи свободныхъ имперскихъ земель, для VII в. имѣется рядъ лѣтописныхъ извѣстій, знакомящихъ съ обычной системой правительства пересылать большіе славянскіе отряды изъ Европы въ Азію и давать имъ такое устройство, которое было бы совмѣстно съ интересами государства (стр. 620 и слѣд.). Вслѣдствіе подобнаго пріобщенія славянъ къ жизни Византіи образовались между греками и славянами такія отношенія, которыя сопровождались неизбѣжными взаимными воздѣйствіями и вліяніями, имѣющими обнаружиться въ дальнѣйшей исторіи.

По отношенію къ періоду образованія государствъ у славянъ нужно дѣлать различіе между тѣми, которыя произошли естественнымъ путемъ сплоченія жупъ и колѣнъ, и тѣми, которыя образовались подъ вліяніемъ пришлой чужеземной власти. Независимо оттого громадное различіе наблюдается и въ историческихъ судьбахъ, и въ культурномъ развитіи между государствами, образовавшимися подъ воздѣйствіемъ германо-католическимъ и тѣми, которыя подпали подъ вліяніе греко-православнаго исповѣданія. Въ этомъ лежитъ зерно различія славянъ по культурѣ и религіи,—различія до такой степени глубокаго, что оно отразилось на всей тысячелѣтней исторіи славянскаго племени.

Переходя къ славянскимъ племенамъ, основавшимся въ границахъ Византійской имперіи, мы встрѣчаемся съ явленіемъ, которое не поддается объясненію безъ предварительнаго обсужденія вопроса о густотѣ славянскихъ поселеній. Принимая въ соображеніе, что въ предѣлахъ распространенія славянъ по Балканскому полуострову сохранились до настоящаго времени значительные слои старыхъ обитателей, какъ албанцы, влахи и греки, и что самыя сильныя волны славянскаго движенія, добѣжавшія до Эгейскаго моря и до Мореи и частью перекатившія на азіатскій материкъ, постепенно смѣшались и потерялись въ туземныхъ элементахъ, мы должны думать, что заселеніе славянами Балканскаго полуострова не имѣло большой густоты. При недостаткѣ организаторскихъ силъ въ своей собственной средѣ, при отсутствіи центральной власти, которая побудила бы колѣнныхъ старшинъ и представителей отдѣльныхъ родовъ подчиняться общимъ, а не частнымъ интересамъ, отдѣльныя колѣна и жупы обречены были вести скромное существованіе, не достигнувъ предстоявшей передъ ними государственной и національной задачи.

Можно было бы ожидать, что авары, подчинивъ себѣ занятыя славянами области имперіи, сообщатъ имъ необходимую организацію и создадутъ во Өракіи и Македоніи такое же государство, какое удалось въ VII—VIII в. создать болгарамъ орды Аспаруха, но въ дѣйствительности этого не случилось.



Глава III.

Взятіе Іерусалима персами. Вторженіе въ Персію въ 623 г. и рядъ пораженій, нанесенныхъ персидскому царю. Осада Константинополя аварами и персами. Всемірно-историческое значеніе персидской войны.



ервые годы правленія Ираклія изображаются въ исторіографіи какъ періодъ наибольшаго униженія и самыхъ крупныхъ потерь имперіи въ Европѣ и Азіи. Хотя положеніе дѣлъ на Востокѣ становилось болѣе и болѣе тревожнымъ со времени вступленія Ираклія на престолъ, но онъ долго не былъ въ состояніи располагать достаточными военными средствами для войны съ Хосроемъ. Повидимому, Малая Азія и Сирія оставались совсѣмъ безъ защиты, такъ какъ персы въ короткое время сдѣлали здѣсь большія завоеванія. Такъ, въ 611 г. завоевана была Сирія вмѣстѣ съ ея главнымъ городомъ Антіохіей, въ слѣдующемъ году персы вступили въ Малую Азію и овладѣли Кесаріей каппадокійской, захвативъ десятки тысячъ плѣнниковъ и отправивъ ихъ въ Персію. Въ 613 г. полководецъ Хосроя Сарваръ угрожаетъ Палестинѣ, при чемъ былъ завоеванъ Дамаскъ, и скоро затѣмъ началась осада Іерусалима. Въ затруднительномъ положеніи, не имѣя ни войска, ни денегъ, Ираклій обратился къ церковнымъ средствамъ, тому источнику, изъ котораго онъ пользовался и въ послѣдующее время [1]). Самымъ важнымъ событіемъ было взятіе Іерусалима въ 614 г. Осада и паденіе Іерусалима находятся въ связи съ еврейскимъ вопросомъ того времени. Со времени Фоки противъ іудеевъ было гоненіе въ имперіи,

---

[1]) Gelzer, „Leontios v. Neapolis. Leben des heil. Johannes des Barmherz.“. S. 23.

которое продолжалось и при Ираклiи. Персидскiе успѣхи въ Палестинѣ и Сирiи возбудили надежды евреевъ и заставили ихъ искать защиты у завоевателей, подъ знамена которыхъ они стекались большими толпами и возбуждали въ персахъ фанатизмъ и непримиримую вражду противъ христiанъ. Этимъ объясняется исключительно кровавый характеръ послѣдовавшихъ за паденiемъ Iерусалима событiй. Осада города продолжалась три недѣли. Когда, наконецъ, персамъ удалось разрушить часть стѣны и ворваться въ городъ, они предоставили участь христiанскаго населенiя фанатизму евреевъ, которые и свели здѣсь счеты съ христiанами, угнетавшими ихъ преслѣдованiями и презрѣнiемъ. Говорятъ, что не одинъ десятокъ тысячъ христiанъ погибъ въ Iерусалимѣ отъ руки iудеевъ, до тридцати пяти тысячъ уведено было плѣнниковъ. Городъ и храмъ подверглись безпощадному грабежу, при которомъ завоеватели руководились не только жаждой добычи, но чувствами мести и религiозной нетерпимости. Въ особенности пострадали христiанскiя святыни, передъ утратой которыхъ отступали на второй планъ и плѣненiе патрiарха Захарiи, и разрушенiе города. Храмъ Гроба Господня и всѣ постройки св. Елены были преданы пламени, драгоцѣнная утварь, благоговѣйно приносимая сюда со всѣхъ странъ, была расхищена, священныя реликвiи частью уничтожены, частью взяты побѣдителями. Между этими послѣдними особенно была тягостна утрата Животворящаго Древа Креста, которое взято было персами и увезено въ Ктесифонъ.

Постигшая Iерусалимъ судьба была тяжкимъ ударомъ для всего христiанскаго мiра. Палестинскiе христiане нашли себѣ убѣжище въ Александрiи, гдѣ патрiархъ Iоаннъ Милостивый оказалъ имъ дѣятельную помощь изъ церковныхъ средствъ. Но опасность грозила и самой Александрiи, такъ что Ираклiй чрезъ гражданскаго управителя Египта патрикiя Никиту предлагалъ александрiйскому патрiарху выдать свои средства на государственныя потребности, прежде чѣмъ овладѣютъ ими персы. Дѣйствительно, въ 616 г. персы переправились въ Африку и завоевали Египетъ, патрiархъ и патрикiй Никита принуждены были оставить свою область и спасаться въ Константинополѣ. Въ слѣдующемъ году отдѣльный персидскiй отрядъ направился въ Малую Азiю, дошелъ до Халкидона и угрожалъ самой столицѣ. Конечно, рѣдко имперiя была въ такомъ отчаянномъ положенiи. Ведя съ персами безнадежные переговоры, Ираклiй видѣлъ,

что нужно прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, что въ Константинополѣ нѣтъ болѣе безопасности для византійскаго царя. Въ такомъ положеніи онъ пришелъ къ рѣшенію, которое характеризуетъ безпомощность его и истощеніе рессурсовъ, именно онъ рѣшился перенести столицу въ Карѳагенъ и сдѣлалъ для того приготовленія. Разъ принялъ подобное же рѣшеніе Юстиніанъ, но царица Ѳеодора поддержала его энергію; теперь подлѣ императора не было совѣтницы, подобной Ѳеодорѣ, но на стражѣ интересовъ имперіи оказался доблестный патріархъ Сергій, который внушилъ императору твердость духа и взялъ съ него слово употребить всѣ силы на защиту столицы. Между тѣмъ случилось, что корабли, готовые отплыть въ Карѳагенъ съ нагруженными на нихъ сокровищами, были разбиты бурей, что̀ признано было за проявленіе божественной воли.

Хотя непріятель былъ въ виду Константинополя, Ираклій рѣшился начать переговоры о мирѣ. Онъ самъ отправился въ непріятельскій станъ и убѣдилъ персидскаго полководца Саита снять осаду съ Халкидона. Вмѣстѣ съ тѣмъ, снаряжено было торжественное посольство изъ 70 важныхъ лицъ, которому поручено было идти къ Хосрою. Но посольство подверглось поруганію, какъ только вступило на персидскую почву; всѣхъ его членовъ заковали въ оковы и подъ стражей привели предъ Хосроя. Попытка вступить въ переговоры не только не увѣнчалась успѣхомъ, но еще болѣе раздражила грековъ противъ персовъ. Персидскій царь, въ сознаніи своего могущества и съ цѣлью показать крайнее презрѣніе къ Ираклію, приказалъ съ Саита содрать кожу, а пословъ заключить въ темницу. Въ отвѣтъ же на отправленное ему съ посольствомъ письмо говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „да не обманываетъ васъ тщетная надежда. Если Христосъ не могъ спасти Себя отъ евреевъ, убившихъ Его на крестѣ, то какъ же Онъ поможетъ вамъ? Если ты сойдешь въ бездны моря, я протяну руку и схвачу тебя“!

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ предстояло Ираклію рѣшать вопросъ о судьбѣ своей имперіи. И нужно признать, что византійскій царь весьма глубоко оцѣнилъ значеніе событій и понялъ, что борьба съ персами требуетъ полнаго успокоенія сѣверной границы, и что нужно, во что бы то ни стало, обезпечить себя со стороны Балканскаго полуострова. Здѣсь происходилъ этнографическій переворотъ: во Ѳракіи, Македоніи и на побережьѣ Адріатическаго моря

продолжалось передвиженіе славянскихъ племенъ, которыя частью осѣли на новыхъ мѣстахъ, частью передвигались на югъ и западъ подъ напоромъ аваровъ, народа тюркскаго племени. Можно думать, что утвержденіе аваровъ на Дунаѣ и Тиссѣ и основаніе ими долговременнаго господства въ дунайскихъ областяхъ, въ мѣстахъ славянскаго разселенія, оказало значительное вліяніе на судьбы славянскаго племени. Хотя авары появляются какъ кочевая орда съ хищническими наклонностями, и хотя укрѣпленный ихъ станъ или хрингъ скорѣй напоминалъ временный лагерь, а не постоянное мѣстожительство, но у нихъ было хорошо поставлено военное дѣло, сильно развита власть военнаго предводителя, и для занятія военнымъ дѣломъ они нуждались въ даровомъ трудѣ подвластнаго земледѣльческаго населенія, каковымъ были славяне. Съ конца VI в. византійская лѣтопись, упоминая объ аварскихъ набѣгахъ и завоеваніяхъ, постоянно смѣшиваетъ аваръ и славянъ, такъ какъ дѣйствительно въ аварскомъ войскѣ славяне составляли значительный отдѣлъ. Быстрое распространеніе славянъ по Норику и Панноніи, и занятіе ими мѣстности отъ Адріатическаго до Чернаго моря должно быть объясняемо главнѣйше тѣмъ, что славяне шли здѣсь вмѣстѣ съ аварами, которые, въ качествѣ организующаго военнаго элемента, дали силу и напряженіе разселенію славянъ.

Ираклію приходилось считаться съ весьма серьезнымъ положеніемъ. Иногда дорогимъ выкупомъ можно было заручиться временнымъ спокойствіемъ отъ аварскаго кагана, иногда возбудить движеніе среди славянъ и тѣмъ отвлечь вниманіе аваровъ къ внутреннимъ дѣламъ. Во время царя Маврикія Дунай признавался границей аварской власти, но это не мѣшало аварамъ предпринимать постоянныя хищническія вторженія въ собственно византійскія области; при Фокѣ въ 604 г. вновь заключено было соглашеніе съ аварами, но оно также не обезопасило имперію отъ набѣговъ дикихъ наѣздниковъ. Ираклій привнесъ новую точку зрѣнія въ разрѣшеніе славяно-аварскаго вопроса. Уже не въ первый разъ византійскимъ государственнымъ дѣятелямъ приходилось рѣшать проблему о новыхъ народахъ; въ V в. Ѳеодосій отступилъ отъ старыхъ традицій въ пользу германскаго элемента, который въ лицѣ готскаго племени былъ принятъ въ имперію на равныхъ правахъ съ греками и вошелъ въ составъ войска и администраціи. Эта мѣра вполнѣ отвѣчала потребностямъ

времени и принесла имперіи громадную пользу. Ираклію предстояло рѣшить подобный же вопросъ по отношенію къ славянамъ. Литературная традиція, сохранившаяся у Константина, по которой Ираклій далъ разрѣшеніе сербамъ и хорватамъ на поселеніе ихъ въ областяхъ имперіи, скрываетъ въ себѣ намекъ на важный фактъ, относящійся ко времени Ираклія: именно въ это время найдена была наилучшая формула, удовлетворявшая и византійское правительство, и славянскія племена, занявшія Балканскій полуостровъ, примѣнивъ которую, Византія вступила въ тѣсное единеніе со славянами, а послѣдніе нашли благопріятное устройство подъ законами имперіи и въ ея границахъ, на правахъ подданныхъ императора.

Пока мы лишены еще возможности выяснить предварительныя мѣропріятія для достиженія указанной цѣли. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Ираклію удалось раздѣлить интересы аваровъ и славянъ и подготовить анти-аварское движеніе на Балканскомъ полуостровѣ. Нѣкоторыя указанія въ этомъ смыслѣ имѣются въ дѣятельности Кувера и въ исторіи осады Константинополя въ 626 г. Но самое важное въ этомъ отношеніи основывалось на отдѣльныхъ соглашеніяхъ съ предводителями славянскихъ колѣнъ, вступавшими въ извѣстныя обязательства къ имперіи и получавшими свободныя земли для обитанія, организованныя какъ военно-податные участки; къ этому вопросу мы еще будемъ имѣть случай возвратиться. Путемъ соглашеній со славянскими старшинами начата была колонизація Малой Азіи, прежде всего провинціи Виѳиніи, позволившая провести новую административную и земельную систему, съ которой стоятъ въ связи военные успѣхи Ираклія.

Въ то время какъ персы на Востокѣ дѣлали одно завоеваніе за другимъ и отдѣльные отряды ихъ угрожали самому Константинополю, столицѣ имперіи предстояло испытать еще новое бѣдствіе, происходившее отъ голода и язвы. Константинополь всегда зависѣлъ въ доставкѣ хлѣба отъ Египта, Малая Азія могла служить лишь вспомогательнымъ средствомъ, но къ 618 г. подвозъ хлѣба изъ Египта былъ закрытъ вслѣдствіе персидскихъ завоеваній, а на Балканскомъ полуостровѣ угрожала опасность отъ аварскаго нападенія. Къ 619 г. относятся сношенія Ираклія съ каганомъ, имѣвшія цѣлью заключеніе или возобновленіе ранѣе заключеннаго мира. Было условлено, что Ираклій встрѣтится съ каганомъ неподалеку отъ Длинныхъ стѣнъ, куда про-

стирались аварскіе наѣзды, въ Иракліи (древній Перинѳъ). Но свиданіе не состоялось, потому что Ираклій благовременно замѣтилъ подготовленную ему аварами засаду и, оставивъ слѣдовавшіе за нимъ запасы и царскую утварь. поспѣшно спасся въ Константинополь. До какой степени слабости доведена была имперія въ это время, видно изъ того, что авары погнались за греками, дошли до самаго предмѣстья столицы, захватили громадную добычу и взяли въ плѣнъ множество сельскаго населенія. Тѣмъ не менѣе, Ираклій находилъ благоразумнымъ искать мира съ аварами, потому что на Востокѣ дѣла шли еще хуже. Въ 620 году каганъ согласился на миръ, но взялъ за это очень дорогую цѣну. Прежде всего Ираклій долженъ былъ дать заложниковъ для обезпеченія принятыхъ на себя обязательствъ. Въ числѣ заложниковъ былъ побочный сынъ его Іоаннъ Аѳаларихъ и племянникъ Стефанъ, сынъ сестры царя Маріи. Кромѣ того, увеличено количество ежегодной дани, вносимой въ пользу аваровъ. На этихъ условіяхъ каганъ давалъ Ираклію свободу приступить къ осуществленію плановъ его по отношенію къ Персіи.

Начало персидскаго похода относится къ веснѣ 622 года. Намъ слѣдуетъ дать себѣ отчетъ, какъ состоялся этотъ походъ, какими средствами располагалъ Ираклій для открытія военныхъ дѣлъ съ Персіей, и чѣмъ обусловливался неожиданный успѣхъ его предпріятій на Востокѣ, напомнившій блистательные походы Александра Македонскаго. Прежде всего нужны были матеріальныя средства на веденіе войны, а въ этомъ отношеніи Ираклій не могъ разсчитывать на помощь ни европейскихъ, ни азіатскихъ провинцій, частью находившихся на военномъ положеніи, частью занятыхъ непріятелемъ. Есть извѣстіе, что и ранѣе этого времени онъ черпалъ денежныя средства у александрійской церкви и употреблялъ ихъ на государственныя нужды; теперь та же мѣра примѣнена была въ обширныхъ размѣрахъ къ церквамъ и монастырямъ столицы. Хрисовулы Ираклія 612 и 619 гг., которыми ограничивалось число духовенства въ храмѣ св. Софіи и предписывалась экономія въ расходованіи церковныхъ суммъ, подготовляли уже его послѣдующія распоряженія насчетъ церковныхъ имуществъ. Просвѣщенный и патріотически настроенный патріархъ Сергій не поставилъ препятствій къ проведенію вопроса объ употребленіи церковныхъ сокровищъ на военныя потребности, тѣмъ болѣе, что войну съ персами можно было разсматривать, послѣ

завоеванія Іерусалима и отнятія Животворящаго древа, какъ подвигъ религіозный. Драгоцѣнностями св. Софіи не ограничивались жертвы церкви, примѣру великой церкви послѣдовали столичные и провинціальные епископскіе храмы, пожертвованія коихъ позволили правительству начеканить достаточно золотой и серебряной монеты на потребности предстоящей войны. Весьма характерно еще извѣстіе, сообщаемое современникомъ [1]), что всю зиму передъ походомъ Ираклій провелъ въ строгомъ уединеніи въ одномъ изъ предмѣстій Константинополя, занимаясь чтеніемъ военныхъ и историческихъ сочиненій. Передъ походомъ принята была также чрезвычайная мѣра для обезпеченія порядка въ управленіи государствомъ на время отсутствія императора. Съ этой цѣлью учреждено регентство, ввѣренное десятилѣтнему царевичу Константину, патріарху Сергію и патрикію Вону. На второй день Пасхи, 5 апрѣля 622 года, помолившись въ церкви св. Софіи, Ираклій обратился къ патріарху съ слѣдующими словами: „оставляю сей городъ и сына моего на попеченіе Божіе и Богоматери и въ твои руки!“ Затѣмъ, взявъ въ руки нерукотворный образъ Спасителя, служившій ему какъ военное знамя, Ираклій открылъ походъ на кораблѣ готовомъ къ отплытію.

На основаніи ближайшихъ событій этого похода можно выводить заключеніе, что изъ Константинополя вышла незначительная часть войска, вѣроятно гвардейскія части и свита императора, такъ какъ сборъ войска и организація частей предстояла впереди. Слѣдуетъ вспомнить, что Константинополь находился подъ угрозой персидскаго отряда, приблизившагося къ Халкидону, и что предполагаемое большинствомъ историковъ движеніе Ираклія въ Киликію и высадка въ Пилахъ [2]), едва ли соотвѣтствуетъ положенію дѣла и намѣреніямъ Ираклія. Больше вѣроятностей въ томъ предположеніи, что Ираклій высадился въ Пилахъ въ Никомидійскомъ заливѣ, и что именно здѣсь, въ провинціи Виѳиніи, были тѣ ѳемы, гдѣ устроенъ былъ Иракліемъ защищенный лагерь, и гдѣ онъ провелъ шесть мѣсяцевъ, занимаясь наборомъ войска и обученіемъ военному дѣлу новобранцевъ. Это время нужно считать употребленнымъ весьма цѣлесообразно во всѣхъ отношеніяхъ. Ираклій успѣлъ ознакомиться

---

[1]) Георгій Писида, „Ираклiада“, II. 109, 120.

[2]) Theoph. 303, 9: κατὰ τὰς λεγομένας Πύλας.

съ новобранцами, обучить ихъ военному дѣлу и внушить имъ къ себѣ довѣріе. Здѣсь умѣстно сдѣлать замѣчаніе по поводу отмѣченнаго историками отсутствія въ отрядахъ Ираклія ветерановъ. Откуда же были набраны свѣжіе люди? —Не подлежитъ сомнѣнію, что главная часть новобранцевъ происходила изъ славянъ, которые къ этому времени наводнили Балканскій полуостровъ и содѣйствовали къ образованію ѳемнаго устройства въ Малой Азіи, давая изъ себя значительное число охотниковъ для колонизаціи Виѳиніи.

Осенью того же 622 г. Ираклій пошелъ въ Каппадокію. Первымъ послѣдствіемъ этого движенія было то, что персидскій вождь Сарваръ, стоявшій подъ Халкидономъ, оказался въ опасности быть отрѣзаннымъ отъ сношеній съ Персіей и принужденъ отступить на тѣ же провинціи, которыя теперь занималъ Ираклій. Здѣсь зимой произошло сраженіе, которое окончилось пораженіемъ персовъ и имѣло послѣдствіемъ освобожденіе Малой Азіи отъ враговъ. Зиму 623 года византійскія войска провели въ Арменіи и Понтѣ, а самъ Ираклій возвратился моремъ въ Константинополь, гдѣ его присутствіе было необходимо, между прочимъ, и для того, чтобы побудить аварскаго кагана держать свое обѣщаніе о мирѣ.

Послѣ Пасхи 623 г. Ираклій снова выступилъ походомъ въ Арменію. Этотъ походъ, продолжавшійся три года, совершенъ былъ среди невѣроятныхъ трудностей и напоминаетъ во многомъ экспедицію Александра Македонскаго. Походъ Ираклія происходилъ по тѣмъ же мѣстностямъ, которыя прославлены подвигами македонскаго героя, и ознаменованъ не менѣе рѣдкими и исключительными по отвагѣ приключеніями. Этотъ гомерическій походъ Ираклія обозначаетъ, независимо отъ всего прочаго, чрезвычайно высокое развитіе военнаго искусства въ византійской арміи и характеризуетъ большія военныя дарованія полководца. Ираклій нашелъ средства для войны тамъ, гдѣ до него не думали искать,—въ Закавказьѣ и суровой Арменіи, которыя были избраны базисомъ для наступленія въ центръ персидскаго царства. Это былъ и по своимъ результатамъ такой военный подвигъ, какого Византійская имперія не знала до сихъ поръ.

Точкой отправленія на этотъ разъ служила для Ираклія Лазика или Колхида, гдѣ онъ вошелъ въ сношенія съ разными кавказскими воинственными племенами, которыми усилилъ свое войско, доведенное до 120 тысячъ. Отсюда чрезъ Арменію онъ вторгся въ пер-

сидское царство, именно въ провинцію Атрапатену, южнѣй Аракса, и сталъ угрожать центральнымъ владѣніямъ персидскаго царя. По всѣмъ вѣроятіямъ, это движеніе не было предусмотрѣно Хосроемъ, который позволилъ византійскому войску вторгнуться въ Персію, самъ оставаясь въ главномъ городѣ провинціи Ганзакѣ [1]). Находясь въ критическомъ положеніи, персидскій царь отдалъ приказъ полководцу Сарвару поспѣшить въ Персію и соединиться съ другими тамъ дѣйствовавшими частями; самъ же съ отборнымъ отрядомъ, которому уже нанесено было пораженіе передовыми частями войска Ираклія, поспѣшилъ отступить въ Месопотамію на соединеніе съ остававшимися тамъ гарнизонами. Между тѣмъ Ираклій овладѣлъ Ганзакомъ, гдѣ нашелъ большую добычу и богатства, но не нашелъ Животворящаго Древа, которое персы хранили въ Ктесифонѣ. Идя по слѣдамъ Хосроя, византійцы напали на городъ Ѳиварму, гдѣ истребили главное святилище огнепоклонниковъ и огромную статую Хосроя. Преслѣдуя персидскаго царя, Ираклій овладѣлъ многими городами и опустошалъ страну. Наконецъ, наступила зима, заставившая подумать о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о зимнихъ квартирахъ. Говорятъ, что въ военномъ совѣтѣ склонялись къ двоякому рѣшенію: по однимъ нужно было продолжать движеніе и напасть на Хосроя, по другимъ возвратиться къ первоначальной базѣ похода, на Кавказъ. Любопытно, что и это рѣшеніе, какъ и другія фазы похода, было освящено религіей. Такъ, прежде чѣмъ отдать приказъ объ отступленіи на сѣверъ, императоръ объявилъ трехдневный постъ и потомъ, раскрывъ евангеліе, въ немъ вычиталъ указаніе, согласно которому и поступилъ. Нельзя не оцѣнить практическій смыслъ этого рѣшенія. Избравъ для зимняго расположенія страну при подошвѣ Кавказа и по берегу Каспійскаго моря (Албанія), онъ обезпечивалъ себѣ возможность добыванія средствъ къ продовольствію и къ пополненію убыли въ людяхъ. Дабы привлечь къ себѣ симпатіи населенія, онъ отпустилъ на свободу 50 тысячъ плѣнниковъ, которыхъ, впрочемъ, и неблагоразумно было имѣть съ собой на зимнихъ квартирахъ. Событія, послѣдовавшія въ зиму 623—624 г., прослѣдить въ высшей степени трудно, такъ какъ въ сохранившихся извѣстіяхъ встрѣчаются противорѣчія [2]). Главнымъ мотивомъ

[1]) Развалины недалеко отъ Тавриза.

[2]) Gerland, „Die persichen Feldzüge“, 28—29 („Byzant. Zeitschr.“, III, 2).

движенія на сѣверъ было упрочить безопасность со стороны кавказскихъ народовъ, съ каковой цѣлью Ираклій началъ переговоры съ грузинскими и сосѣдними мелкими князьями (лазы, авазги). Но, съ своей стороны, и персы приняли мѣры, чтобы возбудить противъ него движеніе между кавказскими племенами. Противъ Ираклія снаряжены были три арміи, которыя имѣли задачей запереть его въ кавказскихъ горахъ и не пропустить его снова въ персидскіе предѣлы. Указанныя обстоятельства заставили Ираклія, не довѣряясь колебавшимся между персами и византійцами союзникамъ, отступить изъ Албаніи на югъ и самому напасть на персовъ. Военныя дѣйствія происходили въ Арменіи и имѣли рѣшительный характеръ. Двумя пораженіями, нанесенными персамъ при Тигранокертѣ и при Салванѣ, на озерѣ Ванъ, не только устранена была угрожавшая опасность, но открыта возможность снова начать наступательныя дѣйствія противъ Хосроя. Таковы были обстоятельства осенью и зимой 624 года.

Весной слѣдующаго года Ираклій перенесъ театръ дѣятельности въ Месопотамію, на границу обѣихъ имперій. По всей вѣроятности движеніе на западъ должно быть объясняемо ходомъ событій въ самомъ Константинополѣ и извѣстіями о замышляемомъ союзномъ нападеніи аваръ и персовъ на столицу христіанской имперіи. Весной и лѣтомъ 625 г. военныя событія происходятъ частью въ Арменіи и Месопотаміи, частью въ предѣлахъ Византійской имперіи. Ираклій захватилъ городъ Амиду и Мартирополь, принадлежавшіе прежде Византіи и недавно отнятые персами, и послалъ о томъ извѣщеніе регентамъ и сенату. Съ цѣлью предупредить движеніе персидскаго полководца Сарваразa въ Малую Азію, онъ продолжалъ движеніе на востокъ, имѣлъ съ персами сраженіе на Евфратѣ и заставилъ Сарваразa отступить назадъ. Въ теченіе 625 года Ираклій не выходилъ изъ предѣловъ Византійской имперіи и на зиму снова расположился на квартирахъ у Кавказскихъ горъ, вѣроятно въ той же Лазикѣ, гдѣ онъ зимовалъ въ началѣ персидскихъ походовъ.

Наступилъ самый критическій моментъ въ отношеніяхъ между Персіей и Византіей, на цѣлыя столѣтія впередъ опредѣлившій дальнѣйшую судьбу Востока. Относительно подробностей остается еще много неизвѣстнаго и мало выясненнаго въ событіяхъ 626—627 года, но общее направленіе широко захватывавшей политики Ираклія хорошо опредѣляется по тѣмъ фактамъ, которые произошли на пери-

феріяхъ обширной области византійскаго вліянія и которые способствовали окончательному паденію персидскаго военнаго могущества. Персидскій царь задумывалъ смѣлое предпріятіе—отвлечь вниманіе Ираклія отъ Востока подготовленіемъ ему такихъ затрудненій въ Европѣ, которыя заставили бы его оставить Арменію и Персію и всѣ средства употребить на спасеніе столицы и европейскихъ владѣній. Для этого служилъ союзъ съ аварскимъ каганомъ и предположенное на лѣто 626 г. одновременное изъ Азіи и Европы нападеніе на Константинополь. Между тѣмъ какъ происходилъ обмѣнъ сношеній между Сарвазаромъ, назначеннымъ со стороны Хозроя дѣйствовать изъ Азіи, и каганомъ, обѣщавшимъ сдѣлать нападеніе со стороны Европы, попытаемся разобраться въ скудныхъ извѣстіяхъ о мѣропріятіяхъ, осуществленныхъ Ираклісмъ для отраженія опаснаго соглашенія. Императора снова находимъ въ Лазикѣ, гдѣ онъ заботится объ организаціи военныхъ силъ и гдѣ завязываетъ новыя сношенія съ кавказскими племенами, вербуя между ними охотниковъ на службу. Въ смыслѣ военныхъ мѣръ слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что Ираклій, несмотря на критическое положеніе, нашелъ болѣе полезнымъ оставаться съ главнымъ войскомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, откуда и руководилъ ходомъ дѣлъ. Такъ какъ Хосрой выставилъ два отряда, изъ коихъ одинъ находился уже въ Халкидонѣ, а другой подъ предводительствомъ Саина долженъ былъ слѣдить за Ираклісмъ и не позволить ему подать помощь столицѣ, то для византійскаго главнокомандующаго вся задача представлялась въ томъ, чтобы обмануть бдительность Саина и выдѣлить часть войска на помощь столицѣ. Эта задача была выполнена дѣйствіями особаго отряда, во главѣ котораго поставленъ былъ Ѳеодоръ, братъ императора, и который, какъ увидимъ ниже, въ самое критическое время оказался вблизи Константинополя. Но самой важной, повидимому, мѣрой были начавшіеся тогда переговоры съ тюркскимъ племенемъ хазаръ, жившимъ на сѣверъ отъ Кавказа и имѣвшимъ вскорѣ затѣмъ играть большую роль въ юго-восточной Европѣ. Съ хазарами заключенъ былъ Ираклісмъ союзный договоръ, по которому эти кочевники обязались сдѣлать набѣгъ на персидскія владѣнія и, съ другой стороны, держа въ своей власти кавказскіе горные проходы, обезпечивать безопасность со стороны сѣвера. Свиданіе между каганомъ хазаръ и греческимъ царемъ происходило при Тифлисѣ. Изъ послѣдующихъ

данныхъ можно заключать, что союзомъ съ хазарами Ираклій обезпечивалъ себѣ возможность похода на Персію и пополненіе военныхъ силъ, ослабленныхъ выдѣленными противъ Саина и Сарвазара отрядами.

Переходимъ къ изложенію событій, имѣвшихъ мѣсто лѣтомъ 626 года. Защита города и государственное управленіе ввѣрены были регентству. Патріархъ Сергій и патрикій Вонъ, бывшіе опекунами малолѣтняго сына Ираклія и стоявшіе во главѣ регентства, несли на себѣ все бремя отвѣтственности за текущія дѣла. При выступленіи Ираклія въ походъ миръ на Западѣ обезпеченъ былъ союзомъ съ аварскимъ каганомъ, которому обѣщано было платить 200 тысячъ золотыхъ или около 800 000 р. на наши деньги, и который, кромѣ того, заручился заложниками со стороны имперіи, въ числѣ коихъ былъ побочный сынъ царя Іоаннъ, сынъ патрикія Вона и другіе. Но на вѣрность кагана нельзя было положиться, защита города состояла въ его собственныхъ укрѣпленіяхъ съ суши и съ моря, а главное во флотѣ, который стоялъ въ константинопольскихъ гаваняхъ и поддерживалъ сношенія столицы съ европейскими и азіатскими городами и съ островами. Во все время существованія имперіи флотъ составлялъ ея главное преимущество въ борьбѣ со всѣми врагами; пока былъ въ распоряженіи столицы флотъ, она могла быть обезпечена подвозомъ хлѣба и оружія. Зимой 625—626 г. азіатская сторона Босфора и Мраморнаго моря находилась во власти персовъ, такъ какъ Сарвазаръ захватилъ Халкидонъ и Хрисополь и опустошилъ прибрежныя области, не внушая, однако, опасности Константинополю, такъ какъ у него не было военныхъ судовъ. Вотъ почему для персовъ было важно, чтобы съ европейской стороны вышла противъ Константинополя другая союзная съ ними сила, и чтобы одновременнымъ движеніемъ съ востока и запада можно было принудить Константинополь къ постыдной сдачѣ. Этотъ разсчетъ былъ вѣренъ; съ такимъ разсчетомъ дѣйствуютъ противъ Константинополя турки-сельджуки и печенѣги въ XI в.; такой же планъ не разъ составляли османскіе турки, прежде чѣмъ они завоевали Константинополь. Но всегда Константинополь спасался отъ неминуемой опасности со стороны Европы и Азіи посредствомъ своего флота, котораго не имѣли окружавшіе имперію варвары.

Вслѣдствіе соглашенія между персами и аварами, на лѣто 626 г.

предположено было движеніе на Константинополь аварскаго кагана съ подчиненными его власти славянами. Въ день апостоловъ Петра и Павла передовой отрядъ въ 300 тысячъ подступилъ къ Длинной Анастасіевой стѣнѣ и, похваляясь, что это только передовой отрядъ, а что главное войско идетъ вслѣдъ за нимъ, побудилъ небольшой византійскій сторожевой отрядъ отступить подъ защиту городскихъ стѣнъ. Анастасіева стѣна была пробита и перестала быть защитой для массы крестьянскаго населенія, занимавшагося обработкой земли и культурой богатыхъ подгородныхъ помѣщичьихъ усадебъ. Варвары раскинули лагерь близъ Константинополя, высылали мелкіе отряды до самыхъ стѣнъ и отрѣзали городъ отъ всѣхъ внѣшнихъ сношеній. Въ городѣ не могло быть недостатка въ военныхъ людяхъ, поэтому сдѣлана была вылазка, имѣвшая удачный исходъ и стоившая жизни многимъ варварамъ. Между тѣмъ каганъ далъ знать посредствомъ зажженныхъ костровъ на азіатскій берегъ о прибытіи своемъ и послалъ къ регентамъ для переговоровъ, а равно съ цѣлью разузнать о положеніи дѣлъ, знатнаго плѣннаго грека, патрикія Аѳанасія. Кагану желательно было въ особенности освѣдомиться о томъ, сколько ему заплатятъ, если онъ согласится отступить и дастъ обѣщаніе дружбы. Патріархъ и патрикій Вонъ употребили всѣ средства, бывшія въ ихъ распоряженіи, чтобы доказать неумѣстность предложеній кагана и ошибочность его взглядовъ на положеніе дѣлъ въ Константинополѣ. Съ этою цѣлью обратили вниманіе аварскаго посланца на тѣ военные отряды, которые составляли гарнизонъ столицы и доказывали, что съ этими средствами и съ той милиціей, какой располагали городскіе димы, городъ не только могъ хорошо защищаться противъ нападеній, но и предпринимать вылазки. При такомъ настроеніи правительства казались совершенно недопустимыми требованіе кагана выдать ему всѣ хранящіяся въ городѣ сокровища и его угроза въ противномъ случаѣ взять городъ силой и жителей обратить въ рабство.

Такъ какъ при подобныхъ условіяхъ невозможно было придти къ соглашенію, то каганъ приступилъ къ осадѣ города (рис. 77), имѣя притомъ основательную надежду на содѣйствіе со стороны персидскаго войска, расположившагося въ Халкидонѣ, въ виду Константинополя. Правда, сношенія между аварами и персами не были допускаемы достаточно численной византійской флотиліей, бывшей въ распоряженіи

регентства, и только зажигаемые на малоазійскихъ холмахъ костры да горящія византійскія усадьбы на берегахъ Босфора и Мраморнаго моря обозначали область, занятую непріятелями. Къ 29 іюня каганъ приблизился къ осажденному городу со своими главными силами, значительную часть которыхъ составляли славяне Балканскаго полуострова. Если не говорить о части города, обращенной къ морю, которая пока не подвергалась опасности, то со стороны суши наиболѣе важнымъ въ смыслѣ нападенія и опаснымъ въ смыслѣ защиты было то мѣсто сухопутныхъ стѣнъ, которое находится между Адріанопольскими воротами и Пушечными (Топъ-капу) или Романовскими воротами. Сюда направлялись главные удары со стороны всѣхъ, когда либо угрожавшихъ Константинополю со стороны суши; здѣсь происходили наиболѣе ожесточенныя схватки и во время турецкой осады въ 1453 г. Каганъ сосредоточилъ на этомъ мѣстѣ главныя силы и съ утра до ночи посылалъ новые и новые отряды славянъ, которые своими тѣлами постепенно наполняли глубокій ровъ передъ стѣнами. Но такъ какъ всѣ нападенія были съ успѣхомъ отбиваемы, то понадобилось прибѣгнуть къ тяжелымъ орудіямъ, т.-е. къ устройству передвижныхъ башенъ, съ которыхъ можно было бы бить стѣны машинами. Каганъ построилъ съ этой цѣлью на указанномъ пространствѣ 12 искусственныхъ сооруженій, по высотѣ равныхъ со стѣнами города, съ которыхъ пытался бить стѣны и поражать защитниковъ осаждаемаго города (рис. 78). Тогда въ первый разъ примѣненъ былъ со стороны Византіи знаменитый греческій огонь, которымъ были истреблены аварскія сооруженія. Мы будемъ имѣть случай впослѣдствіи остановить вниманіе на этомъ новомъ для своего времени военномъ изобрѣтеніи, давшемъ грекамъ на долгое время преимущество передъ ихъ врагами и остававшемся ихъ государственной тайной; теперь же замѣтимъ, что это изобрѣтеніе, сдѣланное въ византійскомъ флотѣ, съ успѣхомъ примѣнено было противъ деревянныхъ сооруженій, при помощи которыхъ каганъ думалъ завладѣть городскими стѣнами. Желая воспользоваться произведеннымъ впечатлѣніемъ, патрикій Вонъ отправилъ въ аварскій станъ посольство съ предложеніемъ выдачи дани, какъ это было условлено самимъ Иракліемъ, но каганъ дерзко настаивалъ на требованіи, чтобы жители Константинополя вышли изъ города, предоставивъ аварамъ всѣ свои богатства. Кромѣ того, каганъ хвалился, что онъ можетъ угрожать



Рис. 77. Стѣны и башни Константинополя.

городу одновременно и съ суши и съ моря. Для этой цѣли могли служить ему подвластные ему славяне, жившіе по берегамъ Средиземнаго моря и на островахъ, которые владѣли уже морскими знаніями и были опытными моряками. У кагана такимъ образомъ въ распоряженіи могъ оказаться флотъ, который долженъ былъ поддерживать сношенія между азіатскимъ и европейскимъ берегами, между персами и аваро-славянами. Правда, славянскія лодки во всемъ уступали большимъ и тяжелымъ судамъ византійскаго флота, стоявшаго какъ въ константинопольскихъ, такъ и въ другихъ гаваняхъ, но каганъ могъ воспользоваться своими лодками одновременно со стороны Золотого Рога и вообще могъ затруднить морскія сношенія столицы съ провинціями. Это положеніе дѣла хорошо рисуется въ переговорахъ, происходившихъ въ первыхъ числахъ августа. Въ лагерь аварскій представились патрикій Георгій и Аѳанасій, логоѳетъ Ѳеодосій, синкеллъ Ѳеодоръ и другія лица и пытались привести кагана къ болѣе умѣреннымъ требованіямъ. Къ своему крайнему изумленію, византійскіе послы увидѣли здѣсь посланцевъ персидскаго полководца Сарвараза (Шахбараза), стоявшаго на азіатской сторонѣ Босфора. Каганъ сказалъ: „вотъ персы предлагаютъ послать мнѣ три тысячи воиновъ; итакъ, если хотите, пусть каждый возьметъ съ собой одежду и рубашку и идетъ къ Сарваразу: онъ мнѣ другъ и васъ не обидитъ! Но городъ и имущество ваше принадлежитъ мнѣ, а спасенія вамъ нѣтъ, развѣ обратитесь въ рыбъ и уйдете моремъ, или въ птицъ и улетите на небо. Нѣтъ вамъ помощи ни отъ царя, ни отъ войска его“. Послѣ такихъ заявленій византійскому посольству не оставалось ничего другого, какъ уйти обратно въ Константинополь.

Между тѣмъ каганъ приказалъ славянамъ начать дѣйствія на своихъ судахъ; ближайшая его цѣль была установить правильныя сношенія съ противоположнымъ берегомъ и перевезти персовъ въ свой станъ. Но предпріятіе его потерпѣло полное крушеніе. Съ одной стороны, греки перехватили персидское посольство, переправлявшееся съ европейскаго берега на азіатскій, съ другой—противъ славянскихъ мелкихъ судовъ высланы были большія суда византійскаго флота, которыя безъ труда потопили славянскихъ матросовъ и уничтожили ихъ флотилію. Такимъ образомъ, несмотря на большія военныя средства и исключительно благопріятныя условія, каганъ не могъ



Рис. 78. Стѣны и башни Константинополя.

достигнуть преслѣдуемой цѣли, между тѣмъ приближеніе осени и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ опустошенной кругомъ странѣ побуждали его спѣшить съ окончаніемъ похода. Чтобы задержать колебавшихся въ вѣрности славянъ и дать войску надежду на полученіе добычи, онъ сдѣлалъ еще попытку ворваться въ городъ со стороны Золотого рога и церкви Влахернской Богоматери, гдѣ построена магистромъ Вономъ Ираклієва стѣна для огражденія образовавшагося здѣсь за старой стѣной Ѳеодосія новаго квартала. Для осуществленія задуманнаго плана считалось полезнымъ содѣйствіе славянскихъ матросовъ, которые были посажены на свои легкія суда и переведены въ самое устье Золотого Рога,—въ мѣстность, гдѣ были мостъ и церковь Св. Каллиника, и куда не могъ проникнуть византійскій флотъ. Эта часть сухопутныхъ укрѣпленій представляла, повидимому, наиболѣе слабое мѣсто, въ особенности, если бы непріятелю удалось одновременно напасть съ двухъ сторонъ. Но патрикій Вонъ предупредилъ выполненіе этого смѣлаго предпріятія благовременными мѣрами. Именно, онъ разставилъ византійскія суда по всей длинѣ Рога отъ нынѣшняго Айванъ-сарай до квартала Касимъ-паша и приказалъ въ ночь на 4 августа, когда авары назначили ночное нападеніе на городъ, зажечь костры въ мѣстности Влахернскаго квартала. Это было, повидимому, условнымъ знакомъ для славянъ къ началу одновременнаго нападенія на городъ. Но костры были зажжены съ цѣлью завлечь славянъ въ засаду, и здѣсь нашли себѣ смерть тѣ, которые спаслись отъ меча моряковъ, нанесшихъ сильное пораженіе славянамъ. Эта побѣда имѣла рѣшительное значеніе въ исторіи знаменитой аварско-славянской осады Константинополя. Она окончательно разбила надежды кагана и произвела тяжелое впечатлѣніе на союзниковъ, которые начали поспѣшное отступленіе изъ аварскаго лагеря. Какъ необходимое слѣдствіе этого нужно разсматривать немедленное отступленіе всего аварскаго войска отъ Константинополя и начавшееся съ тѣхъ поръ ослабленіе могущества кагана. Хотя онъ приказалъ передать регентамъ, что скоро вернется и отомститъ за причиненныя ему обиды, но фактически понималъ все значеніе своей неудачи и опустошеніемъ окрестностей города, а равно уничтоженіемъ военнаго запаса отнималъ у себя возможность возвратиться сюда, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ. Къ тому же времени до Константинополя дошли извѣстія о

приближеніи отряда, предводительствуемаго братомъ императора Өеодоромъ. — Византія праздновала освобожденіе отъ неминуемой бѣды молебнымъ пѣніемъ Богоматери, помощи Которой приписывалось по общему убѣжденію спасеніе города.

Отступленіе аваровъ и славянъ отъ Константинополя въ 626 г. должно быть оцѣниваемо въ особенности съ точки зрѣнія современныхъ разсказаннымъ событій южной и юго-западной Европы. Подразумѣваемыя событія тѣмъ болѣе имѣютъ значенія, что вскрываютъ первыя попытки организаціи славянъ въ государственное тѣло и носятъ характерные признаки образованія княжеской власти, объединяющей отдѣльныя жупы и колѣна подъ властью предводителя военной дружины. Какъ видно изъ житья св. Димитрія Солунскаго, каганъ аварскій, которому въ то время были подчинены славяне Балканскаго полуострова, рѣшился уступить требованіямъ славянъ и далъ имъ князя въ лицѣ Кувера; этотъ же замыслилъ возстаніе противъ аваровъ, для чего соединилъ подъ своей властью различныя племена и началъ войну съ аварами. Нанеся имъ неоднократное пораженіе, онъ утвердился за Дунаемъ на мѣстахъ господства аваровъ и началъ заявлять притязаніе на Солунь, Константинополь и другіе города Өракіи. Съ другой стороны, ослабленіе аварской власти сказалось почти одновременно съ изложенными выше событіями въ юго-западной части Европы, также занятой славянами. Именно въ Чехіи и Моравіи къ тому времени образуется славянское княженіе подъ властью Само. Какъ бы ни были фантастичны въ подробностяхъ дошедшія до насъ извѣстія о Само и объ обстоятельствахъ его утвержденія во власти, но никакъ нельзя выставить основательныхъ возраженій противъ самаго зерна сказанія Фредегара. Нужно признать достаточно выразительнымъ тотъ фактъ, что какъ среди славянъ Балканскаго полуострова, такъ и между сѣверо-западными вѣтвями того же племени въ первой половинѣ VII в. возникли начала государственной организаціи и соединенія отдѣльныхъ колѣнъ подъ властью предводителя дружины или колѣннаго старшины. Въ послѣдующихъ главахъ предстоитъ выяснить тотъ многозначительный фактъ, что эти начатки организаціи пропали безслѣдно и не сопровождались серьезными результатами для ближайшаго времени. Разыгравшаяся подъ Константинополемъ драма, проведенная ближайше регентствомъ, должна была имѣть громадное вліяніе на ходъ восточной войны,

которою лично руководилъ Ираклій. Выше было сказано, что весной и лѣтомъ 626 г., т.-е. во время осады Константинополя, императоръ находился на Востокѣ, пополнялъ свои войска на Кавказѣ и велъ переговоры съ хазарами народомъ, скоро имѣющимъ играть большую роль въ событіяхъ юго-восточной Европы. Этими переговорами имѣлось въ виду какъ обезпечить возможность дальнѣйшихъ предпріятій противъ Персіи, такъ и приготовить для аваровъ затрудненія въ подчиненныхъ имъ земляхъ. Дѣйствовавшіе противъ Константинополя персидскіе отряды оказали мало вліянія на общій ходъ дѣлъ. Отрядъ Сарвазара, стоявшій въ Халкидонѣ, ограничился въ сущности угрозами и опустошеніями Малой Азіи; отрядъ Саита былъ ослабленъ братомъ Ираклія, Ѳеодоромъ.

Такимъ образомъ, къ осени 626 года Ираклій могъ себя чувствовать уже спокойнымъ за участь столицы и приняться за осуществленіе дальнѣйшихъ плановъ на Востокѣ. Прежде всего здѣсь имѣетъ значеніе свиданіе Ираклія съ хазарскимъ ханомъ Зивиломъ подъ Тифлисомъ, при чемъ произошелъ демонстративный обмѣнъ любезностями, предводителю хазаръ обѣщана рука дочери царя Епифанія, онъ же выставилъ на помощь Ираклію 40 тысячъ союзнаго войска. Затѣмъ Ираклій началъ свой знаменитый походъ въ середину Персіи, сопровождавшійся невѣроятными успѣхами, обезсмертившими его имя. Этотъ походъ, относящійся къ 627 году, имѣлъ ближайшей цѣлью нанести ударъ самому Хосрою въ его собственной странѣ и закончился вторженіемъ въ нынѣшнюю Месопотамію, столь прославленную неожиданными открытіями и раскопками въ истекшее столѣтіе, выдвинувшими на очередь глубокой важности міровые вопросы. Главныя битвы просходили на территоріяхъ Тигра и Евфрата, вблизи древнихъ городовъ Ниневіи и Вавилона.

„Исторія изслѣдованія древней Ассиріи и Вавилоніи и открытія изъ-подъ земли безчисленныхъ храмовъ и дворцовъ этихъ древнихъ государствъ полна особенной привлекательности. [1]) Эта исторія такъ богата необыкновенными неожиданностями, такъ исключительна по значенію и важности достигнутыхъ результатовъ для различныхъ вѣтвей знанія и при этомъ такъ многообразно перемѣшана со странными приключеніями всякаго рода, что часто она болѣе походитъ

[1]) Hilprecht, „Die ausgrabungen in Assyrien und Babylonien“. Leipzig, 1904; I Kapitel.

на занимательный романъ одареннаго богатой фантазіей писателя, чѣмъ на реальное представленіе дѣйствительныхъ событій и фактовъ. Ниневія и Вавилонъ! Какія блистательныя имена, какіе выдающіеся типы напряженія человѣческой силы, духовной зрѣлости, религіозной глубины и благородныхъ стремленій! Но, съ другой стороны, сколь отвратительна эта исторія по происходящимъ въ ней ужаснымъ событіямъ, по примѣрамъ безграничной власти, неумѣренной страсти къ наслажденіямъ, нравственной порчи и позорнаго паденія. Невѣжественные крестьяне пашутъ землю на развалинахъ Хорсабада и Коюнджука, бродячіе бедуины пасутъ свои стада на покрытыхъ травой склонахъ Нимруда и Калатъ-Ширгатъ [1]), турецкія казармы или магометанскіе поселки вѣнчаютъ вершины Ербиля и Неби-Юнусъ. Ничто не говоритъ путешественнику о погибшемъ блескѣ ассирійской цивилизаціи, кромѣ заросшихъ кучъ щебня и остроконечныхъ холмовъ. И при всемъ томъ еще болѣе производятъ захватывающее и страшное впечатлѣніе та дикость и безпредѣльное опустошеніе, которыми отличается нынѣшняя Вавилонія. Вся эта страна имѣетъ видъ ниспосланнаго Богомъ наказанія на Содомъ и Гоморру. Давно уже засыпались безчисленные каналы, которые подобно кровеносным жиламъ прорѣзывали по всѣмъ направленіямъ плодородныя равнины и приносили радость и счастье въ каждое селеніе и усадьбу".

Эта удивительная страна нынѣ привлекаетъ къ себѣ вниманіе всего культурнаго міра по изумительнымъ находкамъ, сдѣланнымъ здѣсь въ прошедшемъ вѣкѣ, и по живымъ остаткамъ бытовой обстановки, о какой повѣствуютъ библейскія сказанія. Съ этой точки зрѣнія намъ нельзя не коснуться положенія Месопотаміи въ началѣ VII в., когда Ираклій сдѣлалъ походъ въ предѣлы Персіи и нанесъ окончательное пораженіе персидскому царю. Походъ Ираклія въ Месопотамію открылся осенью 627 г. Но откуда вторгнулся византійскій царь, какая была его ближайшая цѣль, и почему персидскіе полководцы допустили его перейти границу, на это мы не можемъ дать отвѣта за скудостью извѣстій. Имѣя въ виду, что база Ираклія была на Кавказѣ, слѣдуетъ допускать, что онъ шелъ долиной Аракса

[1]) Ниневія, близъ Мосула. Разумѣются холмы, сдѣлавшіеся знаменитыми по найденнымъ въ нихъ памятникамъ ассирійскаго искусства.

по направленію къ озеру Урмію въ провинціи Персарменія; обыкновенная въ персидско-византійскихъ отношеніяхъ укрѣпленная линія— Дара, Нисиби — оставалась на этотъ разъ въ сторонѣ. Несмотря на выставленный противъ него персидскій отрядъ подъ предводительствомъ Разада, который, однако, не оказалъ особенной энергіи, Ираклій смѣло шелъ впередъ и въ октябрѣ мѣсяцѣ приблизился къ рѣкѣ Забу, притоку Тигра, гдѣ далъ роздыхъ утомленному труднымъ горнымъ переходомъ войску и затѣмъ, переправившись черезъ Забу, остановился лагеремъ близь города Ниневіи, какъ замѣчаетъ писатель Θеофанъ [1]). Современники Ираклія не знали уже точнаго положенія Ниневіи, разрушенной въ 625 г. до Р. Хр. и скоро забытой до такой степени, что даже лучшіе писатели, какъ Плиній и Страбонъ, не могли сказать объ этомъ городѣ ничего опредѣленнаго. Самый близкій къ занимающему насъ времени писатель Амміанъ Марцеллинъ, жившій въ концѣ IV вѣка [2]), упоминаетъ о Ниневіи въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно показываютъ, что хотя имя хранилось въ преданіи, но, кромѣ засыпанныхъ холмовъ, и тогда уже ничего не осталось отъ величественнаго города. Здѣсь, въ мѣстности близь Мосула на Тигрѣ, въ декабрѣ 627 г. произошли событія, положившія основанія къ коренной перемѣнѣ политическихъ отношеній на Востокѣ.

За византійской арміей слѣдомъ шелъ персидскій вождь Разадъ, который, наконецъ, рѣшился дать битву. За мелкими стычками передовыхъ отрядовъ послѣдовало большое сраженіе; оно продолжалось цѣлый день отъ утра до вечера и въ главныхъ чертахъ описано въ „Хроникѣ“ Θеофана. Выборъ мѣста сдѣланъ Ираклiемъ, и не только главное руководство битвой принадлежало самому царю, но онъ же стоялъ въ серединѣ войска и не разъ вступалъ въ единоборство съ персидскими вождями. Нерѣдко Ираклій подвергалъ опасности свою жизнь; наконецъ, подъ нимъ былъ раненъ конь, самъ онъ получилъ нѣсколько царапинъ въ лицо, но онъ вознагражденъ былъ рѣшительной побѣдой надъ персами. Въ битвѣ палъ полководецъ Разадъ, три подчиненные ему начальника, и погибла значительная часть войска. Взята была у персовъ богатая добыча: 28 знаменъ,

[1]) Theoph. 318, 2.

[2]) Кулаковскій и Сонни, „Амміанъ Марцеллинъ“, Кіевъ 1906—8, кн. XVIII, 7 (стр. 223).

множество панцырей, шлемовъ и разнаго оружія. Въ особенности много было взято дорогихъ предметовъ въ ставкѣ Разада: золотыя шпаги, перевязи, украшенныя золотомъ и жемчугомъ, копье, панцырь, дорогой кафтанъ, наручники и сѣдло,—все это изъ золота и драгоцѣнныхъ камней.

Но такъ какъ персы получили подкрѣпленіе, то они сдѣлали новую попытку задержать движеніе Ираклія, который, однако, искусными движеніями удержалъ за собой выгоды одержанной побѣды. Здѣсь въ руки побѣдителей досталось еще нѣсколько дворцовъ персидскаго царя, снабженныхъ обильными запасами и продовольствіемъ. Отпраздновавъ Рождество и Новый годъ въ одномъ изъ дворцовъ Хосроя, Ираклій получилъ извѣстіе, что персидскій царь находится въ Дасдагердѣ, что около Багдада, и готовится вступить въ борьбу. Но скоро затѣмъ получено было новое извѣстіе, что Хосрой, не считая себя безопаснымъ въ Дасдагердѣ, поспѣшно навьючилъ на верблюдовъ и муловъ бывшія тамъ сокровища и удалился въ Ктесифонъ. „Кто бы могъ вообразить, говоритъ Ѳеофанъ, что Хосрой побѣжитъ предъ лицомъ ромэйскаго царя изъ своего дворца въ Дасдагердѣ въ Ктесифонъ, хотя онъ 24 уже года не выносилъ пребыванія въ немъ и перенесъ столицу въ Дасдагердъ". Побѣдители нашли здѣсь 30 знаменъ, огромные запасы восточныхъ товаровъ: много алоя и большія алойныя деревья вѣсомъ въ 70 и 80 литръ, много шелку, перцу, восточныхъ тканей, сахаръ, инбирь и другіе товары. Кромѣ того, были найдены слитки серебра, шелковыя одежды, а равно ковры и вышиванія—все это въ такомъ громадномъ количествѣ, что пришлось многое предать огню. Точно также подверглись сожженію походные шатры Хосроя и передвижные портики, которые разставлялись на мѣстахъ расположенія лагеря, а равно колонны съ царскими бюстами. Въ этихъ дворцахъ оказалось множество страусовъ, козъ, онагровъ, павлиновъ и фазановъ, и для царской охоты здѣсь содержались львы и тигры. Богатства и диковинныя вещи во дворцахъ персидскаго царя произвели на войско сильное впечатлѣніе и подняли его мужество. Въ византійскій лагерь стали стекаться въ большомъ количествѣ содержавшіеся въ персидскомъ плѣну александрійцы, эдесситы и плѣнные изъ другихъ городовъ. Въ сознаніи важности достигнутыхъ результатовъ Ираклій отпраздновалъ здѣсь Богоявленіе и далъ роздыхъ

людямъ и лошадямъ. Онъ не желалъ оставлять позади себя ни провіанта, ни пристанища для непріятеля и безжалостно уничтожалъ всѣ постройки „дабы дать почувствовать Хосрою, какія страданія испытывали ромэи, когда онъ жегъ и опустошалъ ихъ города“ [1]). Дворцовые служители, захваченные въ плѣнъ, показали, что Хосрой тайно покинулъ Дасдагердъ за 9 дней до прибытія византійскаго войска, и что бѣгство его было устроено въ большомъ секретѣ отъ войска и жителей города. Всѣ эти подробности, передаваемыя писателемъ Ѳеофаномъ, рисуютъ наглядно произведенное побѣдами Ираклія громадное впечатлѣніе и подготовляютъ къ роковымъ событіямъ, нанесшимъ непоправимый ударъ персидской державѣ.

Но движеніе на Ктесифонъ вслѣдъ за отступавшимъ Хосроемъ все же представляло значительную опасность. Мы должны вспомнить, что Ираклій имѣлъ у себя въ тылу армію Сарвазара, стоявшую лѣтомъ 626 г. въ Халкидонѣ, что эта армія, соединившись съ другими персидскими отрядами, которыми Хосрой располагалъ въ Каппадокіи, могла бы сдѣлаться очень опасной для византійскаго, такъ далеко въ Персію вдавшагося отряда, тѣмъ болѣе, что средства Хосроя далеко не казались исчерпанными. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ дальнѣйшее движеніе было на нѣкоторое время пріостановлено. Дальнѣйшія событія могутъ быть возстановлены въ фактическомъ отношеніи по письму Ираклія отъ 15 марта 628 г., которое было прочитано въ церкви св. Софіи константинопольской ровно черезъ два мѣсяца, т.-е. 15 мая. Хотя это письмо не дошло до насъ, но изъ него нѣкоторыя данныя повторены въ другомъ письмѣ Ираклія, вполнѣ сохранившемся [2]). Но прежде, чѣмъ говорить о послѣдовавшихъ въ началѣ 628 года событіяхъ, необходимо упомянуть о ходячихъ въ то время анекдотахъ, нашедшихъ частью мѣсто въ лѣтописи. Прежде всего, ходила легенда о томъ, что самъ Хосрой оттолкнулъ отъ себя полководца Сарвазара. Будто бы онъ повѣрилъ доносамъ на измѣну Сарвазара и на его сношенія съ непріятелемъ и послалъ довѣренное лицо въ Халкидонъ съ приказаніемъ убить предводителя, а отрядъ его привести въ Персію. Посолъ Хосроя былъ, будто бы, перехваченъ на дорогѣ греками, и найденное у него письмо было показано Сар-

---

[1]) Theoph. 322, 20.
[2]) „Chron. pasch.“, I, p. 729, 15.

вазару, который сообщилъ о немъ войску. Вѣроломный поступокъ Хосроя произвелъ весьма тяжелое впечатлѣніе на вѣрнаго ему Сарвазара и заставилъ его измѣнить своему государю.—Это сказаніе пытается объяснить тотъ фактъ, что стоявшій подъ Халкидономъ отрядъ ничѣмъ не заявилъ о себѣ и не произвелъ ожидаемой отъ него диверсіи, но на самомъ дѣлѣ объ измѣнѣ его нѣтъ положительныхъ извѣстій. Трудно также провѣрить тѣ данныя, которыя касаются принятыхъ Иракліемъ мѣръ относительно движенія впередъ противъ Ктесифона, гдѣ персидскій царь нашелъ себѣ убѣжище и гдѣ, однако, не считалъ себя вполнѣ безопаснымъ. Не подлежитъ сомнѣнію то, что Ираклій въ февралѣ и мартѣ не продолжалъ наступленія, а напротивъ, отступилъ по теченію Нарвы. Онъ надѣялся, что затруднительныя обстоятельства принудятъ Хосроя къ уступчивости, и въ этомъ настроеніи писалъ: „своимъ движеніемъ впередъ я стремлюсь къ миру, ибо не по своей охотѣ предаю огню персидскія селенія, а вынуждаемый тобой. Прекратимъ военныя дѣйствія и заключимъ миръ“.

Персія испытывала крайнее напряженіе, началось среди народа недовольство, вспыхнула революція. Весьма правдоподобное воззрѣніе передается у Ѳеофана [1]: „Хосрой взялъ въ военную службу всѣхъ людей своихъ чиновниковъ и всю прислугу свою и женъ своихъ и, вооруживъ ихъ, приказалъ всѣхъ отослать въ отрядъ Разада и стать лагеремъ на р. Нарвѣ въ 12 миляхъ отъ Ктесифона и разрушить мосты черезъ эту рѣку“. Неудачная война и опустошенія, произведенныя византійскимъ войскомъ, произвели свое дѣйствіе, „ненависть къ Хосрою возросла среди персидскаго народа“. Въ февралѣ и мартѣ Ираклій находился въ мѣстности Газака, въ горной цѣпи между Ассиріей и Мидіей. Въ это время въ Персіи произошелъ тотъ переворотъ, котораго не безъ основанія ожидалъ византійскій императоръ, и который освобождалъ его отъ продолженія страшно утомительной войны. Вслѣдствіе общаго недовольства противъ Хосроя произошла революція, при чемъ власть перешла къ Сирою, сыну Хосроя, который долженъ былъ озаботиться прекращеніемъ военныхъ дѣйствій съ Иракліемъ. Послѣ насильственной смерти Хосроя преемникъ его заключилъ вѣчный миръ съ византійскимъ царемъ

---

[1]) Theoph. 324, 20.

на условіяхъ возстановленія старой границы между имперіями и возвращенія всѣхъ плѣнниковъ съ патріархомъ Захаріемъ во главѣ. Но въ глазахъ современниковъ и съ точки зрѣнія восточной церкви неоцѣненное преимущество этого мира заключалось въ томъ, что персы обязались возвратить христіанамъ Животворящее Древо Креста Господня. Къ началу апрѣля 628 г. предварительные переговоры съ Сироемъ доведены до конца, и Ираклій могъ подумать о возвращеніи въ Константинополь.

Выше было указано, что ходъ событій занимающаго насъ времени возстановляется по письму Ираклія, отправленному въ Константинополь и торжественно прочтенному 15 мая въ храмѣ святой Софіи. По возвышенному настроенію и тону начало письма напоминаетъ пѣснопѣнія нашего благодарственнаго молебствія по случаю освобожденія отъ нашествія Наполеона. „Воскликните Богу вся земля. Работайте Господу въ радости, войдите предъ лице Его въ веселіи и познайте, что Господь есть самъ Богъ. Да возрадуется небо и да веселится земля и да наслаждается море и все въ нихъ находящееся, и всѣ христіане, хваля и славословя, возблагодаримъ единаго Бога, радуясь во святомъ Его имени радостію великою. Ибо палъ высокомѣрный и богоборный Хосрой, палъ и низверженъ въ преисподнюю, и истребилась отъ земли память его. Съ шумомъ погибъ тотъ нечестивый, который въ надменности и презрѣніи изрыгалъ нечестіе на Господа нашего І. Христа истиннаго Бога и пречистую Матерь Его, благословенную владычицу нашу Богородицу и приснодѣву Марію. Обратился трудъ его на голову его, и на вершину его сошла неправда его. Ибо 24 истекшаго февраля противъ него началъ возмущеніе первородный сынъ его Сирой, какъ было о томъ сказано въ первомъ нашемъ указѣ [1]), и всѣ персидскіе архонты съ мѣстными войсками и съ тѣми, которыя были собраны съ разныхъ странъ, перешли отъ проклятаго Хосроя на сторону его сына вмѣстѣ съ Гурданаспой, прежнимъ экзархомъ персидскаго войска. Тогда замыслилъ этотъ богоненавистный Хосрой спастись бѣгствомъ и, будучи схваченъ и заключенъ въ оковы, посаженъ въ новую крѣпость, имъ самимъ построенную для храненія накопленныхъ имъ богатствъ. И 25 февраля Сирой короновался царемъ персовъ, а 28 того же мѣ-

[1]) Этого документа не сохранилось.

сяца богоненавистный Хосрой былъ преданъ жесточайшей смерти, дабы позналъ, что родившійся отъ Маріи Іисусъ, распятый іудеями, какъ онъ писалъ [1]), на котораго онъ изрыгалъ хулу, есть Богъ всемогущій, воздавшій ему согласно писанному нами. Въ другомъ же нашемъ указѣ, данномъ изъ лагеря близъ Ганзака, гдѣ изложены событія отъ 17 октября до 15 марта, мы ознакомили васъ съ тѣмъ, какъ Богъ и владычица наша Богородица сверхъ человѣческаго соображенія оказали содѣйствіемъ намъ и христолюбивымъ нашимъ воинамъ, и какъ побѣжалъ передъ нами богоненавистный и позорный Хосрой отъ Дасдагерда въ Ктесифонъ, и какъ погибли дворцы его со многими областями персидскаго государства, и какъ все это помогло Сирою начать противъ него заговоръ. Послѣ того, какъ мы послали этотъ указъ 15 текущаго марта, съ цѣлью собрать точныя свѣдѣнія о Хосроѣ и Сироѣ, мы отправили въ различныя мѣста нарочитыхъ людей, которые 24 марта привели двухъ плѣнниковъ, передавшихъ намъ донесеніе одного персидскаго протасикрита, по имени Хосдаи, въ которомъ значилось, что Сирой, провозглашенный на царство, отправилъ къ намъ его вмѣстѣ съ другими персами со своимъ письмомъ, и что онъ посылаетъ двухъ упомянутыхъ мужей впередъ просить у насъ охраны для его и сопровождающихъ его людей. Эта просьба Хосдаи была уважена. Какъ стало намъ извѣстно, онъ напуганъ былъ видомъ многихъ персидскихъ труповъ, лежащихъ на пути, число коихъ достигало 3 тысячъ, и потому боялся пуститься въ дальнѣйшій путь безъ нашей охраны. Мы отправили 25 марта превосходительнаго стратилата Илію, по прозванію Варсоку, и друнгарія Ѳеодота съ военнымъ отрядомъ и съ 20 запасными осѣдланными конями, чтобы встрѣтить ихъ и сохранно привести къ намъ. Къ нимъ присоединили и Гусданаспу Рази, персидскаго хиліарха, перешедшаго на нашу сторону во время смуты. Въ томъ же станѣ близъ Ганзака 30 марта получено было донесеніе отъ упомянутыхъ Иліи, Ѳеодота и Гусданаспы, что ихъ застигла вьюга въ горахъ Цара, и что они прокладываютъ себѣ путь съ помощью персовъ, что по дошедшимъ до нихъ слухамъ недалеко отъ тѣхъ мѣстъ находится посольство Сироя, которое изъ-за снѣжныхъ заносовъ не

---

[1]) Эти слова взяты изъ письма Хосроя къ Ираклію, сохранившагося въ армянской исторіи Себеоса (перев. Патканова).

можетъ двинуться далѣе въ горы. Отсюда убѣдились мы и христолюбивое наше войско, какъ водила и водитъ и спасаетъ насъ милость и благость Божія. Ибо если бы мы замедлили еще нѣсколько дней въ горахъ Цара и если бы дождались тамъ такой погоды, то при недостаткѣ продовольствія въ тѣхъ мѣстахъ наши войска подверглись бы большимъ лишеніямъ. Но по милости Божіей, пришедши въ область Ганзакъ, мы нашли здѣсь большіе запасы продовольствія для людей и коней и могли расположиться въ самомъ городѣ Ганзакѣ, который довольно благоустроенъ и имѣетъ до 3 тысячъ домовъ, такъ что въ немъ и въ окрестностяхъ мы могли съ удобствомъ провести значительное время. — Мы провели въ лагерѣ близь Ганзака до 3 апрѣля, когда явился къ намъ Фэакъ отъ имени Сироя, котораго мы приняли въ тотъ же день и часъ. Онъ передалъ намъ посланіе Кавата Сироя царя персидскаго, въ которомъ заключалось извѣщеніе о вступленіи на царство и заявленіе о томъ, что онъ желаетъ соблюдать миръ съ нами. Копію этого письма присоединяемъ къ настоящему указу“ [1]).—Ираклій оставался въ Ганзакѣ до 8 апрѣля, и такъ какъ переговоры съ Сироемъ обѣщали придти къ желательному концу, возложилъ дальнѣйшее веденіе дѣла на своего брата Ѳеодора и рѣшился возвратиться въ Константинополь. Возвращеніе императора въ столицу было большимъ народнымъ торжествомъ. Первоначальная встрѣча происходила во дворцѣ Іеріи, на азіатской сторонѣ Босфора, близь нынѣшняго Кадикей, гдѣ была трогательная встрѣча отца [2]) съ сыномъ-регентомъ. Тріумфальный входъ въ Константинополь происходилъ черезъ Золотыя ворота по Месѣ до церкви св. Софіи.

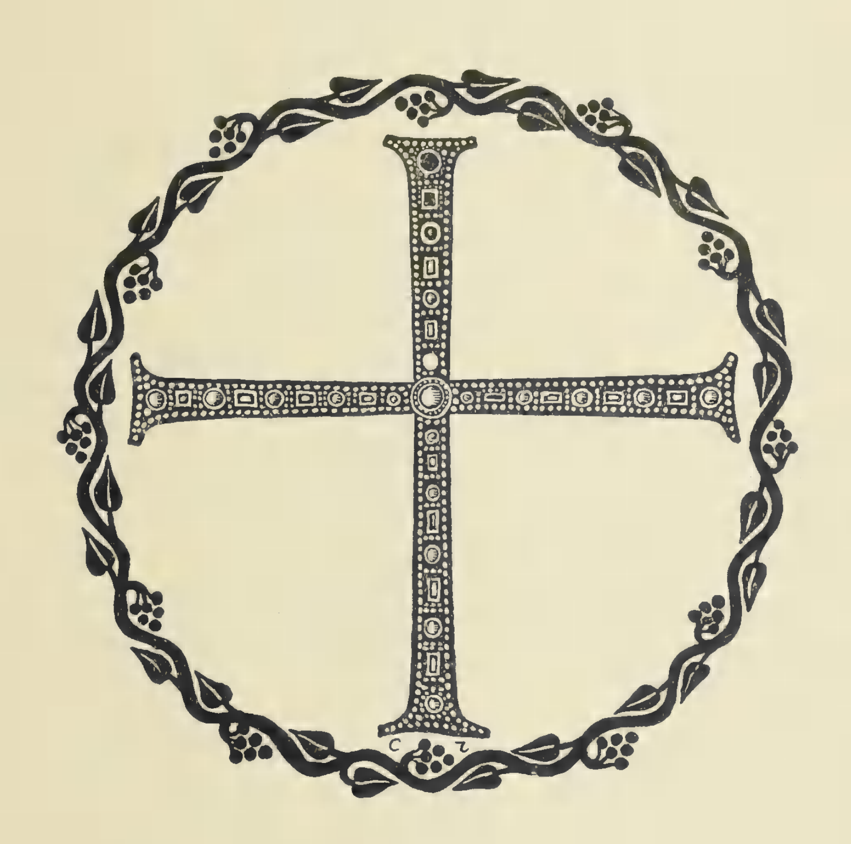
Персидская война составляетъ крупную эпоху въ исторіи Византіи. Персидской монархіи нанесенъ былъ непоправимый ударъ; образовались въ міровой политикѣ или совсѣмъ свободныя, или слабо замѣщенныя позиціи, которыя Византійское государство не успѣло за собой укрѣпить. Сирія и Палестина, Египетъ и всѣ области, недавно перешедшія подъ власть Персіи, возвратились къ Византіи, но она не обладала достаточной силой ассимиляціи и не возвысилась до широкихъ міровыхъ задачъ, которыя предстояли ей.

---

[1]) Документъ сохранился въ очень испорченномъ видѣ („Chron. pasch.“, 735).
[2]) „Извѣстія Инст.“, VI. Hieria.

Узкій національизмъ и религіозная исключительность, настаивавшая на признаніи единой догмы и жестоко преслѣдовавшая за различія въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, помѣшали Византіи исполнить широкую политическую и религіозную миссію и открыли на Востокѣ свободный путь для распространенія магометанства.

Церковное преданіе соединяетъ съ обстоятельствами походовъ Ираклія въ Персію слѣдующія два празднества, сооблюдающіяся досел въ практикѣ Восточной церкви; это, во-первыхъ, акаѳистъ Богородицѣ „Взбранной воеводѣ", и, во-вторыхъ, Воздвиженіе Креста. Уже изъ этого можно вывести заключеніе о той глубинѣ религіознаго чувства, которое лежало какъ въ основѣ веденной Иракліемъ персидской войны, такъ и въ настроеніи современнаго общества.



ГЛАВА IV.

ПРЕЕМНИКИ ИРАКЛІЯ.



Седьмое столѣтіе вообще принадлежитъ къ наименѣе освѣщеннымъ исторіей эпохамъ среднихъ вѣковъ. Это нельзя объяснять ни незначительностью происходившихъ въ то время событій, ни отсутствіемъ интереса къ современнымъ явленіямъ. Нѣтъ, въ VII в. нараждались и частью развивались событія громадной важности; достаточно указать на мусульманство, встряхнувшее весь тогдашній міръ и давшее новое направленіе всемірной исторіи. Не было недостатка и въ просвѣщенныхъ лицахъ, которыя понимали и могли оцѣнить значеніе событій. Тѣмъ не менѣе, нужно признать существеннымъ признакомъ времени утрату идеаловъ, измельчаніе характеровъ и пониженіе талантливости въ людяхъ, которымъ выпадала руководящая роль въ жизни. Что въ VII в. выступаютъ на сцену другіе люди, отличающіеся отъ своихъ предшественниковъ и по физическому типу, это хорошо можно видѣть, сравнивъ типы на монетахъ VII и VI вв. (рис. 79, 80, 81; сравн. стр. 555). Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ переходной эпохой, въ которую начинаютъ имѣть значительное вліяніе инородческіе элементы, и что тогдашніе государственные дѣятели не стояли на высотѣ задачъ, предстоявшихъ къ разрѣшенію Византійской имперіи. Тѣмъ не менѣе, было бы оши-



Рис. 79. Тиверій II.

бочно высказывать такое сужденіе о занимающей насъ эпохѣ, что она не представляла въ себѣ ни живыхъ элементовъ послѣдовательнаго развитія, ни такихъ зачатковъ органической жизни, которые въ будущемъ не дали бы зрѣлаго плода. Конечно, и въ это время происходилъ обмѣнъ началъ, какими живетъ человѣчество; одни теряли обязательную силу, другія нараждались и пріобрѣтали авторитетъ; находясь, однако, передъ общеизвѣстнымъ фактомъ, состоящимъ въ скудости историческаго матеріала, мы должны попытаться проникнуть въ психологію событій и объяснить тѣ настроенія, которыми создавались историческіе факты.



Рис. 80. Юстинъ II.

Когда Ираклій принималъ послѣднія распоряженія въ обезпеченіе престолонаслѣдія, дѣла имперіи находились въ полномъ разстройствѣ. Въ теченіе десяти лѣтъ, которыя раздѣляютъ миръ съ Персіей отъ смерти Ираклія (641), и при ближайшихъ его преемникахъ на Востокѣ произошелъ громадный переворотъ, совершенно уничтожившій былое вліяніе и величіе Византіи. Театръ героическихъ подвиговъ Ираклія—Персія, исконныя области имперіи на Востокѣ—Сирія и Палестина, наконецъ, Египетъ и часть острововъ были уже отторгнуты отъ Византіи, морская власть на Средиземномъ морѣ начинала переходить къ арабамъ, словомъ произошелъ рядъ событій громадной важности, совершенно измѣнившихъ взаимное положеніе историческихъ народовъ и государствъ. Для всего Востока и южно-европей-



Рис. 81. Ираклій и Константъ II.

скихъ странъ, какъ Италія, Франція, Испанія, седьмое столѣтіе напоминало бурную эпоху великаго переселенія народовъ, и если внесенное арабами и славянами потрясеніе не сопровождалось тѣми же послѣдствіями, что великое переселеніе народовъ, то причина тому все же находится въ относительной твердости военной организаціи имперіи, въ новыхъ началахъ, проведенныхъ въ гражданскую администрацію, наконецъ, въ церковномъ устройствѣ христіанской церкви, которая нерѣдко принимала на себя тяготы гражданскаго управленія и восполняла слабость свѣтской власти. Выставить всѣ эти разнообразные элементы, указать ихъ происхожденіе и роль въ событіяхъ составляетъ необходимую для насъ задачу. Но для выполненія ея встрѣчаются значительныя трудности, которыя мы надѣемся преподобѣдить тѣмъ, что не будемъ стремиться къ полнотѣ изложенія скудно освѣщенныхъ лѣтописцами и неискусно подобранныхъ фактовъ, а лишь къ наиболѣе ясной группировкѣ и систематизаціи тѣхъ немногихъ событій, въ которыхъ выражено существенное содержаніе эпохи и настроеніе современныхъ дѣятелей.

Семейное положеніе царскаго дома представляется въ слѣдующемъ видѣ. Ираклій отъ двухъ браковъ съ Евдокіей и по ея смерти съ Мартиной имѣлъ четырехъ сыновей. Старшій сынъ, Константинъ, бывшій членомъ регентства во время персидскихъ походовъ, происходилъ отъ перваго брака; остальные же: Ираклій или Ираклеонъ, Давидъ и Маринъ—отъ брака съ Мартиной. Константинъ носилъ санъ кесаря и принималъ уже участіе въ политическихъ дѣлахъ, между прочимъ велъ войну съ арабами. Будучи уже почти 30 лѣтъ отъ роду, онъ естественно долженъ былъ считаться прямымъ наслѣдникомъ Ираклія. Второй по старшинству сынъ, по имени Ираклеонъ, происходилъ отъ второго брака, на немъ почили честолюбивыя надежды Мартины, которая употребила все свое вліяніе, чтобы и онъ былъ назначенъ кесаремъ еще при жизни Ираклія, и чтобы по смерти отца онъ раздѣлялъ власть со старшимъ братомъ. Честолюбіе Мартины шло еще дальше, она желала стоять во главѣ правительства вмѣстѣ съ своими сыновьями. Неожиданная смерть Константина, случившаяся черезъ три мѣсяца послѣ вступленія на царство, открывала широкую дорогу для замысловъ императрицы матери, но противъ нея было общественное мнѣніе, которое приписывало отравѣ преждевременную смерть Константина.

Противъ Мартины и ея сына Ираклеона составилась значительная партія, во главѣ которой стояло военное сословіе; для привлеченія на сторону этой партіи народныхъ симпатій выставлены были интересы внуковъ Ираклія, сыновей умершаго Константина, которымъ якобы угрожало честолюбіе Мартины. Въ 642 г. по волѣ сената и народа партіи царицы-матери нанесенъ былъ страшный ударъ. Мартина была присуждена къ отсѣченію языка, а ея сынъ къ не менѣе жестокому и болѣе позорному наказанію, которое потомъ повторяется по отношенію къ лицамъ царской фамиліи,—къ усѣченію носа. Послѣ этого жестокаго изуродованія царица и ея сынъ сосланы въ заточеніе, гдѣ никто о нихъ не вспоминалъ, и гдѣ оба кончили въ безвѣстности свою жизнь. Власть переходила къ внуку Ираклія, рожденному отъ старшаго его сына, Константина, по имени Константу (рис. 81). Чтобы имѣть возможность составить себѣ понятіе о политическомъ значеніи переворота, достаточно привести содержаніе рѣчи, какую вновь избранный царь, которому было только 11 лѣтъ, держалъ къ сенату [1]). „Мой родитель Константинъ продолжительное время царствовалъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, а моимъ дѣдомъ Иракліемъ, и по его смерти жилъ весьма короткій срокъ, ибо зависть Мартины его матери пресѣкла его лучшія надежды и отняла у него жизнь—въ пользу Ираклеона, который былъ плодомъ незаконнаго сожитія между Иракліемъ и Мартиной. Вашъ боговдохновенный приговоръ справедливо низвергъ съ престола какъ мать, такъ и сына, дабы ромэйское царство не было свидѣтелемъ беззаконія. Ваше достопочтенное собраніе, такъ мудро взвѣсившее этотъ вопросъ, приглашаю давать мнѣ совѣтъ и дѣлиться опытомъ на общее благо моихъ подданныхъ“. Стóитъ лишь вспомнить о возрастѣ Константа, чтобы понять, что вышеприведенныя слова характеризуютъ не личное его мнѣніе, а передаютъ настроеніе получившаго съ возведеніемъ его на престолъ большинства и рисуютъ въ главныхъ чертахъ взаимное положеніе партій какъ въ послѣдніе годы Ираклія, такъ и при его преемникахъ. Очень рѣзкое обвиненіе, брошенное противъ Мартины и Ираклія въ незаконномъ сожитіи, передаетъ воззрѣнія той церковной партіи, которая съ неудовольствіемъ смотрѣла на бракъ Ираклія съ племянницей и не могла ему простить

[1]) Theoph. ed. Boor, p. 342, 10.

нарушенія церковныхъ правилъ. Нельзя, кромѣ того, не обратить вниманія на вліятельную роль сената въ дѣлѣ правительственнаго переворота и не отмѣтить господствующаго положенія, предоставленнаго ему въ малолѣтство Константа, который приглашаетъ сенатъ оказывать ему содѣйствіе и подавать совѣтъ.

Продолжительное царствованіе Константа, отъ 642 до 668 г., соотвѣтствовало эпохѣ, чрезвычайно богатой разнообразными событіями, которыя хотя въ большинствѣ не зависѣли отъ его воли, но значеніе которыхъ въ жизни имперіи могло бы быть гораздо гибельнѣй, если бы Константъ не былъ проникнутъ государственными идеями и пониманіемъ политическаго положенія дѣлъ. Это былъ человѣкъ твердой воли и недюжинныхъ способностей, который не уклонялся отъ борьбы и не бѣгалъ опасности. Но ему трудно было, при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ вступленія на престолъ, удержать за собой популярность въ Константинополѣ. Военная партія, которая возвела его на престолъ, какъ прямого потомка Ираклія, скоро охладѣла къ Константу, а его церковная политика возбудила противъ него духовенство и народные слои и сдѣлала его весьма непопулярнымъ въ столицѣ.

Говоря о церковной политикѣ, мы должны возвратиться къ тому вопросу, который не переставалъ занимать умы въ теченіе всего VI вѣка, къ вопросу о божескомъ и человѣческомъ естествѣ Богочеловѣка. Къ VII в. изъ монофизитскаго ученія возникла догма монофелитская, снова взволновавшая умы и бывшая причиной разнообразныхъ нестроеній. Монофелитское ученіе развилось на почвѣ совершенно искреннихъ стремленій найти средній терминъ для примиренія монофизитовъ съ господствующимъ церковнымъ ученіемъ. Умный политикъ и искренній патріотъ, императоръ Ираклій не могъ хладнокровно относиться къ тому положенію, въ которомъ онъ нашелъ церковный вопросъ. Въ виду опасности, угрожавшей Востоку сначала отъ Персіи, а потомъ, подъ конецъ его царствованія, отъ арабовъ, Ираклій хорошо понималъ всю глубину несчастія, проистекавшаго отъ религіозныхъ смутъ, вслѣдствіе которыхъ Сирія, Палестина и Египетъ все болѣе и болѣе теряли связь съ центромъ и стремились къ обособленію. Патріархъ Сергій, къ которому Ираклій питалъ особенное довѣріе, проводилъ въ церковномъ вопросѣ примирительные взгляды и пытался привести къ той же политикѣ

Ираклія [1]). Уже во время своихъ походовъ на Востокъ, начиная съ 622 г., императоръ вступилъ въ сношенія съ монофизитскими епископами, и такимъ образомъ мало-по-малу подготовлялась почва для ученія объ одной волѣ и одной энергіи во Христѣ. Рѣшительнымъ шагомъ въ этомъ смыслѣ было возведеніе въ 631 г. на патріаршій престолъ въ Александріи епископа Кира, который былъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ ученія единой воли и который началъ съ большимъ успѣхомъ проводить въ своей области примиреніе монофизитовъ съ церковнымъ ученіемъ. Патріархъ Сергій, съ своей стороны, поощрялъ дѣятельность александрійскаго собрата. Общее настроеніе на Востокѣ было благопріятное для взаимнаго примиренія, но вошедшее тогда въ оборотъ мнѣніе, что „Халкидонъ пріобщился къ монофизитамъ признаніемъ единой энергіи во Христѣ“, не было основательнымъ. Однако, сильнымъ противникомъ новой формулы соглашенія оказался александрійскій монахъ Софроній, который настоятельно убѣждалъ патріарха Кира удержаться отъ провозглашенія ученія объ одной энергіи и съ тѣмъ же предложеніемъ прибылъ въ Константинополь къ патріарху Сергію. Скоро затѣмъ, именно около 634 года, Ираклій приказалъ патріарху Сергію сдѣлать сводку мѣстъ, касающихся ученія объ единой энергіи; въ то же время начаты были сношенія по этому вопросу съ папой Гоноріемъ, который, соглашаясь съ мнѣніемъ константинопольскаго патріарха, вообще не одобрялъ словопреній по вопросу объ энергіяхъ и совѣтовалъ предоставить это дѣло грамматикамъ. Между тѣмъ упомянутый выше монахъ Софроній возведенъ былъ въ патріархи Іерусалима. Въ своемъ исповѣданіи вѣры новый патріархъ тщательно уклонялся отъ вновь придуманной формулы соединенія, хотя не дѣлалъ никакихъ намековъ на лица и ученіе объ единой энергіи. Вѣроятно подъ вліяніемъ новыхъ разговоровъ, вызванныхъ исповѣданіемъ вѣры Софронія, патріархъ Сергій въ 636 г. составилъ проектъ указа, который въ 638 г. былъ подписанъ Ираклiемъ и опубликованъ подъ именемъ „Экѳесисъ“, т.-е. „Изложеніе“, признанное на константинопольскомъ помѣстномъ соборѣ вполнѣ согласнымъ съ апостольскимъ ученіемъ. Этому акту суждено было играть важную роль въ послѣдующей исторіи церковнаго движенія, хотя и не въ томъ значеніи, какъ надѣялся патріархъ

[1]) Herzog, „Realencyklop.“, XIII, 402: „Monotheleten“.

Сергій. Въ „Изложеніи“ сдѣлана попытка примирить православіе и монофизитство посредствомъ введенія догмата единой божественной воли во Христѣ при двухъ естествахъ (моноѳелитство). Какъ мало, однако, „Изложеніе“ принесло успокоенія, видно изъ того, что самъ Ираклій черезъ годъ послѣ его изданія уже отказывался отъ этого акта въ своей перепискѣ съ римскимъ епископомъ: „экѳесисъ не мой, не я его составилъ, а патріархъ Сергій, просьбамъ котораго я уступилъ и подписалъ его“.— Вслѣдъ за изданіемъ „Изложенія“ произошло слѣдующее.

Настоящій творецъ проекта единенія, патріархъ Сергій, умеръ въ томъ же 638 году; озаботиться сообщеніемъ „Изложенія“ другимъ патріархамъ выпало на долю преемника Сергія, патріарха Пирра. Между тѣмъ противъ новаго акта началась сильная оппозиція въ Римѣ, можетъ-быть, вызванная не столько самымъ существомъ дѣла, какъ необычнымъ способомъ сообщенія его западной церкви. Тогдашній экзархъ Равенны, патрикій Исаакъ, вооружилъ противъ себя римское духовенство уже тѣмъ, что по смерти папы Гонорія самовольно захватилъ Латеранъ и часть имущества папы и тѣмъ настроилъ враждебно противъ византійской церковной политики новаго папу, Іоанна IV. При этихъ условіяхъ императоръ Ираклій готовъ былъ отказаться отъ „Изложенія“, а послѣ его смерти римскій папа настоятельно требовалъ отъ сыновей его, Константина и Ираклеона, пожертвовать „Изложеніемъ“ ради мира церкви и не вводить новаго принципа, могущаго возбудить смуту. Послѣдовавшіе въ Константинополѣ дворцовые перевороты, о которыхъ говорено выше, и вслѣдствіе которыхъ власть перешла къ малолѣтнему Константу, затормозили начатое изъ Рима движеніе и придали отношеніямъ между Римомъ и Константинополемъ довольно острый характеръ. Въ переворотѣ, сопровождавшемся низверженіемъ Мартины и возведеніемъ на престолъ Константа, оказался замѣшаннымъ патріархъ Пирръ, который принужденъ былъ бѣжать изъ Константинополя въ Карѳагенъ. Римскій епископъ, пользуясь нестроеніями политическими и церковными, требовалъ отъ вновь избраннаго патріарха Павла II (641—654), чтобы онъ разобралъ на соборѣ дѣло своего предшественника и отмѣнилъ „Изложеніе“, иначе отказывался принять его въ общеніе и признать его избраніе. Хотя въ Константинополѣ продолжали держаться пресловутаго акта, но противъ него началось сильное движеніе и въ Африкѣ, гдѣ нахо-

дился низложенный патріархъ Пирръ, который присоединился къ западной точкѣ зрѣнія на „Изложеніе“ и за то признанъ былъ въ Римѣ въ правахъ патріарха Константинополя. Наступилъ весьма опасный періодъ церковныхъ споровъ, который сопровождался весьма натянутыми отношеніями къ Риму и, съ другой стороны, совершенно отсѣкалъ отъ единенія съ православіемъ африканскихъ коптовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, и въ особенности когда римскій епископъ принялъ участіе въ церковномъ и политическомъ движеніи провинціи Африки и подвергъ отлученію возведеннаго на мѣсто патріарха Пирра преемника его Павла, въ Константинополѣ пришли къ сознанію необходимости уступокъ. Этими настроеніями внушено было изданіе въ 648 г. новаго церковнаго акта, извѣстнаго подъ именемъ „Типа“, которымъ патріархъ Павелъ имѣлъ намѣреніе удовлетворить недовольныхъ и возстановить церковный миръ. Въ этомъ актѣ, скрѣпленномъ подписью императора Константа, устранены всѣ догматическія положенія, и его назначеніе ясно опредѣляется слѣдующимъ мѣстомъ: „Воспрещается всѣмъ нашимъ православнымъ подданнымъ на будущее время поднимать споры объ одной волѣ или объ одномъ дѣйствіи, о двухъ дѣйствіяхъ или двухъ воляхъ, и, чтобы отнять всякій предлогъ у желающихъ спорить безъ конца, мы приказали снять вывѣшенное на паперти великой церкви „Изложеніе“. Кто осмѣлится поступить вопреки сему распоряженію, подлежитъ страшнымъ наказаніямъ“.

Но изданіе „Типа“ далеко не привело къ желанному результату. Въ Римѣ не только не были удовлетворены и не соглашались примириться, но преемникъ Ѳеодора, папа Мартинъ I, на латеранскомъ соборѣ 649 г., на которомъ приняли участіе какъ представители итальянскаго, такъ и греческаго духовенства, между прочимъ, и извѣстный Максимъ Исповѣдникъ, рѣшительно возстали противъ этого акта и послали опредѣленія собора какъ императору, такъ и всѣмъ епископамъ. Еще важнѣй то, что и среди православнаго византійскаго духовенства началось сильное броженіе и недовольство церковной политикой. Точка зрѣнія православной партіи выясняется слѣдующими словами св. Максима: „Кто изъ вѣрныхъ можетъ принять этотъ указъ, запрещающій говорить о томъ, о чемъ Самъ Господь говорить повелѣлъ чрезъ своихъ апостоловъ и учениковъ? Кто вмѣстѣ съ неистовыми еретиками отвергаетъ святыхъ

(а таковы всѣ не желающіе говорить ни объ одной, ни о двухъ воляхъ), тотъ вмѣстѣ съ діаволомъ отвергается Бога. Дѣлайте со мной что хотите, но я никогда не буду имѣть общенія съ тѣми, кто принимаетъ Типъ".

Однако, императоръ Константъ не остановился передъ самыми рѣшительными мѣрами, чтобы сломить упорство римскаго епископа и дать торжество своей церковной политикѣ. Въ связи съ занимающими насъ событіями стоитъ упоминаніе о Херсонисѣ на южномъ берегу Крыма, куда въ 653 г. сосланъ былъ въ ссылку папа Мартинъ I. — Рѣшительныя мѣры, принятыя этимъ папой противъ моноѳелитизма и противъ „Типа", побудили императора начать съ нимъ открытую борьбу. Онъ приказалъ экзарху Олимпію отправиться въ Римъ и захватить папу. Но при этомъ произошли совершенно неожиданныя событія. Экзархъ Олимпій не наложилъ руки на папу, а, напротивъ, вступилъ съ нимъ въ дружескія отношенія и ослушался императора. Только преемнику Олимпія, экзарху Ѳеодору Калліопѣ, удалось въ 653 г. обманнымъ образомъ посадить папу Мартина на корабль и доставить въ Константинополь. Здѣсь его заключили подъ стражу, предали суду и присудили къ изгнанію. Въ Херсонѣ, находясь въ тяжелыхъ условіяхъ, вслѣдствіе недостатка удобствъ и необходимыхъ средствъ къ жизни, на что онъ жалуется въ своихъ письмахъ [1]), томился онъ непродолжительное время и умеръ 16 сентября 655 г.

Религіозная борьба нисколько не утихала послѣ изложенныхъ событій. Примирительная политика императоровъ, объясняемая желаніемъ сохранить въ единеніи съ православіемъ отдѣлившійся монофизитскій Востокъ, не привела къ ожидаемой цѣли. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе сдѣланныхъ арабами завоеваній въ областяхъ, отторгшихся отъ церковнаго единенія съ Константинополемъ, утратилась и самая основа для примирительныхъ проектовъ и уступокъ, почему въ 680 г. при царѣ Константинѣ Погонатѣ на VI вселенскомъ соборѣ вопросъ о двухъ энергіяхъ и воляхъ во Христѣ рѣшенъ былъ безъ отношенія къ „Изложенію" и „Типу".

Наиболѣе существеннымъ выразителемъ политическихъ плановъ

---

[1]) Проф. Шестаковъ, „Папа Мартинъ I въ Херсонѣ" („Труды XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ", II, стр. 136).

Константа служитъ то, что послѣднюю часть своего царствованія онъ провелъ не въ Константинополѣ, а на Западѣ частью въ Аѳинахъ, частью въ южной Италіи, именно въ Сиракузахъ. Не въ первый и не въ послѣдній разъ у царей изъ дома Ираклія являлась мысль перенести столицу въ другое мѣсто. Несомнѣнно, въ теченіе VII в. еще возможно было колебаніе по отношенію къ этнографическимъ основамъ, на какихъ будетъ строиться имперія. Можетъ-быть, что угрожавшая опасность отъ арабовъ внушала совершенно основательную мысль перенести столицу изъ Константинополя, для котораго въ особенности становилось опаснымъ одновременное движеніе на него изъ Европы и Азіи, и для безопасности котораго морскіе походы арабовъ на Средиземномъ морѣ представляли большую опасность. Можетъ-быть, сознавалось глубокое значеніе для восточной имперіи ея итальянскихъ владѣній, и настояла надобность сдѣлать попытку освободить Италію отъ лангобардовъ. Такъ или иначе, чтобы понять попытку Константа перенести свое пребываніе на Западъ, и чтобы объяснить почти шестилѣтнее проживаніе его въ Сиракузахъ, необходимо войти въ подробное разсмотрѣніе византійско-итальянскихъ отношеній въ VII в., чѣмъ займемся въ слѣдующей главѣ.

Насильственная смерть Константа въ Сиракузахъ въ 668 г. показала, что вокругъ него было много недовольства, и что въ сопровождавшей его арміи была тенденція отложиться и избрать своего царя. Выдвинувшійся при этомъ совершенно неизвѣстный Мизизій, армянскаго происхожденія, былъ по всей вѣроятности подставнымъ лицомъ, такъ какъ по усмиреніи военнаго бунта кара постигла нѣкоторыхъ лицъ съ болѣе громкими именами, Юстиніана и Германа; послѣдній былъ впослѣдствіи патріархомъ.

Старшій сынъ Константа, Константинъ IV, получившій прозваніе Погоната (668 — 685), вслѣдъ за извѣстіями о событіяхъ въ Сиракузахъ, немедленно отправился съ флотомъ въ Сицилію и, при помощи войска, доставленнаго ему экзархомъ изъ Италіи, скоро потушилъ бунтъ въ Сиракузахъ и предалъ смерти какъ самозванца Мизизія, такъ и другихъ, причастныхъ къ движенію. Говорятъ, что при отправленіи въ экспедицію онъ былъ безбородымъ, а возвратился съ густыми на щекахъ волосами, откуда и произошло данное ему прозвище Погоната (рис. 82). Въ высшей степени трудно характеризовать дѣятельность Константина IV, и это не потому, чтобы его время

было безцвѣтнымъ и не представляло выдающихся событій; напротивъ, внутри и внѣ имперіи совершается процессъ громадной исторической важности, подготовляющій полный переворотъ политическихъ отношеній имперіи столько же на Востокѣ, какъ и на Западѣ. Именно, при преемникахъ Ираклія на Востокѣ, почти незамѣтно для современниковъ, выросла громадная политическая и военная сила, проникнутая духомъ религіозной пропаганды, которая съ неудержимой силой распространяла въ исконныхъ областяхъ имперіи быстрыя завоеванія и отнимала у византійскаго императора провинцію за провинціей. Въ занимающую насъ эпоху никто не могъ сказать, какъ далеко пойдутъ арабскія завоеванія, и какимъ путемъ можно спасти ближайшія къ Константинополю области, въ особенности принимая въ соображеніе то обстоятельство, что арабы вырвали у Византіи долго никѣмъ у нея неоспариваемое морское могущество на Средиземномъ морѣ. Излагая исторію преемниковъ Ираклія, при которыхъ происходило распространеніе власти арабовъ на счетъ имперіи, мы не могли касаться арабскаго вопроса, развѣ только мимоходомъ, чтобы изложить его въ особой главѣ со всѣми подробностями, какихъ требуетъ существо предмета.



Рис. 82. Константинъ IV Погонатъ.

Съ другой стороны, арабско-мусульманскій вопросъ, затронувшій самыя основы существованія имперіи, уже самъ по себѣ отразился многообразными вліяніями на административномъ строѣ и соціальномъ положеніи населенія византійскаго государства. Нужно помнить, что во всѣ времена Восточная имперія черпала свои матеріальныя средства и военныя силы изъ восточныхъ провинцій. Арабы своими завоеваніями и, главнымъ образомъ, своими ежегодными набѣгами на плодородныя области Малой Азіи лишили имперію ея жизненнаго нерва, вырвали у нея самыя населенныя и обработанныя области, изъ которыхъ она собирала людей и хлѣбные запасы. Чтобы возстановить нарушенное на Востокѣ положеніе дѣлъ, необходима была экстренная мѣра, которая въ одно и то же время обезпечила бы малоазійскія провинціи отъ враждебныхъ набѣговъ и, съ другой, возвратила имъ трудовое населеніе и культурныя условія жизни. Въ теченіе VII в. и преимущественно при Константѣ и его преемникахъ

начинаетъ обнаруживать въ имперіи свое вліяніе вновь народившаяся административная система, извѣстная подъ именемъ ѳемнаго устройства, цѣль которой была именно въ томъ, чтобы урегулировать положеніе провинцій, выведенныхъ изъ обычныхъ условій жизни столько же арабскими завоеваніями на Востокѣ, какъ славянской иммиграціей на Западѣ. Исторія административныхъ мѣропріятій, постепенно подготовившихъ ѳемную систему, составляетъ также отличительную черту излагаемой эпохи. Легко понять, что и этотъ вопросъ нуждается въ особомъ вниманіи и не можетъ быть изложенъ мимоходомъ. Принимая во вниманіе вышесказанное, характеристика дѣятельности внуковъ и правнуковъ Ираклія, если ихъ не ставить въ соприкосновеніе съ главнѣйшими фактами эпохи, будетъ всегда не полна.

Переходимъ къ исторіи Константина IV. У него было два брата, Тиверій и Ираклій, которые, повидимому, желали раздѣлять власть вмѣстѣ съ Константиномъ, и одинъ изъ которыхъ, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ принять на себя регентство, пока старшій братъ былъ въ Италіи. Весьма любопытно, что въ ближайшее время за провозглашеніемъ Константина въ Константинополѣ начался военный бунтъ. Часть войска, находившагося въ Азіи, вступила въ Хрисополь и требовала, чтобы братья императора были коронованы, и чтобы на тронѣ была царственная троица въ соотвѣтствіе съ небесной Троицей. Но военное движеніе было потушено со страшной жестокостью. Вожди движенія поплатились жизнью, а братья опозорены членовредительствомъ (вырвана часть носа).

Главныя событія времени Константина IV, съ точки зрѣнія политической и церковной исторіи, суть: а) война съ арабами, которые дошли до самаго Константинополя и подвергли его продолжительной осадѣ; б) разрѣшеніе продолжительныхъ церковныхъ споровъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ въ 680 г. Независимо оттого не прекращались попытки правительства установить болѣе правильныя и благопріятныя для имперіи отношенія къ славянамъ. Во всѣхъ этихъ событіяхъ Константинъ заявляетъ себя чертами мужественнаго и энергичнаго характера и правильнымъ пониманіемъ потребностей государства. Арабское движеніе въ первые годы Константина усилилось до такой степени, что въ теченіе семи лѣтъ, съ 672 года, арабскій флотъ ежегодно входилъ въ Дарданеллы и подвергалъ Константинополь тѣсной осадѣ съ моря. Нельзя, конечно, отрицать значенія за этими морскими набѣ-

гами, начинавшимися весной и продолжавшимися до осени каждый годъ. Зимняя стоянка непріятельскихъ кораблей была въ Кизикѣ, и имперія не находила достаточныхъ средствъ вытѣснить арабовъ и освободить столицу отъ такого опаснаго сосѣдства. Но едва ли можно приписывать этимъ набѣгамъ такое широкое, даже міровое значеніе, какъ это сдѣлалъ Папарригопуло [1]), и сопоставлять дѣятельность Константина IV съ заслугами Карла Мартелла. Прежде всего ясно, что это не была осада въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ не видно, чтобы арабы дѣлали высадку и облагали столицу съ суши и съ моря, какъ это было сдѣлано персами и аварами въ 626 г., или какъ будетъ повторено тѣми же арабами при Львѣ Исаврѣ въ 717 г. Нужно, однако, отдать справедливость принятымъ Константиномъ мѣрамъ. Несмотря на то, что Константинополь бывалъ отрѣзанъ отъ морскихъ сношеній, все же въ немъ были собраны достаточныя военныя средства и продовольствіе, и ни разу столица не оказалась въ такомъ затруднительномъ положеніи, чтобы склониться передъ врагомъ. Напротивъ, въ распоряженіи императора оказывается въ это время такое военное средство, какого не имѣли враги, и какое въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ давало византійцамъ постоянное и безспорное преимущество передъ всѣми врагами на морѣ. Въ это время въ первый разъ доходятъ извѣстія объ изобрѣтеніи Каллиникомъ, инженеромъ или архитекторомъ сирійскаго происхожденія, особаго горючаго состава, который имѣлъ способность горѣть на водѣ и производилъ страшный переполохъ въ непріятельскомъ флотѣ. Это есть знаменитый „греческій огонь", иначе жидкій или морской огонь, который составлялъ секретъ византійскаго военнаго искусства и долгое время давалъ имперіи преимущество въ морскихъ ея войнахъ. Къ сожалѣнію, секретъ изобрѣтенія остался доселѣ не раскрытъ. Константиномъ примѣнено было это изобрѣтеніе противъ арабскаго флота. Для этого были имъ построены особыя суда, на которыхъ расположены были сифоны или глиняные сосуды съ жидкимъ составомъ, который могъ возгораться при соблюденіи извѣстныхъ условій [2]). Обладая такимъ средствомъ, византійскій флотъ не только

[1]) Παπαρρηγοπουλος, „Ιστορια", III, p. 357.

[2]) Theoph. „Chronogr.", ed. de Boor, p. 353: ὁ δὲ προλεχθεὶς Κωνσταντῖνος .... διήρεις εὐμεγέθεις κακκαυοπυρφόρους καὶ δρόμωνας σιφωνοφόρους κατεσκεύασε. Ниже у Θеофана читается важное мѣсто о положеніи дворца Евдома на берегу Мраморнаго моря.

съ успѣхомъ отражалъ нападенія непріятеля, но и наносилъ ему существенный вредъ и большія потери. Такимъ образомъ, послѣ ежегодной неудачной попытки въ теченіе семи лѣтъ захватить городъ, арабы, наконецъ, со стыдомъ должны были удалиться, замѣчаетъ лѣтописецъ, несомнѣнно пользовавшійся здѣсь какимъ-нибудь не дошедшимъ до насъ житійнымъ матеріаломъ. Окончательное разстройство непріятельскимъ кораблямъ нанесли бури, застигшія его близь Силея у береговъ Памфиліи, и подстерегавшій его здѣсь имперскій флотъ подъ предводительствомъ стратига ѳемы Кивиррэотовъ. Въ то же время произошло сухопутное сраженіе арабскаго отряда съ византійскими войсками, въ которомъ арабы потеряли 30 тысячъ убитыми. Вообще нужно думать, что это была значительная удача Константина Погоната въ борьбѣ съ арабами, которая имѣла послѣдствіемъ заключеніе 30-лѣтняго мира (678 г.) на весьма благопріятныхъ для имперіи условіяхъ. Можно думать, что этими счастливыми обстоятельствами и перевѣсомъ въ борьбѣ съ арабами греки были обязаны изобрѣтенію Каллиника [1]).

Въ церковномъ отношеніи этотъ періодъ также ознаменовался положительными пріобрѣтеніями для церкви. Такъ какъ всѣ распоряженія и акты со времени Юстиніана I, клонившіеся къ умиротворенію церкви и имѣвшіе цѣлью возвращеніе къ православію монофизитовъ, не привели къ желаемому концу, и такъ какъ съ арабскими завоеваніями почти всѣ монофизитскія области отошли отъ имперіи, то не представлялось болѣе надобности настаивать на признаніи тѣхъ актовъ, которые были изданы императорами въ цѣляхъ уступокъ инако мыслящимъ, и которые сдѣлались поводомъ къ новымъ спорамъ и церковнымъ раздѣленіямъ (моноѳелитство). Константинъ очень вѣрно оцѣнилъ положеніе этого вопроса и, какъ только освободился отъ арабскаго нашествія, обратился къ папѣ Агаѳону (678—681) съ письмомъ, въ которомъ, указавъ на свою терпимость въ церковныхъ дѣлахъ, выразилъ мнѣніе, что нѣтъ нужды продолжать споры до безконечности къ радости еретиковъ и язычниковъ. Поэтому онъ предлагалъ папѣ послать въ Константинополь своихъ уполномоченныхъ, чтобы сдѣлать попытку соглашенія по спор-

---

[1]) Theoph., p. 354, 14: τότε Καλλίνικος ἀρχιτέκτων ἀπὸ Ἡλιουπόλεως Συρίας προσφυγὼν τοῖς Ῥωμαίοις πῦρ θαλάσσιον κατασκευάσας τὰ τῶν Ἀράβων σκάφη ἐνέπρησε καὶ σύμψυχα κατέκαυσεν.

нымъ вопросамъ, обѣщая, съ своей стороны, полное безпристастіе и безопасность для представителей римской церкви. Прежде чѣмъ отвѣтить на приглашеніе императора, папа собралъ помѣстный соборъ, обсудилъ на немъ вопросъ о моноѳелитствѣ и приготовилъ такимъ образомъ готовый матеріалъ для будущаго соборнаго рѣшенія. Вотъ почему шестой вселенскій соборъ могъ собраться лишь въ 680 г. На немъ были представители отъ лица папы, три епископа отъ имени собравшагося въ Римѣ помѣстнаго собора, нѣсколько монаховъ изъ греческихъ монастырей. Римскій епископъ снабдилъ своихъ уполномоченныхъ письмомъ на имя императора[1]), въ которомъ указалъ, между прочимъ, что неблагопріятныя обстоятельства, постигшія западную церковь, являются причиной того, что ея представители не обладаютъ такой ученостью, какъ восточные богословы, и что онъ для руководства имъ далъ подробное догматическое письмо. Со стороны восточной церкви на соборѣ присутствовали патріархи константинопольскій и антіохійскій; что касается александрійскаго и іерусалимскаго патріарха, отъ нихъ на соборѣ были представители. Соборъ открытъ подъ предсѣдательствомъ императора 7 ноября 680 г. въ царскомъ дворцѣ въ сводчатой залѣ, называемой труллъ.

Соборъ имѣлъ 18 засѣданій, и послѣднее его засѣданіе было 16 сентября 681 г. Большіе промежутки между засѣданіями были употреблены на подготовку матеріала и на обсужденіе главныхъ положеній по спорнымъ вопросамъ. Уже на первыхъ засѣданіяхъ выяснилось, что императоръ стоитъ на одинаковой точкѣ зрѣнія съ представителями папы. Послѣдніе начали съ того положенія, что такъ какъ моноѳелиты хотѣли ввести новшества въ воспринятую отъ святыхъ отцовъ вѣру, то на нихъ и лежитъ обязанность привести доказательства. Но когда антіохійскій патріархъ Макарій началъ ссылаться на тексты въ доказательство моноѳелитской догмы, отцы собора признали эти ссылки частью недоказательными, частью недостаточными, частью, наконецъ, не соотвѣтствующими рукописнымъ даннымъ, хранившимся въ патріаршей библіотекѣ. Макарій оказался главнымъ защитникомъ моноѳелитскаго ученія и поплатился за свою настойчивость лишеніемъ престола и отлученіемъ отъ церкви. Выставленныя римскимъ

[1]) Mansi, „Concilia", XI, col. 195; Hefele, „Conciliengesch.", III, S. 249; Hartmann, „Gesch. Italiens", II, S. 258.

епископомъ Агаѳономъ положенія были признаны соборомъ соотвѣтствующими апостольскому и отеческому ученію и положены въ основаніе соборныхъ опредѣленій. Подверглись отлученію четыре константинопольскіе патріарха, наиболѣе рѣзко высказывавшіеся противъ Рима во время религіозныхъ споровъ: Сергій, Пирръ, Павелъ и Петръ. Но какъ-будто въ удовлетвореніе восточной церкви внесенъ былъ въ списокъ отлученныхъ и одинъ изъ римскихъ папъ — Гонорій. По вопросу догматическому состоялось слѣдующее опредѣленіе: церковь признаетъ во Христѣ два естества соединенныя, но не слитыя, и двѣ воли. На будущее время положенъ строгій запретъ на дальнѣйшіе споры объ этомъ догматѣ подъ угрозой для лицъ духовного сана — изверженія, а для мірянъ — лишенія имущества. На послѣднемъ засѣданіи императоръ выразилъ пожеланіе отъ имени собора, чтобы подлинный и скрѣпленный подписями экземпляръ дѣяній препровожденъ былъ каждому патріарху. Въ особомъ посланіи къ папѣ Агаѳону соборъ выражалъ ему похвалу, какъ столпу православія, увѣдомилъ его о постановленіяхъ соборныхъ и просилъ оказать имъ поддержку.

Дѣянія шестого вселенскаго собора имѣютъ важное значеніе въ исторіи церкви. Прежде всего на этомъ соборѣ возстановленъ былъ миръ въ церкви; кромѣ того, здѣсь было достигнуто послѣ взаимныхъ уступокъ соглашеніе между папой и императоромъ. Римскій престолъ въ особенности много выигралъ на этомъ соборѣ какъ вслѣдствіе авторитетнаго и вліятельнаго положенія, занятаго на соборѣ папой и представленнымъ имъ изложеніемъ вѣры, такъ и тѣми преимуществами, какія за нимъ были признаны частью открыто, частью по молчаливому согласію. Такъ, между прочимъ, архіепископы Крита, Солуни и Коринѳа разсматривались какъ папскіе викаріи, автокефальность Равенны ограничена была нѣкоторыми условіями; право суда римскаго престола надъ восточными епископами признавалось, между прочимъ, по дѣлу патріарха Макарія, которое послѣ соборнаго рѣшенія представлено было на окончательный приговоръ папы. Возобновленіе правильныхъ сношеній между Римомъ и Константинополемъ имѣло послѣдствіемъ назначеніе вновь постоянныхъ римскихъ представителей въ столицѣ имперіи. Всѣ эти преимущества получали двойное значеніе для римскаго престола, если принять въ соображеніе то обстоятельство, что къ концу VII вѣка

лангобардская Италія постепенно переходила отъ аріанства къ католичеству.

Спустя четыре года послѣ VI вселенскаго собора византійская имперія, за смертью Константина Погоната, перешла къ его сыну Юстиніану II, имѣвшему только 16 л. отъ роду. Это былъ послѣдній представитель дома Ираклія, обладавшій значительными дарованіями и природными способностями, свойственными всѣмъ потомкамъ Ираклія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ, не получившій дисциплины ума и много повредившій какъ лично себѣ, такъ и государству необдуманными рѣшеніями и жестокими поступками (рис. 83). Юстиніанъ II, царствовавшій два раза, въ первый разъ отъ 685 до 695 года и во второй отъ 705 по 711 годъ, былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ событіями большой исторической важности, подготовлявшимся въ продолженіе всего VII вѣка. Это былъ арабскій вопросъ на востокѣ и славянскій на западѣ, послѣдній осложнился еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ стали принимать участіе болгаре, переселившіеся за Дунай и начавшіе основывать на Балканскомъ полуостровѣ независимое государство. Нося славное имя Юстиніана и питая въ душѣ широкія притязанія, молодой царь не имѣлъ счастья собрать около себя способныхъ государственныхъ людей, какихъ было много около Юстиніана I, а тѣ министры, на которыхъ онъ полагался, и которые его именемъ управляли дѣлами, не имѣя способностей сотрудниковъ Юстиніана I, превосходили ихъ корыстолюбіемъ, жадностью и всяческими недостатками. Вслѣдствіе этого Юстиніанъ II не возбудилъ къ себѣ добрыхъ чувствъ между современниками и не имѣлъ приверженцевъ. Когда послѣ десятилѣтняго правленія противъ царя началось въ Константинополѣ движеніе, онъ былъ схваченъ вмѣстѣ со своими ненавистными сотрудниками Ѳеодосіемъ и Стефаномъ и подвергся обычному въ ту эпоху жестокому членовредительству, а его министры публично на площади преданы сожженію. Юстиніанъ отправленъ въ заточеніе въ южную Россію въ Херсонъ, гдѣ, однако, не успокоился, а ровно



Рис. 83. Юстиніанъ II.

черезъ десять лѣтъ снова достигъ престола и царствовалъ во второй разъ, имѣя прозваніе Ринотмита (съ прорванными ноздрями). Оцѣнка правленія Юстиніана II представляетъ немаловажныя трудности въ томъ отношеніи, что вмѣстѣ съ нимъ заканчивается подготовительный періодъ образованія византинизма, что къ его времени, съ одной стороны, обнаруживаются во всей силѣ разрушительные элементы, наносившіе ударъ старой системѣ, съ другой—начинаютъ входить въ жизнь новыя начала, которыми имперія могла не только поддерживать свое существованіе, но еще испытать эпохи подъема матеріальныхъ и духовныхъ силъ и накопленія культурныхъ богатствъ, которыми она успѣла подѣлиться со славянами. Попытаемся бросить взглядъ на главныя событія времени Юстиніана II.

Хотя съ арабами былъ заключенъ миръ при Константинѣ Погонатѣ, но Юстиніанъ воспользовался смутами, происшедшими въ калифатѣ, и началъ войну. Побѣды полководца Леонтія заставили арабовъ предложить новыя условія мира, гораздо болѣе благопріятныя, чѣмъ бывшія при Константинѣ. Между прочимъ, очень важное обязательство принялъ калифатъ удѣлять Византіи половину дани съ Арменіи, Грузіи и Кипра, но, взамѣнъ того, императоръ обязался вывести съ Ливанскихъ горъ военную колонію мардаитовъ, которые въ качествѣ тогдашнихъ клефтовъ наносили своими неожиданными набѣгами большой вредъ сирійскимъ арабамъ. Перемѣщенія цѣлыхъ племенъ изъ одной мѣстности въ другую характеризуютъ данную эпоху, и потому едва ли слѣдуетъ такъ отрицательно смотрѣть на принятую Юстиніаномъ систему, какъ это дѣлаютъ новые историки [1]. Поселенія большими массами разныхъ племенъ на свободныхъ мѣстахъ должны быть разсматриваемы въ связи съ новой административной системой, которая тогда входитъ въ практику и объясняется рѣдкостью населенія въ однѣхъ провинціяхъ и густой иммиграціей славянъ въ другихъ. Настойчивое желаніе ослабить арабовъ и новая съ ними война въ 692 году, едва ли не объясняется преувеличенными надеждами Юстиніана на тѣ военныя колоніи изъ славянъ, которыя къ тому времени были основаны въ Азіи именно съ цѣлью успѣшнѣйшей борьбы съ арабами. Весьма любопытно отмѣтить, что на этотъ разъ разсчетъ оказался ошибочнымъ, ибо славяне въ кри-

---

[1]) Λαμπρος, III. p. 752; Bury II. 320.

тическій моментъ перешли на сторону врага, что и вызвало пораженіе императора и обращеніе его въ бѣгство.

Сколько на востокѣ представляли постоянную опасность арабы, столько же на западѣ угрожали набѣгами и опустошеніями славяне и болгаре.

И здѣсь походы Юстиніана не всегда были удачны; но такъ какъ не могло быть рѣчи о полномъ возстановленіи спокойствія въ провинціяхъ Ѳракіи и Македоніи, давно уже находившихся въ процессѣ броженія и смуты, то можно считать нѣкоторымъ успѣхомъ уже и то, что Византія все же находила средства не только удержать за собой западныя области на Балканскомъ полуостровѣ, но и произвести такія реформы въ ихъ администраціи, которыя способствовали упорядоченію ихъ быта и усиленію оборонительной силы ихъ.

Въ 695 г. противъ Юстиніана составился заговоръ, вслѣдствіе котораго, какъ сказано, онъ былъ лишенъ власти и сосланъ въ заточеніе въ Херсонъ.

Здѣсь въ первый разъ въ кругъ историческаго кругозора непосредственно входятъ области, принадлежащія къ русскому государству. Нѣсколько выше была рѣчь о ссылкѣ въ Херсонъ папы Мартина, и въ связи съ этимъ обстоятельствомъ дошли до насъ извѣстія о положеніи, въ какомъ находилась эта удаленная отъ Константинополя провинція. Особенный интересъ, возбужденный къ исторіи Херсониса въ русской исторической наукѣ, способствовалъ тому, что мы можемъ бросить нѣкоторый свѣтъ на эту провинцію [1]). Оказывается, что Херсонисъ издавна былъ торговымъ городомъ. Около города были соляныя варницы на озерахъ. Добывалось также множество рыбы въ рѣкахъ черноморскаго бассейна, которая приготовляема была впрокъ и составляла предметъ вывоза. Черноморская икра и соленая рыба были лакомымъ блюдомъ у византійцевъ [2]). Но, съ другой стороны, благосостояніе города зависѣло отъ доставки хлѣбныхъ продуктовъ изъ другихъ византійскихъ портовъ, и такъ какъ по письмамъ папы Мартина въ городѣ была крайняя дороговизна предметовъ первой необходимости, то можно догадываться,

---

[1]) Бертье-Делагардъ; „Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь" („Изв. отд. русск. языка и слов. Имп. Ак. Наукъ", XIV, кн. I); Шестаковъ, „Памятники христіанскаго Херсониса", III, стр. 30 и слѣд.

[2]) Между прочимъ, въ перепискѣ Мих. Акомината (ed. Λάμπρος).

что его торговля въ VII в. значительно пала, а это, въ свою очередь, можетъ служить вообще свидѣтельствомъ жалкаго положенія зависѣвшей отъ Херсона области.

Находясь въ Херсонѣ, Юстиніанъ, повидимому, совсѣмъ пересталъ занимать вниманіе правительства и пользовался здѣсь извѣстной свободой. Онъ нисколько не скрывалъ надежды снова вступить на престолъ и говорилъ объ этомъ такъ открыто, что херсонесцы стали опасаться, какъ бы не навлечь на себя подозрѣнія въ сочувствіи его замысламъ, и приняли рѣшеніе или убить его, или отправить узникомъ въ Константинополь. Но Юстиніанъ предупредилъ херсонцевъ и бѣжалъ въ крѣпость Дорасъ или Мангупъ на границѣ готскихъ владѣній въ Крыму. Отсюда Юстиніанъ завязалъ сношенія съ хазарами, которымъ принадлежала часть Крыма, и просилъ у кагана позволенія поселиться въ его владѣніяхъ [1]). Тогда начинаетъ нѣсколько выясняться исторія хазаръ, этого любопытнаго народа, игравшаго немаловажную роль въ южно-русской исторіи. Мы уже знаемъ, что съ хазарами началъ сношенія императоръ Ираклій во время своихъ персидскихъ походовъ, тогда ихъ владѣнія простирались на югѣ до Кавказскихъ горъ (до Аракса), на сѣверѣ и востокѣ владѣнія ихъ граничили съ финнами и болгарами. Когда послѣдніе въ VII в. двинулись за Дунай, область, ими покинутая, занята была хазарами, и съ тѣхъ поръ они составляютъ въ юго-восточной Европѣ важный этнографическій и политическій элементъ и ведутъ войну за существованіе на два фронта: съ арабами на востокѣ, съ имперіей на западѣ. Въ X вѣкѣ хазарамъ нанесенъ окончательный ударъ побѣдами русскихъ князей. Такимъ образомъ, ясно, что, когда Юстиніанъ задумалъ заинтересовать въ своемъ дѣлѣ властителя хазаръ, которые были сосѣдями имперіи на Черномъ морѣ, то онъ поступилъ не такъ легкомысленно, какъ это могло бы казаться съ перваго взгляда. Хазарскій народъ отличался въ извѣстной степени зачатками культуры, не чуждъ былъ христіанства, велъ обширныя торговыя сношенія съ восточной Европой и Персіей. Для хазаръ не было безразлично, такимъ образомъ, воспользоваться смутами въ имперіи и оказать поддержку претенденту на византійскій престолъ.

Переговоры Юстиніана съ каганомъ привели ихъ къ полному соглашенію. Бывшій императоръ убѣдилъ кагана въ солидности

---

1) Nicephori, „Breviarium“, 40.

своихъ правъ и основательности надеждъ на возвращенiе престола. Юстинiанъ породнился съ каганомъ бракомъ, женившись на его сестрѣ, носившей христiанское и громкое въ имперiи имя Өеодоры. Претенденту предоставлено было жить въ Фанагорiи, откуда онъ могъ поддерживать сношенiя съ недовольными существующимъ правительствомъ въ Константинополѣ. Но ему предстояло впереди испытать еще много неожиданностей. Тогдашнiй царь Тиверiй III былъ встревоженъ дошедшими до него извѣстiями и послалъ къ кагану посольство съ дарами и настоятельной просьбой выдать ему Юстинiана живымъ или мертвымъ [1]). Каганъ не остался глухъ къ дарамъ и дѣлаемымъ обѣщанiямъ и распорядился, чтобы за Юстинiаномъ учрежденъ былъ тайный надзоръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено было правителю Фанагорiи и начальнику Боспора принять мѣры къ убiйству Юстинiана. Намѣренiя кагана и сдѣланныя имъ распоряженiя сдѣлались извѣстны Өеодорѣ, которая посвятила въ нихъ своего мужа и дала ему возможность избѣжать угрожавшей опасности.

Здѣсь начинается новая фаза приключенiй Юстинiана. Убивъ самъ тѣхъ лицъ, которыя слѣдили за нимъ, и оставивъ свою супругу на попеченiе тестя, Юстинiанъ устроилъ тайное бѣгство изъ Фаногорiи на заготовленномъ заранѣе кораблѣ и съ тѣми приверженцами, которые у него оказались въ то время, пошелъ вдоль южнаго берега Крыма до гавани Символа (Балаклава), гдѣ вошелъ въ сношенiя съ преданными ему и очевидно сочувствовавшими задуманному имъ предпрiятiю людьми въ Херсонѣ. Всѣ эти подробности должны быть хорошо взвѣшены, ибо онѣ объясняютъ, что у Юстинiана была партiя, которая обезпечивала ему успѣхъ въ его замыслѣ. Какъ можно понять изъ дальнѣйшаго, Юстинiанъ, потерявъ надежду на хазаръ, разсчитывалъ теперь найти союзника въ другомъ мѣстѣ. Изъ Херсона онъ направился вдоль сѣверо-западнаго побережья Чернаго моря къ устьямъ Дуная и нашелъ здѣсь гостепрiимство у хана болгарской орды, еще весьма недавно переселившейся за Дунай и начавшей устраиваться на Балканскомъ полуостровѣ, по имени Тервеля. Хотя не все еще выяснено въ обстоятельствахъ утвержденiя болгаръ за Дунаемъ, но весьма вѣроятно, что главный болгарскiй станъ тогда уже былъ на мѣстѣ нынѣшней

---

[1]) Nicephori, 41: ἐχλιπαρῶν—εἰ ζῶντα Ἰουστινιανὸν ἢ τὴν κεφαλὴν αὐτῷ ἐκπέμψαι.

деревни Абобы, близь Шумлы и Преславы [1]). Ханы болгарской орды, распространившіе свою власть надъ славянами, жившими на сѣверъ отъ Балканъ, дѣлали уже неоднократную попытку утвердиться и на югъ отъ Балканскихъ горъ и зорко слѣдили за событіями въ имперіи, которыми всегда пользовались для своихъ набѣговъ въ имперскія области. Какъ показываютъ древнѣйшіе памятники болгарскаго быта, найденные при раскопкахъ ихъ древней столицы, болгаре скоро подчинились культурнымъ вліяніямъ, идущимъ изъ Константинополя, и ханы ихъ постепенно вводили при своемъ дворѣ обычаи и обряды византійскаго двора.

Юстиніанъ могъ быть заранѣе увѣренъ въ благорасположенномъ пріемѣ хана Тервеля, такъ какъ послѣдній хорошо могъ оцѣнить представляемыя въ дѣлѣ возстановленія Юстиніана на тронѣ важныя выгоды. Посланный для переговоровъ съ Тервелемъ нѣкто Стефанъ поставилъ вопросъ такъ ясно и столько надавалъ обѣщаній болгарскому властителю, предлагая скрѣпить союзъ даже бракомъ Тервеля съ дочерью Юстиніана, что планъ похода на Константинополь съ цѣлью возстановленія на престолѣ сверженнаго императора рѣшенъ былъ безъ колебаній. Юстиніанъ былъ принятъ въ болгарскомъ станѣ съ большими почестями и провелъ между болгарами осень и зиму 704—705 года. Весной предпринятъ былъ походъ на Константинополь, въ которомъ вмѣстѣ съ болгарами принимали участіе и подчиненные имъ славяне. Изъ хода дѣлъ ясно, что правительство не приняло никакихъ серьезныхъ мѣръ противъ Юстиніана и его союзниковъ. Безъ всякаго сопротивленія болгаре дошли до стѣнъ Константинополя и три дня стояли подъ стѣнами въ ожиданіи сдачи города, въ которомъ была значительная партія приверженцевъ послѣдняго представителя дома Ираклія. Хотя открытой сдачи не послѣдовало, но Юстиніанъ съ немногими воинами нашелъ возможнымъ тайно, ночью, проникнуть въ городъ, черезъ водопроводъ, и тогда сопротивленію положенъ былъ конецъ. Трудно понять на основаніи скудныхъ извѣстій, почему такъ легко досталась Юстиніану побѣда. Если предположимъ, что городъ былъ взятъ на щитъ болгарами, то необходимо послѣдовали бы расхищеніе сокровищъ и

---

[1]) Раскопки Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ („Извѣстія“, т. X).

отчаянная борьба между побѣдителями и побѣжденными. По ходу событій нужно допустить, что Юстиніанъ, открывши доступъ черезъ водопроводъ, не сдалъ города Тервелю, а нашелъ возможнымъ достигнуть власти безъ большого сопротивленія, не позволяя болгарамъ сдѣлаться хозяевами положенія.

Такъ или иначе, предпріятіе Юстиніана увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Онъ завладѣлъ властью въ городѣ и скоро освободился отъ своего союзника, уплативъ ему за оказанное содѣйствіе богатыми дарами и драгоцѣнными царскими сосудами и почетнымъ титуломъ кесаря, даваемымъ только лицамъ императорской фамиліи. Тервель отступилъ отъ столицы, а Юстиніанъ принялъ мѣры къ утвержденію вновь пріобрѣтенной власти.

Вторичное царствованіе Юстиніана II продолжалось отъ 705 до 711 г. Это было во всѣхъ отношеніяхъ суровое царствованіе, свидѣтельствующее о жестокихъ нравахъ людей той эпохи. Можно сказать, что Юстиніанъ мало чему научился въ десятилѣтній періодъ невзгодъ и ничего не забылъ. Прежде всего онъ жестоко отомстилъ двумъ лицамъ, прежнимъ двумъ императорамъ, Леонтію и Тиверію, которые занимали престолъ въ истекшій десятилѣтній періодъ. Первый, уже лишенный носа и заключенный въ монастырь, не былъ опасенъ для Юстиніана, второй, отказавшись отъ борьбы, спасся изъ Константинополя бѣгствомъ. Но оба были представлены торжествующему Юстиніану въ цѣпяхъ, и онъ имѣлъ наслажденіе смотрѣть на цирковое представленіе, попирая ногами поверженныхъ передъ нимъ враговъ, а народъ восклицалъ: „на аспида и василиска наступишь и будешь топтать льва и дракона“ [1]). Затѣмъ оба императора были публично обезглавлены на площади. Жестокая расправа постигла и многихъ другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ низложеніи Юстиніана. Патріархъ Каллиникъ, вѣнчавшій на царство обоихъ, былъ ослѣпленъ и сосланъ въ Римъ. Но самымъ вопіющимъ преступленіемъ была казнь на стѣнахъ города Ираклія, брата Тиверія, полководца, прославившагося въ войнахъ съ арабами. Наступило царство террора, въ которомъ погибли сотни военныхъ и гражданскихъ чиновъ, считавшихся приверженцами предыдущаго правительства.

Съ трудомъ можно понять проявленія такого звѣрства въ харак-

---

[1]) Псал. 91, 13.

терѣ Юстиніана, тѣмъ болѣе, что въ другихъ отношеніяхъ онъ не лишенъ былъ трогательной внимательности по отношенію, напримѣръ, къ своей женѣ Ѳеодорѣ. Такъ, онъ послалъ за ней въ Хазарію почетное посольство на корабляхъ, а когда корабли погибли отъ бури, отправилъ новое посольство. По прибытіи въ Константинополь Ѳеодоры, онъ вѣнчалъ ее и рожденнаго отъ нея сына Тиверія и провозгласилъ ихъ августами. Чрезвычайно тревожная и полная разнообразныхъ приключеній жизнь этого государя подавала бы поводъ къ обнаруженію его жестокости въ частныхъ отношеніяхъ, но нужно отмѣтить, что вездѣ, напротивъ, замѣтна благорасположенность къ нему со стороны тѣхъ, кто находился съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Безъ близкихъ и расположенныхъ къ нему друзей Юстиніанъ не могъ бы достигнуть осуществленія своей мечты о новомъ вступленіи на царство. Историкъ Ѳеофанъ по поводу перваго низложенія Юстиніана въ 795 г. замѣтилъ: „Юстиніанъ низверженъ былъ по слѣдующему случаю. Онъ приказалъ патрикію и стратигу Стефану по прозванію Русію, ночью избить константинопольскій димъ и начать съ патріарха“ [1]). Это мѣсто можетъ дать нѣкоторый новый матеріалъ для выясненія роли Юстиніана II. Выраженіе „избить константинопольскій димъ“ слѣдуетъ истолковать здѣсь въ смыслѣ привилегированной части городского населенія, которая пользовалась еще старыми муниципальными правами и которая всегда мозолила глаза императорскому правительству, начиная со времени Юстиніана I. Много правъ уже было отнято у города, но остатки муниципальныхъ свободъ изрѣдка прорывались наружу въ жизни городовъ. Считая себя не даромъ носящимъ имя Юстиніана, императоръ съ особенной энергіей велъ борьбу съ привилегіями нѣкоторыхъ классовъ городского населенія. Съ этой точки зрѣнія получаютъ яркое освѣщеніе и предпринятыя имъ репрессіи противъ Херсона, относящіяся къ 710—711 году и бывшія причиной вторичнаго его низверженія и погибели его дома.

Едва ли слѣдуетъ довѣрять настроенію греческихъ писателей, сообщающихъ наиболѣе подробныя извѣстія о событіяхъ, касающихся жестокой расправы Юстиніана съ городомъ Херсономъ [2]). Прежде

---

1) Theoph., 368, 16: ἐκέλευσε Στεφάνῳ τῷ πατρικίῳ καὶ στρατηγῷ νυκτὸς ἀποκτεῖναι τὸν δῆμον Κωνσταντινουπόλεως, ἄρξασθαι δὲ ἀπὸ τοῦ πατριάρχου.

2) Theophanes, 376. Nicephori, 44.

всего нельзя никакъ допустить, что противъ Херсона былъ отправленъ флотъ, состоящій изъ 100 тысячъ моряковъ. Если бы Юстиніанъ собралъ всѣ перевозочныя средства, и тогда онъ не могъ бы имѣть такого громаднаго количества судовъ, чтобы посадить на нихъ 100 тысячъ. Кромѣ того, для чего понадобилась бы такая армада противъ отдаленнаго города, лежащаго на сѣверномъ берегу Чернаго моря и въ началѣ VIII в. едва ли имѣвшаго много населенія. Тѣмъ не менѣе, извѣстія о походахъ на Херсонъ представляютъ такія подробности, которыя могутъ имѣть большое значеніе для характеристики какъ общаго положенія дѣлъ на Крымскомъ полуостровѣ, такъ и тѣхъ средствъ, какими располагала имперія для удержанія своей власти въ Крыму. Карательная экспедиція составлена была на средства, собранныя съ различныхъ классовъ населенія; собственно военныхъ людей было въ ней немного, а были крестьяне, ремесленники, представители городскаго дима и члены сенаторскаго сословія [1]). Назначеніе флота состояло въ томъ, чтобы перебить населеніе Херсона, Босфора и другихъ мѣстъ. Но такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказано было поставить архонтомъ Херсона оруженосца императора и спаѳарія Илью и водворить тамъ на жительство Вардана, присужденнаго къ ссылкѣ, то ясно, что распоряженіе объ истребленіи жителей должно быть толкуемо условно. Патрикій Стефанъ, начальникъ флота, не исполнилъ во всей точности порученія, а пощадилъ нѣсколькихъ юношей, которыхъ взялъ въ качествѣ плѣнниковъ. Но что всего любопытнѣй, кара постигла тудуна, какъ назывались чиновники хазарскаго правительства, и Зоила, одного изъ самыхъ вліятельныхъ представителей Херсона вмѣстѣ съ 40 другими знатными гражданами. Зоилу усвояется наименованіе протополита, а другіе имѣютъ титулъ протевоновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что то и другое обозначенія относятся къ лицамъ, принадлежащимъ къ городскому самоуправленію. Никакъ нельзя забывать, что въ Херсонѣ теперь была власть хазарскаго кагана, и что тудунъ былъ допущенъ въ городъ съ согласія городскихъ властей. Слѣдовательно, экспедиція Юстиніана имѣла болѣе политическое значеніе, чѣмъ личную месть. Но крымская трагедія далеко не окончилась разсказанными

---

[1]) Nicephori, 44: ἔκ τε τῶν στρατιωτικῶν καταλόγων, ἔτι δὲ καὶ τοῦ γεωργικοῦ καὶ τῶν βαναυσικῶν τεχνῶν, τῶν τε ἐκ τοῦ συγκλήτου βουλῆς κα τοῦ τῆς πόλεως δήμου.

жестокостями. Когда флотъ въ октябрѣ мѣсяцѣ шелъ назадъ въ Константинополь, его застигла буря, погубившая, по свидѣтельству нашихъ источниковъ, до 73 тысячъ. Между тѣмъ херсонесцы, напуганные дошедшими до нихъ слухами, что Юстиніанъ приготовляетъ противъ нихъ новый флотъ, обратились къ хазарскому кагану съ просьбой, чтобы онъ принялъ городъ подъ свою защиту и послалъ имъ для охраны военныхъ людей. Такъ начался въ Херсонѣ открытый бунтъ, который крайне раздражилъ Юстиніана и побудилъ его принять мѣры противъ непокорнаго города. На этотъ разъ, однако, отправленъ былъ въ Херсонъ незначительный отрядъ съ патрикіемъ Георгіемъ и эпархомъ города Іоанномъ съ приказаніемъ возстановить Тудуна и Зоила въ занимаемыхъ ими прежде должностяхъ. Но въ Херсонѣ оказалась значительная партія, имѣвшая въ своемъ распоряженіи достаточныя средства для борьбы; кромѣ того, и стѣны города защищали жителей противъ непріятеля. Херсониты не пустили военныхъ людей въ городъ, предали смерти патрикія Георгія и Іоанна, а Тудуна и Зоила выдали хазарамъ, присланнымъ въ помощь городу. Непосредственно затѣмъ въ Херсонѣ былъ объявленъ на царство сосланный сюда Варданъ, принявшій имя Филиппика. Императоръ сталъ готовить новый походъ противъ нарушившихъ вѣрность городовъ крымскаго полуострова, поставивъ во главѣ экспедиціи патрикія Мавра. Между тѣмъ въ Крыму событія шли къ развязкѣ. Жители Херсона вступили въ переговоры съ хазарами, къ которымъ бѣжалъ и Варданъ-Филиппикъ. Византійскій отрядъ встрѣченъ былъ поэтому враждебно, Мавръ началъ бить стѣны и хотя нанесъ своими машинами вредъ главной башнѣ Кентинарской [1]), но скоро отчаялся въ дальнѣйшемъ успѣхѣ осады и перешелъ на сторону движенія противъ Юстиніана.

Хазары во всемъ этомъ враждебномъ Византіи движеніи играютъ дѣятельную роль. Ясно, что каганъ господствуетъ надъ ближайшей къ Херсону областью и поддерживаетъ смуту въ этомъ городѣ. Когда Мавръ и подчиненный ему отрядъ перешли на сторону возмутившагося города и провозгласили своимъ царемъ Филиппика, начаты были переговоры съ каганомъ о выдачѣ содержавшагося у хазаръ

---

[1]) Theoph. 379, 23: διὰ τοῦ κριοῦ τὸν λεγόμενον Κεντηναρήσιον πύργον καταβαλόντες. Ср. такого же наименованія башню въ Никеѣ („Извѣстія“ Инст., III. 180).

вновь провозглашеннаго царя. Весьма трудно выяснить дѣйствительную роль во всемъ дѣлѣ кагана, въ распоряженіи котораго, повидимому, были судьбы города Херсона. На просьбы выдать Филиппика онъ вступилъ въ торгъ съ гражданами и взялъ за царя выкупъ по одной номисмѣ съ человѣка.

Между тѣмъ Юстиніанъ, съ цѣлью отвлечь вниманіе хазаръ отъ Крыма, обратился къ болгарскому хану Тервелю съ просьбой о помощи, получилъ отъ него 3000 воиновъ и, не надѣясь, повидимому, спокойно удержаться въ Константинополѣ, выступилъ въ Малую Азію, гдѣ собралъ войско въ ѳемѣ Опсикій. Раскинувъ лагерь на черноморскомъ берегу, близь Синопа, Юстиніанъ выжидалъ хода событій, которыми уже былъ не въ состояніи управлять. Провозглашенный въ Херсонесѣ Филиппикъ явился въ Константинополь и безъ труда завладѣлъ городомъ, гдѣ у Юстиніана не нашлось приверженцевъ. Объявивъ прощеніе всѣмъ частямъ, которыя находились еще вмѣстѣ съ Юстиніаномъ, и обезопасивъ спокойное возвращеніе болгарскаго отряда на родину, Филиппикъ достигъ того, что Юстиніанъ остался безъ защиты, попался въ плѣнъ къ спаѳарію Ильѣ, который былъ посланъ за нимъ. Послѣдняго царя изъ дома Ираклія постигла суровая участь: его голова была представлена Филиппику и послана имъ въ Римъ. Оставшійся въ живыхъ въ Константинополѣ сынъ его Тиверій былъ взятъ въ церкви Влахернской Богоматери отъ святого алтаря, гдѣ онъ думалъ найти спасеніе, и публично зарѣзанъ на стѣнѣ на башнѣ св. Каллиника. Такова судьба потомковъ Ираклія, сто лѣтъ управлявшаго имперіей въ наиболѣе трудную эпоху ея существованія. Намъ остается еще бросить взглядъ на итальянскія отношенія въ началѣ VIII вѣка.

Юстиніанъ имѣлъ свои причины приписывать нѣкоторымъ гражданамъ Равенны участіе въ заговорѣ, слѣдствіемъ котораго было его низверженіе въ 695 г. [1]). Патрикій Ѳеодоръ явился на кораблѣ въ гавани Равенны и обманнымъ образомъ привлекъ къ себѣ знаменитыхъ равеннцевъ. Когда они, не подозрѣвая измѣны, пришли на корабль, здѣсь перехватали ихъ, заковали въ цѣпи и потомъ отправили въ Византію. Юстиніанъ подвергъ ихъ жестокимъ пыткамъ и присудилъ къ мучительнымъ казнямъ. Въ Италіи это событіе про-

[1]) Gregorovius, II, 182—199.

извело сильное движеніе противъ Византіи, и многіе города тогда же готовы были отложиться отъ императора, если бы онъ, предвидя опасность, не пригласилъ въ Константинополь и ласками не привлекъ на свою сторону римскаго епископа, по счастью для него восточнаго происхожденія (Константинъ I, 708—715). Почетъ, оказанный Константину въ столицѣ имперіи, и новыя привилегіи епископскому престолу, можетъ-быть, подкупили папу въ пользу императора. Пользуясь его отсутствіемъ изъ Рима, явился въ городъ экзархъ, арестовалъ знатнѣйшихъ изъ клира и народа. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ обо всемъ этомъ весьма отрывочныя свѣдѣнія и не знаемъ, почему происходили аресты; но когда экзархъ возвратился въ Равенну, тамъ поднялось противъ него сильное неудовольствіе, стоившее ему жизни. Волненія въ Равеннѣ происходили въ 710 и 711 г. Во главѣ движенія стоялъ сынъ Іоанникія, казненнаго Юстиніаномъ II, Георгій; онъ носилъ званіе капитана (capitano del popolo). Весь городъ раздѣленъ на 12 знаменъ или отрядовъ (bandus); каждый отрядъ подчинялся отдѣльнымъ начальникамъ. По образцу равеннской милиціи устроено было городское войско и въ другихъ мѣстахъ. Въ союзъ съ Равенной вступили и другіе города экзархата, совокупныя усилія сѣверныхъ городовъ греческой Италіи направлены были къ низверженію византійскаго господства. Въ 710 г., такимъ образомъ, ясно обозначилось, что городская община не погибла въ Италіи, что въ милиціи нашла она силу противъ внѣшняго угнетенія; идя такимъ путемъ, городскія общины постепенно развиваются въ городскія коммуны и республики. Въ то же время и въ Римѣ, по случаю присылки еретическихъ мнѣній новаго императора, обнаружилось небывалое движеніе. Populus Romanus, въ согласіи съ клиромъ, сдѣлалъ постановленіе—не принимать мнѣній императора Филиппика (711—713) и не признавать надъ собой его власти. Въ жизнеописаніи папы Константина римская область по обѣимъ сторонамъ Тибра въ первый разъ названа *дукатомъ*. Во главѣ ея стоитъ избранный народомъ дука, какъ высшій военный санъ области. Такимъ образомъ, къ VIII в. въ Италіи образуются два учрежденія — папство и городская милиція, которыя заключали въ себѣ готовые элементы для борьбы съ Византіей, для которыхъ намѣчаются новые историческіе факторы, подготовленные предыдущимъ періодомъ.

ГЛАВА V.

ЗАПАДНЫЯ ГРАНИЦЫ ИМПЕРІИ. ЛАНГОБАРДЫ ДО КОНЦА VII В.

Есть мнѣніе, что императорскій намѣстникъ въ Италіи Нарсесъ пригласилъ въ Италію лангобардовъ, чтобы отомстить двору за несправедливое къ нему недовѣріе. Нѣтъ нужды прибѣгать къ подобному объясненію итальянскихъ событій. Сношенія лангобардовъ съ имперіей начались гораздо ранѣе, такъ какъ лангобардскіе наемники служили въ имперскомъ войскѣ и принимали даже участіе въ порабощеніи Италіи. Побывавъ въ прекрасной странѣ и ознакомившись съ призрачнымъ военнымъ могуществомъ имперіи, лангобарды и безъ прямого приглашенія Нарсеса могли придти къ мысли о возможности поселенія въ Италіи. Въ 568 г. на мѣсто отозваннаго Нарсеса прибылъ въ Италію префектъ Лонгинъ; онъ вступалъ въ Равенну, когда лангобарды начали завоеваніе сѣверной Италіи подъ предводительствомъ славнаго въ преданіи по своимъ военнымъ подвигамъ Албоина.

Въ высшей степени любопытное обстоятельство, что лангобарды при своемъ вторженіи въ сѣверную Италію не встрѣтили значительныхъ препятствій; только за стѣнами укрѣпленныхъ городовъ, которыхъ брать лангобарды не были въ состояніи, спасалось сельское населеніе отъ варварскаго нашествія. Поэтому занятіе Италіи направлялось узкой полосой, сначала по долинѣ рѣки По, потомъ, минуя Равенну, къ юго-западу. Римъ и Неаполь остались подъ властью Византіи, въ средней Италіи главнымъ опорнымъ пунктомъ ихъ власти было Сполето, а на югѣ Беневентъ. Первыми городами, захваченными лангобардами, были Фріуль (Forum Julii) и нѣсколько южнѣй Аквилея. Успѣхи завоеванія ничѣмъ не нарушались, и уже лѣтомъ 569 г. Албоинъ взялъ важный городъ будущей Ломбардіи, Ми-

ланъ, и въ то же время началъ осаду Павіи, которая оказала самое упорное сопротивленіе и сдалась лишь черезъ три года. Здѣсь лангобардскіе короли основали свою столицу.

Въ 572 г. Албоинъ былъ убитъ по проискамъ жены своей, королевы Розамунды, происходившей изъ королевскаго рода гепидовъ и взятой лангобардами въ плѣнъ. Предводители дружинъ и начальники родовъ, которыхъ было болѣе 30, избрали въ короли герцога Клефа, но и онъ правилъ не больше полутора года и въ 574 г. погибъ отъ руки убійцы. Затѣмъ болѣе 10 лѣтъ у лангобардовъ было безкоролевье; въ теченіе этого времени особенно выразились слабыя стороны государственнаго устройства этого народа. Отдѣльные герцоги желали править самостоятельно, не повинуясь центральной власти; образованныя ими герцогства не имѣли между собой связи и имѣли видъ самостоятельныхъ владѣній. Десятилѣтіе отъ смерти Клефа до избранія въ короли Автари было чрезвычайно благопріятнымъ для Византіи періодомъ, чтобы задержать движеніе лангобардовъ. Хотя имперія не воспользовалась этимъ временемъ, но все же періодъ безкоролевья оказалъ вредное вліяніе на устройство лангобардовъ въ завоеванной странѣ. Каждый герцогъ заботился о собственныхъ выгодахъ и обогащеніи на счетъ подчиненнаго населенія, общегосударственная идея отсутствовала и преобладали сепаратныя стремленія. При такихъ условіяхъ не могло быть общаго движенія противъ сильнѣйшихъ центровъ византійской власти на полуостровѣ. Правда, герцогъ беневентскій угрожалъ Неаполю, сполетскій Риму, изъ Павіи дѣлали демонстраціи противъ Равенны, но каждый изъ этихъ городовъ, будучи въ состояніи помѣряться силами съ отдѣльнымъ герцогствомъ, не устоялъ бы противъ соединенныхъ силъ всѣхъ лангобардовъ. Несмотря на благопріятныя условія, имперія не предприняла дѣйствительныхъ мѣръ къ освобожденію Италіи и дала лангобардамъ время пережить безкоролевье и сознать необходимость принятія такихъ мѣръ, которыя обезпечивали бы имъ спокойствіе въ будущемъ.

По смерти Клефа 35 герцоговъ оказались во главѣ городовъ и территорій, захваченныхъ лангобардами [1]), за исключеніемъ Сполето

---

[1]) Pauli diaconi, 11, 32. Post cuius mortem Langobardi per annos decem regem non habentes sub ducibus fuerunt. Hartmann, „Geschichte Italiens im Mittelalter“ 11; 1 Hälfte (Gotha, 1900).

и Беневента, которые еще оставались подъ властью Византіи. Въ 584 г., въ виду грозящей опасности съ сѣвера отъ франковъ, избранъ былъ королемъ сынъ Клефа Автари, при чемъ герцоги поступились въ пользу короля нѣкоторыми правами и пожертвовали на содержаніе королевскаго двора часть своихъ земель.

Теперь посмотримъ на отношенія имперіи къ событіямъ, происходившимъ въ Италіи. Въ первые годы движенія лангобардовъ Византія не имѣла въ Италіи такого главнокомандующаго, каковы были Велизарій или Нарсесъ. Представителемъ имперіи въ 567 г. былъ префектъ Лонгинъ, который не велъ оборонительной войны, по всей вѣроятности, потому, что не имѣлъ для того военныхъ средствъ. Тяжелое положеніе, въ которомъ находилась имперія вслѣдствіе набѣговъ аваровъ и по случаю войны съ персами, до извѣстной степени объясняетъ беззащитное положеніе западной границы, хотя не можетъ оправдывать громадной ошибки, допущенной византійскимъ правительствомъ почти добровольной уступкой такой важной провинціи лангобардамъ. Ошибка скоро была сознана, что видно въ принятіи исключительныхъ мѣръ къ охраненію византійскаго господства въ Италіи. Ближайшимъ слѣдствіемъ новаго порядка вещей, установившагося на полуостровѣ, было не только полное разобщеніе ея частей, но и отдѣленіе ея городовъ отъ всякихъ сношеній съ органами византійской власти въ Равеннѣ. Римъ по цѣлымъ годамъ не могъ сноситься по своимъ дѣламъ съ правительствомъ, и все, что оставалось въ средней и южной Италіи свободнымъ отъ лангобардовъ, по необходимости стало тянуть болѣе къ Риму, чѣмъ къ Византіи.

Имперія хотя и поздно, но поняла ошибку и пыталась поправить дѣло устройствомъ новаго и оригинальнаго органа власти въ Италіи. Мы говоримъ объ экзархатѣ. Происхожденіе экзархата не можетъ быть съ точностью опредѣлено. Во главѣ провинціи послѣ Лонгина и Бадуарія (575—577), которые имѣли званіе префекта, нѣкоторое время не было особо назначеннаго лица. Изъ Рима было снаряжено посольство въ Константинополь съ просьбой о помощи, но императоръ Тиверій, ссылаясь на недостатокъ войска и денегъ, отказалъ въ посылкѣ военнаго отряда и ограничился переговорами съ франкскимъ королемъ, который обѣщалъ сдѣлать на лангобардовъ нападеніе съ сѣвера. Лишь по истеченіи двухъ лѣтъ, т.-е.

въ 579 г. отправленъ былъ изъ Константинополя спеціальный военный отрядъ подъ предводительствомъ особаго военнаго начальника съ широкими полномочіями, которому были подчинены небольшіе гарнизоны, разсѣянные по городамъ Италіи. Слѣдуетъ думать, что къ этому времени относится появленіе экзархата [1]).

Первое упоминаніе объ экзархѣ находимъ отъ 584 г. въ письмѣ папы Пелагія II къ своему апокрисіарію въ Константинополѣ, діакону Григорію, будущему знаменитому папѣ того же имени. Письмо рисуетъ такъ живо тогдашнее положеніе дѣлъ въ Италіи, что его можно привести сполна [2]). Представитель папы завязалъ въ Константинополѣ сношенія при дворѣ и между высшими сановниками, пользовался покровительствомъ императрицы Константины и Маврикія, будущаго императора. Благодаря его вліянію заключено было трехлѣтнее перемиріе съ лангобардами, для чего представитель императора вступилъ въ переговоры съ королемъ Автари. Но перемиріе скоро было нарушено, и Пелагій сообщаетъ своему уполномоченному слѣдующее о происшествіяхъ въ Италіи. „Мы отправляемъ къ тебѣ съ необходимыми извѣстіями нотарія Гонората вмѣстѣ съ епископомъ Себастіаномъ, который, побывавъ въ тѣхъ мѣстахъ и въ Равеннѣ съ патриціемъ Деціемъ, можетъ сообщить тебѣ обо всемъ по личнымъ наблюденіямъ, дабы ты доложилъ императору, что найдешь возможнымъ. Бѣдствія и страданія, причиняемыя намъ клятвопреступнымъ лангобардскимъ королемъ, никто не въ состояніи выразить словами. Вмѣстѣ съ братомъ нашимъ Себастіаномъ, который имѣетъ сдѣлать докладъ императору о нуждахъ и опасностяхъ, угрожающихъ всей Италіи, постарайтесь всемѣрно принести намъ облегченіе, ибо государство (res publica) находится въ такомъ отчаянномъ положеніи, что если Господь не вдохнетъ въ сердце благочестивѣйшаго императора, чтобы онъ присущее ему милосердіе распространилъ на своихъ рабовъ и благоволилъ дать намъ облегченіе или въ лицѣ одного главнокомандующаго (magister militum) или дуки, то мы окажемся въ крайнемъ положеніи, ибо римская область совсѣмъ лишена защиты. Экзархъ же пишетъ, чтобы на него не возлагали никакой надежды, такъ какъ признается, что не въ состояніи защищать и

[1]) Hartmann, „Untersuchungen zur Geschichte der Byz. Verwaltung in Italien“. S. 8; Diehl, „Études sur l'administr. byzant. dans l'Exarchat de Ravenne“, p. 6—22.

[2]) Migne, „Patrol. Lat.“ LXXII, col. 703.

собственную область [1]). Итакъ, да внушитъ ему Господь мысль безъ замедленія оказать намъ помощь, прежде чѣмъ военная сила отвратительнѣйшаго народа не захватитъ и тѣ мѣста, которыя пока еще принадлежатъ имперіи".

Такимъ образомъ, въ 584 г. былъ уже въ Равеннѣ генералъ-губернаторъ съ титуломъ экзарха, хотя положеніе дѣлъ въ Италіи нисколько оттого не измѣнилось. Но такъ какъ дальнѣйшая исторія византійскаго господства въ Италіи стоитъ въ связи съ экзархатомъ, то здѣсь умѣстно будетъ остановить вниманіе на этомъ новомъ административномъ учрежденіи, которое не стоитъ, впрочемъ, совершенно одиноко въ системѣ устройства провинцій.

Въ лицѣ экзарха слѣдуетъ видѣть высшій чинъ византійской администраціи, большей частью въ санѣ патрикія, который въ виду исключительныхъ обстоятельствъ соединялъ въ своихъ рукахъ административную и судебную власть. Гражданская власть префекта преторіи, военная (magister militum) и судебная (judex) соединялись теперь въ рукахъ военной администраціи, и во главѣ отдѣльныхъ провинцій стояли военные чины съ титуломъ duces, а во главѣ всѣхъ военныхъ округовъ поставленъ патрикій съ именемъ экзарха, ad regendam omnem Italiam. Въ качествѣ высшей власти въ странѣ, экзархъ былъ облеченъ исключительными привилегіями по церковной, гражданской и военной администраціи и занималъ истинно-царское положеніе, пользуясь неограниченными полномочіями. Занимаемый имъ въ Равеннѣ дворецъ имѣлъ наименованіе священнаго (sacrum palatium), какъ назывались только мѣста царскаго пребыванія; при посѣщеніи Рима ему устраивалась царская встрѣча: сенатъ, духовенство и народъ въ торжественной процессіи выходили къ нему навстрѣчу за стѣны города [2]). Административные и гражданскіе акты помѣчались годомъ царствованія императора и именемъ экзарха. Его власть простиралась на всѣ проявленія общественной жизни. Онъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ, расположенныхъ въ Италіи, и всякое серьезное военное дѣло зависѣло отъ его личнаго руководства; отъ него зависѣло право войны и съ лангобардами. Въ гражданской администраціи онъ былъ высшимъ авторитетомъ по

---

[1]) Et exarchus scribit, nullum nobis posse remedium facere.

[2]) Diehl, „L'exarchat de Ravenne", p. 174, 175.

отношенію ко всему служащему персоналу, отъ него зависѣло назначеніе на должности и удаленіе съ мѣстъ военныхъ губернаторовъ (трибуны, дуки). Судебная и финансовая часть также подлежала его контролю какъ высшей и апелляціонной инстанціи. При тѣсной связи церковныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ ту эпоху, при той политической роли, какая выпадала на долю римскаго папы въ VII—VIII в., особенно важно было для исторіи византійско-итальянскихъ отношеній—какъ выразится власть экзарха относительно римскаго папы. Это наиболѣе любопытная сторона въ занимающемъ насъ вопросѣ, и мы остановимся на ней ниже.

Возвращаясь къ исторіи постепеннаго распространенія лангобардовъ по Италіи, мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что первые годы Византія не принимала никакихъ рѣшительныхъ мѣръ и ограничивалась обороной городовъ, въ которыхъ оставались небольшие гарнизоны. Первая болѣе или менѣе правильная битва дана была лангобардамъ въ 575 или 576 г., но она была проиграна греками. Слѣдствіемъ этого было дальнѣйшее распространеніе лангобардовъ въ среднюю Италію и утвержденіе ихъ въ Сполето и Беневентѣ. Такимъ образомъ, Равенна оказалась отрѣзанной отъ Рима, лангобардскія нападенія стали угрожать Риму и Неаполю; это именно положеніе дѣлъ рисуется въ письмѣ папы, приведенномъ выше.

Избраніе въ короли Автари мало измѣняло итальянскія отношенія, потому что герцоги, привыкшіе во время безкоролевья самостоятельно распоряжаться въ своихъ областяхъ, продолжали округлять доставшіяся имъ герцогства и притѣснять беззащитное римское населеніе. Большимъ успѣхомъ можно считать совершенно новый фактъ въ отношеніяхъ имперіи и лангобардовъ, случившійся при экзархѣ Смарагдѣ (585—589), именно трехлѣтнее перемиріе. Правда, имперія этимъ актомъ признавала совершившійся фактъ захвата лангобардами части ея владѣній, но, съ другой стороны, нельзя не видѣть здѣсь и перемѣну къ лучшему въ интересахъ несчастной страны, предоставленной хищническимъ опустошеніямъ страшнаго врага. Этимъ перемиріемъ король Автари воспользовался для того, чтобы положить основанія къ устройству лангобарскаго народа на новой землѣ и къ опредѣленію отношеній герцоговъ къ королевской власти. Къ тому же времени относятся первыя дипломатическія сношенія съ франкскимъ государствомъ, которое могло быть весьма

опаснымъ для лангобардовъ, если бы стало противъ нихъ дѣйствовать въ союзѣ съ императоромъ.

Въ 590 г. Автари умеръ отъ поднесеннаго ему яда; что онъ возбудилъ противъ себя много недовольства, это легко объясняется его стремленіемъ обезопасить королевскую власть противъ своеволія герцоговъ и принятыми имъ мѣрами къ защитѣ своихъ аріанскихъ подданныхъ противъ католическаго духовенства. Религіозному вопросу суждено было имѣть большое значеніе въ итальянско-византійскихъ отношеніяхъ не только потому, что лангобарды были аріанами и, слѣдовательно, еретиками съ точки зрѣнія господствовавшаго въ восточной и западной церкви ученія, но еще и потому, что въ нѣдрахъ самой православной церкви былъ расколъ, который имѣлъ свои корни въ разностяхъ воззрѣній на догматъ о божескомъ и человѣческомъ естествѣ въ Богочеловѣкѣ. Вслѣдствіе лангобардскаго завоеванія и соединенныхъ съ нимъ политическихъ перемѣнъ произошелъ переворотъ въ положеніи многихъ епископій въ особенности сѣверной Италіи, поставившій ихъ въ иныя отношенія къ Риму, чѣмъ это было прежде. Находясь въ области, занятой лангобардами, епископъ Милана и патріархъ Аквилеи съ подчиненными имъ епископіями выступили изъ непосредственной зависимости отъ римскаго епископа; независимо оттого нѣкоторые католическіе епископы оставили свои каѳедры и спаслись въ области, куда не доходили еще лангобарды, а на ихъ мѣсто вступили или аріане, или схизматики. Вслѣдствіе этого была опасность, что сѣверная Италія и въ церковномъ отношеніи отдѣлится отъ имперіи, какъ уже она отдѣлилась политически. Церковное положеніе въ странѣ занимало вниманіе византійскаго правительства и весьма глубоко затрагивало интересы римскаго епископа. Воспользоваться этимъ положеніемъ какъ политическимъ орудіемъ противъ имперіи и приготовить въ завоевателяхъ-аріанахъ опору католической церкви и итальянской народности противъ имперіи несомнѣнно было весьма дальновиднымъ и патріотическимъ предпріятіемъ, которое требовало большого ума и знанія современныхъ отношеній. Мы подходимъ къ самой интересной личности въ исторіи среднихъ вѣковъ, которая положила устои для римскаго папства и подготовила освобожденіе Италіи изъ-подъ власти имперіи.

Папа Григорій великій (590—604) есть самый крупный вырази-

тель національной идеи итальянскаго народа. Въ то время, какъ гражданская власть оказалась ниже тѣхъ требованій, какія къ ней предъявляли смутныя обстоятельства, римскій епископъ, ставъ на защиту итальянскаго народа, приготовилъ твердую почву притязаніямъ папъ на политическое главенство въ Италіи. Ко времени Григорія великаго нужно относить начало возвышенія папства, и въ этомъ отношеніи ему должно быть удѣлено въ исторіи значительное мѣсто [1]). По происхожденію своему Григорій принадлежалъ къ древней патриціанской и сенаторской фамиліи, обладалъ большими богатствами, которыя употребилъ на благотворительныя дѣла и устройство монастырей. Получивъ прекрасное образованіе и имѣвъ впереди блестящую служебную карьеру, Григорій пожертвовалъ почестями и положеніемъ своему духовному влеченію и постригся въ монахи. Папа Пелагій II оцѣнилъ его способности и послалъ его въ Константинополь своимъ нунціемъ (апокрисіарій), гдѣ онъ оставался до 584 г. Послѣ Пелагія въ 590 г. клиръ и народъ избрали Григорія на епископскую каѳедру въ Римѣ. Пока происходили сложныя формальности утвержденія этого избранія со стороны императора, Григорій по обычаямъ того времени вступилъ въ управленіе римской церковью. Постигшее за годъ передъ тѣмъ наводненіе сопровождалось большими бѣдствіями для Италіи. Вода затопила низменныя мѣстности въ сѣверной и средней Италіи, при чемъ пострадали предмѣстья города Рима и повреждены были частныя и общественныя зданія. Въ особенности чувствителенъ былъ вредъ, нанесенный церковнымъ хлѣбнымъ запасамъ. Къ стихійному бѣдствію присоединилась моровая язва, производившая большія опустошенія въ Римѣ и его окрестностяхъ. При такомъ внутреннемъ положеніи дѣлъ, отягчаемомъ постоянными внѣшними угрозами лангобардскаго нашествія, Григорій, говорятъ, былъ смущенъ въ виду тяжелой отвѣтственности и воспользовался своими связями въ Константинополѣ, чтобы ходатайствовать передъ императоромъ о неутвержденіи его избранія.

Изъ первыхъ распоряженій папы Григорія можно видѣть, какое значеніе имѣла церковь въ концѣ VI в., и какъ римскій епископъ понималъ свои обязанности. „Я не знаю, выражается онъ въ одномъ

---

[1]) О папѣ Григоріи обширная литература. Укажемъ Lau, „Gregor I nach seinem Leben“ (1845); Hartmann, „Gesch. Italiens“, II. I, S. 120. На русскомъ Ѳ. Успенскій, „Церковно-полит. дѣят. папы Григорія“ (Казань, 1901).

письмѣ, принялъ ли я на себя должность пастыря, или земного владыки". Что прежде всего обращаетъ на себя вниманіе въ дѣятельности Григорія, это общественное служеніе епископа Рима и отзывчивость его на запросы, выдвигаемые временемъ и обстоятельствами. Риму и его окрестностямъ угрожаетъ голодъ, и не было другого государственнаго учрежденія, кромѣ церкви, которое было бы въ состояніи принять на себя заботу о прокормленіи бѣдныхъ. Церковь была единственнымъ прибѣжищемъ для бѣдныхъ и голодныхъ, и на епископѣ города Рима покоились всѣ надежды. Дабы предотвратить бѣдствіе, Григорій открылъ имѣвшіеся въ церкви запасы хлѣба и вступилъ въ живыя сношенія съ управителями церковныхъ имѣній, требуя отъ нихъ немедленной присылки хлѣба. Одно изъ первыхъ его писемъ было въ Сицилію, которая была житницей Италіи, и гдѣ были значительныя церковныя имущества (патримоніи св. Петра). Сицилійскій урожай помогъ Григорію предотвратить опасность, угрожавшую его паствѣ. Король лангобардовъ Автари, предпринявшій въ 589—590 г. новое движеніе съ цѣлью округлить свое завоеваніе, побудилъ императора искать сближенія съ франкскимъ королемъ Хильдебертомъ, который своимъ вторженіемъ въ сѣверную Италію могъ нанести лангобардамъ значительный вредъ и отвлечь ихъ отъ походовъ въ среднюю Италію. Въ то же время назначеніемъ новаго экзарха Романа (589—596), которому даны были въ распоряженіе болѣе значительныя военныя средства, византійское правительство старалось заручиться союзниками и друзьями въ самой Италіи среди герцоговъ и обезопасить наиболѣе важные пункты, какъ Равенна и Римъ. При такихъ обстоятельствахъ произошла смерть Автари въ 590 г.

Довольно трудно разобраться въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть короля и вступленіе на престолъ его преемника, туринскаго герцога Агилульфа. На первый планъ выступаетъ здѣсь вдова Автари, королева Теоделинда, происходившая изъ баварскаго королевскаго дома и исповѣдывавшая католическую вѣру. Будто бы она отдала свою руку храброму Агилульфу и тѣмъ содѣйствовала избранію его въ короли. Существенное значеніе этого обстоятельства, которое вполнѣ было оцѣнено папой, заключается въ томъ, что католическая королева могла оказать вліяніе на аріанскаго короля и окружавшихъ его людей, и въ виду этихъ соображеній папа не преминулъ завязать съ ней переписку. Быть-можетъ, подъ этимъ угломъ

зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на нѣкоторую уступчивость новаго короля по отношенію къ представленіямъ экзарха Романа. Во всякомъ случаѣ, идя по этому пути, послѣдующіе папы достигли обращенія лангобардовъ къ католичеству. Но это случилось позже, предстояло еще преодолѣть множество затрудненій.

Ближайшій къ Риму герцогъ Сполето Аріульфъ въ особенности ставилъ папу въ тяжкое положеніе, угрожая сношеніямъ Рима съ Равенной и Неаполемъ и отрѣзавъ вѣчный городъ отъ остальной Италіи. Въ 592 г. собранная имъ изъ охотниковъ разнаго происхожденія дружина вступила въ римскую область и стала подъ стѣнами города. Въ городѣ не видимъ ни гражданскихъ, ни военныхъ властей, экзархъ далеко и занятъ защитой Равенны; чтобы добраться до Рима, ему нужно было воспользоваться морскими судами и обойти кругомъ всю Италію. Такимъ образомъ, обстоятельства передавали папѣ не только гражданскія, но и политическія судьбы Рима. Положеніе становилось тѣмъ опаснѣе, что были слухи о движеніи на Римъ герцога Беневента. Чтобы предотвратить опасность, папа послалъ къ герцогу Аріульфу пословъ съ предложеніемъ денежнаго откупа. Герцогъ не прочь былъ снять осаду и отступить, но ставилъ условіемъ, чтобы предложеніе папы было подтверждено подписью экзарха. Но здѣсь встрѣтились препятствія весьма деликатнаго свойства. Экзархъ не считалъ удобнымъ дать свое согласіе на актъ, къ которому папа и лангобарды пришли помимо его воли и безъ его предварительнаго разрѣшенія. Онъ полагалъ, что, давъ согласіе на заключеніе перемирія, онъ ослабитъ свое вліяніе въ Римѣ и заслужитъ нерасположеніе императора и потому не согласился на представленія папы. Въ письмѣ къ архіепископу равеннскому Григорій жалуется, что экзархъ помѣшалъ ему заключить миръ, и убѣждаетъ архіепископа употребить все свое вліяніе на экзарха, чтобы расположить его въ пользу папы. Оказывалось, что въ Римѣ не было достаточнаго гарнизона, и что не кому было защищать стѣны.

Осенью 593 г. Римъ снова подвергся осадѣ и на этотъ разъ со стороны короля. Повторились тѣ же сцены, которыя были при осадѣ города въ прошедшемъ году. „Наши напасти увеличились до чрезмѣрности, говорилъ папа въ своей проповѣди: со всѣхъ сторонъ мы окружены мечами, со всѣхъ сторонъ намъ угрожаетъ опасность смерти. Одни приходятъ съ оторванными руками, другіе взяты въ плѣнъ“.

Въ это время Григорій сказалъ нѣсколько проповѣдей на текстъ изъ пророка Іезекіиля. Чертами современности особенно богата одна бесѣда по яркому сопоставленію тогдашняго положенія Рима съ пророчествами объ Іерусалимѣ и Самаріи [1]). Приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ этой бесѣды.

„Какая же остается намъ въ семъ мірѣ отрада? Вездѣ видимъ печаль, всюду раздаются стоны. Города разрушены, крѣпости срыты, поля опустошены, земля обращена въ пустыню. На поляхъ не осталось колоновъ, въ городахъ нѣтъ жителей, и тѣ малые остатки, которые еще мы видимъ, каждодневно и неослабно терпятъ новыя пораженія. Небесные бичи разятъ безъ конца, ибо еще не уничтожили грѣховности нашей. На нашихъ глазахъ однихъ берутъ въ плѣнъ, другихъ увѣчатъ, иныхъ убиваютъ. Какая же отрада дана намъ въ сей жизни? Но если даже такой міръ мы любимъ, то, значитъ, мы любимъ не радости, но раны. Посмотримъ, что сталось съ Римомъ, бывшей владычицей вселенной. Многообразно удрученный различными страданіями, разореніемъ гражданъ, утѣсненіемъ варваровъ, частыми опустошеніями, онъ испыталъ все то, что пророкъ Іезекіиль говорилъ о Самаріи (XXIV, 4, 5, 10, 11). Котелъ былъ поставленъ тогда, когда былъ основанъ этотъ городъ; тогда въ него налита вода, и собраны въ немъ куски, когда отовсюду стекались въ него народы, которые, какъ горячая вода, подверглись кипѣнію въ мировыхъ событіяхъ и разварились въ кипяткѣ подобно кускамъ мяса. Объ этомъ прекрасно сказано: вскипѣлъ котелъ, и разварились въ немъ кости, ибо сначала сильно бурлила въ немъ погоня за славой, но потомъ пропала и сама слава вмѣстѣ съ тѣми, которые гонялись за ней. Подъ костями разумѣются сильные земли, подъ мясомъ народъ, ибо какъ костями держится мясо, такъ вельможами слабость народа. Но теперь у него отняты всѣ сильные міра, ибо кости переварились, и народа больше нѣтъ, ибо мясо распустилось. Гдѣ сенатъ, гдѣ народъ? Растопились кости, распустилось мясо, погасъ весь блескъ гражданскихъ достоинствъ, уничтожился весь составъ его. И мы немногіе, которые еще влачимъ жалкое существованіе, находимся подъ постояннымъ опасеніемъ то меча, то разнообразныхъ страданій. Поставь, сказано, пустой котелъ на уголья. Ибо при отсут-

[1]) Migne, „Patr. lat.“, LXXIV, 1010 (lib. 11, hom. VI); Gregorovius, „Geschichte der Stadt Rom“, II. S. 42—45.

ствіи сената гибнетъ народъ, и среди немногихъ оставшихся ежедневно увеличиваются скорбь и плачъ, такъ переживаетъ послѣдніе дни опустѣвшій Римъ [1]). Но что говорить о людяхъ, когда на нашихъ глазахъ разрушаются самыя зданія. Куда дѣвались тѣ, которые нѣкогда гордились его блескомъ? Гдѣ ихъ роскошь, гдѣ ихъ гордость, гдѣ постоянная радость и чрезмѣрная веселость?"

Агилульфъ осаждалъ городъ, вѣроятно, безъ особаго напряженія и не взялъ его. Папа организовалъ защиту изъ гражданъ, самъ входилъ на стѣны и видѣлъ своими глазами, какъ римлянъ цѣлыми толпами отправляли на продажу въ Галлію. Онъ не могъ ожидать помощи ни изъ Византіи, ни изъ Равенны и началъ вести переговоры о мирѣ опять отъ своего имени. Но какъ вопросъ шелъ не только о снятіи осады съ Рима, но и объ общемъ мирѣ, то потребовалось согласіе экзарха. Встрѣчая и на этотъ разъ упорное сопротивленіе къ утвержденію такъ желаннаго мира, мы не иначе можемъ объяснять дѣйствія экзарха, какъ ревнивымъ охраненіемъ правъ. Весьма вѣроятно, что онъ заподозрилъ дѣйствія Григорія и въ глазахъ императора, который написалъ папѣ укорительное письмо, порицая его за непринятіе нѣкоторыхъ мѣръ къ защитѣ города. Папа отвѣчалъ почтительно, но съ достоинствомъ: „когда дѣло идетъ объ Италіи, я бы просилъ ваше величество смотрѣть на дѣла, а не склонять слухъ къ внушеніямъ другихъ. Впрочемъ, я болѣе надѣюсь на милосердіе Іисуса, чѣмъ на твое правосудіе".

Хотя война продолжалась и послѣ того, какъ Агилульфъ, получивъ окупъ, снялъ осаду съ Рима, но папа употреблялъ всѣ мѣры и передъ императоромъ и передъ лангобардскимъ королемъ, чтобы заключить окончательный миръ. Ему удалось достигнуть, что прежній экзархъ былъ отозванъ, а новый былъ уступчивѣй на его представленія. Миръ съ лангобардами заключенъ былъ, наконецъ, въ 599 г.; благодарственныя письма Григорія къ Равеннскому архіепископу и королевѣ Теоделиндѣ показывали, что этотъ миръ состоялся вслѣдствіе вліянія на Агилульфа названныхъ лицъ. Договаривающіяся стороны были, съ одной стороны, лангобардскій король и его герцоги, съ другой, византійскій намѣстникъ въ Равеннѣ (Каллиникъ). Когда дѣло дошло до подписанія договора, лангобардскій

---

[1]) Iam vacua ardet Roma.

король изъявилъ желаніе, чтобы и Григорій приложилъ свою подпись. Моментъ характерный для сужденія о томъ, какъ смотрѣли на римскаго епископа въ Италіи. Но тогда папы еще помнили границу между свѣтскою и духовною властью, еще не было теоріи о соединеніи въ лицѣ папы двухъ этихъ властей, не извѣстенъ былъ принципъ двухъ мечей въ рукахъ папы... и Григорій отказался отъ подписи договора.

Престолъ св. Петра занималъ первое мѣсто между западными епископскими каѳедрами. Даже восточные епископы, хотя не безъ оговорокъ, признавали за нимъ первое право чести. Когда константинопольскій патріархъ принялъ титулъ вселенскаго, Григорій прямо высказался противъ него, утверждая, что такой титулъ еще приличенъ былъ бы римскому епископу, но что онъ не желаетъ носить его изъ боязни оскорбить другихъ патріарховъ. Но если право чести и усвоялось римской каѳедрѣ, съ этимъ далеко не соединялось мысли о томъ, чтобы римскому епископу принадлежало право рѣшенія вопросовъ вѣры и суда надъ другими епископами. Тѣмъ не менѣе, въ VII вѣкъ входитъ папская власть съ готовыми уже задатками главенства въ западномъ христіанскомъ мірѣ въ вопросахъ вѣры и церковной дисциплины. Эта теорія выработана Григоріемъ въ отношеніяхъ его къ равеннскому и миланскому архіепископамъ; она основывалась, однако, не на каноническихъ правилахъ, но на личности самого Григорія и почетѣ, которымъ онъ по справедливости пользовался между своими собратьями. Но, во всякомъ случаѣ, первыя завоеванія римскій престолъ имѣлъ въ собственной Италіи, гдѣ мѣстные епископы, бѣдные и приниженные вслѣдствіе лангобардскаго завоеванія, не могли равняться по силѣ и значенію съ римскимъ епископомъ. Семь сѣверныхъ провинцій, напримѣръ, были подчинены въ церковномъ отношеніи миланскому архіепископу. Но когда лангобарды взяли Миланъ, архіепископъ бѣжалъ въ Геную и не только самъ нуждался въ поддержкѣ, но и его паства получала новыхъ епископовъ и священниковъ изъ Рима. Равеннскій архіепископъ, правда, пользовался нѣкоторыми привилегіями, но его епархія ограничивалась иногда только стѣнами города. Вообще, бѣдствія времени побуждали итальянцевъ соединяться тѣснѣе около епископа, а почетнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ между ними безспорно былъ римскій.

Въ Римѣ и вообще въ греческой Италіи Григорій пользовался высшимъ значеніемъ, чѣмъ императорскіе чиновники. Со времени паденія остготскаго владычества, общественная жизнь въ городахъ во многомъ измѣнилась. Въ Римѣ не встрѣчаемъ ни консуловъ, ни сената, ни публичныхъ игръ, съ чѣмъ связывались воспоминанія о минувшемъ императорскомъ времени. Угасли значительные древніе роды, разорились крупные землевладѣльцы. Повѣяло другимъ, новымъ для Рима направленіемъ: церковные вопросы стали занимать людей, интересующихся вообще какими-нибудь вопросами, церковные праздники смѣняютъ народныя празднества старой поры. Общество искало опоры, мирнаго убѣжища противъ бѣдъ и насилій: церковь открыла нуждающимся такое убѣжище. Тѣ массы бѣднаго люда, которыя имѣли право требовать panem et circenses, и требованіе которыхъ удовлетворялось спеціально для того назначенными лицами и учрежденіями, и теперь еще болѣе нуждались въ прокормленіи, но общество не могло ничѣмъ помочь имъ. Сокровища церкви и щедрость епископа оставались единственнымъ источникомъ, изъ котораго съ избыткомъ получали нуждавшіеся. Въ притворахъ церквей, въ оградахъ монастырей въ воскресные и праздничные дни бѣдные получали пищу и одежду изъ рукъ чиновниковъ папы. Ворота города открыты были для больныхъ, лишенныхъ крова и пищи, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія лангобардовъ, въ Римѣ принимали ихъ, лѣчили и кормили. Такимъ образомъ, тѣсныя обстоятельства времени должны были сблизить римское населеніе съ ихъ епископомъ; со времени Григорія епископскій престолъ принимаетъ значеніе національнаго учрежденія. Римскій епископъ не былъ еще свѣтскимъ властителемъ, но былъ уже крупнымъ собственникомъ-землевладѣльцемъ. Его патримоніи или земли, приписанныя престолу св. Петра, находились въ южной Италіи, Сициліи, Далмаціи; въ особенности же ему принадлежало много владѣній, составлявшихъ прежде ager Romanus. Земли его были населены и обрабатываемы колонами. Управленіе ихъ поручалось духовнымъ лицамъ, которыя имѣли право суда и надзора за хозяйствомъ, подлежали строгой отчетности по сбору податей и доставкѣ ихъ въ Римъ. Переписка папы съ управителями его патримоній заслуживаетъ полнаго вниманія того, кто имѣлъ бы въ виду заняться состояніемъ земле-

дѣльческаго класса въ это время [1]). Земля обрабатывалась колонами, прикрѣпленными къ участку и платившими оброкъ деньгами или натурой. Отсюда-то получалъ папа ежегодно денежныя суммы и хлѣбные запасы, которыми онъ снабжалъ римское населеніе во время продолжительныхъ осадъ, выкупалъ плѣнныхъ и платилъ выкупъ лангобардамъ. Сфера вліянія папы не ограничивалась церковными дѣлами. Судебная и финансовая система, господствовавшая въ Италіи, при безконтрольности со стороны центральнаго правительства, открывала легкую возможность къ злоупотребленію и насилію. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли экзархъ контролировать дѣйствія судей или сборщиковъ податей въ средней и южной Италіи, могъ ли ограждать населеніе противъ своеволія военной власти, которая между тѣмъ въ бурную эпоху лангобардскаго нашествія должна была получить преобладающее значеніе? Стоитъ обратить вниманіе на нѣкоторыя черты дѣятельности Григорія внѣ города Рима и именно по соотвѣтствію съ тѣми правами, какія даны были Прагматической санкціей Юстиніана. Римскій епископъ имѣлъ полную возможность знать, что дѣлается во всѣхъ концахъ Италіи.

Правители патримоній доносили ему не только о хозяйственныхъ дѣлахъ, но и о состояніи страны, въ которой находилась патримонія. Мѣстные епископы, находившіеся въ подчиненіи отъ Рима по церковнымъ дѣламъ, были также и вѣрными исполнителями желаній и порученій папы; они даже находились въ нѣкоторой зависимости отъ правителей патримоній [2]).

Само собою разумѣется, гдѣ можно было, онъ дѣйствовалъ на гражданскіе чины чрезъ мѣстнаго епископа, на экзарха—черезъ равеннскаго архіепископа; но были при этомъ затрудненія деликатнаго свойства, гдѣ Григорію по совѣсти необходимо было вмѣшаться, но гдѣ по практикѣ и обычаю считалось неумѣстнымъ его вмѣшательство. Таковы всѣ вопросы внутренняго управленія: судъ, сборъ податей и др., исключавшіе непосредственное участіе въ нихъ духовной власти. Но Григорій не останавливался на этомъ затрудненіи и на-

---

[1]) Gregorovius, „Geschichte der Stadt Rom", II. S. 59—60.

[2]) Epist. IV, 24. Такъ, папа поручаетъ діакону Григорію: propterea experientiae tuae praecipimus ut de vita et actibus ipsius (рѣчь идетъ объ епископѣ) subtili indagatione studeat perscrutari... ad nos eum cum scriptis tuis de his, quae in veritate cognoveris, omni modo sub competenti cautela transmitte.

шелъ средства распространить нравственное вліяніе на дѣйствія правителей провинцій. Если же кто не обращалъ вниманія на предостереженія, Григорій жаловался на того прямо константинопольскому двору [1]). Въ этомъ отношеніи нравственный контроль его простирался на отдаленныя провинціи, какъ Африка, на правителей острововъ Сардиніи и Корсики. Иногда Григорій обращался съ обличеніемъ прямо къ обвиненному передъ нимъ лицу. Такъ, проконсулъ Италіи присвоилъ себѣ хлѣбные запасы, собранные въ Неаполѣ: Григорій указываетъ ему неприличіе его поступка. Нельзя не сказать, что папа Григорій стоялъ въ этомъ отношеніи на той степени нравственнаго могущества и умѣренной осторожности, которую можно поставить въ образецъ епископамъ всѣхъ временъ. Тѣмъ не менѣе, Григорій былъ первый папа [2]), положившій основаніе свѣтской власти римскаго престола; въ его дѣятельности лежитъ зерно раздѣленія восточной и западной церкви. Что касается перваго, то политически образованные изъ преемниковъ Григорія любили ссылаться на его письма, на разнообразные способы вмѣшательства его въ дѣятельность свѣтской власти и выводили изъ нихъ правило и историческую основу для своихъ притязаній, игнорируя то обстоятельство, что широта дѣятельности Григорія обусловливалась временнымъ положеніемъ Италіи и общимъ уваженіемъ, которое стяжалъ себѣ этотъ епископъ. Что касается второго, напомнимъ слѣдующія обстоятельства. Трудно въ настоящее время съ убѣдительностью доказывать положеніе, что церковный вопросъ былъ прямою причиной раздѣленія церквей. Не вѣроученіе, а тотъ или другой патріархатъ, тотъ или другой новообращенный народъ возбуждаютъ самую горячую вражду и служатъ поводомъ къ обличеніямъ. Въ спорахъ о вѣроученіи восточный патріархъ и римскій епископъ еще могли бы согласиться; но съ ними всегда соединялись непорѣшенные владѣльческіе вопросы: то объ Иллирикѣ, то о Далмаціи, то о Моравіи или Болгаріи. Западная церковь дѣлаетъ завоеванія въ германскомъ мірѣ, и римскій епископъ становится духовной главой его; восточная въ соотвѣтствующей мѣрѣ въ славянскомъ (и турецко-татарскомъ) мірѣ. Разные историческіе пути уже обусловливались различіемъ въ стремленіяхъ этихъ двухъ церквей и національностей.

---

[1]) Весьма любопытно письмо къ императрицѣ Констанціи. Ep. IV, 33.

[2]) Въ первый разъ титулъ папа приложенъ къ римскому епископу въ 510 г. епископомъ Эннодіемъ.

До Григорія римскій епископъ имѣлъ еще мѣстное значеніе, неоспоримыя права его простирались только на десять провинцій его діоцеза. Въ сѣверной Италіи его права оспаривали равеннскій, миланскій и аквилейскій архіепископы. Мы видѣли, что при лангобардахъ эти духовные властители должны были уступить Григорію. Послѣдній, кромѣ того, шагнулъ далеко за границы Италіи, когда онъ обратилъ въ христіанство вестготовъ въ Испаніи, англосаксовъ въ Британіи и когда затѣмъ получилъ возможность назначать епископовъ и въ лангобардскія земли.

Чтобы не выступать изъ хронологическихъ рамокъ времени Григорія Великаго, мы должны еще остановить вниманіе на титулѣ „вселенскій“, по отношенію къ константинопольскому епископу, въ первый разъ начавшемъ входить въ практику въ это время. Само собой разумѣется, вопросъ о титулѣ „вселенскій“ получаетъ важное историческое значеніе лишь въ связи съ притязаніями на главенство въ христіанскомъ мірѣ, какія начинаютъ обнаруживаться въ отношеніяхъ между восточной и западной церковью. Какъ видно было выше, ко времени папы Григорія относятся первыя попытки въ этомъ смыслѣ, послужившія для продолжателей его политики основаніями къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ восточной церкви. Въ этомъ смыслѣ важенъ и споръ о титулѣ „вселенскій“. Онъ возникъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ, которыя уже и сами по себѣ характеризуютъ противоположность воззрѣній на западѣ и востокѣ на основныя права римскаго и константинопольскаго епископа. Еще въ послѣдніе годы папы Пелагія II константинопольскій патріархъ Іоаннъ IV Постникъ (582—595) составилъ въ 587 г. соборъ для обсужденія жалобъ на антіохійскаго патріарха Григорія, на которомъ, между прочимъ, слѣланы были и другія постановленія. Засѣданія этого собора подали поводъ къ неудовольствіямъ со стороны римскаго епископа, который не хотѣлъ согласиться съ нѣкоторыми рѣшеніями собора, между прочимъ, и потому, что константинопольскій епископъ усвоилъ себѣ на этомъ соборѣ титулъ вселенскаго (*οἰκουμενικός*). Хотя за смертію Пелагія и вступленіемъ на римскую каѳедру папы Григорія дѣло о титулѣ не имѣло на этотъ разъ дальнѣйшаго движенія, но черезъ пять лѣтъ оно поднялось снова по случаю обращенія въ Римъ, какъ къ высшей судебной инстанціи по церковнымъ дѣламъ, клириковъ восточной церкви. Папа принялъ жалобы и удовлетво-

рилъ ихъ на помѣстномъ соборѣ, признавъ неправильными постановленія константинопольскаго патріаршаго суда. Въ перепискѣ по этому дѣлу снова выдвинулся вопросъ о титулѣ, и папа энергично протестовалъ въ письмѣ къ императору противъ гордости патріарха, рѣшившагося именовать себя вселенскимъ. „Сколько зависитъ отъ меня, писалъ Григорій, я всегда желаю и остаюсь въ повиновеніи волѣ государя. Но теперь не мое личное дѣло, а Божіе. Не я одинъ, но вся церковь возмущена. Благочестивые законы, честные соборы, самыя заповѣди Христа нарушены чрезъ присвоеніе горделиваго и пышнаго нѣкотораго слова“. Теоретическая сторона всего спора, имѣющая значеніе исключительно съ точки зрѣнія римскаго главенства въ христіанской церкви [1]), которому, повидимому, угрожали притязанія константинопольскаго патріарха, насколько они поддерживались императоромъ, не можетъ особенно интересовать насъ, такъ какъ всѣ основанія, приводимыя той и другой стороной въ этомъ спорѣ, находились въ непримиримомъ противорѣчіи, а римская точка зрѣнія опиралась на то положеніе, что только апостолъ Петръ и его преемники на римскомъ престолѣ могли бы усвоить себѣ это наименованіе, и что незаконное примѣненіе этого титула къ епископу Константинополя обозначаетъ только желаніе присвоить себѣ монархическую власть въ церкви. Несмотря на крайне горячую защиту своей точки зрѣнія передъ императоромъ и восточными патріархами, въ которыхъ онъ думалъ найти союзниковъ противъ константинопольскаго патріарха, въ концѣ концовъ, Григорій не выигралъ спора съ Іоанномъ IV Постникомъ. При жизни послѣдняго, не прерывая съ нимъ оффиціальныхъ сношеній, папа запретилъ только своему представителю въ Константинополѣ служить литургіи вмѣстѣ съ патріархомъ, а при преемникѣ Іоанна, патріархѣ Киріакѣ (595—606), отношенія еще болѣе обострились, такъ что нѣкоторое время папа не посылалъ въ Константинополь своего представителя.

Хотя споръ о титулѣ не привелъ къ разрыву между Римомъ и Константинополемъ, но значительно охладилъ отношенія императора къ папѣ. Это сказывалось не только въ церковной политикѣ, но отражалось на всемъ строѣ тогдашнихъ государственныхъ отношеній. Дѣятельная роль, выпавшая на долю епископа Рима въ перегово-

---

1) Разборъ вопроса въ книгѣ Успенскаго, „Церковно-политич. дѣятельность папы Григорія“, 208 и сл.

рахъ съ лангобардскимъ королемъ, затронула экзарха, который и безъ того не могъ равнодушно смотрѣть на политическую роль папы. Въ Равеннѣ и Римѣ образовались враждебныя политическія теченія, которыя тѣмъ болѣе вредили интересамъ имперіи, что они не составляли тайны для лангобардовъ. Король Агилульфъ, оставивъ пока среднюю Италію, угрожалъ движеніемъ на югъ, и въ 596 г. вмѣстѣ съ герцогами Сполето и Беневента дѣйствительно сталъ производить опустошенія въ Кампаніи и выражалъ намѣреніе напасть на Сицилію и Корсику, гдѣ находились богатыя патримоніи римскаго престола, и откуда папа получалъ самыя важныя матеріальныя средства. Въ виду этого обстоятельства самыя завѣтныя желанія папы заключались въ установленіи прочнаго соглашенія съ лангобардами, чего онъ и достигъ при посредствѣ королевы Теоделинды въ 598 и въ 603 годахъ.

Въ самомъ началѣ VII в. смѣнились главные дѣятели изложенныхъ выше событій. Константинопольская военная революція 602 г. сопровождалась трагической смертью царя Маврикія и вступленіемъ на престолъ Фоки, который не раздѣлялъ ревнивыхъ опасеній своего предшественника по отношенію къ римскому престолу; черезъ два года сошелъ съ міровой сцены папа Григорій, хотя и не достигнувъ осуществленія своихъ притязаній, но приготовивъ для своихъ преемниковъ необходимыя для успѣха средства. Письма папы Григорія къ Фокѣ, которыми онъ привѣтствовалъ совершившійся переворотъ, слишкомъ характерны, чтобы вполнѣ обойти ихъ. „Слава въ вышнихъ Богу, писалъ Григорій; да веселятся небеса и да торжествуетъ земля. Весь народъ, доселѣ сильно удрученный, да возрадуется о вашихъ благорасположенныхъ дѣяніяхъ“ [1]). И какая злая иронія могла продиктовать нижеслѣдующія слова въ томъ же письмѣ: „пусть каждый наслаждается свободой подъ ярмомъ твоей имперіи. Ибо въ этомъ и состоитъ различіе между властителями другихъ народовъ и императорами, что первые господствуютъ надъ рабами, императоры же римскаго государства повелѣваютъ свободными!“ Можно думать, что къ льстивымъ заявленіямъ не остался глухъ императоръ Фока; въ 607 г. онъ разрѣшилъ спорный вопросъ о титулѣ въ пользу преемника Григорія великаго, папы Бонифація III. Декретомъ импе-

[1]) Migne, LXXVII „Epistol.“, lib. XIII, epist. XXXI.

ратора апостольскій римскій престолъ признанъ главой всѣхъ церквей и весьма вѣроятно, что тогда же патріарху запрещено было подписываться на оффиціальныхъ актахъ титуломъ вселенскій.

Въ VII в. въ Италіи началъ складываться такой порядокъ вещей, при которомъ становилось возможнымъ сожительство итальянцевъ съ лангобардскими завоевателями, хотя византійское правительство не отказывалось отъ надежды на возвращеніе всей Италіи подъ власть имперіи. Родственныя связи, установившіяся посредствомъ браковъ между лангобардскими королями и баварскими герцогами, позволили папамъ войти въ непосредственныя сношенія съ аріанствующими лангобардами и вліять на ихъ политику. Католичество стало дѣлать успѣхи среди аріанъ, и въ городахъ стали появляться католическіе епископы рядомъ съ аріанскими. Римскіе епископы не только пріобрѣтали нравственное вліяніе на всю Италію—лангобардскую и византійскую, но и скрѣпляли своимъ авторитетомъ два враждебные элемента—побѣдителей и побѣжденныхъ. Въ то время, какъ церковная власть постепенно дѣлала прочныя завоеванія въ странѣ, императорское правительство, дѣйствовавшее чрезъ своихъ представителей въ Италіи, экзарховъ Равенны, рядомъ политическихъ ошибокъ вызвало полное охлажденіе итальянцевъ къ Византіи. Главный интересъ изученія лангобардской и греческой Италіи въ эту эпоху сосредоточивается на выясненіи двухъ положеній: какимъ путемъ постепенно эмансипируется епископъ Рима отъ власти императора, и какими средствами онъ надѣялся вести борьбу съ представителемъ его авторитета экзархомъ, и, съ другой стороны, какія условія вызвали паденіе византійскаго вліянія въ Италіи, несмотря на то, что политическія обстоятельства должны были бы скрѣплять Италію съ Константинополемъ, такъ какъ южная Италія подверглась иммиграціи со стороны греческаго элемента.

Отдаленность Равенны отъ Константинополя, трудность сношеній между Италіей и Византіей, въ особенности, когда море стало не безопасно отъ арабскихъ корсаровъ, имѣли большое значеніе въ развитіи дальнѣйшей исторіи экзархата. Хотя императоры не оставляли на слишкомъ продолжительный періодъ власть экзарха въ рукахъ одного и того же лица, тѣмъ не менѣе, обширныя полномочія, какими былъ надѣленъ экзархъ, и значительныя военныя силы, бывшія въ его распоряженіи, нерѣдко давали этимъ представителямъ высшей власти въ

странѣ соблазнительный поводъ къ открытому бунту противъ носителей императорской власти. Элементовъ недовольства въ Италіи было достаточно и въ клирѣ, и въ военномъ сословіи, и въ народѣ, обремененномъ реквизиціями, враждебными набѣгами непріятелей и податями. Попытки возстанія и отдѣленія Италіи обнаруживаются во время Ираклія, въ 616 и послѣдующихъ годахъ. Прежде всего признаки недовольства обнаружились въ войскѣ. Неправильности въ раздачѣ жалованья были причиной военнаго бунта, онъ разросся однако, до такой степени, что окончился насильственной смертью экзарха Іоанна. Вновь назначенный экзархъ Елевѳерій долженъ былъ заняться усмиреніемъ мятежа, но и онъ нашелъ положеніе дѣлъ весьма благопріятнымъ для большой политической авантюры и, не довольствуясь отложеніемъ отъ Византіи, захотѣлъ возстановить западную Римскую имперію, со столицей въ Римѣ. Вѣроятно, по соглашенію съ епископомъ Рима, Елевѳерій направлялся уже въ вѣчный городъ, чтобы короноваться отъ руки римскаго епископа, но на дорогѣ былъ убитъ собственными солдатами. Это былъ первый случай, послѣ паденія Западной имперіи, возстановленія теоріи имперіи на западѣ, которую имѣлъ воскресить Карлъ Великій. Послѣ Елевѳерія новое движеніе было поднято въ 642 г., при экзархѣ Исаакѣ хартуларіемъ Маврикіемъ, который наложилъ руку на церковныя имущества въ Римѣ и получилъ богатыя средства на содержаніе значительной партіи приверженцевъ. Онъ собиралъ присягу на вѣрность и распространялъ слухъ, что экзархъ объявилъ себя независимымъ. Движеніе было усмирено военной силой. Но скоро затѣмъ, въ 650 г., новый экзархъ Олимпій повторилъ попытку Елевѳерія возстановить имперію на западѣ. Это послѣднее возстаніе стоитъ въ связи съ церковнымъ споромъ при императорѣ Константѣ II. Олимпій имѣлъ порученіе сломить упорство папы Мартина I и принудить его подчиниться волѣ императора, выраженной въ изданномъ имъ Типѣ. Но экзархъ, взвѣсивъ положеніе дѣлъ и опираясь на авторитетъ римскаго епископа, объявилъ себя независимымъ. До Константинополя доходили тревожные слухи объ отпаденіи Италіи, о бунтѣ папы и экзарха, и требовалось принятіе экстренныхъ мѣръ, чтобы спасти эту провинцію. Два года Олимпій самостоятельно управлялъ итальянскими дѣлами, и только смерть его избавила имперію отъ опасности совершенно потерять свой авторитетъ въ Италіи.

Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, получаетъ важное значеніе рѣшеніе императора Константа перенести столицу на западъ и принять на себя лично наблюденіе за событіями въ Италіи. На востокѣ эта мысль не пользовалась сочувствіемъ, и византійскіе греки никакъ не могли признать правильной такую политику, которая бы видѣла центръ тяжести міровыхъ событій не на Востокѣ, а на Западѣ. Немногіе въ VII в. понимали политическое значеніе мусульманства, и начало арабскихъ завоеваній на сушѣ и морѣ многимъ казалось не внушающимъ серьезныхъ опасеній. На самомъ же дѣлѣ, арабскій вопросъ поднимался тогда уже во всей грозной силѣ, и ни одинъ изъ прежнихъ враговъ имперіи не представлялъ такой опасности для Востока, какъ арабы. Въ то время, какъ арабы постепенно завоевали Сирію, Палестину, Египетъ и начали угрожать островамъ и южной Италіи, положеніе Константинополя дѣлалось все болѣе и болѣе изолированнымъ, въ своихъ военныхъ и финансовыхъ средствахъ онъ сталъ въ зависимости болѣе отъ запада, чѣмъ отъ востока. Съ этой точки зрѣнія, въ попыткѣ Константа перенести свое пребываніе на Западъ, мы должны усматривать разумный государственный разсчетъ, находящій для себя объясненіе въ томъ, что Константинополь скоро будетъ нуждаться въ помощи извнѣ, и что Западъ скорѣе можетъ дать такую помощь, чѣмъ истощенный войной и порабощенный арабами Востокъ. Лангобардскій вопросъ въ Италіи становился, такимъ образомъ, на первый планъ. Нельзя также не принять въ соображеніе и того обстоятельства, что, находясь въ Италіи съ флотомъ и съ достаточными военными силами, императоръ легче могъ слѣдить за арабами и принимать своевременныя мѣры къ обузданію ихъ.

Въ 663 г. императоръ Константъ, несмотря на серьезный протестъ въ Константинополѣ, отправился въ Аѳины, гдѣ провелъ зиму, лѣтомъ посѣтилъ Римъ, наконецъ, поселился въ Сиракузахъ, гдѣ и жилъ до самой своей смерти (668). Любопытно взглянуть, осуществима ли была теперь задача изгнанія изъ Италіи лангобардовъ и возстановленія на сѣверѣ ея старыхъ границъ имперіи. Къ этому времени итальянскія отношенія представлялись въ слѣдующемъ видѣ. Новый король Ротари, избранный въ 636 г., былъ женатъ на Гундебергѣ, дочери Теоделинды, и, слѣдовательно, былъ доступенъ черезъ свою супругу вліяніямъ со стороны Рима. Но лѣтопись отмѣчаетъ,

что король и королева не были между собой въ согласіи по политическимъ вопросамъ, и что отношеніе Ротари къ римскому населенію и католической церкви далеко не отличалось благорасположеніемъ. Хотя Ротари былъ искреннимъ аріаниномъ, онъ не нашелъ нужнымъ начать борьбу съ католической церковью, тѣмъ болѣе, что какъ-разъ на это время падаетъ ожесточенная религіозная вражда между папой и императоромъ. Важнѣе внутренняя дѣятельность Ротари. Задачей каждаго лангобардскаго короля, сознававшаго себя окрѣпшимъ на престолѣ, была борьба съ герцогскою властью, которая ослабляла лангобардовъ и мѣшала національной политикѣ королей. Пока герцоги имѣли право вести самостоятельную политику и вступать въ отдѣльныя соглашенія съ франками, съ экзархомъ и съ римскимъ папой, до тѣхъ поръ короли лишены были возможности выступить истинными національными государями лангобардовъ. Дѣятельность Ротари въ этомъ отношеніи характеризуется опредѣленными чертами устроителя государства и строгаго блюстителя справедливости. Съ безпощадной строгостью относился онъ къ тѣмъ герцогамъ, которые стояли на дорогѣ къ осуществленію его политическихъ плановъ. Указывается, какъ на выразительный примѣръ достигнутыхъ имъ въ этомъ отношеніи результатовъ, на то, что даже герцогъ беневентскій, который былъ сильнѣе всѣхъ герцоговъ и управлялъ на югѣ почти самостоятельно,—и онъ послалъ въ Павію своего сына, чтобы получить отъ короля согласіе на передачу ему герцогской власти.

Самымъ выразительнымъ актомъ времени короля Ротари служитъ его эдиктъ, изданный въ 643 г. Это—первый актъ лангобардскаго законодательства на римской почвѣ, составленный на основаніи обычнаго права. Извѣстно, что ни одинъ германскій народъ не былъ такъ исключителенъ въ ревнивомъ охраненіи своихъ народныхъ правъ и въ противоположеніи своей народности къ побѣжденнымъ. Законъ, изданный Ротари, совершенно не признаетъ римскаго населенія, среди котораго утвердились лангобарды [1]). Цѣль его, какъ и другихъ народныхъ законовъ, изданныхъ въ завоеванныхъ германцами земляхъ,—защита слабыхъ противъ сильныхъ и установленіе

[1]) „Edictum Rotharis“, ed. Bluhme, „Mon. Germ.“. Разборъ эдикта: Hegel, „Gesch. der Städteverfassung in Italien“, I. S. 386; Brunner, „Deutsche Rechtsgesch.“, I; Hartmann, „Gesch. Italiens“, II, 2, 1. Kap.

такого общественнаго порядка, при которомъ бы каждый жилъ подъ защитой закона и мирно пользовался принадлежащимъ ему имуществомъ. Важность закона состоитъ въ томъ, что онъ смѣло и открыто выставляетъ правовыя нормы лангобардскаго населенія и противопоставляетъ ихъ римскому праву. Законъ написанъ на латинскомъ языкѣ, и въ нѣкоторыхъ его опредѣленіяхъ проявляется уже вліяніе римской культуры. По взгляду закона есть только одинъ народъ, господствующій въ странѣ, на правахъ воина, землевладѣльца и господина; это лангобарды. Римляне не имѣютъ ни личныхъ, ни имущественныхъ правъ, все городское и сельское населеніе разсматривается на положеніи рабовъ или полусвободныхъ. Въ письмахъ папы Григорія указывается, какъ плѣнные римляне толпами были уводимы на продажу въ рабство. Во всемъ законѣ только разъ упоминается имя римлянинъ, и то примѣнительно къ женщинѣ, впавшей въ блудодѣяніе [1],—до такой степени лангобардское право было нетерпимо къ чуждой національности. Ясно, что при завоеваніи Италіи мѣстное населеніе лишено было личныхъ и имущественныхъ правъ, и только съ теченіемъ времени римляне, вслѣдствіе особенной королевской милости и при условіи полнаго отреченія отъ прежней національности, могли быть возвышаемы до свободнаго состоянія. Характерный признакъ цѣны лица по древнему праву—вира назначена по закону Ротари только за лангобарда, римлянинъ не имѣетъ виры. Полноправный, благородный лангобардъ отличается особеннымъ преимуществомъ—правомъ военной службы. Съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, онъ есть землевладѣлецъ, такъ какъ весь государственный строй исходитъ изъ того основного положенія, что лангобардъ, завоевавшій своимъ мечомъ землю, имѣетъ право на эту землю, и такъ какъ, съ другой стороны, военная служба остается и на будущее время его обязанностью, то онъ не самъ занимается обработкой земли, а имѣетъ для этой цѣли подчиненное населеніе, сидящее на его участкѣ и занятое его обработкой. Но едва ли было бы справедливо утвержденіе, что съ лангобардскимъ завоеваніемъ значительно ухудшилось положеніе сельскаго населенія. Во всякомъ случаѣ, рядомъ съ извѣстіями о жалкомъ состояніи завоеваннаго населенія, встрѣчаются и другія, по которымъ римское населеніе уходило на земли, занятыя

[1]) „Edictum", § 194. „Si quis cum ancilla gentili fornicatus fuerit, componat domino eius solidos XX, et si cum Romana XII sol.".

лангобардами, чтобы избавиться отъ вымогательства и непосильныхъ поборовъ со стороны византійскихъ чиновниковъ.

Итальянскіе города при лангобардахъ имѣли значеніе не какъ самостоятельныя общины, но какъ резиденціи королей и герцоговъ; центромъ администраціи и суда дѣлаются королевскіе дворы (curtes regiae), городское населеніе становится смѣшаннымъ, управленіе переходитъ къ лангобардскимъ поселенцамъ. Постепенная смѣна римскихъ именъ германскими замѣтна при сравненіи извѣстій Григорія Турскаго и Павла Діакона; у перваго встрѣчаемъ между историческими дѣятелями только римскія имена, у послѣдняго римляне упоминаются весьма рѣдко, и то между духовными лицами.

Лангобардскій законъ оставляетъ, однако, для римскаго населенія возможность нѣкоторыхъ средствъ къ измѣненію безправнаго положенія. Такъ, купцы и откупившіеся на волю получали равныя съ побѣдителями гражданскія права. Браки лангобардовъ съ римлянами,—при чемъ римлянка возводилась въ свободное состояніе,—должны были значительно ослабить суровыя постановленія закона и способствовать къ уравненію побѣжденныхъ съ побѣдителями. Культурныя преимущества, предпріимчивость и трудолюбіе были на сторонѣ римскаго населенія и, во всякомъ случаѣ, давали ему средства къ успѣшной конкурренціи съ лангобардами. На этомъ пути могъ совершаться медленный процессъ возстановленія нарушенныхъ завоеваніемъ правъ. Не менѣе важными нужно признать военныя дѣла Ротари. Онъ, повидимому, лучше своихъ предшественниковъ понялъ, что лангобардамъ нельзя останавливаться на полдорогѣ, что положеніе ихъ въ Италіи далеко не прочно. Прежде всего онъ предпринялъ движеніе за Апеннины съ цѣлью округленія своихъ владѣній на сѣверѣ и установленія болѣе правильной границы съ франкскимъ королевствомъ. Сдѣланныя на сѣверѣ пріобрѣтенія онъ не отдалъ, однако, въ управленіе кому-либо изъ герцоговъ, какова была прежняя система, а присоединилъ къ королевскимъ владѣніямъ. Точно также онъ распространилъ свои владѣнія по направленію къ Равеннѣ, нанеся здѣсь византійскимъ войскамъ сильное пораженіе, въ которомъ осталось на полѣ сраженія 8 тысячъ труповъ. Почти въ то же время замѣчается наступательное движеніе противъ имперіи въ южной Италіи изъ Беневента, гдѣ герцоги Радоальдъ и преемникъ его Гримоальдъ начали также наступательную войну про-

тивъ имперіи изъ Беневента. Здѣсь были отняты у Византіи Сорренто и Салерно (646 г.), и имперія стремилась заключить съ лангобардами перемиріе, отказавшись отъ упомянутыхъ городовъ. Послѣ смерти короля Ротари, въ 652 г., пользуясь смутами, происшедшими въ Павіи изъ-за королевскаго достоинства, могущественный беневентскій герцогъ Гримоальдъ умертвилъ гороля Гарибальда и овладѣлъ королевскимъ трономъ (662 г.). Чтобы придать видъ законности своему насильственному поступку, Гримоальдъ женился на дочери убитаго имъ короля. Но никто, впрочемъ, не смѣлъ оспаривать у него власти, такъ какъ соединенныя въ однѣхъ рукахъ земли королевства и беневентскаго герцогства равнялись половинѣ всѣхъ лангобардскихъ владѣній въ Италіи. Такимъ образомъ, во время Гримоальда положеніе лангобардовъ въ завоеванной странѣ совершенно измѣнилось; на сѣверѣ и на югѣ находившіеся подъ византійскимъ господствомъ города и области подверглись крайнему стѣсненію. Требовалась экстренная мѣра, чтобы спасти экзархатъ и зависѣвшія отъ него провинціи.

Въ 662 г. византійскій царь, вопреки волѣ сената и народа, препобѣдивъ множество затрудненій, отправился, какъ говорено выше, изъ Константинополя на Западъ. Въ столицѣ осталась царица съ дѣтьми; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, ихъ задержали въ качествѣ заложниковъ. Братъ Константа, Ѳеодосій, постриженный по его приказанію въ церковный санъ, былъ убитъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ. На пути въ Италію, которая была цѣлью путешествія, императоръ посѣтилъ Аѳины, гдѣ провелъ зимніе мѣсяцы. Весной 663 г. мы находимъ, однако, Константа на югѣ Италіи занятымъ дѣятельными приготовленіями къ войнѣ. Во власти грековъ оставались здѣсь лишь приморскіе города, которыхъ лангобарды не могли брать, потому что не имѣли флота. Кромѣ Тарента, гдѣ высадился Константъ, подъ властью его оставались Неаполь, Амальфи, Сорренто, Гаета, находившіеся въ постоянной опасности быть захваченными отрядами могущественнаго герцога Беневента. Какъ-разъ въ это время Гримоальдъ былъ на сѣверѣ, въ своихъ королевскихъ земляхъ, а въ Беневентѣ оставался сынъ его Ромуальдъ, что было весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ для успѣха задуманнаго императоромъ предпріятія. Онъ, дѣйствительно, захватилъ нѣсколько принадлежавшихъ лангобардамъ мѣстъ и приблизился къ Беневенту, гдѣ ему

оказано было, однако, упорное сопротивленіе. Получивъ извѣстіе о происшествіяхъ на югѣ, Гримоальдъ поспѣшилъ на защиту своего герцогства и побудилъ Константа отступить отъ Беневента. Чтобы защитить себя противъ неожиданныхъ нападеній съ тыла, императоръ оставилъ 20-титысячный отрядъ на сѣверѣ отъ Неаполя, въ Форміи, и предпринялъ путешествіе въ Римъ.

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ прекрасной книги Грегоровіуса, „Исторія города Рима" [1]), въ которой дана всесторонняя оцѣнка этому событію. „Со времени Одоакра здѣсь не бывало императора, здѣсь между развалинами оставался лишь епископъ или папа,—безспорный въ то время представитель латинскаго народа во всей Италіи. Константъ постоянно находился если не въ открытой борьбѣ, то въ глубокомъ несогласіи съ римской церковью, которая уже испытала отъ него много огорченій и оскорбленій. И церковь имѣла основанія бояться его: явись онъ сюда послѣ подчиненія Беневента какъ побѣдитель, она первая испытала бы тяжкія послѣдствія. Счастьемъ для нея было, что онъ прибылъ не какъ побѣдитель. „Книга [2]) римскихъ епископовъ" сохранила церемоніалъ пріема этого императора. „Уже у шестого камня за городомъ, отмѣчавшаго мили, императора встрѣтили папа, духовенство и представители города съ крестами, знаменами и свѣчами. Виталіанъ не имѣлъ высокаго мужества Амвросія, который воспретилъ великому Ѳеодосію вступить на ступени миланскаго храма за то, что онъ запятнанъ былъ кровью страшно наказанныхъ бунтовщиковъ. Но онъ не могъ не вспомнить при видѣ Константа о насильственной смерти, причиненной родному брату, о голодной смерти папы Мартина, о мученической смерти исповѣдника Максима. Въ торжественной процессіи императоръ вступилъ въ Римъ; это было въ среду, 5 іюля 663 г. Нужно думать, что онъ шелъ по Via Appia и, слѣдовательно, черезъ porta Sebastiana и далѣе къ церкви Св. Петра, какъ это сдѣлалъ король Ѳеодорихъ при своемъ вступленіи въ Римъ. Затѣмъ, онъ поселился въ старомъ дворцѣ цесарей. Какъ ни былъ запущенъ этотъ дворецъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, еще былъ возможенъ для обитанія, ибо въ немъ жилъ дука города Рима. Въ слѣдующую субботу

[1]) Gregorovius, II. S. 150 squ.

[2]) „Liber pontificalis ecclesiae Romanae", ed. Duchesne. Paris, 1886.

былъ императоръ въ базиликѣ S. Maria Maggiore и сдѣлалъ ей приношеніе, въ воскресенье ходилъ въ торжественной процессіи въ храмъ св. Петра, гдѣ былъ встрѣченъ клиромъ и папой. Здѣсь папа предложилъ угощеніе, и Константъ возложилъ на алтарь шитый золотомъ паллій. Въ слѣдующую субботу посѣтилъ Латеранъ, гдѣ взялъ ванну, и обѣдалъ въ базиликѣ Юлія".

Можно весьма пожалѣть, что не осталось никакихъ извѣстій о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ Римъ на императора, ни въ частности о томъ состояніи, въ какомъ находились въ VII вѣкѣ памятники вѣчнаго города. Но вотъ что читается далѣе у Грегоровіуса. „Греческаго императора едва ли занимали меланхолическія соображенія о судьбѣ столицы міра. Напротивъ, бросивъ бѣглый взглядъ любопытства на груду развалинъ вѣчнаго города, составлявшую его собственность, онъ открылъ между ними, къ своему удовольствію, нѣкоторые предметы, могущіе удовлетворить его алчность. На улицахъ и площадяхъ стояло еще много бронзовыхъ статуй, которыя видѣлъ въ свое время Прокопій, и которыхъ византійцы тщательно разыскивали и въ запертыхъ храмахъ. Папа показалъ своему гостю пантеонъ, императорскій даръ церкви, Константъ посмотрѣлъ на его кровлю, блистающую позолоченной бронзой, и отдалъ приказаніе нагрузить эти драгоцѣнныя плиты на свои корабли. Тяжело ему было отказаться отъ золотыхъ пластинокъ на кровлѣ Св. Петра, которыми воспользоваться помѣшало ему или благоговѣніе къ базиликѣ, или страхъ возбудить въ Римѣ возмущеніе. Только 12 дней оставался онъ въ Римѣ, и этого времени было достаточно, чтобы лишить городъ его послѣднихъ античныхъ сокровищъ. Превосходная конная статуя Марка Аврелія изъ позолоченной бронзы чудомъ спаслась отъ жадности Константа. Она находилась на латеранскомъ полѣ, къ востоку отъ базилики. Въ день своего отбытія императоръ слушалъ литургію на гробѣ апостола, затѣмъ простился съ папой и ушелъ на корабляхъ, нагруженныхъ добычей, въ Неаполь. Но награбленными древностями не удалось воспользоваться ни ему, ни его столицѣ. Въ Сиракузахъ, гдѣ Константъ проживалъ послѣдніе годы своей жизни, на островѣ Ортигіи, и куда стекались значительныя богатства изъ южной Италіи и изъ Африки, онъ былъ убитъ подкупленнымъ рабомъ въ банѣ. Впослѣдствіи оставшіяся здѣсь сокровища и предметы искусства разграблены были сарацинами".

Мрачная картина царскаго посѣщенія города Рима, сопровождавшагося расхищеніемъ остававшихся еще памятниковъ искусства, должна была оставить сильное впечатлѣніе въ населеніи Италіи, для котораго на Римѣ сосредоточивались всѣ политическія надежды. Для всякаго, кто могъ хладнокровно обсуждать положеніе дѣлъ, становилось ясно, что изъ Константинополя нельзя ожидать помощи, и что нужно искать спасенія здѣсь же, въ Италіи. — Оставляя пока дальнѣйшую исторію итальянско-византійскихъ отношеній, въ заключеніе настоящей главы укажемъ еще на одинъ живой элементъ, который, организовавшись и усилившись при содѣйствіи римскаго епископа, впослѣдствіи оказалъ значительное вліяніе на освободительное движеніе въ странѣ, — разумѣемъ городскую милицію. Не входя въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ могли сохраниться слѣды муниципальной жизни до среднихъ вѣковъ, ограничимся слѣдующими наблюденіями. Въ исторіи развитія городской римской общины слѣдуетъ дѣлать различіе между собственно куріей и выдѣлившимся изъ нея богатымъ классомъ гражданъ. Зажиточные люди, высвобождаясь отъ вліянія куріи, образовали, рядомъ съ ней, новый элементъ городского общества, отличаемый отъ куріи, какъ honorati и possessores. Въ періодъ борьбы съ лангобардами, когда итальянскіе города нерѣдко должны были собственными средствами защищать себя противъ набѣговъ варваровъ, само городское общество организовало защиту. Хотя послѣ Агилульфа не видимъ общаго движенія лангобардовъ къ новымъ захватамъ въ Италіи, тѣмъ не менѣе, военное положеніе не прекращалось, и опасность продолжала угрожать и внутри и внѣ, именно отъ арабовъ. Около половины VII в., въ главнѣйшихъ городахъ Италіи замѣтно присутствіе новой силы, городской милиціи, которая обнаруживается всякій разъ, когда городу угрожаетъ опасность со стороны экзарха или другихъ чиновниковъ изъ Византіи,—доказательство, что эта милиція образовалась не по правительственному распоряженію, но для защиты мѣстныхъ интересовъ. Впрочемъ, въ Византіи сначала даже могли благопріятствовать этому, потому что императорское правительство освобождалось такимъ образомъ отъ обязанности дѣлить свои скудныя военныя силы и направляло ихъ исключительно на Востокъ. Организація милиціи не могла принадлежать безсильной куріи, въ военномъ дѣлѣ главнымъ образомъ принимаютъ участіе упомянутые honorati и posses-

sores, которые какъ сами начинають носить оружіе (primates militiae), такъ и нанимать охотниковъ. Въ VII в. милиція заявляетъ себя во внутреннихъ отношеніяхъ города, ближайше—въ выборахъ папъ; первый случай такого рода относится къ 685 г. Понятно, что городское войско должно было, по отношенію къ византійскимъ чиновникамъ, держаться не въ подчиненіи; напротивъ, оно охраняло интересы города противъ нарушителей и по самой сущности было враждебно византійской власти. Недовѣріе Византіи, выразившееся въ репрессивныхъ мѣрахъ по отношенію къ выборамъ епископа, давало городской милиціи случай заявить свои симпатіи. Съ 686 г. на папскомъ престолѣ видимъ то сирійцевъ, то грековъ, посаженныхъ несомнѣнно противъ желанія римскаго населенія; и каждый выборъ ведетъ за собою рядъ столкновеній между городскимъ населеніемъ и экзархомъ. Съ 687 г. до 701 г. на престолѣ св. Петра сидѣлъ Сергій I. При немъ византійскіе богословы постановили на трулльскомъ соборѣ рядъ правилъ, обязательныхъ для церковнаго благочинія и практики. Протоколы собора присланы были для подписи и къ Сергію. Когда папа отказался скрѣпить постановленія трулльскаго собора и ввести ихъ въ подвѣдомственной ему церкви, императоръ Юстиніанъ II приказалъ своему уполномоченному схватить папу и представить въ Константинополь. Но когда въ Италіи узнали о намѣреніяхъ императора, то милиціи городовъ Равенны, Пентаполя и др. собрались къ Риму, чтобы не позволить императорскому послу нанести оскорбленія папѣ. Тщетно протоспаѳарій Захарія приказывалъ запереть ворота, для спасенія жизни онъ убѣжалъ въ Латеранъ и скрылся въ спальнѣ папы. Милиція окружила папскій дворецъ и — будь на то согласіе Сергія I — умертвила бы императорскаго посла. Но папа обезпечилъ ему безопасный выходъ, и Захарія при громкомъ смѣхѣ и шуткахъ толпы долженъ былъ удалиться изъ Рима. Такой фактъ, конечно, имѣетъ важное значеніе въ исторіи папъ и Италіи: онъ показываетъ, какъ дорого было для итальянцевъ лицо, занимающее римскій престолъ, и какая опасная для Византіи сила образовалась въ милиціи.

Тѣмъ не менѣе, Византія продолжала оскорблять національное чувство итальянцевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживать слабость своихъ силъ, когда слѣдовало настойчиво поддержать притязанія. Еще у ней оставалось средство оберегать свою власть въ Италіи назна-

ченіемъ на римскій епископатъ лицъ иностраннаго происхожденія, чѣмъ и пользуется она въ концѣ VII и началѣ VIII в. Еще можно было запугать итальянцевъ лангобардами; но какой для Византіи оборотъ могли получить дѣла, если на престолѣ папскомъ будетъ сидѣть лицо римскаго происхожденія, если притомъ папа будетъ поставленъ въ необходимость предпочесть союзъ съ лангобардами, къ тому времени уже обращенными въ католичество.

Въ такомъ видѣ складывались итальянскія отношенія къ концу VII вѣка.



Глава VI.

Славяне въ VII и въ началѣ VIII в. Утвержденіе болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ.

Къ сожалѣнію, и въ началѣ VIII в., какъ въ половинѣ VII-го, событія юго-восточной Европы очень блѣдно представлены въ исторіографіи, такъ что мы должны во многихъ случаяхъ руководиться догадками и домыслами. Для VII в. характернымъ фактомъ является безпредѣльное распространеніе славянъ по Европѣ, по островамъ Архипелага и по Малой Азіи, которому до сихъ поръ не подыскано надлежащаго объясненія, и которое мало выяснено по его ближайшимъ послѣдствіямъ. Въ то время какъ на западной окраинѣ славянства возникаетъ сказаніе о героическомъ Само, положившемъ начало государственнаго объединенія у чехо-мораванъ и словаковъ, на южной окраинѣ наблюдаемъ утвержденіе славянъ въ Далмаціи, въ Истріи и въ Ѳессаліи, а на юго-востокѣ происходитъ чрезвычайно сильный толчекъ со стороны болгарской орды, которая перешла за Дунай и основала свое господство среди славянскихъ племенъ, колонизовавшихъ провинцію Мизію. Всѣ эти явленія среди славянскаго міра падаютъ приблизительно на половину VII в., и можно думать, что онѣ находятся между собой въ нѣкоторой причинной связи. Не можетъ возбуждать сомнѣнія лишь тотъ фактъ, что на всѣхъ территоріяхъ, занятыхъ славянами, было старое населеніе, значительно затронутое греко-римской культурой и христіанскимъ просвѣщеніемъ, и что занятіе этихъ областей требовало отъ славянъ значительнаго напряженія силъ и извѣстной организаціи. Но въ борьбѣ съ новыми условіями, найденными славянами въ указанныхъ мѣстахъ разселенія, ихъ ожидали такія затрудненія, какія превышали ихъ матеріальныя силы. Чтобы стать на высотѣ тѣхъ задачъ, которыя предъявлены

были славянамъ условіями сосѣдства и требованіями культурной жизни, имъ необходимо было сгруппироваться въ племенные союзы и положить начатки государственной организаціи. Но этотъ процессъ совершался у славянъ слишкомъ медленно, и въ большинствѣ случаевъ начатки государственнаго объединенія происходили подъ дѣйствіемъ причинъ, вызываемыхъ внѣшнимъ завоеваніемъ.

Такимъ образомъ, наиболѣе важнымъ фактомъ въ исторіи славянъ VII в., независимо отъ условій и обстоятельствъ ихъ разселенія, слѣдуетъ признать утвержденіе болгарской орды на югѣ отъ Дуная и основаніе здѣсь болгарскаго государства. Въ послѣдніе годы вопросъ о переселеніи болгарской орды угро-финнскаго происхожденія сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія со стороны различныхъ ученыхъ. Вопросу былъ приданъ живой интересъ находкой надписи въ Болгаріи, въ которой найденъ былъ ключъ къ выясненію хронологіи древнихъ болгарскихъ хановъ. Именно, въ самомъ концѣ надписи, остававшійся до сихъ поръ непонятнымъ хронологическій болгарскій терминъ поставленъ въ соотношеніе съ византійскимъ индиктомъ [1]), что и дало возможность открыть загадку хронологіи [2]).

И независимо отъ сказаннаго, переходъ болгарской орды на югъ отъ Дуная, давъ совершенно новое направленіе исторіи славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, вызываетъ къ себѣ особенное вниманіе и по ближайшимъ послѣдствіямъ, которыми оно сопровождалось. Хотя извѣстія объ этомъ переходѣ довольно скудны, но изъ нихъ все же можно вывести нѣкоторыя положительныя данныя. Аспарухъ или Есперикъ, съ котораго начинается новая эра исторіи болгаръ, и которому первому посчастливилось указать одной изъ частей великой орды, новыя поселенія на южной сторонѣ Дуная, принадлежитъ къ VII вѣку. По новѣйшимъ вычисленіямъ дату перехода болгаръ за Дунай слѣдуетъ нѣсколько передвинуть и вмѣсто принятаго доселѣ 679 года принять 659—660 г. [3]). Что касается вопроса о томъ, можно ли Аспаруха разсматривать какъ сына Кровата или Курвата, здѣсь окончательное рѣшеніе будетъ зависѣть отъ того, можно ли имя Кро-

---

1) Надпись такъ называемая чаталарская („Извѣстія Института", X, стр. 546).

2) Bury, „The Chronological Cycle of the Bulgarians" („Byz. Z.", B. XIX, s. 127; Marquardt. „Извѣстія Института", т. XV.

3) Bury, „Byz. Z.", XIX, I, 137.

ватъ сближать съ полулегендарнымъ именемъ Куртъ, находящимся въ знаменитомъ перечнѣ древнихъ хановъ. Кроватъ или Курватъ есть несомнѣнное историческое лицо, смерть котораго отнесена къ царствованію Константина II (642—668) [1]), слѣдовательно, и переселеніе части болгарской орды подъ предводительствомъ Аспаруха падаетъ на то же царствованіе, согласно тѣмъ хронологическимъ даннымъ, которыя черпаются изъ хронологическаго перечня хановъ. Первый подлинный фактъ, съ которымъ мы встрѣчаемся послѣ передвиженія орды Аспаруха, есть занятіе имъ укрѣпленнаго лагеря близь устьевъ Дуная; дѣйствительное мѣсто нахожденія этого лагеря, однако, до сихъ поръ не можетъ считаться окончательно установленнымъ. Занятая Аспарухомъ мѣстность описана у греческаго писателя Ѳеофана не совсѣмъ точно и притомъ названа не по географическому положенію, а терминомъ, взятымъ изъ болгарскаго языка [2]). Нѣкоторые передаютъ это наименованіе словомъ „уголъ“, но трудность пониманія нисколько не облегчается при подобной подстановкѣ слова. Можетъ-быть, всего вѣроятнѣй искать объясненія въ турецко-татарскомъ словѣ „аулъ“, но при этомъ устранялась бы всякая идея географическаго обозначенія занятой болгарской ордой мѣстности. Нельзя слишкомъ много настаивать и на томъ, что эта мѣстность была болотиста, такъ какъ кочевой конный народъ не могъ считать себя безопаснымъ въ болотистой и слишкомъ ограниченной тѣсными предѣлами мѣстности [3]). Нужно поэтому допустить, что слѣды укрѣпленія близь Исакчи, гдѣ нынѣ находится село Николицель, указываютъ мѣстонахожденіе перваго лагеря или аула, служившаго первымъ опорнымъ пунктомъ болгаръ по переходѣ ихъ за Дунай въ 659—60 г. [4]). Точно также слѣдуетъ отказаться отъ мысли искать въ другомъ какомъ мѣстѣ Переяславца, т.-е. древней столицы болгарскихъ хановъ, какъ только въ мѣстности близъ Исакчи. Самое имя Переяславецъ или Преслава, появившееся со времени русскихъ походовъ на Дунай, не туземнаго происхожденія и заимствовано изъ греческихъ терминовъ *ὑπέῤφημον* и *πάνφημον*, каковыми обозначены въ

[1]) Theoph., p. 357.

[2]) Theoph., 358: τὸν Ὄγλον καταλαβὼν βορειοτέρους τοῦ Δανουβίου ποταμοὺς μεταξὺ τούτων κἀκείνων ᾤκησεν.

[3]) Проф. Златарскій, „Період. списаніе“, кн. 63, стр. 326—327.

[4]) „Извѣстія Русскаго Археологич. Института“, X, стр. 517, 558.

тырновской надписи Омортага древнія столицы болгаръ. И болгарское слово Ὄγλος, въ концѣ концовъ, должно быть въ родствѣ съ упомянутыми греческими и русскими терминами.

Ближайшія окрестности занятой болгарами мѣстности были въ то время заселены славянскими племенами, вслѣдствіе чего имперія оставила нѣкоторое время безъ надлежащаго отпора совершившійся фактъ. Но такъ какъ болгаре начали дѣлать набѣги на окрестныя поселенія, то императоръ Константинъ IV Погонатъ (668—685), съ которымъ и начинается собственно исторія болгарскаго княжества за Дунаемъ, предпринялъ противъ нихъ походъ. По этому случаю въ первый разъ упоминается о ѳемахъ, какъ существенной части военной организаціи имперіи. Императоръ приказалъ переправить во Ѳракію малоазіатскія ѳемы и, снарядивъ флотъ, двинулъ на болгаръ морскія и сухопутныя силы. Хотя во главѣ всего предпріятія былъ самъ царь Константинъ, но успѣхъ далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Оказалось, что болгаръ нельзя было достать за ихъ укрѣпленіями; сами же они не рѣшались выступить въ открытый бой съ огромною византійской ратью. Черезъ нѣсколько дней императоръ по случаю болѣзни ногъ долженъ былъ отправиться въ Месимврію для пользованія тамошними купаньями, предоставивъ продолженіе военныхъ операцій подчиненнымъ стратигамъ. Это обстоятельство было истолковано болгарами въ смыслѣ слабости и трусости передъ ними со стороны грековъ и такъ ободрило ихъ, что они вышли изъ своихъ укрѣпленій и нанесли императорскому войску много вреда. Въ высшей степени, однако, сомнительно, чтобы дальнѣйшій шагъ къ завладѣнію всей предбалканской Болгаріей сдѣланъ былъ болгарами такъ скоро, какъ это изложено у историка Ѳеофана. Первой задачей болгаръ было, конечно, подчиненіе независимыхъ славянскихъ племенъ въ предбалканской Болгаріи и защита своихъ границъ. На югѣ въ особенности слѣдовало укрѣпить балканскіе проходы и обезопасить себя со стороны имперіи. Согласно этой цѣли племя сѣверяне поселено было у прохода Берегава или Рашкаго для защиты и наблюденія самой важной позиціи; другія племена защищали южныя и западныя границы со стороны аварскаго царства. Что касается аварскаго каганата, имѣвшаго расположеніе между Дунаемъ и Тиссой, то онъ былъ къ тому времени значительно ослабленъ двоякимъ движеніемъ среди славянъ въ VII в.:

со стороны Кувера въ Македоніи и со стороны Само въ Чехіи и Словакіи.

Дальнѣйшимъ шагомъ къ утвержденію болгаръ на Балканахъ было основаніе ими хринга или укрѣпленнаго аула по близости отъ Шумлы, въ мѣстности Абоба. Остатки этого укрѣпленія, въ которомъ была столица болгарскихъ хановъ, прежде основанія ими новой столицы при самой подошвѣ Балканскихъ горъ въ такъ называемой Великой Преславѣ (около 821 г.) сдѣлались предметомъ подробнаго изученія со стороны Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ [1]) и бросили обильный свѣтъ на славянскія древности. Но прежде, чѣмъ сообщить результаты сдѣланныхъ наблюденій надъ раскрытой раскопками Института болгарской столицей, проведемъ нѣсколько дальше внѣшнюю исторію болгарскаго ханства. Преемники Аспаруха до конца VII в., имя которыхъ не сохранилось въ древнемъ перечнѣ, очень хорошо поняли необходимость передвиженія отъ береговъ Дуная къ югу и, укрѣпившись на обширной равнинѣ, представлявшей большія удобства для содержанія и пастбища коней, начали, по выраженію византійскаго лѣтописца, шириться и надменно относиться къ сосѣдямъ и грабить и подчинять себѣ принадлежавшія имперіи селенія и крѣпости. Чтобы обезопасить себя противъ новыхъ сосѣдей, которые начали угрожать своими наѣздами ѳракійскимъ городамъ, имперія принуждена была согласиться платить болгарамъ ежегодную дань (679 г.) Въ царствованіе Юстиніана II (685—695) отношенія Византии къ болгарамъ становятся такъ серьезны, что отражаются на общей политикѣ имперіи: болгарская орда перестаетъ имѣть мѣстное значеніе, болгарскій вопросъ сливается со славянскимъ и въ этомъ смыслѣ пріобрѣтаетъ громадный политическій интересъ. Юстиніанъ отказалъ въ выдачѣ болгарамъ дани и рѣшился начать съ ними войну, для чего перевелъ изъ Азіи кавалерійскіе полки, такъ какъ сила болгаръ заключалась въ конницѣ. Но что обращаетъ на себя особенное вниманіе, это широкій театръ военныхъ дѣйствій, который обнимаетъ предпріятіе Юстиніана и ближайшія послѣдствія его похода. Прежде всего военныя дѣйствія простираются на болгарское становище у Шумлы; по всей вѣроятности, болгаре встрѣтили византійское войско у подошвы

---

[1]) „Извѣстія", т. X. Абоба-Плиска съ альбомомъ.

Балканскихъ горъ и были отражены Юстиніаномъ. Но на этомъ дѣло не окончилось. Походъ продолжался въ Македонію до города Солуня, т.-е. направленъ былъ противъ славянскихъ племенъ, которыя тогда уже стояли въ политическомъ союзѣ съ болгарами и обязаны были служить въ военной службѣ у хана. При этомъ лѣтописецъ передаетъ весьма любопытный фактъ, что византійское правительство воспользовалось этимъ походомъ, между прочимъ, для того, чтобы вывести славянскую колонію въ Малую Азію, предоставивъ славянамъ свободныя мѣста въ ѳемѣ Опсикій. Но на возвратномъ пути изъ похода противъ болгаръ Юстиніанъ былъ окруженъ ими въ балканскихъ проходахъ и могъ спастись лишь съ большими потерями въ сопровождавшемъ его отрядѣ. Это происходило въ 688 г.

На основаніи данныхъ, заключающихся въ житіи св. Димитрія Солунскаго, можно заключить, что въ VII в. у византійцевъ была въ употребленіи особая система приглашенія на службу славянскихъ охотниковъ или принятія въ подданство цѣлыхъ племенъ, которымъ предоставлялась извѣстнаго рода внутренняя самостоятельность въ рѣшеніи ихъ дѣлъ подъ начальствомъ или ихъ собственнаго, или назначеннаго правительствомъ племенного старшины или князя. Такія славянскія поселенія имѣли специальную задачу исполнять военную службу съ пожалованныхъ правительствомъ земельныхъ участковъ. Первыя упоминанія о славянскихъ колоніяхъ въ Малой Азіи находимъ даже ранѣе утвержденія болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ: печать съ греческой надписью о славянской колоніи въ Виѳиніи, находящаяся въ коллекціяхъ Русскаг° Археологическаго Института, должна быть относима къ 650 г., а этимъ памятникомъ утверждается тотъ фактъ, что виѳинскіе славяне ставили военныхъ людей на службу имперіи [1]) (рис. 84).

Выше было указано, что правительство не одинъ разъ основывало въ Малой Азіи большія славянскія поселенія. Хотя имѣется извѣстіе, будто Юстиніанъ перебилъ оставшихся въ ѳемѣ Опсикій славянъ, но дальнѣйшія событія показываютъ, что здѣсь сохранились славяне. Въ 710 г. Юстиніанъ во вторичное свое царствованіе опирается, главнымъ образомъ, на иноземные элементы. Такъ, онъ призываетъ на помощь болгарскаго хана Тервеля, который привелъ съ собой 3 ты-

---

[1]) „Извѣстія Русскаго Археологич. Института“, т. VIII, стр. 28 и сл.

сячи болгаръ и славянъ и, переправившись въ Азію, вошелъ въ связь съ войскомъ Опсикія [1]). Можно догадываться, что въ Опсикіи и тогда были родственные прибывшему изъ Болгаріи войску элементы. Со времени Юстиніана намѣчаются также въ общихъ чертахъ дальнѣйшіе успѣхи болгарскаго развитія. Именно Юстиніанъ, лишенный престола, снова пріобрѣтаетъ власть благодаря заключенному имъ политическому союзу съ болгарскимъ ханомъ Тервелемъ и родственному союзу съ хазарскимъ ханомъ, на сестрѣ котораго Юстиніанъ былъ женатъ. Особенно заслуживаютъ вниманія сношенія

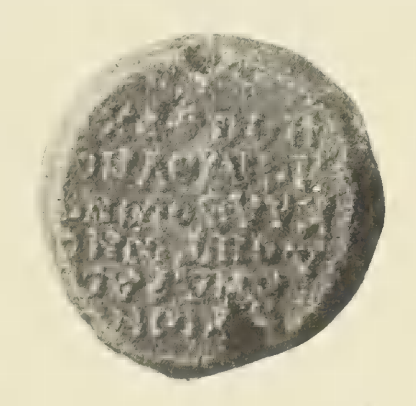



Рис. 84. Древнѣйшій славянскій моливдовулъ.

съ Тервелемъ, у котораго Юстиніанъ искалъ убѣжища послѣ бѣгства своего изъ Херсона и потомъ изъ Фанагоріи. Въ то время (ок. 705 г.) столицей Болгаріи было уже укрѣпленіе близь Шумлы, ханъ Тервель владѣлъ уже значительными землями, и болгарамъ принадлежали нѣкоторые балканскіе проходы, которыми они пользовались для своихъ набѣговъ на ѳракійскіе города. Юстиніанъ обѣщалъ Тервелю большіе дары, брачный союзъ съ дочерью императора и соотвѣтственныя съ положеніемъ царскаго зятя почести и званія, если онъ согласится помочь ему возвратить престолъ. Тервель согласился на сдѣланныя ему предложенія, принялъ у себя съ честью Юстиніана и предоставилъ на службу ему большое войско изъ болгаръ и славянъ. Извѣстно, что въ началѣ 705 г. Юстиніанъ, сопутствуемый Тервелемъ, явился подъ стѣнами Константинополя, и, не прибѣгая къ штурму стѣнъ, ночью вошелъ въ городъ черезъ водопроводъ и спо-

---

[1]) Nicephori patr., p. 47, ed. De Boor.

койно занялъ Влахернскій дворецъ. Утвердившись на престолѣ, Юстиніанъ возвелъ Тервеля въ санъ кесаря, выдалъ ему дорогіе подарки, заключавшіеся въ драгоцѣнныхъ сосудахъ изъ дворца, и оказалъ ему такія почести, которыя значительно поднимали его авторитетъ между болгарами и славянами. Весьма вѣроятно, что тогда заключенъ былъ и особый договоръ, по которому болгарамъ уступлена византійская область [1]). Но черезъ три года миръ съ болгарами былъ нарушенъ. Въ 708 г. Юстиніанъ снарядилъ флотъ и конное войско и сдѣлалъ высадку при Анхіалѣ. Нанесенное здѣсь византійцамъ пораженіе характеризуется весьма выразительными чертами. Въ то время какъ византійскій флотъ стоялъ подъ Анхіаломъ, кавалерійскія части расположились въ окружающихъ равнинахъ. Не было принято никакихъ мѣръ предосторожности, какъ-будто лагерь находился не въ непріятельской странѣ, люди какъ овцы разсѣялись по полю собирать траву. Поставленные на ближайшихъ холмахъ соглядатаи донесли Тервелю о положеніи, въ какомъ находится непріятельскій станъ, и онъ приказалъ сдѣлать неожиданное нападеніе, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ. Болгаре захватили много добычи и нанесли грекамъ сильное пораженіе; самъ Юстиніанъ едва спасся съ немногими въ Анхіалѣ, откуда тайно сѣлъ на корабли и ушелъ въ Константинополь.

Несмотря на анхіальское пораженіе, Юстиніанъ до конца своего царствованія оставался съ болгарами въ союзныхъ отношеніяхъ, какъ видно изъ того обстоятельства, на которое было указано выше, что въ 710—11 г. Тервель послалъ императору на помощь трехтысячный отрядъ, который и сопровождалъ его въ Малой Азіи, пока воцареніе Филиппика-Вардана не положило конца этому безпокойному искателю приключеній, нашедшему для себя опору въ союзѣ съ хазарами и болгарами. Нужно думать, что въ княженіе Тервеля и въ соотвѣтствующій ему періодъ крайняго упадка политическаго и военнаго значенія имперіи, болгаре успѣли прочно укрѣпиться въ занятыхъ областяхъ и начали безъ помѣхи дѣлать набѣги на открытыя и незащищенныя области Ѳракіи. Такой случай описанъ подъ 712 г. [2]), когда болгаре сдѣлали опустошительный набѣгъ на имперскія обла-

---

[1]) Hamart. ed. Muralt, p. 622.

[2]) Theoph., p. 382; Niceph., p. 48.

сти, дошли до Босфора и разграбили окрестности Константинополя до самыхъ Золотыхъ воротъ. Какъ было беззащитно положеніе столицы, видно изъ того, что такой отважный набѣгъ не нашелъ отпора, и что болгаре съ награбленной добычей спокойно ушли за Балканы.

Само собою разумѣется, болгарское владычество на Балканскомъ полуостровѣ должно было затрагивать самые существенные интересы имперіи, которая не могла относиться равнодушно къ неожиданнымъ набѣгамъ и опустошеніямъ своихъ областей. Даже то обстоятельство, что хану Тервелю былъ пожалованъ санъ кесаря, не измѣнило характера отношеній между двумя сосѣдями. Передъ вступленіемъ на престолъ исаврійской династіи состоялось между болгарами и византійцами соглашеніе, имѣвшее форму договора, въ которомъ опредѣлялись на будущее время государственныя отношенія между двумя странами, и твердо обозначалась граница владѣній Болгаріи. Этого договора, который, по всей вѣроятности, былъ записанъ на каменной колоннѣ, какъ большинство послѣдующихъ соглашеній между болгарами и греками, не сохранилось, но о немъ есть упоминаніе у современнаго событіямъ писателя. Именно Ѳеофанъ, при изложеніи событій времени хана Крума подъ 813 г., замѣтилъ, что тогда былъ возобновленъ договоръ, состоявшійся при Ѳеодосіи и патріархѣ Германѣ съ Кормесіемъ, ханомъ болгаръ [1]). Сдѣлавъ нѣкоторыя исправленія къ тексту Ѳеофана, что при Ѳеодосіи III болгарами правилъ еще Тервель, а правленіе Кормесія или Кормисоша относится къ 743—759 г., мы можемъ считать совершенно реальнымъ фактомъ тѣ черты, которыя заимствуются изъ договора 715—716 г. Въ немъ шла рѣчь прежде всего, о границахъ, такъ какъ этотъ вопросъ имѣлъ самое первостепенное значеніе; затѣмъ о выдачѣ парадныхъ шелковыхъ одеждъ и тонкой красной кожи; наконецъ, объ обмѣнѣ перебѣжчиками и о допущеніи торговыхъ людей съ той и другой стороны подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они снабжались грамотами съ печатями. Не говоря о томъ, что этотъ первоначальный договоръ свидѣтельствуетъ уже о культурныхъ сношеніяхъ и предполагаетъ извѣстную степень развитія въ болгарской ордѣ или, по крайней мѣрѣ, въ правительственныхъ классахъ, мы должны особенно обратить вниманіе на то,

---

[1]) Theoph., p. 497.

что болгарская орда въ началѣ VIII вѣка была уже въ періодѣ образованія государственности, и что византійскому правительству предстояла задача постепенно ввести ее въ интересы высшей культурной жизни. Ниже мы будемъ имѣть случай возвратиться къ этому вопросу; теперь же обратимся къ анализу той статьи, которая трактовала о границахъ.

Къ сожалѣнію, эта статья обозначена слишкомъ кратко: граница идетъ во Ѳракіи отъ Милеона [1]).

Въ настоящее время весьма трудно пріурочить къ опредѣленной географической мѣстности названный здѣсь терминъ; поэтому всего проще остановиться на остаткахъ древняго вала и рва, составлявшаго границу между Болгаріей и Византіей, и называемаго у грековъ *ἡ μεγάλη σούδα*, а у болгаръ—еркесія. Этотъ ровъ и валъ, которымъ много занимались мѣстные ученые [2]), и котораго слѣды иногда наблюдаются и понынѣ, идетъ отъ Чернаго моря, начинаясь близъ Бургаса, до средняго теченія Марицы. Что касается мѣстнаго имени Милеонъ, то его пытаются видѣть въ одной изъ вершинъ Сакаръ-планины. Положеніемъ этой горы опредѣляются границы Болгаріи къ началу VIII в. Новая династія, занявшая императорскій престолъ въ 717 г., въ лицѣ Льва Исавра, продолжала наблюдать дружественныя отношенія съ болгарами. Да иначе и быть не могло въ виду тѣхъ исключительныхъ затрудненій, съ которыми нужно было бороться основателю династіи. Арабское нашествіе, соединенное съ осадою Константинополя, давало болгарамъ полную возможность свести счеты съ Византіей, но въ это время болгаре оказали имперіи громадную услугу, дѣлая набѣги на арабскій лагерь, расположенный подъ стѣнами столицы, и помогая Льву Исавру справиться со страшными врагами. Говорятъ, что болгаре истребили тогда до 22 тысячъ арабовъ. Точно также и обстоятельства заговора противъ Льва въ Солуни и Константинополѣ съ цѣлью возведенія на престолъ свергнутаго имъ императора Артемія, рисуютъ отношенія между Болгаріей и Византіей въ такомъ свѣтѣ, какъ-будто обѣ державы находились тогда въ равноправныхъ отношеніяхъ. Оказывается, что между обѣими странами поддерживаются правильныя сношенія, что греки

---

[1]) Theoph., 497, 19: αἳ (σπονδαὶ) τοὺς ὅρους περιεῖχον ἀπὸ Μηλεώνων τῆς Θράκης.

[2]) „Извѣстія“, т. X, стр. 503 и сл.; Златарскій, „Період. списаніе“, кн. 63, стр. 490; Иречекъ, „Путеш. по Болгаріи“, стр. 682.

ищутъ пріюта въ Болгаріи, и болгаре приглашаются царскимъ письмомъ „не укрывать измѣнниковъ и не нарушать добрыхъ отношеній“. Вслѣдствіе настойчивыхъ представленій изъ Константинополя ханъ выдаетъ царю Артемія и солунскаго митрополита и другихъ заговорщиковъ. Затѣмъ во весь продолжительный періодъ правленія Льва Исавра о болгарахъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Съ 719 г. по смерти Тервеля, какъ видно изъ древняго перечня болгарскихъ хановъ, были еще два княженія, не отмѣченныя никакими событіями, пока въ 743 г. не вступилъ на престолъ ханъ Кормисошъ. Его правленіе почти совпадаетъ съ царствованіемъ Константина Копронима и будетъ изложено въ слѣдующемъ томѣ.

Разсмотрѣвъ первый періодъ болгарской исторіи со времени переселенія орды Аспаруха за Дунай, мы можемъ бросить взглядъ назадъ и вывести нѣкоторыя заключенія по отношенію къ пройденному періоду. Если отправляться изъ тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя заимствуются изъ лѣтописи, то для сужденія о политическомъ, соціальномъ и административномъ состояніи болгаръ мы не имѣли бы хотя сколько-нибудь удовлетворительнаго матеріала. Но не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ Русскому Археологическому Институту въ Константинополѣ посчастливилось напасть на слѣды той стоянки или укрѣпленнаго лагеря болгаръ, который находился близъ Шумлы, и изъ котораго, по всей вѣроятности, ханъ Тервель сносился съ византійскимъ царемъ. Отсюда же болгаре простирали свои набѣги, съ одной стороны, по Ѳракіи до стѣнъ столицы, съ другой—по Македоніи до Солуни. Сдѣланныя Институтомъ наблюденія и раскопки на мѣстѣ расположенія упомянутаго лагеря раскрыли весьма важныя данныя, по которымъ можно составить ясное представленіе о болгарской ордѣ, поселившейся на Балканахъ, и о постепенныхъ измѣненіяхъ, которыя въ ней происходили подъ вліяніемъ сношеній съ Византіей.

Болгарское становище, сдѣлавшееся предметомъ изученія, представляло собой земляной валъ и ровъ съ остатками каменныхъ стѣнъ и разныхъ сооруженій въ центрѣ. Земляныя укрѣпленія составляютъ фигуру не совсѣмъ правильнаго четыреугольника. Линія вала съ сѣвера на югъ имѣетъ приблизительно 7 километровъ; линія же отъ востока къ западу на сѣверѣ достигаетъ 4, а на югѣ около 3 километровъ. По всей длинѣ вала идетъ глубокій ровъ, и понынѣ

хорошо сохранившійся въ особенности на сѣверной сторонѣ. Центръ всей площади, замыкаемой валомъ и рвомъ, представляетъ отдѣльное и самостоятельное укрѣпленіе, имѣющее форму трапеціи. Окружающія центръ или кремль укрѣпленія стѣны сложены изъ тесанаго камня, но онѣ подвергались постепенному расхищенію и въ настоящее время представляютъ лишь основы фундамента стѣнъ и башенъ. Внутри кремля находились слѣды крупныхъ каменныхъ сооруженій, въ которыхъ обнаружены были остатки дворца, придворной церкви и множество разнообразныхъ построекъ. Это и есть главный лагерь, или „хрингъ“ болгарской орды; это—типъ расположенія всѣхъ конно-кочевыхъ народовъ, приходившихъ въ Европу и располагавшихся въ ней на продолжительное житье: аваровъ, болгаръ, угровъ и др. За линіей каменной стѣны, но также внутри вала, находились слѣды другихъ большихъ сооруженій изъ камня. Здѣсь была открыта обширная церковь.

Произведенными на описанной площади раскопками обнаружены были прежде всего разнообразныя постройки различнаго назначенія. Именно въ кремлѣ открыты дворцовыя зданія, занимавшія весьма обширную площадь, и между ними: дворецъ съ тронной залой, жилыя помѣщенія и зданіе для религіозныхъ церемоній, обращенное со временемъ въ христіанскую церковь, служившее также и мѣстомъ погребенія. Изъ камня построена только дворцовая палата; что касается жилыхъ помѣщеній,—они были въ большинствѣ деревянныя, и прослѣдить планъ ихъ постройки по оставшимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ основаніямъ весьма трудно. На мѣстѣ бывшаго расположенія этихъ зданій подъ верхнимъ слоемъ земли находится пластъ пепла и угля. Въ большинствѣ это—маленькія постройки съ небольшими въ нихъ комнатами. Здѣсь найдено множество вѣтвистыхъ лосиныхъ роговъ, остатковъ костей животныхъ, кабаньихъ и оленьихъ череповъ. Ни въ одной части раскопанныхъ построекъ не было найдено такихъ обильныхъ остатковъ домашней жизни и слѣдовъ быта, въ которомъ охота на оленей и кабановъ занимала видное мѣсто. Тамъ же найдено нѣсколько монетъ, обломки стеклянныхъ браслетъ и рисунокъ доселѣ употребительной въ Болгаріи игры. Главное зданіе дворца было построено изъ матеріала, который ранѣе служилъ другой цѣли и разъ уже былъ частью другого зданія. Такъ, обнаружены камни съ греческими помѣтами, съ латинскими надпи-

сями; найдена въ стѣнѣ база колонны съ остатками декрета въ честь Марка Аврелія. Ясно, что матеріалъ для постройки брали изъ окружающихъ зданій римской эпохи. Подобныя же наблюденія выводятся и на основаніи разсмотрѣнія кирпича и черепицы. Форма и марка кирпича, равно какъ знаки на черепицѣ, указываютъ на разныя эпохи производства. Ясно, что матеріалъ изготовлялся на разныхъ заводахъ и не изъ одинаковой глины. Дворецъ былъ монументальной постройкой [1]) болгарскаго хринга; онъ появился, конечно, вслѣдъ за деревянными постройками, хотя тоже не позднѣе VIII в. Это—прямоугольникъ, длиной въ 52 м., шириной въ 26. Онъ построенъ былъ греческими мастерами и вообще служилъ уже несомнѣннымъ признакомъ культурнаго роста болгарской орды, начавшей проникаться разнообразными воздѣйствіями со стороны Византіи.

Особенно богатый и разнообразный для выводовъ матеріалъ найденъ былъ въ церкви, находившейся близь дворца. Хотя она имѣла три нефа и три апсиды, но со временемъ подверглась страшной катастрофѣ, такъ что далеко не вездѣ уцѣлѣлъ самый фундаментъ. Здѣсь были найдены гробницы и остатки погребеній подъ поломъ. Что церковь была снабжена колоннами, доказывается нѣсколькими фрагментами колоннъ съ надписями именъ городовъ. Обращаетъ на себя вниманіе то, что въ могилахъ оказываются признаки христіанскаго погребенія.

Очень любопытныя находки сдѣланы при раскопкѣ каменныхъ стѣнъ, окружающихъ кремль, а также вводящихъ въ крѣпость воротъ. Открыто нѣсколько башенъ, служившихъ защитой для стѣнъ, и двое воротъ. При очисткѣ сѣверныхъ воротъ найдены предметы изъ желѣза и мѣди и гончарнаго производства и нѣсколько предметовъ церковнаго назначенія: крестъ-складень, дискосъ и др. Здѣсь же найдено нѣсколько цѣнныхъ предметовъ, какъ перстень, монета, мѣдный сосудъ, наконечникъ стрѣлы. Въ восточныхъ воротахъ оказались въ четвертомъ ряду камней кладки рисунки, сдѣланные острымъ орудіемъ и представляющіе различные сюжеты: 1) всадникъ на конѣ съ копьемъ, направленнымъ противъ врага; 2) олень съ вѣтвистыми рогами; 3) воинъ въ высокомъ головномъ уборѣ; 4) колчанъ со стрѣлами. Башни были разныхъ формъ: пятиугольныя, квадратныя и круглыя на поворотахъ.

[1]) „Извѣстія“, т. X, стр. 77.

Въ получасовомъ разстояніи отъ кремля, по линіи старой римской дороги, найдены основанія обширной базилики, можетъ-быть, первой христіанской церкви въ Болгаріи, современной обращенію страны въ христіанство. Это была весьма обширныхъ размѣровъ церковь съ двумя нарѳиками, имѣвшая 57 м. въ длину и 28 м. въ ширину. Не смотря на многовѣковое истребленіе, не пощадившее даже камня въ стѣнахъ и мраморныхъ колоннъ, все же при очисткѣ церкви можно было находить интересные предметы. Во многихъ мѣстахъ сохранились мраморная настилка пола и базы колоннъ на мѣстѣ ихъ первоначальной постановки, всего 16 базъ со множествомъ фрагментовъ цвѣтного и штучнаго мрамора. Въ дальнѣйшемъ въ той же церкви постепенно найдены карнизы, фронтоны и рельефы разныхъ принадлежностей храмовой постройки, капители, кресты и въ особенности обломки надписей большей частью на греческомъ языкѣ. Обиліе мелкаго обдѣланнаго и шлифованнаго мрамора служитъ указаніемъ, что церковныя стѣны были облицованы мраморомъ. Найдено между другими предметами изъ стекла и желѣза множество сплава изъ свинца, изъ чего можно заключить, что церковь была разрушена отъ пожара и подверглась вмѣстѣ съ дворцовыми постройками страшному разоренію отъ варварской руки. Слѣдуетъ думать, что это была рука весьма суроваго истребителя: громадныя мраморныя колонны оказываются разбитыми на мелкіе кусочки, отъ имѣвшихся на нихъ надписей найдено десятка два и даже болѣе обломковъ, на которыхъ сохранились двѣ или три буквы и въ лучшемъ случаѣ немногосложное слово.

Полученный вслѣдствіе раскопокъ матеріалъ имѣетъ громадное значеніе для постановки вопроса о древностяхъ болгарской жизни и о древне-славянской культурѣ. Не говоря объ архитектурѣ и стилѣ построекъ, археологическій матеріалъ распадается на слѣдующіе отдѣлы.

1) Въ количественномъ и качественномъ отношеніи на первое мѣсто слѣдуетъ поставить надписи. Большинство ихъ представляютъ фрагменты колоннъ съ надписями весьма разнообразнаго содержанія, захватывающаго такія явленія старо-болгарской жизни, которыя не отмѣчены лѣтописью. Сюда относятся надписи съ именами византійскихъ городовъ, постепенно подпадавшихъ власти болгаръ, надписи въ честь героевъ и государственныхъ дѣятелей, надписи съ

фрагментами договоровъ между Болгаріей и Византіей. Эти надписи должны занять преимущественное положеніе какъ матеріалъ, современный отмѣчаемымъ въ нихъ фактамъ и отношеніямъ и рисующій такія стороны жизни, о которыхъ нѣтъ намека въ историческихъ памятникахъ.

2) На строительномъ матеріалѣ, изъ котораго составлены башни и стѣны, обнаружены рисунки, сдѣланные рѣзцомъ и представляющіе или отдѣльные сюжеты, или цѣлыя композиціи. Сюда же нужно причислить знаки и рисунки на черепицѣ и кирпичѣ съ изображеніемъ человѣческаго тѣла, животныхъ и растеній. Эти знаки и рисунки мѣстнаго происхожденія и имѣютъ безспорно важный интересъ для исторіи культуры страны.

3) Предметы искусства и украшенія: перстни, браслеты, фрагменты сосудовъ, найдены при раскопкахъ въ значительномъ количествѣ и могутъ свидѣтельствовать какъ о развитіи вкуса, такъ и о торговыхъ сношеніяхъ болгаръ съ сосѣдями. Золотыя и мѣдныя монеты и свинцовые печати служатъ показателемъ хронологическаго термина, далѣе котораго нельзя продолжать историческую жизнь открытаго раскопками поселенія.

Наиболѣе важными въ настоящемъ случаѣ представляются, однако, тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно судить о политическомъ и племенномъ устройствѣ болгарской орды и о постепенной смѣнѣ древняго строя на мѣстахъ новаго обитанія. Въ этомъ отношеніи надписи на колоннахъ тѣмъ болѣе представляютъ цѣны, что онѣ относятся еще къ языческому времени и бросаютъ свѣтъ на первоначальную эпоху организаціи болгарскаго княжества. Сюда относятся, главнымъ образомъ, надписи въ честь государственныхъ дѣятелей и героевъ. Какъ бы ни былъ ограниченъ имѣющійся въ распоряженіи науки матеріалъ этого рода, но онъ обладаетъ неоцѣненными достоинствами по своей древности, такъ какъ относится къ языческой эпохѣ, и по своей оффиціальности, ибо представляетъ собой значеніе государственнаго акта. Надписи занимающаго насъ содержанія касаются разныхъ вопросовъ старо-болгарской исторіи и права. Въ нихъ обыкновенно отмѣчаются: 1) титулъ хана, отъ имени котораго ставится колонна; 2) наименованіе государственнаго дѣятеля или героя, въ честь котораго посвященъ каменный монументъ, со всѣми его званіями и занимаемыми имъ должностями; 3) отношеніе его

къ хану съ указаніемъ военныхъ и другихъ заслугъ; наконецъ, 4) происхожденіе лица, его родъ-племя.

По этимъ памятникамъ мы въ первый разъ знакомимся съ національнымъ титуломъ болгарскаго властителя: *Κανας Υβηγη*. Этотъ титулъ обозначаетъ [1]) на кумано-тюркскомъ языкѣ: ханъ великій или славный. Вслѣдствіе сношеній съ Византіей и подъ вліяніемъ христіанской идеи власти, въ дальнѣйшемъ получается прибавка къ титулу *ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων*. Какимъ значеніемъ пользовалась власть хана по переходѣ болгаръ за Дунай, это вопросъ весьма интересный, но трудно поддающійся выясненію [2]). Все заставляетъ думать, что народъ-войско, каковымъ были болгаре, должны были имѣть прочно организованную и опирающуюся на обычаи и учржденія высшую военную власть, которая и въ мирное время удерживала за собой тѣ права, каковыми располагала въ походѣ. Правда, въ VIII в., по утвержденіи на занятой территоріи, наблюдается въ болгарской жизни переворотъ, клонившійся къ ограниченію власти хана знатными родами или племенными старшинами, стоявшими во главѣ отдѣльныхъ частей орды. Но это не можетъ служить къ ослабленію принципіальнаго положенія, ибо несомнѣннымъ является тотъ фактъ, что болгаре внесли на полуостровъ въ среду мало организованныхъ славянскихъ племенъ дисциплину и порядокъ, котораго у нихъ не было. Во внутреннихъ смутахъ, объясняемыхъ домогательствами отдѣльныхъ племенныхъ старшинъ ограничить власть хана, нѣтъ основаній, что касается VIII вѣка, видѣть ни національныхъ противоположностей между славянскимъ и тюркскимъ элементомъ, ни религіозной борьбы между христіанскими и языческими вѣрованіями.

Вслѣдъ за титуломъ въ надписяхъ слѣдуетъ наименованіе лица, въ честь котораго поставлена колонна. Здѣсь мы имѣемъ нѣсколько именъ старо-болгарскихъ вельможъ, оказавшихъ особыя услуги. Цѣнность этого матеріала увеличивается тѣмъ, что онъ приближается по точности къ оффиціальнымъ актамъ. Прежде всего указывается личное имя чествуемаго вельможи или героя, затѣмъ приводится его титулъ или званіе, и, наконецъ, обозначаются его особенныя отношенія къ хану. Не говоря здѣсь о личныхъ именахъ, которыя мо-

---

[1]) „Извѣстія Института“, X, стр. 193.

[2]) Въ болгарскомъ журналѣ „Минало“, I, г. Баласчевъ даетъ изслѣдованіе этого вопроса.

гутъ служить пополненіемъ болгарскаго именослова, остановимъ вниманіе на чинахъ или титулахъ и званіяхъ, которыя бросаютъ свѣтъ на боярское и служилое сословіе у языческихъ болгаръ. Таковы титулы жупанъ, тарханъ; первый означаетъ у славянъ племенного князя и съ тѣмъ же значеніемъ долженъ быть принимаемъ у болгаръ; что же касается тархана, то это было высшее военное званіе, даваемое заслуженнымъ государственнымъ мужамъ, занимавшимъ высшія мѣста въ администраціи. Далѣе слѣдуютъ званія: багатуръ или русское богатырь, вагаинъ, воила, соотвѣтствующіе нашему термину бояринъ. Уже давно было замѣчено, что русское слово богатырь заимствовано изъ тюркскихъ языковъ, гдѣ оно встрѣчается въ различныхъ формахъ. У болгаръ богатыри встрѣчаются въ самой отдаленной древности; къ русскимъ это учрежденіе привилось отъ степныхъ конныхъ и кочевыхъ народовъ, съ которыми они находились въ сосѣдствѣ или въ военномъ союзѣ въ весьма отдаленныя времена. Богатырь по своему существу и значенію характеризуетъ востокъ съ его формами быта и степь съ ея опасностями отъ дикихъ кочевниковъ. „Слово „богатырь“ обозначало степного удальца, непремѣнно наѣздника на лихомъ конѣ, проѣзжающаго огромныя степныя пространства, сроднившагося съ конемъ и всѣми условіями степной жизни. Между такими наѣздниками этимъ почетнымъ титуломъ пользовались тѣ, которые отличались неутомимостью, выносливостью, силой и храбростью, составляли гордость дружины какого-либо хана и посылались имъ на самыя трудныя и смѣлыя предпріятія“ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ условіяхъ жизни, которыя характеризуются раскопками, ханъ былъ окруженъ военной дружиной, въ которой храбрые багатуры составляли такое же украшеніе, какъ извѣстныя имена богатырей въ дружинѣ эпическаго князя Владиміра.

Менѣе опредѣленнаго можно сказать о терминѣ вагаинъ и воила. Этими терминами обозначаются члены военнаго сословія, представители высшаго и низшаго дворянства. Можетъ-быть, вагаинъ слѣдуетъ сблизить со словомъ бегъ и подъ этимъ терминомъ подразумѣвать лицъ, принадлежащихъ къ сословію беговъ [2]). Что касается воила, это слово легко сближается съ *βολιάς*, которое обозначаетъ

---

[1]) В. Миллеръ, „Экскурсы“, стр. 222.
[2]) Radloff, „Die alttürk. Inschr.“, II, 138.

вообще боярское сословіе. Во всякомъ случаѣ, надписи характеризуютъ наличность многочисленнаго служилаго сословія военныхъ людей, которые окружаютъ хана и занимаютъ важныя мѣста въ военной и гражданской администраціи.

Особенно любопытны указанія на особенныя отношенія служилыхъ людей къ вождю какъ предводителю дружины. Что дружинное начало было весьма обычнымъ явленіемъ въ болгарскомъ быту въ VIII в., это мы видимъ въ упоминаемыхъ въ надписяхъ „ближнихъ людяхъ", какъ слѣдуетъ передавать терминъ *οἱ θρεπτοὶ ἄνθρωποι*. Прежде окончательнаго своего утвержденія въ Мизіи, болгаре, по крайней мѣрѣ, 200 лѣтъ участвовали въ важныхъ военныхъ событіяхъ того времени. Чтобы быть въ состояніи удержать свое мѣсто среди военныхъ кочующихъ народовъ, болгаре должны были обладать и военнымъ искусствомъ, и такими учрежденіями, которыми бы поддерживалось и развивалось у нихъ военное искусство. Смутная эпоха передвиженія народовъ имѣла, между прочимъ, и то послѣдствіе, что часто соединяла чуждые народы въ военное братство, стирала различія между ними и способствовала распространенію одинаковыхъ нравовъ и обычаевъ. Извѣстно громадное значеніе коннаго строя, внесеннаго въ Европу азіатскими народами и измѣнившаго европейскую систему веденія войны. И болгаре не могли не позаимствоваться нѣкоторыми обычаями отъ тѣхъ народовъ, съ коими они сталкивались во время своихъ скитаній по южной Россіи до переселенія за Дунай. Словомъ, дружинный бытъ болгаре [1]) могли заимствовать, если уже вести рѣчь о заимствованіи чужихъ учрежденій, отъ готовъ, съ которыми они долгое время жили въ сосѣдствѣ въ южной Россіи, и мѣста коихъ они заняли съ конца V вѣка.

Надо думать, что подъ именемъ *οἱ θρεπτοὶ ἄνθρωποι* ханъ воздаетъ почетъ умершимъ членамъ своей дружины или своего комитата. Если дружинное начало входило въ организацію болгарскаго государства, то въ этомъ имѣется объясненіе такихъ особенностей старо-болгарской исторіи, которыя иначе оставались бы совершенно изолированными. Древне-болгарскій государственный строй былъ аристократическій; послѣ хана высшую власть имѣлъ совѣтъ шести знатныхъ, затѣмъ слѣдовали внѣшніе и внутренніе бояре.

---

[1]) „Извѣстія", X, стр. 206 и слѣд.

Болгарскій комитатъ или дружинное начало, о которомъ даютъ свѣдѣнія надписи на колоннахъ, характеризуется военными подвигами и походами, за которые и воздана была честь героямъ. Одинъ прославленъ за то, что умеръ въ военномъ походѣ, другой сложилъ голову на войнѣ съ врагами, третій потонулъ въ Днѣпрѣ, четвертый—при переправѣ черезъ рѣку Тиссу. Всѣ эти подвиги характеризуютъ военный бытъ и, будучи увѣковѣчены на каменномъ столбѣ, поставленномъ близь дворца или на площади, служатъ свидѣтельствомъ высшаго почета, которымъ пользовалось военное искусство.

Въ концѣ каждой надписи обыкновенно обозначается родъ-племя умершаго. Эта черта даетъ еще новую особенность къ характеристикѣ болгарскаго политическаго устройства. Раздѣленіе болгарскаго народа на γένη есть исконное учрежденіе; оно принесено было болгарами въ Мизію изъ восточной Европы, какъ истинно національное учрежденіе. О раздѣленіи болгаръ на роды имѣются весьма раннія извѣстія. Хотя пятерное число отдѣловъ, на которые раздѣлялась орда болгарская, не можетъ быть доказано, но и въ Аспаруховой ордѣ уже по переселеніи ея за Дунай было нѣсколько частей. Родовыя имена указываютъ на существованіе, по крайней мѣрѣ, пяти родовъ, засвидѣтельствованныхъ надписями. Таковы роды Куригиръ, Ерми, Куверъ, Кацагаръ. Кромѣ того, по древнему перечню хановъ значатся родовыя имена: Дуло, Вокилъ, Укилъ, Угаинъ. На основаніи упоминанія десяти комитатовъ въ эпоху обращенія Болгаріи къ христіанству можно бы допускать существованіе десяти племенъ; но у писателей не находимъ подтвержденія на это, хотя встрѣчаемъ число пять, семь, восемь.

Представляя собой организованную военную силу, болгаре, хотя по числу были и слабѣе семи славянскихъ племенъ, съ которыми имъ пришлось встрѣтиться за Дунаемъ, но скоро получили надъ ними перевѣсъ, такъ какъ изъ своего укрѣпленнаго хринга могли безнаказанно дѣлать конные наѣзды на открытую страну, лишенную крѣпостей и городовъ. О первоначальныхъ отношеніяхъ болгаръ къ славянамъ извѣстія очень скудны, и по нимъ трудно судить, какъ происходилъ процессъ постепеннаго поглощенія или ассимиляціи славянскаго и тюркскаго элемента. Прежде всего слѣдуетъ считаться съ тѣмъ, что Мизія была византійская область, и что имперія держала

тамъ свои гарнизоны [1]); затѣмъ самый способъ распространенія болгарской власти первоначально выражался въ наложеніи на славянъ дани и военной службы, какъ это засвидѣтельствовано по отношенію къ Мизіи и Македоніи [2]). По всей вѣроятности это не было такое непосильное бремя, которое заставило бы славянъ жалѣть о политической перемѣнѣ, наступившей съ пришествіемъ болгаръ, и, во всякомъ случаѣ, не лишало ихъ возможности дѣлать выборъ между болгарами и византійцами. И нужно сказать, что болгарское вторженіе содѣйствовало большому движенію среди славянъ и вызвало случаи многочисленной эмиграціи славянъ въ предѣлы имперіи, которая искусно направляла эту эмиграцію въ Малую Азію. Были неоднократные случаи, когда славяне дѣйствительно обнаруживали свои симпатіи къ грекамъ и во время похода измѣняли болгарскому хану. Такъ было разъ въ 762 г., когда правилъ Телецъ. При немъ произошло громадное передвиженіе славянъ въ Малую Азію, число переселившихся опредѣляется въ 208 тысячъ душъ, а при Юстиніанѣ II изъ другой славянской колоніи, поселенной въ Опсикіи, было организовано опричное войско въ 30 тысячъ [3]). Всѣ эти обстоятельства, конечно, ослабляли славянскій элементъ на Балканахъ и служили полезнымъ подспорьемъ для болгарской орды въ ея наступательномъ движеніи на югъ и западъ. Эти факты, съ другой стороны, достаточно опредѣленно ставятъ вопросъ о томъ, что болгаре явились въ Мизію завоевателями, и что славяне должны были вступить къ нимъ въ подчиненныя отношенія [4]).

Для характеристики болгаръ въ занимающую насъ эпоху, т.-е. прежде чѣмъ они слились со славянами и обратились въ христіанство, прекрасныя данныя почерпаются изъ арабскихъ писателей. „Государство болгарское сильно и велико. Они сражаются съ греками, славянами, хазарами и тюрками, но самые сильные ихъ враги суть греки. Отъ Константинополя до земли болгаръ 15 дней пути. Всякое укрѣпленное мѣсто у болгаръ окружено тыномъ и деревяннымъ заборомъ, что составляетъ защиту, подобную стѣнѣ, которая возвы-

---

1) Theoph., 358, 15.

2) Theoph., 359, 17: κυριευσάντων δὲ τὰς λεγομένας ἑπτὰ γενεὰς ὑπὸ πάκτον ὄντας. По отношенію къ македонскимъ славянамъ мѣста разобраны въ „Извѣстіяхъ“, т. XIV, стр. 54.

3) Theoph., 366, 1.

4) Болгарскій журн. „Минало“, кн. 2, стр. 205 и сл.

шается за рвомъ. Кони, на которыхъ они сражаются, всегда пасутся на свободѣ, и никто не садится на нихъ, кромѣ военнаго времени. Когда они строятся въ боевой порядокъ, то ставятъ впереди стрѣлковъ, а позади располагаютъ своихъ женъ и дѣтей. Они не знаютъ монетныхъ знаковъ; всѣ ихъ сдѣлки, а равно брачные договоры составляются по цѣнѣ овецъ и быковъ. Когда заключается миръ между ними и греками, они посылаютъ въ Константинополь молодыхъ рабовъ того и другого пола изъ славянъ, или изъ другого народа. Когда умираетъ знатный болгаринъ, они собираютъ слугъ умершаго и его приближенныхъ и сжигаютъ ихъ вмѣстѣ съ умершимъ или, выкопавъ глубокую яму, ставятъ въ ней тѣло умершаго и оставляютъ съ нимъ его жену и близкихъ, пока они умрутъ. У нихъ въ обычаѣ оставлять бóльшую долю наслѣдства дочерямъ, чѣмъ мальчикамъ“ [1]).

Приведенная характеристика языческихъ болгаръ составляетъ самый цѣнный матеріалъ для освѣщенія вопроса о нравахъ и вѣрованіяхъ этого народа. Въ высшей степени можно пожалѣть, что раскопками первой болгарской столицы не открыты языческія погребенія хановъ и знатныхъ лицъ дружины, на основаніи коихъ представлялась бы возможность непосредственно судить о погребальныхъ обычаяхъ и бытовой обстановкѣ древнихъ болгаръ. Закончимъ этотъ очеркъ нѣсколькими заимствованіями изъ другого, хотя и весьма важнаго, но мало еще изученнаго иностраннаго источника, разумѣемъ „Отвѣты папы Николая на вопросы болгаръ“ [2]), которымъ и впослѣдствіи придется еще воспользоваться. Этотъ документъ, происходящій изъ папской канцеляріи и относящійся къ IX вѣку, представляетъ обильный матеріалъ для характеристики старо-болгарской жизни. Въ немъ есть нѣсколько указаній на вѣрованія и обычное право болгаръ. Такъ, напримѣръ, указывается, что болгаре, выходя на бой, совершаютъ гаданія и исполняютъ обрядовыя дѣйствія съ религіозными играми и пѣніемъ; такъ, приводится мудрое разсужденіе о томъ, что папа не находитъ умѣстнымъ рекомендовать болгарамъ, какъ еще весьма слабымъ (очевидно въ христіанской жизни) воздерживаться отъ военныхъ упражненій. Въ смыслѣ же старин-

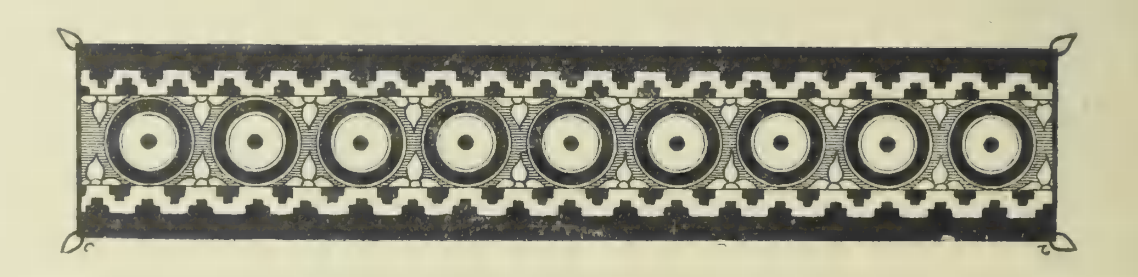
---

[1]) Marquart, „Osteurop. und ostasiatische Streifzüge“, S. 204—205.

[2]) Jaffe, „Regesta pontif. Romanorum“, I, p. 360; Migne, „Patr. lat.“, t. 119, col. 978.

ныхъ чертъ, вынесенныхъ съ далекаго Востока, можно указать на магическій камень, на священныя книги, заимствованныя у сарацинъ, на обычай давать клятву на оружіи и т. п.

Болгарамъ выпала исключительная доля на Балканскомъ полуостровѣ. Смѣшавшись со славянами и давъ имъ военную организацію и дисциплину, болгаре образовали сильное государство и чрезъ принятіе христіанства пріобщились къ европейской христіанской культурѣ. По своему военному могуществу они стали играть важную роль въ исторіи Византіи и неоднократно ставили ее въ крайне затруднительное положеніе. Исторія средневѣковой Византіи не была бы полна и не имѣла бы характерныхъ признаковъ Византинизма, если бы выдѣлить изъ нея тѣ факты, которые относятся къ порядку взаимныхъ отношеній между имперіей и болгарами. Въ будущей государственной организаціи перваго, второго и, скажемъ даже, третьяго болгарскаго царства многія изъ основныхъ чертъ болгарскаго характера сгладились, переродились или даже совсѣмъ уничтожились, давъ мѣсто славянскимъ народнымъ особенностямъ; но внимательный наблюдатель не можетъ отказать и нынѣшнимъ болгарамъ въ такихъ національныхъ чертахъ, которыя имѣютъ себѣ объясненіе не въ славянскомъ, а въ тюркскомъ національномъ характерѣ. Скажемъ даже болѣе, что посредствомъ длиннаго процесса ассимиляціи этихъ двухъ чуждыхъ взаимно національныхъ элементовъ выросъ тотъ могучій организмъ, крѣпкій, сосредоточенный и хорошо самоопредѣляющійся, какимъ является болгарскій государственный организмъ. Въ исторіи Византіи ему суждено играть не маловажное значеніе.



ГЛАВА VII.

ОСНОВАНІЯ ѲЕМНАГО УСТРОЙСТВА.

При изложеніи военныхъ событіи второй половины VII в. въ исторіи Византіи все чаще и чаще входитъ въ употребленіе терминъ ѳема, которымъ обозначается новое административное и военное устройство имперіи [1]). Такъ какъ ѳемное устройство составляетъ весьма оригинальную черту византинизма, которая не можетъ быть объяснена ни заимствованіемъ изъ греко-римской системы учрежденій, ни изъ западно-европейскаго быта, то ясно, что эту особенность нельзя пропускать безъ вниманія, а напротивъ, необходимо разсмотрѣть ее по связи съ другими перемѣнами, постепенно происшедшими въ имперіи. Ѳемное устройство, начавшееся быть примѣняемымъ на практикѣ въ VII в., дѣлается господствующимъ при императорахъ иконоборцахъ и сопутствуетъ имперіи какъ при полномъ развитіи ея политическаго, духовнаго и матеріальнаго могущества, такъ и при упадкѣ ея. Нѣтъ ничего удивительнаго, что давно уже и притомъ съ разныхъ сторонъ ученые пытаются выяснить особенности устройства ѳемъ и показать ихъ важность въ военной, административной и экономической исторіи [2]). Усматривая въ ѳемномъ устройствѣ одинъ изъ существенныхъ признаковъ совершившагося преобразованія восточно-римской имперіи въ византійскую и считая ѳему подлинной чертой

---

1) Theoph. 352, 368, 378, 380, 383 и др. (ed. de Boor).

2) Bury, „A history of later Roman empire“, II, p. 339; Diehl, „L'origine du régime des thèmes“, Paris, 1896; Gelzer, „Die Genesis der byzant. Themenverf“, Lpz., 1899; Успенскій, „Извѣстія Русскаго Археол. Инст. въ Константинополѣ“, VI, 154.

реальнаго византинизма, мы находимъ умѣстнымъ здѣсь, въ концѣ перваго подготовительнаго къ собственной исторіи Византіи тома, дать подлежащую оцѣнку этому новому учрежденію и попытаться выяснить обстоятельства его происхожденія.

Ссылаясь на изложенное выше (стр. 654 и сл.) о происхожденіи ѳемнаго устройства, переходимъ къ основаніямъ, на которыхъ это устройство имѣло свою силу и жизненность.

Существенный признакъ ѳемнаго устройства заключается въ томъ, что оно преслѣдовало главнѣйше военныя цѣли, вызвано исключительно военными потребностями и представляло для правительства наилучшій способъ использовать живыя силы населенія для государственныхъ цѣлей. Для единства и усиленія власти въ ѳемѣ во главѣ ея стоялъ военный чинъ съ званіемъ стратига, которому подчинены были всѣ учрежденія и всѣ классы населенія ѳемы. Нѣтъ сомнѣнія, что это устройство выросло постепенно, что нельзя указать творца этой системы, которой, однако, по сужденію всѣхъ изслѣдователей суждено было спасти имперію отъ неминуемой гибели и снабдить правительство средствами для борьбы съ внѣшними врагами. Въ X в. императоръ Константинъ Порфирородный [1]), собирая въ государственномъ архивѣ матеріалы по занимающему насъ вопросу, пришелъ къ заключенію, что начало системы устройства ѳемъ слѣдуетъ относить ко времени Ираклія, и что поводомъ къ тому была настоятельная необходимость времени: „нынѣ, когда ромэйская имперія утратила свои провинціи на западѣ и востокѣ и урѣзана въ своихъ частяхъ со времени царя Ираклія, его преемники, находясь въ затрудненіи по отношенію къ способамъ и средствамъ управленія государствомъ, раздробили его на небольшія части". Какъ мотивы, такъ и хронологія въ общемъ обозначены точно, новѣйшими изслѣдованіями нѣсколько подробнѣй указанъ развѣ процессъ реформы, который продолжается и при иконоборцахъ, и частью при македонской династіи.

Если не говорить здѣсь объ экзархатѣ равеннскомъ и африканскомъ, въ устройствѣ которыхъ находятся общія черты съ ѳемной организаціей, то въ теченіе VII в. постепенно образовались ѳемы: Арменіакъ, Анатолика, Опсикій, Кивиррэоты, Ѳракисійская, Ѳракія,

---

1) „De Thematibus", p. 12.

Еллада, Сицилія. Къ крайнему сожалѣнію, историкъ не можетъ указать ни одного закона, ни одного акта, которымъ можно было бы выяснить цѣли любопытной и весьма важной реформы; напротивъ, все происходило, повидимому, такъ естественно и спокойно, что введеніе въ жизнь ѳемнаго устройства прошло совсѣмъ не отмѣченнымъ. Тѣмъ настоятельнѣй потребность собрать хотя бы косвенныя указанія по занимающему насъ вопросу.

Что касается собственно военнаго устройства ѳемы, то лучшій и, можно сказать, единственный матеріалъ даетъ Константинъ Порфирородный, который, взявъ за образецъ ѳемнаго устройства Анатолику, предоставляетъ по этому образцу судить о другихъ. Вотъ въ какомъ видѣ онъ представляетъ военно-административную организацію ѳемы.

Во главѣ стоитъ стратигъ Анатолика. За нимъ слѣдуютъ чины, ему подчиненные: турмархъ, мерархъ, комитъ штаба (*κόμης τῆς κόρτης*), хартуларій ѳемы, доместикъ ѳемы, друнгарій бандъ, комиты бандъ, кентархъ спаѳаріевъ, комитъ этеріи, протоканкелларій, протомандаторъ. Всего 12 чиновъ вмѣстѣ со стратигомъ. Въ послѣдніе годы привлеченъ былъ Гельцеромъ новый матеріалъ къ изученію ѳемъ, именно арабскія извѣстія географовъ Хордадбега и Кодамы, писавшихъ въ VIII в. о томъ же предметѣ. Сообщеніе ихъ заключается въ слѣдующемъ [1]): патрикій (т.-е. стратигъ) командуетъ 10000 людей. Онъ имѣетъ подъ начальствомъ двухъ турмарховъ, у каждаго изъ нихъ подъ командой по 5000 человѣкъ. У турмарха находится въ подчиненіи по 5 друнгаріевъ, у каждаго изъ коихъ въ командѣ по 1000 человѣкъ. Каждый друнгарій имѣетъ подъ своей командой по 5 комитовъ, имѣющихъ подъ начальствомъ по 200 человѣкъ. Каждый комитъ имѣетъ въ своей командѣ по 5 кентарховъ, изъ коихъ каждый начальствуетъ отрядомъ въ 40 человѣкъ. У каждаго кентарха подъ командой четыре декарха, имѣющіе въ начальствѣ по 10 человѣкъ.

При первомъ же взглядѣ на эти два свидѣтельства можно замѣтить, что они не вполнѣ совпадаютъ между собою, не находясь, однако, въ противорѣчіи. У Константина находимъ перечень всѣхъ чиновъ, подвѣдомственныхъ стратигу. У арабскаго географа приведены лишь чины, имѣющіе подъ собой военную команду. Извѣ-

---

1) „Bibl. geohraphorum“, ed. de Goeje, pars VI, p. 196 (Lugduni Batav., 1889).

стіе перваго важно съ точки зрѣнія ѳемнаго управленія вообще; свидѣтельство второго—съ точки зрѣнія состава отдѣльныхъ частей ѳемы. Въ частности—и въ этомъ самое существенное — Хордадбегъ даетъ свѣдѣнія о взаимной соподчиненности разныхъ чиновъ и о числѣ команды въ завѣдываніи каждаго офицера. Такимъ образомъ, десятитысячный составъ анатолійской ѳемы подъ главнымъ командованіемъ стратига представляется раздѣленнымъ на слѣдующія отдѣльныя команды:

1) двѣ турмы съ двумя турмархами во главѣ по 5 тысячъ въ командѣ у каждаго;

2) десять бандъ по пяти въ каждой турмѣ съ таковымъ же числомъ друнгаріевъ во главѣ, по 1 тысячѣ человѣкъ въ командѣ у каждаго;

3) пятьдесятъ дружинъ по пяти въ каждой бандѣ, съ комитами во главѣ, изъ коихъ у каждаго по 200 человѣкъ команды;

4) двѣсти пятьдесятъ кентархій по пяти въ дружинѣ, съ кентархами во главѣ, имѣющими подъ командой по 40 человѣкъ;

5) наконецъ, тысяча декархій по четыре въ каждой кентархіи, съ декархами или десятскими во главѣ, имѣющими по 10 человѣкъ въ командѣ.

Все это, конечно, въ высшей степени интересныя свѣдѣнія, которыми раскрывается загадочный смыслъ термина ѳема и опредѣляется въ круглыхъ цифрахъ составъ византійскаго военнаго округа или дивизіи. Изъ сопоставленія извѣстій Константина съ данными Хордадбега ясно, однако, что послѣдній не вводитъ въ администрацію ѳемы нѣкоторыхъ чиновъ, которымъ первый даетъ далеко не второстепенныя роли. Независимо отъ того, разность въ перечняхъ у того и другого на шесть чиновъ, ибо у арабскаго географа пропущены: мерархъ, комитъ штаба, хартуларій, доместикъ, протоканкелларій и протомандаторъ.

Этотъ пропускъ половины чиновъ въ составѣ ѳемы заслуживаетъ серіознаго вниманія съ точки зрѣнія доброкачественности сообщеній арабскаго географа, такъ какъ едва ли можно объяснить подобный пропускъ предположеніемъ, что онъ имѣлъ въ виду только строевые чины ѳемы. Въ дѣйствительности, Хордадбегъ не упоминаетъ офицеровъ, завѣдомо стоявшихъ во главѣ военныхъ частей и имѣвшихъ команду; таковы мерархъ и доместикъ. Если же это нельзя назвать

иначе, какъ недостаткомъ, то и вопросъ объ общей цѣнности вновь открытаго источника значительно измѣняется. Можетъ-быть, и его круглыя цифры о числѣ команды въ разныхъ частяхъ ѳемы также не заслуживаютъ довѣрія. Переходимъ къ разсмотрѣнію чиновъ ѳемы.

Стратигъ (*Στρατηγός*). Всѣ стратиги ѳемъ по византійской табели о рангахъ причислялись къ первому классу чиновъ и носили титулъ патрикія или анѳипата патрикія,—званія, соединеннаго съ высшими привилегіями и съ титуломъ превосходительства. Уже въ силу занимаемой должности стратига той или другой ѳемы, такой офицеръ, хотя бы лично не имѣвшій чина патрикія, въ торжественныхъ придворныхъ церемоніяхъ, на царскихъ пріемахъ, а равно за царскимъ столомъ, занималъ мѣсто выше всѣхъ патрикіевъ придворнаго и гражданскаго вѣдомства по рангу ѳемы, въ которой онъ былъ стратигомъ. Но такъ какъ пожалованіе чиномъ патрикія, а равно и назначеніе въ стратиги зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія царя, то неоднократно бывали случаи, что въ должности стратига стоялъ и протоспаѳарій и даже спаѳарій [1]).

Что касается власти стратига въ ѳемѣ, то, повидимому, ему принадлежало назначеніе всѣхъ подвѣдомственныхъ чиновъ, хотя, какъ увидимъ ниже, въ ѳемѣ были и такіе чины, которые отъ него не зависѣли.

Турмархъ, мерархъ. Такъ назывались ближайшіе за стратигомъ чины, начальники отдѣльныхъ командъ или турмъ, расположенныхъ въ опредѣленной мѣстности. Хотя до сихъ поръ мы мало имѣемъ географическихъ названій для мѣстъ стоянки турмъ, но все же можно утверждать, что штабъ турмы располагался въ болѣе населенныхъ пунктахъ, часто въ городахъ. Сколько было турмъ въ каждой ѳемѣ, это трудно сказать съ увѣренностью, но свидѣтельство арабскаго географа на счетъ числа двухъ турмъ едва ли можно принимать за достовѣрное. Въ ѳемѣ Анатолика знаемъ турму изъ семи бандъ, имѣвшую расположеніе въ *τὰ Κόμματα* [2]); въ ѳемѣ Ѳракисійской упо-

---

[1]) Чтобы нѣсколько приблизиться къ современной чиновной іерархіи, можемъ чинъ спаѳарія принять за полковничій, протоспаѳарія за генералъ-маіорскій, патрикія за полный генеральскій.

[2]) „De adm. imp.“, 225, 14. Мѣсто важно для доказательства территоріальнаго характера военныхъ терминовъ. О мѣстности Κόμματα см. Ramsay, „The Histor. Geography of Asia Minor“, p. 216, 227.

минается нѣсколько турмъ, — во всякомъ случаѣ, не менѣе трехъ [1]); въ ѳемѣ Арменіакъ упоминаются два турмарха, слѣдовательно, двѣ турмы [2]); въ ѳемѣ Македоніи знаемъ турму, расположенную въ городѣ Визѣ [3]).

Что касается мерарха, то прежде всего нужно думать, что мерархія организована была точно такъ же, какъ турма. По крайней мѣрѣ, та и другая составлялась изъ опредѣленнаго числа бандъ или друнговъ [4]). Затѣмъ, по всей вѣроятности уже въ X вѣкѣ, мерархія была терминомъ устарѣлымъ, вытѣсненнымъ терминомъ турма [5]).

По отношенію къ вопросу о числѣ военныхъ людей, находящихся въ командѣ турмарха, извѣстіе арабскаго географа даетъ круглую и опредѣленную цифру—5000 человѣкъ. Признаемся, намъ представляется это весьма сомнительнымъ результатомъ кабинетныхъ операцій съ цифрами. Принявъ въ каждой турмѣ по 5 бандъ и находя, что командиры бандъ назывались друнгаріями, арабскій географъ могъ совершенно спокойно придти къ выводу о 1000 человѣкъ въ бандѣ и 5000 въ турмѣ. На самомъ же дѣлѣ противъ этого могутъ быть серьезныя возраженія. Прежде всего Константинъ Порфирородный, ссылаясь притомъ на источникъ, опредѣляетъ численный составъ турмы только въ 900 человѣкъ [6]). Что касается банды какъ военной единицы, то показаніе Хордадбега о численномъ ея составѣ въ 1000 человѣкъ тоже не оправдывается византійскими извѣстіями. Правда, банда есть подраздѣленіе турмы, но выводъ арабскаго географа о составѣ банды зависитъ отъ двухъ посылокъ, которыя подлежатъ сомнѣнію: 1) онъ считаетъ по двѣ турмы на ѳему, хотя могло быть и три турмы въ ѳемѣ; 2) онъ считаетъ по пяти бандъ въ турмѣ, и отсюда получается его круглая цифра 10000. Но невѣрность этого разсчета сама собой бросается въ глаза, если недостаточно обоснована первая посылка. На самомъ дѣлѣ, едва ли не слѣдуетъ отказаться отъ точныхъ числовыхъ данныхъ въ приложе-

1) „De Cerim.“, 663, 3.

2) Theoph. „Chronogr.“ 469, 9.

3) „Извѣстія“, т. IV, ст. г. Баласчева.

4) Лучшее мѣсто „De Cerim.“, 663, 15; у Генесія упоминается: ἐν τῷ Χαρσιανοῦ θέματι μεράρχης ὁ Μαχαιρᾶς (p. 97).

5) Ducange, „Glossarium graecitatis“ s. v.: μεράρχαι, τουρμάρχης. Рукопись Московской Синод. Библіотеки (архим. Владиміра № 436), fol. 271.

6) „De Thematibus“, 17, 14.

ніи къ ѳемамъ, тагмамъ и ихъ подраздѣленіямъ. Можетъ-быть, и существовала схема для численнаго состава каждой военной части, но на практикѣ приходилось считаться съ наличнымъ составомъ команды, и таковая рѣдко обозначается круглыми цифрами; напомнимъ хотя бы контингенты, выставленные тагмами и ѳемами въ критскую экспедицію [1]). Но всего рѣшительнѣе положеніе дѣла рисуется слѣдующимъ разсужденіемъ въ одномъ спеціальномъ военномъ сочиненіи: слѣдуетъ организовать полки соотвѣтственно съ наличностью имѣющейся команды [2]). Такъ какъ банда есть терминъ кавалерійскій, то мы можемъ для освѣщенія вопроса сослаться на одно мѣсто изъ другого военнаго сочиненія, которымъ утверждается число тридцати бандъ въ кавалерійской тагмѣ [3]). Не говоря о томъ, что бандъ въ ѳемѣ должно быть больше десяти, самый составъ бандъ опредѣляется византійскими источниками совершенно иначе—въ каждой бандѣ 50 всадниковъ [4]).

Комитъ штаба (*Κόμης τῆς κόρτης*). По отношенію къ этому чину дѣйствительно мы не нашли ни одного мѣста, которое указывало бы на подчиненіе ему команды военныхъ людей. Напротивъ, все говоритъ, что главное назначеніе его было состоять при стратигѣ, исполняя въ ѳемѣ роль начальника штаба военнаго округа [5]). Во время военнаго похода на его обязанности лежитъ провіантская часть, наблюденіе за исполненіемъ сторожевой службы и дежурство при царской палаткѣ [6]). На этой должности служащіе могли выдвигаться очень скоро. Царь Михаилъ Аморейскій началъ свою карьеру въ этомъ званіи [7]). Но все же слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что переводъ термина *κόμης* словомъ „графъ“ далеко не соотвѣтствуетъ существу дѣла. Только одинъ комитъ Опсикія, носившій чинъ патрикія, имѣлъ

---

1) „De Cerim.“, 666—667.

2) Вѣна, cod. philos.-philol., LV, fol. 171.

3) Вѣна, cod. philos.-philol., XXIV, fol. 278.

4) Моск. Синод. Библ. cod. 436, fol. 127 v. (по каталогу архим. Владиміра): τῶν καβαλαρικῶν διατάξεων οἱ ἀρχηγοὶ ἐχέτωσαν βάνδα τὰ δὲ βάνδα αὐτῶν εἶναι ἀνὰ ἄνδρας πεντήκοντα; fol. 128 r.: φοῦλκον—βάνδα τρία ἤτοι ἄνδρες 150: fol. 129 r. 10 бандъ — 500 человѣкъ.

5) Leo, „Tactica“, c. 4, § 30: ἔστι δὲ ἡ τοῦ στρατηγοῦ προέλευσις εἴς τινας ἄρχοντας διαιρουμένη οἷον τόν τε κόμητα τῆς κόρτης αὐτοῦ καὶ τὸν τοῦ θέματος δομέστικον.

6) „De Cerim.“, 489. 3, 17. 20.

7) Genesii, „Regum“, I, p. 10, 13.

титулъ превосходительства и можетъ претендовать на графскій титулъ; всѣ же другіе *κόμητες* числились то въ 3-мъ, то въ 4-мъ классѣ и носили небольшіе чины, поэтому византійскій терминъ *κόμης* было бы лучше передавать словомъ комитъ. Въ латинскихъ актахъ comites также не смѣшиваются съ графами, а обозначаютъ отдѣльныя званія [1]).

Хартуларій (*Χαρτουλάριος τοῦ θέματος*). Спеціальное назначеніе должности состояло въ завѣдываніи списками военныхъ чиновъ въ ѳемѣ, такъ что хартуларія можно бы отождествлять съ начальникомъ канцеляріи ѳемы [2]). Но можно предполагать, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, хартуларій ѳемы имѣлъ подъ собой и военную команду [3]).

Доместикъ ѳемы (*Δομέστικος τοῦ θέματος*). О значеніи должности можемъ судить на основаніи мѣста въ „Тактикѣ“ Льва Мудраго, гдѣ доместику ѳемы усвояется служба состоять при особѣ стратига [4]). Повидимому, это вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшнему званію адъютанта.

Друнгарій бандъ, комиты (*Δρουγγάριος τῶν βάνδων, κόμητες*). Эти два чина, подобно современнымъ баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ, составляютъ воплощеніе строевой силы ѳемы. Тотъ и другой командовали отрядами военныхъ людей и стояли въ непосредственномъ подчиненіи къ турмарху: друнгарій выше чиномъ и командой, комитъ слѣдовалъ за нимъ. У Константина иногда оба чина сливаются въ одно званіе друнгарокомиты [5]). Сколько было друнговъ въ каждой бандѣ? — По извѣстію арабскаго географа, въ каждой изъ 10 бандъ было по 5 друнгъ; слѣдовательно, всего въ каждой ѳемѣ 50 комитовъ и 10 друнгаріевъ; приведенное подъ чертой число 64 друнгарокомита, даваемое Константиномъ Порфиророднымъ, можетъ служить подтвержденіемъ цифръ Хордадбега. Ка-

---

[1]) Lex Ripuariorum, tit. 88.

[2]) Zachariae v. Lingenthal, „Geschichte des Griechisch-Röm. Rechts“, XIV: ὁ χαρτουλάριος πρὸς τὴν τοῦ στρατοῦ καταγραφήν; ср. Ducange, „Glossarium Latinit.“, s. v. chartularii (со ссылкой на „Тактику“ Льва, с. 4, § 31).

[3]) Что хартуларій другихъ военныхъ частей былъ дѣйствительно строевымъ офицеромъ, увидимъ ниже.

[4]) Ducange, „Glossar. graecitatis“ s. v.: δομέστικος τοῦ θέματος ὅς μετὰ κόμητος κόρτης εἰς τὴν προέλευσιν τοῦ στρατηγοῦ τέτακται.

[5]) „De Cerim.“, 663, 6: δρουγγαροκόμητες 64, ἔχοντες οἱ αὐτοὶ δρουγγαροκόμητες οἱ μὲν ἀνὰ στρατιωτῶν 2, οἱ δὲ ἀνὰ 3.

ждая банда имѣла свое знамя съ изображеннымъ на немъ числовымъ знакомъ [1]).

Кентархъ (*Κένταρχος*). Этотъ офицерскій чинъ имѣлъ въ командѣ по разсчету Хордадбега по 40 человѣкъ. Но такъ какъ его круглыя цифры далеко выше дѣйствительности, то нужно думать, что и команда кентарха должна быть значительно сокращена. Есть даже нѣкоторыя основанія предполагать, что декархія не обозначаетъ самостоятельной команды, а только перваго воина въ шеренгѣ [2]).

Въ самомъ концѣ лѣствицы чиновъ въ ѳемѣ стоятъ у Константина Порфиророднаго два чина, по всей вѣроятности, не принадлежащіе къ военному строю, это протоканкелларій и протомандаторъ. По поводу значенія этихъ званій можно ограничиться нѣсколькими замѣчаніями. Протоканкелларій есть ѳемный нотарій, на его обязанности лежала выдача и скрѣпа разныхъ актовъ. По отношенію къ протомандатору лучшее [3]) мѣсто имѣемъ въ „Тактикѣ" Льва Мудраго; это былъ курьеръ или разсыльный для передачи распоряженій стратига подчиненнымъ ему чинамъ по ѳемѣ. Каждый турмархъ обязанъ былъ имѣть при стратигѣ своего курьера, который назывался мандаторомъ, старшій между ними или штабный носилъ имя протомандатора [4]). Въ общемъ перечнѣ византійскихъ чиновъ протоканкелларіямъ и протомандаторамъ отводится мѣсто въ самомъ концѣ 6-го класса [5]).

Разсмотрѣніе подвѣдомственныхъ стратигу чиновъ приводитъ къ заключенію, что подъ ѳемой въ военномъ отношеніи разумѣется въ тѣсномъ смыслѣ кавалерійская часть, состоящая изъ опредѣленнаго числа военныхъ людей, раздѣленныхъ на эскадроны и взводы, подъ командой стратига и подчиненныхъ ему эскадронныхъ и взводныхъ командировъ. При каждой ѳемѣ есть штабъ, канцелярія и чины для личныхъ порученій главнокомандующаго.

---

1) Ἕν δὲ ἕκαστον βάνδος ᾿εχέτω τὸ ἴδιον φλάμουλον... ἔχειν δὲ καὶ τὰ φλάμουλα τὰ γνωρίσματα ἀπὸ στοιχείων.—Cod. Моск. Син. Б. № 436, fol. 129 v.

2) Моск. Син. Библ. cod. 260, fol. 269 v.: οἱ κένταρχοι ἐφεξῆς δὲ οἱ δέκαρχοι, ἤγουν οἱ πρῶτοι τῶν λεγομένων ἀκιῶν.

3) Ducange, „Glossar. graecitatis", s. v.

4) Leonis „Tactica": ἕκαστος τουρμάρχης ἀφοριζέτω ἴδιον μανδάτορα πρὸς τὸ μὴ παραμένειν αὐτὸν εἰς τὴν κόρτην τοῦ στρατηγοῦ; „Glossar.", s. v. Μανδάτωρες.

5) „De Cerim.", 738, 5. Протомандаторы въ текстѣ Константина пропущены, ихъ мѣсто должно быть тамъ, гдѣ стоятъ протомандаторы экскувиторовъ, т.-е. p. 738, 10.

Какъ можно видѣть, у Константина Порфиророднаго, какъ и у арабскихъ географовъ, данъ лишь образецъ военной организаціи ѳемы или взаимной соподчиненности разныхъ военныхъ чиновъ въ ѳемѣ, какъ въ самостоятельномъ учрежденіи. По этимъ свѣдѣніямъ мы можемъ имѣть представленіе о ѳемѣ, какъ военномъ терминѣ—корпусъ, дивизія,—но совершенно лишены средствъ понять положеніе ѳемы — корпуса или дивизіи въ той обстановкѣ, въ какой ей приходилось жить на предоставленной для ея расположенія территоріи и среди населенія городовъ и деревень, которое также входило въ составъ ѳемы, составляя неотъемлемую часть ея. Дополнимъ эти свѣдѣнія нѣкоторыми частными подробностями. Сравнивая между собою различныя извѣстія [1]) о распоряженіяхъ Юстиніана въ Арменіи, имѣвшихъ цѣлью реорганизацію военнаго управленія въ этой области, мы находимъ, во-первыхъ, что къ отбыванію воинской повинности въ этой области было привлечено мѣстное населеніе; во-вторыхъ, что военная власть въ области вручена одному лицу—стратилату, который замѣнилъ прежнихъ дукъ и комитовъ; въ-третьихъ, въ военные списки, т.-е. въ военный составъ администраціи области занесены гражданскіе чиновники; въ-четвертыхъ, составъ военныхъ частей области увеличенъ переселеніемъ въ Арменію четырехъ полковъ изъ Анатолики. Въ этихъ мѣропріятіяхъ слѣдуетъ усматривать начало организаціи въ ѳему провинціи Арменіи. Укажемъ еще одну маленькую подробность въ мѣропріятіяхъ Юстиніана по отношенію къ взятымъ имъ въ плѣнъ болгарамъ: плѣнныхъ болгаръ послалъ царь въ Арменію и Лазику, гдѣ они были зачислены въ „нумерные полки“. Объ организаціи обширной ѳемы Анатолики въ концѣ VII в. [2]) сохранились слѣдующія свѣдѣнія: „Востокъ раздѣленъ на ѳемы, когда римская имперія начала подвергаться нападеніямъ и завоеваніямъ арабовъ и постепенно сокращаться. До Юстиніана и Маврикія Анатолія была подъ одной военной властью, какъ видно на примѣрѣ Велизарія, который былъ единовластнымъ на востокѣ. Когда же агаряне начали дѣлать походы противъ ромэевъ и опустошать селенія и города, цари принуждены были раздроблять одну власть на малыя начальства“.

---

[1]) Malalas, 429; Theoph., 175; Cedreni, 643.

[2]) Упоминается въ 669 г. и въ письмѣ Юстиніана II къ папѣ, Mansi XI, 737; Gelzer, „Die Genesis“, 10, 20 и др.

Что касается значенія ѳемы какъ административнаго округа съ гражданскимъ населеніемъ, живущимъ въ городахъ и селеніяхъ, въ этомъ отношеніи у писателей встрѣчаемъ обильный матеріалъ, который считаемъ излишнимъ здѣсь указывать. Гражданское управленіе ѳемы зависѣло не отъ стратига и не отъ подвѣдомственныхъ ему военныхъ чиновъ. Во главѣ гражданскаго управленія ѳемы, повидимому, стоялъ протонотарій ѳемы. Онъ выступаетъ на сцену тогда, когда ѳема-войско оказывается въ соприкосновеніи съ окружающей средой. На обязанности его лежала доставка продовольствія, поставка для войска почтовыхъ и вьючныхъ лошадей, вообще вся интендантская часть. Будучи такимъ важнымъ и отвѣтственнымъ органомъ, протонотарій не подчиненъ, однако, вѣдомству стратига, а состоитъ въ приказѣ хартуларія сакеллы. Другіе чины ѳемы—хартуларій, преторъ ѳемы или судья—вѣдали администраціей, судомъ и финансами [1]).

Чтобы видѣть, какъ ясно различаются въ ѳемѣ военный и гражданскій элементъ, достаточно сослаться на слѣдующія мѣста Ѳеофана [2]). Царь Никифоръ I (802—811), усмиривъ движеніе въ анатолійской ѳемѣ, провозгласившей царемъ патрикія и стратига ѳемы Вардана, всѣхъ ѳемныхъ архонтовъ и ктиторовъ полонилъ, а всему войску отказалъ въ выдачѣ жалованья [3]). Приведенное мѣсто чрезвычайно ясно различаетъ два элемента въ ѳемѣ: съ одной стороны, архонты и ктиторы—элементъ, имѣющій въ своихъ рукахъ вліяніе и земельное владѣніе, съ другой—войско, военные люди. Въ числѣ девяти казней времени Никифора о первой Ѳеофанъ говоритъ въ такихъ выраженіяхъ. „Никифоръ, желая въ конецъ разорить войско, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы христіане изо всѣхъ ѳемъ переселены были въ славянскія земли, и чтобы имущество ихъ было продано. И было дѣло горшее непріятельскаго плѣненія: одни въ отчаяніи богохульствовали и призывали враговъ, другіе оплакивали родительскія могилы и завидовали умершимъ. Ибо не въ состояніи были свое недвижимое имущество унести съ собой и жалѣли о погибели состоянія, пріобрѣтеннаго трудами предковъ“ [4]).—Слѣдуетъ припомнить

---

1) Пока лучшее мѣсто о гражданской администраціи ѳемы находится у Zachariae, „Geschichte des griechisch-römischen Rechts“, 2-e Aufl. S. XIV.

2) Theoph. ed. de Boor, p. 480, 1; 486, 10.

3) Theoph. 480, 1.

4) Theoph. 486, 10.

при толкованіи приведеннаго мѣста, что выше писатель разсказывалъ о сильномъ недовольствѣ Никифоромъ среди войска, и что царь долженъ былъ употребить противъ военныхъ людей энергичныя мѣры. Теперь писатель излагаетъ общую мѣру, направленную къ тому, чтобы на будущее время искоренить среди ѳемнаго войска духъ неповиновенія: съ цѣлью унизить или, еще лучше, разорить войско, ибо въ дальнѣйшемъ особенно выставляется на видъ потеря имущества. И что же? Эта радикальная мѣра заключается въ томъ, что христіанамъ изъ всѣхъ ѳемъ было приказано переселиться и распродать имущество. Едва ли здѣсь писатель имѣетъ въ виду исповѣдывающихъ христіанскую вѣру въ противоположность къ нехристіанамъ. Нужно думать, что „христіане“ употреблено здѣсь въ томъ же общемъ смыслѣ, какъ у насъ слово „крестьяне“. Но тогда возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ предпринятая противъ населенія ѳемъ мѣра могла достигать той цѣли, ради которой объявлялись выселеніе и продажа имущества, словомъ, почему это могло унизить и разорить войско?—Здѣсь мы находимся передъ фактомъ тѣсной внутренней связи, скажемъ даже, зависимости ѳемы, какъ военной организаціи, отъ ѳемы—гражданскаго округа, дающаго изъ себя контингентъ для образованія военныхъ частей. Разореніемъ населенія ѳемъ Никифоръ имѣлъ въ виду достигнуть усмиренія войска, набираемаго среди этого населенія [1]).

Не можетъ быть сомнѣнія, что въ словоупотребленіи писателей никогда не забывалось, что ѳема обозначаетъ собственно не военную организацію, не военный корпусъ, а гражданскую область, организованную такимъ образомъ, чтобы она могла нести военную службу со своего населенія.

Изъ приведенныхъ мѣстъ ясно, что ѳема, будучи военнымъ округомъ съ расположеннымъ въ немъ корпусомъ военныхъ людей, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, гражданская организація живущаго на извѣстной территоріи населенія. Это послѣднее посредствомъ системы земельнаго надѣленія постановлено было въ такое положеніе, чтобы съ наилучшимъ успѣхомъ быть въ состояніи отбывать воинскую повинность. Нужно думать, что въ этомъ и состояла заслуга византійскаго правительства, что оно поставило военную службу въ зависимость

---

[1]) Что таково было потомъ войско, объ этомъ у Ѳеофана 490, 5.

отъ землевладѣнія; равно какъ въ этомъ же заключается причина устойчивости и живучести ѳемнаго устройства. Службой была обложена земля; обыватель служилъ въ такомъ отдѣлѣ войска, какому соотвѣтствовалъ находящійся въ его владѣніи земельный участокъ. Соотвѣтственно тому извѣстная группа населенія, подводимая подъ военно-податное состояніе, надѣляема была такимъ количествомъ земли, которое обезпечивало бы ее въ ея необходимыхъ потребностяхъ и давало бы достаточный доходъ на содержаніе воина на дѣйствительной службѣ. Въ этомъ отношеніи ѳемное устройство сводится въ своемъ происхожденіи къ капитальному вопросу о формахъ землевладѣнія въ Византіи.

Внѣшнія обстоятельства, вызвавшія необходимость военныхъ реформъ и соединенія гражданской и военной власти въ однѣхъ рукахъ, обозначены въ сочиненіяхъ Константина Порфиророднаго. Онъ указываетъ, главнымъ образомъ, на успѣхи арабскаго завоеванія. Но пока на Востокѣ успѣхи арабовъ пріобрѣли угрожающій характеръ, Западъ въ VI и VII вв. подвергался постоянной опасности отъ аварскихъ и славянскихъ набѣговъ. Славяне потому въ особенности обращали на себя вниманіе государственныхъ дѣятелей Византіи, что это былъ врагъ, настойчиво стремившійся заселять пограничныя области имперіи, что въ занятыхъ областяхъ онъ не оставался на долгое время, потому что новыя волны народнаго движенія увлекали его дальше, на новыя мѣста. Въ теченіе VI—VII вв. для имперіи предстоялъ къ разрѣшенію высокой государственной важности вопросъ: какъ организовать громадное движеніе славянъ въ предѣлы имперіи, какъ быть съ тѣми славянами, которые по праву войны занимали цѣлыя области на Балканскомъ полуостровѣ, и съ тѣми, которые поселялись на указанныхъ имъ мѣстахъ по взаимному соглашенію и договору. Слѣдуетъ замѣтить, что въ VII в. правительство, повидимому, успѣшно разрѣшило вопросъ о славянской иммиграціи и притомъ въ либеральномъ смыслѣ. Такъ, сербамъ и хорватамъ предоставлены были для заселенія Боснія, Герцеговина, часть Далмаціи, Славонія и Старая Сербія; такъ, со славянами Ѳракіи и Македоніи оказалось возможнымъ вступить въ нѣкоторыя соглашенія и измѣнить состояніе враждебности въ состояніе мирнаго сожительства. Нельзя сомнѣваться, что въ теченіе VII в. Балканскій полуостровъ былъ насыщенъ славянскими колонистами, которые привыкали къ осѣдлости

и мирнымъ земледѣльческимъ занятіямъ, бокъ-о-бокъ съ прежними поселенцами: греками, албанцами, ѳракійцами, румынами и другими.

Выше мы съ достаточной подробностью останавливались на славянскомъ вопросѣ и видѣли, какъ славянскіе вожди задавались широкими и честолюбивыми притязаніями захватить Балканскій полуостровъ, овладѣть большими городами и добраться до Архипелага и Мраморнаго моря. Многократныя осады Солуни, движеніе по морю на собственныхъ судахъ и высадки на островахъ обнаружили въ достаточной мѣрѣ какъ военныя и морскія способности славянъ, такъ въ то же время и сравнительную слабость ихъ, въ особенности ихъ политическую неразвитость, вслѣдствіе которой имъ не суждено было соединить вообще довольно большія силы и организоваться подъ одной властью для нанесенія Византіи смертельнаго удара. Напротивъ, внѣшній блескъ византійскаго образованія, роскошь и богатства столицы, почести и отличія, какими императоръ награждалъ наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ изъ славянскихъ князей,—все это плѣняло умъ лучшихъ славянскихъ дѣятелей VI—VII вв. и дѣлало ихъ послушными орудіями высшей политики византійскаго государства.

Какъ можно догадываться на основаніи многочисленныхъ указаній, имперія въ VI—VII вв. была слабо населена, въ Азіи и Европѣ лежало множество пустопорожнихъ незанятыхъ мѣстъ, вслѣдствіе чего ослабѣла численность національнаго войска, и явилась потребность въ наемныхъ иноземныхъ отрядахъ. Теперь выясняется, что правительство въ обширныхъ размѣрахъ организовало систему колонизаціи славянами свободныхъ земель въ Европѣ и въ Азіи, что для этого существовали особые пріемы приглашенія и записи охочихъ людей. Устроителями колоній выбирались извѣстные между славянами родовые старшины или племенные князья, затронутые уже византійской культурой и образованіемъ; правительство обыкновенно предоставляло устроителямъ колоній привилегію устраивать колонистовъ на отведенномъ мѣстѣ и производить между ними судъ и расправу по обычаямъ племени. Изъ житія св. Димитрія Солунскаго почерпаются точныя свѣдѣнія, что въ Солуни существовала особая контора для записи охотниковъ на переходъ въ подданство имперіи, что, по исполненіи требуемыхъ формальностей, правительство при-

сылало въ Солунь морскія суда для посадки и перевозки переселенцевъ въ отведенныя имъ для жительства мѣста [1]).

Давно уже замѣчено, что въ VIII и IX вв. имперія характеризуется новыми бытовыми чертами, какихъ не замѣтно было раньше, и между прочимъ обращено вниманіе на то, что классъ мелкихъ землевладѣльцевъ получилъ сильное приращеніе, подобно тому, какъ это произошло на Западѣ послѣ переселенія народовъ. Не возвращаясь къ безспорному факту занятія славянами европейскихъ областей имперіи, остановимся на извѣстіяхъ о трехъ большихъ поселеніяхъ славянъ въ Малой Азіи.

Система колонизаціи пустопорожнихъ земель то своими же подданными, переводимыми казеннымъ порядкомъ съ мѣста на мѣсто, то инородцами, принимаемыми въ подданство или вступавшими во временныя обязательныя отношенія, практиковалась въ имперіи съ давнихъ поръ и притомъ въ весьма широкихъ размѣрахъ. По отношенію къ славянамъ извѣстія о правительственныхъ поселеніяхъ большихъ массъ въ Малую Азію въ особенности привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе по связи съ устройствомъ ѳемъ. У лѣтописца Ѳеофана [2]) подъ 664 г., слѣдовательно, въ царствованіе Константа, сообщается, что арабскій вождь Абдеррахманъ вторгся въ имперскія области, перезимовалъ въ нихъ, опустошивъ страну на далекое пространство. Славяне же,—говорится далѣе,—вошедши съ нимъ въ договоръ, въ числѣ 5 тысячъ, ушли съ нимъ въ Сирію и были поселены въ области Апамеи, въ селеніи Скевоковолѣ [3]). Хотя мы лишены средствъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ оказалась въ Малой Азіи славянская колонія, и въ какомъ положеніи она была послѣ своего перехода въ Сирію,—словомъ, хотя никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій о ростѣ и судьбѣ этой колоніи нѣтъ, но, конечно, она не могла погибнуть безъ слѣда, и ясно, что переходъ славянъ къ арабамъ означаетъ то, что условія, въ какихъ она была поставлена въ имперіи, не отвѣчали ни ея потребностямъ, ни желаніямъ.

Подъ 687 годомъ у того же писателя [4]) читается извѣстіе о дру-

---

[1]) Моя статья о вновь открытыхъ мозаикахъ въ церкви св. Димитрія („Извѣстія Института“, XIV, 57—58).

[2]) Theoph., 348.

[3]) Sachau, „Reise in Syrien und Mesopotamien“, S. 70; „Извѣстія Института“, VIII, 28 (ст. Б. А. Панченко).

[4]) Theoph., p. 364.

гомъ большомъ поселеніи славянъ въ Малой Азіи. Именно, говоря о походѣ Юстиніана II Ринотмита въ Македонію противъ славянъ и болгаръ, лѣтописецъ сообщаетъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ побѣдилъ и понудилъ насильственными мѣрами, а другихъ по соглашенію побудилъ переселиться въ Малую Азію. Переправивъ ихъ на ту сторону у Абидоса, императоръ далъ имъ для поселенія область Опсикій.— О судьбахъ этой колоніи имѣются и дальнѣйшія извѣстія. Черезъ четыре года, именно послѣ срока, который могъ разсматриваться какъ льготный, правительство потребовало отъ колонистовъ обязательной военной службы и притомъ такимъ образомъ, что изъ нихъ набранъ былъ отрядъ въ 30 тысячъ воиновъ, названный опричнымъ ополченіемъ (*Λαός περιούσιος*). Этотъ отрядъ былъ подчиненъ одному изъ старѣйшинъ славянскихъ, по имени Невулу. Какъ можно догадываться, данная славянамъ организація нѣсколько напоминаетъ военное положеніе и земельное устроеніе нашихъ казаковъ. Обязательная поставка тридцатитысячнаго отряда была, очевидно, условіемъ поселенія славянъ на свободныхъ земляхъ. Предполагается, что въ колоніи было вдвое, если не втрое большее количество крестьянскихъ дворовъ, и численный составъ всей колоніи долженъ былъ заключать въ себѣ никакъ не менѣе 250 тысячъ душъ. Частныя указанія, какими лѣтописецъ снабдилъ извѣстіе объ этой колоніи, могутъ быть здѣсь особенно отмѣчены: Юстиніанъ отобралъ изъ переселенцевъ и перевелъ на военное положеніе 30 тысячъ, далъ имъ вооруженіе и поставилъ ихъ подъ власть ихъ собственнаго старшины. Всѣ эти черты характеризуютъ устройство, даваемое славянскимъ колонистамъ, и не можетъ быть сомнѣнія, что подобнымъ образомъ устроенная колонія должна была имѣть замѣтное вліяніе въ судьбахъ провинціи Опсикія. Прослѣдить ея судьбы въ подробностяхъ мы не можемъ, но находимъ нѣсколько опредѣленныхъ указаній и, кромѣ того, косвенные намеки. Оказывается, что предводитель славянскаго отряда измѣнилъ императору во время войны съ арабами и съ 20 тысячами своихъ людей предался на сторону врага, и что будто бы Юстиніанъ приказалъ перебить всѣхъ оставшихся на мѣстѣ славянъ. Что касается перваго, то арабы въ своихъ походахъ на имперскія области пользовались услугами славянъ и, весьма вѣроятно, переманивали ихъ къ себѣ на службу; что же касается поголовнаго избіенія всѣхъ колонистовъ, то это не только

не согласуется съ политикой Юстиніана по отношенію къ славянамъ, но и противорѣчитъ дальнѣйшимъ извѣстіямъ о славянскомъ элементѣ въ Опсикіи. Извѣстно, что въ 710—711 гг. Юстиніанъ для своего утвержденія на престолѣ находилъ опору въ болгарскомъ славянскомъ элементѣ и въ войскѣ Опсикія.

Наконецъ, третье большое поселеніе славянъ въ Малой Азіи послѣдовало въ 754 г., въ царствованіе Константина Копронима. По словамъ лѣтописца Ѳеофана, это было добровольное переселеніе, происшедшее вслѣдствіе смутъ на Балканскомъ полуостровѣ. Славяне въ громадномъ количествѣ переходятъ въ подданство Византіи, число ихъ опредѣляется въ 208 тысячъ, мѣсто поселенія указывается рѣка Артана. Положеніе этой рѣки опредѣляется на современныхъ картахъ въ Виѳиніи, она впадаетъ въ Черное море. Такимъ образомъ, новая славянская колонія выведена также въ области Опсикій, какъ и вторая, потому что византійская ѳема этого имени находилась въ Виѳиніи. Предполагая, что и эта колонія была организована по системѣ надѣленія землей съ обязательствомъ отбыванія военной повинности, мы можемъ опредѣлять численный составъ выставляемаго ею отряда въ 20 тысячъ. Если славянскіе колонисты не были предоставлены на жертву случайности, если съ нихъ могъ набираться для военной службы такой большой контингентъ, какъ 30 или 20 тысячъ, то, конечно, славяне не могли не играть значительной роли какъ въ войнахъ, веденныхъ имперіей на Востокѣ, такъ и во внутреннихъ переворотахъ, въ военныхъ движеніяхъ и смутахъ. О томъ, что обязательныя отношенія военно-податной службы лежали на славянахъ, поселенныхъ въ Опсикіи и въ позднѣйшее время, прекрасное доказательство имѣется въ извѣстіи о критскомъ походѣ въ 949 г., въ который славяне Опсикія выставили 250 мужей [1]).

Извѣстія о трехъ большихъ колоніяхъ славянъ въ Малой Азіи, относящіяся къ VII и VIII вв., даютъ намъ возможность ознакомиться съ основнымъ условіемъ устройства ѳемъ. Правда, въ этихъ извѣстіяхъ недостаетъ подробностей, поэтому нужно довольствоваться частью аналогіями, частью догадками. Аналогіи даютъ тѣ случаи, когда имперія принимала къ себѣ на службу военноплѣнныхъ сарацинъ,

---

[1]) Constantini. „De Cerimoniis", 665, 669.

поселяемыхъ въ ѳемы съ условіемъ принятія христіанства. Такимъ поселенцамъ выдавалось денежное жалованье на обзаведеніе хозяйствомъ и скотомъ для обработки участка земли, также опредѣленное количество зерна на пропитаніе и на посѣвъ [1]); кромѣ того, новые поселенцы освобождались на три года отъ взноса податей. Точно также аналогіи представляютъ тѣ условія, на какихъ поселены были при императорѣ Ѳеофилѣ въ началѣ IX в. персы въ числѣ 14 тысячъ. Они удержали національную организацію, получили право управляться собственнымъ вождемъ, который принялъ христіанскую вѣру, и наконецъ, переведены въ военно-податное состояніе.

Наиболѣе существеннымъ признакомъ нужно признать, конечно, тотъ, что колонисты записывались въ военные списки и подводились подъ военно-податное состояніе. Что касается прочихъ привилегій, какъ выдача денежныхъ суммъ на хозяйство и обзаведеніе инвентаремъ или выдача хлѣбныхъ запасовъ на прокормленіе и посѣвъ,—это были весьма обыкновенныя условія, не возбуждавшія трудностей при исполненіи и не затрагивавшія политическаго положенія колоніи. По отношенію къ государственно-правовому состоянію славянскихъ колонистовъ имѣется въ настоящее время совершенно новый и оригинальный памятникъ, бросающій новый свѣтъ на этотъ вопросъ. Въ коллекціяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ есть печать славянской военной колоніи въ Виѳиніи, относящаяся къ VII вѣку (стр. 773). Она даетъ на одной сторонѣ изображеніе императора съ обозначеніемъ индикта, а на другой—надпись на греческомъ языкѣ, свидѣтельствующую, что это—печать славянъ изъ Виѳиніи, выставившихъ военный отрядъ [2]). Нужно думать, что печать относится къ 650 г. и представляетъ изображеніе императора Константа, ко времени котораго, какъ мы видѣли выше, относится первое извѣстіе о славянахъ въ Малой Азіи. Этотъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ закрѣпляетъ, какъ оффиціальный актъ, всѣ тѣ данныя, которыя были указаны выше, о колонизаціи славянами Малой Азіи. Но основное значеніе этого памятника заключается въ томъ, что имъ подтверждается политическая организація

---

1) Constantini, „De Cerimoniis“, II, c. 49; Б. А. Панченко въ „Извѣстіяхъ Института“, VIII, 51 и сл.

2) „Памятники славянъ въ Виѳиніи VII в.“ статья Б. А. Панченко въ „Извѣстіяхъ“, VIII, 25: τῶν ἄνδρας δόντων Σκλαβόων τῆς Βιθυνῶν ἐπαρχίας.

славянскихъ колоній. Они были организованы съ цѣлью отбыванія военной службы, и ихъ положеніе характеризуется именно военно-податнымъ качествомъ ихъ. Отличіе славянской колоніи состояло въ томъ, что она не только участвовала въ несеніи военной службы, но обязана была выставлять опредѣленный контингентъ, опредѣленное число военныхъ людей на службу имперіи. Это число на печати не обозначено, но печать свидѣтельствуетъ, что повинность исполнена, контингентъ поставленъ. На обратной сторонѣ печати читается титулъ старшины, стоявшаго во главѣ колоніи; онъ носилъ почетное служебное званіе, какимъ награждались состоящія на службѣ имперіи лица IV класса (ἀπὸ ὑπάτων). Хотя можно пожалѣть, что имя славянскаго старшины стерлось, но не въ этомъ сущность вопроса. Ясно, что славянская колонія была одарена нѣкоторыми привилегіями, что она прежде всего управлялась своей властью, а не византійскимъ чиновникомъ, что въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ она зависѣла отъ договорнаго начала съ византійскимъ правительствомъ и не становилась въ безконтрольное подчиненіе административному произволу мѣстной византійской власти.

Переходимъ теперь къ выясненію вопроса объ организаціи славянскихъ колоній или, что то же, объ организаціи ѳемы. Какимъ образомъ правительство обезпечивало себѣ исправное отбываніе славянами военно-податной повинности? По отношенію къ организаціи военно-податныхъ участковъ ограничимся пока общими указаніями. Организація военной службы [1]) на системѣ пожалованія небольшихъ земельныхъ надѣловъ или помѣстій не есть явленіе совершенно новое. Отводъ казенныхъ земель для добровольныхъ и подневольныхъ поселенцевъ, а также объявленіе военно-податными уже земель населенныхъ—это была весьма обычная практика въ Византіи, примѣнявшаяся одинаково въ западныхъ и восточныхъ провинціяхъ. Въ первомъ случаѣ на заранѣе отведенныя земли приглашались охотники или военноплѣнные, во второмъ—крестьянское населеніе облагалось военной повинностью, натуральной и денежною. Въ томъ и другомъ случаѣ обязанность военной службы переходила по наслѣдству отъ отца къ сыну, который поэтому становился и наслѣдникомъ военнаго участка. Раз-

---

[1]) Zachariae, „Geschichte des griechisch-römischen Rechts“, 2. Aufl. S. 525; Καλλιγα, Μελέται καὶ λόγοι,183—304; Васильевскій, „Журн. Минист. Народнаго Просвѣщенія“, мартъ 1879; Успенскій, въ томъ же журналѣ, августъ, 1885.

смотримъ одно мѣсто Константина Порфиророднаго, которое не только ставитъ въ тѣсную связь такія на первый взглядъ отдаленныя учрежденія, какъ военное устройство и землевладѣніе, но и вводитъ въ самую сущность подлежащаго изученію вопроса. „Слѣдуетъ знать [1]), что кавалеристъ нижняго чина долженъ имѣть недвижимое имущество, то-есть земельный надѣлъ, въ пять литръ или, по крайней мѣрѣ, въ четыре литры, что царскій матросъ долженъ имѣть недвижимое имущество или земельный надѣлъ въ три литры. Должно знать, что существовало правило, по которому призывнымъ ратникамъ, въ случаѣ объявленія набора, не позволялось, если они зажиточны, давать складчиковъ, но чтобы они несли службу сами за себя; если же они не богаты, то имъ даются складчики, дабы при помощи ихъ могли нести свою службу. Если же они вполнѣ обѣднѣли и даже при содѣйствіи складчиковъ не въ состояніи отбывать военной службы, то лишаются военнаго званія. Земельные же участки таковыхъ воиновъ неотчуждаемы и переходятъ въ казенное вѣдомство на тотъ случай, что если бы кто изъ лишенныхъ военнаго состоянія снова поправился, то могъ бы получить свой участокъ и снова быть зачисленнымъ въ свой отрядъ".

Приведенное мѣсто прекрасно дополняется и иллюстрируется законодательными памятниками X вѣка, касающимися организаціи военноподатной земли [2]). Военные участки, будучи организованы по аналогіи съ крестьянскими земельными надѣлами, имѣютъ извѣстное отношеніе къ гражданскимъ земледѣльческимъ и податнымъ группамъ, иначе говоря, не порываютъ связи съ организаціей сельской общины. Это усматривается изъ цѣлаго ряда мѣръ, которыми цари македонской династіи старались предупредить поглощеніе военныхъ участковъ системой крупнаго землевладѣнія.

Новеллы, во-первыхъ, обезпечиваютъ условія перехода военныхъ участковъ изъ рукъ въ руки. Преимущественное право на владѣніе военнымъ участкомъ, въ случаѣ освобожденія его, обезпечивается за слѣдующими группами: 1) за ближайшими родственниками бывшаго владѣльца; 2) за родственниками въ дальнихъ степеняхъ; 3) за

---

[1]) „De Cerimoniis", 695, 14.

[2]) Новеллы изданы у Zachariae a Lingenthal, „Jus Graeco Romanum", III. Въ русскомъ переводѣ онѣ читаются въ статьѣ Васильевскаго, „Ж. М. Н. Просв.", мартъ, 1879 г.

тѣми изъ односельчанъ или сосѣдей, которые подведены подъ одинъ разрядъ по отбыванію воинской повинности, то-есть за складчиками и сокопейщиками; 4) за членами группы военно-податныхъ, причисленныхъ къ одной податной общинѣ; наконецъ, 5) если бы не оказалось въ предыдущихъ группахъ желающаго принять воинскій участокъ, то право на него переходитъ на крестьянскую волость, иначе говоря, военная организація растворяется, въ концѣ концовъ, въ крестьянской.

Во-вторыхъ, новеллами устанавливаются частныя правила о военныхъ участкахъ, на основаніи которыхъ можно составить нѣкоторое понятіе объ организаціи ихъ. И прежде всего весьма важны указанія на экономическую квалификацію военныхъ участковъ. Цѣнность участка, съ котораго идетъ военная служба на конѣ, опредѣляется въ 4 литры; для морской службы недвижимая собственность оцѣнивается въ 4 или въ 2 литры, по мѣсту службы моряка.—Опредѣляя цѣнность золотой литры суммой отъ 300 до 400 рублей, мы можемъ до нѣкоторой степени подойти къ рѣшенію вопроса о реальной величинѣ земельнаго участка, оцѣниваемаго въ 1, 2 и т. д. литры [1]).

Литра золотая состояла изъ 72 номисмъ или, по обыкновенному въ Византіи словоупотребленію, перперовъ; каждый перперъ стоилъ отъ 4 до 5 рублей на наши деньги. Слѣдовательно, конный участокъ въ четыре литры представляетъ мѣновую цѣнность въ 288 перперовъ или отъ 1152 до 1440 руб. Далѣе, принимая въ соображеніе нѣкоторыя указанія на доходность земли при отдачѣ ея въ аренду, можно заключать, что обыкновенный крестьянскій участокъ въ 60 модіевъ, т.-е. около 15 десятинъ, давалъ аренды 5 перперовъ; цѣна же подобнаго участка въ продажѣ опредѣляется приблизительно 60 перперами (модій нѣсколько меньше 1 перпера). Такимъ образомъ, реальная величина коннаго участка должна быть около 280 модіевъ или приблизительно 70 десятинъ подъ культурой. Сумма дохода съ подобнаго участка можетъ быть разсчитана или по аналогіи съ обычной арендой (одинъ перперъ на 12 модіевъ или 3 десятины), или соотвѣтственно съ обычной податью на пахотную землю, въ томъ и другомъ случаѣ доходъ съ коннаго участка опредѣляется въ 24—25 перперовъ. Такова, повидимому, средняя сумма, потребная на исполненіе военной службы въ кавалеріи.

---

[1]) За подробностями отсылаемъ къ указанной выше литературѣ вопроса.

Частныя постановленія въ новеллахъ по отношенію къ военнымъ участкамъ заключаются въ слѣдующемъ:

1. Стратіотамъ воспрещается продавать имущество, съ котораго они несутъ военную службу. Военный участокъ обязательно переходитъ отъ отца къ сыну съ одинаковымъ обязательствомъ военной службы. Въ случаѣ дѣлежа участка между нѣсколькими сонаслѣдниками, они обязаны въ складчину нести съ него службу.

2. Частная собственность стратіота, внесенная въ военныя писцовыя книги, раздѣляетъ судьбу военно-податного надѣла, т.-е. не подлежитъ отчужденію.

3. Отъ покупки военныхъ участковъ и права наслѣдованія въ нихъ устраняются знатныя или чиновныя лица, митрополитъ, епископъ, монастырь, богоугодныя учрежденія и т. д.

4. Признается, однако, право сорокалѣтней давности. Военный участокъ теряетъ свой военно-податной характеръ, если кто докажетъ, что владѣлъ имъ 40 лѣтъ по частному праву.

Въ такомъ видѣ организованы были военно-податные участки въ ѳемахъ, и эта организація поддерживалась обычаемъ и закономъ до конца XI вѣка. Для изучающаго вопросъ о военномъ устройствѣ въ Византіи особенное значеніе должно имѣть то наблюденіе, что правительство одинаковыми мѣрами защищаетъ крестьянское и военное землевладѣніе, въ томъ и другомъ случаѣ на стражѣ цѣлости и неотчуждаемости участковъ ставя само сельское населеніе и его хозяйственные интересы. Не менѣе важнымъ моментомъ оказывается и тотъ, что военное дѣло поставлено было въ тѣсную зависимость отъ владѣнія землей, и что средства къ защитѣ государства черпались изъ экономической организаціи крестьянскаго хозяйства.

Путемъ продолжительныхъ опытовъ и смѣны различныхъ системъ византійское правительство пришло къ разрѣшенію одного изъ капитальныхъ вопросовъ государственной жизни. Что та система, которая нашла себѣ примѣненіе въ ѳемномъ устройствѣ, была наилучшая для своего времени, это доказывается какъ живучестью ея, такъ и военнымъ могуществомъ Византіи и успѣхами въ борьбѣ съ арабами и болгарами въ VII, VIII и IX вѣкахъ.

Перейти отъ системы найма иностранныхъ отрядовъ къ національному войску не удалось византійскому правительству ни въ V, ни въ VI вѣкѣ. Господствующей въ отмѣченный періодъ системой

были федераты. Послѣдній случай найма въ военную службу большого чужеземнаго отряда относится къ царствованію Тиверія II (578—582). Этотъ отрядъ въ 15000 человѣкъ [1]) поставленъ былъ подъ начальство Маврикія, комита федератовъ, впослѣдствіи провозглашеннаго царемъ. Но уже къ тому времени признаки новыхъ взглядовъ обнаруживаются въ единичныхъ попыткахъ реформировать военное дѣло у Юстиніана I. По крайней мѣрѣ, къ подобному заключенію приводитъ разсмотрѣніе мѣропріятій его по организаціи Арменіи, въ которыхъ есть два пункта, несомнѣнно подготовлявшіе ѳемную организацію: привлеченіе къ военной службѣ туземцевъ и устраненіе существовавшаго доселѣ строя [2]). Введеніе ѳемнаго устройства зависѣло отъ обстоятельствъ; какъ мы видѣли выше, для этого нужны были свободныя земли и рабочія руки. Земель несомнѣнно было много, но населеніе весьма рѣдко. Система колонизаціи пустопорожнихъ земель была, повидимому, однимъ изъ главныхъ рессурсовъ при проведеніи ѳемнаго устройства. Армяне и славяне значительно усилили населеніе восточныхъ провинцій и способствовали утвержденію новой организаціи военнаго дѣла.

Раскрыть исторію ѳемнаго устройства въ Византіи—значитъ выяснить мѣры правительства по отношенію къ землевладѣнію и къ устройству крестьянскаго населенія. И въ дальнѣйшихъ стадіяхъ своего развитія судьба этого устройства зависѣла отъ финансовыхъ и экономическихъ воззрѣній византійскаго правительства.

Первое оффиціальное упоминаніе о ѳемахъ имѣется отъ 687 г. въ письмѣ Юстиніана II къ папѣ Іоанну [3]), при чемъ какъ старшія по происхожденію ѳемы названы: Опсикій, Анатолика, Ѳракійская, Арменіакъ (ранѣе 665 г.), Кивиррэотъ. Съ теченіемъ времени количество ѳемъ возрастаетъ, при чемъ старыя ѳемы, въ особенности Опсикій и Анатолика, раздробляются на меньшія подраздѣленія и возникаютъ новыя. Въ пору полнаго развитія ѳемнаго устройства въ Азіи было 14, въ Европѣ 12 ѳемъ.

Чтобы выяснить первоначальный смыслъ ѳемы и мотивы происхожденія ѳемнаго устройства, необходимо держаться тѣхъ извѣстій,

---

1) Theoph., „Chronogr.“, 251, 25: ὁ δὲ βασιλεὺς Τιβέριος ἀγοράσας σώματα ἐθνικῶν κατέστησε στράτευμα εἰς ὄνομα ἴδιον ἀμφιάσας καὶ καθοπλίσας αὐτοὺς χιλιάδας 15.

2) Malala, „Chronogr.“, 429, 16; Theoph., 175, 7.

3) Mansi, „Concilia“, XI, col. 737.

которыя касаются первыхъ ѳемъ и не относятся къ ѳемамъ позднѣйшаго образованія при императорахъ-иконоборцахъ и далѣе. Замѣчено прежде всего изслѣдователями, что первыя ѳемы имѣютъ не географическія наименованія, каковы ѳемы образованія позднѣйшихъ періодовъ; не говорится о ѳемѣ Арменія, Анатолія, Кивира и проч., но Арменіакъ, Анатолика, Кивиррэотъ, Опсикій и проч., т.-е. основной мотивъ названія не въ географической номенклатурѣ, а въ характерѣ населенія [1]). Точно также, на основаніи оффиціальныхъ актовъ конца VII в., именно подписей на актахъ шестого и пято-шестого собора утверждается, что въ началѣ ѳема была исключительно военной организаціей, и что при первоначальномъ введеніи этой организаціи гражданское управленіе провинцій оставалось неизмѣннымъ [2]); лишь со времени Льва Исавра происходитъ крутой поворотъ въ сторону усиленія власти стратига ѳемы на счетъ гражданской администраціи провинцій.

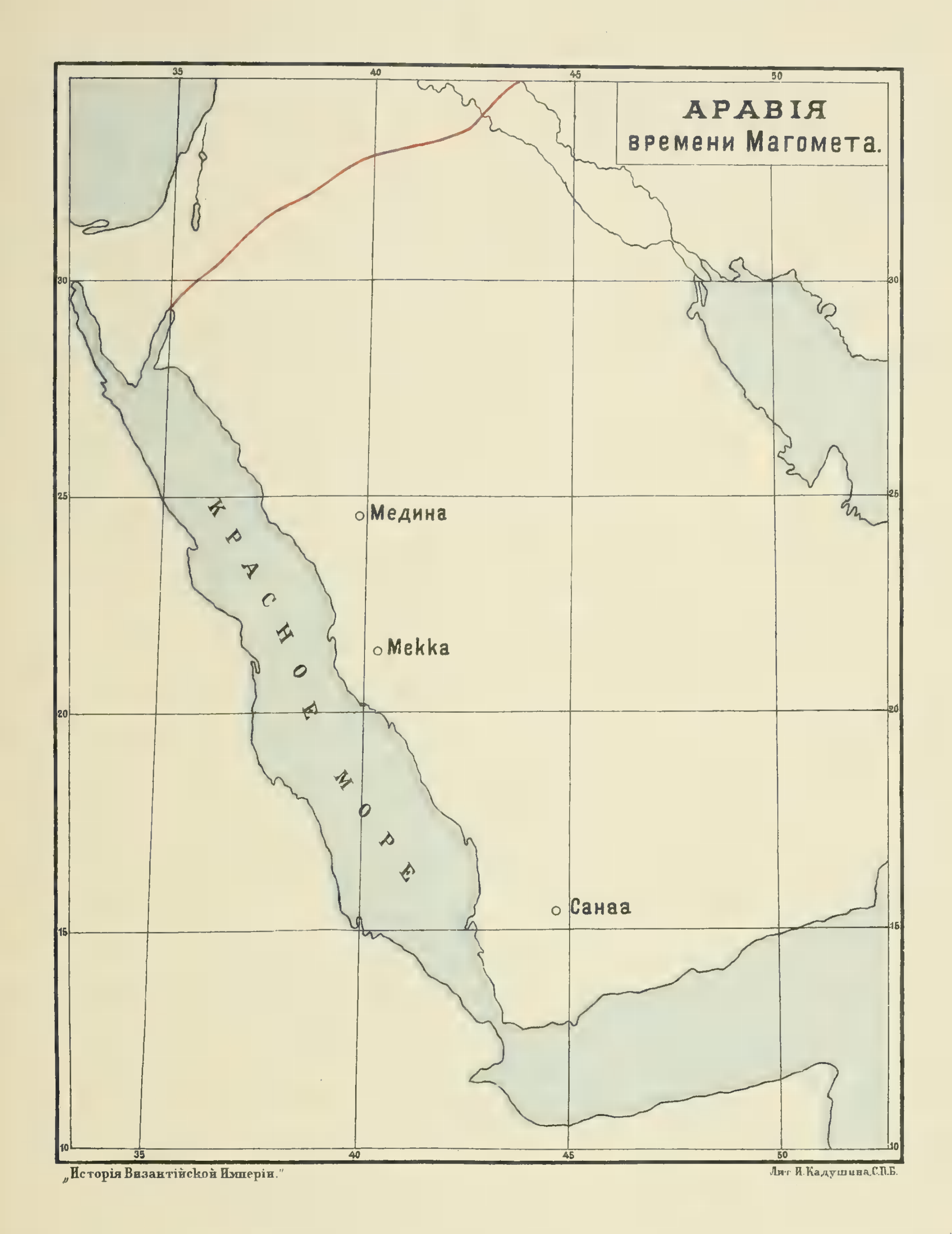
Различая въ ѳемѣ два элемента: военный, какъ мѣсто расположенія дивизіи или корпуса, и гражданскій, какъ административный округъ, въ который входятъ жители городовъ и деревень, управляемые своими гражданскими чинами, мы не должны, однако, терять изъ виду, что оба эти элемента уже въ VIII в. сливаются, т.-е., что ѳема-гражданскій округъ поглощаетъ ѳему-дивизію, что вторая растворяется въ первой. Такимъ образомъ, если въ періодъ своего полнаго развитія ѳемное устройство является характернымъ выраженіемъ административнаго, земельнаго и финансоваго устройства византійскаго государства, то мы неизбѣжно возвратимся къ нему еще не разъ, въ особенности когда будемъ говорить о внутреннемъ устройствѣ имперіи.

Приведенные выше факты и сдѣланные изъ нихъ выводы позволяютъ приходить къ заключенію, что не усиленіе власти начальствующихъ военными отрядами въ провинціяхъ составляетъ цѣль и содержаніе ѳемнаго устройства. Съ одной стороны, система ѳемъ спасла имперію отъ неминуемой гибели и дала ей возможность выдержать сильный натискъ со стороны внѣшнихъ враговъ; съ другой — въ смыслѣ эволюціи военныхъ учрежденій она замѣняетъ систему наемныхъ отрядовъ и національзируетъ имперское войско.

---

1) Diehl, „L'origine des thèmes“, p. 55.

2) Gelzer, „Die Genesis der Themenverfassung“, S. 65—7.


АРАВІЯ
времени Магомета.
Медина
Мекка
Санаа
КРАСНОЕ МОРЕ
„История Византійской Имперіи."
Лит. И. Кадушина С.П.Б.

Глава VIII.

Арабы. Магометъ.

Во все время существованія имперіи ни одному народу не пришлось играть такой роли въ исторіи Византіи, какъ арабамъ. Не только какъ носители военнаго и завоевательнаго принципа, но и какъ основатели новаго культа, арабы слишкомъ глубоко затронули самыя основы Византійской имперіи, поколебали ея устои и не разъ угрожали самому существованію государства. Какъ религія, выросшая на почвѣ исторической эволюціи и отвѣчавшая религіознымъ и культурнымъ потребностямъ своего времени, мусульманство имѣло громадное вліяніе на судьбу самого православнаго христіанскаго міра, такъ какъ распространилось по тѣмъ областямъ, которыя искони были христіанскими и составляли достояніе патріархатовъ антіохійскаго, александрійскаго и іерусалимскаго. Усилившись, главнымъ образомъ, на счетъ областей, отнятыхъ отъ имперіи, арабы составили громадную политическую и военную силу, которая пріобрѣла міровое значеніе посредствомъ развитія флота, торговли и широкаго распространенія научныхъ и художественныхъ занятій. Византійская имперія, и безъ того заявлявшая опредѣленно выраженное стремленіе ограничивать мѣстныя провинціальныя тяготѣнія и все направлять въ пользу Константинополя и пришедшая уже къ возвышенію каѳедры константинопольскаго патріарха надъ другими восточными патріархатами, съ потерей обширныхъ провинцій на Востокѣ, быстро приближается къ полному осуществленію заложеннаго въ ней принципа византинизма, который направляется къ преобладанію эллинской народности надъ всѣми другими.

Никому, конечно, не могло казаться возможнымъ, чтобы за предѣлами имперіи въ VII вѣкѣ образовалась новая культурная сила,

которая обладала бы такимъ избыткомъ духовныхъ и матеріальныхъ средствъ, какимъ заявило себя мусульманство уже въ первой половинѣ VIII вѣка. Повидимому, византійскіе государственные люди болѣе считались съ тѣмъ народомъ, который въ VII в. занялъ почти весь Балканскій полуостровъ и большими массами колонизовалъ Малую Азію. Въ самомъ дѣлѣ, славянамъ, которые заняли культурныя области въ Европѣ и распространились до Адріатическаго моря и Архипелага, открывалась въ VII в. безграничная историческая перспектива. Отдѣльныя колоніи ихъ выдвигаются въ сосѣдство съ германцами, итальянцами, греками и на Востокѣ въ значительныхъ массахъ поселяются въ Малой Азіи; мѣстные элементы, встрѣченные въ занятыхъ ими мѣстахъ, не были такъ плотны, чтобы угрожать ихъ благополучію. Но славянамъ не удалось создать политическаго и этнографическаго центра; не оказалось у нихъ такого вождя, который соединилъ бы разрозненныя племена, находившіяся въ подчиненіи своихъ родовыхъ старшинъ, въ одно цѣлое и далъ бы имъ опредѣленную задачу, какъ цѣль ихъ дѣятельности. Вслѣдствіе этого историческое воспитаніе славянскаго племени значительно замедлилось и въ дальнѣйшемъ встрѣтило такія препятствія, какихъ не было въ VII в.

Трудно, конечно, разрѣшить вопросъ о психологическихъ мотивахъ, дающихъ тотъ или иной характеръ историческимъ дѣятелямъ. Одно не можетъ подвергаться сомнѣнію, что народы и царства создаются подъ воздѣйствіемъ сложныхъ причинъ, которыя дѣйствуютъ постепенно и въ своей эволюціи представляютъ множество разнообразій. Нужно отказаться отъ мысли, что мусульманство является творческимъ произведеніемъ одного лица, и что Магометъ можетъ быть понятъ внѣ физической и культурной обстановки, въ которой онъ воспитался и выросъ.

Площадь, занимаемая Аравіей, составляетъ громадное пространство въ 2500 километровъ длины и около 1000 ширины. На этомъ пространствѣ и нынѣ едва ли можно считать болѣе 5 милл. жителей. Весьма важно установить, что населеніе Аравіи не только съ самыхъ древнихъ временъ, но и послѣ раздѣляется на осѣдлое и кочевое, и что Аравія только въ нѣкоторыхъ частяхъ, въ особенности по берегу Краснаго моря, гдѣ находятся плодородныя области Геджазъ и Іеменъ, и еще въ самомъ центрѣ (Неджедъ) способна къ культурѣ, а въ боль-

шинствѣ представляетъ песчаную пустыню, доступную кочующимъ племенамъ. По сторонамъ отъ Неджеда, частью вслѣдствіе вліянія морскихъ сношеній и частью сосѣдства съ двумя культурными странами — Персіей и Византіей, обнаруживаются начатки политической организаціи и культурной осѣдлой жизни задолго еще до Магомета. Въ точности опредѣлить, какая цивилизація была въ Аравіи до появленія Магомета, пока еще не удалось, но на основаніи многочисленныхъ указаній слѣдуетъ принимать, что цивилизація была и притомъ въ весьма отдаленныя времена. Достаточно указать на сношенія Соломона съ царствомъ Сабейскимъ (въ Іеменѣ) и на данныя, сообщаемыя ассирійскими и южно-арабскими памятниками [1]), изъ которыхъ усматривается, что Аравія находилась въ оживленныхъ культурныхъ сношеніяхъ съ восточными имперіями. Въ византійскую эпоху пограничныя арабскія области были вовлечены въ историческую жизнь и подверглись разнообразнымъ вліяніямъ, шедшимъ изъ Византіи и изъ Персіи, такъ какъ обѣ имперіи, въ цѣляхъ обороны отъ бедуиновъ, находили полезнымъ поддерживать то или другое пограничное племя и платить жалованье его шейху, чтобы онъ оберегалъ границу противъ другихъ кочевыхъ племенъ. Такъ образовались два арабскихъ владѣнія: одно на Евфратѣ, гдѣ господствовали Лахмиды, другое—на границѣ Сиріи подъ управленіемъ Гассанидовъ. Въ византійскихъ лѣтописяхъ представители того и другого дома нерѣдко упоминаются подъ именемъ филарховъ, которые то стоятъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ имперіей, то измѣняютъ ей и поступаютъ на жалованье къ Персіи. Оба эти пограничныя владѣнія служили посредствующимъ органомъ въ сношеніяхъ между вольными бедуинами и культурными имперіями. Почти безпрерывныя войны между Персіей и Византіей въ VI в., въ которыхъ арабы принимали дѣятельное участіе, дали возможность этимъ послѣднимъ не только жить войной и грабежомъ, но и постепенно приходить къ мысли о слабости силъ имперіи и о возможности начать съ ней самостоятельно борьбу за преобладаніе на Востокѣ. Изъ Гассанидовъ наибольшей извѣстностью пользуется Гариѳъ или Арееа византійской лѣтописи, современникъ Юстиніана, носившій санъ патри-

---

[1]) Sprengel, „Das Leben u. die Lehre d. M.“; Müller, „Der Islam im Morgen- und Abendlande“, I, S. 23—24; Gustav Lebon, „La civilisation des Arabes“, chap. III; Крымскій, „Исторія мусульманства“, ч. I, II.

кія и владѣвшій арабами съ титуломъ короля. Наиболѣе знаменитымъ въ королевствѣ Лахмидовъ былъ Эль-Мундиръ или Аламундаръ (V вѣкъ). Уже въ серединѣ V вѣка въ центральной Аравіи обнаруживается попытка соединенія нѣсколькихъ племенъ въ одно политическое цѣлое и стремленіе направить соединенныя силы арабовъ на сѣверъ, гдѣ соплеменники ихъ—Гассаниды и Лахмиды—постоянно обогащались добычей во время войнъ Персіи и Византіи. Таково было соединеніе арабскихъ племенъ подъ главенствомъ племени Кинда; этотъ союзъ былъ чрезвычайно опасенъ потому, что могъ соединиться съ Гассанидами или Лахмидами, и императору Анастасію въ 503 г. съ большимъ трудомъ удалось усмирить воинственнаго шейха Гариѳа и направить его противъ государства Лахмидовъ. Такимъ образомъ, движеніе между арабскими племенами обнаруживалось въ разныхъ мѣстахъ. Византійское правительство, слѣдуя всегдашней своей политикѣ, выработанной въ сношеніяхъ съ варварами, старалось держать равновѣсіе между вассальными арабскими владѣтелями; но должна была наступить пора, когда арабы поймутъ свои выгоды и перестанутъ служить орудіемъ чужой политики. Это случилось послѣ того, какъ войны между греками и персами окончились въ VII в. полнымъ разгромомъ Персіи, и когда византійское правительство попустило персамъ и арабамъ разрушить пограничное княжество Лахмидовъ и тѣмъ лишить свои владѣнія въ Месопотаміи естественной защиты.

Не менѣе значительны были другія вліянія, постепенно дѣйствовавшія на приморскія области Аравіи и приготовлявшія здѣсь почву для національнаго подъема. Противоположность между сѣверомъ и югомъ хорошо опредѣлена въ Библіи: безпокойные бедуины сѣвера, сыны Измаила, и осѣдлое и затронутое издавна культурой населеніе юга, жители государства Сабейскаго или Савскаго. Провинціи по берегу Краснаго моря, Геджазъ и Іеменъ, съ весьма отдаленныхъ временъ отличались инымъ характеромъ жизни, чѣмъ другія части Аравіи, что обусловливалось торговымъ значеніемъ упомянутыхъ областей. Таково описаніе Іемена у Масуди: „тамъ можно видѣть прекрасныя зданія, великолѣпныя деревья, каналы и рѣки, прорѣзывающія страну во всѣхъ направленіяхъ [1]). Путешественникъ могъ

[1]) G. Lebon, „La civilisation des Arabes", p. 67.

пройти эту страну отъ одного конца до другого, не испытавъ солнечнаго зноя, на всемъ пути онъ находилъ достаточную тѣнь, ибо деревья покрывали всю эту страну. Обитатели пользовались всѣми удобствами жизни и въ обиліи имѣли все необходимое. Плодородная земля, чистый воздухъ, ясное небо, многочисленные источники, сильное государство, твердое правительство,—все способствовало тому, чтобы сдѣлать изъ этой страны обѣтованную землю. Жители отличались благородствомъ характера и благорасположенностью къ иностранцамъ и къ путешественникамъ. — Благопріятныя условія жизни этой части Іемена зависѣли отъ знаменитыхъ водяныхъ загражденій Мареба, построенныхъ тою царицей, которая посѣтила Соломона. Отъ этихъ загражденій зависѣло плодородіе страны, благополучію которой положенъ былъ конецъ прорывомъ загражденій, послѣдовавшимъ около перваго столѣтія христіанской эры.

Красное море имѣло громадное значеніе въ міровой торговлѣ какъ въ древнее время, такъ и въ средніе вѣка. Въ южной Аравіи рано создались промышленныя и торговыя общества. На юго-востокѣ Аравіи въ провинціи Гадрамаутъ находится мѣстность, производившая во всемъ мірѣ знаменитый и дорогой ладанъ, а на юго-западѣ была добыча золота. Значеніе Аравіи во всемірной торговлѣ усилилось во время Юстиніана, такъ какъ постоянныя войны съ Персіей закрыли обычные пути, которыми сирійское и египетское населеніе и побережья Средиземнаго моря поддерживали свои сношенія съ Персіей и Индіей. Эта торговля пошла теперь двумя путями въ обходъ владѣній персидскаго царя: одинъ сѣвернѣй Каспія, другой Краснымъ моремъ. Такимъ образомъ черезъ Аравію шли вина греческихъ острововъ, шерстяныя ткани Милета, пурпуръ тирскій, манускрипты Египта и Пергама, товары Индіи, слоновая кость и черепаховыя издѣлія Африки, рабы, китайскій шелкъ, обезьяны, павлины. Часть товаровъ направлялась водой, часть шла транзитомъ, караванами черезъ Аравію.

При трудностяхъ плаванія на Красномъ морѣ, съ древнихъ временъ сдѣлался извѣстнымъ сухопутный караванный путь между Іеменомъ и Сиріей. Онъ шелъ черезъ область знаменитаго ладана (Гадрамаутъ) въ страну Сабейскую, затѣмъ береговой плодородной полосой черезъ Мекку и Медину къ Синайскому полуострову на Петру и Газу, гдѣ былъ главный складъ товаровъ, привозимыхъ въ Европу

и вывозимыхъ на востокъ. Эта страна была раздѣлена на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ, между которыми Сабейское занимало первое мѣсто. Чтобы понять, почему, однако, въ событіяхъ VII в. историческая роль выпала не на долю Іемена, а болѣе сѣверной провинціи Геджаса, намъ нужно коснуться религіознаго движенія Аравіи.

Геджасъ составляетъ плодородную долину между двумя горными кряжами, изъ коихъ одинъ идетъ вдоль моря, другой—къ области Неджедъ. Эта долина самой природой была указана какъ главный караванный путь между Сиріей и южной Аравіей. На этомъ пути лежали два мѣста, получившія громадную извѣстность въ исторіи: Мекка и Медина, въ древности Макораба и Ясрибъ. Здѣсь были главныя станціи караванной дороги, и уже въ древнее время эти два города получили довольно большое значеніе. Населеніе ихъ было смѣшанное, особенно было много сѣверныхъ колонистовъ. Извѣстно, что во время Магомета въ сѣверномъ Геджасѣ было много еврейскаго населенія; это обстоятельство слѣдуетъ принимать въ соображеніе, когда встрѣчаемся съ указаніемъ, что основаніе святилища въ Меккѣ и начала арабской религіи относятся къ Аврааму. Не подлежитъ сомнѣнію, что это смѣшанное населеніе съ теченіемъ времени усвоило арабскій языкъ и нравы и въ Меккѣ имѣло свое религіозное и политическое средоточіе въ поклоненіи Каабѣ. Зарожденіе въ Меккѣ культа, которому суждено было получить громадное историческое значеніе, объясняется именно торговымъ значеніемъ Мекки. Процессъ религіознаго и политическаго возвышенія Мекки толкуется слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ городъ находился на границѣ между старымъ Сабейскимъ царствомъ и пустыней, населенной свободными и дикими племенами, для которыхъ торговые караваны были всегда привлекательной цѣлью ради хищническихъ нападеній, то для жителей Мекки и ея окрестностей было въ высшей степени важно принять мѣры къ защитѣ идущихъ на сѣверъ каравановъ, и самымъ лучшимъ средствомъ было поставить торговлю подъ защиту чуждыхъ и для мѣстныхъ бедуиновъ страшныхъ боговъ. Возникъ союзъ изъ племенъ Геджаса, которыя жили отъ караванной тоговли; онъ имѣлъ средоточіе въ поклоненіи Каабѣ и получилъ съ теченіемъ времени большое значеніе между дикими арабскими племенами. Въ Меккѣ ежегодно совершались весеннія религіозныя празднества, на которыя стекались отвсюду поклонники, и на которыхъ

устраивались ярмарки. Уже съ давнихъ поръ время подобныхъ праздниковъ и обмѣна произведеній между культурными обитателями Геджаса и дикими сынами пустыни наблюдалось какъ совершенно исключительный періодъ въ году, когда нельзя было посягать на чужую жизнь и собственность. Такимъ образомъ, еще задолго до Магомета было священнымъ обычаемъ не только въ Геджасѣ, но и между арабами пустыни наблюдать миръ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, и во все это время каждый спокойно могъ идти въ Мекку, устроить тамъ свои дѣла и возвратиться домой. Культъ Каабы не былъ исключительнымъ для опредѣленнаго числа племенъ; напротивъ, сдѣланы были всѣ облегченія для пріобщенія къ нему самыхъ отдаленныхъ арабовъ пустыни. Каждое племя, примкнувшее къ политическому союзу, имѣвшему центръ въ Меккѣ, получало право поставить въ храмѣ своего собственнаго идола, такъ что всего въ немъ было до 360 идоловъ. Терпимость простиралась такъ далеко, что въ Каабѣ были изображенія Авраама и дѣвы Маріи съ Іисусомъ, а равно идолы разныхъ чуждыхъ народовъ. Каждый арабъ могъ видѣть въ Каабѣ свое собственное божество и обращаться къ нему въ случаѣ нужды за помощью и совѣтомъ. Но болѣе другихъ чтимымъ идоломъ былъ агатовый истуканъ, принадлежавшій племени Корейшъ, а выше его былъ Черный камень, который составляетъ главную святыню мусульманъ и до настоящаго времени. По свидѣтельству европейскихъ путешественниковъ, которымъ удалось его видѣть, это кусокъ базальта, красно-коричневаго, почти чернаго цвѣта, вулканическаго происхожденія. Въ настоящее время онъ состоитъ изъ дюжины кусковъ.

Къ VI в. въ религіозномъ настроеніи арабовъ произошли большія перемѣны. Живая вѣра въ боговъ изъ камня и дерева подверглась сомнѣнію и критикѣ. Хотя надъ народными божествами возвышался Илъ или Аллахъ, но онъ стоялъ далеко отъ сознанія арабовъ, у него не было ни храмовъ, ни богослуженія, чтобы приблизить его къ народу; необходимо было облечь почитаніе его въ опредѣленные обряды и создать религіозную догматику и церковную іерархію. Давно уже высказывалась мысль, что по своимъ воззрѣніямъ на божество арабы могли безъ особенныхъ затрудненій принять или іудейство, или христіанство. Іудеевъ было въ Аравіи значительное количество, нѣкоторыя арабскія племена усвоили себѣ еврей-

скій законъ, а въ Іеменѣ іудейство было даже государственной религіей. Но Магометъ нашелъ іудейство не совсѣмъ пригодной для своего народа вѣрой. Что касается христіанства, оно имѣло въ Аравіи многихъ приверженцевъ и входило въ Аравію двумя потоками: изъ Абиссиніи и изъ Сиріи. Въ Іеменѣ, на Синаѣ, между арабами Сиріи было много христіанъ, но получить христіанскому догмату вліяніе надъ арабскимъ народомъ не пришлось, потому что его отвлеченныя логическія построенія и умозрѣнія слишкомъ далеки были отъ психики араба и не отвѣчали на его реальные запросы. Изъ еврейскихъ и христіанскихъ воззрѣній въ VI вѣкѣ выработалось монотеистическое направленіе, въ которомъ нашло многихъ приверженцевъ ученіе объ единомъ богѣ и о воздаяніи за дѣла, содѣянныя въ настоящей жизни. Тѣ, которые примыкали къ этому направленію, носили имя ханифовъ; они одинаково отрицали какъ іудейство, такъ и христіанство и стояли на пути къ образованію особаго религіознаго ученія, которое наиболѣе отвѣчало бы потребностямъ арабовъ.

Происхожденіе Магомета и годы его дѣтства разукрашены преданіемъ и вымысломъ. Выпавшая ему на долю историческая роль была такъ велика, что современникамъ и ближайшимъ потомкамъ естественно было видѣть въ немъ провиденціальное существо, самымъ рожденіемъ и обстоятельствами жизни предназначенное къ исключительной сверхчеловѣческой роли. По преданію онъ родился въ Меккѣ въ 571 г., но настаивать на этой датѣ нѣтъ твердыхъ основаній, какъ и на другой датѣ 570 г. Происхожденіемъ своимъ онъ обязанъ не очень значительной семьѣ, которая хотя имѣла отношеніе къ святилищу, но не отличалась ни богатствомъ, ни связями. Отецъ его Абдуллахъ занимался торговымъ дѣломъ, но умеръ въ молодыхъ годахъ, оставивъ жену свою Амину беременною. Магометъ родился по смерти отца и получилъ очень небольшое состояніе, которое едва было достаточно для скромной жизни. По смерти матери мальчикъ поступилъ на попеченіе дѣда своего, а затѣмъ дяди Абу-Талиба, который также жилъ въ бѣдности и не могъ доставить племяннику обезпеченной жизни и воспитанія. Вслѣдствіе этого дѣтскіе годы Магометъ или Мохаммедъ провелъ въ чужихъ людяхъ, нанимаясь пасти стада у состоятельныхъ обывателей Мекки. Это было занятіе унизительное, за которое брались люди весьма скромнаго происхожденія, женщины и рабы. Юные годы жизни пророка разукрашены вымысломъ и не представляютъ реаль-

ныхъ фактовъ, которые могли бы служить къ характеристикѣ его. На 24 году жизни съ нимъ случилась важная перемѣна, имѣвшая большое вліяніе на дальнѣйшую его судьбу. Онъ познакомился съ богатой вдовой, ведшей караванную торговлю, и поступилъ къ ней на службу приказчикомъ. Путешествіе съ karаваномъ не только расширило его кругозоръ и дало случай завязать новыя знакомства, но позволило ему войти въ довѣренность своей госпожи, которая оцѣнила его и предложила ему обручиться съ ней. Это и была извѣстная Хадиджа, которую такъ уважалъ и любилъ Мохаммедъ, несмотря на разность лѣтъ (ей было 40 лѣтъ), что никогда не забывалъ ее и послѣ ея смерти и имѣлъ привычку ставить ея качества и добродѣтели въ примѣръ другимъ своимъ женамъ. Весьма вѣроятно, что во время торговыхъ путешествій на сѣверъ онъ могъ войти въ сношенія съ христіанами и бесѣдовать съ ними о вѣрѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что до своего выступленія на общественную дѣятельность въ качествѣ проповѣдника новой религіи, Мохаммедъ раздѣлялъ вѣрованія своихъ единоплеменниковъ. Когда и вслѣдствіе какихъ причинъ онъ вступилъ на новый путь мышленія и открытаго исповѣданія оригинальныхъ взглядовъ на Бога и обязанности человѣка по отношенію къ Высочайшему Существу, это остается до сихъ поръ загадкой. Здѣсь передъ нами выступаютъ психологическіе мотивы, которыхъ происхожденіе и первыя обнаруженія едва ли удастся когда-нибудь уловить и объяснить. Нельзя останавливаться на мысли, что Мохаммедъ былъ ловкій обманщикъ: онъ и самъ вѣрилъ въ получаемыя имъ внушенія свыше, и вѣрили въ его искренность тѣ лица, которыя ближайше могли наблюдать за нимъ. Болѣе основанія въ томъ предположеніи, что онъ получилъ отъ своей матери въ наслѣдство нервную болѣзнь, которую докторъ Шпренгеръ называетъ мускульной истеріей. Съ Мохаммедомъ часто случались приступы нервной болѣзни, которые имѣли большое значеніе въ его видѣніяхъ, предсказаніяхъ и повелѣніяхъ, непосредственно получаемыхъ имъ отъ архангела Гавріила. Будучи по своей природѣ мечтателемъ, Мохаммедъ любилъ задаваться теоретическими вопросами и бесѣдовалъ съ христіанами и іудеями объ ихъ вѣрѣ. Выше мы указывали, что всего ближе рисуетъ нравственное и религіозное состояніе Мохаммеда религіозная арабская секта ханифовъ; по всей вѣроятности, первая стадія религіознаго развитія пророка шла именно въ этомъ на-

правленіи. Если далѣе допустить, что въ періодъ отъ женитьбы на Хадиджѣ до выступленія на проповѣдь новой религіи Мохаммедъ продолжалъ дѣлать торговыя путешествія, которыя необходимо ставили его въ сношенія съ людьми разныхъ вѣръ, то нѣтъ основаній отрицать и непосредственныхъ вліяній на него со стороны іудеевъ и христіанъ, которыхъ было много и въ южной и сѣверной Аравіи [1]). Независимо отъ того среди самихъ арабовъ Мекки, даже между близкими къ Мохаммеду людьми, замѣчалось уже колебаніе относительно вѣры въ принятую отъ предковъ религію. Многіе уже рѣшили этотъ вопросъ про себя, прежде чѣмъ Мохаммедъ рѣшился открыто начать борьбу съ суевѣріемъ.

Это произошло, когда ему исполнилось 40 лѣтъ. Онъ жилъ съ семьей въ недалекомъ разстояніи отъ Мекки, на горѣ Хырѣ, въ пустынной и скалистой мѣстности, ища уединенія и избѣгая общества людей. Здѣсь въ одной пещерѣ онъ впалъ въ тревожное забытье, и ему было видѣніе. По собственнымъ словамъ Мохаммеда, къ нему приблизилось необыкновенное существо—въ послѣдующихъ видѣніяхъ это обыкновенно былъ архангелъ Гавріилъ—и заявило къ нему требованіе, которое новѣйшіе ученые понимаютъ различно. „Ыкра", сказало ему видѣніе, что значитъ „читай" или „проповѣдуй", по другому толкованію. Мохаммедъ два раза отказывался исполнить это требованіе, наконецъ, послѣ троекратнаго повторенія подчинился, и тогда видѣніе исчезло, и онъ пробудился отъ сна, и „слова видѣнія какъ бы были написаны у него въ сердцѣ". Какъ бы ни толковать эти слова, которыя потомъ включены были въ Коранъ [2]), это первое видѣніе нужно разсматривать какъ начало его общественнаго служенія. Съ тѣхъ поръ онъ часто подвергался воздѣйствію таинственной силы, которая внушала ему дѣйствія и слова, легшія въ основаніе преподаннаго имъ ученія. Основой ученія Мохаммеда были единобожіе и нравственныя отношенія человѣка къ божеству. Эта идея вносила совершенно иныя понятія въ религіозныя представленія арабовъ Мекки, чѣмъ то было до сихъ поръ, и хотя старыя вѣрованія

[1]) Müller, S. 50—51.

[2]) Это пять первыхъ стиховъ 96 суры: „Читай во имя Господа твоего, Который создалъ человѣка изъ комочка крови, читай, Господь твой преблагій, Который даровалъ знаніе посредствомъ пера, научилъ человѣка тому, чего раньше не зналъ".

подверглись колебанію и сомнѣніямъ, но съ ними предстояло Мохаммеду выдержать продолжительную и упорную борьбу.

Первыми и самыми искренними приверженцами Мохаммеда были его домашніе. Это была преданная ему жена Хадиджа, которая искренно вѣровала въ его пророческое призваніе и всѣми мѣрами защищала его противъ насмѣшекъ и нападеній и поддерживала своимъ вліяніемъ и преданностью. За ней слѣдовали ея дочери и пріемный сынъ Али, младшій сынъ Абу-Талиба, дяди пророка, равно какъ Зейдъ, единственный рабъ въ семьѣ Мохаммеда. Таково было первоначальное зерно новой религіозной общины. Для распространенія ученія Мохаммеда имѣло большое значеніе то обстоятельство, что къ нему присоединился богатый купецъ Абу-Бекръ, человѣкъ положительнаго характера и вліятельнаго положенія. Онъ съ энергіей и убѣжденіемъ принялся за распространеніе новаго ученія и оказалъ ему большую поддержку и своими матеріальными средствами. Въ ближайшемъ родственномъ кругу Мохаммеда также послѣдовали обращенія; таковы Зобейръ, Ваккасъ, въ особенности Отманъ изъ вліятельнаго рода Омайя, вмѣстѣ съ принятіемъ новаго ученія женившійся на Рокайи, дочери пророка. Въ пятый годъ откровенія (ок. 615 г.) присоединился къ новой вѣрѣ Омаръ, юноша 26 лѣтъ, необыкновеннаго роста и большой физической силы. Ему суждено было играть весьма важную роль въ религіозной общинѣ, складывавшейся вокругъ Мохаммеда. Онъ отличался трезвымъ взглядомъ на вещи, не останавливался передъ препятствіями для достиженія задуманной цѣли и для торжества новаго ученія былъ незамѣнимый человѣкъ.

Есть мнѣніе, что безъ Абу-Бекра и Омара исламъ никогда бы не получилъ распространенія. Мохаммеду всегда недоставало практическаго смысла и такта. Абу-Бекръ и Омаръ дополняли его, доводя до необходимаго заключенія его идеи и часто давая имъ практическое направленіе. Мохаммедъ думалъ, Абу-Бекръ говорилъ, Омаръ дѣйствовалъ, такова роль каждаго въ этой удивительно стройно и гармонично составленной троицѣ.

Хотя между послѣдователями Мохаммеда были люди съ характеромъ и надѣленные способностями, но слѣдуетъ признать, что они происходили большей частью изъ средняго класса и не были многочисленны. На первыхъ порахъ ученіе Мохаммеда распространялось медленно и мало затронуло жителей Мекки. Мало того, большинство

отнеслось съ насмѣшками къ его притязанію объявить себя божественнымъ посланникомъ и издѣвалось надъ его сношеніями съ небесными существами, которыя даютъ ему обязательныя для людей повелѣнія. Что касается вліятельныхъ и богатыхъ людей, которымъ принадлежала власть въ Меккѣ, то они къ новому ученію отнеслись съ подозрительностью и опасеніемъ. Это были представители родовъ Омейяды, Махзумы и др., которые видѣли въ ученіи Магомета не только подрывъ вѣры, но угрозу ихъ авторитету и вліянію въ Меккѣ. Шейхъ Омейядовъ, Абу-Софіанъ, въ особенности былъ весьма серьезнымъ противникомъ, потому что пользовался уваженіемъ среди мѣстныхъ арабовъ и относился съ большимъ презрѣніемъ къ пророку. Омейяды будутъ играть религіозно-политическую роль въ исторіи мусульманства какъ дамасскіе халифы, и съ Абу-Софіаномъ мы встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи Магомета. Другой родъ, Махзумы, въ лицѣ своего представителя Ибнъ-Могиры, пытался оспаривать авторитетъ пророка, уличая его въ самозванствѣ и противорѣчіяхъ.

Первые годы положеніе пророка было весьма мало обезпечено и въ смыслѣ личной безопасности, и въ смыслѣ пріобрѣтенія новыхъ приверженцевъ. Какъ принадлежащій къ роду Хашима, Магометъ могъ найти защиту и покровительство въ лицѣ своего дяди Абу-Талиба, который былъ и представителемъ рода. Когда къ нему обращались противники ученія Магомета съ требованіемъ, чтобы онъ заставилъ молчать Магомета или лишилъ его своего покровительства, то Абу-Талибъ съ достоинствомъ указывалъ на то, что нельзя воспретить каждому свободно выражать свое мнѣніе. Но если Магометъ, какъ членъ рода Хашима, могъ находить защиту у своего шейха, то этотъ послѣдній не могъ отстоять его авторитета, какъ пророка и посланника Божія. Насмѣшками и издѣвательствомъ Магометъ доводимъ былъ до крайняго раздраженія, такъ что съ трудомъ могъ показываться въ народныхъ сборищахъ. Тѣ изъ приверженцевъ пророка, которые не имѣли вліятельныхъ защитниковъ, въ особенности женщины и рабы, подвергались явнымъ оскорбленіямъ и насилію, нѣкоторые даже поплатились жизнью. Тогда часть вѣрующихъ отправлена была въ Абиссинію, которую Магометъ считалъ почти вполнѣ раздѣляющею его воззрѣнія. Къ этому же времени (ок. 615 г.) относится очень важный фактъ въ исторіи развитія ученія Магомета, именно

попытка приблизиться къ религіознымъ воззрѣніямъ жителей Мекки и представителей враждебныхъ ему родовъ. Ему предстояло сдѣлать небольшую уступку въ практикѣ единобожія и ввести въ свой культъ нѣкоторыхъ боговъ сосѣднихъ арабскихъ племенъ. На этомъ очень настаивали его враги, обѣщая ему сдѣлать съ своей стороны значительную уступку, признавъ въ немъ пророка Божія и прекративъ такимъ образомъ уже обострившуюся вражду между жителями Мекки. Сдѣланная Магометомъ уступка, нашедшая выраженіе въ 53 сурѣ корана, считается признакомъ крайняго ослабленія и ставится Магомету въ большой упрекъ. Именно онъ удовлетворилъ желаніе враждебной партіи, объявивъ, что богини Латъ, Оза и Манатъ заслуживаютъ поклоненія, но скоро понялъ, что этимъ наносилъ ударъ своему религіозному принципу и публично отказался отъ приведенныхъ выше словъ, назвавъ ихъ внушеніемъ сатаны.

Такимъ образомъ эта временная уступка больше повредила Магомету, поколебавъ его авторитетъ между его приверженцами, чѣмъ принесла пользы. Что же касается враждебной партіи, то она еще болѣе ожесточилась противъ всего рода Хашима и подвергла его отлученію, прекративъ съ нимъ браки и всякія житейскія сношенія. Къ этому присоединилось новое несчастіе. Въ 619 г. умеръ представитель рода Хашима и защитникъ Магомета Абу-Талибъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его постигъ другой ударъ, именно смерть преданной ему жены Хадиджи, которая была самымъ вѣрнымъ его союзникомъ.

Подъ вліяніемъ личныхъ огорченій и неудачъ, которыя преслѣдовали Магомета, въ его душѣ постоянно складывалось и съ теченіемъ времени получало болѣе и болѣе рѣзкую форму то настроеніе, которому дано такое господствующее положеніе въ нравственномъ ученіи ислама о предопредѣленіи и въ фанатизмѣ. Только избраннымъ и предопредѣленнымъ суждено принять истинную вѣру, прочіе отъ вѣка осуждены на погибель. Богъ ведетъ къ вѣрѣ кого хочетъ и оставляетъ въ заблужденіи кого заблагоразсудитъ. Неумолимая судьба и строгій догматъ предопредѣленія отнимаютъ у человѣка всякую возможность направлять свою дѣятельность посредствомъ усилій воли къ познанію истины и вѣры. „Извѣстно, говоритъ Мюллеръ [1]), что

[1]) „Der Islam“, S. 71.

это воззрѣніе, которое сначала въ коранѣ не было строго проведено, а выступило на первый планъ лишь съ теченіемъ времени, переработано было въ магометанской догматикѣ въ ученіе о безусловномъ фанатизмѣ, которое и до нынѣ неразрывными цѣпями сковываетъ духовную жизнь магометанскаго Востока. Самъ Магометъ никогда не доходилъ въ этомъ отношеніи до конечныхъ выводовъ. Логическая послѣдовательность его не занимала".

Отчаявшись въ успѣхѣ своей проповѣди въ Меккѣ, гдѣ число его приверженцевъ не выходило изъ небольшого круга людей средняго состоянія, Магометъ сдѣлалъ попытку найти точку опоры въ сосѣднемъ городкѣ Таифѣ, но тамъ встрѣтили его злыми насмѣшками и надругательствами: „если бы Аллахъ, говорили ему, хотѣлъ послать пророка, то неужели онъ не могъ найти кого получше тебя".—Но хотя попытка въ Таифѣ была весьма неудачна, тѣмъ не менѣе выходъ изъ затруднительнаго положенія оказывался именно въ сношеніяхъ съ арабскими племенами сосѣднихъ съ Меккой городовъ. Мы приходимъ къ громадной важности факту въ жизни Магомета и въ исторіи ислама,—къ бѣгству пророка изъ Мекки въ Медину въ 622 году.

Сношенія съ жителями Ясриба, получившаго имя Медины послѣ бѣгства Магомета, были столько же вопросомъ крайней необходимости, сколько политическаго сознанія взаимной пользы задуманнаго соглашенія. Прежде всего между арабскими племенами этихъ городовъ были постоянныя распри и взаимная ненависть, утихавшая лишь въ священные мѣсяцы путешествія въ Мекку; принявъ на себя защиту Магомета и проповѣдуемаго имъ ученія, мединцы надѣялись не только свести счеты съ мекканцами, но и приблизиться къ обладанію святилищемъ Каабы. Независимо оттого въ Мединѣ происходили раздоры между двумя родами, которые грозили довести городъ до полнаго ослабленія, а еврейское населеніе города громко говорило о близкомъ пришествіи Мессіи и обѣщало вмѣстѣ съ этимъ явленіемъ полный переворотъ въ соціальной жизни города. Такъ какъ проповѣдь Магомета о новомъ политическомъ и соціальномъ строѣ могла быть многими отождествляема съ ученіемъ ожидаемаго Мессіи, то въ Мединѣ для Магомета была приготовлена весьма благопріятная почва, о которой онъ имѣлъ ясное представленіе. Въ 622 г., въ мартѣ, дядя Магомета Аббасъ заключилъ соглашеніе съ предста-

вителями Медины, прибывшими въ Мекку на поклоненіе, при чемъ опредѣлены были условія, на которыхъ приверженцы Магомета принимались въ Медину, и обязательства мединцевъ слѣдовать ученію, провозглашенному пророкомъ. Вслѣдствіе этого соглашенія, большинство приверженцевъ Магомета, небольшими группами въ числѣ 150 человѣкъ, переправилось въ Ясрибъ, а корейшиты, не успѣвшіе принять мѣръ противъ этого переселенія, рѣшились наложить руку на Магомета, Абу-Бекра и Алія, которые еще оставались въ Меккѣ. Было составлено постановленіе, по которому всѣ роды корейшитскаго племени должны избрать по одному представителю отъ каждаго рода и сообща убить Магомета. Благодаря осторожно принятымъ мѣрамъ, Магомету удалось обмануть бдительность корейшитовъ и тайно пробраться въ Ясрибу, которая съ того времени получила наименованіе Медины или города пророка. Этотъ фактъ считается эрой лѣтосчисленія мусульманъ и относится къ 16 іюля 622 г. Пророку было тогда 52 года отъ роду.

Во многихъ отношеніяхъ съ этого времени мѣняется характеръ дѣятельности Магомета, и самые расположенные къ пророку изслѣдователи не скрываютъ, что первый періодъ жизни его гораздо болѣе внушаетъ къ нему чувства уваженія, чѣмъ послѣдующій, открывающійся съ 622 г. Но въ смыслѣ развитія магометанской доктрины теперь открывается главнѣйшая эпоха жизни Магомета. Въ Меккѣ онъ былъ едва терпимъ, вліяніе его ограничивалось небольшимъ кругомъ мало значительныхъ людей, о религіозной и политической организаціи своихъ учениковъ и приверженцевъ онъ не могъ и помышлять. Не то въ Мединѣ. Здѣсь онъ признанъ былъ главой большой городской общины, которая подчинялась его религіозному ученію и обязалась слѣдовать его приказаніямъ. Здѣсь необходимо было приступить къ практическому осуществленію теоретическихъ положеній объ условіяхъ общественной жизни и богопочитанія въ новой средѣ, отложившейся отъ старой вѣры и отъ исконныхъ традицій арабскаго народа. Магометъ начинаетъ дѣлать опыты и устанавливаетъ прецеденты для будущихъ поколѣній. Прежде всего весьма важно отмѣтить тотъ пріемъ, которымъ Магометъ учреждаетъ родъ синикизма (*συνοικισμός*) въ своемъ новомъ государствѣ. „Ансары", какъ названы мединцы въ религіозной общинѣ, получили право принимать къ себѣ въ духовное родство пришлыхъ членовъ изъ

Мекки и другихъ мѣстъ, которые подъ именемъ мохаджировъ вступали такимъ образомъ въ политическій и религіозный составъ мединской общины. Племенная и родовая рознь съ этимъ вмѣстѣ уступала передъ религіозной идеей. Въ то же время начинается организація общественнаго богослуженія: построена мечеть, входитъ въ жизнь требованіе обычныхъ собраній на молитву, возвѣщаемыхъ возглашеніями моэззина, устанавливается подать „зекатъ" на потребности культа. Находясь во главѣ общины вѣрующихъ, Магометъ долженъ былъ принять участіе въ урегулированіи гражданскихъ отношеній ея членовъ, въ рѣшеніи возникающихъ между ними споровъ и недоразумѣній. Такъ нараждались основы мусульманскаго права на основаніи отдѣльныхъ мнѣній и рѣшеній пророка, которыя, въ свою очередь, основывались на арабскомъ обычномъ правѣ и частью на еврейскомъ законѣ. Но скоро онъ долженъ былъ порвать съ евреями, такъ какъ послѣдніе стали обличать его въ неправильномъ примѣненіи библейскихъ текстовъ, и такъ какъ магометанство не могло идти рядомъ съ іудействомъ. Такъ, въ 623 г. онъ приказалъ обращаться на молитвѣ не къ Іерусалиму, а къ Меккѣ; оставилъ еврейскій постъ и назначилъ мусульманскій „Рамазанъ"; вмѣсто субботы праздничный мусульманскій день переведенъ на пятницу.

Вслѣдствіе установленія дисциплины въ религіозной общинѣ Медины не могло не обнаружиться недовольства противъ Магомета. Партія недовольныхъ вступила въ сношенія съ мекканцами, такъ что между двумя городами начались недоразумѣнія. Необходимо было опредѣлить отношенія мединской общины къ Меккѣ, гдѣ былъ религіозный центръ всей Аравіи. Путешествія на поклоненіе въ Мекку составляютъ одну изъ главныхъ обязанностей правовѣрнаго, и на этой почвѣ невыясненныхъ пока отношеній къ Меккѣ должны были возникнуть серьезныя недоразумѣнія, которыя подготовлялись, кромѣ того, разбойническими нападеніями мединцевъ на торговые караваны, принадлежавшіе мекканскимъ купцамъ. Но что наиболѣе заслуживаетъ вниманія, это военная организація религіозной общины и ея предпріятія съ цѣлью насильственнаго распространенія нравственныхъ и религіозныхъ идей магометанства. Уже въ 643 г. было сдѣлано нападеніе на караванъ, шедшій изъ Мекки въ Сирію, и притомъ въ дни священнаго мѣсяца, посвященные поклоненію. Въ связи съ этимъ нужно объяснять появленіе въ коранѣ статьи, по которой война съ

невѣрными признается богоугоднымъ дѣломъ, въ какое бы время она ни была начата. Въ слѣдующемъ году предпринято болѣе смѣлое дѣло—нападеніе на караванъ, во главѣ котораго стоялъ богатый мекканскій купецъ Абу-Софіанъ, охраняемый вооруженной силой въ 600 человѣкъ. Магометъ напалъ на этотъ отрядъ при Бедрѣ, имѣя при себѣ только 314 человѣкъ, т.-е. съ небольшимъ половину противъ непріятеля. Но на этотъ разъ предпріятіе было вполнѣ удачно. Мекканцы были разбиты и обращены въ бѣгство, и богатый караванъ достался Магомету. Значеніе этой побѣды для распространенія идей мусульманства было чрезвычайно велико: теперь и сомнѣвавшіеся въ божественномъ посланничествѣ пророка убѣдились, что онъ большая сила, съ которой нужно считаться, и идти противъ которой, во всякомъ случаѣ, было не безопасно. Съ тѣхъ поръ и въ самомъ характерѣ пророка замѣчается рѣзкая перемѣна. Онъ сталъ проявлять слишкомъ большую жестокость и мстительность по отношенію къ тѣмъ, кто имѣлъ несчастіе оказаться ему на дорогѣ, не стѣснялся выдавать за божественное откровеніе и такія собственныя рѣшенія, которыми преслѣдовалась его личная польза. Магометъ присуждалъ къ смертной казни плѣнниковъ, лишалъ жизни неугодныхъ ему поэтовъ и писателей, осмѣлившихся осмѣивать его дѣятельность, наконецъ, началъ безпощадно преслѣдовать евреевъ, присуждая ихъ къ изгнанію и конфискаціи имущества.

Отношенія Медины къ Меккѣ продолжали быть враждебными. Въ 625 г. Абу-Софіанъ во главѣ Корейшитовъ въ числѣ 3000 человѣкъ рѣшился напасть на Медину. Магометъ могъ собрать не больше 1000 человѣкъ и потерпѣлъ полное пораженіе при горѣ Оходѣ. Это сильно подорвало авторитетъ пророка, но онъ не потерялся и объяснилъ неудачу гнѣвомъ Аллаха за непослушаніе. Въ 627 г. противъ Магомета составлялось громадное ополченіе въ 10000 воиновъ, въ числѣ коихъ больше половины состояло изъ кочевыхъ арабскихъ племенъ. Во главѣ этого ополченія стоялъ Абу-Софіанъ изъ Мекки. Магометъ предпринялъ рядъ укрѣпленій вокругъ Медины и сдѣлалъ городъ настолько защищеннымъ, что непріятельскій отрядъ не рѣшился брать его силой. Между тѣмъ среди осаждающихъ начались раздоры, заставившіе ихъ отступить отъ Медины. Съ тѣхъ поръ имя Магомета стало пользоваться извѣстностью между независимыми бедуинскими племенами, которыя постепенно присоединялись къ нему

и тѣмъ побуждали его выступить съ болѣе широкими политическими и властительными задачами. Но для этого существеннымъ препятствіемъ была Мекка, которая въ качествѣ религіознаго арабскаго центра оставалась для Магомета недоступной. Въ 628 году онъ рѣшился, однако, въ дни священнаго мѣсяца совершить установленный хаджъ и съ 1500 приверженцевъ отправился смиреннымъ пилигримомъ въ Мекку. Хотя на этотъ разъ ему не дано было разрѣшенія поклониться святынѣ, но было заключено соглашеніе, которымъ устранялись недоразумѣнія между Меккой и новымъ ученіемъ, утвердившимся въ Railway Мединѣ. Въ силу договора, заключеннаго на 10 лѣтъ, магометанамъ предоставлялось право каждый годъ въ теченіе трехъ дней быть въ Меккѣ для поклоненія святынѣ. Но что въ особенности въ этомъ соглашеніи было важно для мусульманъ, это разрѣшеніе для всѣхъ арабовъ свободнаго перехода въ общину Магомета. Теперь мусульманство вышло изъ состоянія секты, не пользовавшейся правами гражданства и имѣвшей мѣстное значеніе, и до извѣстной степени уравнялось въ правахъ съ народной религіей. Такъ и понялъ самъ Магометъ значеніе совершившагося акта, что показываютъ дальнѣйшія его дѣйствія. Разумѣемъ весьма странныя, притязательныя и трудно объяснимыя посланія его къ царямъ византійскому, персидскому и абиссинскому съ предложеніемъ подчиниться вѣрѣ Магомета. Конечно, эти посланія не сопровождались никакими послѣдствіями, но они достаточно рисуютъ настроеніе Магомета и его взгляды на политическую роль мусульманства. Въ томъ же году покоренъ былъ еврейскій торговый городъ Хейберъ, при чемъ досталась побѣдителямъ богатая добыча, изъ которой пятая часть выдѣлена на долю пророка. Въ 629 г. совершено было торжественное путешествіе, въ сопровожденіи 2000 поклонниковъ, которые въ случаѣ нужды могли бы обратится въ воиновъ, въ священный городъ, гдѣ совершены были установленные обряды хаджа, ставшіе, въ свою очередь, обязательнымъ примѣромъ для мусульманъ послѣдующаго времени. Но какъ широкая политическая и религіозная миссія, открывавшаяся передъ Магометомъ, не могла свободно развиваться безъ обладанія Меккой, гдѣ были сосредоточены и матеріальныя средства для культа и благотворительности, то въ началѣ 630 г. пророкъ рѣшился силой завладѣть священнымъ городомъ, лишивъ Корейшитовъ привилегій, соединенныхъ съ владѣніемъ ключами Каабы. Со всею

осторожностью, не подавая вида о своихъ дѣйствительныхъ намѣреніяхъ, Магометъ собралъ значительное войско въ 10000 человѣкъ изъ мединцевъ и сосѣднихъ бедуиновъ и, только уже выступивъ въ походъ, сообщилъ о цѣли его. Остававшійся въ Меккѣ Аббасъ, дядя Магомета, вступилъ въ переговоды съ Абу-Софіаномъ и убѣдилъ его принять ученіе Магомета. Вслѣдствіе этого и въ силу абсолютнаго авторитета, которымъ начало пользоваться новое ученіе, Мекка сдалась безъ сопротивленія и занята была Магометомъ, сдѣлавшись съ тѣхъ поръ центральнымъ пунктомъ мусульманства, пріобрѣтшаго міровое и религіозно-политическое значеніе. Мѣропріятія Магомета въ Меккѣ обличаютъ въ немъ большой смыслъ и пониманіе совершавшихся событій. Уничтоживъ языческихъ идоловъ, онъ окружилъ величайшимъ почтеніемъ храмъ Каабы и черный въ немъ камень.

Гуманнымъ отношеніемъ къ жителямъ Мекки онъ привлекъ ихъ на сторону мусульманства и имѣлъ въ нихъ ревностныхъ защитниковъ новаго порядка вещей. Мекка нисколько не проиграла съ перемѣной культа, такъ какъ осталась главнымъ религіознымъ мѣстомъ всей Аравіи, и мекканцы сдѣлались ревностными распространителями мусульманства. Въ политическомъ отношеніи обладаніе Меккой придало дѣлу Магомета необычайно быстрый и неожиданно-счастливый оборотъ. Подчиненіе независимой Аравіи теперь стало вопросомъ времени, такъ какъ мелкія независимыя племена не могли устоять противъ соединенныхъ силъ бодро и смѣло пошедшаго впередъ воинственнаго мусульманства. Воинственныя предпріятія Магомета противъ сирійскихъ арабовъ, въ 630 году, сосредоточивали подъ его властью отрядъ въ 30000 пѣхоты и 10000 конницы. Таковы были силы мусульманства въ послѣдніе годы жизни Магомета.

Магометъ умеръ въ Мединѣ въ іюнѣ 632 г., давъ твердыя основанія новой религіи, которой суждено было утвердиться среди культурныхъ странъ Азіи, Африки и Европы, и которая нанесла страшный вредъ и неоднократныя пораженія христіанскимъ народамъ. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ къ характеристикѣ откровеній пророку. Разъ шли переговоры между жителями города Таифа и Магометомъ на счетъ условій подчиненія первыхъ исламу. Представители города соглашались принять исламъ подъ условіемъ, если имъ предоставлена будетъ на три года льгота не платить десятины и отправлять богослуженіе по старымъ обычаямъ. Когда же

Магометъ сталъ указывать, что это произведетъ неблагопріятное впечатлѣніе среди другихъ правовѣрныхъ, то послы замѣтили: „а ты скажи, что такъ повелѣлъ поступить Аллахъ".—Магометъ уже готовъ былъ уступить, но тогда вмѣшался Омаръ. „Вы испортили сердце пророка, да сожжетъ Господь ваше". Это замѣчаніе дало иное направленіе переговорамъ, такъ что Магометъ отказался отъ всякихъ уступокъ. Сдѣланное выше указаніе, какъ легко могла примѣняться воля Аллаха для приданія авторитета мнѣніямъ и распоряженіямъ Магомета, иллюстрируется многими аналогичными случаями. Когда Магомету необходимо было прекратить соблазнительные разговоры по поводу женитьбы его на женѣ своего пріемнаго сына Зейда, онъ сослался на откровеніе, разрѣшавшее на будущее время подобные браки. Точно также онъ нѣсколько разъ долженъ былъ объяснять полученнымъ откровеніемъ свои отношенія къ христіанкѣ Маріатѣ, возбуждавшія ревность и смуту среди прочихъ его женъ.

Послѣ смерти Магомета мусульманство выступаетъ на историческую арену, какъ военная и политическая сила, и приходитъ въ непосредственныя сношенія съ византійской имперіей. Прежде чѣмъ слѣдить за этими отношеніями, въ которыхъ мусульманство почти всегда одерживало верхъ надъ имперіей и отняло изъ-подъ власти Византіи значительныя провинціи, мы должны остановиться на основныхъ положеніяхъ, проповѣдуемыхъ кораномъ, и на главныхъ принципахъ ислама.

Религіозное ученіе Магомета выражено въ священной книгѣ мусульманъ, называемой кораномъ. Въ этотъ сборникъ включены какъ откровенія, данныя Магомету чрезъ архангела Гавріила или другого служебнаго духа, такъ и поученія, повѣствованія и законы, идущіе непосредственно отъ самого пророка. Часть изреченій пророка записывалась его слушателями, часть оставалась въ памяти и передавалась устно. Это на первыхъ порахъ не представляло особыхъ затрудненій, такъ какъ откровенія были довольно кратки и сообщались въ видѣ стиховъ, которые легко воспринимались и удерживались въ памяти. При жизни Магомета не было попытокъ собрать и привести въ порядокъ отдѣльныя сообщенія и изреченія пророка; по смерти же его это встрѣтило большія затрудненія. Калифъ Абу-Бекръ озаботился собраніемъ хранившихся въ памяти отдѣльныхъ изреченій Магомета, поручивъ это дѣло Зейду, секретарю про-



АРАБЫ ВЪ ПОХОДѢ.
Миніатюра.

Лит. Н. Кадушина С.П.Б.

Магометъ сталъ указывать, что это произведетъ неблагопріятное впечатлѣніе среди другихъ правовѣрныхъ, то послы замѣтили: „а ты скажи, что такъ повелѣлъ поступить Аллахъ".—Магометъ уже готовъ былъ уступить, но тогда вмѣшался Омаръ. „Вы испортили сердце пророка, да сожжетъ Господь ваше". Это замѣчаніе дало иное направленіе переговорамъ, такъ что Магометъ отказался отъ всякихъ уступокъ. Сдѣланное выше указаніе, какъ легко могла примѣняться воля Аллаха для приданія авторитета мнѣніямъ и распоряженіямъ Магомета, иллюстрируется многими аналогичными случаями. Когда Магомету необходимо было прекратить соблазнительные разговоры по поводу женитьбы его на женѣ своего пріемнаго сына Зейда, онъ сослался на откровеніе, разрѣшавшее на будущее время подобные браки. Точно также онъ нѣсколько разъ долженъ былъ объяснять полученнымъ откровеніемъ свои отношенія къ христіанкѣ Маріатѣ, возбуждавшія ревность и смуту среди прочихъ его женъ.

Послѣ смерти Магомета мусульманство выступаетъ на историческую арену, какъ военная и политическая сила, и приходитъ въ непосредственныя сношенія съ византійской имперіей. Прежде чѣмъ слѣдить за этими отношеніями, въ которыхъ мусульманство почти всегда одерживало верхъ надъ имперіей и отняло изъ-подъ власти Византіи значительныя провинціи, мы должны остановиться на основныхъ положеніяхъ, проповѣдуемыхъ кораномъ, и на главныхъ принципахъ ислама.

Религіозное ученіе Магомета выражено въ священной книгѣ мусульманъ, называемой кораномъ. Въ этотъ сборникъ включены какъ откровенія, данныя Магомету чрезъ архангела Гавріила или другого служебнаго духа, такъ и поученія, повѣствованія и законы, идущіе непосредственно отъ самого пророка. Часть изреченій пророка записывалась его слушателями, часть оставалась въ памяти и передавалась устно. Это на первыхъ порахъ не представляло особыхъ затрудненій, такъ какъ откровенія были довольно кратки и сообщались въ видѣ стиховъ, которые легко воспринимались и удерживались въ памяти. При жизни Магомета не было попытокъ собрать и привести въ порядокъ отдѣльныя сообщенія и изреченія пророка; по смерти же его это встрѣтило большія затрудненія. Калифъ Абу-Бекръ озаботился собраніемъ хранившихся въ памяти отдѣльныхъ изреченій Магомета, поручивъ это дѣло Зейду, секретарю про-



Лит. И. Кадушина С.П.Б.

рока. Первая редакція корана, составленная изъ многочисленныхъ отрывковъ, частью записанныхъ на кости, на камнѣ, на пергаментѣ или на пальмовыхъ листьяхъ, частью же со словъ учениковъ и очевидцевъ пророка, оставалась въ частномъ пользованіи ближайшихъ потомковъ и родственниковъ Магомета. Рядомъ съ этой редакціей въ средѣ мусульманъ образовались постепенно другія частныя редакціи и списки, представлявшіе нѣкоторыя отличія отъ первой. При калифѣ Османѣ (644 — 654) введена была общая и одинаковая для всѣхъ редакція, при чемъ упомянутый выше Зейдъ раздѣлилъ коранъ на суры или главы и составилъ исправленный коранъ въ четырехъ копіяхъ для всеобщаго пользованія. Дабы на будущее время вновь не считаться съ вопросомъ о разночтеніяхъ, сдѣлано было распоряженіе объ уничтоженіи всѣхъ списковъ, которые къ тому времени могли бы оказаться въ частныхъ рукахъ. Такимъ образомъ редакція Османа считается наиболѣе авторитетной и правильной, хотя помимо этой оффиціальной были въ обращеніи и другія, отличающіяся отъ нея копіи корана. — Изъ предыдущаго можно понять, что расположеніе всего матеріала, содержащагося въ коранѣ, было дѣломъ личнаго усмотрѣнія Зейда, Османа и другихъ редакторовъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи отдѣльныя краткія изреченія, редакторы должны были прежде всего озаботиться приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Но такъ какъ нельзя было принять ни хронологической системы по отсутствію данныхъ о томъ, въ какое время дано то или другое изреченіе, ни предметной, такъ какъ въ каждомъ изреченіи трактовалось о предметахъ смѣшаннаго содержанія, то принята была чисто-внѣшняя и формальная система: изреченія или суры распредѣлены по длинѣ и краткости, сначала длинная, а затѣмъ краткая сура. Такимъ образомъ коранъ представляетъ полное отсутствіе системы, въ немъ изреченія слѣдуютъ безъ всякой внутренней связи и порядка, со множествомъ утомительныхъ повтореній одинаковыхъ фразъ и оборотовъ. Старанія мусульманскихъ и европейскихъ ученыхъ внести порядокъ и систему въ коранъ въ общемъ оказались безуспѣшны. Единственно, что оказалось достижимымъ, это установленіе различія въ языкѣ и стилѣ различныхъ суръ, а по этимъ особенностямъ сдѣлана попытка отдѣлить суры наиболѣе древнія, произнесенныя въ Меккѣ, отъ болѣе позднихъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ жизни пророка, суры исключительно религіознаго характера отъ

другихъ съ преобладающимъ политическимъ элементомъ, суры имѣющія въ виду небольшую общину вѣрующихъ отъ такихъ, которыя внушены гордымъ сознаніемъ торжества мусульманскаго ученія и распространенія его по всей Аравіи. Но этотъ процессъ изученія еще не оконченъ; въ него притомъ же введено много субъективизма со стороны отдѣльныхъ изслѣдователей.

Всего въ коранѣ 114 суръ или главъ, дѣлящихся на стихи. По воззрѣнію мусульманъ, коранъ существовалъ въ настоящемъ его видѣ отъ вѣка, поэтому совершенства его не подвергаются сомнѣнію. Съ точки зрѣнія европейской науки за нимъ признаются достоинства и недостатки, свойственные творенію человѣка. Даже въ лучшей своей части—въ серіи разсказовъ—коранъ отличается блѣдностью и сухостью изложенія, и притомъ эти разсказы частью заимствованы изъ Библіи и изъ Талмуда. Въ началѣ пророческой дѣятельности Магометъ произносилъ откровенія, дышавшія силой и страстностью, описанія величія Божія и картины неба и ада у него высоко-художественны, но затѣмъ воображеніе ослабѣваетъ, проявляются блѣдность и растянутость. Для ознакомленія съ характеромъ изложенія въ коранѣ сообщаемъ содержаніе Фатихе, имѣющей значеніе христіанской молитвы Господней: „Хвала Богу, Господу міровъ, милосердому, милостивому, владыкѣ дня суда. Воистину Тебѣ мы поклоняемся и у Тебя просимъ защиты. Наставь насъ на путь правый, на путь тѣхъ, къ кому Ты былъ милостивъ, на кого нѣтъ гнѣва, и кто не заблуждается“. Что касается поучительныхъ суръ, онѣ слишкомъ монотонны и скучны, хотя въ распространеніи ислама онѣ-то и играли важную роль.—Коранъ издавна сдѣлался предметомъ ученой обработки мусульманскихъ богослововъ. Комментаріи имѣли цѣлью или истолковать аллегорическій смыслъ нѣкоторыхъ суръ, или объяснить и примирить встрѣчающіяся противорѣчія. Комментаторы внесли въ коранъ много искаженій и поддѣлокъ какъ съ цѣлью примѣнить нѣкоторыя изреченія корана къ измѣнившимся условіямъ жизни, такъ и для того, чтобы оправдать появившіяся съ теченіемъ времени разности вѣроученія и секты. Изложенное Магометомъ ученіе, какъ религіозный, нравственный и политическій принципъ, сдѣлалось жизненнымъ правиломъ его учениковъ и послѣдователей и съ необычной энергіей проявилось въ исторіи въ качествѣ всемірнаго дѣятеля подъ наименованіемъ мусульманства или ислама. Прежде

чѣмъ говорить о необычайно быстромъ распространенiи ислама, какъ религіозной и политической системы, попытаемся бросить взглядъ на внутреннюю, такъ сказать, философскую сторону этой новой системы.

Никому въ VII в. не могло придти въ голову, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ тогдашнимъ культурнымъ міромъ, но уже за предѣлами его, готова образоваться новая религіозная система, которая окажетъ могущественное и во многихъ отношеніяхъ роковое вліяніе на судьбы старыхъ міровыхъ имперій — персидской и византійской. И не только трудно было это предположить съ точки зрѣнія міровой исторіи, но и до сихъ поръ не удалось съ достаточной убѣдительностью выяснить психологическіе мотивы общественной дѣятельности основателя мусульманской религіи. Точно также трудно объяснить причины успѣшнаго распространенія мусульманства, которому нужно было пробивать путь въ средѣ, гдѣ дѣйствовали уже давно зрѣлыя религіозныя системы. При оцѣнкѣ ислама, какъ общеисторическаго явленія, слѣдуетъ отдавать себѣ отчетъ и въ томъ, что онъ распространялся, по крайней мѣрѣ, въ первыя столѣтія гиджры, безъ помощи религіозной миссіи, какая была организована въ христіанствѣ, и что даже въ настоящее время пропаганда мусульманства идетъ гораздо успѣшнѣй, чѣмъ распространеніе христіанства. Въ общемъ число послѣдователей Магомета можно полагать больше 200 милліоновъ, и притомъ не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что скорѣй и естественнѣй дѣлается переходъ отъ язычества и фетишизма именно къ болѣе простой мусульманской системѣ монотеизма, чѣмъ къ сложному и умозрительному христіанскому вѣроученію о троичности лицъ въ божествѣ. Посмотримъ же, въ чемъ состоятъ основныя положенія ислама.

Какъ исповѣданіе возвѣщенной Магометомъ религіи, исламъ отличается большой простотой. Онъ основанъ на чистомъ монотеизмѣ, т.-е. на вѣрѣ въ единое всемогущее существо (Аллахъ), и въ пророческое избраніе Магомета: „Нѣтъ другого бога, кромѣ бога, и Магометъ есть пророкъ его“. Единый Богъ и равенство предъ нимъ всѣхъ людей; обѣщаніе рая правовѣрнымъ и исполняющимъ законъ и наказанія адскими мученіями для тѣхъ, кто является ослушникомъ закона. Самый же законъ ограничивается несложными обрядовыми требованіями: 1) пятикратное совершеніе въ теченіе дня уста-

новленнаго богослуженія; б) постъ въ продолженіе мѣсяца рамазана; в) паломничество въ Мекку. Эта удивительная простота и ясность религіозной системы въ соединеніи съ духомъ справедливости по отношенію къ ближнимъ должна быть признана главной причиной распространенія мусульманства среди народовъ, бывшихъ въ сосѣдствѣ съ Аравіей. Правда, въ числѣ обязанностей, налагаемыхъ на правовѣрнаго, есть боевой призывъ, давшій мусульманамъ военный и завоевательный характеръ. Борьба съ невѣрными и насильственное распространеніе ислама есть одинъ изъ существенныхъ признаковъ мусульманства, и для обращенія язычниковъ Магометъ совѣтовалъ прибѣгать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить ученіе о предопредѣленной каждому судьбѣ, придавшее мусульманству свойственный ему характеръ фатализма. Что касается христіанъ, іудеевъ и персовъ-огнепоклонниковъ, къ нимъ могла быть допущена терпимость, если они платятъ опредѣленный налогъ. Но успѣхи быстраго распространенія ислама не могутъ быть объяснены указанной чертой, такъ какъ религіозныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія не навязываются силой. Изучая исторію арабскихъ завоеваній, мы должны признать, что не военная сила обезпечивала за ними успѣхъ, и что суровыя мѣры по отношенію къ побѣжденнымъ не есть характеристическая черта мусульманской исторіи: стоитъ вспомнить объ обширныхъ привилегіяхъ, данныхъ мусульманскими вождями-завоевателями христіанамъ Іерусалима, Египта и Константинополя. Если многіе христіане обращались къ мусульманской вѣрѣ и усвояли языкъ завоевателей, то это объясняется тѣмъ, что арабы относились къ нимъ съ большей справедливостью, чѣмъ византійскіе императоры и греческіе чиновники, и что религія ислама была слишкомъ не сложна и сильно дѣйствовала на чувство. Въ настоящее время считается уже вполнѣ выясненнымъ, что Магометъ принялъ основой своего ученія іудейскія и христіанскія воззрѣнія, о которыхъ освѣдомился чрезъ устные разсказы жившихъ въ Аравіи христіанъ и іудеевъ.

Переходимъ къ исторіи распространенія ислама при ближайшихъ преемникахъ Магомета. Смерть пророка, послѣдовавшая въ 632 году, возбудила прежде всего вопросъ о наслѣдствѣ въ созданномъ имъ религіозномъ сообществѣ. Магометъ не назначилъ себѣ преемника, а между тѣмъ мужского потомства у него не было, и, слѣдовательно,

разрѣшеніе вопроса о преемствѣ духовной и гражданской власти могло встрѣтить нѣкоторыя затрудненія. Благопріятное разрѣшеніе этихъ затрудненій обусловливало существеннымъ образомъ ближайшую судьбу ислама, такъ какъ объединеніе различныхъ племенъ, населявшихъ Аравію, зависѣло отъ общепризнаннаго авторитета пророка и держалось его именемъ. Правда, около него образовался кружокъ лицъ, которыя принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ и при жизни пророка и которыя были съ нимъ связаны узами родства. Таковы былъ Али, сынъ Абу-Талиба, т.-е. двоюродный братъ Магомета, женатый на дочери пророка Фатьмѣ; Абу-Бекръ, на дочери котораго Аишѣ былъ женатъ самъ Магометъ, и, наконецъ, Омаръ—правая рука пророка въ дѣлахъ, требовавшихъ рѣшительности и силы. Извѣстно, что исламъ обязанъ своими успѣхами, главнымъ образомъ, этимъ двумъ лицамъ, ближайшимъ преемникамъ Магомета: Абу-Бекру и Омару; пророкъ успѣлъ дать теорію ислама, истолкователемъ ея былъ Абу-Бекръ, а Омаръ осуществилъ эту теорію на дѣлѣ, давъ ей практическое приложеніе военными походами и завоеваніями.

Избраніе Абу-Бекра калифомъ (632—634) прекратило споры изъ-за власти и разстроило замыслы тѣхъ племенъ, которыя надѣялись воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и присвоить себѣ главенство въ мусульманскомъ обществѣ. Абу-Бекръ и по личнымъ отношеніямъ къ Магомету, и по вполнѣ признанному авторитету считался естественнымъ представителемъ власти и преемникомъ пророка. Когда по предложенію Омара дать клятву на вѣрность Абу-Бекру, товарищу посланника божія, всѣ собравшіеся въ мечети изъявили согласіе, Абу-Бекръ принялъ званіе калифа, съ которымъ соединяются свѣтская и духовная власть и судебныя полномочія. Только Али, всѣхъ больше имѣвшій правъ на калифатъ, оставался нѣкоторое время въ сторонѣ и далъ клятву на вѣрность спустя полгода.

Непродолжительное правленіе Абу-Бекра было сопряжено съ чрезвычайными опасностями. Далеко еще не сплотившіяся подъ властью Магомета арабскія племена начали волноваться, появился рядъ пророковъ и политическихъ дѣятелей, возникли недоразумѣнія между старыми мусульманами и новыми, между вѣрующими Мекки и Медины, племенная вражда и соперничество родовъ готово было нанести существенный ударъ всему предпріятію Магомета. Но калифъ побѣдилъ противниковъ народившагося порядка, нанося имъ пора-

женія и принуждая ихъ къ покорности и повиновенію. Въ этомъ отношеніи громадную услугу оказали ему полководцы Халидъ и Омаръ. Чтобы потушить внутреннее броженіе и отвлечь умы арабовъ отъ домашней смуты, Абу-Бекръ указалъ имъ достойную для привыкшихъ къ военному дѣлу номадовъ цѣль во внѣшнихъ предпріятіяхъ, имѣвшихъ задачей распространеніе ислама. Коранъ заповѣдуетъ вести войну съ невѣрными, пока не прекратится всякое сопротивленіе, и пока вѣра въ Аллаха не будетъ единственной религіей. Страхъ смерти по ученію ислама не можетъ останавливать вѣрующаго, ибо въ предопредѣленный часъ смерть должна постигнуть человѣка, гдѣ бы онъ ни находился, хотя бы за стѣнами укрѣпленій. Такъ воинствующій исламъ началъ свои наступательныя дѣйствія противъ византійской имперіи сейчасъ же по смерти Магомета.



ГЛАВА IX.

МУСУЛЬМАНСТВО И ВИЗАНТІЯ.

Въ высшей степени важно выяснить начало сношеній и враждебныхъ столкновеній между арабами и христіанской имперіей. Еще въ 629 г., будто бы, Магометъ обращался съ посланіемъ къ царю, предлагая ему подчиниться новому вѣроученію. Если это преданіе и не имѣетъ подъ собой реальной почвы, то, во всякомъ случаѣ, характеризуетъ настроеніе первоначальныхъ дѣятелей и политическую миссію мусульманства. Слѣдуетъ припомнить, что въ Византіи въ это время царствовалъ Ираклій, военный геній высокаго качества, нанесшій неизлѣчимую рану персидскому царству и умѣвшій прекрасно использовать матеріальныя средства, какія могла дать Византія. Понялъ ли Ираклій все значеніе организовавшейся въ его время политической силы въ Аравіи, или нѣтъ? Изъ тѣхъ мѣропріятій, какія онъ принялъ для защиты Сиріи отъ арабскихъ вторженій, можно скорѣй заключить, что византійскій императоръ не распозналъ въ арабахъ серіознаго врага и поэтому не считалъ нужнымъ выступить противъ него со всѣми средствами, какими имперія могла бы располагать въ послѣдніе годы его жизни, послѣ побѣдоносной войны съ персами. Къ сожалѣнію, извѣстія о первыхъ столкновеніяхъ арабовъ и грековъ въ Сиріи до такой степени скудны или переполнены фантастическими измышленіями торжествовавшаго побѣдителя, что по нимъ трудно судить о реальной дѣйствительности и о причинахъ, обусловливавшихъ успѣхъ арабовъ и пораженія византійцевъ. Правда, въ нѣскольких случаяхъ положительно отмѣчается измѣна со стороны начальниковъ греческихъ гарнизоновъ, и добровольный переходъ на сторону мусульманъ осажденныхъ крѣпостей. Подобныя явленія на-

ходятъ себѣ объясненіе въ дурной системѣ византійскаго управленія, въ религіозныхъ притѣсненіяхъ и въ суровыхъ денежныхъ поборахъ, которые побуждали искать лучшихъ условій жизни подъ арабскимъ господствомъ. Съ другой стороны, матеріальныя выгоды войны въ странахъ съ богатой и старой культурой, военная добыча изъ взятыхъ городовъ, въ значительной части поступавшая въ распоряженіе воиновъ, наконецъ, воинственный характеръ арабскаго населенія, привыкшаго къ постоянной войнѣ,—все это были весьма благопріятныя условія для объясненія невѣроятныхъ успѣховъ арабскихъ завоеваній въ Сиріи, Палестинѣ и Месопотаміи.

Выше было говорено, что на границѣ имперіи съ независимыми арабскими племенами постепенно возникали полузависимыя отъ Византіи вассальныя княженія, правители которыхъ обязывались оберегать границы и служить имперіи за опредѣленныя денежныя выдачи. Таково было княжество Гассанидовъ на сѣверо-востокѣ Аравіи, въ сосѣдствѣ съ Сиріей; таково же было княжество Лахмидовъ на сѣверо-западѣ Аравіи по теченію Тигра, служившее раздѣломъ между Персіей и Аравіей. Населеніе этихъ владѣній принадлежало къ арабскому племени, но, вслѣдствіе продолжительныхъ культурныхъ вліяній изъ сосѣднихъ имперій, вело уже осѣдлый родъ жизни и скорѣй примыкало къ персамъ и грекамъ, чѣмъ къ бедуинамъ, по своимъ склонностямъ и роду жизни. Первыя попытки привлеченія этихъ полукультурныхъ племенъ въ новый религіозный и политическій союзъ, основанный Магометомъ, привелъ арабовъ къ военнымъ столкновеніямъ съ Византіей, которая не могла быть холодной зрительницей того, какъ вассальному княжеству Гассанидовъ начали угрожать арабскія завоеванія. Первыя попытки проникнуть въ Сирію относятся еще ко времени Магомета. Въ 628 г. арабы неосторожно прошли до Мертваго моря, гдѣ при Мутѣ трехтысячному отряду ихъ нанесено было сильное пораженіе. Абубекръ движеніемъ на Сирію хотѣлъ занять умы сильно волновавшихся арабовъ и отвлечь ихъ вниманіе отъ внутреннихъ споровъ о наслѣдствѣ по случаю смерти Магомета.

Въ началѣ 634 г. [1]), по усмиреніи повстанцевъ, Абубекръ послалъ Халида ибнъ Саида съ 7-тысячнымъ отрядомъ въ Сирію противъ грековъ и союзныхъ съ ними арабовъ. Этотъ походъ пользовался такой

[1]) Weil, „Geschichte der Chalifen". Mannheim, 1846, I, S. 37.

большой популярностью, что скоро составилось еще нѣсколько отрядовъ охотниковъ идти въ Сирію, чтобы вести войну съ невѣрными и отомстить за пораженіе при Мутѣ. Съ теченіемъ времени посланы были такимъ образомъ еще три отряда въ помощь первому. Но раздѣленіе власти между многими вождями было препятствіемъ къ успѣшнымъ военнымъ дѣйствіямъ, хотя Абубекръ, въ надеждѣ на легкую побѣду, назначилъ для каждаго отряда особенную цѣль. Такъ, Абу-Убейда долго оставался подъ Босрой. на границѣ пустыни и Палестины, въ виду энергичнаго сопротивленія, оказаннаго ему жителями города, между тѣмъ какъ Халидъ ибнъ Саидъ прошелъ до Дамаска и потерпѣлъ здѣсь полное пораженіе. Чтобы придать больше единства мусульманскимъ предпріятіямъ и быть въ состояніи выступить противъ непріятеля большими массами. Абубекръ отказался отъ ранѣе составленнаго плана и приказалъ отдѣльнымъ вождямъ идти на соединеніе и, кромѣ того, потребовалъ отъ военачальника Халида ибнъ Мелида, который велъ самостоятельныя военныя дѣйствія въ Персіи, помощи сирійскимъ войскамъ. Слѣдствіемъ подобныхъ мѣръ было то, что арабамъ сдалась Босра, и что они могли сосредоточить свои силы на осадѣ главнаго города Сиріи, богатаго и торговаго Дамаска. Императоръ Ираклій собралъ значительное войско для защиты Сиріи, но оно было разбито арабами лѣтомъ 633 года близь Дамаска; новое войско, состоявшее изъ 80 тысячъ, встрѣтилось съ арабами на рѣкѣ Ярмукъ, въ небольшомъ разстояніи отъ Тиверіадскаго озера. Здѣсь арабамъ въ первый разъ предстояло сразиться съ многочисленной и организованной арміей, и здѣсь въ особенности могло имѣть гибельныя послѣдствія соперничество между вождями. Халидъ ибнъ Саидъ, превосходя другихъ умомъ и храбростью и понимая важное значеніе предстоящихъ событій, убѣждалъ своихъ товарищей пожертвовать личнымъ самолюбіемъ и подчиниться начальству того, кто будетъ избранъ на то общимъ голосомъ. Вожди согласились избрать эмиромъ Халида и выполнили тотъ планъ сраженія, какой имъ былъ предложенъ. Битва при Ярмукѣ была одной изъ самыхъ кровопролитныхъ въ исторіи арабскихъ войнъ. Три раза мусульмане должны были отступать передъ натискомъ византійской конницы и снова вступать въ бой, такъ какъ стоявшія сзади жены не допускали ихъ до безпорядочнаго бѣгства. Наконецъ, Халиду удалось отрѣзать непріятельскую конницу отъ пѣхоты и ударить всѣми

силами на византійскій лагерь, расположенный между рѣкой и близьлежащими горами. Пораженіе христіанъ было полное, ибо часть потонула въ рѣкѣ, другая часть погибла отъ меча мусульманъ. Одержанной при Ярмукѣ побѣдой арабы обезпечили за собой успѣхъ послѣдующаго завоеванія Сиріи.

Дальнѣйшій ходъ событій падаетъ на время калифа Омара (634—644), который приказалъ сирійскимъ отрядамъ осаждать Дамаскъ. Абу-Убейда, стоявшій во главѣ осаждавшаго отряда, выдѣлилъ небольшія части изъ него, чтобы наблюдать за греческимъ войскомъ, посланнымъ на выручку Дамаску, и поставилъ городъ въ отчаянное положеніе. Начальникъ дамасскаго гарнизона, родственникъ царской семьи Ѳома, пытался воодушевить жителей города на борьбу съ мусульманами, обнадеживая ихъ скорой помощью извнѣ. Въ теченіе 70 дней происходили ожесточенныя стычки подъ стѣнами города; но какъ помощь не приходила, то жители Дамаска принуждены были сдаться. Они вступили съ Абу-Убейдой въ переговоры объ условіяхъ сдачи, стараясь выговорить для желающихъ право выйти изъ города, взявъ съ собой свое имущество. Въ это время другой вождь, Халидъ, ворвался въ городъ и началъ безпощадно опустошать его, пока Абу-Убейда не потребовалъ отъ него соблюдать выговоренныя жителями условія сдачи. Такимъ образомъ, главный городъ Сиріи былъ потерянъ для Византіи, при чемъ со стороны Ираклія не было принято чрезвычайныхъ мѣръ къ защитѣ этой важной провинціи. Правда, императоръ слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣлъ изъ Едессы, но нельзя не видѣть, что Босра, Дамаскъ и другіе города оборонялись лишь своими силами или тѣми незначительными гарнизонами, какіе въ нихъ содержались, и что главный вождь византійской арміи, братъ царя Ѳеодоръ, послѣ нанесеннаго ему пораженія при Ярмукѣ, не принималъ болѣе участія въ войнѣ съ арабами. Слѣдуетъ еще замѣтить, что арабы оказались весьма снисходительны къ христіанскому населенію завоеванныхъ городовъ; такъ, въ Дамаскѣ они оставили за духовенствомъ нѣсколько христіанскихъ церквей, ограничившись небольшимъ налогомъ на жителей въ пользу мусульманскихъ благотворительныхъ учрежденій. Судьба Сиріи и Палестины казалась рѣшенной безповоротно; императоръ Ираклій, удаляясь съ Востока въ свою столицу, озаботился тѣмъ, чтобы главная святыня

Іерусалима, Животворящее Древо креста Господня, не попалась въ руки мусульманъ, и перенесъ его въ Константинополь.

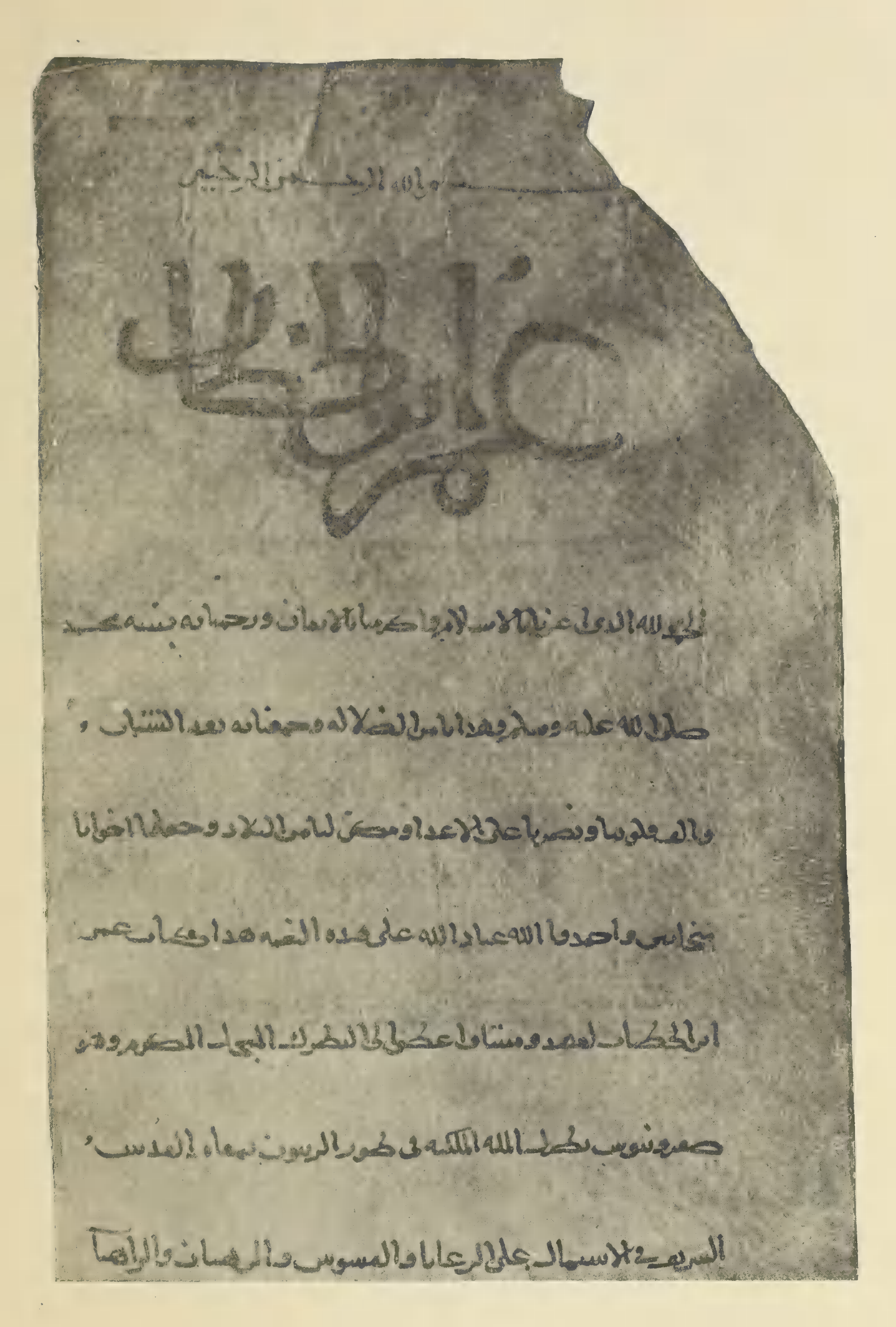
Успѣхамъ арабовъ въ Сиріи и Палестинѣ послѣ паденія Дамаска не было никакихъ преградъ. Вскорѣ были завоеваны Гомсъ, древняя Эмеса, Баальбекъ или древній Иліополь; очередь доходила до Іерусалима. Прежде чѣмъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, арабы вступали въ переговоры съ городскими управленіями, предлагая имъ обсудить нижеслѣдующую формулу, образецъ которой сохранился по случаю переговоровъ съ Газой. „Нашъ повелитель приказалъ начать съ вами войну, если вы не согласитесь принять нашего закона. Присоединяйтесь къ намъ, будьте намъ братьями, и мы не сдѣлаемъ вамъ зла. Если не захотите этого, платите намъ дань, а мы будемъ защищать васъ отъ тѣхъ, кто будетъ вредить вамъ. Если же и на это не согласны, то знайте, что мы будемъ вести съ вами войну до тѣхъ поръ, пока не исполнится воля божія“. — Арабы сдерживали обѣщаніе и давали весьма щедрыя милости тѣмъ городамъ, которые сдавались имъ безъ сопротивленія. И любопытно отмѣтить, что въ Месопотаміи, на почвѣ персидской державы, арабы не имѣли такихъ легкихъ побѣдъ, какъ въ областяхъ Византійской имперіи. Съ другой стороны, не бывало случая, по крайней мѣрѣ, въ первые годы арабскихъ завоеваній, чтобы персы, перешедши подъ власть арабовъ, непосредственно обращались въ мусульманство, между тѣмъ какъ во владѣніяхъ византійскаго императора эти случаи были не рѣдки. „Въ религіозномъ отношеніи—говоритъ по этому случаю Вейль [1])—христіане, переходя подъ власть мусульманъ, только выигрывали въ свободѣ, ибо магометане не вмѣшивались въ ихъ духовныя дѣла, а что касается политической стороны, то вѣрные разъ данному слову калифы довольствовались очень умѣренной данью, вслѣдствіе чего мусульманское господство было гораздо мягче, чѣмъ власть императора, который въ истинномъ смыслѣ слова высасывалъ кровь изъ отдаленныхъ провинцій. Это обстоятельство объясняетъ ту баснословную легкость, съ какой завоеванъ былъ мусульманами Египетъ“.

Возвращаемся къ побѣдоносному шествію по Сиріи. За подчиненіемъ Дамаска въ 636 г. послѣдовала сдача другихъ городовъ Сиріи. Главное начальство надъ арабскими войсками имѣлъ Абу-

---

1) „Gesch. der Chalifen“, I, S. 104.

Убейда, который изъ Гомса шелъ на сѣверъ Сиріи и взялъ Антіохію и Алеппо. Въ то же время другіе арабскіе отряды имѣли задачей подчиненіе Палестины и занимали приморскіе города отъ Лаодикеи до Газы. Нѣсколько болѣе затрудненій доставила осада Кесаріи и Іерусалима въ 638 г. Іерусалимъ и по своему укрѣпленному положенію, и по своему исключительному значенію въ христіанскомъ мірѣ составлялъ предметъ особеннаго вниманія со стороны арабовъ и потому, что, какъ мѣсто Гроба Господня, онъ имѣетъ священное значеніе и для мусульманъ. Но жители города съ успѣхомъ выдерживали осаду, пока голодъ не заставилъ ихъ вступить въ переговоры. Главная роль здѣсь принадлежала патріарху Софронію, который извѣстенъ своей борьбой противъ монофелитства. Сдача города послѣдовала на весьма выгодныхъ условіяхъ для христіанъ, но понять подробности весьма не легко, такъ какъ извѣстный актъ, излагающій привилегіи, предоставленныя Омаромъ Іерусалиму, не можетъ считаться подлиннымъ актомъ Омара (рис. 85). Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію то, что самъ Омаръ присутствовалъ при заключеніи договора съ христіанами. Преданіе говоритъ, что патріархъ Софроній поставилъ непремѣннымъ условіемъ сдачи Іерусалима личное присутствіе намѣстника пророка, и что Омаръ согласился исполнить это желаніе патріарха Софронія. Простота въ обращеніи и суровый образъ жизни произвели сильное впечатлѣніе на христіанъ, когда они увидѣли, какъ Омаръ — повелитель сильнаго государства — путешествуетъ на верблюдѣ, довольствуясь самымъ необходимымъ для удовлетворенія своихъ потребностей: мѣшокъ съ рисомъ и финиками и сосудъ съ водой. Заключивъ договоръ, Омаръ посѣтилъ Іерусалимъ и сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ знаменитой мечети на мѣстѣ прежняго храма Соломонова (рис. 86). Теперь, что касается привилегій, которыми и доселѣ пользуется патріархатъ, и которыя въ большинствѣ основываются на грамотѣ Омара, то вкратцѣ онѣ заключаются въ слѣдующемъ. Христіане сохраняютъ жизнь и имущества, храмы ихъ неприкосновенны, они пользуются свободой исповѣданія своей вѣры, но не препятствуютъ желающимъ изъ ихъ среды переходить въ мусульманство. Какъ подданные калифа, они должны платить наложенную на нихъ подать. Въ сущности это весьма важныя привилегіи, гарантирующія жизнь и свободу вѣроисповѣданія, на



بسم الله الرحمن الرحيم

عمر بن الخطاب

الحمد لله الذي عزنا بالاسلام واكرمنا بالايمان ورحمنا بنبيه محمد
صلى الله عليه وسلم وهدانا من الضلالة وجمعنا بعد الشتات
والف بين قلوبنا ونصرنا على الاعداء ومكن لنا من البلاد وجعلنا اخوانا
متحابين فاحمدوا الله عباد الله على هذه النعمة هذا كتاب عمر
ابن الخطاب لعهد وميثاق اعطي الى البطريك المبجل المكرم وهو
صفرونيوس بطريك الملة الملكية في طور الزيتون بمقام القدس
الشريف في الاشتمال على الرعايا والقسوس والرهبان والراهبات

Рис. 85. Грамота Омара.

основании которыхъ впослѣдствіи христіане могли пріобрѣсти себѣ и нѣкоторыя гражданскія права.

Почти въ то же время, какъ шли завоеванія въ Сиріи и Палестинѣ, съ неменьшимъ успѣхомъ мусульмане распространялись въ Месопотаміи и Персіи. Полузависимое отъ Персіи арабское владѣніе подъ управленіемъ династіи Лахмидовъ прежде всего должно было испытать на себѣ подъемъ арабской силы, при чемъ Персія, только-что окончившая войну съ Византіей, не въ состояніи была оказать вассальному государству достаточной поддержки. Еще при Абу-Бекрѣ подчинена была Гира и нѣкоторые другіе города, и уничтожено полунезависимое существованіе Лахмидовъ. При Омарѣ военныя дѣйствія въ Месопотаміи поручены были тому же Абу Убейдѣ, котораго военные подвиги мы отмѣтили при изложеніи событій въ Сиріи и Палестинѣ. Въ 634 г., вскорѣ послѣ побѣды надъ греками при Ярмукѣ, мусульмане потерпѣли отъ персовъ пораженіе въ Месопотаміи въ битвѣ, называемой „битва у моста“. Персы не сумѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ вслѣдствіе кровавыхъ переворотовъ и придворныхъ интригъ, которыя надолго отвлекли вниманіе ихъ отъ государственныхъ задачъ. Наконецъ, власть получилъ Іездегердъ, случайно спасшійся отъ общей гибели царскаго дома Сассанидовъ, которому удалось вновь собрать значительное войско для отраженія арабовъ. Омаръ назначилъ въ персидскій походъ заслуженнаго и авторитетнаго вождя, бывшаго въ родствѣ съ Магометомъ, Саадъ ибнъ-Аби-Ваккаса, который явился на персидскую границу съ 30-тысячнымъ войскомъ. Произошла большая битва при Кадесіи въ 636 г., которая окончилась полнымъ пораженіемъ персовъ, и вслѣдствіе которой арабы сдѣлались обладателями Месопотаміи. Эта битва имѣетъ громадное значеніе въ исторіи мусульманства, и арабская поэзія разукрасила сраженіе у Кадесіи разнообразными вымыслами. Для укрѣпленія за собой важной въ военномъ и торговомъ отношеніи области, имѣвшей ключъ къ Персидскому заливу и передававшей въ руки завоевателей одинъ изъ торговыхъ путей въ Индію, арабы построили недалеко отъ сліянія рѣкъ Тигра и Евфрата крѣпость, изъ которой выросъ богатый и торговый городъ Басра, владѣвшій морскими судами и командовавшій Персидскимъ заливомъ.

Слѣдствія утвержденія арабовъ въ Месопотаміи были громаднаго значенія. Для персовъ оставалось мало надежды спасти провинціи,

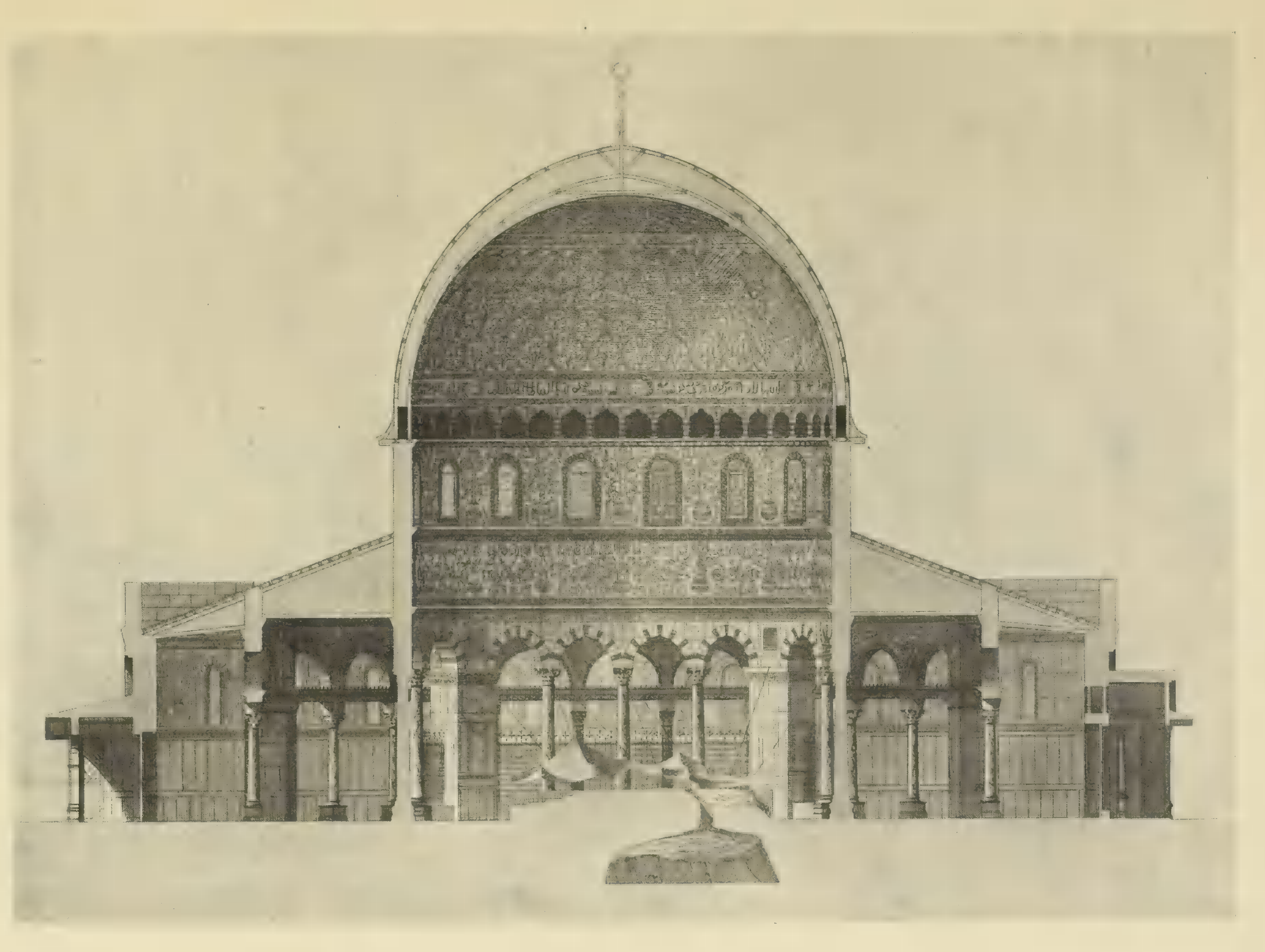


Рис. 86. Мечеть Омара. Разрѣзъ.

лежавшія на востокъ отъ Тигра со столицей Мадаинъ (Ктесифонъ), куда теперь направились замыслы арабскихъ вождей. Хотя Іездегердъ держался нѣкоторое время въ своей столицѣ, но когда арабское войско за Евфратомъ доведено было до 60 000, и когда персидскіе города стали сдаваться арабамъ безъ большого сопротивленія, Іездегердъ принужденъ былъ оставить Мадаинъ и ночью, забравъ небольшую часть сокровищъ, ушелъ въ провинцію Мидію и заперся въ крѣпости Гольванъ, на большой торговой дорогѣ, ведущей въ Багдадъ. Мусульманскій вождь, вступивъ въ огромный и богатый городъ, почти покинутый своими жителями, припомнилъ слова корана, относящіяся къ египтянамъ, утонувшимъ въ Чермномъ морѣ: „Какъ много садовъ покинули они, и ручьевъ и нивъ, какъ много чудныхъ и восхитительныхъ мѣстъ, которыми наслаждались“. Приказавъ снести всѣ оставленныя сокровища въ Бѣлый дворецъ, Аби-Ваккасъ отдѣлилъ пятую часть въ казну на церковныя и благотворительныя учрежденія, а остальное раздѣлилъ между воинами. Добыча оказалась такъ велика и такой цѣны, что на долю каждаго простого воина, принимавшаго участіе въ войнѣ, досталось около 3 т. рублей. Изъ сокровищъ, найденныхъ въ Ктесифонѣ, особенно поразили побѣдителей: золотой конь, серебряный верблюдъ съ золотымъ верблюженкомъ и въ особенности драгоцѣнный коверъ, украшенный дорогими камнями и представлявшій рисунокъ изъ цвѣтовъ, фруктовъ и деревьевъ. Арабы такъ мало понимали въ то время значеніе произведеній искусства, что разрѣзали удивительный коверъ на куски и раздѣлили его между начальными людьми [1]). Взятіемъ Мадаина нанесенъ былъ окончательный ударъ персидскому царству; на всемъ пространствѣ отъ Ниневіи до Сузы арабамъ не было оказано значительнаго сопротивленія, такъ что Персія съ 637 г. могла считаться арабской провинціей. На развалинахъ Ктесифона основанъ былъ арабами городъ Куфа, сдѣлавшійся административнымъ центромъ мусульманской провинціи. Уже въ эти первые годы неимовѣрныхъ успѣховъ арабскаго оружія надъ византійскими и персидскими военными силами появилось новое слово, обозначавшее совершенно новое явленіе—перехода христіанъ въ мусульманство. Таковые переходы были весьма обычны въ первое время арабскихъ завоеваній, особенно въ Сиріи, гдѣ и вошелъ

[1]) Bury, I, 268—9.



Византійская Имперія, т. I.

Лит. Н. Кадушкина С.П.Б.

[illegible] столицей Мадаинъ (Ктесифонъ), куда теперь направились замыслы арабскихъ вождей. Хотя Іездегердъ держался нѣкоторое время въ своей столицѣ, но когда арабское войско за Евфратомъ доведено было до 60000, и когда персидскіе города стали сдаваться арабамъ безъ большого сопротивленія, Іездегердъ принужденъ былъ оставить Мадаинъ и ночью, забравъ небольшую часть сокровищъ, ушелъ въ провинцію Мидію и заперся въ крѣпости Гольванъ, на большой торговой дорогѣ, ведущей въ Багдадъ. Мусульманскій вождь, вступивъ въ огромный и богатый городъ, почти покинутый своими жителями, припомнилъ слова корана, относящіяся къ египтянамъ, утонувшимъ въ Чермномъ морѣ: „Какъ много садовъ покинули они, и ручьевъ и нивъ, какъ много чудныхъ и восхитительныхъ мѣстъ, которыми наслаждались“. Приказавъ снести всѣ оставленныя сокровища въ Бѣлый дворецъ, Аби-Ваккасъ отдѣлилъ пятую часть въ казну на церковныя и благотворительныя учрежденія, а остальное раздѣлилъ между воинами. Добыча оказалась такъ велика и такой цѣны, что на долю каждаго простого воина, принимавшаго участіе въ войнѣ, досталось около 3 т. рублей. Изъ сокровищъ, найденныхъ въ Ктесифонѣ, особенно поразили побѣдителей: золотой конь, серебряный верблюдъ съ золотымъ верблюженкомъ и въ особенности драгоцѣнный коверъ, украшенный дорогими камнями и представлявшій рисунокъ изъ цвѣтовъ, фруктовъ и деревьевъ. [illegible] мало понимали въ то время значеніе произведеній искусства, что разрѣзали удивительный коверъ на куски и раздѣлили его между начальными людьми [1]. Взятіемъ Мадаина нанесенъ былъ окончательный ударъ персидскому царству; на всемъ пространствѣ отъ Ниневіи до Сузы арабамъ не было оказано значительнаго сопротивленія, такъ что Персія съ 637 г. могла считаться арабской провинціей. На развалинахъ Ктесифона основанъ былъ арабами городъ Куфа, сдѣлавшійся административнымъ центромъ мусульманской провинціи. Уже въ эти первые годы неимовѣрныхъ успѣховъ арабскаго оружія надъ византійскими и персидскими военными силами появилось новое слово, обозначавшее совершенно новое явленіе—перехода христіанъ въ мусульманство. Таковые переходы были весьма обычны въ первое время арабскихъ завоеваній, особенно въ Сиріи, гдѣ и вошелъ

[1] [illegible] I, [illegible]



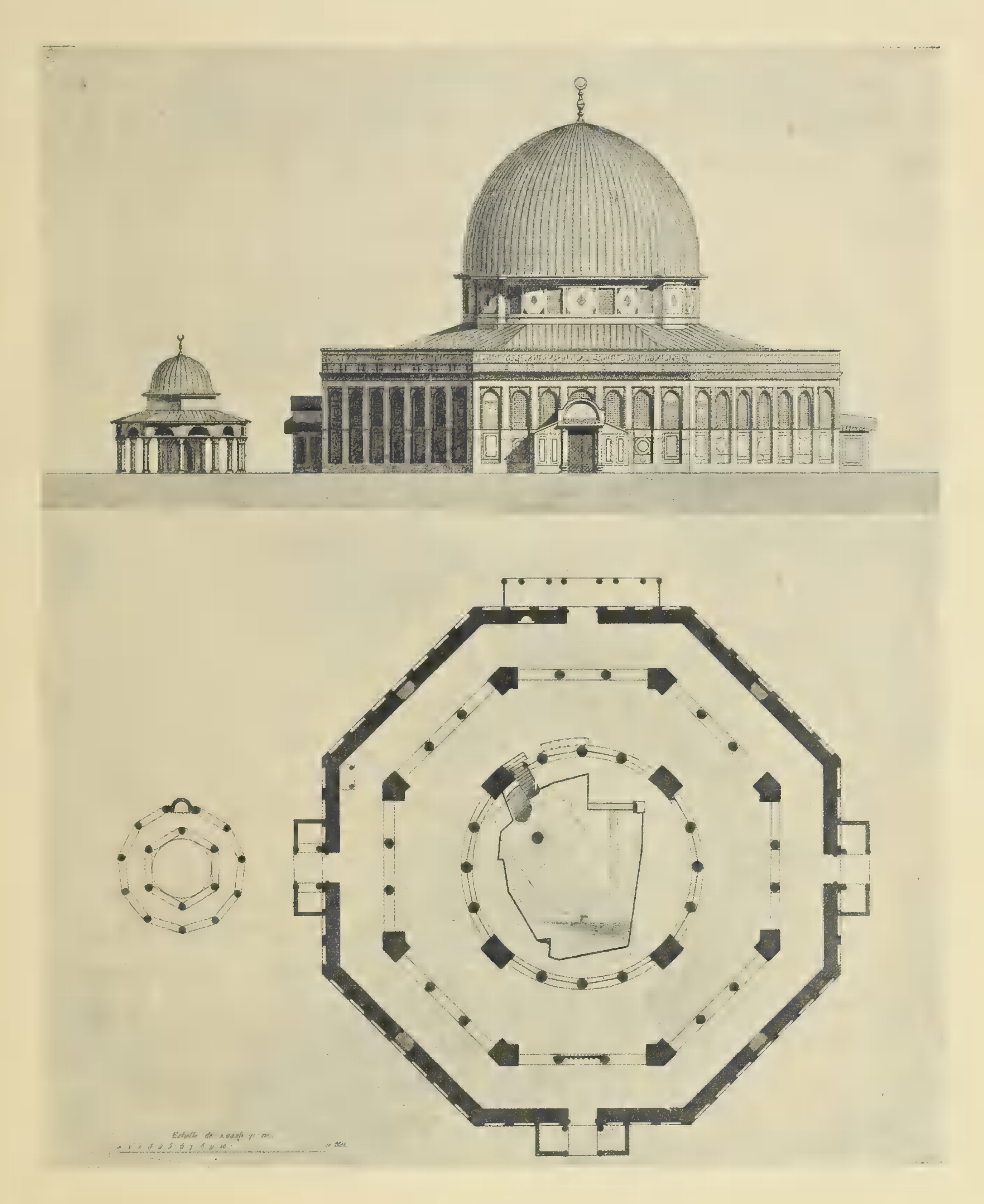


Рис. 87. Планъ мечети. Фасадъ.

въ употребленіе терминъ *μαγαρίτης, μαγαρίζω* для обратившихся въ мусульманство христіанъ.

Арабы готовились перенести свои военныя предпріятія въ Египетъ, гдѣ ихъ ожидали не менѣе блестящіе успѣхи, чѣмъ въ Сиріи и Месопотаміи. Представляется неразрѣшимой загадкой вопросъ о томъ, почему исконные владѣтели такъ легко подпадавшихъ арабскому господству богатыхъ и населенныхъ областей не приняли надлежащихъ мѣръ къ защитѣ и не оказали арабамъ серьезнаго сопротивленія. Если принять въ соображеніе, что занимающія насъ событія относятся къ царствованію Ираклія, который обнаружилъ безпримѣрные таланты искуснаго полководца въ войнахъ съ персами и въ защитѣ столицы отъ нападеній аваровъ и славянъ, то слабость византійскаго военнаго напряженія, обнаруженная въ столкновеніяхъ съ арабами, должна казаться еще болѣе загадочной. Какъ-будто у Ираклія не стало болѣе ни людей, ни денегъ для отраженія гораздо болѣе важнаго врага, чѣмъ персы; какъ-будто въ Константинополѣ изсякло религіозное одушевленіе въ виду неимовѣрныхъ пораженій, испытанныхъ имперіей одинаково какъ на полѣ брани, такъ и въ области религіозныхъ убѣжденій. Мусульмане выступали не только противъ политической власти византійскихъ императоровъ, но и противъ христіанской имперіи; совмѣстное существованіе мусульманства и христіанства казалось бы невозможнымъ, такъ какъ та и другая религіи имѣютъ притязаніе на міровластительство. Выяснить съ достаточной рельефностью роль царя Ираклія въ событіяхъ послѣдняго десятилѣтія его царствованія далеко еще не удалось историкамъ, такъ какъ нельзя же успѣхи арабовъ объяснять истощеніемъ имперіи послѣ персидскихъ походовъ. Напротивъ, арабы обогащались, дѣлая завоеванія въ богатыхъ и культурныхъ областяхъ, такъ какъ находили вездѣ большую добычу въ деньгахъ и дорогихъ предметахъ. Попытаемся разсмотрѣть нѣкоторыя подробности первыхъ столкновеній между мусульманами и христіанами.

Прежде всего успѣху мусульманъ въ византійскихъ областяхъ содѣйствовали во многихъ случаяхъ іудеи, подвергавшіеся крайнему преслѣдованію въ Византіи и искавшіе защиты и покровительства у мусульманъ. Въ Іерусалимѣ и Эдесѣ происходили страшныя сцены убійства и насилія надъ іудеями, которые охотно служили арабамъ противъ грековъ, надѣясь подъ господствомъ первыхъ на лучшее

устройство судьбы. Въ рядахъ арабскихъ отрядовъ поэтому было всегда значительное число іудеевъ, прекрасно знавшихъ страну и мѣстныя условія и оказавшихъ громадныя услуги завоевателямъ. Слѣдуетъ, далѣе, взвѣсить то обстоятельство, что самъ Ираклій ни разу не становился во главѣ войска, назначеннаго дѣйствовать противъ арабовъ. Хотя, начиная съ 632 года, т.-е. съ первыхъ мусульманскихъ походовъ въ Сирію, Ираклій находился поблизости отъ театра военныхъ дѣйствій, именно въ Эдессѣ и Дамаскѣ, но поручилъ войско полководцу Сергію, который при Газѣ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Начальникъ Босры Романъ, напуганный предложеніемъ сдать городъ, убѣждаетъ своихъ подчиненныхъ согласиться на требованіе платить небольшую дань и во время сраженія измѣннически предаетъ городъ врагамъ. Во время начавшейся осады Дамаска Ираклій отступилъ на сѣверъ и слѣдилъ за ходомъ дѣлъ изъ Эдессы; при этомъ значительную роль играли стѣнобитныя машины, приготовленныя для арабовъ перебѣжчиками изъ византійскаго лагеря. Посланный на помощь Дамаску братъ царя Ѳеодоръ былъ разбитъ арабами, между тѣмъ арабы вступили въ переговоры съ осажденными и обѣщали имъ въ случаѣ сдачи значительныя привилегіи, какими и воспользовался сдавшійся арабамъ Дамаскъ. Послѣ сдачи этого города Ираклій перешелъ въ Антіохію и назначилъ начальникомъ своихъ отрядовъ перса Ваана.

Послѣ потери Дамаска Ираклій видимо потерялъ надежду на благопріятный исходъ дѣлъ въ Сиріи и Палестинѣ. Трусость, измѣна и предательство были почти обычными явленіями въ исторіи арабско-греческой войны. У Ираклія недостало энергіи вооружиться противъ крайней деморализаціи, какая овладѣла большинствомъ его подданныхъ, да и самъ онъ становился жертвой болѣзненныхъ предчувствій. Постигшее Палестину страшное землетрясеніе и появленіе кометы въ видѣ копья, обращеннаго на Константинополь, тревожило умы и лишало послѣднихъ надеждъ на благопріятный исходъ событій. Къ этому присоединились непріятности въ собственной семьѣ Ираклія и угрызенія совѣсти за незаконный бракъ съ Мартиной, въ которомъ многіе хотѣли видѣть причину всѣхъ несчастій, постигшихъ имперію. Находясь въ крайне удрученномъ состояніи, Ираклій собралъ въ антіохійскомъ храмѣ духовенство и народъ и совѣтовался съ нимъ на счетъ переживаемыхъ событій. Раздался голосъ одного старца,

присутствовавшаго въ собраніи: „мы терпимъ справедливое воздаяніе за наше забвеніе евангелія, за безпорядки, ссоры, насилія и за отдачу денегъ въ ростъ". Императоръ принялъ эти слова сказанными на свой счетъ, склонилъ голову и подумалъ, что своимъ присутствіемъ онъ вредитъ дѣлу вѣры Христовой. Въ этихъ расположеніяхъ, свидѣтельствующихъ о крайнемъ нравственномъ ослабленіи, Ираклій рѣшился возвратиться въ Константинополь. Что онъ считалъ положеніе дѣлъ вполнѣ безнадежнымъ, видно изъ того, что, принимая это рѣшеніе, онъ отправился предварительно въ Іерусалимъ и взялъ съ собой драгоцѣнную христіанскую святыню, недавно имъ же освобожденную изъ персидскаго плѣненія, Честное Древо креста Господня. Говорятъ, что, оставляя Сирію, Ираклій нѣсколько разъ повторилъ съ глубокимъ горемъ: „Прощай Сирія, прощай на всегда"!

Но въ ближайшемъ будущемъ предстояли новыя потрясенія. Западная граница имперіи опиралась на завоеванія въ Африкѣ, сдѣланныя еще при Юстиніанѣ, ровно за сто лѣтъ передъ тѣми событіями, къ изложенію которыхъ здѣсь мы приступаемъ. Послѣ легкихъ побѣдъ надъ Гелимеромъ Юстиніанъ въ 534 г. торжественно заявилъ, что по милосердію Божію присоединены къ имперіи Африка, Ливія и всѣ тамошнія провинціи. Фактически это не соотвѣтствовало дѣйствительному положенію дѣлъ, такъ какъ власть императора простиралась лишь до Нумидіи, а западныя провинціи до Гибралтара (три Мавританіи) оставались, за исключеніемъ нѣсколькихъ приморскихъ мѣстъ, внѣ вліянія имперіи. Кромѣ того, предстояло удовлетворить разнообразныя притязанія африканскаго населенія. Извѣстно, что съ вандалами византійское правительство мало церемонилось: они частью были перебиты, частью выселены въ азіатскія провинціи, образовавъ тамъ особые полки, частью наконецъ, лишены имущественныхъ и гражданскихъ правъ [1]). Что касается романскаго населенія и интересовъ католической церкви, въ этомъ отношеніи Юстиніанъ расточалъ щедрыя милости, о которыхъ громко свидѣтельствуютъ признанія епископовъ, собравшихся на соборѣ въ Карѳагенѣ и выражавшихъ свою радость по случаю возстановленія императорской власти въ Африкѣ. Но при всемъ томъ въ завоеванной провинціи дѣла обстояли не совсѣмъ благополучно. Туземцы Нумидіи и Мавританіи, раз-

---

[1]) Diehl, „L'Afrique Byzantine". Paris, 1896, I, p. 36 squ.

личныя колѣна берберійскаго происхожденія хранили выжидательное положеніе и, принявъ подданство императора и давъ ему заложниковъ, группировались около своихъ племенныхъ князей и выжидали удобнаго случая, чтобы показать свою самостоятельность и напасть на города и селенія, принадлежавшія культурному романскому элементу. Означенныя колѣна имѣли уже довольно прочную организацію, составляя значительные союзы колѣнъ подъ одною военною властью и будучи въ состояніи выставить въ случаѣ нужды до 30 тысячъ конныхъ воиновъ. Мѣстныя кочевыя и полузависимыя племена были въ состояніи свергнуть византійское господство, если бы между ними было больше согласія и сознанія общихъ интересовъ. Только благодаря взаимной враждѣ племенъ и кровавой мести, византійскому главнокомандующему удавалось имѣть дѣло не съ цѣлымъ народомъ, а съ отдѣльными колѣнами и въ каждомъ частномъ случаѣ получать перевѣсъ надъ врагомъ. Вслѣдствіе назначенія въ Африку опытныхъ и энергичныхъ генераловъ, патрикіевъ Соломона и Германа, которымъ вручалась гражданская и военная власть, Юстиніану удалось потушить возстаніе берберійскихъ племенъ, къ которымъ присоединилась и часть войска, и послѣ рѣшительныхъ побѣдъ, одержанныхъ надъ повстанцами въ 539 году, дать вновь завоеванной провинціи сравнительное спокойствіе, безопасность и благосостояніе.

Послѣ Юстиніана значеніе африканскихъ владѣній пріобрѣтало большее и большее значеніе вслѣдствіе естественныхъ богатствъ, мира и высокой культуры, какою пользовалась эта страна, находившаяся далеко отъ центра, а равно вслѣдствіе экономической зависимости Константинополя отъ подвоза хлѣба изъ африканскихъ портовъ. Въ виду признанія исключительной важности западныхъ владѣній имперіи правительство императора Маврикія рѣшило ввести въ администраціи Африки важныя реформы, подчинивъ ее одному лицу, въ рукахъ котораго соединена была гражданская и военная власть, съ титуломъ экзарха. Такимъ образомъ на западѣ рядомъ съ Равеннскимъ экзархатомъ возникъ Африканскій, къ которому были причислены слѣдующія области: проконсульская провинція, Бизацена, Нумидія и Мавританія, острова Сардинія и Корсика [1]. Въ началѣ

[1]) Diehl. „L'Afrique Byzantine", p. 469.

VII в. африканскій экзархатъ имѣлъ во главѣ патрикія и экзарха Ираклія, который достигъ въ Африкѣ почти неограниченной власти во время правленія Фоки, и котораго сынъ, освободивъ имперію отъ тиранніи Фоки, вступилъ на престолъ въ 610 г. Въ этихъ событіяхъ съ особенной ясностью выступила чрезвычайно важная роль провинціи Африки и стоявшей во главѣ провинціи фамиліи Ираклієвъ. Такъ какъ въ движеніи противъ Фоки участвовали не только регулярныя африканскія войска, но и контингенты отъ полузависимыхъ мавританскихъ и берберійскихъ племенъ, то понятно, что успѣхъ революціоннаго движенія, выдвинувшій Ираклія, тѣснѣй скрѣпилъ африканскій экзархатъ съ имперіей и объединилъ въ общей идеѣ подчиненія потомкамъ Ираклія разноплеменный составъ экзархата. Нельзя здѣсь не вспомнить того обстоятельства, что разъ, находясь въ отчаянномъ положеніи вслѣдствіе угрожающаго положенія отъ персовъ, Ираклій принялъ рѣшеніе въ 619 г. оставить Константинополь и перенести столицу имперіи въ Карѳагенъ. Только настоятельныя увѣщанія патріарха Сергія и просьбы населенія удержали царя отъ принятаго рѣшенія. Особенное вниманіе Ираклія къ африканскому экзархату видно и въ томъ, что управленіе имъ довѣрялось царскимъ родственникамъ, пользовавшимся исключительнымъ довѣріемъ Ираклія. Таковъ экзархъ Никита, двоюродный братъ царя, сынъ его дяди Григорія. Впослѣдствіи во главѣ экзархата былъ сынъ упомянутаго Никиты. До какой степени не прочно было положеніе столицы имперіи въ виду постоянныхъ угрозъ со стороны персовъ и аваро-славянъ и какъ въ этомъ отношеніи Западъ, гдѣ уже прекратились волненія и передвиженія народовъ, представлялъ болѣе безопасности и спокойствія сравнительно съ Востокомъ, видно на примѣрѣ императора Константа II, который въ 662 г. пытался перенести столицу въ Римъ и въ теченіе шести лѣтъ жилъ въ Сициліи, управляя отсюда восточными дѣлами. Подъ мудрымъ управленіемъ экзарховъ провинція Африка достигла въ VII в. высокаго благосостоянія и богатства. Христіанская проповѣдь имѣла большой успѣхъ между язычниками и пріобщила къ культурнымъ областямъ многочисленныя языческія племена Бизацены и Мавританіи, епископы новообращенныхъ странъ принимали участіе въ соборахъ, собиравшихся въ Карѳагенѣ. Торговля и промышленность африканскихъ областей, сношенія съ Египтомъ и съ Сициліей обогащали страну и создавали изъ нея непрерывающуюся цѣпь цвѣтущихъ

селеній и городовъ [1]). Первыя впечатлѣнія арабовъ при ознакомленіи съ Египтомъ и Африкой полны энтузіазма и изумленія передъ богатствомъ городовъ, роскошной природой и множествомъ добычи, какая доставалась завоевателямъ.

Первыя попытки арабовъ проникнуть въ Египетъ относятся къ 634 г., когда еще не было окончено завоеваніе Персіи, Сиріи и Палестины. Но на сей разъ опасность миновала. Ираклій сосредоточилъ всѣ силы, какими располагала Африка, и приказалъ стратигу Пентаполя идти на встрѣчу врага. Можетъ-быть, сдѣланы были нѣкоторыя послабленія въ пользу берберовъ, которымъ предоставлены незащищенныя области. По свидѣтельству арабскихъ источниковъ, къ тому времени византійцы постепенно отступали передъ туземцами, переводя свои гарнизоны въ большіе города и оставляя туземному населенію равнины и открытыя мѣста и довольствуясь болѣе или менѣе призрачной властью надъ прежними подданными, почти достигшими независимости [2]). Существенными недостатками византійскаго господства, подтачивавшими въ самомъ основаніи авторитетъ власти христіанскаго императора, была финансовая система, въ особенности же упорная церковная политика, стремившаяся къ проведенію единства въ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Большинство египетскаго населенія принадлежало къ монофизитскому толку, въ особенности въ верхнемъ и среднемъ Египтѣ. Императоръ, какъ исповѣдникъ ученія о двухъ естествахъ во Христѣ, всѣми мѣрами стремился провести на Востокѣ идею религіознаго единства и для этого издалъ извѣстную формулу „экѳесисъ", которою имѣлъ въ виду сблизить враждующія партіи. Къ несчастью, его религіозная политика встрѣтила большое недовольство въ Африкѣ, гдѣ ученіе о двухъ естествахъ и воляхъ сдѣлалось символомъ господствующей византійской политической и народной партіи, а монофизитизмъ и моноѳелитство слились съ освободительными притязаніями мѣстнаго африканскаго населенія, въ особенности коптовъ. Ко времени арабскаго вторженія въ Египетъ вражда между коптами и греками въ особенности получила большое напряженіе на почвѣ религіозныхъ несогласій. Такъ какъ мусульманамъ было хорошо извѣстно положеніе дѣлъ въ византійскихъ владѣніяхъ Египта, то понятно желаніе Омара воспользоваться возгорѣвшейся съ новой

[1]) Diehl, p. 529—30.
[2]) Diehl, p. 540.

силой борьбой для торжества религіи пророка. Считая, однако, это предпріятіе весьма серіознымъ, Омаръ не сразу уступилъ настоятельнымъ требованіямъ лучшаго тогдашняго полководца, уже получившаго извѣстность завоеваніями въ Палестинѣ, Амру-ибнъ-Аасъ, который считалъ нужнымъ предпринять походъ въ Египетъ. Говорятъ, что Омаръ послалъ арабскому вождю слѣдующее письмо касательно похода: „если это письмо попадетъ въ твои руки прежде, чѣмъ вступишь въ египетскую землю, то воротись назадъ; а если уже ты перешелъ границу, то продолжай походъ“. Амру прочиталъ это письмо уже по переходѣ за границу и на собственный страхъ пошелъ къ столицѣ фараоновъ, Мемфису. Первый укрѣпленный пунктъ, въ которомъ находился гарнизонъ, оказавшій сопротивленіе арабамъ, былъ въ Фармѣ (Пелузій) поблизости нынѣшняго Портъ-Саида. Здѣсь Амру простоялъ 30 дней и взялъ городъ при помощи коптовъ. Затѣмъ черезъ Бильбейсъ арабскій вождь направился къ Вавилону, на лѣвомъ берегу Нила, гдѣ получилъ изъ Аравіи значительныя подкрѣпленія. Эта мѣстность находится поблизости отъ нынѣшняго Каира и получила важное значеніе въ исторіи мусульманскаго господства въ Египтѣ, какъ столица арабскихъ завоевателей. Вскорѣ по завоеваніи Вавилона арабы получили прочныя основанія для своей власти въ расположеніи мѣстнаго населенія, которое подъ предводительствомъ вліятельнаго и богатаго Мукавка вошло съ завоевателями въ соглашеніе на счетъ условій подчиненія коптовъ арабамъ. Требованія арабскаго вождя были умѣренны, ибо, не посягая на свободу вѣрованія коптовъ, Амру ограничился назначеніемъ умѣренной поголовной подати, собираемой только съ взрослаго мужского населенія. Полагаютъ, что число обложеннаго этой податью населенія доходило до 6 милліоновъ [1]). Греческое и романизованное пришлое населеніе принуждено было спасаться въ укрѣпленныя мѣста и, главнымъ образомъ, Александрію, куда направился Амру, пользуясь услугами и всяческимъ содѣйствіемъ со стороны мѣстныхъ жителей.

Осада Александріи потребовала со стороны арабовъ много времени и большихъ усилій. Городъ былъ хорошо защищенъ и имѣлъ достаточно гарнизона и съѣстныхъ припасовъ; кромѣ того, пользуясь морскимъ положеніемъ, онъ могъ всегда получать подкрѣпленія и

---

[1]) Weil, „Geschichte der Chalifen“, S. 110.

продовольствіе со стороны моря. Поэтому осада Александріи продолжалась больше года (640—641), и взятіе ея послѣдовало уже по смерти Ираклія, который нѣкоторое время лично принималъ участіе въ защитѣ города. Не одинъ разъ арабы врывались въ городъ, но были съ большимъ урономъ отражены, разъ даже самъ Амру будто бы попался въ плѣнъ и спасся только благодаря особеннымъ обстоятельствамъ. Окончательная сдача Александріи послѣдовала въ концѣ 641 г., когда городъ не только пересталъ получать подкрѣпленія изъ Константинополя, но даже долженъ былъ поступиться частью своего гарнизона по требованію новаго правительства въ Константинополѣ, которое для собственной безопасности стало нуждаться въ египетскихъ войскахъ. Такъ какъ городъ взятъ военной силой, то по отношенію къ жителямъ и имуществу ихъ не имѣли мѣста никакія предварительныя соглашенія; поэтому арабы потребовали у Амру разрѣшенія разграбить городъ и подѣлить добычу между воинами. Но калифъ Омаръ отдалъ приказаніе поступить относительно Александріи съ тою же мягкостью, какъ арабы относились тогда вообще къ населенію во вновь завоеванныхъ земляхъ, т.-е. ограничиться поголовной и поземельной податью. Александрія была самымъ большимъ и богатымъ городомъ, какой только находился во власти арабовъ; это былъ городъ съ 4 тысячами дворцовъ, съ такимъ же числомъ бань, съ 400 театровъ и со множествомъ торговыхъ людей. Арабскій вождь заявилъ желаніе основать въ Александріи свое пребываніе, но Омаръ предпочиталъ лишить Александрію ея первостепеннаго въ Египтѣ значенія и приказалъ основать новый городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ арабскій лагерь во время осады Вавилона. Такъ возникъ Фостатъ, слившійся потомъ съ Вавилономъ и давшій начало знаменитому въ лѣтописи мусульманской исторіи Каиру. Благословенная долина Нила не только доставляла обильное пропитаніе находившемуся при Амру войску, но стала житницей безплодной Аравіи. Еще до завоеванія Александріи, когда Амру стоялъ подъ Вавилономъ, Омаръ потребовалъ у него хлѣбныхъ запасовъ для Медины, и тогда же были отправлены въ Аравію караваны съ хлѣбомъ. Хотя эти караваны, по арабскимъ разсказамъ, были такъ велики, что первый верблюдъ былъ уже въ Мединѣ, когда послѣдній выходилъ изъ Египта, тѣмъ не менѣе чувствовалась необходимость соединить Египетъ и Аравію болѣе удобными и легкими путями сообщенія. Собравъ свѣдѣнія о

существовавшемъ прежде каналѣ между Египтомъ и Краснымъ моремъ, Омаръ приказалъ расчистить его и сдѣлать судоходнымъ. Извѣстно, что этотъ каналъ былъ вырытъ фараонами въ VII в. до Р. Хр., поддерживаемъ былъ персами и римлянами и въ послѣднее время, во время византійскаго господства, оказался запущеннымъ. Безъ особенно большихъ затрудненій Амру въ два года удалось достигнуть того, что египетскіе корабли стали привозить запасы хлѣба прямо въ Аравію.

Въ то же время Амру постепенно распространялъ границы арабскаго господства на западѣ. Берберы—обитатели Ливіи и Пентаполя—легко мирились съ мусульманскимъ господствомъ. Такимъ образомъ Амру и подчиненные ему вожди покорили Барку, Триполь и Сабру. Дальнѣйшему движенію на западъ воспротивился Омаръ, который находилъ небезопаснымъ столь быстрое распространеніе арабовъ особенно въ виду попытокъ со стороны Византіи возвратить снова Александрію. Вслѣдствіе этого завоеваніе Африки послѣдовало нѣсколько позже. Выразительной чертой характера Омара нужно признать крайне суровыя мѣры, принятыя имъ для увеличенія доходовъ, получаемыхъ съ завоеванныхъ провинцій. Сколько ни доставлялось ему сокровищъ и продовольственныхъ средствъ, онъ все находилъ мало и требовалъ отъ своего намѣстника новыхъ взносовъ. Извѣстно, что онъ погибъ отъ руки Фируза, котораго жалобу на несправедливыя вымогательства намѣстника онъ не захотѣлъ удовлетворить.

При калифахъ Османѣ и Али въ арабскихъ владѣніяхъ Азіи и Африки начались большія смуты вслѣдствіе междоусобій, возникшихъ между преемниками Магомета изъ-за власти. Но, тѣмъ не менѣе, движеніе арабовъ изъ нильской долины на западъ постепенно продолжалось вмѣстѣ съ отливомъ христіанскаго населенія, по преимуществу духовенства и монаховъ, бѣжавшаго въ Африку изъ Сиріи и Египта, какъ въ страну, обѣщавшую до извѣстной степени религіозную свободу и безопасность. Въ Карѳагенѣ представителемъ власти императора былъ тогда патрикій Григорій, христіанскія доблести котораго и покровительство, оказываемое благотворительнымъ учрежденіямъ и искавшимъ въ нихъ пріюта бѣглецамъ изъ занятыхъ мусульманами земель, ставится ему въ особую заслугу въ современ-

ныхъ жизнеописаніяхъ святыхъ [1]). Но случилось такъ, что между бѣглецами оказалось много монофизитовъ, которые начали распространять свои неправославныя воззрѣнія между африканскими христіанами. Положеніе дѣлъ еще ухудшилось съ тѣхъ поръ, когда царица-регентша Мартина, управлявшая имперіей по смерти Константина III, дала значительное преобладаніе партіи моноѳелитовъ, вслѣдствіе чего въ Константинополѣ и въ провинціяхъ еретики подняли голову и стали занимать епископскія каѳедры. Главнымъ борцомъ за торжество православія противъ монофизитскихъ и моноѳелитскихъ ученій выступилъ въ Африкѣ извѣстный Максимъ Исповѣдникъ, нашедшій большого цѣнителя и почитателя его богословскаго образованія въ лицѣ тогдашняго правителя провинціи Африки. Религіозная проповѣдь Максима и громадное вліяніе, какимъ пользовался онъ, были причиной возбужденія антидинастическаго направленія, ибо онъ открыто говорилъ, что Господь не будетъ милостивъ къ ромэйской державѣ, пока во главѣ ея находится потомство Ираклія. Подобныя слова падали на весьма воспріимчивую почву, такъ какъ недовольство правительственнымъ деспотизмомъ и вымогательствами никогда не утихало въ этой провинціи.

Въ 645 г. въ Карѳагенѣ происходило публичное состязаніе между бывшимъ константинопольскимъ патріархомъ Пирромъ, сосланнымъ въ Африку, и исповѣдникомъ Максимомъ по поводу вопросовъ вѣроученія. На состязаніи присутствовали экзархъ, епископы и свѣтскіе представители высшаго общества. Моноѳелитское ученіе подверглось безпощадной критикѣ со стороны Максима, и патріархъ Пирръ призналъ себя побѣжденнымъ. Это сопровождалось важными послѣдствіями, возбудившими православное населеніе провинціи. Духовенство Нумидіи, Бизацены и Мавританіи составило соборъ, на которомъ единогласно высказалось противъ новшествъ, проводимыхъ въ Константинополѣ, и анаѳематствовало всѣхъ тѣхъ, кто сдѣлалъ бы попытку коснуться догматовъ, установленныхъ соборами и святыми отцами. Результаты соборныхъ дѣяній сообщены были патріарху и императору Константу II съ просьбой прекратить соблазнъ и возстановить религіозное единство. Къ сожалѣнію, византійское правительство

[1]) Имѣется въ виду, главнымъ образомъ, жизнеописаніе св. Максима; Migne, „Patrologia“, т. XC и XCI, p. 459 и слѣд.

имѣло другую точку зрѣнія на основаніи теоріи церковнаго единства въ имперіи.

При такихъ условіяхъ и при непрочности положенія на престолѣ потомковъ Ираклія, для патрикія Григорія, правившаго отдаленной и богатой провинціей, пропитанной освободительнымъ отъ имперіи движеніемъ, выступилъ во всей обаятельности вопросъ о независимости. Экзархъ не могъ оказаться безучастенъ и къ придворнымъ событіямъ, къ слухамъ объ интригахъ царицы Мартины, низверженію ея и вступленію на престолъ Константа II. И внутреннее состояніе провинціи Африки, и слабость власти въ столицѣ—все внушало патрикію надежду на успѣхъ смѣлаго предпріятія, и онъ провозгласилъ себя императоромъ. Хотя въ управляемомъ имъ экзархатѣ это революціонное движеніе встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ не только со стороны романизованныхъ классовъ, но также и въ массѣ мѣстнаго берберійскаго населенія, тѣмъ не менѣе, экзархъ понималъ громадную важность настоящаго момента и предпочелъ встрѣтить предстоящія событія не въ Карѳагенѣ, а внутри страны, въ укрѣпленномъ городѣ Суфетула. Ближайшая опасность угрожала впрочемъ не со стороны Константинополя, а изъ сосѣдняго Египта. Мы видѣли, что Омаръ пріостановилъ движеніе на западъ своего полководца Амру; преемникъ Омара, калифъ Османъ, въ 647 г. далъ приказаніе Абдаллахъ-ибнъ-Саиду, намѣстнику Египта, идти на Африку. Легкая мусульманская кавалерія, въ которой арабы не имѣли себѣ соперника въ то время, набросилась на незащищенныя мѣста провинціи Бизацены и наносила громадный вредъ крестьянскому населенію. Патрикій Григорій, собравъ большое войско изъ византійскихъ гарнизоновъ и изъ мѣстныхъ племенъ, выступилъ противъ непріятеля въ сопровожденіи своей дочери, которая сражалась съ арабами съ рѣдкимъ мужествомъ и храбростью. Въ равнинѣ Сбейтлы произошла кровавая битва, въ которой византійцы потерпѣли страшное пораженіе, потерявъ своего предводителя экзарха и его дочь, попавшуюся въ плѣнъ. Послѣ одержанной побѣды арабы приступили къ осадѣ города Суфетулы (Сбейтла), который взяли на щитъ и подвергли страшному опустошенію. Дальнѣйшіе успѣхи арабовъ были, однако, пріостановлены въ крѣпкихъ сѣверныхъ городахъ, занятыхъ греками, которыхъ они за слабымъ развитіемъ осаднаго искусства не могли еще съ успѣхомъ осаждать. Вслѣдствіе этого Абдаллахъ охотно со-

гласился на мирные переговоры и очистилъ на этотъ разъ занятую страну, получивъ за то громадную выкупную сумму.

Послѣ изложенныхъ событій арабы не дѣлали попытокъ завладѣть Африкой въ теченіе значительнаго періода времени. Внутренніе раздоры въ калифатѣ и переходъ власти къ племени Омейядовъ въ потомствѣ Абу-Суфіана отвлекли вниманіе арабовъ отъ внѣшнихъ предпріятій почти на 20 лѣтъ. Новое серіозное движеніе изъ Египта обнаруживается въ первый разъ только въ 659 году, когда калифъ Моавія для похода въ Африку назначилъ стараго и испытаннаго въ битвахъ полководца Амру, который разъ уже совершилъ удачный походъ въ эти земли, но былъ пріостановленъ осторожнымъ Омаромъ. Политическое положеніе провинціи послѣ возмущенія экзарха Григорія, повидимому, далеко не улучшилось, и вообще половина VII вѣка въ исторіи Византійской имперіи представляетъ эпоху крайняго ослабленія и упадка матеріальной силы и власти. Императоръ Константъ пытался изданіемъ своей формулы подъ именемъ „Типа“ примирить религіозныя партіи, но возбудилъ противъ себя недовольство и въ особенности въ римскомъ епископѣ, къ которому тѣсно примыкала по своимъ воззрѣніямъ африканская церковь. И тѣмъ болѣе можно пожалѣть о горячности, съ которой обсуждались церковные споры, что Константъ II сознавалъ всю важность переживаемыхъ событій и съ цѣлью противодѣйствія арабамъ и удержанія западныхъ областей въ связи съ имперіей рѣшился на экстренныя средства, перенеся на нѣкоторое время свое пребываніе въ Сицилію и принявъ мѣры къ укрѣпленію Карѳагена и къ усиленію средствъ защиты въ Африкѣ. Къ сожалѣнію, все это требовало новыхъ матеріальныхъ средствъ и вызвало увеличеніе повинностей, которыя ложились тяжелымъ бременемъ на африканскій экзархатъ и усилили раздраженіе противъ власти императора. Когда въ 665 г. арабы готовили большую экспедицію въ Африку, эта страна находилась въ полномъ броженіи: экзархъ былъ изгнанъ изъ Карѳагена и замѣненъ самовольно избраннымъ начальникомъ, туземныя берберійскія племена находились въ анархіи и готовы были охотнѣй подчиниться мусульманамъ, чѣмъ сносить тяжелую зависимость отъ императора. Прочныя завоеванія въ Африкѣ начались послѣ 665 г., когда арабское войско вторглось въ византійскую область и начало опустошать во всѣхъ направленіяхъ Бизацену. Императоръ послалъ

изъ Сициліи отрядъ въ 30 тысячъ подъ предводительствомъ патрикія Никифора, который, однако, не остановилъ арабовъ, но потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе. Богатая добыча, взятая арабами въ этомъ походѣ, и легкость, съ которою удалось имъ выгнать грековъ даже изъ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, внушили имъ увѣренность, что византійская Африка можетъ быть ими занята безъ особенныхъ трудностей. Исполнителемъ воли калифа на этотъ разъ явился Окба-ибнъ-Нафи, который съ 10-титысячнымъ отрядомъ проникъ въ византійскую область. Для ясности изложенія слѣдуетъ сказать, что провинція Африка, или арабскій терминъ „Ифрикія", обнимала, главнымъ образомъ, приморскія области, начиная отъ Египта: частью Пентаполь съ городомъ Барка, далѣе провинцію Триполь, затѣмъ Бизацену, Нумидію, Африку съ Карѳагеномъ и Мавританію или Магрибъ. Пентаполь и Триполь были присоединены къ арабскимъ владѣніямъ вслѣдъ за подчиненіемъ Египта; слѣдовательно, къ экзархату Африки въ занимающее насъ время относились области, начиная съ Бизацены. Такимъ образомъ, всѣ географическіе термины, которые далѣе встрѣтятся въ изложеніи арабскихъ походовъ, относятся къ пограничнымъ мѣстамъ между Триполи и Бизаценой. Во время похода Окбы-ибнъ-Нафи въ 667—668 г. провинція Триполь до острова Джербы перешла уже подъ власть арабовъ, равно какъ и внутренняя полоса земли съ оазисами Уадданъ и Феццанъ. Это была эпоха наибольшаго потрясенія имперіи: насильственная смерть царя Константа II въ Сиракузахъ и появленіе двухъ бунтовщиковъ, объявившихъ себя императорами въ Сициліи и въ Малой Азіи, побудили Константина Погоната собрать всѣ силы, какими располагала имперія, для борьбы съ самозванцами. Это дало возможность арабамъ не только безъ помѣхи распорядиться съ пріобрѣтенными областями, но и обезпечить на будущее время обладаніе значительной частью экзархата.

Съ этой цѣлью Моавія приказалъ Окбѣ утвердиться въ завоеванной области и основать на границахъ Бизацены укрѣпленный лагерь. Арабскій полководецъ увеличилъ свой отрядъ свѣжими силами изъ берберовъ, завоевалъ новыя области на югъ отъ Триполи и двинулся далѣе на сѣверо-западъ къ Бизаценѣ, занявъ Кастилію и Гафсу. Но самымъ смѣлымъ и важнымъ въ стратегическомъ отношеніи было то, что онъ пришелъ къ мысли основать городъ Кайруанъ (670 г.) вблизости отъ морского берега, избравъ его опор-

нымъ мѣстомъ для господства въ Африкѣ и для будущихъ военныхъ предпріятій противъ имперіи. Этотъ городъ возникъ на обширной болотистой равнинѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ Гадрумета и при подошвѣ горъ, которыя защищали византійскую область. Не обращая вниманія на неблагопріятныя условія почвы и на возраженія военныхъ людей, онъ въ теченіе пяти лѣтъ съ настойчивостью занимался устройствомъ города и приготовилъ въ немъ опорный пунктъ для новыхъ завоеваній и убѣжище на случай пораженія. Впослѣдствіи здѣсь образовался прекрасный городъ со множествомъ роскошныхъ мечетей и частныхъ зданій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, важный торговый пунктъ. Что не можетъ не поражать историка, это полное отсутствіе данныхъ для сужденія о томъ, какъ отнеслись византійцы къ постройкѣ Кайруана и предпринимали ли какія попытки, чтобы выбить арабовъ изъ занятой ими позиціи. „Основаніе Кайруана—говоритъ Диль [1])—имѣло неисчислимыя послѣдствія для будущихъ судебъ Африки. Прежде, когда мусульманскія экспедиціи направлялись изъ Египта или изъ Барки, соединенныя съ ними опустошенія при всей ихъ безпощадности были всегда ограничены по времени, и между византійскими владѣніями и арабами образовали заслонъ берберійскія племена Триполи и Бизація, которыя до извѣстной степени ослабляли напоръ враговъ. Теперь, на границахъ самой Проконсульской провинціи возвышалась цитадель, занятая сильнымъ гарнизономъ, откуда будутъ безпрестанныя вылазки противъ крѣпостей, защищающихъ пограничную область (limes), постоянныя опустошенія, нарушающія покой провинціи. Каждая новая экспедиція здѣсь найдетъ безопасное мѣсто для склада добычи; здѣсь въ случаѣ неудачи она имѣетъ возможность запастись свѣжими силами. И между тѣмъ какъ византійская провинція подъ этимъ постояннымъ напоромъ будетъ постепенно приближаться къ погибели, мусульманство побѣдоносно будетъ расширяться изъ Кайруана по всей Африкѣ, и религіозная пропаганда, идя рядомъ съ завоеваніями, укрѣпитъ эти послѣднія. Конечно, еще около 30 лѣтъ византійцы будутъ съ мужествомъ и по временамъ съ успѣхомъ вести борьбу; тѣмъ не менѣе, основаніе Кайруана обозначаетъ рѣшительный поворотъ къ паденію африканскаго экзархата“.

---

[1]) Diehl, „L'Afrique Byzantine“, p. 574.

Окба скоро былъ отозванъ изъ Африки, и на его мѣсто назначенъ Абу-Могаджиръ. Но это не имѣло существеннаго значенія для экзархата, такъ какъ разжалованный генералъ снова вошелъ въ милость калифа и получилъ въ управленіе Африку. Въ 683 г., оставивъ въ Кайруанѣ небольшой гарнизонъ, онъ бросился на западъ, чтобы докончить подчиненіе византійской Африки, и, не принявъ никакихъ мѣръ къ защитѣ отступленія на случай возможной неудачи, неосторожно дошелъ до Мавретаніи, хотя въ тылу у него составился значительный отрядъ изъ берберовъ и остатковъ византійскихъ гарнизоновъ, имѣвшій цѣлью отрѣзать ему отступленіе. Дѣйствительно, когда Окба считалъ кампанію оконченной, дошедши по арабскимъ преувеличеннымъ, конечно, извѣстіямъ до береговъ Атлантическаго океана или до нынѣшняго Танжера, на возвратномъ пути къ Кайруану онъ былъ окруженъ возставшими племенами въ своей стоянкѣ близъ Тегуды, гдѣ палъ геройской смертью. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого пораженія было то, что опорный пунктъ арабовъ въ Кайруанѣ былъ утраченъ, и еще на десять лѣтъ продолжено было въ Африкѣ господство императора.

Наступательное движеніе противъ византійскихъ приморскихъ владѣній въ Африкѣ вновь обнаруживается въ 693 году, когда калифъ Абдъ-ель-Меликъ отдалъ распоряженіе о начатіи дѣйствій противъ Карѳагена. Намѣстникомъ калифа въ Африкѣ былъ Гассанъ-ибнъ-Номанъ, занятый въ то время подготовленіемъ средствъ для борьбы съ обширнымъ союзомъ берберійскихъ племенъ, стоявшимъ подъ управленіемъ храброй царицы, извѣстной подъ именемъ Кагены или волшебницы, которая имѣла среди воинственныхъ горныхъ племенъ громадный авторитетъ. Мусульманскій вождь открылъ кампанію смѣлымъ и рѣшительнымъ движеніемъ противъ главныхъ позицій, остававшихся во власти Византіи на морскомъ берегу, и въ 695 г. осадилъ столицу экзархата Карѳагенъ. Послѣ битвы подъ стѣнами города, въ которой экзархъ потерпѣлъ пораженіе, Карѳагенъ взятъ приступомъ и занятъ мусульманами. Остатки войска и часть романизованнаго населенія искали спасенія въ Сициліи и на островахъ; большинство же населенія взято въ плѣнъ и обращено въ рабство. Но это не былъ еще заключительный актъ исторіи африканскаго экзархата подъ византійской властью. Гассанъ, оставивъ гарнизонъ въ Карѳагенѣ, поспѣшилъ противъ царицы Кагены

которая, спустившись съ горныхъ вершинъ Нумидіи, расположилась лагеремъ въ долинѣ Багайя. Около царицы собрались не только берберійскія племена, но и значительная часть мѣстнаго культурнаго и христіанскаго населенія—всѣ тѣ, для кого не желательно было усиленіе мусульманской власти. Произошла битва на берегахъ рѣчки Уэдъ-Нини, въ которой арабамъ нанесено было страшное пораженіе. Вотъ почему грекамъ снова могло улыбнуться счастье въ Африкѣ. Въ то время какъ Гассанъ испыталъ пораженіе отъ союза берберійскихъ племенъ и, не имѣя средствъ держаться въ завоеванной странѣ, отступилъ въ Пентаполь, къ Карѳагену прибылъ греческій флотъ подъ предводительствомъ патрикія Іоанна и безъ труда овладѣлъ городомъ, возстановивъ въ приморскихъ частяхъ экзархата византійскую власть (697 г.). Но это продолжалось одинъ лишь годъ, потому что въ 698 г. греческій флотъ долженъ былъ отступить изъ Карѳагена подъ угрозой мусульманскихъ морскихъ судовъ. Съ тѣхъ поръ экзархатъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ въ Мавретаніи и Проконсульской провинціи, окончательно подчинился мусульманамъ. Конечно, арабамъ не даромъ досталось утвержденіе въ этой прекрасной и весьма обработанной странѣ, о которой современники занимающихъ насъ событій говорили: отъ Триполи до Танжера вся страна была похожа на садъ. Но съ конца VII в. они научились уже подъ руководствомъ грековъ строить суда и имѣли въ распоряженіи морской флотъ, которымъ пользовались для перевозки людей и военныхъ матеріаловъ во всѣ приморскія мѣста, находившіяся въ ихъ владѣніи. Въ особенности серьезное сопротивленіе нашли арабы въ союзѣ независимыхъ племенъ, во главѣ котораго стояла царица Кагена. Чтобы отстоять свою свободу, эти племена вполнѣ опустошили страну и уничтожили города и крѣпости, дабы не оставить арабамъ средствъ держаться въ разоренной странѣ. Героическая легенда о послѣдней борьбѣ берберовъ съ арабами соединена съ именемъ царицы Кагены, которая не разъ нанесла пораженіе арабамъ и славно погибла въ одной изъ битвъ съ Гассаномъ.

Преемникъ Гассана въ управленіи Кайруаномъ и новой провинціей съ Карѳагеномъ во главѣ, Муса-ибнъ-Носейръ (704 г.), довершилъ покореніе Африки смѣлымъ движеніемъ на западъ и подчиненіемъ приморской страны до крѣпости Септемъ (Танжеръ). Послѣднимъ правителемъ этой самой крайней на западѣ византійской об-

ласти былъ комитъ Юліанъ. Овладѣвъ африканской береговой полосой отъ Египта до Танжера, арабы нанесли громадный ущербъ благосостоянію страны, управляемой экзархомъ. Походы Гассана и Мусы истребили до основанія культуру, уничтожили города и погубили сельское населеніе Африки. Послѣднія берберійскія племена, потерявъ въ постоянныхъ битвахъ съ арабами своихъ вождей, должны были подчиниться завоевателямъ, принять мусульманство и сдѣлаться ревностными приверженцами ислама. Съ арабскимъ завоеваніемъ сѣверная Африка, бывшая христіанской и высококультурной страной, утратила большую часть своего населенія, обращеннаго въ рабство и распроданнаго на базарахъ Востока и обратилась въ пустыню, которую населяютъ бедуины. „Большинство городовъ Ифрикіи, говоритъ арабскій историкъ [1]), опустошены вслѣдствіе сопротивленія, оказаннаго берберами; селенія покинуты жителями, хозяйственныя заведенія сожжены, оросительныя работы запущены". Что касается христіанской церкви, то хотя арабы допустили свободу отправленія религіозныхъ обрядовъ подъ условіемъ платы опредѣленной дани, тѣмъ не менѣе, съ первыхъ же лѣтъ арабскаго завоеванія обращеніе въ мусульманство сдѣлалось весьма обыкновеннымъ явленіемъ, и множество церквей обращено было въ мечети. Впрочемъ, вѣротерпимость не была послѣдовательной и неизмѣнной политикой калифовъ. Такъ, Омаръ II въ 717 г. лишилъ христіанъ ихъ привилегій, и они были обязаны или оставить страну, или принять мусульманство. Часть христіанъ переселилась въ Италію и Францію, большинство же обратилось въ исламъ. Такимъ образомъ, вскорѣ послѣ завоеванія цвѣтущая прежде африканская церковь доведена была до крайняго оскудѣнія.

Въ заключеніе намъ остается ознакомиться съ завоевательными притязаніями ислама, обращенными на малоазійскія владѣнія и на самую столицу Византійской имперіи.

Уже первоначальная исторія побѣдоноснаго расширенія мусульманства представляетъ ясное доказательство того основного положенія, которое проникаетъ самое существо мусульманства какъ религіи и какъ политической системы, что его живой нервъ заключается въ военномъ дѣлѣ, и что самый мудрый калифъ всегда умѣлъ напра-

[1]) Diehl., „L'Afrique Byzanthine", p. 590—591.

влять на новыя военныя предпріятія мусульманскій народъ—войско. Движеніе арабовъ въ Сирію и Месопотамію, завоеванія ихъ въ средней Азіи до Индіи сдѣлали изъ нихъ, по преимуществу изъ легкой кавалеріи арабской арміи, первое въ свѣтѣ сухопутное войско, которое не знало себѣ соперника. Осадное искусство, сначала совсѣмъ имъ неизвѣстное, система обороны и укрѣпленія стана, гдѣ необходимы были знанія техники земельныхъ сооруженій, скоро усвоены ими были отъ сирійцевъ, грековъ и армянъ и стали быть примѣняемы въ войнахъ съ Византіей. Но завоеванія, сдѣланныя въ Египтѣ и въ Африкѣ, вызвали у арабовъ появленіе морскихъ судовъ и постепенно приготовили ихъ къ господству на Средиземномъ морѣ. Въ самомъ дѣлѣ, владѣніе морскимъ берегомъ Африки съ морскими торговыми гаванями нельзя было обезпечить за собой безъ достаточнаго флота, равно какъ почти невозможно было поддерживать сухопутныя сношенія изъ Египта съ Баркой, Карѳагеномъ, Танжеромъ и еще болѣе снабжать эти мѣста гарнизонами, военными запасами и разнымъ продовольствіемъ. А затѣмъ впереди были Кипръ, Критъ, Родосъ и Сицилія и, наконецъ, Константинополь, куда направились жадные взоры калифовъ начиная, съ конца VII вѣка.

Начало знакомства съ морскимъ дѣломъ относится къ половинѣ VII в. (648—649 гг.). Это было смѣлое для арабовъ предпріятіе, на которое они не сразу рѣшились. Говорятъ, что осторожный Омаръ никакъ не соглашался ввѣрить судьбу правовѣрныхъ невѣрной стихіи, и только при его преемникѣ намѣстникъ Сиріи Моавія воспользовался прекраснымъ строительнымъ матеріаломъ, какой представляли финикійскіе лѣса, и изготовилъ значительный флотъ. Первыми строителями и матросами были, конечно, сирійскіе христіане и первое предпріятіе имѣло цѣлью похода на Кипръ. На 1700 судахъ арабы подплыли къ Кипру, взяли главный городъ Констанцію и опустошили весь островъ. На этотъ разъ Моавія не утвердилъ за арабами первое морское завоеваніе, такъ какъ императоръ Константъ послалъ на Кипръ отрядъ морскихъ судовъ, которымъ удалось прогнать арабовъ. Но, начиная съ 650 г., морское господство Византіи на Средиземномъ морѣ начинаетъ подвергаться ограниченіямъ со стороны арабовъ, которые своими набѣгами на малоазійскіе берега причиняли имперіи не малый вредъ. Въ 653 и 654 гг. занятъ арабами Кипръ, и въ то же время непріятельскіе корабли показались въ виду Халкидона, угрожая столицѣ. По

поводу этихъ событій, которыя должны были сильно затронуть современниковъ, у писателя Θеофана есть нѣсколько любопытныхъ извѣстій. Въ 654 г. Моавія, захвативъ Родосъ, низвергъ статую Солнца, знаменитый родосскій колоссъ, и продалъ ее одному торговцу еврейскаго происхожденія изъ города Эдессы, который навьючилъ на 900 верблюдовъ матеріалъ полученный изъ обломковъ статуи. Въ слѣдующемъ году Моавія сдѣлалъ большія приготовленія судовъ и занялся снаряженіемъ ихъ для замышляемаго имъ похода противъ Константинополя. Заготовка судовъ производилась въ Триполи на финикійскомъ берегу. Два мѣстные жителя, родные братья, пылая ревностью по Богѣ, неожиданно напали на трипольскую темницу, въ которой содержалось много плѣнныхъ ромэевъ, взломали ворота и освободили заключенныхъ. Затѣмъ они убили правителя города и его арабскій гарнизонъ и предали огню весь приготовленный для похода запасъ; сами же спаслись бѣгствомъ въ византійскія области. Но арабы не оставили своего намѣренія. Моавія, отправившись походомъ на Кесарію каппадокійскую, поручилъ выполненіе морского предпріятія Авулаθару, назначивъ его адмираломъ флота. Онъ пошелъ по берегамъ Ликіи, гдѣ находился въ то время царь Константъ и вступилъ съ нимъ въ сраженіе. — Несмотря на дурной сонъ, предвѣщавшій пораженіе, императоръ вступилъ съ арабами въ сраженіе и потерпѣлъ сильное пораженіе. Онъ неминуемо попался бы въ плѣнъ, если бы не надѣлъ одежду простого матроса и не перешелъ въ другой корабль.

Таковы были первыя столкновенія съ арабами на морѣ. Дальнѣйшіе успѣхи ихъ пріостановлены были послѣдовавшими въ калифатѣ смутами по смерти Османа и борьбой изъ-за власти. Въ 659—660 г. Константъ заключилъ съ арабами миръ, при чемъ калифъ обязался платить дань [1]).

Съ переходомъ власти калифа къ Моавіи (661 г.) притязанія на обладаніе моремъ и опустошительные набѣги на приморскія области Византіи снова входятъ въ систему арабской политики. Сухопутные набѣги на внутренніе города и опустошенія приморскихъ мѣстъ ставили имперію въ чрезвычайно тяжелое положеніе, такъ какъ лишало культурныя области Малой Азіи постояннаго осѣдлаго населе-

[1]) Theoph., „Chron.", p. 347; Bury (p. 292) толкуетъ это мѣсто, но не убѣдительно.

нія, съ котораго собирались подати, и шла воинская повинность. Съ этого времени входитъ въ политику императоровъ обычай заселять пустопорожнія мѣста на Востокѣ славянскими колонистами, переводимыми изъ областей Балканскаго полуострова, и частью переселенцами изъ Арменіи, чѣмъ придана была малоазійскимъ провинціямъ новая сила, поднявшая экономическія средства и военную силу имперіи. Въ 668 г., со вступленіемъ на престолъ Константина IV Погоната, Моавія возложилъ на своего сына Іезида осуществленіе главныхъ своихъ плановъ на счетъ имперіи. За скудостью данныхъ трудно прослѣдить въ подробностяхъ хорошо согласованныя арабскія предпріятія противъ Константинополя съ суши и съ моря. Въ теченіе семи лѣтъ арабы угрожали столицѣ постоянной опасностью нападенія и осадой съ моря. Предводитель арабскихъ сухопутныхъ силъ, Суфіанъ ибнъ-Ауфъ, пришелъ къ Халкидону съ сухопутнымъ войскомъ, а флотъ вошелъ въ Дарданеллы и высадилъ значительный отрядъ на европейскомъ берегу, близъ Эвдома или въ нынѣшнемъ Макри-кей, за стѣнами города. Этому отряду предстояло осаждать городъ со стороны суши, отъ Мраморнаго моря до Золотого рога. Во всѣ времена одновременное обложеніе Константинополя съ суши и съ моря представляло для города большую опасность, несмотря на крѣпкія его стѣны и искусную систему защиты. Почему на этотъ разъ не удалось предпріятіе, трудно сказать. По всѣмъ даннымъ флотъ подъ начальствомъ Абдъ-Еррахмана прибылъ весной 672 г. Отъ апрѣля до сентября арабы находились въ непрерывныхъ стычкахъ съ гарнизономъ Константинопольскимъ, но, повидимому, не имѣли успѣха. Съ наступленіемъ осеннихъ непогодъ арабскій флотъ снималъ осаду и уходилъ зимовать въ Кизикъ, которымъ овладѣли арабы въ первый годъ осады и которымъ пользовались затѣмъ какъ морской зимней стоянкой. Нѣтъ сомнѣнія, что это давало императору возможность сдѣлать новую заготовку припасовъ и исправить причиненныя врагомъ поврежденія стѣнъ и такимъ образомъ свести на нѣтъ и то немногое, что успѣвали сдѣлать арабы лѣтомъ. Главнымъ успѣхомъ греки обязаны новому военному средству, если не изобрѣтенному въ это время, то впервые примѣненному въ защитѣ Константинополя отъ арабовъ въ 672—679 г. Это средство, извѣстное подъ именемъ жидкаго, водяного или морского огня и чаще подъ именемъ греческаго огня, приписывается сирійскому химику или архитектору по имени Каллинику, сообщив-

шему свой секретъ византійскому правительству, которое сдѣлало изъ него государственный секретъ и долго пользовалось имъ съ большимъ успѣхомъ противъ своихъ враговъ. Константинъ IV построилъ для примѣненія этого изобрѣтенія особыя суда большихъ размѣровъ съ устроенными на нихъ трубами или сифонами для выбрасыванія горючаго вещества. Эти суда назывались сифонофорными, и приближеніе ихъ къ непріятельскому флоту внушало послѣднему чрезвычайный страхъ, такъ какъ выбрасываемый огонь горѣлъ и на водѣ и безпощадно уничтожалъ все, къ чему прикасался [1]).

Хотя секретъ состава знаменитаго греческаго огня остался неизвѣстнымъ, не разъ было высказано мнѣніе, что по существу это былъ составъ, подобный пороху, хотя въ немъ были и другія отличныя отъ пороха свойства, если придавать значеніе описаніямъ поразительнаго дѣйствія состава даже на водѣ. Составъ выбрасывался на непріятельскіе корабли, а равно съ высоты стѣнъ на осаждающаго городъ непріятеля изъ особо устроенныхъ глиняныхъ и наглухо закрытыхъ сосудовъ, которые въ нужное время раскрывались посредствомъ механическаго приспособленія вверху сосуда, и съ силой на значительное разстояніе выбрасывали горючій матеріалъ. Что это не былъ вполнѣ пороховой составъ, видно уже изъ того, что содержался въ глиняныхъ сосудахъ, которые, повидимому, не разрушались и послѣ употребленія состава въ дѣло, какъ это видно изъ множества подобныхъ сосудовъ, находимыхъ еще и по настоящее время. Дѣйствіе состава, во всякомъ случаѣ, было рѣшительное и чрезвычайно губительное для непріятеля. Не только въ дѣлѣ подъ Константинополемъ съ арабами въ 672 и слѣдующихъ годахъ, но и во всѣ средніе вѣка до изобрѣтенія пороха знаменитый греческій огонь игралъ важную роль въ войнахъ Византіи и не разъ спасалъ имперію въ крайней опасности.

Возвращаясь къ арабскимъ походамъ, повторяемымъ каждую весну движеніемъ на Константинополь изъ Кизика, мы должны признать ихъ вполнѣ неудавшимися и соединенными для арабовъ съ громадными потерями. Сознавъ безполезность семилѣтнихъ усилій, арабы должны были отказаться отъ продолженія борьбы и на возвратномъ пути у береговъ Памфиліи близъ Силея испытали сильную

[1]) Theoph., „Chronogr.“, 354.

бурю, которая истребила часть флота, тогда какъ остатки подверглись нападенію со стороны стратига кивиррэотской ѳемы. Наконецъ, и сухопутное войско на обратномъ пути отъ Константинополя сдѣлалось легкой добычей византійскихъ вождей Флора, Петроны и Кипріана, которые убили 30 тысячъ арабовъ. Можно думать, что Византіи осталось воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ дѣлъ и поправить свои дѣла на границахъ Сиріи, гдѣ арабы достигли значительнаго преобладанія. Ослабленіе арабовъ скоро отразилось на состояніи взаимныхъ отношеній въ Сиріи. Христіанское населеніе Ливана, жители горъ, недоступныхъ для арабовъ, извѣстные подъ именемъ мардаитовъ, начали дѣлать нападенія на Сирію и Палестину; со стороны же Малой Азіи заслономъ противъ арабскихъ нападеній начинаютъ быть обширныя славянскія колоніи, организованныя въ ѳемы. Таковы были основанія, побудившія калифа Моавію искать соглашенія съ Константиномъ Погонатомъ, и заключить съ нимъ миръ на 30 лѣтъ. Между условіями этого мира слѣдуетъ въ особенности отмѣтить уплату ежегодной дани въ пользу имперіи.

Это былъ первый успѣхъ христіанской имперіи надъ арабами. Царь Константинъ Погонатъ первый въ длинной серіи византійскихъ царей оказалъ важную услугу христіанству и европейской культурѣ, задержавъ побѣдоносное движеніе арабовъ и поставивъ имъ серіозную преграду въ укрѣпленіяхъ Константинополя. Услуга его была сознана и современниками, что видно изъ словъ лѣтописца [1]), сказавшаго въ повышенномъ настроеніи: „Узнавъ объ этихъ событіяхъ, жители западныхъ странъ, какъ каганъ аварскій и выше его владѣющіе короли, экзархи и кастальды и самые сильные изъ западныхъ народовъ—послали къ царю пословъ съ дарами и просили утвердить миръ и любовь съ ними. Уступая ихъ просьбамъ, царь утвердилъ и съ ними миръ, какъ верховный владыка. И была великая тишина на востокѣ и западѣ“. Подъ нѣсколькими замысловатыми выраженіями, подъ которыми подразумѣваются европейскіе государи VII вѣка, несомнѣнно слѣдуетъ читать и франкскаго короля, и лангобардскихъ герцоговъ Италіи, и, можетъ-быть, вестготскихъ властителей Испаніи. Всѣ эти государи до извѣстной степени были въ сферѣ вліянія имперіи.

---

[1]) Theophanis, p. 356, 2.

Этими событіями, сулившими миръ и спокойствіе тогдашнему историческому міру, мы заканчиваемъ первый томъ исторіи Византіи. Лѣтописецъ помышлялъ о всеобщей тишинѣ при разсказѣ о событіяхъ конца VII вѣка, между тѣмъ сколь далеко было человѣчество отъ этой вожделѣнной тишины, о которой оно мечтаетъ, но къ которой ни мало не приближается на протяженіи цѣлыхъ тысячелѣтій, доступныхъ нашему изученію. И сколько ударовъ готовилъ еще мусульманскій міръ какъ христіанской столицѣ имперіи, такъ и западно-европейскому человѣчеству! Тѣмъ не менѣе

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.






КОНЕЦЪ
ПЕРВАГО
ТОМА